

1811—1911.

ТОВАРИЩИ ПУШКИНА
ПО
ИМПЕРАТОРСКОМУ
ЦАРСКОСЕЛЬСКОМУ ЛИЦЕЮ.

Матеріалы для словаря лицейстовъ

Перваго курса 1811—1817 г.

СОБРАЛЪ И ИЗДАЛЪ
НИКОЛАЙ ГАСТФРЕЙНДЪ.

ТОМЪ II.

11. О. О. Матюшкинъ.	15. Баронъ А. А. Дель-
12. А. Д. Илличевскій.	вигъ.
13. М. Л. Яковлевъ.	16. К. Д. Костенскій.
П. Л. Яковлевъ.	17. И. И. Мартыновъ.
14. П. М. Юдинъ.	А. И. Мартыновъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Типографія П. П. Сойкина Спб. Стремянная ул., № 12

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВТОРОГО ТОМА.

	СТР.
11. Э. Э. Матюшкинъ, съ 2 портретами.	1—116
12. А. Д. Илличевскій. 117—215
13. М. Л. Яковлевъ, съ портретомъ 217—265
П. Л. Яковлевъ 265—268
14. П. М. Юдинъ, съ портретомъ 269—279
15. Баронъ А. А. Дельвигъ, съ портретомъ. 281—381
16. К. Д. Костенскій 383—390
17. а) И. И. Мартыновъ (отецъ), съ портретомъ. 393—410
б) А. И. Мартыновъ (лицеистъ), съ портретомъ- каррикатурою 410—418
Добавленіе къ очерку объ А. Д. Илличевскомъ 419—434

Въ первомъ томѣ „Товарищѣй Пушкина“, на стр. 26 (примѣчаніе 1-ое) и на стр. 29, вкрались досадныя ошибки въ біографическомъ очеркѣ о Вольховскомъ, но ошибки эти принадлежатъ не намъ, а тому первоисточнику, изъ котораго мы извлекали свѣдѣнія о Главномъ Штабѣ. Ошибку эту или, лучше сказать, опisku корректурную допустили генералы Н. П. Глиноецкій и П. А. Гейсманъ. Справедливость требуетъ сказать, что генераль П. А. Гейсманъ только повторилъ ошибку Глиноецкаго, не провѣривъ сообщенія послѣдняго. Глиноецкій въ своей „Исторіи русскаго генеральнаго штаба“ (т. I, 1698—1825 г.г., Спб., 1883 г., стр. 311—312) сообщаетъ, что съ 1817 по 1819 годъ изъ Лицея и его пансіона было выпущено въ военную службу 128 офицеровъ. Эти указанія перенесъ генераль П. А. Гейсманъ въ свой трудъ: „Столѣтіе военнаго министерства. 1802—1902. Главный Штабъ“. Спб. 1902 г. (стр. 360). Ошибка здѣсь заключается въ томъ, что съ 1817 по 1819 годъ вышло только 12 офицеровъ I-го курса 1817 года (7 въ гвардію и 5 въ армію); выпуска же изъ пансіона совсѣмъ не было, по той простой причинѣ, что первый выпускъ воспитанниковъ изъ Лицейскаго благороднаго пансіона состоялся только въ 1819 году. Послѣдній выпускъ въ офицеры изъ Лицея и пансіона былъ въ 1829 году. Слѣдовательно, нужно было сказать: не съ 1817 по 1819 годъ, но съ 1817 по 1829 годъ. Количество же воспитанниковъ приведено совершенно вѣрно—128 человекъ: отъ I по V курсъ, т. е. съ 1817 по 1829 г., выпущено изъ Лицея въ гвардію 39 человекъ, а въ армію 11,—итого 50 офицеровъ. Изъ пансіона съ I по XI курсъ, т. е. съ 1819 по 1829 г., выпущено въ гвардію 55, въ армію—23 воспитанника,—итого 78 офицеровъ. Всего же: 50+78=128 офицеровъ.

Моя вина заключается въ томъ только, что я довѣрился свѣдѣніямъ Н. П. Глиноецкаго... Но всякій согласится со мною, что если провѣрять всѣ первоисточники, то никогда не пришлось бы окончить свой трудъ при жизни. Впрочемъ, для вдумчиваго читателя, знакомаго съ исторіею Лицея, понятно, что это корректурная ошибка или описка, что нужно не 1819 годъ, но 1829 годъ.

Въ томъ же первомъ томѣ, на стр. 488, вкралась ошибка въ имени и отчествѣ Бакунина: онъ назывался не И. М., но Н. М. На той же страницѣ письмо Пушкина 1833 года датировано отъ „декабря“,

какъ указано П. О. Морозовымъ въ томѣ VII-мъ сочиненій А. С. Пушкина, изданныхъ литературнымъ фондомъ, на стр. 336, а между тѣмъ въ „Перепискѣ Пушкина“ (т. III, СПб., 1911 г., стр. 28), изд. Академии Наукъ, подъ редакціей В. И. Саитова, письмо это обозначено: „первая половина іюля 1833 года. Петербургъ“.

На страницахъ 530 и 533 не указана фамилія Начальницы Смольнаго Института, названной тамъ только по имени: Марія Павловна. Эта была Леонтьева.

На страницѣ 532-ой говорится о Ея Высокопревосходительствѣ Юліи Федоровнѣ. Это, по всѣмъ вѣроятіямъ, графиня Юлія Федоровна Адлербергъ, которая была Начальницей Смольнаго Института до Леонтьевой.

Двумя послѣдними свѣдѣніями я обязанъ всегда интересующемуся всѣмъ лицейскимъ глубокоуважаемому Григорію Александровичу Тройницкому¹⁾

Наконецъ, нужно обратить вниманіе на крайне досадную ошибку на страницѣ VIII, гдѣ Илличевскій названъ Александромъ Демьяновичемъ. Слѣдуетъ же читать: Алексѣй Даміановичъ.

При указаніи во II-мъ томѣ „Товарищей Пушкина“ на А. П. Кернъ вкралась крайне досадная описка, а именно: она названа Марковой-Виноградской. Слѣдуетъ: Маркова-Виноградская.

Упомянутый въ біографіи Илличевского Томскій Вице-Губернаторъ Иванъ Владиміровичъ Штевенъ, какъ сообщаетъ телеграфъ отъ 14 мая 1912 г., въ часъ ночи, вернувшись съ гулянья, выстрѣломъ покончилъ жизнь. Причина самоубійства не установлена.

¹⁾ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ, XXVI курса, выпуска 1863 г.

11.

ФЕДОРЪ ФЕДОРОВИЧЪ
МАТЮШКИНЪ.

Федоръ Федоровичъ
МАТЮШКИНЪ.

Федоръ Федоровичъ Матюшкинъ

(род. 10 июля 1799 г. † 16 сентября 1872 г.).

Счастливыи путь!.. съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнуль шутя...
Ты сохраниль въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ...

А. С. Пушкинъ.

I.

Отецъ Матюшкина былъ совѣтникомъ при посольствѣ въ Штутгартѣ, въ чинѣ надворнаго совѣтника ¹⁾). Свѣдѣнія объ отцѣ Матюшкина весьма скудны. Изъ дѣлъ, хранящихся въ Государственномъ архивѣ, мы узнаемъ, что Федоръ Матюшкинъ изъ Штутгарта сообщалъ, между прочимъ графу Разумовскому въ Вѣну (отъ 23 сентября—4 октября 1799 года) разныя свѣдѣнія о передвиженіяхъ французскихъ войскъ и о взятіи Суворовымъ Чертова моста. Въ письмѣ отъ 1 (12) октября 1799 года находимъ сообщенія о разныхъ дѣлахъ въ Штутгартѣ, Парижѣ, Брюсселѣ и Швейцаріи (между прочимъ о начальникѣ Гельветскаго Генеральнаго Штаба, генералѣ Лагарпѣ, бывшемъ въ Петербургѣ, который увѣдомлялъ Гельветскую Директорію объ отступленіи Сульта и Лакурда): въ томъ же письмѣ Федоръ Матюшкинъ проситъ Государя о прибавкѣ жалованья, ибо получаемое имъ жалованье, въ 600 руб., недостаточно для пристойнаго содержанія себя... Остальныя четыре письма того же года трактуютъ о разныхъ мѣстныхъ дѣлахъ. Вотъ все, что мы имѣемъ о Федорѣ Матюшкинѣ изъ официальныхъ дѣлъ. Мать Матюшкина, Анна Богдановна ²⁾), была урожденная Медеръ ³⁾).

¹⁾ Въ Высочайше утвержденномъ спискѣ воспитанниковъ отъ 22 сентября 1811 г., принятыхъ въ Царскосельскій Лицей, значится: Федоръ Матюшкинъ, сынъ надворнаго совѣтника (матеріалы для исторіи Лицея... И. Селезневъ, стр. 29, см. въ Памятной книжкѣ Император. Александровск. Лицея на 1856—57 г.)

²⁾ Письмо Энгельгардта къ Матюшкину отъ 25 февраля 1829 года.

³⁾ Я. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 74.

Ихъ сынъ, лицеистъ Федоръ Федоровичъ, родился въ Штутгартѣ 10 іюля 1799 года; вслѣдствіе того, что во время рожденія ихъ сына, въ Штутгартѣ не оказалось не только православнаго храма, но даже не было русскаго священника, родители, будучи сами православными, рѣшились окрестить своего сына по обряду лютеранской церкви. Кромѣ Ѳ. Ѳ., какъ видно изъ писемъ Энгельгардта къ Матюшкину отъ 15 апрѣля 1830 г. и 28 мая 1832 г., у его родителей былъ еще другой сынъ, имени котораго мы однако не знаемъ. Намъ неизвѣстенъ годъ смерти отца Матюшкина. Послѣ его смерти, вдова переселилась въ Россію, гдѣ она, вслѣдствіе покровительства Императрицы Маріи Федоровны, получила мѣсто классной дамы въ Екатерининскомъ Институтѣ въ Москвѣ въ 1810 г.¹⁾ Вслѣдствіе этого Матюшкинъ первоначальное воспитаніе получилъ въ Московскомъ благородномъ Университетскомъ пансіонѣ. Когда въ 1811 г. открылся Императорскій Царскосельскій Лицей, она исходатайствовала, при содѣйствіи благорасположенной къ ней Императрицы Маріи Федоровны, разрѣшеніе помѣстить своего сына въ Лицей. Предполагалось, что Попечитель Московскаго Университета Голенщевъ-Кутузовъ пришлетъ изъ пансіона отъ 20 до 30 воспитанниковъ для поступленія въ Лицей; но дѣло ограничилось только двумя официально присланными мальчиками: Масловымъ и Яковлевымъ; четверо же другихъ прибыли изъ пансіона частнымъ образомъ, это были: Вольховскій, Ломоносовъ, Ржевскій и Матюшкинъ²⁾.

Можно предположить, что Матюшкинъ вынесъ изъ благороднаго пансіона при Московскомъ Университетѣ основательныя знанія первоначальныхъ основъ науки, такъ какъ въ общемъ его отмѣтки при поступленіи въ Лицей были болѣе чѣмъ удовлетворительны. На экзаменѣ 12 августа Матюшкинъ оказалъ слѣдующіе успѣхи: въ грамматическомъ познаніи языковъ: русскаго, французскаго и нѣмецкаго и въ ариметикѣ—«хорошо»; въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ (т. е. физикѣ)—«имѣетъ понятія»; въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи—«хорошо»³⁾. Въ Лицейскомъ архивѣ сохранилось нѣсколько отмѣтокъ и отзывовъ профессоровъ и гувернеровъ за разные годы объ успѣхахъ Матюшкина какъ въ поведеніи, такъ и въ научныхъ занятіяхъ. Профессоръ Россійской и Латинской словесности Николай Кошанскій въ рапортѣ, подписанномъ 20 ноября

¹⁾ Она скончалась въ концѣ лѣта 1831 г., какъ это видно изъ письма Е. А. Энгельгардта къ Ѳ. Ѳ. Матюшкину отъ 28 мая 1832 г.

²⁾ См. «Матеріалы для исторіи Лицея», И. Селезнева. Памятн. книжка Императ. Александр. Лиц. на 1856—57 г., примѣч. 19. стр. X. (См. также Я. К. Гротъ: Пушкинъ... Спб., 1899 г., стр. 31 «Царскосельскій Лицей». Въ этой статьѣ Гротъ указываетъ еще на одного воспитанника, прибывшаго изъ Московскаго пансіона частнымъ образомъ, Данзаса, о которомъ въ «матеріалахъ для исторіи Лицея» Селезнева ничего не говорится, чтобы онъ прибылъ изъ московскаго университетскаго пансіона.

³⁾ Памятная книжка Лицея на 1856—57 г. г. И. Селезневъ, «Матеріалы для исторіи Лицея», прилож. къ стр. XI, на оборотѣ.

1812 г., за періодъ времени съ 23 октября 1811 г. по 15 марта 1812 г. пишетъ о немъ слѣдующее: «Федоръ Матюшкинъ имѣетъ счастливыя способности, его стараніе и прилѣжаніе (sic) происходитъ совершенно отъ чувства собственной пользы. Успѣхи его въ Латинскомъ очень хороши, въ Русскомъ хороши».

Гауеншильдъ отъ 31 марта 1812 г., какъ профессоръ нѣмецкой литературы пишетъ: «Matuschkinе. Quoiqu'il ait des connaissances, il ne les met pas tout à profit qu' on pourroit le souhaiter, et il se trouve par là très souvent surpassé par des écoliers qui ont moins de moyens que lui».

Де-Будри, профессоръ французской литературы, во второмъ своемъ рапортѣ (первый не сохранился) отъ 18 ноября 1812 г., ставитъ его въ 3 division и пишетъ: «Matiouchkin. Il avance toujours et continue d'avoir beaucoup d'application: sa prononciation s'est améliorée et sa memoire s'est enrichie d'un grand nombre de mots».

Во второмъ своемъ рапортѣ, отъ 19 ноября 1812 г., профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ ставитъ его въ первую категорію по успѣхамъ (première classe, до этого шли воспитанники «classe de ceux qui excellent»):

«Matuschkin, j'ai lieu d'être plus content de lui que je ne l'étais en faisant mon premier rapport, il s'est servi d'avantage de ses moyens, et mérite par là une place dans la première classe».

Гувернеръ Илья Пилецкій-Урбановичъ въ журналѣ о поведеніи воспитанниковъ Императорскаго Лицея за ноябрь мѣсяць 1812 года (подписанномъ 5 декабря 1812 г.) довольно безграмотно повѣствуетъ о скандальчикѣ, происшедшемъ между воспитанниками и инспекторомъ ¹⁾ и даетъ характеристику учениковъ. О Матюшкинѣ онъ пишетъ слѣдующее: «велъ себя весьма хорошо, кротко и вѣжливо. Ни малѣйшаго участія въ происшедшемъ дѣлѣ (sic) не имѣлъ, и отъ сообщества беспокойныхъ воспитанниковъ удалялся».

Мартынъ Пилецкій въ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ гг. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», представленномъ директору Лицея 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Матюшкинѣ: Матюшкинъ (Федоръ) (лютеранскаго исповѣданія) 13-ти лѣтъ. Съ хорошими дарованіями; нѣкакого понятія, живого воображенія, любитъ ученіе, порядокъ и опрятность; имѣетъ особенную склонность къ морской службѣ; весьма добронравенъ при всей живости, милъ, искрененъ, чистосердеченъ, вѣжливъ, чувствителенъ, иногда вспыльчивъ и гнѣвливъ, но безъ грубости и только на минуту, стараясь истребить въ себѣ и сей недостатокъ ²⁾.

¹⁾ См. объ этомъ въ брошюрѣ Н. А. Шляпкина: «Къ біографіи А. С. Пушкина, Спб.», 1899 г., стр. 17—21.

²⁾ Лицейскій Журналъ. Годъ восьмой, IV, 1910—1911 стр. 33—34.

Кошанскіи отъ 9 іюля 1813 г. раздѣляетъ воспитанниковъ на категоріи: 1) превосходные, 2) отличные, 3) хорошіе и 4) посредственные и ставитъ Матюшкина шестымъ (изъ девяти) въ разрядѣ хорошихъ.

Тотъ же Кошанскій, съ 1 августа по 15 декабря 1813 г., говоритъ о немъ слѣдующее: «Федоръ Матюшкинъ одаренъ счастливыми способностями, его стараніе и прилѣжаніе происходитъ совершенно отъ чувства собственной пользы. Успѣхи его въ Латинскомъ и Русскомъ языкахъ очень хороши».

Губернеръ Чириковъ отъ 30 сентября 1813 г. говоритъ о Матюшкинѣ: «Вспыльчивъ, впрочемъ откровененъ, весьма чувствителенъ, вѣжливъ, усерденъ, бережливъ, признателенъ, опрятенъ и весьма прилѣженъ» ¹⁾.

Наконецъ, адъюнктъ профессоръ географіи, всеобщей и росіійской исторіи Иванъ Кайдановъ отъ 1 ноября 1812 г. по 1 января 1814 г. даетъ слѣдующій отзывъ о Матюшкинѣ: «дарованій очень хорошихъ и весьма прилѣженъ. Урокъ всегда слушаетъ съ великимъ вниманіемъ и по всему примѣтно оказываетъ очень хорошіе успѣхи... Въ поведеніи кротокъ и добронравенъ». Таковы свѣдѣнія о Матюшкинѣ изъ остатковъ Лицейскаго Архива, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, потому что всѣ, писавшіе прежде о Пушкинѣ, брали изъ лицейскаго архива дѣла и не возвращали ихъ обратно.

Вотъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія объ успѣхахъ Матюшкина въ Лицеѣ, извлеченныя изъ его біографіи, напечатанной въ Морскомъ Сборникѣ за 1872 г., № 12.

Куницынъ, Карцовъ, Кайдановъ, де-Будри довольно согласно свидѣтельствуютъ въ пользу способностей и прилежанія Матюшкина. Вотъ что первый изъ этихъ преподавателей (т. е. Куницынъ) записалъ въ 1815 году: «Понятенъ и прилѣженъ, занимается науками съ разсужденіемъ. Успѣхи его становятся время отъ времени прилѣжнѣе. Въ прошломъ году онъ превзошелъ многихъ изъ своихъ сверстниковъ. Добрый его нравъ и скромное поведеніе заслуживаютъ особенную похвалу». По отзыву губернатора Пилецкаго Матюшкинъ былъ «весьма благонравенъ, при всей пылкости вѣжливъ, искрененъ, добродушенъ, чувствителенъ; иногда гнѣвенъ, но безъ грубости». При такихъ свойствахъ естественно, что Матюшкинъ сдѣлался въ Лицеѣ однимъ изъ любимыхъ товарищей. По-русски онъ говорилъ совершенно чисто, хотя и родился заграницею, но въ иностранныхъ языкахъ онъ былъ не силенъ ²⁾; профессоръ французскаго языка, де-Будри, отмѣтилъ од-

¹⁾ Почти такую же аттестацію, но съ перестановкою словъ и однимъ ощущеніемъ, приводитъ Я. Гротъ по списку Комовскаго. См. Пушкинъ, 1899 г., стр. 28.

²⁾ Это мнѣніе анонимнаго автора біографіи Матюшкина, помѣщенной въ «Морскомъ Сборникѣ», не совсемъ вѣрно; какъ мы ниже увидимъ, Матюшкинъ внесъ въ альбомъ Энгельгардта на память ему нѣсколько строкъ на нѣмецкомъ языкѣ, изъ этого можно предположить, что Матюшкинъ по крайней мѣрѣ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ.

пажды, «что онъ любознателенъ и оказываетъ замѣтные успѣхи, но еще очень отсталъ (quoi qu'il soit encore bien arriéré) ¹⁾».

Изъ лицейской жизни Матюшкина приходится сказать немного. Онъ до конца жизни хранилъ вещественные остатки лицейской старины и передалъ Я. К. Гроту журналъ «Лицейскій Мудрецъ» и другіе документы ²⁾. Матюшкинъ до конца неизмѣнно хранилъ завѣтную привязанность къ лицу и къ своимъ товарищамъ и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые знали всего болѣе подробностей о лицейской жизни перваго курса. Видя, что кто-нибудь интересуется ими, онъ охотно передавалъ свои воспоминанія. Съ его словъ я успѣлъ, говоритъ Гротъ, кое-что записать, но къ сожалѣнію по свойственной человѣку привычкѣ откладывать, узналъ далеко не все, что могъ бы извлечь изъ бесѣды съ Матюшкинымъ ³⁾.

Къ такимъ воспоминаніямъ Матюшкина о лицейской жизни можно отнести то, что онъ говоритъ о себѣ. Такъ напр. Матюшкинъ считался у Кошанскаго по своимъ познаніямъ въ русскомъ языкѣ пятнадцатымъ воспитанникомъ, тогда какъ Пушкинъ шестнадцатымъ, такъ какъ при поступленіи въ Лицей Пушкинъ плохо писалъ по-русски. По собственному сознанію Матюшкина, онъ ужъ конечно въ сущности зналъ языкъ гораздо хуже Пушкина ⁴⁾. Это продолжалось до послѣдняго времени передъ выпускомъ, когда пересаживаніе по успѣхамъ прекратилось. По отзыву Матюшкина, товарищамъ всегда казалось, что Пушкинъ по развитію какъ будто старше всѣхъ ихъ. Касаюсь въ своихъ воспоминаніяхъ Галича, котораго Пушкинъ выставилъ эпикурейцемъ, Матюшкинъ рассказываетъ очень интересную подробность объ этомъ жизнерадостномъ профессорѣ. Матюшкинъ рассказываетъ, что Галичъ обыкновенно привозилъ съ собою на урокъ въ Лицей какую-нибудь полезную книгу и заставлялъ при себѣ одного изъ воспитанниковъ читать ее вслухъ ⁵⁾.

Если Матюшкинъ не принималъ дѣятельнаго участія въ политическихъ упражненіяхъ своихъ товарищей, то все-таки и онъ неизбѣгъ всеобщаго рвенія къ стихотворству и составилъ одинъ стихъ въ національныхъ пѣсняхъ, сочинявшихся воспитанниками:

«Но кто нѣмецкихъ бредней томъ
Покроетъ вѣчной пылью?
Пялецкій, пастырь душъ съ крестомъ,
Иконниковъ съ бутылкою»...

¹⁾ Буквально то же самое мы находимъ и у Я. К. Грота въ его книгѣ: «Пушкинъ», стр. 75.

²⁾ За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, въ 1872 г. См. Я. К. Гротъ, стр. 28. А протоколы лицейскихъ годовщинъ перешли къ Матюшкину послѣ смерти Яковлева, и также переданы были Матюшкинымъ Гроту, *Ibid.*, стр. 81, также 298—299.

³⁾ Я. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» Сиб., 1899 г., стр. 74, (первоначально напечатано въ «Русскомъ Арх.», за 1875 г.).

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 46.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. 269

• Покойный Матюшкинъ, говоритъ Я. Гротъ, признавалъ себя авторомъ послѣдняго стиха» ¹⁾).

Въ національныхъ пѣсняхъ мы находимъ только одинъ куплетъ о Матюшкинѣ; по всѣмъ вѣроятіямъ, Матюшкинъ любилъ долго спать и гувернеру приходилось часто и подолгу его будить; вотъ что мы читаемъ въ этомъ куплетѣ:

«Вставайте, Herr Matuschkin
А я вамъ и скажу,
Ну, къ чорту, ахъ какъ можно
Вы это и сказать».

Здѣсь, вѣроятно, неправильно разставлены знаки препинанія, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы такъ:

«Вставайте, Herr Matuschkin,
А я вамъ и скажу»...
— «Ну, къ чорту».—Ахъ, какъ можно
Вы это и сказать»...

Довольно оригинально, что Матюшкинъ, родившись въ странѣ, удаленной со всѣхъ сторонъ отъ моря, питалъ непреодолимое влеченіе къ морю; въ альбомѣ Энгельгардта онъ нарисовалъ акварелью корабль съ распущенными парусами на память о себѣ, присовокупивъ къ нему нѣсколько прочувствованныхъ строкъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Какъ извѣстно, разставаясь съ Лицеємъ, воспитанники вносили свои записи въ альбомъ Энгельгардта на память о себѣ. Матюшкинъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ съ лицейскаго порога онъ на корабль перешагнулъ шутя и поэтому въ альбомѣ нѣтъ его записи въ 1817 г., зато мы находимъ ее подъ 1825 г.

Вотъ что записалъ Матюшкинъ въ альбомѣ: «Alles, was ich Ihnen nicht schreiben kann, ist nicht im Stande das auszudrücken, was ich fühle.—Nie, nie, Егоръ Антоновичъ, werde ich alle die Wohlthaten, die Sie mir erzeugt haben, wergessen.—Nie werde ich den 6-ten Juny ²⁾ vergessen.—Friedrich Matüsckin, den 30—ten July 1817 und den 8-ten September 1819, wo ich wieder das Glück gehabt habe zurück zu kommen.—Adieu wieder auf zwei Jahr. den Aug. 825 ³⁾).

¹⁾ Ibid., стр. 37. «Царскосельскій Лицей».

²⁾ Намъ неизвѣстно, на что тутъ намекаетъ Матюшкинъ. Что же касается до 30 іюля 1817 г., то это день когда онъ вернулся изъ Москвы, куда ѣздилъ на свиданіе съ матерью, а 8 сентября 1819 года онъ, вѣроятно, возвратился изъ путешествія съ Головиннымъ на шлюпѣ Камчатка, которое продолжалось съ 1817 г., (марта 26) по 1819 г., (5 сентября). наконецъ 6 августа 1825 г. Матюшкинъ уѣхалъ въ кругосвѣтное плаваніе съ Врангелемъ на шлюпѣ Кроткій.

³⁾ «Пушкинъ и его современники» Спб., 1908 г. вып. V—Д. Ө. Кобско: «Альбомъ директора Царскосельскаго Лицея» Е. А. Энгельгардта, стр. 11.

9 июня 1817 года Матюшкинъ окончилъ курсъ Лицея и былъ выпущенъ съ чиномъ X класса (коллежскаго секретаря ¹⁾). Вскорѣ же по выходѣ онъ опредѣлился въ Морскую экспедицію, хотя и поступилъ въ гражданскую службу ²⁾, съ жалованьемъ 700 руб. ассигнаціями по чину, до открытія вакансіи

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о дружбѣ Матюшкина съ Пушкинымъ и о вліяніи на всю послѣдующую карьеру Матюшкина Директора Лицея Энгельгардта.

Дружба съ Пушкинымъ началась въ стѣнахъ Лицея, не заглохла она и по окончаніи Лицея. Матюшкинъ, оторванный по роду своей службы, отъ дружескаго кружка своихъ однокурсниковъ, вель съ ними оживленную переписку, влѣдствіе чего у него не порывалась та нравственная связь, которая существовала между товарищами въ стѣнахъ Лицея. Каждая мелочь, относившаяся какимъ-либо образомъ къ Лицею и его питомцамъ, интересовала и волновала Матюшкина. Безъ сомнѣнія, оживленная переписка эта съ товарищами могла служить ему утѣшеніемъ въ его долгихъ и далекихъ странствованіяхъ по бѣлому свѣту, среди бурь и непогодъ морей. Есть предположеніе, что Матюшкинъ восторженностью, которою онъ отличался въ юности, любовью къ природѣ, ея красотамъ, стремленіемъ къ морскимъ путешествіямъ обязанъ А. С. Пушкину. Этимъ отчасти можно объяснить избраніе Матюшкинымъ карьеры моряка. Пушкинъ совѣтывалъ Матюшкину, отправляющемуся въ морское плаваніе, вести записки ³⁾ и заносить въ нихъ все достопримѣчательное изъ того, что онъ видѣлъ и слышалъ во время своего кругосвѣтнаго плаванія. И дѣйствительно, мы имѣемъ начало этихъ записокъ, но это было только начало, а продолженія не было. Съ этимъ отрывкомъ мы познакомимся далѣе. Матюшкинъ былъ глубокимъ цѣнителемъ политическаго творчества и высокой натуры Пушкина и всю жизнь хранилъ къ нему чувства глубочайшаго благоговѣнія. Когда роковая пуля сразила поэта, Матюшкинъ былъ въ Севастополь. Вѣсть объ этомъ несчастіи повергла его въ глубокую скорбь, и онъ могъ написать Яковлеву только слѣдующія строки: < Пушкинъ убитъ! Яковлевъ! Какъ ты это допустилъ? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлевъ, Яковлевъ! Какъ могъ ты это допустить? Нашъ кругъ рѣветъ; пора и намъ убираться... 14 февраля. Севастополь > ⁴⁾. Эта горячая любовь къ Пушкину не остыла въ Матюшкинѣ по прошествіи многихъ десятковъ лѣтъ. Когда возникла мысль среди лицейстовъ на обѣдѣ 19 октября 1870 г. о постановкѣ памятника Пушкину, то изъ перваго курса въ комитетъ вошли графъ М. А. Корфъ и адмиралъ Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ, одинъ князь Горчаковъ отказался отъ предложенія быть членомъ комитета по сооруженію памятника славному товарищу, который оказы-

¹⁾ «Матеріалы для исторіи Лицея». стр. 91.

²⁾ Ibid., стр. 92.

³⁾ «Рус. Арх.» 1866 г., стр. 1141, П. Бартенева: «Пушкинъ въ южной Россіи».

⁴⁾ Я. К. Гросъ: «Пушкинъ»... стр. 74.

валъ ему такое сочувствіе ¹⁾). Матюшкинъ въ исторіи сооруженія памятника Пушкину памятенъ тѣмъ, что онъ первый подалъ мысль избрать мѣстомъ сооруженія Москву ²⁾). Если въ Лицеѣ Пушкинъ былъ всего дружнѣе съ Пушкинымъ и Малиновскимъ, то по выходѣ изъ Лицея—съ Матюшкинымъ и Яковлевымъ; эта близость была причиною, что Матюшкинъ сталъ невольнымъ свидѣтелемъ прелюдіи того рокового событія, которое закончилось смертью гениальнаго поэта. Въ ноябрѣ 1836 г. Матюшкинъ былъ съ Пушкинымъ и кн. Эристовымъ (II курса) у Яковлева. Это былъ день его рожденія и тутъ Пушкинъ показалъ имъ полученный оскорбительный дипломъ ³⁾). За любовь и привязанность Матюшкина Пушкинъ платилъ тѣмъ же. Въ своихъ полтическихъ твореніяхъ онъ не забывалъ и друга своего Матюшкина, такъ напр., въ стихотвореніи 19 октября 1825 г.—
Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ — онъ посвятилъ Матюшкину слѣдующія двѣ строфы:

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойныи
И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
Счастливый путь!... съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О, волнъ, и буръ любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ ⁴⁾).

¹⁾ Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его Лицейскіе наставники», стр. 16; «Пушкинъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ», стр. 170.

²⁾ Ibid., стр. 165

³⁾ Ibid., стр. 282.

⁴⁾ Соч. А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, Спб., 1903 г., т. II, стр. 40—4; т. I изд. Литер. Фонда, стр. 357. П. А. Ефремовъ и П. О. Морозовъ говорятъ, что эти слова взяты изъ прощальной лицейской пѣсни Дельвига:

«Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье...
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ породнила насъ...»

(Ст. В. Гаевской, «Современникъ» 1853 г., № 2, февр., стр. 87, критика, отд. III).

Въ «автографѣ Матюшкина вмѣсто «породнила»—сѣдинила. См. Я. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе наставники»... Спб. 1899 г., стр. 284.

Въ другомъ стихотвореніи Пушкинъ воспоминаетъ также Матюшкина въ слѣдующихъ строкахъ:

«Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдлый
Спокойной пристани давно ли ты достигъ?
Давно ли тишины вкусилъ отраднѣйшій мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обвѣтшалою
Ища стихій другихъ, земли жилища усталый > ¹⁾».

Другой товарищъ Матюшкина В. К. Кюхельбекеръ, перенесшій потомъ столько несчастій въ жизни, обратился къ нему съ стихотворнымъ привѣтствіемъ въ 1817 г., при отъѣздѣ Матюшкина въ кругосвѣтное плаваніе подъ начальствомъ знаменитаго Василія Михайловича Головнина, на кораблѣ Камчатка >.

Къ Матюшкину.

Скоро, Матюшкинъ, съ тобой разлучитъ насъ шумное море:
Чолнъ окрыленный помчитъ счастье твое по волнамъ!
Юныя ты племена на брегахъ отдаленной чужбины,
Дикость узришь, простоту съ крѣпостью первыхъ временъ;
Миръ Іапета дряхлѣющей въ страшномъ безиліи, Европу
Съ новымъ міромъ сравнить: мрачную тайну судебъ
Съ трепетомъ сердца прочтешь въ туманѣ столѣтій грядущихъ;
Съ благоговѣньемъ узришь судъ всемогущихъ Боговъ—
Ты съ изумлѣніемъ взгляды на грозномъ хребтѣ остановишь
Къ небу стремящихся горъ; но съ земли приплывешь:
Но не забудешь друзей! Пусть бури твой чолнъ окружаютъ,
Поллуксъ и Касторъ ²⁾ тебя нашей мольбой охраняютъ
Нѣтъ! не нарушишь святыхъ ты обѣтовъ, Матюшкинъ, въ отчизну
Съ прежними чувствами ты ту же любовь принесешь!

Вильгельмъ Кюхельбекеръ ³⁾.

Въ жизни Матюшкина, въ выработкѣ его характера и личности и даже въ выборѣ имъ рода служебной дѣятельности, огромное вліяніе оказалъ директоръ Лицея Е. А. Энгельгардтъ. Матюшкинъ особенно полюбилъ Энгельгардту и неизмѣнною дружбой и привязанностью его пользовался до конца дней. Энгельгардтъ былъ не только любящимъ директоромъ, но и нѣжнымъ отцомъ. Онъ называлъ его не иначе, какъ ласкательнымъ словомъ Federnelke, и эта кличка осталась за нимъ во всю жизнь, какъ это мы видимъ изъ переписки Энгельгардта съ нимъ, и

¹⁾ «Русск. Арх». 1881 г., ч. I, стр. 222.

²⁾ Тиндариды—Эмблема дружбы, и въ то же время боги—хранители мореходцевъ. Примѣчаніе соч. (Кюхельбекера).

³⁾ Существуетъ еще другое такое же стихотвореніе, не исправленное Кюхельбекеромъ и находящееся въ его собственноручной тетради стиховъ.

изъ писемъ его товарищей. Съ своей стороны Матюшкинъ платилъ Энгельгардту тою же любовью и привязанностью. Въ сохранившихся бумагахъ Матюшкина, переданныхъ имъ Я. К. Гроту, находится два письма, посланные имъ товарищу по Московскому Университетскому пансіону Сазоновичу и записки его о путешествіи его въ Москву и обратно. «По эпохѣ и обстоятельствамъ, къ которымъ относятся эти документы,—говоритъ Гротъ, они для насъ любопытны, тѣмъ болѣе, что знакомятъ насъ и со степенью литературнаго образованія, вынесеннаго изъ Лицея однимъ изъ товарищей Пушкина, воспитанникомъ средней руки по оцѣнкѣ начальства». Вотъ что писалъ Матюшкинъ изъ Царскаго Села 10 іюня 1817 г., на другой день послѣ выпускныхъ экзаменовъ:

«Публичныя испытанія, которыя продолжались 16 дней, были причиною, что я не писалъ къ тебѣ уже около мѣсяца. Не пеняй на меня: ты знаешь, что я лѣнивъ писать письма. Вчера, любезный Сережа, былъ у насъ выпускъ. Государь на ономъ (т. е. на послѣднемъ экзаменѣ) присутствовалъ; постороннихъ никого не было. Все сдѣлалось такъ нечаянно, вдругъ. Я выпущенъ съ чиномъ коллежскаго секретаря. Ты конечно поздравить меня съ счастливымъ началомъ службы. Еще ничего не сдѣлавши, быть X класса, конечно это много; но мы судимъ по сравненію: нѣкоторые выпущены титулярными совѣтниками. Но объ этомъ ни слова. Я вознагражденъ тѣмъ, что директоръ нашъ Ф. А. Энгельгардтъ, о которомъ я писалъ тебѣ уже нѣсколько разъ, обѣщалъ доставить мнѣ случай сдѣлать морское путешествіе. Капитанъ Головинъ отправляется на фрегатѣ «Камчатка» въ путешествіе кругомъ свѣта, и я надѣюсь, почти увѣренъ, идти съ нимъ. Наконецъ мечтанія мои быть въ морѣ исполняются! Дай Богъ, чтобы ты былъ такъ же счастливъ, какъ я теперь. Одного мнѣ недостаетъ—товарищѣй: всѣ оставили Царское Село, исключая меня; я, какъ сирота, живу у Егора Антоновича. Но ласки, благодѣянія сего человѣка, день ото дня, часъ отъ часу, меня болѣе къ нему привязываютъ: онъ мнѣ второй отецъ. Не прежде какъ получу извѣстіе о моемъ счастіи (ты меня понимаешь), не прежде я оставлю Царское. Шестилѣтняя привычка здѣсь жить дѣлаетъ разлуку съ нимъ весьма трудною. Прощай, любезный Сазоновичъ, до радостнаго свиданія. Вотъ тебѣ наша прощальная пѣснь. Ноты я тебѣ не посылаю, потому что ни ты, ни я въ нихъ толку не знаемъ; но впрочемъ скажу тебѣ, что музыка прекрасна,—сочиненіе Terreg de Tergasin, (ошиб. вм. Ferguson), а слова барона Дельвига. Ты объ нихъ самъ судить можешь: они стоятъ музыки».

Когда зародилась страсть Матюшкина къ морю, намъ неизвѣстно, во всякомъ случаѣ, находясь въ послѣднемъ классѣ Лицея, онъ уже мечталъ о далекомъ морскомъ путешествіи и не разъ, вѣроятно, высказывалъ это задушевное свое желаніе Энгельгардту. Директоръ вполне сочувственно относился къ выбору его любимаго ученика, болѣе того, Энгельгардтъ употребилъ все свое вліяніе для осу-

щечтвленія на дѣлѣ стремленій Матюшкина къ морской карьерѣ. Матюшкинъ тотчасъ же по выпускѣ изъ Лицея сталъ хлопотать объ опредѣленіи его къ капитану Головинну, отправлявшемуся въ Сѣверо-Американскія наши колоніи. Энгельгардтъ далъ очень благопріятный отзывъ о своемъ воспитаникѣ, въ этомъ отзывѣ было сказано: «Матюшкинъ пишетъ и изъясняется свободно на трехъ языкахъ, оказалъ весьма хорошіе успѣхи въ математическихъ и вообще во всѣхъ наукахъ, въ курсѣ Лицейскій входящихъ. Занимался онъ нѣсколько естественною исторіею и рисуетъ изрядно. Матюшкинъ соединяетъ отличное поведеніе и прилежаніе, имѣетъ страсть къ морской жизни и при твердости характера, нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ избираемомъ имъ родѣ жизни полезенъ будетъ ¹⁾».

Когда Матюшкинъ узналъ, что Головинъ беретъ его съ собою въ должности гардемарина, онъ рѣшился съѣздить въ Москву проститься съ матерью и родными. Объ этомъ мы имѣемъ свѣдѣнія изъ собственноручныхъ его записокъ, которыми Матюшкинъ началъ вести по совѣту и плану Пушкина. Къ сожалѣнію, это только начало записокъ. Матюшкинъ изъ Царскаго Села отправился въ Петербургъ за дорожной и отпускомъ; доставъ ихъ, онъ вернулся обратно въ Лицей. Вотъ какъ онъ описываетъ день прощанія съ Лицеємъ и Энгельгардтомъ: «Поживши три дня у Егора Антоновича, и отправился въ дорогу. Прощаясь съ мѣстомъ, гдѣ я, можетъ быть, провелъ счастливѣйшее время жизни, гдѣ въ отдаленіи отъ родителей я вкушалъ всѣ пріятности сыновней любви, гдѣ, будучи принятъ въ кругъ счастливѣйшаго семейства, и я наслаждался его счастьемъ,—прощаясь съ Егоровъ Антоновичемъ и его семействомъ, я не могъ удержаться отъ слезъ... Это было 2 іюля. Не знаю, что я чувствовалъ, когда я прибылъ въ Ижору. Хотя я ѣхалъ въ Москву, хотя я ѣхалъ къ любимой мною матери, которую не выдалъ шесть долгихъ лѣтъ, но я не радовался: какая-то непонятная грусть тяготила меня: мнѣ казалось, что я оставляю Царское Село противъ воли, по принужденію. Изъ Ижоры я спѣшилъ какъ можно скорѣе, чтобы (признаюсь) мнѣ не возвратиться назадъ».

Далѣе Гротъ говоритъ: «Не продолжая здѣсь выписокъ, упомяну только вкратцѣ, что на дорогѣ близъ Ижоры онъ взялъ съ собою старика, который просилъ довести его до слѣдующей станціи: это былъ оставной дьячокъ села Грузина, принадлежавшаго графу Аракчееву. Онъ началъ было рассказывать о своихъ дѣлахъ, но нашъ утомленный путешественникъ не въ силахъ былъ слушать и скоро уснулъ. Проснувшись, онъ сталъ было расказываться въ предпріятомъ путешествіи; ему казалось, что онъ удаляется отъ своего счастья; но уже поздно! «Счастіе не возвратно. Я долженъ удалиться. Слезы у меня катились изъ глазъ, и я къ ужасу своему увидѣлъ, что это не сонъ, но истина!».

¹⁾ Дѣло, переданное изъ Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній въ «Лицейскій Архивъ» 1817 г., № 464.

Записки кончаются слѣдующимъ разказомъ: «На станціи Раннино я имѣлъ удовольствіе увидѣть одного изъ старыхъ моихъ товарищей, Маслова. Онъ выѣхалъ 24-мя часами прежде меня изъ Москвы. Мы ѣхали нѣсколько станцій вмѣстѣ; но въ Бронницахъ онъ получилъ прежде меня лошадей, и такимъ образомъ мы разстались. Мнѣ запрягли поствѣ, и очень худыхъ. Я видѣлъ, что мнѣ не проѣхать на нихъ и половины дороги: нечего дѣлать, надобно отъ нихъ какъ-нибудь избавиться. Къ счастью, ночевали по близости цыгане; первому, мнѣ встрѣтившемуся, я сунулъ полтину въ руки, и онъ, подошедъ къ извозчику, пророческимъ голосомъ ему объявилъ, что если онъ сегодня поѣдетъ, то одна лошадь у него падетъ. Ямщикъ такъ испугался, что тотчасъ распрягъ тѣлегу и нанялъ за себя тройку. Векорѣ я догналъ Маслова, перегналъ его и двумя днями ранѣе его, 30-го, увидѣлъ Царское Село. Городъ лежитъ на горѣ: всѣ улицы видны. Мнѣ казалось, что я давно тамъ не былъ; съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на высокіе златоглавыя куполы, на бѣлые красивыя домики; искалъ глазами тотъ, гдѣ живетъ мой благодѣтель, мой наставникъ, гдѣ живетъ его любезное семейство; нашелъ его, и не могъ спустить глазъ съ него... Я забылъ Москву, когда увидѣлъ Царское Село»¹⁾.

Можно, конечно, пожалѣть, что эти записки не были ведены Матюшкинымъ во время его заграничныхъ путешествій на корабляхъ; онѣ дали бы намъ, помимо описаній всего видѣннаго имъ, много чертъ его характера, ума и наблюдательности.

Какъ мы уже выше сказали, при содѣйствіи Энгельгардта «съ лицейскаго порога Матюшкинъ на корабль перешагнулъ пути» и попалъ въ отличную школу, такъ какъ начальникъ его, Головининъ, былъ знатокъ своего дѣла, прослуживъ 7 лѣтъ въ англійской службѣ. Матюшкинъ могъ считать себя счастливымъ вдвойнѣ, такъ какъ исполнилось его завѣтное желаніе быть въ морской службѣ, чѣмъ удовлетворялась его страсть къ морю и путешествіямъ, а также ему должно было льстить и то, что, попадая въ плаваніе вокругъ свѣта, онъ могъ считать себя снискавшимъ особое довѣріе начальства, такъ какъ въ тѣ времена подобныя путешествія вокругъ свѣта считались дѣломъ великой важности и были очень рѣдки. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что Матюшкинъ, хотя и питалъ неодолимую страсть къ морю, но былъ подверженъ въ сильнѣйшей степени морской болѣзни, отъ которой онъ никогда не могъ избавиться; онъ «такъ страдалъ отъ нея, говоритъ Гротъ, что Головининъ, достигнувъ Англии, хотѣлъ было тамъ оставить своего молодого спутника и съ трудомъ уступилъ настоятельной просьбѣ взять его въ дальнѣйшій путь».

¹⁾ Путевыя замѣтки О. О. Матюшкина напечатаны полностью въ книгѣ К. Я. Гротъ: «Пушкинскій Лицей», (1811—1817). Бумаги I-го курса, собранныя академикомъ Я. Е. Гротомъ. Спб. 1911 г., — ϕ перѣздѣ его изъ Петербурга въ Москву (стр. 25) и изъ Москвы въ Царское Село (стр. 27—29).

II.

Съ 1817 (марта 26) по 1819 г. (5 сентября) Матюшкинъ подъ командою капитана 2 ранга Головнина въ качествѣ волонтера, и потомъ исправляющаго должность мичмана, совершилъ плаваніе къ берегамъ Камчатки ¹⁾ и Россійско-Американскихъ колоній, а потомъ вокругъ свѣта. Путешествіе это описано на страницахъ «Сына Отечества» 1820 г., ч. 59, подъ заглавіемъ: «Путешествіе вокругъ свѣта флота капитана Головнина». По отзыву Головнина (въ 1819 г.), коллежскій секретарь Матюшкинъ «во время двухлѣтняго путешествія вокругъ свѣта шлюпа ²⁾ Камчатки, находился на ономъ, сначала въ должности гардемарина, потомъ исправлялъ мичманскую должность, а отъ Азорскихъ острововъ до Кронштадта командовалъ вахтою ³⁾. Въ 1818 г. іюля 29 произведенъ въ мичманы съ назначеніемъ въ 21 флотскій экипажъ Балтійскаго флота, а въ 1819 г. за вояжъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст.

Во время этого путешествія случился очень интересный эпизодъ съ Матюшкинымъ, по которому онъ былъ отданъ подъ судъ вмѣстѣ съ другими, какъ бывшіи на вахтѣ во время гибели фрегата «Везуль». Намъ остается не совѣмъ понятнымъ, какимъ образомъ со шлюпа «Камчатка» Матюшкинъ перескочилъ на фрегатъ «Везуль» и очутился на Севастопольскомъ рейдѣ подъ главнымъ начальствомъ командира Черноморскаго флота и портовъ Гренга. Въ виду изложеннаго, мы позволимъ себѣ извлечь эти свѣдѣнія изъ дѣлъ канцеляріи Адмиралтействъ-Коллегіи за № 3741, гдѣ оно озаглавлено такъ: Дѣло «по сообщенію Аудиторскаго департамента Морского Министерства объ освобожденіи отъ суда и слѣдствія капитана 2 ранга Стожевскаго, лейтенанта Лобысевича, мичмана Матюшкина, штурманскаго помощника Алгазина и унтеръ-лейтенанта Кромиду, непризнанныхъ виновными въ разбитіи фрегата Везула», началось 21 октября 1818 г.

1. Донесеніе изъ Аудиторскаго Департамента Морского Министерства Матвѣя Муравьева ⁴⁾ въ Государственную Адмиралтейскую Коллегію отъ 21 октября 1818 г.: «Аудиторскій Департаментъ по разсмотрѣнію дѣла произведеннаго въ слѣдственной Коммисіи при Севастопольскомъ портѣ о разбитомъ фрегатѣ Везуль нашею, что Капитанъ 2-го ранга Стожевскій на фрегатѣ Везуль вышелъ изъ Сева-

¹⁾ Цѣль экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы доставить въ Камчатку морскіе и военные припасы, обозрѣть колоніи Россійско-Американской мануфактуры, опредѣлить еще неизвѣстное до того времени географическое положеніе нѣкоторыхъ острововъ и мѣстъ русскихъ владѣній, а затѣмъ отправиться въ кругосвѣтное плаваніе.

²⁾ На этомъ шлюпѣ былъ прикомандированъ лейтенантъ Ф. П. Врангель, съ которымъ Матюшкинъ впоследствии совершилъ кругосвѣтныя плаванія.

³⁾ «Матеріалы для исторіи Лицея»—И. Селезневъ, 1856 г. Памятн. книжка Императорскаго Александр. Лицея на 1856—57 г. г., примѣч. 65, стр. XLIV.

⁴⁾ Въ общ. морск. спискѣ между проч. значится Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ, который въ промежуткѣ времени 1817—1819, г. на шлюпѣ «Камчатка», подъ командою капит. 2-го ранга Головнина, соверш. плаваніе въ Камчатку (т. е. вмѣстѣ съ Матюшкинымъ).

стопопскаго рейда въ море при хорошей и удобной погодѣ въ назначенное ему мѣсто: но въ плаваніи сего фрегата въ открытомъ уже морѣ постигли оный жестокіе и сильныя вѣтры, признаваемые слѣдственною Комисією по мѣстнымъ свѣдѣніямъ необыкновенными и рѣдкими, кои какъ и изъ показаній подѣ присягою бывшихъ на семь фрегатѣ чиновъ видно, перемѣняясь скоровременно съ разныхъ сторонъ таковою внезапностію равно и жестокостію своею въ одно время повреждали члены и рангоутъ, служащіе къ мореплаванію, а въ другое препятствовали имѣть желаемое управленіе къ отвращенію опасности и гибели фрегата, и какъ со стороны командовавшаго онымъ Капитана Стожевскаго сдѣланы были всѣ свойственныя тому случаю распоряженія, а бывшими тогда на вахтѣ лейтенантомъ Лобысевичемъ, мичманомъ Матюшкинымъ, штурманскимъ помощникомъ 14 класса Алгазинымъ и находившимся при разведеніи канатовъ для брошенія якорей артилл. унт.-лейт. Кромидюю, по распоряженію онаго Стожевскаго исполняемы были свои обязанности не упустительно и съ должнымъ раченіемъ, сколько требовала того опасность случая и усердіе къ службѣ, но при всемъ попеченіи ихъ фрегатъ Везулъ брошенъ на мель и разбитъ, въ чемъ со стороны вышепоименованныхъ чиновниковъ никакого упущенія или небреженія не открылось, слѣдовательно и оштрафованія какому либо изъ установленныхъ Морск. устава кн. V артикуломъ 47 и толкованіемъ на оный они не подлежатъ, то и полагалъ согласно съ мнѣніями слѣдственной Комисіи, также флотскаго въ Севастополѣ начальника Контръ-адмирала Быченскаго 1-го и главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ Г. вице-адмирала Грейга упомянутыхъ капитана 2-го ранга Стожевскаго, лейтенанта Лобысевича, мичмана Матюшкина... отъ слѣдствія по сему дѣлу освободить, не подвергая изъ нихъ Стожевскаго никакому взысканію и касательно порученныхъ ему денегъ на порціоны и прочее, такъ равно полученной провизіи на фрегатѣ и припасовъ, отпущенныхъ для доставленія въ Сухумъ и редуть—Кале, которые съ разбитіемъ фрегата погибли въ морѣ; остающіяся жъ у него, Стожевскаго изъ порц. денегъ 1 р. 3 к. и изъ отпущенныхъ на покупку свѣжаго мяса 200 р., вымѣненные 4 голландскія червонца и мѣдные 2 р. истребовавъ отъ него мѣстному начальству причислить куда слѣдуетъ. Такое мнѣніе представлено было на благоразсмотрѣніе Г-ну Адм. Морск. Министру Маркизу Де-Траверсе, и Его Высочайшее утѣвдженіе утверждая оное предоставилъ привести къ исполненію. Въ слѣдствіи чего для надлежащихъ по вышеизъяснен. мнѣнію исполненія Аудиторскій Департаментъ сообщивъ Главному Командиру Черноморскаго флота и портовъ Г. Грейгу увѣдомляетъ объ ономъ Государственную Адмиралтейскую Коллегію > 1).

¹⁾ На подлинномъ подписано: Начальникъ Отдѣленія Пелопеусъ. Помѣта: Слуш. 23 окт., 1818 г.—Департаментъ аудиторіатскій отъ 21 октября, 1818 г. за № 256, увѣдомляетъ Государственную Адмиралтействъ коллегію объ окончаніи дѣла о разбитіи фрегата Везулъ.

Федоръ Федоровичъ
МАТЮШКИНЪ.

Мы уже говорили выше, что Матюшкинъ пользовался особою симпатіей со стороны Энгельгардта, поэтому насъ не удивляетъ, что мы находимъ 40 писемъ Энгельгардта къ Матюшкину за разные періоды времени. Въ этихъ письмахъ Энгельгардтъ рисуется нѣжнымъ, любящимъ отцомъ, входящимъ во все интересы своего воспитанника и старающимся помочь ему и словомъ и дѣломъ; съ другой стороны, эти письма служатъ важнымъ подспорьемъ для самой біографіи Матюшкина, самихъ же писемъ Матюшкина, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ. Помимо отзывчивости Энгельгардта къ судьбѣ Матюшкина, мы находимъ въ этихъ письмахъ много подробностей о лицѣ и товарищахъ Матюшкина, воспитанникахъ перваго курса; къ сожалѣнію, эти подробности мы должны откинуть въ біографическомъ очеркѣ Матюшкина, такъ какъ онѣ не представляютъ интереса для его біографіи.

Письма къ Матюшкину начинаются съ 1817 г. и кончаются 1845 г. За 1817 г. мы имѣемъ три письма Энгельгардта изъ Царскаго Села отъ 7 августа, 23 сентября и 20 декабря, въ которыхъ онъ пишетъ: «Письмо и письма твои, другъ мой, я получилъ вчера вечеромъ довольно поздно, и сегодня, окончивъ экзаменъ, которымъ начинаемъ мы новое трехлѣтіе вашихъ преемниковъ, спѣшу тебѣ отвѣчать на оное. — Я очень радъ, что доброй Головиннѣ сдержалъ данное мнѣ слово не оставлять тебя своимъ совѣтомъ, и увѣренъ, что, слѣдуя, оному все пойдетъ хорошо. Жаль весьма, что онъ немного поздненько спохватился вздумать о посеребреніи твоего жалованья; — дай Богъ, чтобы удалось еще исправить и чтобы онъ безъ отлагательства отнесся къ Князю. Сегодня вечеромъ увижу я сего послѣдняго и поговорю съ моей стороны какъ только умѣю лучше, авось либо пощастливится.

Письма твои непременно будутъ доставлены по предположеннымъ срокамъ, хотя и не понимаю я, какъ и по какому правилу разсчитывалъ ты свои сроки, и какими числами писаны твои письма, но не менѣе того охотно содѣйствовать желаю къ выполненію желанія нѣжною сыновнею любовью и попеченіемъ объ успокоиваніи почтенной матери предписаннаго. Впрочемъ надѣюсь я получить отъ тебя письмо изъ Копенгагена и изъ другихъ мѣстъ, въ коихъ вы остановитесь. Гдѣ бы не останавливались, — пиши и отдавай Головнину, которой по обязанности своей будетъ присылать сюда донесенія изо всякаго удобнаго мѣста. Что же касается до Охотска, то ты тамъ уже найдешь письма отъ меня и отъ матушки своей. Я приговорю и товарищей прежнихъ написать къ тебѣ сдѣшнія новости.

Въ Копенгагенѣ не можетъ тебѣ Сакенъ ¹⁾ дать письма, потомучто единый человекъ, котораго онъ тамъ зналъ, по послѣднимъ извѣстіямъ уже уѣхалъ. Ему

¹⁾ Баронъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, Александръ (Рембертъ) Фодоровичъ, Лифляндскій уроженецъ, род. въ 1789 г. (По Лобанову-Ростовскому — «Русская Родословная», т. 2, ст. 423 — онъ родился въ 1791 г.), получилъ начальное воспитаніе въ Могилевѣ, откуда отправился за границу. Кончилъ курсъ въ Гейдельбергѣ.

весьма жаль, что не можетъ онъ тебѣ въ семь случаевъ быть полезнымъ и что ничемъ къ щастливому пути твоему содѣйствовать не можетъ, какъ только прижеланіемъ онаго, что и исполняетъ отъ искрѣннаго сердца. Марья Яковлевна ¹⁾, всѣ дѣти и пр. поручаютъ мнѣ множество поклоновъ и желаній на дорогу доброму Лицейскому пустыннику, коего всѣ желаютъ и надѣются по щастливомъ возвращеніи увидать въ своемъ кругу съ тѣмъ же дружескимъ расположеніемъ, какъ прежде.

Прощай, другъ мой, будь щастливъ, будь здоровъ, будь всегда честенъ, откровененъ и правдивъ, какъ по нынѣ всегда былъ; съ честностію иногда и не такъ скоро въ верхъ выскочешь, но всегда надежнѣе; прямая дорога вѣрнѣе кривой. Надѣйся на Бога и на себя, на помощь людей не считай, она иногда придетъ, тѣмъ лучше; но чаще не придетъ: умѣй безъ нея обойтись. Прощай, мой другъ; если щастливъ будешь, поминай меня; если же несчастливится, то прийди ко мнѣ, мой домъ тебѣ всегда открытъ, во мнѣ ты всегда найдешь вѣрнаго искрѣннаго друга.

Егоръ Энгельгардтъ».

2) ...bei schieke ich, Herr lieber Matiuschkin, einen Brief von Ihrer Mutter, den mir die gestrige Post mitgebracht hat. Ich weiss nicht ob er sie noch antrifft. — Finden diese Zeilen sie noch, so nehmen sie mein herzliches Liebevoll und meinen aufrichtigen väterlichen und freundes seegen mit auf Ihren weiten Weg. Gott geleite sie und schütze sie und bringe sie glücklich wieder zû uns, wo sie immer auf eine herzliche freundliche Aufnahme zählen können, denn ich höre ein auf von ganzer Seele zu seyn Ihr wahrer Freund G. Engelhardt.

Zarskoe Selo, d. 23-n. September 1817. Meine Frau, Kinder, M-lle Matern (?), Sacken und Вольховскій, der eben bei mir ist, tragen mir tausend freundliche Grüsse an sie auf.

3) Блаженное Царское Село, 20 декабря 1817 г.

«Хотя и не знаю еще, другъ мой, Федернелъке, когда отправлю мое письмо къ тебѣ, но начну писать. Листъ будетъ на моемъ столѣ, а на листѣ помѣстится все, что въ голову придетъ и въ томъ порядкѣ или безпорядкѣ, какъ придетъ. Для тебя,—заморскаго,—все годится.

университетѣ, посѣщалъ Фелленберга (въ Швейцаріи) для изученія сельскаго хозяйства; провелъ нѣсколько мѣсяцевъ у Песталлоци, и потомъ еще четыре года то въ Швейцаріи, то въ Италіи, Франціи и Германіи. Прибывъ оттуда, вступилъ въ Лицей гувернеромъ 28 лѣтъ въ 1817 году, въ этомъ же году былъ назначенъ и бібліотекаремъ. Онъ служилъ все время управленія Энгельгардта, до 1824 г.— (Историч. Очеркъ Императорскаго... Лицея... И. Селезневъ, Спб., 1861 г., стр. 163.). За нимъ была замужемъ дочь Е. А. Энгельгардта, Наталія, род. въ 1806, ум. въ 1845, 8 марта.

¹⁾ Жена Энгельгардта.

Письма твои изъ Зунда и изъ Портсмута я получилъ и весьма жалѣю, что два другіе письма изъ Англіи, о которыхъ ты упоминаешь, не дошли до меня, по твоей ли винѣ или по винѣ почты,—не знаю, но очень жалѣю, потому что всякое извѣстіе о тебѣ и походахъ твоихъ для меня любопытно и пріятно. Полагая что и ты съ удовольствіемъ прочтешь на другой половинѣ Земнаго шара о томъ, что дѣлается на нашей и особенно Индейской сторонѣ, я начну съ Лицея.

Нами теперь управляетъ на время отсутствія князя—(О. П. Козадавлевъ...¹⁾). Теперь разбогатѣлъ. Его старуха теща соблаговолила отправиться на тотъ свѣтъ и оставила пречистенькое имѣніе, изъ коего на его долю пришло отъ 70 до 80 тысячъ рублей. Отъ сего однако не умножилась щедрость супруги его, которая сдѣлалась послѣ сего наслѣдства еще скупѣе, нежели была прежде. Жаль очень, что она мнѣ ни тетка, ни теща, а то бы можно надѣяться послѣ ее хорошаго наслѣдства.—

Лицейской праздникъ происходилъ какъ и въ прошломъ годѣ; играли двѣ піесы «Les voisins» и «Die Bildsäule Peters I». Актерами были: Дансазь²⁾, Дубенской³⁾, Эрстовъ⁴⁾, Ханыковъ⁵⁾, Брусилловъ⁶⁾, Лангеръ⁷⁾, Нумерсъ⁸⁾ и Молчановъ⁹⁾. Играли очень хорошо. Балъ, ужинъ и иллюминація въ Библиотекѣ, гдѣ былъ поставленъ храмъ съ бюстомъ Государя, продолжались до 3-хъ часовъ. Шесть человѣкъ старичковъ у меня ночевали и на другой день послѣ обѣда уѣхали. Всѣ поручили тебѣ много поклоновъ и общались къ тебѣ писать.

11 Ноября въ день моей свадьбы собралась у меня совершенно неожиданно преобладающая компанія изъ бывшихъ нашихъ и изъ нѣкоторыхъ городскихъ моихъ пріятелей. Молодежи обоого пола было много: Соболевскій¹⁰⁾ и Венигель¹¹⁾

¹⁾ Мы здѣсь пропускаемъ свѣдѣнія о товарищахъ Матюшкина.

²⁾ Дансазь, Борисъ Карловичъ, II курса, вып. 1820 г., братъ секунданта Пушкина, умеръ въ чинѣ д. т. с. и въ званіи сенатора. отецъ Татьяны Борисовны Сѣмечкиной, имѣющей богатое собраніе матеріаловъ по исторіи перваго курса Лицея.

³⁾ Дубенскій, Павелъ Ивановичъ, того же курса. умеръ въ чинѣ д. с. с. и въ званіи камергера, былъ правителемъ канцеляріи Департамента разныхъ податей и сборовъ.

⁴⁾ Эрстовъ князь, Дмитрій Александровичъ, того же курса, умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника и въ званіи сенатора, составилъ словарь о святыхъ, объ этомъ словарѣ упоминаетъ Пушкинъ.

⁵⁾ Ханыковъ, Николай Димитріевичъ, того же курса, умеръ въ чинѣ тайн. сов. и въ званіи почетнаго опекуна Московскаго Опекунскаго Совѣта.

⁶⁾ Брусилловъ, Николай Николаевичъ, II курса, вып. 1820 г.

⁷⁾ Лангеръ, Валеріанъ Платоновичъ, того же курса, умеръ въ чинѣ стат. сов. Былъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Императорской Академіи Художествъ и чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Народнаго Провѣщенія.

⁸⁾ Нумерсъ, Логгинъ Федоровичъ, того же курса, умеръ въ чинѣ статск. сов. и должности Предсѣдателя Тифлисской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда.

⁹⁾ Молчановъ, Николай Николаевичъ, того же курса.

¹⁰⁾ О Соболевскомъ намъ, къ сожалѣнію, ничего неизвѣстно.

¹¹⁾ Губернскій Секретарь Яковъ Андреевичъ Венигель вступилъ на службу въ Лицей въ 1811 г., въ число чиновниковъ канцеляріи (24 лѣтъ, слѣдовательно, род.

принесли скрипки, Сакенъ, Данзаъ и другіе добрые люди помогали на клавикордахъ и — *weg gern tanzt, dem ist leicht geschiffen*. Балъ продолжался до 2-хъ часовъ ночи.—Прошу не разглашать въ Камчаткѣ, что у Директора Лицея ведется такая развратная жизнь.

Катанье на конькахъ и на горахъ идетъ по прежнему; горы у насъ сроботаны преважныя, а для катанья на конькахъ чистится и метутся два пруда,—круглой и полукруглой по близости горъ.

Въ Лицеѣ было сдѣлался пожаръ; загорѣлась балка на задней лѣстницѣ, но вскорѣ потушили и вреда никакого нѣтъ.—Напротивъ того во дворцѣ, въ комнатахъ Государя, побывалъ огонекъ преисправной; къ счастью это случилось днемъ, гдѣ люди все были собраны и въ дѣйствіи, и такъ кончилось черезъ нѣсколько часовъ. Однако потѣрю полагаютъ отъ 30 до 40 тысячъ рублей. Къ счастью, что огонь не дошелъ до новыхъ комнатъ Императора, которые только что отдѣланы; они остались неприкосновенны и ждутъ пріѣзда Хозяина, который, какъ полагаютъ, будетъ сюда около половины Генваря на короткое время, а потомъ поѣдетъ въ Одессу, Варшаву и такъ далѣе.

За 1818 г. мы имѣемъ только одно письмо, которое писалось въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (съ 1 января по 13 марта).

1818 годъ 1 Генваря.

«Въ первый разъ пишу эти два «18» и непременно къ тебѣ, другъ мой, съ непремѣннымъ желаньемъ, чтобы ты встрѣтилъ сей Новый Годъ въ здоровіи, удовольствіи и въ воспоминаніи обо мнѣ, какъ я и мы все о тебѣ.—Вчера наканунѣ Новаго Года собраны были у меня теперешные Лицейскіе; вдругъ колокольчики—подъѣзжаютъ 3 саней,—это восемь штукъ нашихъ ветерановъ, которые оставили веселья, танцы и маскарады столицы, чтобы у стараго Директора проводить старый и встрѣтить Новой Годъ.—Потолковали, попрыгали, съели ужинать, въ 12 часовъ Лицейской утренней колокольчикъ возвѣстилъ объ исходѣ стараго и о наступленіи Новаго Года — поздравлять, обниматься, желать, общать другъ другу и пр., наконецъ пить здоровья всѣхъ стариковъ, а особенно Матюшкина нашего:—да будетъ Лицейскій пустынный здоровъ, счастливъ, и да возвратится къ намъ прежнимъ Матюшкинымъ. — Не знаю, сколь часто вспоминаешь ты на

въ 1787 г.); онъ былъ изъ иностранцевъ, воспитаніе получилъ въ частномъ пансіонѣ, хорошо зналъ французскій и нѣмецкій языки. Съ открытія пансіона ему было поручено исправленіе при ономъ должности секретаря, но въ томъ же году былъ уволенъ отъ занятій при пансіонѣ и назначенъ помощникомъ къ конференцъ-секретарю Лицея, вслѣдъ затѣмъ (1815 г.) зачисленъ гувернеромъ съ сохраненіемъ прежней должности. Венигель оставался при Лицеѣ по 1824 г. «Историческій очеркъ Императорскаго, бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея»... П. Селезневъ. Спб., 1861 г., стр. 162—163.

корабль своемъ объ насъ, а мы о тебѣ въ Лицейскомъ кораблѣ и подлѣ онаго на Директорскомъ фрегатѣ очень, очень часто.

Я начинаю дивится, что по сіе время нѣтъ никакихъ извѣстій о тебѣ изъ Бразиліи;—дай Богъ намъ скорѣй имѣть. Сдѣсь было пронесли слухи, будто васъ взяли Алжирцы, но это вздоръ; имъ-ли съ вами сладить.—Потомъ даже газеты проврали намъ, что какой-то русской вооруженный корабль на водахъ Бразильскихъ погпбъ. но и это пустяки,—подтвержденія нѣтъ; и вскорѣ надѣюсь и получить отъ тебя изъ Рио-Янейро преобстоятельное описаніе всѣхъ твоихъ походовъ.

19 Января.

Нѣтъ еще о Матюшкинѣ!—Попишу еще; мнѣ не хочется отправить къ тебѣ писемъ, доколѣ не получимъ твоихъ.

Лицей здравствуетъ. Мы имѣли Государя сдѣсь два дни. Онъ былъ у меня и очень хорошо отзывался на щетъ нашихъ выпущенныхъ, говоря, что всѣ начальники хвалятъ ихъ знанія, нравственность и особенную приверженность и рѣвность къ исполненію препоручаемаго имъ дѣла. Дай Богъ всегда такіе отзывы слышать. — Мы получили и уже перенесли къ себѣ 1) Библіотеку Императрицы Екатерины, которая стояла въ Яшмовыхъ комнатахъ, и 2) Библіотеку Императора, которая стояла въ Александровскомъ дворцѣ. Сія послѣдняя отдана намъ со всѣми шкафами...—Теперь можемъ мы уже говорить, что есть у насъ библіотека. Сакенъ хлопочетъ, разбираетъ и устанавливаетъ ее. — Мы завели и минеральный кабинетъ, для коего прошу покорно по старой пріязни привезти намъ разныхъ любопытныхъ штуфъ, камней и рѣдкостей, которые бы составили для насъ памятникъ пребыванія лицейскаго Кука на другомъ полушаріи. —Еще если есть съ вами на кораблѣ какой нибудь рисовальщикъ, то не забудь и меня, вели ему нарисовать,—худо ли, хорошо ли,—все равно,—виды Петропавловской гавани, Охотека или другихъ любопытныхъ *Русскихъ* мѣстъ для продолженія моей коллекціи, которую, какъ старой лицейской, помнить долженъ.

28 Февраля.

Долго отдыхала моя бумага и перо мое, но я не отдыхалъ! Дни и ночи проводилъ въ страхѣ и душевномъ безпокойствіи: Марья Яковлевна моя была очень больна, такъ больна, что и врачи уже отчаявались, но я не отчаявался, а все твердо надѣялся, что Богъ не захочетъ отторгнуть другъ отъ друга два сердца, которыя только одно другимъ живутъ, коихъ общественное щастіе — лучшая ему молитва... Благодаря Бога, все прошло, она опять здорова и уже стала выходить. — Глядя на нее и Сакенъ заболѣлъ; онъ пролежалъ 10 дней въ кабинетѣ моемъ и чуть чуть мимо нервической лихорадки проскользнулъ. — Много было хлопотъ моихъ, да слава Богу хлопоты въ прокъ пошли. Теперь опять все по старому, и вотъ я опять по старому за перо, пишу къ Матюшкину, бесѣдую съ нимъ и до-

сажую, что нѣтъ писемъ изъ Рио-Жанейро. Уже ли впрямь сдѣлалась какая бѣда съ вами? Нѣтъ, и помыслить не хочу. Маминька твоя гораздо щастливѣе, нежели я, она себѣ получаетъ да получаетъ запасныя письма твои и сообщаетъ всей Москвѣ вѣсти объ экспедиціи Капитана Головнина.

9 Марта.

Вчера былъ день — праздникъ хоть куда: Прилетѣли вдругъ двои сани съ колокольчиками, остановились у двѣрей моихъ;—гляжу—вылѣзаютъ наши москвичи: Горчаковъ, Малиновскій, Ломоносовъ... И радоваться, и спрашивать, и отвѣчать, и не слушать ни вопросовъ, ни отвѣтовъ;—они здоровы и очень много тебѣ кланяются.—День мы провели вмѣстѣ и очень весело; вечеромъ они поѣхали, и я съ ними съѣлъ и поѣхалъ въ городъ къ Малиновскому и просидѣли до 2-хъ часовъ ночи, болтали да калякали, да толковали и про старину и про будущность. На утро я съ ними распростился. Жаль, что нельзя весь вѣкъ свой съ лицейскими своими провести; я съ ними только и живу.—Вечеромъ приѣзжаю домой въ Царское Село, подають мнѣ разные письма съ почты; я вскрываю первое—ничего; другое—пустяки, наконецъ третье беру;—запечатано облаткою, а подлѣ печать сургучная съ буквами: I. C. K.—Вскрываю:—Федернелке-Рио Янейро... Скорѣй по знакомой тебѣ круглой лѣсенкѣ наверхъ: Briefe aus Brasilien, Briefe von Fritz! Wo, wie, was schreibt er? Да не тутъ то было, пять строкъ и больше ничего.—Но слава Богу,—ты здоровъ. Это главное. Письмо къ маменькѣ я немедленно отправилъ съ вѣрною рекомендаціею, и теперь жду съ величайшимъ нетѣрпѣніемъ пришествія трехлистнаго письма, чрезъ Лангедорфа (?) отправленнаго, и очень досажаю на капитана твоего, что онъ не принялъ его отъ тебя. Впрочемъ не понимаю я еще по сіе время, какъ письмо твое и писанное тобою въ Рио-Янейро, отданное капитану и вѣроятно отправленное имъ въ его пакетѣ, могло прійти ко мнѣ въ Царское Село съ Петербургскою почтою и съ тамошнимъ почтовымъ клеймомъ. Но какъ бы оно ни шло, благо, что дошло; и почти думаю я, что послѣ потопа это первое письмо, которое изъ Бразиліи въ Царское Село писано. Дай Богъ скорѣй получить другое.

Впрочемъ корреспонденція моя съ Америкою не пресѣчется: Ломоносовъ нашъ опредѣленъ къ посольству къ Соединеннымъ Штатамъ въ Вашингтонъ и отправляется съ нашимъ посланникомъ, Дѣйств. Статск. Сов. Полѣтика, (Sic) черезъ три недѣли. Они поѣдутъ діагоналюю чрезъ Европу сухимъ путемъ, потомъ въ Англію, а оттуда въ Америку.—Дивное дѣло, какъ судьба разыграла нашихъ:—Люди, прожившіе шесть лѣтъ безотлучно и неразлучно въ Лицеѣ, вдругъ по прошествіи шести мѣсяцевъ пишутъ: 1) Изъ Бразиліи (Матюшк.) 2) Изъ Томска (Илличевск.) 3) Изъ Парижа (Броглю), 4) изъ Полтавы (Дельвигъ), 5) Изъ Ревеля (Горчак.), 6) Изъ Малороссіи (Малиновскій), 7) Изъ Финляндіи (Стевенъ), 8) Изъ Москвы (Яковл.), 9) Изъ Новгорода (Мясоѣд.), 10) Изъ Вар-

шавы (Есаковъ), 11) Изъ (Ъворной Америки (Ломон.)—Странно, да не забудемъ стиха:

Wer weiss denn wie bald uns zerstreuet
Das Schicksal nach Ost und West
Doch sind wir auch fern von einander,
So bleiben die Herzen sich nah
Und alle, ja alle wirds freuen,
Wenn einem was Gutes geschah,
Und treffen wir wieder zusammen
Auf immer sich wechselnder Bahn,
So knüpfen aus fröhliche Faden
Den fröhlichen Anfang wir an.

Зная теперь, что ты не въ Алжирѣ и не въ волнахъ океана, а на кораблѣ или слухѣ Камчаткѣ, я поспѣшу отправить къ тебѣ мое письмо съ разными приложеніями, писанными и печатными. Пестель мнѣ обѣщался отправить и вѣрно доставить. Впрочемъ это письмо повидимому первое и послѣднее, которое я къ тебѣ пишу, ибо почты по вашему тракту весьма неисправно ходятъ, да и не вдругъ угадаешь, куда надписывать.—Если ты также скоро пріѣдешь, какъ поѣхалъ, то мы скорѣе опять увидимся, нежели предполагали. Дай Богъ! тогда нѣсколько дней отдохну въ Царскомъ Селѣ, потомъ въ кибитку, да въ Москву, въ Екатерининской Институтъ; а потомъ поживши нѣсколько тамъ, опять къ намъ и ну рассказывать, а мы всё обядемъ тебя и станемъ слушать, разиня ротъ, и если не черезъ чуръ солжешь, то всему повѣримъ. Собирай только какъ можно порядочнѣе записки и Журналъ свой, мы изъ него составимъ маленькое путешествіе,—*voyage sentimental par terre*,—это нѣчто совсѣмъ новое, по нынѣ это бывало только на сухомъ пути. Того удивимъ.

13 марта.

...Исторія Карамзина вышла въ 8 томахъ, и 3000 экземпляровъ по 55 р. проданы до чиста въ 3 недѣли, такъ что уже ни одного получить нельзя. Карамзинъ опять принимается ее печатать и къ 8 томамъ, которые только простираются до Царя Ивана Васильевича, прибавить еще 1, а можетъ быть и 2 тома, въ коихъ доведетъ онъ до Дому Романовыхъ.—Слава Карамзину! У насъ есть теперь исторія нашего отечества, писанная мастерскою рукою;—и славу Богу, что хотя въ семъ случаѣ публика наша отступила отъ обыкновенія своего—хорошія книги оставлять книгопродавцамъ на обертки и пудовую продажу.

Это достопримѣчательнѣйшее явленіе Литературы. Кромѣ того Жуковский пишетъ и переводитъ прекрасные свои баллады, Батюшковъ пишетъ и пр. и пр. и потомъ какъ прежде, журналовъ тысячи, а книги ни одной.

Наши ученые, т. е. Лицейскіе Профессора все и всё въ прежнее положе-

ни, здоровы и живутъ и вдалбливаютъ по прежнему. А въ Лицеѣ у насъ подростаетъ молодежь славная.

Не знаю, братъ Федернелке, такъ ли велики будутъ твои обѣщанные три листа, какъ мои, которые содержатъ примѣрнѣйшій Quodlibet, какой только вообразить можно и которой однако пора отправить, чтобы не прѣхалъ мой пакетъ въ Охотскъ, когда ты уже уѣхалъ.

Прощай, другъ мой, Богъ да хранитъ тебя и возвратитъ тебя намъ въ здравіи съ большимъ запасомъ опытности и пріобрѣтенныхъ знаний. — Марья Яковлевна, Марья Петровна, мои дѣти и весь Лицей тебѣ посылаютъ тысячу поклоновъ и желаній. — Прощай, поминай насъ, помни искренняго всегдашняго твоего друга. Егоръ Энгельгардтъ».

Бъ этому письму есть еще приписка гувернера Венигеля слѣдующаго содержания:

«Очень радъ, Федоръ Федоровичъ, что имѣю случай засвидѣтельствовать вамъ мое совершенное почтеніе и увѣрить васъ, что я емь навсегда васъ любящій и преданный слуга Я. Венигель» ¹⁾).

III.

Съ 1820 года (23 февраля) по 1824 г. (1 мая) Матюшкинъ находился въ экспедиціи лейтенанта барона Врангеля ²⁾, это была такъ называемая Сѣверная экспедиція барона Врангеля. Экспедиція эта занималась описаніемъ береговъ Ледовитаго моря, отъ устья рѣки Индигирки до острова Колючина. Одинъ изъ описанныхъ Матюшкинымъ мысовъ названъ «Мысомъ Матюшкина». Онъ же украсилъ рисунками изданное Академіей наукъ описаніе путешествія барона Врангеля.

Анонимный авторъ біографіи Матюшкина въ Морскомъ Сборникѣ за 1872 г. говоритъ, что пребываніе Матюшкина подъ начальствомъ Головина составило для Федора Федоровича прекрасную школу морского дѣла, выработавъ изъ молодого чловѣка, только что покинувшаго лицейскую скамью, отличнаго моряка. Достоинъ замѣчанія тотъ фактъ, что судьба благоприятствовала Матюшкину въ томъ отношеніи,

¹⁾ Гувернеръ 1815—1824 и канцелярскій чиновникъ 1811—1824. Коллежскій регистраторъ Яковъ Андреевичъ Венигель, состоялъ въ правленіи Лицея съ 1811 г.: онъ занимался по конференціи въ званіи письмоводителя по 1824 г. и былъ вмѣстѣ съ симъ, гувернеромъ (1811—1815 г.) «Историческій очеркъ Лицея...» И. Селезневъ. Спб., 1861 г., стр. 83.

²⁾ Баронъ Фердинандъ Петровичъ Врангель, изъ древней эстляндской фамиліи, род. 29 декабря 1796 г. въ Псковѣ, воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Мы не будемъ перечислять его путешествій, а замѣтимъ, что, прослуживъ правительствомъ нашихъ колоній въ Сѣверо-Западной Америкѣ пять лѣтъ, Врангель произведенъ въ контръ-адмиралы; завѣдывалъ департаментомъ лѣсовъ, принадлежащихъ морскому вѣдомству; въ 1847 г. получилъ чинъ вице-адмирала, въ 1856 г. управлялъ морскимъ министерствомъ; въ 1857 г. сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта, а съ 1866 г. поселился въ Дерптѣ, гдѣ и скончался 25 мая 1870 г. (См. «Историч. Вѣстн.», 1884 г., т. XVIII, октябрь, стр. 162—163).

что ему приходилось быть под начальствомъ лучшихъ представителей тогдашняго флота. Баронъ Врангель, отправляясь въ трудную и продолжительную экспедицію для изслѣдованія и точнѣйшаго опредѣленія береговъ Ледовитаго моря, а также предполагаемыхъ земель къ сѣверу отъ Шелагскаго ¹⁾ мыса, самъ просилъ о назначеніи въ экспедицію Матюшкина, репутація котораго, какъ ревностнаго молодого офицера, прочно установилась среди моряковъ.

За этотъ періодъ времени мы имѣемъ нѣсколько писемъ Энгельгардта къ Матюшкину, такъ напр. письмо отъ 10 сентября 1820 г. (коллекціонеромъ ошибочно помѣченное 1821 г.), отъ 9 февраля 1821 г., отъ 21 іюля того же года, отъ 2 января 1822 г., отъ 14 января 1824 г., отъ 24 января, 5 февраля, 28 февраля, 12 марта, 25 марта и отъ 15 апрѣля того же года (т. е. 1824 г.); кромѣ того, есть еще письмо къ Вольховскому отъ 30 (31) ноября 1821 г.

Въ письмѣ отъ 10 сентября 1820 г. мы находимъ много интересныхъ подробностей о пожарѣ Лицея, о личныхъ дѣлахъ Энгельгардта по случаю оставленія имъ должности директора, нѣсколько очень пикантныхъ замѣчаній о гувернерахъ и профессорахъ и наконецъ юмористическое описаніе свадьбы двухъ служащихъ въ Лицеѣ. Вотъ что онъ пишетъ:

«Сгорѣлъ другъ мой! Сгорѣлъ нашъ Лицейъ отъ крыши до погреба, и кромѣ стѣнъ, черненьхъ дымомъ ничего не осталось! Нѣтъ <12> нумера²⁾); нѣтъ залы, нѣтъ того окна, въ которомъ 1 марта 1816 года я въ первый разъ съ вами говорилъ, гдѣ началась дружба между мною и многими изъ васъ; нѣтъ той колонны, гдѣ ты мнѣ изъявилъ свое желаніе путешествовать; нѣтъ арки, гдѣ я тебѣ объявлялъ, что твое желаніе исполняется; нѣтъ... да, всего нѣтъ, все исчезло, все пепель, и Лицейъ живетъ только еще въ сердцахъ чугунниковъ. Храните это воспоминаніе, друзья, священный союзъ юношества, да проводитъ насъ до гроба. Аминь.

По возвращеніи твоемъ ты, впрочемъ, найдешь все опять по прежнему; будущешю весною воспитанники выѣзжаютъ въ возобновленный Лицейъ, которой по волю Государя долженъ быть отдѣланъ совершенно на подобіе прежняго. Это рѣдкой человѣкъ этотъ Государь! На другой день пожара онъ разговаривалъ со мною о возстановленіи Лицея и съ чувствомъ, только ему свойственнымъ, подтверждалъ нѣсколько разъ, чтобы все, даже живопись, было точно такъ, какъ прежде: «я увѣренъ, что много тутъ заключается воспоминаній, жаль бы ихъ уничтожить, жаль бы, если прежніе воспитанники Лицея сдѣлались ему чужды». — Это рѣдкой человѣкъ, жаль, что нельзя дать ему чугуннаго колечка, онъ право достоинъ быть нашимъ. — О подробностяхъ ужаснаго сего пожара я тебѣ только вкратцѣ скажу

¹⁾ (Шелагинскаго?)

²⁾ Комната или келлія, въ которой жилъ Матюшкинъ, обозначалась номеромъ 12. См. также Я Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники.» Спб., 1899 г., стр. 286.

слѣдующее: отъ одной треснувшей дымовой трубы, у которой находилась балка, загорѣлась въ 2 часа по полудни одна изъ главъ на придворной церкви; въ 3 часа уже горѣлъ весь большой куполь и часть крыши, а въ 4 часа свалилась горящая большая средняя глава на улицу. Вѣтеръ былъ страшный, наши трубы малы и слабы; огонь лѣталъ во все стороны, все стремились спасать дворецъ, а о Лицеѣ никто не заботился. Мы съ Сакеномъ и воспитанниками вынесли всю библіотеку (книги и шкафы) Физической Кабинетъ и Минеральной Кабинетъ. Потомъ съ нашими людьми вынесли мы изъ подъ горящей уже крыши все воспитанничьи вещи, все двѣри, все окошка и часть даже штучныхъ половъ. Мы перестали выносить, когда уже пламя не позволяло болѣ ходить; все ушли, я остался одинъ въ нашей большой горящей залѣ, и когда уже болѣ половины потолка провалилась, когда уже полъ горѣлъ, я простился съ заломъ, съ вѣчно незабвеннымъ окошкомъ,— съ Лицеємъ!—Два дни послѣ того пріѣхали—Вольховской, Пушкинъ, Комовской, Малиновской, Саврасовъ;—мы обняли другъ-друга и молча, со слезами общали другъ-другу, что дружба наша и любовь къ старому Лицею не исчезнуть, какъ онъ!

Если я къ тебѣ, другъ мой, по нынѣ не писалъ, то это, какъ ты вѣрно самъ себѣ скажешь, только потому, что не зналъ, куда къ тебѣ адресовать письма.—Лишнее было бы тебѣ сказать, какъ меня и насъ всехъ радовали твои письма, которые ты не только писалъ, но даже и отсылалъ. Если правда, что у отсутствующихъ въ ушахъ звонить, когда о нихъ говорятъ, то у тебя въ ушахъ долженъ быть непрерывный трезвонъ, ибо конечно ни о комъ такъ часто за нашимъ вечернимъ столомъ не говаривали, какъ о тебѣ.—Хотя ты теперь уже и забрался въ не-почтовый край, но все я думаю будешь имѣть случай иногда отправить къ намъ нѣсколько строкъ, и если на льдинахъ чернила замерзнуть, то пиши хотя карандашемъ, мы уже прочтемъ.

Новостей у насъ не очень много...

(Мы пропускаемъ нѣсколько характеристикъ воспитанниковъ перваго курса и приводимъ окончаніе этого письма, очень характерное для личности Энгельгардта):

«Чириковъ живетъ подъ управленіемъ супруги своей и тещи подъ тиранскимъ игомъ Калинича.—Карцовъ все еще не моется и все еще таже тварь, какъ прежде.—Куницынъ насъ оставилъ, но въ расчетъ своемъ ошибся: ему запрещено читать приватно публично курсы, отъ коихъ онъ много ожидалъ.—Говорятъ, что и книга его—Естеств. Право—запрѣщается.—Будри оставивъ Екатерининскій институтъ, скинулъ и парикъ свой, отъ чего нарочито помолодѣлъ.—Кошанскій все тотъ же—такъ, какъ и Кайдановъ. Наконецъ *finis coronat opus*, — почтеннѣйшій Гауеншильдтъ; что сказать о немъ? Невѣроятно почти, но правда,—онъ сталъ еще подлѣе, презрительнѣе и коварнѣе, нежели былъ прежде! Къ нашему несчастію онъ успѣлъ совершенно овладѣть княземъ нашимъ, и это имѣетъ много

непріятныхъ для меня и для насъ послѣдствій. Князь мною весьма недоволенъ и находи, что я весьма дурно воспитываю ввѣренную мнѣ молодежь, предписалъ, особымъ секретнымъ ордеромъ Священнику Кочетову пешись о исправленіи воспитанниковъ, о искорененіи въ нихъ зла и пр. Мнѣ объявлено, что тѣсная, дружеская связь между мною и воспитанниками моими никуда не годится, что отереть имъ домъ и кабинетъ мой какъ дѣтямъ своимъ,—не хорошо, что я долженъ знать ихъ только въ майѣ и въ общей залѣ, и пр. и пр.—Словомъ, другъ мой, я оставляю Лицей и всѣ тѣ прекрасныя мечты, съ которыми переселился я сюда; всѣ мои предположенія о будущемъ малочисленномъ, но надежномъ для Отечества и Царя-Отца Лицейскомъ поколѣніи исчезли! Я оставляю Лицей! Ты знаешь меня, и потому знаешь, что я не тужу о тѣхъ выгодахъ, которыя я здѣсь тѣряю, но о томъ добрѣ, которое могъ бы сдѣлать и которое теперь не сдѣлаю. Лицей былъ предмѣтъ жизни моей, я кромѣ его никакихъ болѣе плановъ въ передъ не имѣлъ:—не стало его для меня—и дѣятельности моей не нахожу болѣе предмѣта, и доживая 5-й десятокъ годовъ своихъ, поздно (Sic) уже начать что либо новое:—я теперь буду спать и жить единственно въ кругу прежнихъ лицейскихъ, — они знаютъ меня, они понимаютъ меня. По возвращеніи твоёмъ ты вѣроятно найдешь меня на Васильевскомъ Острову, въ наемной квартирѣ, которыя тамъ дешевле, нежели въ другихъ частяхъ города.—Дай Богъ тебѣ возвратится здоровымъ и съ какимъ нибудь результатомъ путешествія твоего, въ славу тебѣ и славу *нашего* Лицея!

Я кажется впалъ въ тонъ элегія; оставлю писаніе до другого дня, можетъ попаду опять если не на веселый, то по крайней мѣрѣ на старой своей равнодушный тонъ. Прощай!

18 Сентября.

«Великія и важныя новости въ нашей публикѣ. Двѣ женитьбы въ фамиліи Австрійца съ Лакрицомъ. 1-ая извѣстная миловидная Fräulein Stimsen (?) плѣнилась, не знаю, какими то достоинствами и качествами бывшего нашего писаря Рожина ¹⁾ (которой 10-ю годами ее моложе) и рѣшилась сочетаватся съ нимъ бракомъ. Расчетъ ея я понимаю, *es ist doch immer ein Mann*, но *его* расчетъ — ошибка. Онъ надѣялся получить за нею хорошее приданое, около 20 тыс. руб. денегъ, но по нещастію вышесказанной австріецъ этими деньгами давно уже завладѣлъ и давно уже ихъ промоталъ, такъ что все имѣніе милой 35-ти лѣтней невѣсты состоитъ въ 4000 р., которые ей оставилъ покойный экономъ Зась и которые едвали стануть на первое хозяйственное обзаведеніе. Рожинъ же имѣеть надежду получить мѣсто съ жалованьемъ въ 600 р. *C'est la faim qui epouse la soif!* Но это ничего: второй бракъ нашъ гораздо лучше и веселѣе. Старуха Зась два мѣсяца послѣ смерти спиритиознаго супруга своего находя, что скучно жить

¹⁾ Помощникъ бухгалтера съ 1816—1819 г.

одной въ свѣтъ, умоляла Губернера Пансіона Гуэслѣня ¹⁾ сдѣлаться сопутникомъ ея на поприщѣ вечерней ея жизни, и въ скоромъ времени она, подобно Эфесской Матронѣ, на гробѣ умершаго мужа дать клятву вѣрности вѣчной французскому гренадеру, которой, не имѣя ни рубахи, ни штановъ, очень радъ рублямъ Г-жи Засѣ для поправленія своего гардероба. Милѣ всего въ сей фампильно-матримоньяльной кадрили, что пзъ всѣхъ четырехъ никто съ другимъ говорить не умѣетъ, кромѣ матери съ дочерью. Обѣ милыя невѣсты только по-немѣцки говорятъ, одинъ женихъ только по-французски, а другой только по-русски. Того конверзація будетъ!

21 Сентября.

«Завтра нашимъ военнымъ (которые уже въ полномъ облаченіи) послѣдній ученической смотръ отъ великаго Князя, а послѣ завтра вступаютъ уже всѣ въ службу въ караулы, дежурства и пр. Дай Богъ, въ добрый часъ! А Чари все мнѣ очень жаль и больно сердцу, что онъ въ фрунтовики пошелъ; я ничего жалчѣе не знаю, какъ эта жизнь безъ нравственной цѣли и эту службу, которая исключая всѣхъ полезныхъ занятій, вводитъ въ совершеннѣйшую степень frivolité и унижаетъ человѣка до низкаго орудія. Малое число изыятій изъ сего ничего не значить.

«При семъ посылаю тебѣ письмецо отъ Пущина, который былъ у меня. — Между тѣмъ получилъ я и отъ Вольховскаго письмо изъ Оренбурга. Наши домашніе всѣ тебѣ желаютъ лучшаго и щастливѣйшаго успѣха и скорого возвращенія.

Прощай, братъ Федернельке, люби всегда по прежнему искренняго твоего друга. Егоръ Энгельгардтъ».

За 1821 годъ мы имѣемъ два письма, въ которыхъ Энгельгардтъ сообщаетъ много подробностей, какъ о себѣ лично, такъ и о товарищахъ Матюшкина (эту часть письма мы пропускаемъ); въ этихъ письмахъ разбросано много мелкихъ чертъ интересныхъ для біографіи Матюшкина, которыя, за немнѣніемъ писемъ самаго Матюшкина, обрисовываютъ намъ, отчасти, жизнь его во время путешествія... Въ письмѣ изъ Царскаго Села отъ 9 февраля 1821 г. (полученное 15 Іюля того же года) Энгельгардтъ пишетъ слѣдующее:

«Оба твои письма, бѣднякъ ты мой Federnelke, я получилъ вмѣстѣ съ посылкою, которая весьма къ статѣ пришла вчера утромъ, чтобы быть поднесенною Марьѣ Яковлевнѣ въ подарокъ на день ея рожденія 8 Февраля. Едва ли когда нибудь еще изъ Средне-Колымска въ Царское Село на именины Директорши присланъ такой гостинецъ! Спасибо. — Вчера мы провели день самой лицейской: 7-го очень нечаянно пріѣхалъ изъ Москвы ко мнѣ Яковлевъ (а по нашему Як-

¹⁾ Опредѣленъ губернаторомъ въ Лицей въ 1817 г. См. «Матеріалы для исторіи Лицея». И. Селезневъ 1856 г., стр. 96.

клевь), я тотчасъ отправилъ въ Петербургъ Чугунникамъ окружное письмо и нарядъ явится сюда на другой день въ 12 часовъ, не говоря о причинѣ.—Прискакали: Пушкинъ, Саврасовъ, Корфъ, Комовскій, Малиновскій, входятъ всѣ въ мой кабинетъ, и вдругъ изъ подъ моего стола голосъ знакомый воспѣваетъ: *«Въ лицейской залѣ тишина»*. Нѣтъ надобности тебѣ разсказывать о всеобщемъ восхищеніи при свиданіи съ старымъ товарищемъ и о вопросахъ: ну что жъ ты? ну какъ ты? и пр.; всѣ говорили, и я одинъ слушалъ и восхищался. — За обѣдомъ пили здоровье Имянинницы, а потомъ *или* здоровье бѣднаго моряка, плавающего сухимъ путемъ на не обѣзженныхъ лошадяхъ и умирающихъ съ голоду собакахъ. Много, много тебя поминали, и если только сотая часть всего того, что тебѣ желали, исполнится, то путешествіе твое должно быть щастливѣйшее и успѣшнѣйшее изъ всѣхъ путешествій на свѣтѣ. — День провели мы самой лицейской:—пѣли *лицейскую залу* ¹⁾ и *Сатану съ Лакрицомъ и вставайте herr Matuschkin* ²⁾ въ отставку и подамъ ³⁾, и *хвала тебѣ Фроловъ, и они немножко милы* — *позвольте доложить* ⁴⁾.

- 1) «Въ лицейской залѣ тишина,
Диковинка межъ нами:
Друзья, къ намъ лезетъ сатана
Съ лакрицей за зубами.
Друзья, сберемтея гурьбой,
Дружнѣе въ руки палку,
Лакрицу сплюснемъ за щекой,
Дадимъ австрійцу свалку.
И кто послѣдній въ классахъ вретъ,
Не зная вѣкъ урока,
«Побѣда!» первый заоретъ,
На нѣмца грянувъ съ бока».

Записки графа М. А. Корфа, въ книгѣ Я. К. Грота: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Спб., 1899 г., стр. 230. Гауеншильдъ имѣлъ привычку вѣчно жевать лакрицу.

2) Приведено выше въ текстѣ.

3) Здѣсь Энгельгардтъ намекаетъ на слѣдующій куплетъ національных ишейскихъ пѣсенъ:

«Коль не придетъ Директоръ
Въ отставку и подамъ,
И завтра-жъ съ kleinem Сашой
Отправлюсь и съ мадамъ».

4) Тоже изъ «Национальныхъ пѣсенъ»:

«Вотъ пирожки съ капустой,
Позвольте доложить:
Они немножко гнилыя,
Позвольте доложить».

Вотъ это стихотвореніе изъ «Национальныхъ пѣсенъ»:

Ты былъ директоромъ лица,
 Хвала, хвала тебѣ, Фроловъ ¹⁾
 Теперь ты ниже сталъ пигмеемъ,
 Ты съ Ожаровскимъ ²⁾ крысъ гоняешь,
 Чулкова сказки восхваляешь,
 Ты съ Камарашемъ на дуэльъ,
 Ты ищешь друга въ Кокюзль ³⁾,
 Ребята напилися ромомъ,
 За то Тому ⁴⁾ прогнали съ громомъ.
 Дѣтей ты ставишь на колѣни ⁵⁾,
 Отъ графа (Разумовскаго) слушаешь ты пени.
 Вотъ Гауэншильдъ случится въ двери,
 Фроловъ играетъ роль за . . . ; (засѣри)
 Яды (?) австріецъ подпускаетъ,
 Фроловъ рукой въ отвѣтъ мотааетъ.
 По поведенію ~~мы~~ хлебаемъ ⁶⁾,
 А все молитву просыпаемъ.
 Ты первый ввелъ звонка тревогу
 И въ три ряда повелъ насъ къ Богу ⁷⁾.
 Завелъ въ лицеѣ чай и булки ⁸⁾,
 Умножилъ классныя прогулки.
 Ты подарилъ насъ кислымъ квасомъ,
 За ужиномъ мычишь ты басомъ;
 Наверхъ пускалъ насъ по билетамъ ⁹⁾,
 Цензуру учредилъ газетамъ;
 Швейцара ссорилъ съ юнкерами ¹⁰⁾
 Насъ познакомилъ съ чубуками ¹¹⁾,
 Очистилъ мѣсто Константину ¹²⁾,
 Левонтя чуть не выгналъ въ спину ¹³⁾,
 Отъ насъ не спишь за банкомъ ночи.
 Съ людьми изъ всей воюешь мочи.
 Предъ париченкомъ ¹⁴⁾ ты въ халатѣ,

¹⁾ Это былъ общій refrain послѣ каждаго стиха, и потому я далѣе его пропускаю.

²⁾ Управляющій до Захаржевскаго Царскимъ Селомъ.

³⁾ Одинъ изъ гувернеровъ—французъ, котораго никто изъ насъ терпѣть не могъ и наконецъ мы заставили его прогнать говорить Корфъ.

⁴⁾ Дядька, купившій для шалуновъ ромъ.

⁵⁾ Изобрѣтенное имъ наказаніе.

⁶⁾ Фроловъ разсадилъ насъ за столомъ по нумерамъ нашимъ въ поведеніи.

⁷⁾ Прежде мы стояли за молитвою вразсыпную, а онъ установилъ насъ въ три шеренги.

⁸⁾ Т. е. возобновилъ послѣ сбитня.

⁹⁾ Т. е. въ наши одиночныя комнаты. Прежде мы ходили туда и тамъ занимались свободно, ни у кого не спрашиваясь.

¹⁰⁾ Съ лейбъ-гусарскими, которыхъ онъ запретилъ пускать въ Лицей.

¹¹⁾ При Фроловѣ, который цѣлый день курилъ, и изъ насъ многіе стали курить, что имъ не запрещалось.

¹²⁾ Т. е. вышеупомянутому Сазонову, котораго онъ опредѣлилъ дядькою.

¹³⁾ Леонтій или Людвигъ Камерскій, изъ поляковъ, любимый нашъ дядька, порядочный впрочемъ плутъ, живившійся на нашъ счетъ.

¹⁴⁾ Глупый, еще глупѣе Калинича, гувернеръ Эбергардъ, который ходилъ въ рыжемъ парикѣ.

Передь очками ¹⁾ ты въ парадѣ;
 Ты въ страхѣ хлопаешь глазами,
 Ты острякамъ грозишь тузами.
 Нашелъ ты фигуру ²⁾ въ фигурѣ
 И умъ въ женѣ, болтушкѣ, дурѣ.
 Кадетскихъ хвалишь грамотеевъ ³⁾.
 Твой другъ и баѣинъ Аракчеевъ;
 Французскимъ забросалъ Вальвиля,
 Эмилией зовешь Эмиля ⁴⁾,
 Медали въ вѣчной ты надеждѣ,
 Ты математикомъ былъ *прежде*,
 Для мѣстъ съ герольдіей сносился.
 Смѣнить Захарова просился ⁵⁾,
 Хотѣлъ убить Наполеонку,
 И безъ штановъ оставилъ Лонку ⁶⁾.
 Кадетъ съкалъ на барабанѣ,
 Статьи умножилъ въ Алкоранѣ ⁷⁾.
 Министръ поздненько спохватился:
 Фролова листъ оборотился:
 Тебѣ въ лицо поютъ куплеты.
 Прими же милостиво эти].

Словомъ, отъ 12 часовъ утра до 1 часа послѣ полуночи жили совершенно въ старомъ Лицеѣ. Всѣ тебѣ кланяются и всѣ общались мнѣ доставить немедленно по письмецу; я постараюсь это все собрать и переслать къ тебѣ, — это не хуже будетъ журналювъ. Впрочемъ и «Сына Отечества» къ тебѣ отправлю; если не возмется сдѣлшій почтъ-амтъ непосредственно доставлять, то уже я стану пересылать, хотя правду сказать не знаю, куда, ибо ты на мѣстѣ не долго просидишь, а письма отсюда къ тебѣ обыкновенно ходятъ четыре мѣсяца и болѣе. Впрочемъ все тобою требуемое при первой моей поѣздкѣ въ городъ закуплю и попрошу почтдиректора взять пакетъ подъ особое свое покровительство и рекомендовать его своимъ тамъ подчиненнымъ. Но все я думаю, по кочующей твоей жизни, — вѣрнѣе отправлять все по прежнему твоему назначенію къ Миницкому, нежели къ тебѣ, куда не только почта писемъ, но и ворона костей—не занесетъ.

Я начиналъ было для тебя дѣлать выписки изъ книги очень любопытной и сдѣсь не знаю, почему запрещенной: A chronological History of the North-Eastern voyages of discovery and of the early eastern navigations of the Russians, by

¹⁾ Энгельгардтъ.

²⁾ Такъ онъ всегда выговаривалъ.

³⁾ Онъ прежде служилъ при которомъ-то изъ кадетскихъ корпусовъ.

⁴⁾ Фроловъ въ жизни ничего не читавшій, воображалъ, по сходству звуковъ, что Эмиль Руссо есть женщина.

⁵⁾ Захаровъ—тогда совѣтникъ царскосельскаго дворцоваго правленія.

⁶⁾ Имѣніе его, помнится, въ Смоленской губерніи, откуда онъ бѣжалъ при приближеніи французовъ. (Все это примѣчанія М. К.)

⁷⁾ Въ невѣжествѣ своемъ ссылаясь иногда на Алкоранъ, какъ на законъ нравственности, онъ взваливалъ на бѣднаго Магомета такія афоризмы, которые тому и въ умъ не пруходили. М. К.

C-tu James Burney. — Но Крузенштернъ, который очень интересуется вашимъ путешествіемъ, мнѣ сказалъ, что онъ книгу сію далъ Врангелю, который ее съ собою взялъ. По сему мои выписки уже лишніе, да и выписки сіи дѣлать — значило бы списать всю книгу, ибо она есть не что иное, какъ выписки изъ разныхъ описаній тѣхъ путешествій.— Совѣтую тебѣ ее почитать, хотя ты не очень дюжій англчанъ, но понимать ее весьма легко, и ты въ ней найдешь много любопытнаго и для экспедиціи вашей полезнаго.

«Въ общемъ собраніи читали мы твое письмо,—ѣздили съ тобою на охоту, сердились и бѣсились съ тобою на чиновниковъ, не исполняющихъ своихъ обязанностей, какъ будто сдѣшніе; зябли съ тобою, коптелись съ тобою и наконецъ общимъ приговоромъ положили, что чтобы (Sic) не случилось, но путешествие твое должно кончиться успѣшно и ты черезъ какой-нибудь годъ долженъ быть опять между нами. То-то будетъ потѣха (Sic). Между тѣмъ совѣтую тебѣ вести записки такого рода, чтобы можно было потомъ сдѣсь изъ нихъ составить маленькое особое путешествіецо, которое мы обработаемъ разомъ на русскомъ, немѣцкомъ, французскомъ и англійскомъ языкѣ, приложимъ литографическіе рисунки видовъ, костюмовъ, странностей и пр. и оно принесетъ тебѣ, какъ на звездѣ Володимерской— *пользу, честь и славу*. — Записывай, Federnelke, замѣчай — обряды, обычаи, странности людей и природы и характеристическія черты, записывай много, все вкратцѣ, только для того, чтобы послѣ вспомнить, а ужъ мы составимъ очень любопытную книжечку, которая безъ сомнѣнія найдетъ болѣе читателей, нежели холодное офиціальное донесеніе начальства и начальству о ходѣ и успѣхахъ экспедиціи.

«Одинъ изъ присланныхъ отъ тебя видовъ, а именно — Горичіе сѣрные ключи на берегу Лены, уже у меня разрисованъ, оклеенъ и повѣшенъ на ряду съ прочими моими русскими видами, съ подписью: *снямалъ съ природы Матюшкинъ 1820*. Вотъ тебѣ и начало безмертія!

«Струганиною подчивалъ меня назадъ тому лѣтъ около 20 одинъ знакомой, который былъ сосланъ въ Якутскъ Павломъ и возвращенъ Александромъ. Онъ находилъ, какъ и ты, что это очень хорошо, но я признаюсь, что мнѣ все кажется лучше варить рыбу на огнѣ, нежели на льду. Языки твои очень вкусны, жаль только что пресловутой твоей сырой поваръ не просолилъ ихъ прежде копченія такъ, какъ дѣлаютъ въ Архангельскѣ, откуда множество сюда привозятъ на продажи оленьихъ копченыхъ языковъ, которые и сдѣсь считаются лакомствомъ.— Пушные товары тобою присланные, завтра (Sic) вѣроятно ѣдутъ въ городъ, чтобы быть выдѣланными, и тогда мы въ нихъ подѣлимся. Каждой изъ фамиліи на будущую зиму украсить себя горностаемъ или бѣлкою или соболемъ. Даже намѣренъ опустить край своей фуражки.

«Опись твоего запаснаго магазина насъ очень порадовала; это доказательство, что старанія твои въ добываніи провизіи и запасовъ успѣшны. Дай Богъ въ

передъ также.—Въ прибавокъ тому постараюсь я къ часовымъ приборамъ приобщить нѣсколько сухаго бульону домашняго дѣла; это легко съ собою брать, и если бы даже не было всегда возможности его сварить, то и сухой—есть хорошая и здоровая и питательная пища. Я надѣюсь, что Г-нъ Почтдиректоръ не откажетъ мнѣ своего содѣйствія для пересылки; — бѣда только, что ты это все получишь не прежде, какъ чрезъ 4 1/2 мѣсяца, это такъ долго, такъ долго, что почти перо не ходитъ писавши. Однако что дѣлать.

12 Февраля.

«Я возвратился изъ Санктъ-Петербурга, гдѣ накупилъ тебѣ съ совѣта и наставленія часоваго Мастера Нельсона, цѣлый часовой приборъ, т. е. все что только нужно для починокъ часовыхъ. Но кто будетъ тамъ мастеръ. Козакъ-ли твой? или ты самъ? — Чтобы только хуже не испортить часовъ, вѣдь это не бомбрастенга и не Галсы и не шпиль и не, — ну, чортъ ее побери, забрался въ терминологию вещей, коихъ не понимаю, такъ, какъ почтеннѣйшій Калиничъ:—часто заведетъ рѣчь, заплететъ, завретъ и наконецъ не выпутается. А по просту сказать,—вогь тебѣ разной струментъ по приложенному Герестру (sic), помоги Богъ тебѣ имъ управлять. Досадно, что нѣтъ ручекъ у всѣхъ этихъ штукъ; я было допытывался, но мнѣ вездѣ отвѣчали, что всегда мастера сама (sic) ихъ придѣлываютъ, каждый по своему вкусу и по своей рукѣ. — Почтдиректоръ очень ласково обѣщалъ отпрать, покровительствовать, рекомендовать, доставить и пр. пр. мою посылку, и потому заказанъ Г-ну Фребусу ящикъ для укладки всего.

«Бывъ въ городѣ я провелъ лицейскій вечерокъ у Пушкина. О бывшихъ тамъ узнаешь ты изъ прилагаемаго у сего сборнаго письма, въ коемъ Дельвигъ съ прасонья сдѣлалъ начало. Жаль, что не могъ приискать еще кой-кого старичковъ; но они все въ разбродѣ и разкомандировки. — Послѣ послѣдняго моего письма, которое послалъ я по наставленію твоему къ Миницкому, хотя его сдѣсь не очень надежнымъ прославляютъ,—въ нашихъ нѣтъ важныхъ переменъ ¹⁾...

«О себѣ—что я тебѣ скажу? Почти ничего; вообще очень мало, а хорошаго совершенно ничего, сижу у моря и жду погоды, т. е. возвращенія Царя-Батюшки, которой такъ добръ, что вѣрно не откажетъ мнѣ единственной послѣдней милости, которой у него прошу, — отпустить меня, ибо если мнѣ еще 6 мѣвъ прожить, какъ прожилъ я послѣдніе 10 мѣвъ, то уже меня не станеть; мои волосы посѣдѣли и уже веселье мое все къ чорту, иногда еще, какъ съ нашими сойдуся, проглядываетъ, какъ солнышко въ пасмурной осенній день. Твоя участь правда не завидна, но иногда, право, лучше бы въ юртѣ съ юкагиромъ струганину ѣсть, нежели съ Карцовымъ, Гауеншильдтомъ и Калиничемъ въ золотыхъ чертогахъ

¹⁾ Мы пропускаемъ подробности о товарищахъ Матюшкина.

фазановые пастеты. Ахъ, другъ мой, Montaigne старикъ правъ, когда говоритъ: il nous en faut convenir, c'est un vilain homme que l'homme.

«Завтра ѣду въ городъ, авось не пощастливится ли застать Головнина, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о мѣрахъ, принимаемыхъ для доставленія бѣдной вашей Экспедиціи нѣсколько по благороднѣе содержаніе. Что узнаю,—тебѣ донесу.— Между тѣмъ инструментальные твои обстоятельства пошли лучше: Herr Frebus, нашъ Ц. С. Tischlermeister ¹⁾ взялся въ дни (sic) сроботать всѣ ручки къ твоей часовой сбруѣ; въ среду вечеромъ принесетъ, въ четвергъ уложимъ, въ пятницу отправимъ, а къ тебѣ дойдетъ—черезъ четыре мѣсяца. Это ужасно подумать—и грустно и смѣшно, что все то, что я теперь сдѣсь тебѣ лепечу, не прежде будетъ тобою читано, какъ въ Маѣ мѣсяцѣ. Эка земелька Русь.

«Въ семь ящичкѣ найдешь ты также шоколаду, которой подобно бульйону можно сварить и пить или не сваривши ѣсть, а все сытно и здорово. Авось еще до четверга кой чего найдется гостинца въ вашей странѣ все въ диковину и все лакомо.

«Сакецъ къ тебѣ пишетъ и шлетъ тебѣ фуфайку, которую ему подарила М. Я. ²⁾ назадъ тому два года и которую онъ совсѣмъ не носилъ и не носитъ. Вѣроятно ты отъ струганины своей не разжирѣлъ и потому будетъ она тебѣ въ пору.

16 февраля.

«Быль въ городѣ, ловилъ Головнина, но не поймалъ его: но это дѣло не ушло, до приѣзда Государя все нѣчего дѣлать, а до того времени еще добрыхъ три мѣсяца что я сказалъ? добрые, нѣтъ самые поганые. Нѣчего дѣлать, придется оттерпиваться.—Завтра будутъ ко мнѣ въ гости Пущинъ и Якклвъ,—последнему препоручу я доставленіе сей моей Экспедиціи къ Почтдиректору Булгакову, съ которымъ онъ очень хорошо знакомъ.—Завтре кончу мое письмо.

17 февраля.

Приѣхали золотой и серебряной Пущинъ и Якклвъ... Надобно кончить, надобно все укладывать, ушить. Прощай, Матюшкинъ,—гдѣ бъ не застало тебя сіе посланіе, разборъ ящичка тебя развеселитъ нѣсколько; вспоминай насъ, какъ бульйону покушаешь, какъ шоколаду попьешь, какъ отъ тошноты переперменту пожужешь, какъ фуфайку надѣнешъ, какъ наше лепетанье прочтешь; — все это будетъ старое, но для тебя, бѣдняка,—новѣйшая новость. Прощай, Матюшкинъ; когда только будетъ какой-нибудь случай, то дай о себѣ вѣсть. Прощай, нельзя не быть тебѣ съ удачею, коль такъ много добрыхъ людей тебѣ того такъ искрѣнно

¹⁾ Господинъ Фребусъ—Царскосельскій столяръ.

²⁾ Марія Яковлевна—жена Энгельгардта.

желаютъ.—Пройдетъ и эта поѣздка, какъ прошла первая, и будешь ты опять у насъ, и опять найдешь на тебя столбнякъ, какъ при первомъ возвращеніи, и опять сождемся и опять уже на письмѣ а дѣломъ скажу, что по гробъ твой вѣрной другъ Егоръ Энгельгардтъ».

Не менѣе интересно и слѣдующее письмо изъ Царскаго Села отъ 21 іюня 1821 г. (получено Матюшкинымъ 14 декабря 1821 г.).

Получилъ я, наконецъ, твое письмо, и за долгое прожданье цѣлую тетрадь, надъ которою мы сидѣли въ кружокъ два вечера. Спасибо, братъ, тебѣ, что ты находишь время и охоту съ нами такъ пространно бесѣдовать; лишнее было бы тебѣ сказать, съ какимъ нетѣрпѣніемъ ожидаемъ мы отъ тебя вѣстей и съ какимъ сердечнымъ участіемъ мы ихъ читаемъ. Какъ ни страшно, скучно, опасно твое путешествіе, но два есть утѣшенія: первое—доброй товарищъ Врангель, второе,— что перемогши все то, что уже ты перемогъ, уже будущее едва ли страшнѣе быть можетъ.—Дружбѣ твоей съ Врангелемъ я очень радъ; судя по нашему Лицейскому Врангелю ¹⁾—онъ долженъ быть очень хорошъ; нашъ—человѣкъ преблагогородной и съ рѣдкимъ сердцемъ. Имѣя при себѣ одного друга, легко переносить то, чего бы одинъ не перенесъ.

«Описаніе твоего путешествіе очень любопытно, — объ одномъ только я жалѣю, а имянно, что по сіе время еще не имѣю яснаго понятія о составѣ вашей Экспедиціи, т. е. я не понимаю, отъ чего ты ѣдешь одинъ? отчего баронъ Врангель, оставшійся, по послѣднему письму твоему, въ Якутскѣ, кажется, теперь опять, кажется, съ тобою? гдѣ же прочіе лица, къ экспедиціи принадлежавшіе? всего этого, и вообще всего, что принадлежитъ къ фізіономіи Экспедиціи, я не понимаю. А какъ отвѣтъ на сіи мои вопросы по всей вѣроятности не прежде сюда быть можетъ, какъ черезъ годъ, то и долго еще не пойму.—Лучше всего будетъ, когда ты самъ сядешь опять къ круглому самоварному столу и все самъ расскажешь. До того еще два года;—это очень много, если впереди, а очень мало, когда прошло. Помоги Богъ тебѣ ихъ пережить и перемочь, а уже мы какъ нибудь ихъ переживемъ, хотя и мнѣ правду сказать не такъ то привольно и пріятно жить.

«Я надѣюсь, что моя посылка благополучно къ тебѣ доѣхала; по крайней мѣрѣ мы здѣсь расчитывали время ея къ тебѣ прибытія и любовались мысли, что на берегахъ Ледовитаго Океана будутъ варить и пить шоколадъ. Я бы послалъ тогда и больше, но уже и это съ большими хлопотами приняли по причинѣ тягости.

¹⁾ Баронъ Егоръ Васильевичъ Врангель получилъ образованіе въ заграничныхъ университетахъ (Ленскомъ, Виртембергскомъ и Бюрцбургскомъ), въ 1809 г. былъ назначенъ адъюнктомъ правовѣдѣнія въ Казанскій университетъ, потомъ ординарнымъ профессоромъ правъ. По представленію М. Д. Магницкаго былъ удаленъ изъ университета, затѣмъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій при комиссіи составленія законовъ въ Петербургѣ. Въ 1820 г., по увольненіи Куницына, Врангель занялъ кафедру нравственныхъ наукъ въ Лицеѣ, гдѣ и оставался до 1837 г.

«Въ тотъ же день когда получилъ я препровожденное отъ Илличевскаго ко мнѣ письмо твое, пришло и письмо отъ Бухарца Вольховскаго... ¹⁾»

«Въ профессорахъ нѣтъ также переменъ, кромѣ что Куницынъ за изданіе Естественнаго своего Права, которое конфисковано, удаленъ отъ профессорства, и запрещено ему чему бы то ни было обучать. На мѣсто его у насъ баронъ Врангель и исключая отличной ловкости Куницына въ выраженіи мы если не выиграли, то вѣрно не проиграли въ сей переменѣ».

«Въ Царскомъ же Селѣ нашемъ вообще, и въ особенности въ Лицеѣ, по строительной части—величайшія переменъ. Послѣ пожара весь Лицей съ погреба до крыши возобновленъ и можно сказать лучше сталъ. Я старался, сколько можно, сохранить все по прежнему относительно цвѣта и расположенія живописи въ комнатахъ, но живопись теперь писана академикомъ и такъ хорошо, что жаль почти жить въ залѣ, потому что жильцы ее вѣроятно, хотя безъ намѣренія, но сотрутъ и попортятъ. Все, что было плохо, теперь хорошо и ново, между прочимъ паркетъ; такъ что почтенному Измайлову теперь на долго не ходить по залѣ для починки оныхъ костыльками.—Библіотека въ аркѣ теперь сдѣлана въ два свѣта и маленькая лѣсенка краснаго дерева возноситъ Сагена въ второй ярусъ.—Кабинетъ минеральной устроенъ прелѣстнѣйшимъ образомъ въ полукруглой комнатѣ, гдѣ въ твое время стояли клавиорды и былъ пѣвческій классъ. При семъ случаѣ долженъ я напомнить тебѣ, что весьма бы было прилично, еслибъ ты привезъ для сего вновь образованнаго Кабинета нѣсколько Сибирскихъ рѣдкостей: —штуфъ, камней, окаменѣлостей или тому подобнаго; разумѣется *рѣдкостей*, то есть такихъ вещей, которыя не совсѣмъ обыкновенны и находятся во вѣсхъ кабинетахъ. Ломоносовъ уже сдѣлалъ маленькое начало и обѣщалъ продолженіе по пріѣздѣ».

«Къ статѣ вспомнилъ еще объ одномъ путешествующемъ чугунникѣ: Стевенъ писалъ мнѣ въ послѣдній разъ изъ Марселя, откуда онъ на другой день намѣревался отправиться водою въ Грецію. Но по нынѣшнимъ тамъ и во вѣсхъ турецкихъ владѣніяхъ обстоятельствамъ, я сомнѣваюсь, чтобы рѣшились они туда ѣхать. Жаль, впрочемъ, что планъ ихъ путешествія такъ разстроился, и что вмѣсто поѣздки по Малой Азіи, Греціи и Турціи—они возвратятся домой просто и то еще съ довольными околичностями, потому что теперь по Черному и прилежащимъ къ оному морямъ очень опасно проѣзжать. Ты получаешь газеты и потому знаешь, что греки подъ предводительствомъ князя Ипсилантія возстали противъ Порты и хотятъ быть самостоятельнымъ, вольнымъ народомъ, что Порта по старому обычаю своему начала съ того, что перерѣзала головы у вѣсхъ грековъ, въ Царградѣ находящихся, начиная съ 80 лѣтняго Патріарха, котораго повѣсили предъ дверьми монастыря его. Отъ грековъ перешли они вообще къ христіанамъ, задумавъ

¹⁾ Мы также опускаемъ подробности о лицейстахъ перваго курса.

шили множество, ограбили и сожгли 17 христіанскихъ церквей въ Цареградъ и неслыханнымъ образомъ обидили разныя Европейскія посольства. Кажется, что настало то время, въ которое очистятъ Европу отъ нихъ: давно пора!

«Но Богъ съ ней, съ политикою; возвратимся въ блаженное Царское Село. Ты его совершенно не узнаешь. Съ прїѣзда отъ Павловска выстроены великолѣпный домъ графа Кочубея, противъ онаго поставлены чугуныя ворота, у Пансіона стоявшія; далѣе отстроены манежъ—прекрасное строеніе! далѣе оранжереи—чудесное строеніе, а на будущій годъ предполагаютъ отстроить весь рядъ домиковъ отъ оранжерей до Лицея.—Звѣринецъ чрезвычайно увеличенъ и сдѣлался такъ прелѣстенъ, что многіе предпочитаютъ его саду. Огромное готическое строеніе посрединѣ и нѣсколько меньшихъ въ разныхъ мѣстахъ украшаютъ его; нашлась вода, рѣчка, озеро,—словомъ звѣринецъ—рай. Я уже не говорю объ украшеніи города, который невѣроятнымъ образомъ увеличился и обстроился. Прїѣзжай только, да припасай глаза:—есть, чего смотрѣть, а въ два года еще многое прибудеть, ибо Государь влюбленъ по прежнему въ свое Царское Село и украшаетъ оное, какъ любовникъ свою возлюбленную. И наша бывшая такъ называемая ограда, Лицейской садъ,—очень разросся, и отдѣльные въ немъ садики воспитанниковъ одинъ другого лучше. Кромѣ садковъ для забавы, заведенъ у насъ и садокъ ботанической по Линнеевой системѣ, заведенъ и разсадникъ для кустарниковъ и деревъ, которые мы на прогулкахъ нашихъ набираемъ, къ себѣ пересаживаемъ и потомъ украшаемъ свои садки.—Будетъ ли это все продолжаемо послѣ или нѣтъ,—я не знаю, но сомнѣваюсь. Я было хотѣлъ подобное ввести и въ Пансіонъ, гдѣ болѣе еще удобства по пространству мѣста, но не пошло на ладъ. Никто не содѣйствовалъ, никто изъ начальствъ участія не принималъ и заготовленные садовые мѣстечки все заросли крапивою и тѣрніемъ. — Жаль, занятіе природою смягчаетъ сердце, возбуждаетъ чувство, привязываетъ къ природѣ, оно есть лучшее основаніе вѣры, ибо нѣтъ священнѣе, величественнѣе книги, какъ книга природы. Надобно только сердце, которое бы умѣло въ сей книгѣ читать. Но это вещи, которыхъ Гншльдты и имъ подобные люди не понимаютъ; на это надобно сердце и чувства, а у нихъ этого и въ заводѣ не бывало.

25 іюня.

«Я опять вчера вечеромъ на досугѣ перечиталъ твое письмо и вижу, что у тебя было намѣреніе объяснить мнѣ что нибудь на счетъ фізіономіи вашей экспедиціи и соединенія твоего съ барономъ Врангелемъ. Въ первую минуту радости о полученіи этихъ строкъ, писанныхъ тѣми цилиндрами, которые у тебя замѣняютъ пальцы и которые такъ не по Калинински пишутъ, что съ трудомъ только разбираю я Героглифы,—въ первую минуту радости я только пробѣгалъ въ скользь твои строки и любовался между прочимъ плѣнительному архитектурному виду За-

шиверска; я хотѣлъ главнымъ образомъ удостовѣриться, что ты живъ, здоровъ, и духа твердости не потерялъ. Я пробѣгалъ твое письмо и перебирая и перекладывая листы онаго, я проложилъ отдѣльное письмо № 17, которое объясняетъ нѣсколько обстоятельствъ, для меня темныхъ. Теперь я все порядкомъ и съ толкомъ прочиталъ и понимаю, что ты съ Врангелешъ составляешь *tout le personal de l'expédition*. Хотя съ одной стороны, и скучно и хотя бы, конечно, лучше бъ было имѣть при себѣ натуралиста, котораго бы ботаника простиралась и далѣе Потентоллы анзерины, но съ другой стороны, для поѣздки на собачей почтѣ лучше почти быть въ меньшемъ числѣ, ибо менѣе нужно нартъ, провизій и всего, тому подобнаго.— Впрочемъ Врангель съ своими знаніями замѣнитъ многое собою. Замѣчайте, господа, замѣчайте все, записывайте и не полагайте ни о чемъ: «это уже извѣстно». Одинъ и тотъ же предметъ, видѣнный въ разные времена, подъ различными сопровождающими обстоятельствами и разными наблюдателями, — даетъ разные виды. *Ein neuer, frischer Blick sieht vieles da, wo der gewöhnte, abgenutzte Blick nichts findet*. Вы должны дать описаніе вашего путешествія, собирайте матеріалы:—можетъ быть выйдутъ и два описанія; одно чисто *wissenschaftlich*,— оно будетъ для науки, для ученыхъ, и будетъ полезно. Другое должно бы быть *humoristial*, т. е. болѣе забавно, оно будетъ читано большею публикою и оно заставитъ говорить объ васъ и объ Экспедиціи вашей, которая безъ того останется забытою въ Архивахъ почтеннѣйшей Армиралтействъ - Коллеги. Собирайте матеріалы для обѣихъ сочиненій, виды тамошней замороженной природы, нравы и *Eigenheiten* жителей, маленькія характеристическія черты, происшествія и анекдоты, *слова или приговорки національныя*, словомъ сказать, все, что можетъ служить къ нравственному познанію обитателей того края; я говорю обитателей, а не жителей, ибо я полагаю, что люди тамъ не живутъ, а только развѣ прозябаютъ—*sie vegetiren*.—Жаль, что съ вами нѣтъ хорошаго рисовальщика, ибо твои рисунки, какъ они ни пріятны и прекрасны для меня въ твоихъ письмахъ, но едва-ли могутъ служить къ изданію въ публику, а публикѣ надобны картинки. Крузенштернова Путешествія у него еще лежатъ величайшія кипы тогда, когда Лангедорфа описаніе (довольно плохое) все раскуплено ¹⁾).

«Сакенъ обѣщался къ тебѣ писать, но поелику онъ на письма очень тугъ и лѣнивъ, то я никакъ не ручаюсь за исполненіе сего предпріятія. Отъ товарищей не могу тебѣ доставить писемъ, потомучто многіе въ отъѣздѣ, другихъ я никогда не вижу, а прочихъ хотя и выдаю, но вдругъ поймать не умѣю. Впрочемъ,—Сакенъ услышавъ вышеописанное, содрогнулся и рѣшительно сѣлъ на супротивъ меня, взялъ листъ бумаги и чертитъ по ней перомъ что есть мочи въ немъ. Ліха бѣда начать,—теперь за его письмомъ дѣло не станетъ.

¹⁾ Мы пропускаемъ свѣдѣнія о лицезстахъ.

«Я намѣренъ просить Михайлу Михайловича ¹⁾ объ отсылкѣ сего письма, оно чрезъ него вѣроятно скорѣе дойдетъ, нежели просто по почтѣ. Съ М. М. еще здѣсь ничего не рѣшено; публика, которая всегда чрезвычайно много знаетъ, уже назначила его на прежнее мѣсто, т. е. въ Государственные Секретари. Дай Богъ! Это важнѣйшее во всемъ Государственномъ управительномъ механизмѣ мѣсто, имъ самимъ создано и кромѣ его нѣтъ въ Государствѣ человѣка, который бы былъ въ состояніи оное занять. Онъ, и только онъ, имѣетъ къ тому всѣ потребныя качества: умъ, сердце, твердость, знаніе дѣлъ, ясность въ понятіяхъ и способность легко, скоро и хорошо обработать дѣло. Дай Богъ, чтобы былъ онъ у насъ; дай Богъ, чтобы у престола добраго нашего Царя-Отца стояли человѣка три, четыре, подобныхъ М. М., которые бы безъ боязни за себя доводили до Него истинну; у насъ былъ бы Рай земной. Впрочемъ, кажется, скоро должно оказаться, что будетъ».

«Ты, вѣроятно уже слышалъ, если слышится что нибудь въ вашемъ ледникѣ, что Естественное право Куницына, напечатанное по приказанію Министра Народнаго Просвѣщенія и съ одобренія Цензуры, конфисковано и запрѣщено, какъ книга пагубная, разрушающая вѣру Христіанскую и расторгающая всѣ связи семейственныя и Государственныя; что Куницынъ отъ всѣхъ должностей по М. Н. Просвѣщенія отставленъ и запрѣщено ему что-либо и гдѣ-либо преподавать. Онъ нашелъ себѣ мѣсто у Министра Финансовъ, но вмѣсто 10 или 12 тысячъ, которые имѣлъ онъ какъ профессоръ, онъ нынѣ имѣетъ только 2500 р.—Жаль! а Куницынъ умѣлъ учить и добру—училь! а люди презрительные во всякомъ отношеніи и ума и сердца, напримѣръ Гауеншильдты, Карповы и имъ подобныя, остаются и награждаются. Плохо, если это продолжится ²⁾».

«Марья Яковлевна и всѣ наши баришни, шетомъ три штуки, посылаютъ тебѣ множество поклоновъ, благословеній, добрыхъ желаній и пр. и пр. и пр. къ нимъ же присоединяется Madame Whitruker ³⁾, которая часто о тебѣ навѣдывается».

«Я бы еще настрочилъ и 12-ю страницу сего посланія моего, но М. М., говорятъ, вѣдетъ до обѣда въ городъ, и я долженъ послѣдить доставленіемъ ему моего пакета. Прощай, Federnelke, прощай, другъ мой! будь здоровъ, это главное, что тебѣ нужно, все прочее пойдетъ хорошо, и самъ Шаманъ тебѣ хорошаго пророчилъ. Я также нѣсколько (только безъ бубенъ) шамаяю и по моему шаманству ты долженъ быть щастливъ;—ты доброй человѣкъ, а за добрыхъ людей Богъ!—Прощай, мой другъ, люби Лицей, люби Твоего друга Егоръ Энгельгардтъ».

¹⁾ Сперанскій.

²⁾ Мы пропускаемъ свѣдѣнія о лицеистахъ.

³⁾ Не искажена ли эта фамилія? Whitaker была дѣвическая фамилія жены Энгельгардта—Маріи Яковлевны, можетъ быть, здѣсь говорится о какой-либо ея родственницѣ. См. о ней письмо отъ 14 апрѣля 1841 г.

Кромѣ этихъ писемъ Энгельгардта къ Матюшкину за 1821 г., мы имѣемъ еще письмо Энгельгардта къ Вольховскому отъ — ноября 1821 г., гдѣ онъ упоминаетъ о Матюшкинѣ. Вотъ что онъ пишетъ: «Отъ Матюшкина я имѣю не письмо, а извѣстiе чрезъ М. М. Сперанскаго, которому баронъ Врангель доноситъ, что они благополучно достигли главной (главной) своей цѣли, они рѣшили большую нерѣшеную еще русскую географическую задачу: Сѣверовосточной конецъ Сибири Чукотской или Шалаунской носъ астрономически означенъ—между Азіей и Америкою нѣтъ связи и Беринговъ проливъ есть дѣйствительный проливъ. Ай да Матюшкинъ! Врангель нѣсколько разъ въ донесеніи своемъ принимается разхвалить его и говорить, что успѣхъ въ трудномъ семъ предпріятіи большею частію приписать должно бывшему воспитаннику Лицея Матюшкину. Ай да Лицей! Сперанскій, какъ Генераль Губернаторъ Сибири, и разбѣряя все тамошнимъ масштабомъ, увѣрилъ меня, что Матюшкинъ теперь *уже скоро* возвратится. Что же называете вы скоро?—Я думаю, что они къ концу *будущей* зимы могутъ *уже* здѣсь быть! Спасибо за такую скорость! Да и краёкъ хорошъ; мѣренной дороги 11 720 верстъ, а сверхъ того еще мѣсяца 1½ ѣзды! Ай да Матушка Русь!»

Подробности объ экспедиціи Врангеля и о житьѣ-бытьѣ Матюшкина у береговъ Ледовитаго Океана мы находимъ въ писемѣ Энгельгардта къ Матюшкину отъ 2 января 1822 года изъ Царскаго Села. Вотъ что писалъ Энгельгардтъ:

«Мысль или островъ *Лицейской*. Чрезъ долгое время забудутъ, кто былъ Матюшкинъ, но если близъ Матюшкина на картѣ будетъ Лицей, то вѣрно вспомнить, что Матюшкинъ былъ Лицейской.

«Требуемый тобою серебрянный чайникъ при семъ я посылаю; но что съ нимъ будетъ, не знаю. Ты мнѣ въ майѣ мѣсяцѣ 1821 года пишешь, чтобы я послалъ тебѣ въ Новоколомьскъ посылку, довольно цѣнную. Письмо твое о томъ доходитъ сюда въ декабрѣ, я отправляю посылку къ тебѣ въ Генварѣ 1822, и если она весьма успѣшно пойдетъ, то прибудетъ въ Новоколымскъ въ Іюнь мѣцъ, когда, вѣроятно, ни духу, ни слуху твоего тамъ не будетъ. Кто же прійметъ этотъ чайникъ? Зачемъ не писалъ ты, къ которому изъ живущихъ или прозябающихъ тамъ животныхъ (если есть, кромѣ бѣлыхъ медвѣдей) адресовать посылку.—Вообще, любопытенъ я по возвращеніи твоемъ имѣть коментаріи на всю исторію сего чайника, который, какъ мнѣ кажется, есть: ein dummer Streich von Federnelke. Tempus docebit.

«Между тѣмъ Головинъ обѣщалъ мнѣ чрезъ Пушина сдѣлать нѣкоторую протекцію, рекомендовавъ посылку какому-то Сибирскому Почтъ-директору; а за казенною печатью отправить не согласился. Доѣдетъ-ли или нѣтъ,—не знаю.

«Упоминаемые въ писемѣ твоемъ пробы куницъ и желѣзная руда не пріѣхали. Первыхъ не жаль, потому что отсюда комиссіи никто бы не сдѣлалъ; всякъ желаетъ видѣть, что онъ покупаетъ, всякъ желаетъ покупку свою имѣть тотчасъ

и не ожидая цѣлый годъ; при томъ же всё привозимые изъ Сибири сюда мѣха, какъ говорятъ, должны быть сдѣсь передѣлываемы, перешиваемы и пр., и сдѣшніе мастера за это берутъ чрезмѣрно дорого, для того, чтобы отбить у сдѣшнихъ покупщиковъ охоту прямо выписывать товаръ, на которомъ они хотятъ выигрывать сами и непосредственно.—Жаль, что железо дорогою разтаяло,—оно бы было хорошей pendant къ подарку 24 отличительныхъ Северо-Американскихъ рудъ, которыя Ломоносовъ привезъ въ нашъ Кабинетъ. Прошу непременно съ сей поѣздки не возвратится съ пустыми руками, какъ съ первой, а непременно привезти въ нашъ Кабинетъ какія-нибудь естественныя рѣдкости Ледовитаго моря или края. Я люблю украшать наши коллекціи именами нашихъ воспитанниковъ,—это въ честь имъ и намъ. И Илличевскому, котораго ожидаю... въ скоромъ времени сюда, данъ тотъ же приказъ.

«A propos de подарки, я и забылъ тебѣ сказать, что твой серебрянный чайникъ, который, Богъ знаетъ, когда и кому въ руки попадетъ, стоитъ 275 р. Я надѣюсь, что онъ понравится, ибо онъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Когда Богъ насъ опять сведетъ, тогда ты мнѣ разтолкуешь, какъ о семь чайникѣ, такъ и о многомъ, если не мистическомъ, то по крайней мѣрѣ непонятномъ въ письмахъ твоихъ, которые (особенно послѣднія) очень безтолковы.—И маминька твоя, къ которой я препроводилъ твое письмо, жалуется, что отъ тебя получаетъ только Zettelchen, die mir eigentlich gar nichts sagen, als dass er noch nicht tod ist. Der Bube könnte sich doch wohl vorstellen, mit welcher heißen mütterlichen Sehnsucht ich jeder etwas umständlichern—Nachricht von ihm entgegen sehe.—Что правда, то правда. И мнѣ приходится стыдно; люди знаютъ, что мой Матюшкинъ въ этой Экспедиціи; люди, слѣдовательно, у меня навѣдываются о успѣхахъ оной, и я долженъ признаваться, что ничего не знаю.—Спасибо Крузенштерну,—тотъ мнѣ все что изъ письма, имъ отъ Врангеля полученнаго, сообщилъ, такъ что я не совсемъ какъ безтолковый при вопросахъ стою.

«Впрочемъ, письма твоего отъ февраля, писанное пешеходцомъ Кохреномъ, я не видалъ, какъ ушей своихъ. Жаль! впрочемъ и хорошо, потому что я, узнавъ, что ты отправляешься одинъ безъ Врангеля, очень беспокоился бы объ успѣхѣ твоёмъ. Все къ лучшему!—Письмо мое, о которомъ ты говоришь, что оно послано чрезъ г. Шулгина!—я не знаю, ибо Шулгинъ, сидитъ очень спокойно въ классѣ, и если бываетъ на берегахъ Ледовитаго Океана, то конечно не иначе, какъ на картѣ. Между тѣмъ я очень радъ, что ты получилъ письмо, но болѣе бы еще радовался, еслибы узналъ, что ты получилъ ящикъ съ часовыми инструментами и съ гостинцами. Онъ соединялъ *dulci et utile!*...

«Еще большая и важная Лицейская новость: пресловутый Фотій¹⁾ наконецъ рѣшился оставить Лицей, или лучше сказать, избавить насъ отъ ига несносной

¹⁾ Фотій Петровичъ Калининъ, учитель чистописанія и гувернеръ въ Лицеѣ съ 1811—1851 г.

своей персоны. Онъ переходитъ въ Пансіонъ; туда дорога—къ другу своему Гншльдту, а дѣла ему тамъ будетъ, ибо это заведеніе, которое Его С-тво выставлялъ мнѣ неоднократно въ примѣръ, заключаетъ въ себѣ все, что только можно назвать развратомъ: карты, въ которыя играютъ съ гувернерами, пьянство съ гувернерами и пр. и пр.

«Сегодня надобно посылку отправить къ Пушкину для доставленія къ Головинну, которой не *подъ казенною*, а подъ своею печатью хочетъ отправить ее къ Иркутскому Почтдиректору. Дай Богъ въ добрый часъ, чтобы доѣхала и чтобы попалась въ руки кому слѣдуетъ.

«Наши барини и барышни всѣ тебѣ кланяются сердечно и съ нетѣрпѣніемъ ожидаютъ твоего возвращенія. Между прочимъ просятъ, чтобы ты научился основательно шаманству, дабы могъ ты имъ по прїѣздѣ пошаманить и пророчить будущее. Женщины вообще любопытны, а дѣвушки еще особенно; итакъ, вотъ тебѣ задача!

«Прощай Federnelke! à propos de Federnelke, я припомнилъ о ботаникѣ. Я очень радъ, что ты треплешь Блуменбаха; привези намъ записки, замѣчанія и пр., чтобы по крайней мѣрѣ слѣдъ былъ твой поѣздкѣ собачьей и чтобы не исчезла, какъ поѣздка вокругъ свѣта, съ которой ты кромѣ себя ничего не привезъ. Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть что-нибудь печатнаго твоимъ именемъ. Запасай лишь матеріалы, а уже сочинять станемъ. Прощай, другъ мой, будь здоровъ, вотъ главное, чего тебѣ пожелать должно. Вѣчно твой вѣрной другъ Егоръ Энгельгардтъ».

Этимъ письмомъ кончается рядъ писемъ Энгельгардта къ Матюшкину, отправленныхъ на мѣсто стоянокъ Сѣверной экспедиціи; что касается до самой Сѣверной экспедиціи барона Врангеля, то мы находимъ слѣдующее описаніе ея въ біографіи Матюшкина, помѣщенной въ Морскомъ сборникѣ. Федоръ Федоровичъ Матюшкинъ и въ этой, длившейся слишкомъ четыре года (23/ш 1820—1/ч 1824), экспедиціи, вполнѣ оправдалъ надежды, возложенныя на него барономъ Врангелемъ. Здѣсь Матюшкинъ, въ странѣ льдовъ, вѣчнаго снѣга и постоянного мрака, самоотверженно трудясь на пользу науки и родного мореплаванія, неоднократно блистательно исполнялъ отвѣтственныя порученія и былъ по истинѣ правой рукой начальника экспедиціи. Такъ, на него была возложена поѣздка въ мѣстечко Островное съ цѣлью войти въ дружелюбное сношеніе съ чукчами, самымъ воинственнымъ и самостоятельнымъ изъ всѣхъ кочующихъ Сибирскихъ народовъ. Матюшкинъ исполнилъ это порученіе съ такимъ успѣхомъ, что экспедиція, не опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны чукчей, могла предпринять путешествіе черезъ кочевья этого народа. Путешествіе Федора Федоровича для изслѣдованія береговъ Большого и Малаго Андря и до тундрѣ къ востоку отъ Калымы въ 1822 году, дали въ результатъ точныя описанія этихъ мѣстъ и очеркъ нравовъ

ихъ обитателей. Въ подлинныхъ отчетахъ Матюшкина объ этихъ путешествіяхъ, помѣщенныхъ въ описаніи путешествій барона Врангеля, мѣста, пополненные описаніями дикой природы сѣвера, проникнуты поэтическимъ восторгомъ, съ которымъ Федоръ Федоровичъ относился всегда къ красотамъ природы. Полное опасностей путешествіе по тундрѣ къ востоку отъ Калымы, возбудило въ свое время удивленіе въ Европѣ и составило имя Матюшкину въ ученое мѣръ. Проходя снѣжными пустынями, экспедиція Матюшкина, по незнанію проводникомъ мѣсть, заблудилась и, блуждая нѣсколько дней, осталась безъ съѣстныхъ припасовъ, такъ что всѣмъ угрожало погибнуть отъ голода. Только мужество и присутствіе духа Федора Федоровича, твердо рѣшившагося, безъ помощи другихъ, отыскать потерянную дорогу въ совершенно неизвѣстной ему мѣстности, спасло всѣхъ спутниковъ отъ угрожавшей имъ голодной смерти. Не малую пользу принесъ Матюшкинъ экспедиціи своимъ талантомъ къ рисованію: всѣ рисунки, приложенные къ описанію путешествія барона Врангеля, изданные Императорскою Академіею Наукъ, въ видѣ прибавленія къ этому описанію и изображающіе сѣверныя сіянія и полярныя льды, сдѣланы были искуснымъ карандашомъ Федора Федоровича. Начальникъ экспедиціи, полный признательности за плодотворные труды Матюшкина, назвалъ одинъ изъ описанныхъ имъ мысовъ мысомъ «Матюшкина». Этотъ мысъ лежитъ $69^{\circ}43' 50''$, широты и $17^{\circ}47'$, долготы отъ Гринвича.

За эту экспедицію Матюшкинъ былъ произведенъ въ лейтенанты, такъ какъ четырех-лѣтняя служба его въ экспедиціи была засчитана вдвое, и награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст. съ прибавочнымъ жалованьемъ; кромѣ того, ему зачисленно 4 года службы на полученіе ордена Св. Георгія ¹⁾).

Не мѣшаетъ упомянуть здѣсь, что про эту экспедицію сообщаетъ нѣкоторыя интересныя подробности товарищъ Матюшкина баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ, въ своей книгѣ «Жизнь графа Сперанскаго (Спб. 1861 г., т. 2). Графъ Корфъ говоритъ, что въ 1820 году къ графу Сперанскому, тогдашнему Сибирскому генералъ-губернатору, были присланы цѣлымъ двѣ партіи молодыхъ морскихъ офицеровъ, которые поступили въ полное его распоряженіе. Это была экспедиція, отправленная въ то время для обозрѣнія сѣверо-восточныхъ береговъ Сибири и состоявшая изъ морскихъ офицеровъ: барона Врангеля, Анжу и Матюшкина. Что вліяніе Сперанскаго имѣло большое значеніе для экспедиціи подтверждается самимъ Врангелемъ въ его трудѣ («Путешествіе къ сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю» Фердинанда фонъ-Врангеля ч. I), въ которомъ онъ говоритъ, что безъ особеннаго и сильнаго покровительства Сперанскаго предпріятіе рушилось бы въ самомъ началѣ отъ недостатка мѣстныхъ способовъ. Сперанскій, увѣрившись въ нравственныхъ и умственныхъ качествахъ молодыхъ участниковъ экспедиціи, далъ имъ, такъ сказать, диктаторскую власть надъ мѣстными

¹⁾ См. формуляръ—1824 г. апрѣля 21.

административными лицами. Графъ Корфъ упоминаетъ о запискахъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина, писанныхъ во время экспедиціи и замѣчаетъ о нихъ, что это—«простой рассказъ молодого человѣка, записывавшаго свои впечатлѣнія только для себя». По поводу этой экспедиціи Матюшкину пришлось познакомиться съ Сперанскимъ и, хотя Матюшкинъ лично былъ предубѣжденъ противъ него ¹⁾, тѣмъ не менѣе при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ былъ обвороженъ умомъ и привѣтливостью Сперанскаго и въ концѣ концовъ сдѣлался горячимъ его поклонникомъ.

Между прочимъ Матюшкинъ снабжалъ Сперанскаго научными книгами изъ своей походной бібліотеки, такъ, напр., онъ ему далъ описаніе Палласа на нѣмецкомъ языкѣ; они при встрѣчахъ часто вели бесѣды о Лицеѣ, Пушкинѣ, «Русланѣ и Людмилѣ» и впоследствии переписывались другъ съ другомъ. Такъ, Матюшкинъ говорилъ Корфу о письмѣ, присланномъ Сперанскимъ въ Калымскъ ²⁾.

Продолженіе свѣдѣній объ этой экспедиціи и вообще о жизни Матюшкина по возвращеніи въ Россію, мы имѣемъ въ цѣломъ рядѣ писемъ Энгельгардта за 1824 г. Въ этихъ письмахъ Энгельгардтъ сообщаетъ много интересныхъ подробностей о лицейскихъ товарищахъ Матюшкина, о нѣкоторыхъ воспитанникахъ слѣдующихъ курсовъ Лицея; здѣсь же мы находимъ бездну драгоценныхъ біографическихъ свѣдѣній о самомъ Энгельгардтѣ и, наконецъ, изъ этихъ писемъ мы видимъ, что Энгельгардтъ старался издать описаніе путешествія Матюшкина, стараясь выдвинуть своего любимаго ученика на литературное поприще. Приведемъ эти письма полностью.

«Добро пожаловать въ Бѣло-Каменной Москвѣ, между людьми!—Почти въ одно и то же время получилъ я твое писемцо изъ Казани и извѣстіе о прибытіи твоёмъ въ Москву, чрезъ нашего Лицейскаго Замятнина ³⁾—Говорить тебѣ о моей, о нашей радости было бы лишнее:—ты знаешь насъ, знаешь, какъ мы тебя любимъ, знаешь слѣдовательно, съ какимъ радостнымъ нетерпѣніемъ ждали и ждемъ тебя. Такъ ли опять къ намъ нагрянешъ, какъ послѣ морскаго путешествія? Помнишь ли тотъ вечеръ, когда пріѣхалъ и стоялъ и молчалъ? Это было въ Царскомъ Селѣ, а теперь уже меня искать должно въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Острову, за Среднимъ Проспектомъ, во 2-й линіи, въ домѣ Шоберта! Много перемѣнъ, братъ Federnelke, и на долгое время будетъ у насъ о чемъ толковать съ тобою. Ты намъ станешь рассказывать о льдинахъ и бѣлыхъ медвѣдяхъ, а мы тебѣ о лицейскихъ произшествіяхъ, о томъ, что было и прошло. Будемъ

¹⁾ При проѣздѣ черезъ Сибирь Матюшкинъ остановился въ Томскѣ у своего лицейскаго товарища Алексѣя Демьяновича Илличевскаго, отецъ котораго, Томскій Губернаторъ, былъ отданъ подъ судъ Сперанскимъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ домѣ Илличевскаго были предубѣждены противъ Сперанскаго, и это предубѣжденіе перешло къ Матюшкину.

²⁾ См. «Жизнь гр. Сперанскаго». Спб. 1861 г., т. 2, стр. 217—221.

³⁾ Димитрій Николаевичъ, восп. III курса, вып. 1823 г.

вмѣстѣ радоваться, что ты пережили адскую Экспедицію, будемъ вмѣстѣ горевать что мы пережили бѣднѣйшій Лицей.—Пиши мнѣ, Federnelke, но написавъ письмо не оставляй подъ тюфякомъ, а отправь. — Скоро къ тебѣ ѣдетъ Пущинъ; онъ опредѣляется служить въ Москву, гдѣ, впрочемъ, есть уже съ тобою кое-кто нашихъ:—Бакунинъ, Кюхельбекеръ, Яковлевъ, Данзасъ, Пальчиковъ ¹⁾),—народъ все хорошій, есть съ кѣмъ о Лицеѣ поговорить.—Мнѣ, впрочемъ, очень жаль, что почтенная твоя маминька не сдѣсь въ Петербургѣ при Институтѣ, ты бы уже сдѣсь былъ, и мы бы какъ-нибудь съ нею подѣлились.

«Сдѣсь говорятъ о большихъ наградахъ за вашу экспедицію; полагаютъ, что будетъ каждому чинъ, крестъ и пансіонъ. Послѣднее главное! Впрочемъ есть за что дать, вы болѣе гораздо претерпѣли, нежели Парри, который имѣлъ славный, теплый корабль, провизии и пр. и пр., и жилъ баринкомъ.—Третьяго дня случилось мнѣ быть о Моллера; мы о томъ много разговаривали, и онъ признавался, что дѣйствительно адская ваша Экспедиція много претерпѣла и во многомъ успѣла. Жалко очень, что послѣдній штормъ, взломившій ледъ, не позволилъ доѣхать до земли, о коей толкуетъ козакъ Андреевъ и о существованіи коей увѣряли чукчи. Хотя и нѣтъ вины вашей, но все какъ будто бы что-то въ Экспедиціи не окончено.

«Изъ одного письма твоей маминьки ко мнѣ могъ я догадаться, что у васъ съ барономъ Врангелемъ что не ладилось;—не говори о томъ чужимъ людямъ, ты знаешь, какъ въ свѣтѣ всегда дѣлается: изъ одного твоего слова сдѣлаютъ цѣлую рѣчь; это дойдетъ искаженнымъ до Врангеля и до высшаго начальства и можетъ сдѣлаться тебѣ вреднымъ. Будь остороженъ и оглядывайся, съ кѣмъ говоришь!

«Нынѣ спѣшу отправить свое письмо по почтѣ, и для того не сообщаю тебѣ никакихъ подробностей, а только тебѣ скажу вообще, что весь нашъ народъ лицейской и чугунной здравствуетъ и болѣе или менѣе процвѣтаетъ.—Савенъ оставляетъ Лицей; онъ опредѣлится сдѣсь и будетъ жить у меня. Мои домашніе всѣ здоровы и посылаютъ тебѣ много, много поклоновъ.—А ргоров, ты вѣрно увидишься въ Москвѣ съ Соболевскимъ; заставь его срисовать твою рожу для моей коллекціи Лицейскихъ рожъ; онъ, вѣрно, помнитъ еще величину и помнитъ, что всѣ они нарисованы въ Лицейскихъ сертукахъ. Не забудь о семь, Матюшко!

«Прощай, другъ мой, коль скоро нѣсколько согрѣнеша, то напиши кое-что о себѣ твоему вѣрному другу. Егоръ Энгельгардтъ ²⁾).

«Что дѣлается съ нашею перипискою, я не понимаю! Послѣ всѣхъ неудачъ, въ оной бывшихъ, пока тебя замораживали на Ледовитомъ Океанѣ, я хотѣлъ по крайней мѣрѣ доказать тебѣ исправность мою, и потому, получивъ твое писемцо

¹⁾ Владиміръ Петровичъ, воспитанникъ II курса, вып. 1820 г.

²⁾ С.-Петербургъ Генваря 14 дня 1824.

изъ Казани, тотчасъ написалъ къ тебѣ въ Москву и письмо адресовалъ къ твоей маминкѣ въ Екатерининскомъ Институтѣ. Почему, отчего и для чего это письмо, писанное, числа не помню,—къ тебѣ не дошло, я не понимаю, а я было надѣялся обрадовать тебя имъ при первомъ вступленіи твоёмъ въ Москву. Я надѣюсь, что оно по крайней мѣрѣ, хотя поздно, но дойдетъ и докажетъ тебѣ, что я къ тебѣ писать не лѣнивъ.

«Здравствуй, Матюшко! Я Угримова много о тебѣ разспрашивалъ и удосто-вѣрилъ, что ты возвратился морально и физически такой же, какъ уѣхалъ: толстъ чудакъ, пальцы—коротенькіе цилиндрики, говоришь отрывками и не оканчивая фразъ, впрочемъ—доброй лицейской чугунникъ! Слава Богу! Wenn man sich nur erholt im Sturme der Welt, so mag's gehen wie es will. Здравствуй, Feder-nelke Лицейской. Тебя нѣтъ еще здѣсь, но я тебя отъ всего сердца обнимаю и съ нетѣрпѣніемъ жду твоего приѣзда.

«Странно, что наши, въ Москвѣ живущіе Лицейскіе ничего обо мнѣ не знаютъ! Данзасъ, съ которымъ я въ перепискѣ, кажется сообщалъ имъ свѣденія обо мнѣ, также и Бюхельбекеръ, къ которому я недавно еще писалъ и отвѣтъ отъ него получилъ.—Что касается до Пальчикова и Бакунина, то они или слишкомъ заняты государственными и собственными дѣлами или у нихъ чернилъ и бумаги не стало, но я отъ нихъ не только письма, но и постскриптумъ не видалъ, а по-тому и къ нимъ не писалъ.

«Впрочемъ обо мнѣ что сказать? Я отставной Schulmeister,—on se fait à tout», въ пестрой моей жизни приученъ уже отъ многого отвыкать, теперь долженъ стараться отвыкнуть и отъ занятія, которому посвятилъ я всю жизнь, всѣ душев-ныя силы свои; я уже начинаю привыкать къ мысли, что я не въ Лицеѣ, что я уже не долженъ образовывать Чугунниковъ на службу Государю и отечеству;—сначала было больно и трудно, но теперь становится уже легче.

«Желанье щастія въ меня вдохнули Боги,
«Я требовалъ его отъ неба и земли
«И въсядь за призракомъ, манящимъ издали,
«Не вѣдая куда, прошелъ я полдороги.
«Довольно!—Я усталъ,—и путь оконченъ мой;
«Щастливый отдыхомъ, на щастіе похожимъ,
«Стою задумчивый надъ жизненной стезей
«И скромно кланяюсь прохожимъ».

«Вся философія жизни состоитъ въ томъ, чтобы умѣть удовольствоваться тѣмъ, что судьба намъ присудила, и находить наслажденія тамъ, гдѣ повидимому ихъ нѣтъ. Я посѣдился на краю Вас. Острова въ маленькую квартиру, въ задѣ на дворѣ, и Божье солнышко свѣтитъ въ мои окна не хуже, какъ въ окна дворца. Я пишу, переписываю, перевожу за деньги, работаю въ день 8, и 9 часовъ,

наживаю, чемъ (sic) прокормить своихъ; цѣлыи день никого не вижу, ибо занятъ, но вечеромъ въ 8 часовъ — шабашъ; у меня собирается всегда нѣсколько лицейскихъ, и за старымъ Царскосельскимъ столомъ и самоваромъ—проходитъ весело вечеръ. А еще какъ ты подъѣдешь и начнешь рассказывать про своихъ бѣлыхъ медвѣдей, и про свою гнилую рыбу, и про свои льдины, то хоть въ театръ не ѣзди.

«Впрочемъ; Боже, Царя храни! Александръ Павловичъ доброй человѣкъ,— онъ мнѣ сдѣлалъ пансіону 3000 рублей собственнымъ подвигомъ, ибо ни я, никто бы то ни былъ о томъ не просилъ, и милость эта мнѣ пришла три мѣсяца послѣ отставки, какъ снѣгъ на голову. Боже, Царя храни!

«Твой, такъ называемый послужной списокъ я постараюсь тебѣ ть ¹⁾ какъ можно скорѣе, но для сего долженъ я ѣхать въ Царское Село, что будетъ сдѣлано въ воскресенье; если твои документы тамъ, то это безъ затрудненія сдѣлается.—Теперь предварительно пишу къ Терентьеву ²⁾, чтобы онъ, если можно, приготовилъ все, дабы въ воскресенье не было мнѣ остановки.

Прощай, Federnelke, письма ко мнѣ адресуй: на Вас. Остр. за Среднимъ проспектомъ, во 2-й линіи, въ домѣ Шоберта. Вѣрно дойдутъ. Прощай. Былъ, есмь и буду твой вѣрной другъ Егоръ Ангельгардтъ.

С. П. Б. Января 24 дня 1824. Если нужно тебѣ въ чемъ либо у Моллера подмогать или попросить, то напиши мнѣ съ NB толкомъ, я съ нимъ хорошо знакомъ».

«Хотя я не совсѣмъ понимаю, братъ Матюшко, чего тебѣ собственно хочется имѣть засвидѣтельствованнымъ отъ Лицея, но дабы не остановить хода дѣлъ твоихъ лишними запросами и переписками, то я будучи въ Царскомъ Селѣ перешарилъ весь архивъ Правленія и Конференціи и все, что только относительно Федора Матюшкина тамъ имѣется, выписалъ въ приложенное у сего Свидѣтельство; желаю, чтобы оно было для цѣли твоей достаточно, а болѣе ничего не имѣется. О богатствѣ же или неимуществѣ твоемъ, равно какъ о движимомъ или недвижимомъ имѣніи положительнаго ничего по бумагамъ нѣтъ, а потому и нельзя было сего иначе приплести, какъ говоря о выданномъ тебѣ на обмундировку вѣноможени.—Какъ ни просто это свидѣтельство, но въ царствѣ формъ не видать бы его, какъ ушей своихъ, еслибъ не хлопоталъ объ ономъ прежній Директоръ, который всѣ бумажки знаетъ и которому посовѣстились отказать въ просьбѣ его или потребо-

¹⁾ Порвано; (? переслать).

²⁾ Михаилъ Львовичъ Терентьевъ, Канцелярскій чиновникъ (1813—1826), бухгалтеръ (1813 — 1816), секретарь хозяйственнаго правленія (1816 — 1841), правитель дѣлъ (1841—1852). См. «Историч. Очеркъ... Лицея».—И. Селезневъ, Спб. 1861 г., стр. 83 и 317.

вать всѣ формальности, какъ то: подачу прошенія, приложеніе довѣренности на принятіе вмѣсто тебя документа и пр. Впрочемъ я все не понимаю, къ чему тебѣ эта штука? Къ чему хочешь ты посылать ее къ Головинну, тогда какъ тебѣ Командиръ Врангель? При первомъ свиданьи надѣюсь получить обо всемъ отъ тебя объясненіе.

«Изъ товарищей Лицейскихъ трехъ нашелъ ты въ Москвѣ, а четвертый—Пушнинъ, на будущей недѣлѣ туда ѣдетъ. Очень, очень больно мнѣ съ нимъ разставаться, но опредѣленіе его тамъ такъ лѣтно и для него и для Лицея, что я уже о себѣ и думать не смѣю. Еще одинъ дюжій чугуинникъ у меня убылъ: Вольховскій отправленъ въ Оренбургъ съ особымъ порученіемъ. Онъ уѣхалъ назадъ тому 6 дней. Жаль и съ нимъ было разставаться, но ничего дѣлать, и у птицы изъ гнѣзда улетаютъ пташки, когда опѣрятся. Насъ сдѣсь становится немного, а приходящихъ ко мнѣ одинъ только Стевентъ. Приѣзжай, Матюшко, скорѣй!

«Мать сопутника вашего, Кибера, давно уже не имѣетъ никакого извѣстія отъ него и крайне просила меня, хотя бы чрезъ тебя что нибудь объ немъ узнать, гдѣ онъ? Когда можетъ она надѣяться увидѣть его сдѣсь? Зачемъ... и пр. и пр. словомъ, напиши мнѣ объ немъ все, что знаешь, дабы успокоить бѣдную мать.

«О перемѣнахъ въ нашемъ бѣдномъ Лицеѣ, не говорю тебѣ ничего;—проѣзжай мимо, братъ! тебѣ уже тамъ дѣла нѣтъ! А сдѣсь будешь, то на словахъ панихиду отпоемъ.

«Время отправленія почты принуждаетъ меня кончить, дабы не отложить отправленія твоей бумаги.—Прощай, Federnelke, тысячу поклоновъ отъ Маріи Яковлевны и отъ барышень нашихъ. Прощай, какъ всегда былъ и всегда буду Твой вѣрной другъ Егоръ Энгельгардтъ. С. П. В. Февраля 5 1824.

«Лишь только успѣлъ я отправить на почту къ тебѣ письмо мое вчерашнее, какъ приносить почталіонъ повѣстку на полученіе письма съ посылкою изъ Москвы. Я догадался, что письмо отъ тебя, — послалъ тотчасъ на почту; — такъ точно! Развернулъ письмо, прочиталъ, нашелъ стараго Federnelke, и вся досада моя прошла. Я не знаю, что написано въ послѣднемъ моемъ письмѣ къ тебѣ, Матюшко, но знаю, что вѣрно очень жестко написано; я былъ такъ раздосадованъ, такъ огорченъ вопросами о тѣбѣ (sic), на которые отвѣчать не могъ; разказами о тебѣ, которыхъ слышать не могъ, молчаніемъ твоимъ, котораго понять не могъ, что надобно мнѣ было непремѣнно облегчить себя, и въ этомъ то расположеніи сѣлъ къ тебѣ писать. Я не знаю, что я написалъ, а вѣрно жестко. Не осуди, Матюшко; еслибъ я былъ къ тебѣ равнодушенъ, то бы и бранить не сталъ; — а мысль, что одинъ изъ коренныхъ Чугуинниковъ могъ стараго Директора забыть, для меня неслучайна. Теперь кажется по письму твоему, что ты нѣсколько менѣ виноватъ, не-

жели я полагаю, ты говоришь о какомъ-то третьемъ письмѣ, въ коемъ извѣстилъ якобы меня о болезни твоей; — сего письма я не получаю, его поглотила почта или оно по прежней твоей повадкѣ написано и — не отправлено. Какъ бы то ни было, досада моя прошла, и я съ прежнимъ удовольствіемъ читаю твое письмо и отъ всего сердца повторяю съ тобою: «не хорошо, что въ Москвѣ живешь, работа на умъ неидетъ». Ничего нѣтъ легче какъ отъ работы отвыкнуть; ничего труднѣе, — какъ къ ней привыкнуть, а я признаюсь, что жду отъ тебя много работы. Хотѣлось бы блеснуть тѣмъ, что мои лицейскіи чугунникъ предпринялъ и окончилъ такое дѣло, о которомъ и знатоки и старожилы говорятъ съ уваженіемъ; хотѣлось бы, — чтобы объ немъ было много говорено, писано и пр.; для этого долженъ бы ты теперь, пока еще все у тебя въ свѣжен памяти, привести въ порядокъ свои записки и на это посвятить каждый день 2—3 часа утреннихъ. И о семъ хлопочу столько же для тебя, какъ и для себя самаго: Пущинъ тебѣ скажетъ, что я сдѣлался журналистомъ Россійскимъ для нѣмцевъ; я крѣпко надѣюсь на многія новыя и любопытныя статьи отъ тебя для моего журнала и очень бы досадовалъ, еслибы не могъ исполнить сего. — Еслибы ты былъ сдѣсь, я бы тебя помучилъ; и не взирая на 700 верстъ, между нами лежащія, и теперь мучаю, — приготовляй мнѣ статьи и NB Московскимъ журналистамъ не давай.

О нашихъ лицейскихъ произшествіяхъ тебѣ ничего не пишу — объ нихъ писать не весело, да и Фаминцынъ ¹⁾ и прочіе лицейскіе тебѣ, что нужно разскажутъ...

Тебѣ пристать на первыи и на вторыи и на всѣ возможные случаи ко мнѣ; у меня есть особая комната, приготовленная для барона Сакена; но онъ получаетъ въ своемъ департаментѣ казенную квартиру, которая для него удобнѣе по близости и дешевле, а потому эта комната назначена тебѣ; — милости просимъ. У меня есть конюшня, а какъ я по разнымъ причинамъ лошадей не держу, то твоимъ будетъ мѣста довольно. Приѣзжай прямо ко мнѣ. Живалъ прежде въ Царскомъ Селѣ въ моемъ кабинетѣ, — и уживались; ужели теперь не уживемся. Впрочемъ тебѣ бы надлежало визиты свои дѣлать въ нартѣ, запряженною собаками, и вмѣсто кучера посадить блага медвѣдя.

За извѣстіе о Киберѣ спасибо; я сообщу матери его, которая тѣмъ очень будетъ обрадована.

«Письмо и посылку твою къ Головнину я тотчасъ же отправилъ и намѣренъ на дняхъ самъ къ нему сходить и поговорить о томъ, чтобы лучше для тебя сдѣлать; я у Моллера могу дѣйствовать, мы съ нимъ болѣе 30 лѣтъ знакомы; и онъ доброй человѣкъ.

¹⁾ Вѣроятно, это Сергій Андреевичъ, восп. III курса, вып. 1823 г., умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника и должности члена С.-Петербургской Таможни.

«Подарокъ Марьѣ Яковлевнѣ поднесенъ, и она очень тебя за оныя благодаритъ;—а мнѣ кажется, что гораздо бы было умнѣе все твои мѣховыя драгоценности *продать*, а друзей дарить бездѣлушками: les petits cadeaux entretiennent l'amitié.

«Сегодня у меня на прощанье обѣдаютъ—Пушкинъ и Данзасъ, которые дни въ два отправляются и съ которыми и письмо мое поѣдетъ. — Будетъ Лицейской обѣдъ на Вас. О., ибо настоящий Лицей теперь внѣ—Лицея, онъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и пр., гдѣ есть нѣсколько чугульниковъ.

«Дай Богъ тебѣ скорѣй сюда пріѣхать: послѣ отъѣзда Пушкина мнѣ тутъ очень будетъ пусто и грустно!

«Прощай, Матюшко, не лѣнись писать почаще и помни, что одно мое теперь на свѣтѣ утѣшеніе—моя чугульники, ихъ память, ихъ успѣхи и счастье. Прощай, Матюшко, твой вѣрный другъ Егоръ Ангельгардтъ». С. П. В. 28 Февраля 1824. Надписывай на письмахъ своихъ:—отдать у Его Высочордія Федора Августовича Гана.

— — —

«*Безъ вашего Совѣти, Егоръ Антоновичъ, я не хочу ничего дѣлать.*— Спасибо, братъ Матюшко, держись всегда этого правила; всегда ли мой совѣтъ будетъ лучший, я не знаю, но всегда будетъ отъ лучшаго сердца, и каковъ ни былъ, въ основаніи своемъ будетъ имѣть болѣе опытности, нежели твое мнѣніе.— Казусъ о твоей рукописи я разлагалъ въ два и три приема предъ судилищемъ моихъ собственныхъ чувствъ и предъ судилищемъ законныхъ или обычайныхъ опредѣленій, и все находилъ одно и тоже рѣшеніе: *Журналъ Матюшкинъ есть собственность Правительства, устроившаго Экспедицію.* Изъ сего слѣдуетъ: *Матюшкинъ не можетъ или располагать, какъ собственностію своею частною, а долженъ представить оный Правительству или тому начальству, которое послало его и которому онъ обязанъ отдать отчетъ въ исполненіи* возложеннаго на него дѣла, и которое имѣетъ полное право требовать представленія ему всѣхъ собранныхъ разными членами Экспедиціи свѣдѣній для составленія по общему ихъ соображенію общаго результата Экспедиціи. *Послѣ сего Матюшкинъ, съ вѣдома начальства, можетъ изъ частныхъ своихъ записокъ составить отдѣльное описаніе своего путешествія и продать оное, какъ собственность свою, но не прежде.*—Вотъ мое мнѣніе по чувству моему. Это мнѣніе, впрочемъ, подтверждается принятымъ у всѣхъ благородныхъ Compagnons de voyage правиломъ. Взгляни на путешествія капитана Кука;—Форстеръ, Соландеръ, Шпарманъ, Банксъ и пр:—ни одинъ *отдѣльно* не продалъ своихъ замѣчаній; Форстеръ и Банксъ, по смерти уже Кука, издали каждый по своей части особыя сочиненія.—Взгляни на Путешествіе Крузенштерна; не прежде, какъ по совершенномъ изданіи его сочиненія на разныхъ языкахъ, уже Лангедорфъ издалъ свое описаніе,

и тутъ еще въ нѣскольки журналахъ было замѣчено, что Г. Лангедорфъ не совсемъ благородно поступилъ, оставя для себя множество любопытныхъ свѣдѣній, принадлежать долженствовавшихъ къ общимъ результатамъ Экспедици.—Агл. Журналъ: «Quarterly Review» иянно говоритъ: Mr. L. did not act in this opportunity like a gentleman и пр. И такъ, хотя бы отъ всего сердца желалъ тебѣ 10/т. и 15/т. рублей, но Матюшкинъ, .Инциейской, Чугунникъ—долженъ ими жертвовать, чтобы in this opportunity act like a gentleman!

«Къ сему общему рѣшенію прибавлю еще одно частное, по вашей экспедици: Киберъ прислалъ сюда два журнала своихъ, одинъ о путешествіи его въ тундры къ тунгусамъ, а другое къ чукчамъ. Департаментъ Адмиралтета имѣлъ намѣреніе напечатать статьи изъ оныхъ въ своихъ запискахъ, но — рѣшено *не печатать до собранія встѣхъ свѣдѣній по сей Экспедици*. Вотъ тебѣ все, что умѣю сказать относительно твоего вопроса. Я надѣюсь, что доводы мои тебя убѣдили. Впрочемъ, ни кому не говорилъ и говорить не стану. Дан Богъ только намъ съ тобою скорѣй сойтись и пожить вмѣстѣ и переговорить обо всемъ изустно: за 700 верстъ по холодной бумагѣ, гусинымъ перомъ, черными чернилами da kann man nicht plaudern. У тебя теперь Пушинъ, Данзасъ.—они тебѣ сказали, какъ я теперь живу, сказали, что я борюсь, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, съ судьбою. Борьба эта уже давненько продолжается, и я чувствую, что мало по мало силы убавляются, особливо теперь:—я такъ одинъ, такъ оставленъ, все разбѣхались! Грусно, очень грусно! и въ такомъ то расположеніи души она видитъ все чернѣе и все ей больнѣе; агличане называютъ это: brokenhearted. И въ такомъ то расположеніи души было писано мое письмо къ тебѣ, по которому уже и просилъ я у тебя прощенія, и еще прошу: — не сердись на меня, Матюшко, за то письмо,—право не знаю, что я въ немъ написалъ, а знаю только, что писалъ его съ горькими слезами.—Сожги это письмо, чтобъ болѣе не путало между нами.

«Какъ завидую я вамъ, Москвичамъ - чугунникамъ. Васъ такъ много вмѣстѣ и бываете вмѣстѣ, а я, бѣдной, сдѣсь одинъ, вспоминайте иногда въ бесѣдахъ вашихъ о прежнихъ годахъ и о старомъ Директорѣ.

«Всѣмъ нашимъ ребятамъ мой поклонъ посылаю, напоминайте другъ—другу, что Егору Антоновичу каждая отъ васъ строка—праздникъ.

«Прощай, Матюшко, забудь то несчастное письмо и люби по прежнему прежняго друга. Егоръ Ангельгардтъ». СПБ. 12 марта 1824.

«А прогос, напиши мнѣ: дѣлаетъ ли Головинъ что нибудь для тебя? Что онъ дѣлаетъ? Не могу ли я что сработать у Моллера? онъ меня слушается. Крузенштернъ, который чрезвычайно о тебѣ хлопочетъ и заботится, думаетъ, что надобно требовать, чтобы тебя пожаловали въ капитанъ-лейтенанты прямо, и думаетъ, что это возможно; но такъ какъ я не знаю, что дѣлаетъ для тебя Головинъ, то чтобы не помѣшать, рѣшился я ждать твоего отзыва. Напиши мнѣ болѣе четырехъ строкъ

*

Письмо твое, — Бакунинское, — я получилъ вмѣстѣ съ письмомъ Данзаса, при коемъ посылаетъ онъ мнѣ «Бахчисарайской Фонтанъ». — То-то былъ мнѣ праздникъ, сущее Благовѣщеніе: три письма Лицейскихъ и превосходная поема Лицейскаго. Я читалъ, читалъ и опять перечитывалъ, и теперь сѣлъ отвѣчать; пусть будетъ денекъ Лицейской.

«Не жалѣй, братъ, о томъ, что въ настоящую минуту, можетъ быть, тѣряешь, не отдавая своего журнала, во первыхъ, — оно какъ-нибудь наведется тебѣ, а во вторыхъ, — *es ist doch gar zu gut, wenn man seine Pflicht gethan hat*. Впрочемъ, для будущаго, — такъ какъ тебѣ Mr Baxter очень хорошо знакомъ, то я бы совѣтовалъ тебѣ учинить слѣдующее: Пусть Mr Baxter напишетъ къ тебѣ письмо, въ коемъ скажетъ, что, наслышась много о вашемъ путешествіи и увѣренъ будучи, что въ Англіи принимаютъ въ ономъ живѣйшее участіе, онъ желаетъ доставить своимъ соотечественникамъ подробное и достовѣрное объ ономъ извѣстіе и потому предлагаетъ тебѣ уступить ему твои записки о семъ путешествіи для перевода, предлагая тебѣ 20/т. рублей за оныя. — Возьми у него это письмо и пришли мнѣ вмѣстѣ съ копіею съ твоего на оное отвѣта, въ коемъ скажешь ты, что записки твои не можешь ты отдавать безъ дозволенія Правительства, по приказанію Коего сдѣлана вся Экспедиція, и которое если употребить оныя, не оставитъ тебя безъ возмездія и пр. — Пришли мнѣ это все сюда; оно пригодится; я уже буду знать, гдѣ и какъ и кому о томъ говорить и показывать. — Послушайся меня, Матюшко, истребуй письмо у англичанина, право, къ дѣлу будетъ.

«О будущихъ наградахъ вашихъ, конечно, положительнаго ничего сказать не можно; но кажется расположеніе сдѣсь хорошее. Крузенштернъ за тебя да за Врангеля горой; онъ-то требуетъ, чтобы тебя сдѣлали капитанъ-лейтенантомъ и послали полѣчиться и разогрѣться съ хорошею Экспедицією въ хорошенькое теплое мѣсто. Я имѣю хорошую надежду! — Четыре года убитые — убиты; ихъ не воротить! Богъ съ ними, нѣчего жалѣть; мнѣ кажется, что этотъ французъ правъ, который гдѣ то сказалъ: *une année découlé est tout gain, -c'est une année de moins à vivre*. Что касается до здоровья, — то другое дѣло, — оно надобно, доколѣ мы живы; но отъ ревматизмовъ я тебя излѣчу; я себя вылѣчилъ чудесно и многихъ другихъ; — привѣжай только сюда и поживи у меня. Ревматизмы мое дѣло.

«Письмо Головнина я поберегу, но изъ него не вижу я, чтобы тебѣ отказывали капитанъ-лейтенанта или чего-нибудь другаго; — развѣ есть у тебя еще другія извѣстія?

«Нынѣ сдѣсь Миницкій, новои Архангельской Генераль-Губернаторъ; — кажется ты съ нимъ былъ знакомъ въ Сибири; не напишишь-ли къ нему коротенькое учтивое письмо? оно не повредитъ, а между тѣмъ можетъ сдѣлаться еще и полезнымъ. — Я намѣренъ на сихъ дняхъ итти къ Головнину и, переговора съ нимъ, приступить крѣпко къ Моллеру; Крузенштернъ подможетъ, — ужели не успѣемъ.

За письмо Бакунина тебя благодарю, вотъ тебѣ и отвѣтъ на оное.

Завидую я вашему счастью, что Богъ васъ тамъ, въ Бѣлокаменной Москвѣ, свелъ вмѣстѣ.—Жаль, что не могу быть осьмымъ челоукомъ въ вашихъ собраніяхъ. А мнѣ бы это нужно и лучшее лекарство, ибо боленъ я не тѣломъ, а душою. Съ тѣхъ поръ, что принудили меня отвыкнуть отъ Лицея, я отвыкъ отъ многоаго: отвыкъ отъ музыки, отвыкъ отъ табаку (уже болѣе мѣа, что не нюхаю), отвыкъ отъ садоводства,—п живу-переживаю дни и радъ, какъ кончился день. — c'est un de moins à vivre.

Отъ Пушина или Данзаса, конечно, слышалъ ты, что я сдѣлался Журналюстомъ (ибо не отвыкъ ѣсть),—я много надѣюсь на тебя и намѣренъ хорошенъко помучать тебя сдѣсь, чтобы составить отдѣльныя статѣйки, — Bruchstücke, изъ твоихъ ко мнѣ писемъ. Но не хочу къ тому пристушить безъ тебя.

Мои поклоны всѣ Лицейскимъ, пбо кромѣ ихъ никого въ Москвѣ не знаю. Спасибо вамъ за то, что на сходкахъ поминаете дни прежніе Лицейскіе и стараго Директора.

Твоя комната тебя ожидаетъ, заживемъ вмѣстѣ. — Прощай, Federnelke. твой вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ . СПб. Въ день Благовѣщенія 1824 года. P. S. А аглинское письмо прошу достать.

Тотчасъ по полученіи твоего втораго письма (вѣроятно отъ 4 апрѣля) пошелъ я къ М. М. Сперанскому, дабы спросить у него наставленія, какъ тебѣ поступать. Онъ мнѣ показалъ предлинное и пространное донесеніе Лавинскаго къ нему, который доноситъ, что по разстроенному здоровью барона Врангеля онъ дозволилъ ему отправиться на теплые ключи за Байкаломъ, откуда онъ никакъ прежде іюля мѣсяца возвратиться не можетъ. На это я разсказалъ М. М. о письмѣ, которое ты отъ Врангеля получилъ, и о затрудненіи твоємъ,—что теперь дѣлать: и вотъ его отвѣтъ: «Пишите Матюшкину своему, чтобы онъ ѣхалъ сюда и явился ко мнѣ, и мы тогда сдѣсь положимся, что лучшее и выгоднѣйшее для него предпринять должно».—Хорошо ли или худо между М. М. и Лавинскимъ, я не знаю, но кажется М. М. очень хорошо расположенъ къ Экспедиціи вашей и къ тебѣ, и что надобно теперь слѣдовать его мнѣнію. Бывъ сдѣсь, ты на словахъ можешь о многомъ съ нимъ объясняться и онъ тебѣ лучшей. — Это также мнѣніе Крузенштерна; и такъ ѣхать тебѣ въ Питеръ безъ отлагательства! Но гдѣ же этотъ Козьминъ? Зачѣмъ онъ не пріѣхалъ? Изъ письма Врангеля понимаю я, что онъ къ тебѣ въ 8 тетрадахъ журналы посылаетъ; свои-ли? твои-ли? Ужъ вы, моряки, конфузіонные люди.—А всетаки тебѣ ѣхать сюда.—*Между* тѣмъ увижусь я еще съ М. М. и Моллеромъ въ разсужденіи наградъ вашихъ; Крузенштернъ полагаетъ, что надобно начать съ того, чтобы дать вамъ два чина, а потомъ поговорить о награ-

дахъ; а такъ какъ М. М. кажется очень хорошо расположенъ къ вашей Экспедиціи, то есть надежда въ успѣхѣ.—Развяжись только съ Бакстеромъ, чтобы не вышло чего съ нимъ.—Я очень радъ, что отрывокъ изъ письма ко мнѣ (которое однако я не получалъ) доставилъ тебѣ хорошія знакомства и ужины, но жаль, что тотъ отрывокъ оказался не въ лучшемъ обществѣ, ибо бѣдная Мнемозина сдѣсь по крайней мѣрѣ не въ чести ¹⁾).

«Относительно лошадей не совѣтую тебѣ тащить своихъ сюда: — они тебѣ будутъ сдѣсь лишніе, особливо лѣтомъ; а содержаніе лошадей и экипажа сдѣсь, въ Петербургѣ очень, очень много стоитъ.—Лучше продать ихъ въ Москвѣ, и если увидишь ты, что тебѣ нуженъ экипажъ, то осенью всегда можно гораздо дешевле купить лошадей, нежели теперѣ. Вотъ мое мнѣніе, я почитаю его основательнымъ.

«Ты мнѣ ничего не говоришь о квартирѣ у меня? Надѣюсь, что ты мое предложеніе—въхать ко мнѣ и жить у меня — принялъ и что прямо ко мнѣ нагрнешь? Комната готова.

Завидую я вамъ, Москвичамъ: ваши сходки лицейскія—наше гнездышко сдѣсь разстроено, разсѣяно по поднебесью, не соберешь. Развѣ пріѣздъ твой кое кого заманить.—Всѣмъ нашимъ миліонъ поклоновъ. Пуцина письмо я получилъ и очень его благодарю за подробность, съ которою онъ меня извѣщаетъ обо всемъ, до него касающемся. Сегодня я къ нему не пишу,—нѣкогда; на будущей почтѣ имѣю намѣреніе.

«Марья Яковлевна съ причтомъ приказываетъ вамъ всѣмъ и тебѣ въ особенноти много поклоновъ.

«Письмо сіе адресую я къ Данзасу, потому что вѣроятно почталіоны скорѣе доставятъ письмо въ домъ Ген. Губ., нежели къ частному человѣку, а мнѣ хочется, чтобы сіи строки были у тебя скоро.

«Итакъ, прощай, до свиданья и до скораго; понимаешь-ли ты моего нетѣрпѣнія и радости?

«Прощай, Federnelke, отъ всей души твой другъ Егоръ Энгельгардтъ».—СПБ. 15 апрѣля 1824 г.

Въ послѣднемъ письмѣ, какъ мы видѣли, Энгельгардтъ не особенно лестно отзывался о Мнемозинѣ; мы уже указали, что въ этомъ журналѣ былъ напечатанъ отрывокъ изъ письма Матюшкина къ Энгельгардту съ описаніемъ нравовъ, жизни, легендъ и пѣсенъ народца, обитавшаго въ урочищѣ Плотбищъ на лѣвомъ берегу Малаго Анюя. Письмо это написано Матюшкинымъ въ Плотбищѣ 6 августа 1821 г. Оно интересно помимо своего этнографическаго сдержанія тѣмъ, что это почти единственный литературный памятникъ Матюшкина, помѣщенный въ периодическомъ изданіи; мы его приведемъ полностью.

¹⁾ Мнемозина ч. I. Москва 1824 г., стр. 172—176, ст. подъ заглавіемъ: Извлеченіе изъ письма къ Е. А. Э-ту (т. е. Е. А. Энгельгардту) и съ подписью О. М. (т. е. О. Матюшкинъ).

...<Въ Плотбищѣ мы остановились въ домѣ стараго, зажиточнаго Юкагира *Коркина*.

Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ! — Что было, онъ поставилъ на столъ: не много сушеннаго мяса и оленьяго жира. Всякій не Русскій удивился бы нерасчетливости нашего хозяина, который, имѣвъ случай отъ насъ попользоваться, кормилъ насъ даромъ и при томъ еще лучшимъ кускомъ; но эта нерасчетливость называется отъ Камчатки до Петербурга и отъ Грузіи до Новой Земли—гостепріимствомъ.

Стѣрикъ *Коркинъ* происходилъ отъ *Омоковъ*; только въ семьѣ его сохранился языкъ ихъ; онъ много умѣлъ разсказывать о старинѣ, о своихъ предкахъ, о бывшихъ войнахъ. Еще при Якутскомъ Воеводѣ *Павлутскомъ*, воевавшемъ съ Чукчами въ 17... году, Омоки были довольно многочисленны; а въ старину, говорить преданіе, больше было огней Омонскихъ на берегахъ Колымы, чѣмъ въ ясную ночь звѣздъ на небѣ.

Старикъ *Коркинъ* между прочимъ пѣлъ намъ о походахъ *Павлутскаго* на природномъ своемъ языкѣ, и если бы не суеты оленьяго промысла, я бы его заставилъ перевести все: вотъ оригинальная поема!

Она начинается повелѣніемъ дщери солнца (Тырекиримъ) т. е. Императрицы Елисаветы идти Павлутскому противъ Чукчей.—Далѣе: прощаніе его съ женою и дѣтьми.—Проѣздъ въ Нижнеколымскъ. — Наборъ команды. Потомъ его походъ, сраженія—смерть.

Поема сія была сочинена не однимъ человѣкомъ; и не вдругъ. Всякое извѣстіе давало поводъ къ новымъ пѣснямъ. Поеты у Омоковъ, какъ понынѣ у многихъ кочующихъ народовъ, были женщины.

Вотъ вамъ обращикъ (замѣтьте: и Омоки употребляли римфы).

«Смотри, какъ черный медвѣдь тамъ по бору идетъ; смотри, какъ всѣ лѣсины предъ нимъ гнутся, валятся; земля дрожить; волки и росомахи падаютъ мертвы отъ дыханія его: это Павлутскій! это Русакъ!—Смотри, какъ за нимъ его славная дружина, его ясные соколы летаютъ и увиваются!

«Но тамъ, что подъ камнемъ чернѣетъ, тамъ въ ущелинѣ тои крутой скалы? — То берлога медвѣдя Чукотскаго, славнаго Шамана и Витязи, сильнаго Кочина юрта!—Все Чукотское разбитое воинство въ немъ только видитъ спасеніе.

«Ой! ты славный Русской герой! не въ юртѣ ты меня здѣсь убьешь; не баба я: выду тотъ часъ въ бой! дай надѣну я свой куякъ (панцырь), вооружусь тяжелымъ копьемъ, повяжусь большимъ ножемъ. Успѣхъ рѣшить: кто сильнѣи, мой ли духи, твой ли Богъ?

«И нечистый спускается на свое достоиніе, на Кочина. Кровь и огонь брызжутъ изъ глазъ его и рука его уже поднимается, адомъ подкрѣпленная!

«Павлутскій видитъ дерзость адову противъ Всесильнаго Бога, противу воинства Христіанскаго. Вдругъ наморщилось чело его, глаза засверкали такъ, что

солнце потеряло свѣтъ: — онъ бросается на Кочина, вырываетъ кобы спящаго, хочетъ поразить его тяжелымъ палашемъ: — Кочинъ уклоняется, петоргаетъ, листовень съ корнемъ, взмахиваетъ, да поразить ею Русскаго, — но тутъ пуля роговая просвистала славному прямо въ грудь. «Кто изъ васъ осмѣлился отнять славу мою и честь мою? Пусть орлы васъ Чукотски всѣхъ убьютъ».

«Зашумѣло стадо ордино; съ свистомъ бросилося на Русскихъ. Долго дралися ясны соколы съ орлами мощнымъ; много пало ясныхъ соколовъ — и Русскому стало жаль своихъ! онъ взревѣлъ зычнымъ голосомъ и все стадо разлетѣлося въ разны стороны».

Нынѣшніе Юкагиры, потерявъ языкъ свой, не потеряли охоты къ пѣнію. — Женщины ихъ имѣютъ даръ импровизировать: и нынѣ, не занятыя событіями военными, прославляютъ своихъ любовниковъ. Таковыя пѣсни называются у нихъ *Анолыщинами*, отъ слова *Аноль*, т. е. молодыя человѣкъ. — Онѣ поются отъ избытка сердца и рѣдко два раза.

Кажется, я одну помню. — Напѣвъ ея однообразенъ, дикъ, заунывенъ, но можетъ нравиться:

Отправляю любимаго на Большаньку, на рѣку!
Полети мой златоперенькой, чрезъ горы, чрезъ доли, чрезъ сѣрые камешки!
А гдѣ тебя будетъ, разокольчигъ, темна ночка заставать,
Зараночка будетъ вечерняя наступать:
Свивай ты тепло гнѣздышко на сѣромъ камешку, на сѣромъ сѣровику!
Во гнѣздушкѣ соловушка разжолтенькой воспѣвай:
И златоперенькой на зараночку возгляни:
Тяжело больно вздохни, размилушку слезою помяни!..

— — —

Вечерняя заря была забавушка моя:
Ранняя утрення заря разлукушка моя!

Ө. М.

Путешествіе лейтенанта Врангеля съ 1820—1824 г. для описанія сѣверныхъ береговъ Восточной Сибири и для отысканія земель на Ледовитомъ морѣ, было издано самимъ Врангелемъ подъ заглавіемъ: «Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и Ледовитому морю», Ф. Врангеля. С.-Петербургъ, 1841 г. въ 2 частяхъ. Въ этомъ сочиненіи Врангель не разъ съ похвалою отзывается о дѣятельности и распоряженіяхъ Матюшкина и сообщаетъ, въ видѣ особыхъ главъ, два журнала о совершенныхъ этимъ офицеромъ отдѣльныхъ путешествіяхъ — къ рѣкѣ Анголѣ (притокѣ Колымы) и по тундрѣ къ востоку отъ Колымы до самыхъ Чукотскихъ кочевьевъ. Эти двѣ главы принадлежатъ къ числу самыхъ интересныхъ страницъ книги Врангеля ¹⁾.

¹⁾ См. ч. I, стр. 252—272 и ч. II стр. 75—114 и 230—279.

Черезъ годъ послѣ возвращенія изъ Сѣверной экспедиціи Матюшкинъ опять отправился съ Врангелемъ въ кругосвѣтное плаваніе на шлюпѣ «Кроткіи», которое продолжалось два года съ 1825 г. [6 августа] по 1827 г. [22 сентября]. Подробностей объ этомъ путешествіи у насъ нѣтъ, но, вѣроятно, оно совершилось довольно блестяще, такъ какъ въ формулярѣ Матюшкина за 1827 г. значится: <за вояжъ былъ награжденъ орденомъ (в. Анны 2 ст., добавочнымъ жалованьемъ и удвоенною компаніею, т. е. двухлѣтняя служба на шлюпѣ Кроткіи зачтена вдвое, и лейтенантское жалованье 740 руб. ассигнаціями обращено ему въ пенсію. — За это время плаванія у насъ нѣтъ писемъ Энгельгардта къ Матюшкину, мы имѣемъ одно письмо отъ 1827 г., когда Матюшкинъ уже возвращался или даже былъ уже въ Москвѣ. Возвращающагося Матюшкина Энгельгардтъ привѣтствуетъ въ письмѣ отъ 3 іюля 1827 г. слѣдующими словами:

<Здравствуй, Federnelke, въ Европѣ! Я не хотѣлъ пропустить случая привѣтствовать тебя нѣсколькими строками при первомъ вступленіи на Европейскій берегъ и поручилъ потому вручителю сего, бывшему нѣкогда сожителемъ Лицея (ты вѣрно помнишь воспитанника Эконома Ротаста ¹⁾), именемъ Hr. Schwabe), подстеречь тебя и вручить сіи строки при самомъ прибытіи твоёмъ. — Ты безъ сомнѣнія увидишь Горчакова; изъ длиннаго моего къ нему письма ты узнаешь, что дѣлаю я и что дѣлаютъ наши, а прочее разскажу тебѣ на словахъ. Я все еще живу на старомъ мѣстѣ, гдѣ уже для тебя приготовлена комната или комнаты. можешь выбрать себѣ любую, ибо у меня весь низъ пустой.

<Письмо мое, въ Камчатку пущенное, я надѣюсь, ты получишь съ приписками Малиновскаго, Стевена и, кажется, Саврасова, которые теперь уже не на шутку полковникъ. Рыжая его голова выглядываетъ между золотыми широкими эполетами, какъ пламя Царскосельскаго пожара, выглядывали между золотыми главами церкви.

<Впрочемъ не имѣю тебѣ ничего сказать, кромѣ только, что мы все пріѣзду твоему ради (рады?) и ожидаемъ его съ нетерпѣніемъ. Прошли три года, какъ мечтанье, но только не въ объятяхъ сладкой тишины! Сколько бурь, переворотовъ, смертей, перемѣнъ! Есть, о чемъ поговорить въ долгіе осенніе вечера.

<Прощай, Federnelke, тебѣ кланяются все, все, а въ особенности Марья Яковлевна и маленькая Annette ²⁾, которая очень тебя помнитъ и часто о тебѣ вспоминаетъ. — Я, какъ всегда былъ, и до гроба пребуду твоимъ вѣрной другъ. Егоръ Энгельгардтъ». СПб.. іюня 3 дня 1827 г.

¹⁾ Коллежскій регистраторъ Петръ Андреевичъ Ротастъ былъ въ Лицеѣ экономомъ съ 1816 по 1841 г. служилъ также съ Энгельгардтомъ въ Филантропическомъ Комитетѣ. «Историческіи очеркъ Лицея...». СПб. 1861 г., стр. 82.

²⁾ Анна Ленцъ, воспитанница Энгельгардта, по словамъ Плетнева: <въ существѣ тоже дочь>. (Письмо П. Плетнева отъ 10 марта 1845 г., къ Я. К. Гроту въ Гельсингфорсѣ). Изъ письма Энгельгардта къ Матюшкину отъ 14 апрѣля 1841 г.,

«А пророс, надѣюсь, что ты не забудь мою комисію хорошаго сѣраго камлота на шинель и легонышкой баечки на подкладку; старая моя шинель уже едва дышетъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ смѣны ¹⁾».

Въ письмѣ отъ 30 сентября 1827 г. Энгельгардтъ сообщаетъ В. Д. Вольховскому между прочимъ слѣдующее о Матюшкинѣ:

«У насъ между тѣмъ происходятъ разныя любопытности: вчера, напр.: прибыло сюда съ острова Нухачивы животное довольно рѣдкое, имянуемое Матюшкинъ, которое на сихъ дняхъ будетъ у меня показываться любителямъ онаго. Нашъ Federnelke прибылъ благополучно послѣ 25 мѣсячной курьерской поѣздки вокругъ свѣта въ Американскія наши селенія и обратно. Онъ ни мало не перемѣнился, пальцы также коротки, какъ были прежде, а онъ самъ такой же чудакъ, какъ былъ. Царь былъ самъ у нихъ на кораблѣ, изъявилъ Врангелю и офицерамъ свое удовольствіе и приказалъ Моллеру представить ихъ къ приличнымъ наградамъ. Они теперь хлопчутъ о сдачѣ судна, груза, оставшейся провизіи, отчетовъ и пр. Когда это будетъ окончано, то Матюшкинъ поѣдетъ мѣсяца на три въ Москву, къ матери, чтобы отдохнуть. Я видѣлся съ нимъ только нѣсколько часовъ; онъ долженъ былъ немѣдленно возвратиться по дѣламъ службы, но надѣется получить позволеніе пріѣхать ко мнѣ на нѣсколько дней».

Въ письмѣ же отъ 23 ноября того же года Энгельгардтъ сообщаетъ Вольховскому еще нѣкоторыя подробности о служебномъ положеніи Матюшкина, впрочемъ, извѣстны намъ уже изъ его формуляра.

«Морякъ нашъ Матюшкинъ получилъ Анну, утроенное жалованье и двойной щетъ компаній...

«Морякъ Матюшкинъ пріѣхалъ за два дни послѣ сего праздника (19 октября). Онъ пробылъ съ нами только три дни и долженъ былъ опять возвратиться въ Кронштатъ, откуда жду я прибытія его на сихъ дняхъ. Онъ получилъ вторую Анну, тройной окладъ жалованья и двойной щетъ компаній, такъ что черезъ четыре шестимѣсячные еще похода, будетъ георгиевскій кавалеръ».

IV.

Въ слѣдующіе годы дѣятельность Матюшкина переносится изъ сѣверныхъ окраинъ нашего отечества на югъ Европы, изъ Сѣвернаго Ледовитаго океана Матюшкинъ перескакиваетъ въ Средиземное море, Архипелагъ и Черное море.

мы узнаемъ, что воспитанница эта вышла замужъ за архитектора Боссе. Похоронена въ фамильномъ склепѣ Энгельгардтовъ. На сѣ гробовой плитѣ написано по нѣмецки: Анна Боссе, рожденная Ленцъ, пріемная дочь семейства фонъ-Энгельгардтъ, род. 25 марта 1823 г., † 28 октября 1842 г.

См. нашу замѣтку въ «Рус. Арх.» 1907 г., кн. IX, стр. 653.

¹⁾ (Адресовано письмо такъ: Его Благородію Милостивому Государю моему Федору Федоровичу Матюшкину.—Въ Европѣ!).

Съ 1828 г. по 1829 г. Матюшкинъ въ должности вахтеннаго начальника на кораблѣ «Эмануилъ» перешелъ изъ Кронштадта въ Мальту и участвовалъ въ блокадѣ Дарданеллъ и Константинополя въ 1829 г., послѣ чего на кораблѣ «Фершампенуазъ» плавалъ въ Архипелагѣ въ званіи флагъ офицера при вице-адмиралѣ графѣ Гейденѣ, крейсровавшемъ въ Средиземномъ морѣ.

Изъ письма Энгельгардта къ Матюшкину отъ 20 марта 1828 г. мы видимъ, что въ экспедицію на корабль «Эмануилъ» Матюшкинъ попалъ при содѣйствіи Энгельгардта. Вотъ письмо по этому поводу:

«Спасибо тебѣ, любезный Матюшко, за твои строки, чрезъ кавалера К. Данзаса мнѣ правленныя; ты знаешь какъ меня радуеть каждая строчка отъ нашихъ чугунниковъ, и потому кромѣ короткаго спасибо ничего не говорю ... Мы пропускаемъ здѣсь свѣдѣнія о Вольховскомъ, такъ какъ они приведены у насъ въ его біографическомъ очеркѣ... <Кончивъ Волховскаго, обращаюсь къ тебѣ: совѣтую—*чьмъ скорѣе, тѣмъ лучше—прѣхать сюда*, у меня есть для тебя *оказія*, которая мнѣ кажется хорошею и выгодною, но не могу безъ тебя рѣшить. Кажется будетъ съ тебя Москвы, — *возвратись скорѣе* сюда, къ намъ, пока не ушелъ хорошій случай, — а случай, право, хорошъ и думаю тебѣ понравится. Твой серебряный сервизъ готовъ.

«Чари идетъ бить турокъ, Максъ ¹⁾ ѣдетъ въ Варшаву повѣрять польскіе щеты. У меня въ домѣ будетъ довольно пусто. Дай Богъ, чтобы Турецкая кампанія кончилась также скоро и также выгодно, какъ Персидская.

«Допросъ я, вообще, дѣло Воронихина ²⁾ и Бодиски кончилось ничѣмъ и—кажется по всему—кромѣ потѣри выгодъ, отъ окончанія Экспедиціи ожидаемыхъ, не будетъ имѣть никакихъ дурныхъ послѣдствій для нихъ. Воронихинъ теперь занимается переводами съ англійскаго.

«Не зная твоего адреса, я посылаю сіе письмо къ новому кавалеру Данзасу, я надѣюсь что онъ не замѣдитъ тебѣ оное тебѣ доставить.

«Пора отправлять; прощай, Матюшко; снимись скорѣе съ Московскаго якоря и держи прямо курсъ на Вас. Остр.; по *Большему* проспекту, между 7-й и 8-ю линиями, противъ Андрѣевского рынка, въ домъ Флетчера, № 206, къ твоему другу «Егоръ Энгельгардтъ». СПБ. 20 марта 1828 г.

Кромѣ того мы имѣемъ нѣкоторыя подробности объ этой экспедиціи въ письмахъ Энгельгардта къ Вольховскому, гдѣ между прочимъ онъ ему сообщаетъ:

«Отъ Матюшкина получилъ я письмо отъ 27 ноября; онъ съ своимъ кораблемъ Эмануиломъ блокируетъ Дарданеллы. 21 ноября между Тенедосомъ и Мителеною они выдержали 36 часовой штормъ, какого и старожилы флотскіе не

¹⁾ Чари и Максъ—сыновья Энгельгардта, о нихъ мы скажемъ особо.

²⁾ Александръ Андреевичъ (?), восп. III курса Лицея. вып. 1823 г.

запомнить. Въ продолженіе всего этого времени, т. е. двѣ ночи и одинъ день, ихъ бросало между скалами и островками, паруса и такелажъ весь изорвало и безпре- станные брызги воды были такъ сильны, что нельзя было видѣть съ одного конца судна до другаго. Спасеніе ихъ походить на чудо! Но они спасены и Матюшкинъ цѣль. (Письмо отъ 30 Января 1829 г.).

Отъ Матюшкина получилъ я, назадъ тому около мѣсяца, маленькое письмо: оно столь же безтолково, какъ и все предидущія, все, что могъ я изъ него раз- обрать, состоитъ въ томъ, что онъ здоровъ, что на корабль Эмануйльъ блоки- руетъ Дарданеллы и что ничего нѣтъ скучнѣе, какъ содержать блокаду. Впро- чемъ ваши и Забалканскіе побѣды кажется скоро освободятъ его отъ этой скуки: мы ожидаемъ съ часу на часъ извѣстія о заключеніи мира. Даи Богъ» (Письмо отъ 5 сентября 1829 г.).

«Вчера получилъ я отъ Матюшкина письмецо изъ Наполи, но оно такъ прокурено и прожжено въ карантинѣ, что я съ нуждою только могъ разобрать, что онъ теперь командуетъ отдѣльнымъ маленькимъ бригамъ Критонъ; здоровъ и радъ, что освободился отъ блокады Дарданелловъ, которую содержали они въ продолженіи шести слишкомъ мѣсяцевъ, и которая по его увѣренію есть скучнѣйшая изъ всѣхъ скукъ». (Письмо отъ 17 ноября 1829 г.).

Нѣкоторые свѣдѣнія о своемъ житьѣ-бытьѣ Энгельгардтъ сообщаетъ въ двухъ письмахъ къ Матюшкину за 1829 г., въ этихъ письмахъ, кромѣ, того мы находимъ много подробностей о товарищахъ Матюшкина—лицейстахъ перваго курса, также о сыновьяхъ Энгельгардта, которые были знакомы Матюшкину съ дѣтства, о разныхъ семейныхъ обстоятельствахъ Энгельгардта и наконецъ инте- ресные факты о самомъ Матюшкинѣ и разныя подробности изъ его морской жизни.

СПБ. февр. 25 дня 1829 г.

«Услышавъ сейчасъ отъ Спафарьева ¹⁾, что завтра ѣдетъ курьеръ къ Графу Гайдену, сажусь—за перо, чтобы сказать тебѣ кое что о нашемъ житьѣ-бытьѣ.— Твои два письма, — довольно безтолковые, — я получилъ; включенное въ первое къ брату — въ Москву отправилъ, а изъ второго выписалъ къ Аннѣ Богдановнѣ Матюшкиной все, что могло ее интересовать; за что получилъ отъ нее благодарность.

«О нашихъ Лицейскихъ мало новаго, кромѣ Георгіевскаго Креста, который наконецъ явился на груди давно уже заслужившаго оный нашего Суворчика-Воль- ховскаго; ты знаешь, вѣроятно, что онъ находится оберъ-квартирмейстеромъ при графѣ Паскевичѣ.—Горчаковъ въ твоемъ сосѣдствѣ, по крайней мѣрѣ ближе къ

¹⁾ Александръ Леонтьевичъ (?), восп. IV курса Лицея, вып. 1826 г., умеръ въ чинѣ полковн. гвард. артил. См. «Историч. Вѣстн.», 1902 г., т. 87, январь, стр. 56.

тебѣ, нежели къ намъ; онъ Повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренціи. — Стевень живетъ по прежнему, — семь разъ въ недѣлю у меня отмалчивается. — Комовскіи Мартышка живетъ, — какъ сыръ въ маслѣ, между всѣми дамами Смольнаго монастыря. — Корниловъ съ подстрѣленнымъ, но выглѣченнымъ носомъ и контузіею въ боку получили прямо Анну *съ алмазами*, съ коимъ у меня и явился. — Малиновскіи очень нечаянно вчера вечеромъ упалъ въ мою комнату; онъ за какими то дѣлами пріѣхалъ сюда на нѣсколько лишь дней. Ни мало не переѣхался, тотъ же бабъ, тотъ же доброй малой и тотъ же пустобан. — Онъ засталъ у меня Тыркова, который пришолъ *бочкомъ* — просить, чтобы я нарисовалъ ему планъ и фасадъ и сочинилъ смѣту и описаніе новаго дома, который намѣренъ построить въ своей водчинѣ. И ему на первый случай назначилъ *только два* комнаты дѣтскихъ, но въ случаѣ потребности можно пріобщить еще одну изъ прилежащихъ. И для меня назначена вверху комната. — Данзасъ рыжій, который впрочемъ уже теперь сдѣлался темнобурымъ, недавно получилъ къ своему Владимиру съ бантомъ еще золотую шпагу за храбрость. — Побурѣвшій также рыжакъ Саврасовъ стоитъ въ двухъ верстахъ отъ *Чари* близъ Тулчина. Оба сидятъ у моря и ждутъ погоды; къ крайнему ихъ сожалѣнію говорятъ, что гвардіи нынѣ не будутъ дѣйствовать. — Корфъ пишетъ законы; дай Богъ, чтобы нашлись потомъ добрые исполнители. — Масловъ писалъ мнѣ изъ Москвы; ему было предлагали здѣсь мѣсто, то какія-то домашнія обстоятельства не позволяютъ ему сюда ѣхать. Говорятъ, будто бы у него идетъ какое-то сватовство. — Дельвицъ издаетъ нынѣ уже по два альманаха въ годъ, а между тѣмъ все толстѣетъ. — Яковлевъ серьезно корчитъ, что ему совсѣмъ не къ лицу. О прочихъ нечего сказать.

«О Лицеѣ вообще имѣю донести, что Царь наконецъ удостоилъ оный своимъ посѣщеніемъ и былъ всѣмъ весьма доволенъ, выходилъ вездѣ, похвалялъ все, разговаривалъ со всѣми воспитанниками и каждому сказалъ доброе слово. Между прочимъ два раза замѣтилъ, что напрасно выходить въ военную службу изъ заведенія, для гражданской учрежденнаго. — Слава Богу, что Онъ былъ и что Лицеи ему нравится! — Пансіонъ не такъ счастливъ; очень *не* показался, такъ что кажется онъ рушится; уже въ газетахъ опубликовано, чтобы родители записавшіе дѣтей въ число кандидатовъ, въ теченіи сего полугода изъявили желаніе, въ какое другое учебное заведеніе они желаютъ ихъ отдать. Хотя жаль Пансіона, который былъ еще лучше многихъ другихъ, но — пусть такъ; лишь бы Лицей устоялъ и процвѣталъ, а если сдѣлаютъ его совсѣмъ гражданскимъ, то это славное, умное и полезное дѣло.

«Максъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе; живетъ баринномъ въ Варшавѣ, 2000 р. серебромъ жалованья, квартира, дрова и свѣчи отъ великаго Князя во дворцѣ. Онъ богаче меня; зовутъ его по гостямъ, по обѣдамъ, по баламъ, и онъ, какъ кажется, у тамошнихъ дамъ, даже польскихъ, въ великомъ форсу.

«Я теперь работаю возлѣ проклятаго Ванкуверскаго перевода (коего уже печатается четвертая часть)—вашу экспедицію на немѣцкомъ діалектѣ, что меня очень пріятно занимаетъ, тѣмъ болѣе, что, съ дозволенія Врангеля, это будетъ не переводъ, а Bearbeitung. — Очень легко станется, что немѣцкое будетъ напечатано прежде русскаго, если найдется въ Немѣцшинѣ охотникъ купить ее у меня, ибо на свой щетъ печатать не намѣренъ. Я закаялся послѣ всѣхъ хлопотъ, которые имѣлъ при напечатаніи двухъ маленькихъ частицъ книженки подъ заглавіемъ: «Russische Miscellen», коихъ первая часть уже вышла, а вторая печатается. Онѣ обѣ украшены именемъ извѣстнаго путешественника Матюшкина, въ 1-й части Островнинская ярмонка, а во 2-ой нѣчто о шаманахъ. Можешь прочитать, когда возвратишься живой.

«О штормѣ, который вы выдержали, я здѣсь много слышалъ; подлинно Богъ спасъ! а дѣло было плоховато.—Здѣсь теперь много поговариваютъ о мирѣ; дай Богъ! Миръ всегда лучше войны, ибо: «la plus brillante victoire n'est toujours que la lueur d'un incendie destructeur». Помиритесь, господа, да пріѣзжайте къ намъ опять домой; вездѣ хорошо, а дома лучше.

«Тебѣ кланяется Саблукъ; онъ назадъ тому съ полгода отставленъ отъ службы безъ мундира и безъ куска хлѣба; теперь вновь возводятъ на него начеты по прежнимъ работамъ, на имѣніе его наложено запрещеніе, отъ коего потерпятъ только его должники, ибо у него, какъ кажется, долговъ болѣе, нежели имѣнія, а казна беретъ преимущество. — Жаль его; я не могу никакъ вообразить себѣ его безчестнымъ человѣкомъ, а знаю его человѣкомъ очень полезнымъ по знаніямъ и по дѣятельности.

«Воронихинъ адъютантомъ у Крузенштерна; я очень радъ, что мнѣ удалось это состряпать; Воронихину безъ сомнѣнія очень полезно быть при Крузенштернѣ, который занимаетъ его почти исключительно литературными предметами; онъ перевелъ уже двѣ книги съ англійскаго на русское очень удачно, и это отчасти помогло ему получить мѣсто.

«Марья Яковлевна и вся прочая хфамиль, дщери и внучата здоровы; любовь твоя Annette тебя вспоминаетъ зачастую и ожидаетъ съ нетѣрпеніемъ твоего прибытія.

«Вотъ тебѣ, любезный Federnelke, въ кратцѣ все, что имѣю тебѣ сказать на сей разъ объ насъ и о нашихъ. Новаго не много, но по крайней мѣрѣ ничего нѣтъ худаго,—и то Слава Богу. Я постараюсь заставить лѣнливаго Стевена написать тебѣ нѣсколько строчекъ; жаль, что вчера не зналъ объ отправленіи курьера, а то бы заставилъ и Малиновскаго и Тыркова приписать.

«Прощай, братъ Матюшко, будь здоровъ и служи *крѣтко*, а впрочемъ Богъ помога, за Нимъ молитва, а за Царемъ служба не пропадутъ.—Былъ есмь и буду твой вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ».

№ 1. А пророс: я получилъ письмо твое распечатанное и приклѣнное опять какимъ-то чернымъ параллелограммомъ; я не знаю, что это значить, но такъ какъ въ нашей перепискѣ секретовъ нѣтъ, то пусть ихъ читають, милости просимъ. Не упускай только случаевъ написать о себѣ вѣсточку; каковъ бы ни былъ безтолковъ, но я не могу уже отвыкнуть отъ тебя. — Прощай. № 2. Очень кстати несутъ мнѣ пробный отпечатокъ знакомаго тебѣ вида; посылаю тебѣ его, повѣсь въ своей койкѣ, и когда будетъ тебѣ въ Средиземномъ морѣ слишкомъ жарко, то для прохладенія посмотри на Островную ярмонку.

СПБ. 18 Ноября 1829.

«Чортъ-ли или добрые люди, — не знаю, а въ перепискѣ нашей какая-то чертовщина. Я къ тебѣ писалъ съ марта мѣсяца четыре раза, между прочимъ въ одномъ письмѣ послалъ видъ Островной ярмонки и виньетку, представляющую вашу поѣздку по Ледовитому океану; писалъ много—о тебѣ, о себѣ, объ нашихъ, а ты все жалуешься, что отъ меня ни строки.—Гдѣ же мои письма? Я отправлялъ ихъ чрезъ Морское дежурство; но видно—это дежурство худо дежурить, ибо я отъ тебя получилъ всего на все три письма, изъ коихъ два чрезъ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Гдѣ же твои письма? Для куріозу посылаю тебѣ полученное мною вчера послѣднее твое письмо; еслибъ оно дошло сюда въ цѣлости, то немного бы изъ него понять можно (ибо письма Вашего Высокоблагородія, что далѣе, то безтолковѣе), но въ этомъ пжаренномъ, изтлѣнномъ видѣ оно можетъ только служить дополненіемъ собранія какихъ-нибудь вулканическихъ изверженій.

«Кончивъ предисловіе, или, какъ говорятъ Кошанскій, *ничальный* приступъ, начинаю къ тебѣ писать.—Здравствую, Federnelke, какъ ни изкопчено и изморено твое письмо, но все меня обрадовало, какъ доказательство, что ты живъ и здоровъ; жаль, что по безтолковости твоей мы не понимаемъ, гдѣ ты? Вѣроятно въ Napoli di Romagna, ибо въ *Неаполь* какъ означено въ твоёмъ вулканическомъ посланіи, тебѣ по моимъ расчетамъ нельзя быть, да и не зачѣмъ. Сдѣлай милость хотя на тѣ минуты, въ которыя ты рѣшаешься сюда писать, постарайся быть нѣсколько менѣе безтолковымъ, дабы я хоть нѣсколько могъ понять, что съ тобой дѣлается; а чтобы вѣрнѣе этого достигнуть, то вотъ тебѣ на будущее твое письмо *нать*, въ вопросахъ.

1. Какими ты судьбами сошелся съ графомъ Гейденомъ, находясь на Эмануилѣ и блокируя Дарданеллы подъ командою Рикорда?
2. Какими судьбами у тебя *свой* бригъ Критонъ?
3. Ты-ли имъ командуешь?
4. Что же ты на немъ дѣлаешь?
5. Съ эскадрою ли какою или одинъ развѣзжаешь по морю?

6, 7, 8, 9, и пр. и пр. словомъ напиши *хоть разъ* на своемъ вѣку (виновать; у меня есть письма отъ тебя толковыя и порядочныя, но этому прошло уже много времени) что-нибудь такъ, чтобы прочитать твое письмо, я бы имѣлъ понятие о твоёмъ житьѣ бытѣ, о томъ, что ты дѣлалъ, что дѣлаешь или что съ тобой дѣлается.

«Два письма твоихъ къ брату въ Москву отправилъ въ свое время, и вотъ тебѣ одно въ отвѣтъ.—Равнымъ образомъ ты найдешь письмо отъ Макса и тожъ отъ Стевена. Я было хотѣлъ при сходкѣ 19 октября, чтобы написалъ къ тебѣ всѣ собранные *скоты-братцы* посланіе, но эта сходка по какому то недоразумѣнію не сошлась; у Тыркова было три человѣка, а у Дельвига четыре, я же, не зная, куда! — не былъ нигдѣ. Впрочемъ, число нашихъ здѣсь очень мало: Дельвигъ, Стевенъ, Корфъ, Яковлевъ, Тырковъ, Илличевскій, Комовскій; да заштатные: Гревеницъ, Юдинъ, Мартыновъ, Костенскій, итого 9 ¹⁾ человѣкъ. Прочіе всѣ разсыпаны: Горчаковъ во Флоренціи, Ломоносовъ на пути въ Соединенные Штаты, Масловъ въ Москвѣ, Пушкинъ на Кавказѣ, Саврасовъ и Корниловъ въ походѣ, Вольховскій въ Тифлисѣ въ чахоткѣ; Малиновскій дворянскимъ предводителемъ въ Изюмѣ; Бакунинъ въ отставкѣ въ деревняхъ; Данзасъ въ Георгіевскомъ крестѣ, но съ разстрѣленнымъ плечемъ; Есаковъ—въ Варшавѣ; Мясоѣдовъ—гдѣ-то.—.....²⁾).

«Изъ здѣшнихъ новостей не знаю, какія тебѣ разказать; ихъ много; а такихъ, которыя бы могли насъ съ тобой занимать, очень мало. — Врангель женился ³⁾ и съ молодою женою отправился берегомъ въ Ситху на пять лѣтъ, управляющимъ. Это конечно принесетъ ему 150 т. рубл., но они дорого куплены пятью годами въ Ситхѣ, къ коимъ надобно прибавить около двухъ лѣтъ на проѣздъ туда и обратно. Онъ мнѣ оставилъ всѣ свои бумаги, я теперь занимаюсь изданіемъ на немѣцкомъ *діалектѣ* описанія вашей экспедиціи. Жаль, что тебя нѣтъ, ты бы мнѣ могъ много помогать и облегчать и сокращать. Впрочемъ, *не* невозможно, чтобы ты на будущее лѣто былъ здѣсь; тогда уже у меня будетъ довольно много изготовлено,—и ты можешь приняться за цензуру. — Между тѣмъ посылаю тебѣ выписку изъ объявленія въ Московскомъ Телеграфѣ о моей книжкѣ (*Russische Miscellen*); тамъ говорятъ о какомъ-то извѣстномъ своими заслугами морскомъ офицерѣ; — постарайся, братъ, какъ-нибудь выказаться таковымъ.

«Экспедиція Литке и Стойнаковичъ воротились; первый и бывшіе съ нимъ ученые привезли сокровища по всѣмъ частямъ наукъ. Послѣдній, какъ кажется,—ничего не привезъ, но по прибытіи сюда онъ и весь экипажъ отданы подъ судъ, который и по сіе время еще не конченъ. Говорятъ, что дѣло завязалось по случаю

¹⁾ Комовскій и Костенскій включены вѣроятно, уже послѣ подсчета.

²⁾ Мы пропускаемъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о Вольховскомъ, такъ какъ они вошли въ его біографическій очеркъ.

³⁾ Она была рожденная баронесса Росильонъ.

какого-то бунта матросовъ за недоданное имъ противъ положенія — провіанта и пр.; — не знаю.

«Насъ было здѣсь очень припугнуло: Нашъ Царь-батюшка былъ очень боленъ и дни три, кажется, было опасно, но хорошее его сложеніе и, можетъ быть, искусство врачей помогли; онъ уже теперь совершенно внѣ опасности, но еще нѣсколько слабъ; а между тѣмъ хочеть опять приняться за дѣла.

«Миръ съ Турками, кажется, блистательный; — теперь надобно видѣть, тѣмъ кончится дѣло Грековъ. Какъ ни развращено, какъ ни презрительно нынѣшнее ихъ поколѣніе, но не менѣе того нельзя не желать, чтобы несчастный этотъ народъ опять возсталъ. Будущее поколѣніе, при стараніяхъ Графа Капод'Истрія, при народномъ образованіи и при обученіи великаго числа молодыхъ грековъ въ Европѣ, можетъ опять сдѣлаться народомъ, если не будетъ угнетаемо страшнымъ, убійственнымъ игомъ Турецкаго деспотизма. Желательно только, чтобы Греческія дѣла были приведены къ окончанію, пока еще Дибичъ съ своими доказательствами передъ стѣнами Адрианополя.

«Бѣдный Чари проходилъ не 7, а около 10 тыс. верстъ, чтобы кисели ѣсть; былъ подъ Варною и съ высотъ смотрѣлъ, какъ ее брали, потомъ возвратился опять въ Тулчинъ, а въ половинѣ Генваря будетъ здѣсь. Досадно.

«Максъ, вѣроятно, тебѣ о себѣ пишетъ, что онъ живетъ въ Варшавѣ, какъ сыръ въ маслѣ катается; 2000 рубл. серебромъ, квартира съ дровами: — онъ богаче меня и живетъ баринкомъ. Дай Богъ, чтобы эта Комиссія продлилась нѣсколько лѣтъ.

«Воля ¹⁾ выпущенъ изъ Лицея и началъ службу въ Иностранной Коллегіи. Съ нимъ всѣ мои связи съ покойникомъ Лицеємъ кончены, и я болѣе туда не гляжываю. Память вѣчная! — Ты знаешь уже изъ прежнихъ моихъ писемъ, что Пансіонъ рушился, и что въ его мѣсто учрежденъ Александровскій Кадетскій Корпусъ; лучше-ли онъ Пансіона будетъ, не знаю, но знаю, что Пансіонъ, не требуя ни копѣйки отъ Государственной казны, содержалъ себя и воспитывалъ довольно хорошо около 200 молодыхъ людей и доставлялъ *приготовленныхъ* кандидатовъ Лицею, который теперь будетъ принужденъ брать таковыхъ изъ Университетскаго Пансіона.

¹⁾ Владиміръ Егоровичъ Энгельгардтъ, умеръ въ чинѣ дѣйств. статск. сов. и должности члена Московской комиссаріатской комиссіи; восп. V курса Лицея, вып. 1829 г. (съ чиномъ 12 класса). См. князь А. Б. Любимовъ Ростовскій, «Русская родословная книга» т. 2, изд. 2, Спб. 1895 г. (стр. 423): о немъ сказано, что онъ родился 21 мая 1808 г.; женатъ 1 бракомъ съ 25 іюля 1837 г. на Юліи Алексѣевнѣ Копьевой (род. 7 Января 1814 г.; † 4 Января 1839 г.); 2-мъ бракомъ на Ольгѣ Владиміровнѣ Новосильцевой (писательницѣ подъ псевд. «Ольга—Н.»). Отъ перваго брака 1 сынъ—Юрій Владиміровичъ, род. 13 августа 1838 г., † 8 февраля 1840 г. (стр. 430).

«Что же тебѣ сказать еще? Воронихинъ — адъютантомъ у Крузенштерна и занимается переводами; онъ перевелъ очень удачно съ англійскаго *Бесѣды о физикѣ, физическую Географію* и *Наставленіе для морскихъ съезокъ*, которые всѣ три были очень хорошо приняты нашими журналистами.

«Кондитерскія въ Петербургѣ, не смотря на твое отсутствіе, процвѣтаютъ и умножаются; замѣчаютъ только, что онѣ менѣе продаютъ *пеперминту*, нежели во время оно, когда ты прятался подъ столъ у Madame Walloth; равнымъ образомъ замѣчено, что и курительныхъ порошковъ выходитъ гораздо менѣе, нежели въ вышеозначенное время.

«Стевень былъ у меня сейчасъ:—Пушкинъ пріѣхалъ; онъ его отискивалъ, но еще не нашелъ; отъ него мы узнаемъ подробности о Вольховскомъ, у коего онъ жилъ въ Тифлисѣ.—Посмотримъ, какіе питическіе запасы Пушкинъ привезъ съ собой. Вѣроятно давные! подвиги нашихъ вихорей-молодцовъ! Не понятно, какъ эта горсточка людей возмогла исполнить всѣ эти чудеса.

«Кажется, не совѣстясь, могу помышлять объ окончаніи моего письма: четыре страницы in folio; это не по твоему, братъ Матюшко, и хотя мое посланіе довольно пестро и нескладно, но всетаки стоить твоихъ писемъ нѣсколько. Надѣюсь вслѣдъ засимъ получить отъ тебя писаніе, которое бы мнѣ что нибудь сказало о тебѣ и твоемъ житьѣ-бытьѣ, ибо какъ ты не безтолковъ, а по старинной дурной привычкѣ лицейской не могу не желать много и часто и подробно слышать о тебѣ.—Прощай, отъ искренняго сердца преданъ тебѣ твой другъ Егоръ Энгельгардтъ.

«Это письмо посылаю я чрезъ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ; желаю и надѣюсь, что она будетъ изправнѣ вашего Морскаго Дежурства».

Съ 1830 по 1831 г., командуя бригаомъ «Ахиллесъ» изъ эскадры адмирала Рикорда, Матюшкинъ крейсировалъ въ Архипелагѣ и участвовалъ въ подавленіи Идріотскаго мятежа.

30 іюня 1831 г. корабль «Ахиллесъ» подъ командою Матюшкина, принявъ дѣятельное участіе въ битвѣ части эскадры адмирала Рикорда въ Монастырской бухтѣ, противъ острова Поро, съ двумя греческими корветами и крѣпостью, бывшими въ то время во власти Идріотскихъ мятежниковъ. Здѣсь Матюшкинъ особенно отличился при взрывѣ корвета «Спеція». Когда корветъ «Спеція» былъ взорванъ на воздухъ, то бригъ Матюшкина «Ахиллесъ» подвергся продольному обстрѣлу крѣпостныхъ укрѣпленій; здѣсь и проявился въ Матюшкинѣ смѣлый, мужественный и чрезвычайно искусный командиръ, онъ сумѣлъ измѣнить ловкимъ маневромъ положеніе своего корабля, благодаря чему его корабль не получилъ ни одного продольнаго выстрѣла, между тѣмъ самъ продолжалъ громить крѣпость всѣми своими бортовыми пушками. Въ донесеніи Рикорда къ князю Меншикову объ этомъ сраженіи про Матюшкина говорится, что онъ дѣйствовалъ въ это время

не только съ отличною храбростію и благоразуміемъ, но съ изумительною быстрою, находчивостію и искусствомъ морского офицера.

За эти подвиги Матюшкинъ былъ награжденъ бантомъ къ ордену Св. Владимира и въ томъ же 1831 году, марта 11, былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а за 18 морскихъ кампаній въ этомъ же году награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 класса.

За 1830 годъ мы имѣемъ нѣсколько писемъ Энгельгардта къ Матюшкину. Такъ, въ письмѣ отъ 3 Января 1830 г. Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину нѣкоторыя свѣдѣнія о его друзьяхъ, знакомыхъ и о своемъ семействѣ, затѣмъ переходитъ къ вопросу, интересовавшему всегда Энгельгардта, — судьбѣ своего любимаго ученика Матюшкина.

«Morgen früh geht ein Kourier zum Grafen Haiden ab».

— Вотъ, что мнѣ пишетъ сію минуту Сакенъ. Теперь восьмой часъ, а въ восемь часовъ я долженъ съ Директоршею ѣхать со двора. Времени остается немного, но не хочу опустить случая, хотя въ нѣсколькихъ строчкахъ поздравить тебя, любезный Federnelke, съ Новымъ Годомъ, который, впрочемъ, для васъ уже не такъ то новъ, и сказать тебѣ, что у насъ все еще по старому. — Стевенъ все еще не женился, а кажется охота есть. Чари ожидаемъ мы дня черезъ два или три; онъ будетъ въ Кузминѣ, гдѣ, какъ сказываютъ, всѣ полки гвардейскіе, въ походѣ бывшіе, собираются, чтобы вмѣстѣ сюда вступитъ. Позволятъ ли ему сюда перелетѣть, или нѣтъ, — не знаю. — Максъ въ Варшавѣ, дѣла много, а впрочемъ житье ему, какъ сыру въ маслѣ. — Воля служить, или лучше сказать, учиться служить въ Иностранной Коллегіи. — Женская фамилія вся здорова; внучать на лицо три человекъ, а по всероссійскому щету — одна душа, ибо двѣ дѣвушки не считаются и въ банковый залогъ нейдутъ.

«Отъ Ивана Малиновскаго сегодня имѣлъ письмо; онъ дворянскій предводитель въ Изюмскомъ уѣздѣ и хлопотъ полонъ ротъ. — Андрюша ¹⁾ такъ-такъ что не умеръ отъ нервической горячки; онъ просилъ отпуска до излеченія или отставки.

«По газетнымъ и городскимъ слухамъ вы отправляетесь въ Южную Францію на зимовку. Щастливцы! Зимовать тамъ, гдѣ и зимы нѣтъ. Повеселись за меня, братъ.

«Я надѣюсь, что послѣднее мое письмо 20 ноября къ тебѣ дошло и что ты изъ него увидѣлъ, что я къ тебѣ писалъ и даже посылалъ картинки для украшенія твоей каюты. На случай, еслибъ ты не отыскалъ того письма, посылаю тебѣ еще одинъ, послѣдній у меня остающійся экземпляръ двухъ рисунковъ, которые вспомнятъ тебѣ о Сибирской пѣздкѣ.

¹⁾ Малиновскій, III курса.

«Мы впрочем ожидаемъ васъ, — средиземныхъ, — сюда въ началѣ лѣта; такъ ли? Тутъ-то ты денегъ привезешь: безъ сомнѣнія и вамъ, какъ всѣмъ военнымъ и штатскимъ, въ сей войнѣ противъ Бусурмановъ участвовавшимъ, выдали или выдадутъ полный годовой окладъ. — А вамъ заграничнымъ, — по курсу. Уже всѣ кандитера въ Петербургѣ навѣдываются о днѣ твоего прибытія, и Mamsell Walloth общала изготovitъ нарочно къ тому времени лучшіе свѣжіе пеперминтовые лепешки.

«Флотъ и флотскіе у насъ лѣзутъ въ гору и въ Царскую милость. Продли Богъ вѣку Меншикову. — А Моллериха къ Новому году получила Екатерининскій бантикъ.

«Воронкинъ между тѣмъ переводитъ и печатаетъ книги, какъ словно блины печетъ.

«Отъ Вольховскаго самаго не имѣю извѣстія, но знаю, что онъ получилъ позволеніе ѣхать на Кавказскіе воды лѣчится. Дай Богъ въ добрый часъ — Jeannot ¹⁾ здоровъ.

«Дельвигъ кромѣ сѣверныхъ цвѣтовъ издаетъ *Литературную Газету*, которая начиная съ 1 января, должна выходить каждые пять дней. Что будетъ, не знаю, а между тѣмъ самъ Антонъ Антоновичъ изволилъ на два мѣсяца уѣхать въ Москву.

«Марья Яковлевна уже нарядилась въ твой соболей воротникъ и приказываетъ мнѣ кончить поклономъ отъ нее. — Исполняя волю командирши, кончаю; прошай, Матюшко, будь здоровъ, vernünftig, если можешь, и люби по старому стараго отставнаго Директора. 3 Января 1830».

Затѣмъ въ письмахъ отъ 6 февраля и 7 апрѣля того же года Энгельгардтъ подробно останавливается на судьбѣ товарищей и знакомыхъ Матюшкина, мимоходомъ касаясь своихъ семейныхъ дѣлъ. — «Сегодня идетъ, курьеръ въ Царьградъ и беретъ съ собой письма къ графу Гейдену; — какъ не написать хотя нѣсколько строчекъ къ Federnelke — Здравствуй Матюшко! Да встрѣтятъ тебя сіи строки здоровымъ, веселымъ и поминающимъ насъ; а мы тебя поминаемъ часто!

«Новостей столичныхъ тебѣ не сообщу, потомучто въ моей отшельнической жизни онѣ доходятъ до меня такъ поздно, — если доходятъ, — что вѣроятно ты ихъ получишь ранѣе чрезъ иностранные журналы. Но Лицейскихъ новостей есть, что сказать: *Корфъ* получилъ звѣзду Св. Станислава, *Гревеницъ* — Имп. корону на свою Анну, *Яковлевъ*, *Замятинъ*, *Каперъ*, *Эристовъ* — Анну 2-ю, *Мартыновъ* — Владимира 4-го; сверхъ того — *первый* 5000 р., а прочіе, кромѣ Гревеница, по 2000 р. награжденія. Каково награждаютъ нашихъ ребятъ въ Собственной Канцеляріи! Вообще, кажется на Лицейскихъ нынѣ полоса; въ короткое

¹⁾ Это лицейское прозвище Ивана Ивановича Пуцина.

время отъ четырехъ разныхъ начальствъ обращались *ко мнѣ* съ просьбою рекомендовать на такое-то мѣсто надежнаго молодого человѣка изъ Лицейскихъ; а у меня, благодаря Бога! Запасецъ есть, не занимать стать; ссужаю добрыхъ людей добрыми людьми, и вездѣ нашими хвалятся и благодарятъ, и вездѣ болѣе или менѣе нашими везеть.—Иванъ Малиновскій—дворянскимъ предводителемъ въ Изюмѣ и, какъ слышно, очень много тамъ дѣлаетъ добра; у меня на дняхъ былъ мужичекъ тамошній и говорилъ про Ивана Василича:—ну душа радуется, какъ онъ тамъ при рекрутшинѣ стоялъ за бѣдныхъ и грызся съ богачами и съ чиновниками, которые за нихъ стояли.—Братъ его такъ разстроены здоровьемъ, что принужденъ былъ выйти въ отставку, дабы какъ-нибудь опять оправиться.—Бѣдный Вольховскій при своемъ оберъквартирмейстерствѣ, хотя и поймалъ въ продолженіи кампаніи Анну съ алмазами, Владиміра 3-го, Георгія 4, золотую шпагу за храбрость и чинъ полковника, но потѣрялъ здоровье; онъ страдаетъ чрезвычайно глазами и грудью и теперь въ отпуску въ Воронежѣ.—Рыжій¹⁾ полковникъ пришелъ сюда и—слегъ; мнѣ кажется, онъ въ порядочной чахоткѣ; врачи думаютъ, что непомѣрное его кровохарканье происходитъ не отъ груди, а отъ геморроидовъ; дай Богъ, чтобъ ихъ была правда,—а Саврасовъ плохъ; я вчера былъ у него съ Стевенемъ; оба тебѣ посылаютъ дружескіе поклоны. Ломоносовъ здѣсь уже съ полгода и все собирается ѣхать въ Америку,—къ посольству, и на Вас. Островъ,—въ домъ Флетчера, но по нынѣ ни туда, ни сюда не попалъ.—О прочихъ нѣчего говорить, служатъ хорошо, но важныхъ перемѣнъ нѣтъ.

«Максъ все еще живетъ въ Варшавѣ, какъ сыръ въ маслѣ, успѣлъ уже 1000 руб. остатковъ накопить и въ банкъ положить,—на черный день.—Чари сходилъ въ Варну, шатался два года, ничего не дѣлалъ и, весьма справедливо! ничего не получилъ, кромѣ турецкой медали, которая ничего не доказываетъ. Воля имѣлъ счастье быть прикомандированнымъ отъ Иностр. Коллегіи въ Собственную Е. И. В. Канцелярію, гдѣ сидитъ отъ девяти часовъ утра до трехъ и отъ шести до девяти вечера. Это очень здорово! А такъ какъ домъ Флетчера отстоитъ отъ Литейной, гдѣ Канцелярія, на добрые 6 верстъ, то и нѣтъ опасности, чтобъ онъ отъ недостатка въ движеніи заболѣлъ.—Внучата, два мальчика и одна дѣвушка, породы Сакенской, растутъ и процвѣтаютъ.—Я по прежнему работаю 10 часовъ, а иногда и болѣе въ сутки, печатаю, кое какъ перебиваюсь, а все какъ вѣкша въ колесѣ, которая бѣгаетъ, хлопочетъ во всю прыть цѣлый день, а вечеромъ оказалась на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ была по утру.—Скучно! Глупо! Досадно! Тоска.—По крайней мѣрѣ то хорошо, что, не смотря на сосѣдство шестаго десятка жизни, я еще здоровъ и въ силахъ работать; дѣлаю, что могу, а впрочемъ—Богъ!

¹⁾ Саврасовъ.

«Марья Яковлевна здорова и хлопочетъ съ твоею пріятельницею, теперешнею M-Me Annette, которая уже читаетъ, пишетъ, шьетъ и пр. и пр. Жаль, что не имѣю способо́въ дать ей учителя музыки и пѣнія,—у нее страстная охота и миленькій голосокъ. Я съ нетѣрпеніемъ ожидаю твоего прибытія и надѣюсь, что ты не откажешься дать ей полезныя уроки въ пѣніи ариі: Ивушка, Ивушка. Она, впрочемъ, по себѣ ли или по насъ, но очень часто о тебѣ поминаетъ и говоритъ, какъ о старомъ знакомомъ.

«Вотъ и весь нашъ домашній бытъ; коротко и ясно! На будущее лѣто надѣмся увидѣть тебя здѣсь; милости просимъ. На флотскихъ нынѣ полоса. Только совѣтую тебѣ нѣсколько заняться фронтowymъ дѣломъ, а безъ него здѣсь плохо.

«Я теперь серіозно принялся за редакцію,—немѣцкую,—вашего путешествія съ Врангелемъ, и надѣюсь, что ты по прибытіи сюда лѣтомъ не откажешься мнѣ помогать, ибо къ Врангелю въ Ситху писать и просить объясненій—будетъ нѣсколько продолжительно. А мнѣ во многомъ нужны поясненія —¹⁾ сего путешествія на русскомъ языкѣ еще¹⁾ но.—

«Надѣюсь, что ты мои послѣднія два письма, отъ Ноября и Января, получилъ и что извѣстишь меня о томъ. Ведя теперь переписку чрезъ Иностранную Коллегію, она кажется пойдетъ исправнѣе и вѣрнѣе, нежели чрезъ Морской Штабъ, который, кажется, не очень занимается частными письмами. Я бы желалъ знать, которые именно изъ моихъ писемъ ты получилъ.

«Хотя и не хотѣлъ писать тебѣ здѣшнихъ новостей, но одна изъ дошедшихъ до меня такъ любопытна, что не могу не сообщить тебѣ ее: наши три журналиста: Воейковъ, Грѣчь (sic) и Булгаринъ—до того разругались въ своихъ журналахъ, что наконецъ уже и Государю наскучило: онъ приказалъ имъ уняться; они не унялись, и—всѣхъ трехъ посадили на Гаубтъ-вахту. Жаль, что въ разные мѣста, надобно бы посадить ихъ въ одну комнатку, за одинъ столикъ, при одной свѣчѣ и оставить тамъ, какъ кардиналовъ въ Конкловѣ (sic), доколѣ ни помирятся. Они сидѣли въ разныхъ мѣстахъ и только по шести часовъ. Едва ли образуются! Болезнь ихъ закоренѣлая, хроническая, а таковыя не вылѣчиваются иначе, какъ чрезъ продолжительное систематическое лѣчение.

«Пора нести письмо въ Канцелярію; прощай Матюшко,—будь здоровъ, а если при томъ сдѣлаешься и *толковъ*, то будетъ все весьма хорошо.—Всѣ напи тебѣ кланяются и по старой, неизкоренимой повадкѣ любятъ тебя отъ всего сердца такъ, какъ твой вѣрный старый другъ Егоръ Энгельгардтъ. Спб. февраля 6 дня 1830.

¹⁾ Порвано.

Не у ¹⁾ на перепутьѣ Горчакова, *Chargé d'affaires...* Florence. Хотя онъ меня совсѣмъ забылъ, однако прошу ему учинить мой поклонъ».

«7 апрѣля 1830.

«Письмо твое, любезный Матюшко, отъ 7 февраля изъ Пороса, я получилъ и къ крайнему моему неудовольствію вижу, что изъ всѣхъ моихъ къ тебѣ посланій ни одно до тебя не дошло. Не говоря уже о письмахъ прошлогднихъ, коихъ было до шести, я въ нынѣшнемъ уже отправилъ къ тебѣ оныхъ два, изъ коихъ первое, отъ 3 генваря,—могло бы уже быть въ твоихъ рукахъ; другое же писано въ самый тотъ же день, когда ты писалъ ко мнѣ, т. е. 7 февраля. Надѣюсь, что по крайней мѣрѣ сіа два письма дойдутъ до флагъ-офицера на Адмиральскомъ кораблѣ. О назначеніи тебя въ эту должность мнѣ сказала графиня Гайдень.— Ты, по обыкновенію своему, написалъ, а мало сказалъ; имянно, о возвращеніи сюда ни слова. По нашимъ говорамъ и слухамъ, графу приказано возвратиться сюда, а Рикорду тамъ оставаться;—если это правда, то вѣроятно и ты явишься, ибо лавровая жатва, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, тамъ кончилась. Правда и здѣсь дѣла морскаго не много, а потому можетъ быть выгоднѣе тебѣ и въ служебномъ и въ экономическомъ отношеніи еще тамъ пожить. Кажется, тебѣ уже не далеко до Георгіевскаго крестика? Да полно, ужъ и не свершились ли 18 кампаній?—Скоро уже нѣкуда будетъ вѣшать знаковъ отличія. Безъ сомнѣнія медаль на турецкую войну уже повѣшена.

«Я жалѣю, что по старой безтолковости твоей ты не разсудилъ за благо сказать мнѣ что-нибудь о похожденияхъ твоихъ на греческомъ бригѣ, которымъ ты командовалъ. Какъ онъ тебѣ попался? Что ты на немъ дѣлалъ??? Милліонъ вопросовъ и подробностей, которые бы для меня были очень любопытны. Впрочемъ, это еще не ушло, и ты можешь поправить свое упущеніе обстоятельнымъ обо всемъ донесеніемъ; напиши его въ свободное время и при хорошемъ случаѣ пришли—или самъ привези, мы вмѣстѣ прочтемъ.

«Въ изходѣ нынѣшняго мѣсяца отсюда идетъ учебная Экспедиція подъ начальствомъ капитана Литке въ Исландію, а оттуда, какъ слышно, до *Азорскихъ острововъ и обратно* (что впрочемъ кажется мнѣ нѣсколько далековато). Экспедиція будетъ состоять изъ двухъ кораблей, на коихъ весь экипажъ составитъ изъ воспитанниковъ Морскаго Корпуса: офицеровъ, мичмановъ, гардемариновъ и кадетъ. Такое предпріятіе подъ такимъ начальникомъ конечно будетъ весьма полезно, и если-бъ вмѣсто вѣчнаго фрунтоваго ученья кадетъ упражняли болѣе такимъ образомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что у насъ будутъ не только хорошо марширующіе офицеры въ морскихъ мундирахъ, но хорошіе, дѣло свое знающіе

¹⁾ Порвано. Вѣроятно не увидишь ли.

морскіе офицеры.—На будущій годъ ладятъ большую ученую экспедицію въ Тихій Океанъ; не худо бы тебѣ въ ней участвовать.

«Не могу не похвалить твоихъ занятій; особенно, мнѣ кажется, полезно черченіе судовъ отличнаго устройства. Это кажется лучшее занятіе морскому офицеру. Что касается до видовъ,—ну, пожалуй, забавляйся, но такъ какъ ты несмотря на всѣ старанія и усилія героя Сѣвера, пресловутаго Чирикандуса, не великій живописецъ, то я признаюсь, отъ видовъ твоихъ не многого ожидаю, тѣмъ паче, что на флотахъ Англинскомъ и французскомъ *прежде* и нынѣ, вѣроятно, были рисовальщики почище тебя.

«Ненависть грековъ къ Австрійцамъ и англичанамъ, и къ Саксенъ-Кобургскому Королю Греціи весьма естественна и понятна; но совершенно для меня непонятно, что могло побудить этого безтолковаго кобургца лѣсть въ пѣтлю, которая, вѣроятно, его задушитъ. Можно ли вообразить только, чтобы человѣкъ имѣющій 50 т. фунтовъ вѣрнаго дохода, безъ хлопотъ и безъ всякой какой-либо за то обязанности или отвѣтственности захотѣлъ сдѣлаться королемъ народа, который его ненавидитъ, который ему совершенно чуждъ и по вѣрѣ, и по образу жизни, и по языку?!—Il faut etre fou ou sot pour aller se fourrer dans cette galère! Что онъ вѣроятно тамъ погибнетъ, то не велика бѣда:—вольному воля; но бѣда въ томъ, что если бѣдные греки возстанутъ какъ-нибудь противъ названнаго гостя, то съ ними поступятъ, какъ съ бунтовщиками и,—en l'honneur de la Royauté et de la Légitimité,—перестрѣляютъ и перевѣшаютъ ихъ. Оставили бы имъ благороднаго Капо д'Истрія; онъ имъ свой, онъ вывелъ ихъ изъ главнаго бѣдствія и велъ себя истинно чудесно; ему бы поручить и довершеніе начатаго имъ великаго дѣла.

«Но, я что-то заболтался не о своемъ дѣлѣ и сѣлъ не въ свои сани.—(Станемъ-ка говорить о своемъ или о своихъ ¹⁾):

«Кромѣ того новостей тебѣ не знаю, онѣ доходятъ до моего скита тогда уже, когда въ большемъ свѣтѣ объ нихъ уже забыли.—Одна новость еще довольно новая: въ Лицеѣ отмѣненъ классъ пѣнія,—и такъ послѣдній курсъ (5-й), при

¹⁾ Здѣсь мы пропускаемъ свѣдѣнія о лицеистахъ! О Пушкинѣ онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Пушкинъ пишетъ не стихи, не стишки, а стишонки—вирши, за которые Г. Г. Булгаринъ и Грець его очень справедливо, но безпощадно окритиковали, такъ что онъ съ досады поѣхалъ въ деревню съ намѣреніемъ доказать, что онъ еще въ состояніи писать, какъ прежде писалъ Руслана и Людмилу, Плѣнника, Фонтанъ; дай Богъ въ добрый часъ... Вотъ тебѣ и всѣ скоты—братцы перваго курса». Перечисливъ всѣхъ первокурсниковъ, Энгельгардтъ говорить о своихъ сыновьяхъ: «Макъ поживаетъ въ Варшавѣ и катается, какъ сыръ въ маслѣ; только и боязни, чтобы не кончилась скоро ихъ тамъ комиссія.—Чари воротился изъ похода какъ пошелъ; видѣлъ изъ далека, какъ другіе дрались и заслуживали награды, а ему по губамъ помазали, да въ ротъ не попало; по крайней мѣрѣ отъ молдавской лихорадки ушелъ и медаль получилъ».

мнѣ начавшійся, въ послѣдній разъ при выпускѣ пропѣлъ шесть лѣтъ! Воля командирская, а жаль! Во всѣхъ благоустроенныхъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ нынѣ болѣе, нежели когда-либо занимаются возбужденіемъ въ юношествѣ охоты къ пѣнію, считая оное хорошимъ способомъ возбуждать и облагораживать чувства.

«Я теперь, кончивъ изданіе третьей части моихъ *Russische Miscellen*, принялся плотно за ваше съ Врангелемъ путешествіе, и признаюсь, желаю твоего пріѣзда для многихъ объясненій и дополненій.

«Марья Яковлевна живетъ между двухъ дочерей и трехъ внучатъ, а въ прибавку у нее *Mademoiselle Annette*, которая со дня на день становится милѣе и насъ очень много утѣшаетъ и забавляетъ. Всѣ тебѣ шлютъ большіе поклоны».

15 апрѣля.

«Вотъ и письмо отъ 21 февраля,—наконецъ мои бѣдныя посланія къ тебѣ дошли. Письмо твое къ брату отправилъ вчера, Максѣ отправлю завтра и Стевену отдалъ сегодня.

«Я удивляюсь, что вы тамъ, какъ кажется, ничего еще не знаете о вашемъ сюда возвращеніи, а здѣсь уже давно давнымъ навѣрное говорятъ, да и говорить перестали.

«За ясные отвѣты на мои вопросные пункты—спасибо! Теперь я знаю, какимъ способомъ можно отъ тебя добиться толку. Твоимъ полетомъ на Кимонѣ я очень радовался и надѣюсь, что они тебѣ въ разныхъ отношеніяхъ полезны будутъ; нынѣшнее твое назначеніе кажется уже хорошее начало. Дай Богъ здравствовать Графу Гейдену.—А денегъ то, денегъ ты сюда навезешь! Не пріискивать ли тебѣ деревню, или домъ, или дачу,—прошу удостоить меня своими порученіями.

«Спасибо впрочемъ тебѣ, братъ Матюшко, что ты обо мнѣ говоришь съ Гейденомъ;—я его искренно люблю и почитаю, и мнѣ очень пріятна мысль, что въ Средиземномъ морѣ два добрые человѣка обо мнѣ говорятъ и лихою не поминаютъ... Скажи при случаѣ почтенному Адмиралу, что я ему очень много обязанъ за добрую его обо мнѣ память.—Кажется, судьба всѣхъ истинно добрыхъ, благородныхъ людей, что къ нимъ подбираются недостойные того люди и иногда даже до нихъ добираются. Это я видалъ тысячу разъ въ моей жизни;—я думаю ты угадалъ тому причину: истинно благородный человѣкъ не можетъ вообразить низости въ другихъ! Старайся какъ можно болѣе съ нимъ сблизиться, *la proximité d'un homme de bien, fait du bien*. Надѣюсь, что ты съ нимъ сюда будешь; уже мы тебѣ здѣсь найдемъ дѣло и мѣсто.

«Не понимаю, куда дѣлась выписка изъ «Москов. Телеграфа»; но дабы не лишитъ тебя оной, вотъ она: «Чукотская ярмонка въ Островномъ, извлеченіе изъ

писемъ лейтенанта Матюшкина, *бывшаго воспитанника Имп. Лицея*, нынѣ же *извѣстнаго своими заслугами* морскаго оффицера. Извлеченіе сіе весьма любопытно, оно даетъ понятіе о предметахъ новыхъ и для Европейца удивительно занимательныхъ». Вотъ тебѣ, братъ, и честь и слава.

«Я тебѣ Miscellen своихъ не посылаю, потомучто считаю тебя почти уже на обратномъ пути; ты можешь ихъ прочитать здѣсь по прїѣздѣ. На сихъ дняхъ выйдетъ и III часть, дай Богъ ей столь же хорошіи успѣхъ къ двумъ первымъ.

«Никогда не женюсь!?!—Полно, такъ-ли, Матюшкинъ Господынъ ¹⁾? Лишь придешь сюда и по старому опять влюбился и можетъ быть еще прежде Стевена женишься, ибо онъ хотя крѣпко этимъ грозитъ, но кажется никогда не рѣшится. А ты—какъ разъ—въ просакъ попадешь; тебя обмаслятъ, женятъ такъ, что и самъ не догадаешься, а тамъ уже поздно будетъ раздумывать. Впрочемъ я совершенно ободряю твое мнѣніе: въ море, въ море пока не бросятъ въ море, ибо лучше быть брошеннымъ въ море, нежели быть прикованнымъ на вѣкъ къ женѣ не по себѣ.

«Картина твоя о Греціи не очаровательна,—я считалъ всегда нынѣшнихъ грековъ, но землю ихъ по климату и мѣстоположенію райкомъ земнымъ. Быть можетъ, что описатели и хвалители много ввали, но и ты, мнѣ кажется, не совѣмъ то основательно судишь: — видѣлъ: нѣкоторую часть скалистаго берега,—и вся Греція голой камень!—Имѣлъ дурное лѣто,—и весь климатъ никуда не годится.—Да, нюхаютъ ли Греки табакъ? Привези мнѣ самую *національную* табакерку; а если на обратномъ пути зайдете въ Англїю, то привези мнѣ камлоту на шинель, но не такого, какъ послѣдній синій, который никуда не годится,—толстъ, грубъ, жестокъ и уже весь обносился, между тѣмъ какъ первая шинель, которую ты мнѣ привезъ, тонкая, мягкая, какъ шелкъ, носилась, носилась и теперь еще служить мнѣ халатомъ. Она была сѣрая, двулишневая, т. е. changeant, одна нитка бѣлая, а другая черная. Если такую привезешь, то уже тебя разхваляю не хуже «Телеграфа Московскаго».

19 апрѣля.

«Вчера вечеромъ былъ съ Графиней Гейденъ у Шторха, и она мнѣ сказала, что почти навѣрное ожидаетъ сюда Адмирала своего въ изходѣ Маїа или въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Отправленный отсюда курьеръ съ приказаніемъ о томъ, чтобъ онъ воротился, а Рикордъ бы тамъ остался, по ея мнѣнію могъ встрѣтить сего послѣдняго уже въ дорогѣ и на тотъ случай имѣлъ и къ нему депеши съ приказаніемъ возвра-

¹⁾ Здѣсь Энгельгардтъ дѣлаетъ намекъ на странность Кайданова, который всегда слово «Господынъ» ставилъ послѣ фамиліи. См. записки Графа Корфа въ книгѣ Я. К. Грота: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб. 1899 г. стр. 227.

титься на прежнее мѣсто. Если это все такъ, то ты будешь въ Питерѣ прежде меня, ибо я недѣли черезъ три отправляюсь въ *Пермь* для осмотра тамъ имѣнія, рудниковъ, золотоносныхъ и алмазоносныхъ песковъ Графини Полье-Шуваловой, которая по смерти мужа своего ищетъ Главноуправляющаго для всего имѣнія своего, а М. М. Сперанскій ей рекомендовалъ меня и уговорилъ меня съѣздить туда и посмотреть, могу ли и хочу ли я за это взяться. Я ѣду;—поѣздка по Россіи очень пріятная;—мнѣ заплата за все издержки и сверхъ того еще за труды; я проведу мца 4 въ дорогѣ и въ хлопотахъ тамъ и буду въ Сентябрѣ опять здѣсь, можетъ быть Главноуправляющимъ съ хорошимъ жалованьемъ, а если нѣтъ, то ничего не потѣрялъ, а набралъ много записокъ для продолженія *Russische Miscellen*.

«Пора кончить! Прощай Federnelke, тебѣ кланяются все, все: и старъ и младъ. Прощай до сентября. При проѣздѣ чрезъ Москву постараюсь быть у Анны Богдановны Матюшкиной.—Прощай, каковъ бы то ни былъ, но по старой привычкѣ тебя отъ всего сердца любить твой вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ».

Въ письмѣ отъ 22 Января 1831 г. Энгельгардтъ знакомитъ Матюшкина съ судьбою его товарищей за это время и сообщаетъ новости о своемъ собственномъ семействѣ, въ особенности подробно останавливается на запрещеніи «Литературной газеты» Дельвига и наконецъ въ особомъ письмѣ сообщаетъ о смерти самого Дельвига. (Все относящееся до Дельвига мы исключаемъ, такъ какъ оно войдетъ въ его біографическій очеркъ).

«Здравствуй морское Чудо-Молодецъ и спасибо, что не смотря на то, что обладаешь собственнымъ бригомъ, не возгордился, а помнишь еще прежнихъ друзей. Дашковъ добрый человекъ; онъ самъ привезъ мнѣ твое письмо, и мы долго и много про тебя толковали. Поэтому только знаю я что-нибудь о тебѣ, изъ бѣглыхъ строкъ твоего посланія не много бы почерпнулъ любопытнаго касательно тебя и дѣлъ твоихъ. Богъ вѣсть, какъ о томъ судить; Гайдень хвалитъ тебя какъ дѣльнаго человека, Дашковъ также, а по письмамъ все прежній, безтолковый Federnelke. Уже-ли такъ занятъ управленіемъ маленькаго брига, что не могъ заблаговременно, мало-по-малу написать порядочное письмо, изъ котораго можно бы хотя понять: что? какъ? гдѣ? чѣмъ? съ кѣмъ? Безтолковъ, батюшка, Федоръ Федоровичъ, Командиръ брига! Донесеніе твое я отправилъ подлинникомъ къ маменькѣ и приобщилъ къ тому нѣкоторыя свѣденія и подробности, собранныя отъ Графа и отъ Дашкова, коими подчиваю также нѣкоторыхъ изъ нашихъ, которые проходятъ иногда еще навѣдываться о старомъ Директорѣ и прежнихъ товарищахъ. Число ихъ не велико; кто не ходитъ, кто отвыкъ, кто въ отлучкѣ или въ могилѣ...

... «Вотъ кажется и все, въ списокъ живыхъ состоящие.—Максъ былъ посланъ отъ гоеуд. Контролера въ Варшаву, прожилъ тамъ полтора года на 2000 руб. серебромъ жалованья, получилъ Станислава 2-й степени и благополучно выѣхалъ

еще до начатія суматохи. Онъ очень плѣшивъ, остростилъ огромные бакенбарды и кланяется тебѣ.— Чари сходилъ турецкій походъ, съ горы смотрѣлъ, какъ брали Варну, воротился и теперь къ крайнему своему сожалѣнію остается здѣсь, между тѣмъ какъ товарищи его съ 1 и 3 баталіономъ пошли на Польшу.— Воля— дипломатъ, временно опредѣленъ въ Собствен. Канц. Е. И. В. для переводу Лифляндскихъ привиллегій и законовъ.— Баронши Бетси и Наталья умножаютъ родъ человѣческій, у каждой по одному сыну и одной дочкѣ, да кажется и впредь надежда есть. — Директорша нянчить и пестуетъ внучатъ, а твоя любовница (? любимица) M-lle Annette ей помогаетъ; не знаю какъ у тебя, а у ней въ сердцѣ все еще хранится какая-то тайная къ тебѣ приверженность. — Я нынѣ лѣтомъ слѣталъ на Уралъ; въ 3 мѣсяца сдѣлалъ въ коляскѣ, въ лодкѣ, пѣшкомъ и верхомъ около 6000 верстъ, возвратился какъ ни въ чемъ не бывало и теперь опять сажу, перевожу Ванкувера, обрабатываю вашу поѣздку къ сѣверному полюсу, которую надѣюсь пустить въ свѣтъ въ изходѣ будущаго лѣта, и печатаю четвертую часть Russische Miscellen, которыя очень хорошо разкупаются. Надобно ковать, пока горячо, и продавать пока покупаютъ.

«Вотъ я высказалъ тебѣ всѣ *наши* новости; прочихъ новостей тебѣ не расскажу. 1) потому что всячески стараюсь ихъ не знать; 2) потому что ты вѣроятно получаешь ихъ гораздо свѣжѣе, нежели мы въ Петербургѣ, и особенно нежели я въ своемъ Эрмитажѣ на острову. Притомъ же нынѣшнія новости всѣ такъ глупы, пошлы, досадны и однообразны, что право и слышать не хочешь: холера и революціи, революціи и холера,—только и перемѣны. Досадно право, что намъ привелось жить въ такое глупое время, досадно подумать, что то, что теперь дѣлается въ Европѣ, когда-нибудь составитъ исторію и какой-нибудь Кайдановъ чрезъ 200 или 300 лѣтъ станетъ рассказывать о томъ какимъ-нибудь тогдашнимъ лицейскимъ. Одно мое утѣшеніе то, что по крайней мѣрѣ обо мнѣ рѣчи не будетъ; Schulmeister figuriren nicht in der Weltgeschichte, а отставной Шулмейстеръ и подавно. Какъ умру, какъ умрутъ нѣсколько лицейскихъ, — и слѣдъ мой простынетъ, ни лихомъ, ни добромъ поминать не станутъ; а мнѣ право иногда охота приходитъ умереть: — не вижу зачѣмъ бы болѣе тутъ хлопотать. Я свою службу, какъ человѣкъ и какъ гражданинъ, отслужилъ:— тридцать лѣтъ работалъ на Царской службѣ, кое-что полезнаго сдѣлалъ, дѣтей своихъ и чужихъ около трехсотъ пятидесяти воспиталъ и большая часть изъ нихъ порядочные люди. Сыновья пристроены и идутъ своею дорогою, дочери также. — Что же мнѣ болѣе тутъ дѣлать? Впрочемъ, воля командирская; про то старшіе знаютъ.

«О тебѣ часто навѣдывается толстый Саблуковъ, который теперь выдаетъ одну изъ своихъ дочерей за полковника ; я его не знаю, но наружность его очень мало обѣщаетъ, а она премилая и тѣломъ и душой. Que faire; il faut pourtant se marier et quand on n'a pas de fortune, on n'a pas de choix.

«Я навѣдывался кое-гдѣ, не поговариваютъ ли о вашемъ возвращеніи, однако ничего, не чутъ. Впрочемъ, хотя бы и желалъ посмотрѣть опять на твою рожу, но не менѣе того долженъ признаться, что лучше тебѣ тамъ командовать своимъ бригомъ, нежели здѣсь топтать мостовую или заниматься учебнымъ шагомъ. — Были большіе проекты въ будущемъ лѣтѣ отправить на трехъ судахъ ученую экспедицію въ Южный Океанъ, года на три, да вотъ холера и Варшава явились, отъ первой убыль въ приходѣ, а отъ послѣдней увеличеніе расхода; — и такъ кажется на первый случай экспедиція отложена. — У Врангеля на пути, въ Иркутскѣ, родился маленькій, рыженькій Врангеленокъ, котораго онъ повезъ въ Ситху; нынѣ еще молодой его жена очень довольна своею жизнію, — что то скажетъ она тамъ.

«Кажется у меня уже навараксано по крайней мѣрѣ пять или шесть твоихъ писемъ, — пора кончить. Прощай, Матюшко, будь здоровъ и, если можешь, — напиши хоть одно путное письмо; вѣдь у тебя вѣрно много празднаго времени сидишь у моря и ждешь погоды; — ну пиши, что на умъ придетъ, а какъ будетъ случай — въ Царьградъ, то отправь къ нашей тамъ Миссiei. Тебѣ кланяется Директорша и всѣ наши. — Прощай; какъ былъ, такъ есмь и буду твой вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ. Спб. 22 генваря 1831 г.»

Изъ пропускаемаго нами письма о смерти Дельвига мы приведемъ слѣдующія строки, относящіяся лично до Матюшкина.

— «Я съ Гейденомъ разговаривалъ о тебѣ; онъ все съ равнымъ участіемъ о тебѣ отзывается, спрашивалъ меня много и хотѣлъ знать разныя о тебѣ подробности, и очень удивлялся, что я совершенно ничего не знаю. Я не хотѣлъ тебя страмить и потому не показалъ ему для своего оправданья твоего письма безтолковаго, которое однако послалъ въ Москву къ Аннѣ Богдановнѣ.

«Вотъ уже легка на поминѣ! Только что заговорилъ про Анну Богдановну, какъ и почталіонъ въ двери съ письмомъ отъ нея. — Читай же, братъ Federnelke; я тебѣ не помѣха. Прощай. Егоръ Энгельгардтъ».

Въ слѣдующихъ письмахъ отъ 18 марта 1831 г., отъ 4 декабря 1831 г., а также въ письмахъ за 1832 г. мы находимъ много подробностей, относящихся какъ до семейства Энгельгардта и товарищей Матюшкина, такъ и до личныхъ дѣлъ самого Матюшкина. Мы уже не разъ говорили, что Энгельгардтъ съ особенною любовью относился къ служебнымъ успѣхамъ Матюшкина, интересовался ими, хлопоталъ о немъ, передавалъ ему разныя свѣдѣнія, касавшіяся ихъ экспедиціи, а также знакомилъ его съ ходомъ работъ по переводу и обработкѣ матеріаловъ прежней ихъ экспедиціи по Сѣверному Ледовитому Океану.

«Meritis crescant honores.

«Хотя и нельзя по справедливости обвинять тебя въ извѣстномъ знаніи древнихъ языковъ, но не менѣе того я надѣюсь, что изъ брѣвнхъ остатковъ скромной

Копанскаго латыни Ваше Высокоблагородіе соберете столько пылинокъ латинскихъ, чтобы понять это изрѣченіе.

«Отъ всего сердца поздравляю тебя, любезный Матюшко, съ канительными эполетами, о дачѣ коихъ тебѣ узналъ я вчера утромъ чрезъ двѣ записки, одну отъ Крузенштерна, а другую отъ Гайдена, которые оба, — спасибо имъ за то, — послѣдили меня извѣститъ и обрадовать. Тотъ и другой утверждаютъ, что производство въ капитанъ-лейтенанты одно изъ главныхъ и труднѣйшихъ по флоту. Мы сегодня съ обѣдавшими у меня Стевенемъ и Комовскимъ пили за здравіе новаго Капитанъ-Лейтенанта.

«Надѣюсь, что изъ подъ блестящихъ эполетовъ или надплечниковъ ты станешь писать чаще и толковѣе, нежели по нынѣ. — Почта Цареградская ходитъ сюда по два раза въ каждый мѣсяцъ. — Максъ твоего здоровья не пилъ, потому что онъ въ Вильнѣ, куда отправился съ Д. Т. С. Ангелемъ для устройства разстроенной Польши; дай имъ Богъ добраго и скорого и прочнаго успѣха! Во всякомъ случаѣ я очень радъ, что онъ туда попалъ; дѣла тамъ будутъ много, есть, чему поучиться, а Ангель во всякомъ отношеніи отличный начальникъ. Максъ же будетъ тамъ полезенъ, ибо въ два года жизни въ Варшавѣ и обревизовавъ на 84 миліона польскихъ щетовъ и контрактовъ, онъ научился польскому языку и узналъ Польшу и Поляковъ...

«Къ числу новостей лицейскихъ принадлежитъ любопытнѣйшее, куріознѣйшее, неимовѣрнѣйшее происшествіе: древнѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, о коемъ нѣкоторые лѣтописцы полагаютъ, что онъ родился до потопа, другіе же утверждаютъ, что онъ родился до сотворенія міра, но всѣ соглашаются въ томъ, что при рожденіи его было ему уже 47 лѣтъ, — однимъ словомъ, — старецъ Лангеръ женится! Каково?! Дѣва, согласившаяся на брачное съ нимъ сочетаваніе, есть родная дочь Д. С. С. Безака; я ее не знаю и не видалъ, но думать надобно, что она уже не имѣла надежды на другое пріобретеніе сего рода, и потому рѣшилась на сей выборъ. Лангеръ доброй и благородный человѣкъ, но не имѣетъ ни одного изъ качествъ, потребныхъ, чтобы понравиться женщинамъ; при томъ же онъ не имѣетъ ничего, а она поль-дожины братьевъ. Выйдутъ тошіе ши!...

Здѣсь Энгельгардтъ приводитъ выдержку изъ письма Вольховскаго о битвѣ подъ Граховыхъ и замѣчаетъ: «Когда я смотрю на эту революцію поляковъ, то мнѣ все приходитъ на память надгробная, которую Франклинъ сочинилъ для одного мнимо больного: I was well, would be better, took physick and-died. Это точно исторія варшавскихъ патриотовъ.

«Знаешь-ли что Пушкинъ женился? Жена его Москвичка, какъ говорятъ, очень любезная, образованная и съ деньгами. Жаль ее; она вѣрно будетъ несчастлива. Въ немъ только и было хорошаго, что стихотворческій даръ, да и тотъ

кажется изчѣзаетъ; новѣйшія его произведенія далеко отстали отъ прежнихъ, напр.: Борисъ Годуновъ его очень слабъ. Онъ забавляется маленькими, эпиграммическими стихами, въ которыхъ довольно пошлымъ образомъ ругаетъ всѣхъ и все. Плохое ремесло.

«При семь слѣдуетъ письмо къ тебѣ;—оно вѣроятно очень не молодо, ибо привезено сюда какимъ то оттуда пріѣзжимъ, который прислалъ оное ко мнѣ съ пьянымъ извощикомъ. Какъ попало къ нему въ руки письмо, которое, судя по клейму отдано было въ Іюнѣ на почту въ Москву? Не вѣдаю.—Впрочемъ нынѣ уже получаемъ мы изъ Москвы письма не проколотыя, холера совершенно прекратилась. Третьяго дня я имѣлъ письмо отъ Данзаса, который пишетъ, что теперь опять начали свободно дышать; между прочимъ говоритъ также, что видѣлъ Анну Богдановну М., которая здорова.

«Кажется на сей разъ будетъ съ тебя. Прощай и подай скоро о себѣ какуюнибудь толковую вѣсть всегда искренно преданному тебѣ Егоръ Энгельгардтъ.

«Спб. 18 марта 1831 г.»¹⁾.

«Искренно обрадовался твоему производству, любезнѣйшій Федоръ Федоровичъ; лучшимъ доказательствомъ участія моего служить то, что я рѣшился приняться за перо, дабы поздравить тебя.—Помня, какъ, по полученіи Анны на шею, ты не отходилъ отъ моего зеркала и не давалъ мнѣ даже покойно бриться, я весьма жалѣю, что не могу теперь служить зеркаломъ моимъ, дабы доставить тебѣ случай любоваться въ ономъ большими еполетами.—Съ Нордманомъ (?) мы часто вспоминаемъ о тебѣ; и на первомъ пароходѣ я отправлюсь въ Кронштадтъ, дабы съ нимъ и съ Лавровымъ потолковать о добромъ и милымъ нашемъ Матюшкинѣ,—Весь твой Стевень».

«Спб. Декабря 4 дня 1831.

«Не знаю и не понимаю, что происходитъ съ нашею перепискою; не пишешь ты; или пишешь, да по старой повадкѣ подъ подушку кладешь,—или пишешь, отправляешь, да письма сюда не доходятъ,—ума не приложу, а только знаю, что не видалъ ни строки отъ тебя уже по крайней мѣрѣ миллионъ лѣтъ. Писалъ я къ тебѣ нѣсколько разъ, но получилъ ли ты мои письма или нѣтъ,—то вѣдаютъ боги и Цареградская Посольская Канцелярія, чрезъ которую ихъ посылалъ. Когда ты бывалъ въ другомъ полушаріи, на экваторѣ, на Сѣверномъ полюсѣ и пр., я чаще имѣлъ отъ тебя письма, нежели теперь, когда ты въ Средиземномъ морѣ. Не возгордился ли, не зазнался ли съ тѣхъ поръ, какъ на плечахъ заиграли бахромчатые эполеты, или какъ сдѣлался неограниченнымъ властелиномъ

¹⁾ Къ этому письму слѣдующая приписка Стевена.

Ахиллеса? По газетамъ и по сказаніямъ людскимъ слышно, — Ахиллесъ былъ въ Неаполѣ, Ахиллесъ былъ въ дѣлѣ передъ Поросомъ, Командиръ Ахиллеса спасъ и освободилъ секретаря министра просвѣщенія, а командиръ Ахиллеса къ старому Командиру своему все ни строки. Чему это приписать? Нынѣшнее письмо вѣрно къ тебѣ дойдетъ, ибо будетъ особенно рекомендовано; мѣсяца черезъ два долженъ быть отвѣтъ, если только ты его напишешь и надпишешь: *Въ Канцелярію Его Сіятельства Вице-Канцлера*. Оно непременно ко мнѣ дойдетъ; если же и теперь ничего не получу, то конечно, — знать тебя болѣе не хочу, отказываюсь отъ тебя. Помни ¹⁾!...

«Чари женился на Демидовой, которая кромѣ врожденныхъ безчисленныхъ добрыхъ качествъ имѣетъ еще около тысячи таковыхъ же ей принадлежащихъ въ Курской губерніи. Это имѣетъ фізіономію. Онъ теперь поѣхалъ съ *своею* женою въ *свои* водчины. — Максъ опять въ Варшавѣ; первое его тамъ пребываніе, за которое получилъ между прочимъ и Станислава на шею, такъ ему понравилось, что онъ опять туда поѣхалъ; какъ то Федоръ Ив. Энгель, при коемъ онъ находился, послалъ его къ Фельдмаршалу, онъ ему понравился, былъ имъ употребленъ на разныя комиссіи и посылки, получилъ 300 червонныхъ награжденія, Владимира 4-го и теперь, какъ увѣряютъ меня здѣсь, посылается отъ него за границу съ какими то финансовыми порученіями. Словомъ Максъ въ великомъ форсу. И вообще всѣ наши скоты-братцы, народъ Лицейской, въ великой чести; куда не помотришь, а все есть вездѣ кто нибудь отличной. Дай Богъ впредь таково же.

«О себѣ почти нечего сказать; живу скучно, скудно, только и отрады, — что Лицейскіе, да дѣти, да внучата. Сихъ послѣднихъ имѣется у Натальи 3 человекъ; у Ветси 1 на лицо, 1 въ ожиданіи и 1 въ могилѣ. Какъ соберутся въ Воскресенье, такъ шуму довольно; ими предводительствуетъ M-lle Annette, которая, кажется, хранить все къ тебѣ какую-то таинственную любовь; нерѣдко о тебѣ вспомнить, спросить и покраснѣетъ. *C'est un feu qui couve sous la cendre*.

«Марія Яковлевна не помолодѣла; глаза худо видятъ, ноги худо ходятъ. Егоръ Антоновичъ по наружности бодръ и молодъ; во всякую погоду въ башмакахъ каждый день десять верстъ пѣшкомъ, — ну молодецъ, да и только, но духомъ постарѣлъ уже: смѣхъ на умъ нейдетъ; смѣшны еще иногда другихъ, да и то болѣе еще по старой повадкѣ: что развѣ будетъ, какъ воротился ты съ крестами и лаврами и споетъ Ивушку; къ тому времени можетъ быть подѣдетъ и Максъ для секунды; купимъ у Мамзель Валлотъ пеперминту и вспомнимъ старину, — она лучше новизны была.

«О прочихъ твоихъ знакомыхъ не скажу тебѣ ничего; я ихъ не знаю, или по крайней мѣрѣ ~~объ нихъ ничего~~ не знаю, ибо живу въ Питерѣ, какъ бы на островѣ

¹⁾ Здѣсь мы пропускаемъ свѣдѣнія, сообщаемыя Энгельгардтомъ, о своихъ воспитанникахъ-первокурсникахъ.

Робинзона; кромѣ пяти-шести человекъ прежнихъ никого не вижу и видѣть не хочу.

«Прощай, Federnelke; примись-ка меня тѣшить письмомъ; да напиши съ толкомъ, пространнѣе, разскажи о своемъ житьѣ-бытьѣ въ столь долгое время. Вспомни, что старому Директору только и отрады, какъ получить обстоятельныя вѣсти о своихъ; опиши все,—себя, каюту, все, что тебя окружаетъ; пусть поработаютъ цилиндрики ¹⁾; или выросли они подъ Греческимъ Небомъ? Чай, ты по гречески такъ и хлещешь.—Прощай, Матюшко! Пиши, пиши—да и отправь тотчасъ. Твой вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ.

«Жаль мнѣ, что не видалъ молодого адъютанта, отъ адмирала вашего сюда присланнаго, я бы заставилъ его о тебѣ говорить ²⁾).

Спб. Маія 28-го 1832 года.

«Сейчасъ принесли мнѣ твое письмо, любезный Federnelke, отъ 1-го Февраля. Это послѣ 13 мѣсцевъ первое, а ты думаешь, что часто писалъ;—посмотри-ка подъ подушкой, не по прежней-ли повадкѣ тамъ для отправленія залежались. Впрочемъ, судя по моимъ письмамъ,—не только написаннымъ, но и отправленнымъ, легко станется, что ты и не виноватъ, ибо если изъ пяти моихъ посланій, въ теченіе 1831 г. къ тебѣ отправленныхъ, дошло только одно, то могло и съ твоими ко мнѣ то же случиться. Богъ прости тому или тѣмъ, кто виноватъ. Я всегда отсылалъ отсюда чрезъ Канцелярію Вице-Канцлера, оттуда отправляли весьма исправно къ нашему посольству въ Царьградъ для отсылки къ Адмиралу Рикорду; и тамъ вина либо въ посольской, либо въ Адмиральской Канцеляріи.—Какъ бы то ни было, но я теперь имѣю отъ тебя письмо, знаю, что ты здоровъ, въ дѣятельности, въ хлопотахъ,—и довольно; былъ бы здоровъ и служилъ бы службой, а на хлопоты и неприятности нѣчего пѣнять, онѣ вездѣ есть и хуже твоихъ; по крайней мѣрѣ ты на своемъ Ахиллесѣ помѣщикъ властелинъ и дѣлаешь, какъ разумѣешь, и послѣ отвѣчаешь; а вотъ какъ за каждымъ взоромъ безпрестанно наблюдаютъ, толкуютъ, перетолковываютъ, искажаютъ и пр. и пр.—Это не то, что твои неприятности. Все проходитъ, а прошло,—такъ и легко. Не горюй, братъ, Матюшко, а держи въ памяти старую поговорку: вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ!

«Между письмами моими, которыя къ тебѣ не дошли, было также одно отъ твоего брата, который тебѣ сообщалъ печальную вѣсть о кончинѣ доброй твоей матери—въ концѣ лѣта прошлаго года. Я завтра отправлю къ брату твое письмо,

¹⁾ «Цилиндриками» Энгельгардтъ называлъ короткіе пальцы на рукахъ Матюшкина.

²⁾ Адресъ: «Его Высочоблаг., Милост. Г—рю моему Ф. Ф. Матюшкину. На бриггѣ Ахиллесѣ, въ эскадрѣ Г-на Вице-Адмирала Рикорда, въ Средиземномъ морѣ».

и увѣдомлю его, чтобы онъ немѣдленно ко мнѣ доставилъ подробное извѣстіе о всемъ, до сего несчастія относящемся. Много въ это время было жертвъ смерти и едва ли есть кто-нибудь счастливецъ, который бы не лишился кого-либо, сердцу его милого.—Я схоронилъ брата, Федора, Марія Яковлевна своего брата и жену его и сына ихъ; Бетси наша премилую дочку. Изъ круга моихъ знакомыхъ и друзей не стало пяти человѣкъ,—и Дельвига нашего мы опустили въ мать сыру землю; жаль! онъ былъ человѣкъ благородный, съ живымъ чувствомъ и любящимъ сердцемъ, и какъ нарочно, въ послѣдній годъ жизни его мы очень сблизились. Замокъ нашъ лѣвецъ!

«Сказавъ тебѣ о мертвыхъ, скажу также нѣсколько словъ о живыхъ нашихъ... ¹⁾

«Пушкинъ, говорятъ, занимается Исторіею Петра Великаго; сомнѣваюсь; это не по немъ.—Несчастны Иванъ живетъ въ сибирской могилѣ.—Кюхля въ Дюнабургѣ.—Вотъ и все кажется; прочіе въ землѣ; я писалъ тебѣ о ужасной кончинѣ Есакова, который застрѣлилъ себя по какимъ-то неприятностямъ по службѣ; жаль и глупо!—Еще скажу тебѣ о Максѣ: ты знаешь, что онъ въ 1829 году былъ въ Варшавѣ, ревизовалъ тамъ на 48 милліоновъ шетовъ и получилъ Станислава на шею. Въ прошломъ годѣ поѣхалъ опять съ Ангелемъ, работалъ дождо, развѣзжалъ по Польшѣ вдоль и поперекъ между холерою и мятежниками, былъ совершенно ограбленъ, а самъ чудесно уцѣлѣлъ; посыланъ былъ два раза въ Пруссію за огромными провіантскими транспортами, кончилъ все исправно, получилъ 300 червонныхъ и Владимира, а теперь отправленъ съ важнымъ порученіемъ отъ Правительства въ Берлинъ, Дрезденъ, Вѣну, Франкфуртъ, Страсбургъ, Парижъ, Гамбургъ, Гагу и Лондонъ. Послѣднее письмо отъ него я имѣлъ изъ Гамбурга; онъ готовился ѣхать въ Лондонъ. Какое Максъ?—Къ концу лѣта онъ думаетъ быть опять здѣсь.—Когда-то ты будешь опять съ нами? Уже мамзель Валлотъ очень тоскуетъ по васъ по обѣихъ; разходу нѣтъ на перепинтъ.

«За планъ и статистическое описаніе твоей корабельной кельи очень тебя благодарю; по прибытіи твоёмъ сюда ты намъ все это подробнѣ опишешь, между прочимъ—твои 4 картины; что это за картины *par excellence*? Разказъ о твоихъ подвигахъ, о дипломатическихъ попыткахъ надъ французскими капитанами, объ освобожденіи греческаго министерскаго подмастерья и пр. пр.—также требуетъ многихъ поясненій, но это уже надобно оставить до свиданья.—Очень жалѣю, что ни Панинъ, ни адъютантъ вашего адмирала не удостоили меня своимъ посѣщеніемъ; но это очень естественно; къ отставному, заброшенному Schulmeister'у никто не находитъ нужнымъ зайти побѣседовать (Sic), кромѣ развѣ

¹⁾ Мы здѣсь пропускаемъ свѣдѣнія о первокурникахъ.

прежнихъ лицейскихъ; вотъ почему ни Панинъ, ни адъютантъ у меня не были. Богъ съ ними!

«Ты жалуешься на: языкъ, языкъ!—Да вѣдь языкъ-то твой крѣпостной; зачѣмъ же ты, зная, что онъ тебѣ вредить, не удержишь его за зубами? Молодому, пѣз школы выходящему парню простительно, если онъ не въ состояніи перемогать страсти говорить тамъ, гдѣ не спрашиваютъ и гдѣ не слѣдъ; но тебѣ уже нѣ- сколько мѣсяцевъ за 18 лѣтъ. Не давай языку воли.—Различіе большое: не говорить правду, или *говорить неправду*. Первое въ наши времена предписывается благоразуміемъ—*молчи*, молчи тамъ, гдѣ не нужно, не удобно говорить, но никогда неправды не говори, когда отвѣчаешь на вопросъ высшихъ. Правило простое, не трудное къ исполненію, но важное и полезное. Большая часть нынѣшней молодежи страдаетъ болѣе за языкъ, за излишнюю и неумѣстную говорливостъ, нежели за то, что они дѣлаютъ.

«Въ нашемъ Лицеѣ большія перемѣны: шапки, трехугольныя шляпы, домовые отпуски въ городъ и—вмѣсто 50 воспитанниковъ 100 человекъ, изъ коихъ 50 казенныхъ и 50 платящихъ по 2000 р. въ годъ.—Спальни въ верхнемъ коридорѣ уничтожаются, тамъ будетъ большая общая казарма, въ коей кровати стоятъ открыто, одна возлѣ другой; наши древніе лакированные рукомонники—вонъ, вмѣсто ихъ—два огромные мѣдные самовара съ кранами для общаго омовенія; комоды—прочъ, а платье въ общемъ арсеналѣ и пр. пр. - Можетъ быть это все гораздо лучше прежняго, но прежнее было, право хорошо. Жаль, что бѣдный Лицейъ долженъ такъ измѣнить всю свою фizioномію физическую,—за оною неизбежно послѣдуетъ и перемѣна нравственной.—Уже отъ домовыхъ отпусковъ уничтожится эта прекрасная связь нашихъ лицейскихъ, для коихъ въ продолженіи 6 лѣтъ весь миръ заключался въ стѣнахъ Лицея и которые въ продолженіи 6 лѣтъ бывали неразлучными товарищами; отъ того между ними неразрушимая связь дружбы, отъ того привязанность къ Лицею. Кадеты, оставя съ радостію Корпусъ, не знаютъ уже болѣе ни его, ни тамошнихъ товарищей.

«Мнѣніе твое о грекахъ и французяхъ я совершенно раздѣляю. *Мыслимніе* греки точно не достойны всего того, что для нихъ дѣлаютъ; но подроставшее поколѣніе? Если-бъ можно было всѣхъ грековъ свыше 12 или 15 лѣтъ выслать вонъ изъ Греціи куда-нибудь по далѣе, напр., на Сандвичевы острова, а оставить тамъ только младенческой возрастъ, то кажется при хорошемъ воспитаніи вышли бы опять изъ нихъ греки—народъ.—Что же касается до французовъ, то для щастія всей Европы желатель (желать!) надобно, чтобы всѣ передохлись отъ холеры; пока еще будутъ живые французы, нельзя надѣяться, чтобы было спокойно на свѣтѣ.

«Недостатокъ твой въ бумагахъ и разноколиберность оной я очень охотно извиняю, но не понимаю, какъ возможно, чтобы въ портахъ, гдѣ производится торговля и приходятъ корабли, гдѣ есть училища низшія и высшія, гдѣ говорятъ

о наукахъ и просвѣщеніи, какъ тутъ не быть бумагѣ. Гдѣ же въ наши велеписчія времена нѣтъ бумаги и бумагъ?

«О своемъ житьѣ-бытьѣ мало имѣю тебѣ сказать: живу по прежнему уединенно, единообразно и довольно скучно; работаю, пока есть силы и вырабатываю немного менѣе того, что необходимо нужно для прожитія безъ прихотей. Прихворнулъ было раза два; въ первый довольно жутко приходило; — пѣявки, кровоупусканіе, шпанскія мухи устранили параличъ, —на долго ли? не знаю, но по мнѣ, пожалуй, жизнь эта крѣпко надоѣла, наскутила, —она такъ глупа и суха. —Марія Яковлевна наслаждается своими 5-ю внуками и твоею невѣстою Annette. Здоровье ея, не смотря на 54 года, довольно хорошо. —Чари поѣхалъ съ своею женою на теплыя воды отставнымъ полковникомъ. —Воля канцелярствуетъ у графа Нессельроде.

«Если ты намѣренъ писать ко мнѣ, то отсылай свои письма черезъ посольство Цареградское въ конвертѣ на имя Коллежскаго Совѣтника и кавалера Константина Ивановича Безака (нашъ Лицейской) въ Азіятскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ; тогда я ихъ вѣрно получу; но надобно непременно сверхъ адреса ко мнѣ сдѣлать другой конвертъ на имя его. Онъ мнѣ обѣщаль, что такимъ образомъ твои письма ко мнѣ и мои къ тебѣ дойдутъ исправно и вѣрно.

«Кажется довольно много напоролъ тебѣ всякой всячины, пора кончить. Прощай, Матюшко, будь здоровъ, дѣйствуй всегда, какъ лишь умѣешь лучше, а лязку воли не давай. —Всѣ мои домашніе шлютъ тебѣ милліонъ поклоновъ. Твой вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ.

«Шведское твое письмо доставлено.

«Къ стати попалъ мнѣ подъ лапу Комовскій; я велѣлъ ему къ тебѣ написать писульку, а потомъ и Стевену, котораго не иначе, какъ силою, заставишь писать. Вотъ тебѣ отъ нихъ посланіе; на этотъ разъ есть тебѣ что почитать; надѣюсь, что до тебя дойдетъ и что ты скажешь: хоть рѣдко, да мѣтко. Прощай, Матюшко, будь здоровъ и люби меня по прежнему».

«Іюня 12 дня 1832.

«Хотя писалъ я къ тебѣ, любезный Матюшко, не болѣе, какъ за двѣ недѣли до сего, однако не могу отправить вложеннаго письма (которое пришло ко мнѣ изъ Москвы, вѣроятно отъ твоего брата), не приобщивъ къ нему нѣсколько строкъ.

«Сказать тебѣ новаго почти ничего не имѣю; Стевень уѣхалъ въ Чухонію съ намѣреніемъ во что бы то ни стало, жениться; но вѣроятно дѣло обойдется, какъ по нынѣ, и онъ останется eine alte Jungfer. Пушкинъ нажилъ себѣ дочь; но стихотворство его что-то идетъ на попятную. — Въ прочіихъ скотахъ-братцахъ кажется нѣтъ достопримѣчательныхъ переменъ. —Максъ теперь въ Берлинѣ; къ крайнему сожалѣнію онъ въ Англію не попалъ, да врядъ ли когда-либо на своемъ вѣку туда попадетъ. Здѣсь ему въ департаментѣ покажется нѣсколько жутко; это, все время и въ Варшавѣ и въ чужихъ краяхъ c'étoit un personnage,

а здѣсь опять будетъ въ писаряхъ; скучно, однако жаловаться нельзя, онъ въ двѣ польскія поѣздки былъ очень счастливъ.

Я сколько ни стараюсь узнавать здѣсь чтонибудь о вашемъ сюда возвращеніи, но ничего совершенно не слышать: какъ будто эскадра ваша прикована къ Греціи. Впрочемъ, желать ли этого возвращенія? Тамъ ты панъ, а здѣсь вашей братьи много, которые лучше тебя умѣютъ застегиваться, выступать и выказываться; тебѣ здѣсь не ужиться, а до новой какой-нибудь экспедиціи долго; на это надобно много денегъ, а у насъ ихъ лишнихъ нѣтъ. Поживи-ка еще въ Средиземномъ, Матюшко, да только чаще пиши, хоть тѣмъ станемъ тѣшиться.

«Твой Ледовитый товарищъ Врангель живетъ въ Ситхѣ, какъ сыръ въ маслѣ татается; на пути туда его молодая жена подарила его дочкой, а по пріѣздѣ туда сыномъ, такимъ же маленькимъ, рыжикимъ, какъ онъ самъ. Я видѣлъ письмо, писанное имъ къ брату здѣсь, Лицейскому Профессору: онъ очень доволенъ своимъ тамъ житіемъ-бытіемъ, и въ особенности обществомъ своихъ офицеровъ; еще три года и онъ возвратится и найдетъ здѣсь накопившагося жалованья компанейскаго тысячъ сто и болѣе. Это имѣетъ весьма пріятную физиономію! Не подумать ли тебѣ тогда о томъ, чтобы быть его преемникомъ? Дѣло тебѣ уже знакомое и мѣсто и люди извѣстны, а пять лѣтъ поскучать, да 100 т. взять, право не худо. Тамъ же по неволѣ будешь экономомъ: нѣтъ ни Валлотовъ, ни Амбіелей, ни Ринарделли. а о прочихъ разныхъ расходахъ столичныхъ нѣчего и говорить.

Надѣюсь скоро отъ тебя получить грамотку порядочную, обстоятельную, описательную, какъ бывало ты прежде писывалъ изъ Бразиліи, Камчатки, Нукачивы и Нижне-Колымска, когда выписывалъ отсюда серебрянные чайники. Что-то теперь этотъ чайникъ подѣлываетъ? А хозяйка его? Поминаетъ ли еще время оно? или уже все исчезло изъ памяти.—У меня все это теперь опять освѣжилось: я присѣлъ наконецъ къ редакціи вашего льдянаго путешествія и уже порядочную отработалъ частичку. Не знаю только, позволятъ ли печатать немѣцкаго, доколѣ русское описаніе еще лежитъ подъ спудомъ въ Адмиралтействѣ. Стыдно право, что по сіе время еще не могли рѣшиться напечатать этого путешествія, котораго весь ученый и неученый свѣтъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ.

Марья Яковл., Бетси, Наталья, Annette и вообще всѣ наши тебѣ кланяются отъ дружеской души.—Прощай, Federnelke, будь здоровъ и не жалѣй цилиндриковъ, пиши чаще къ твоему Старому искрѣнному другу Егоръ Энгельгардтъ».

«СПбургъ, 23 октября 1832.

Услужливый и добрый твой фельдегеръ исполнилъ данное тебѣ, любезный Federnelke, въ Тулонѣ слово и самъ принесъ мнѣ твое письмо оттуда, безъ числа. Спасибо ему; онъ вѣрнѣе въ словѣ своемъ, нежели другіе твои комиссіонеры, и между прочимъ вашъ С. М. Бровцынъ, который и не заглядывалъ ко мнѣ, а чрезъ

десятыя руки въ изходѣ Юня доставилъ письмо твое изъ Пороса отъ 12 Марта. Въ семъ письмѣ говоришь ты о какомъ то длинномъ, двухлистовомъ отвѣтѣ на мое письмо, но этотъ отвѣтъ либо остался у тебя подъ диванною подушкою, или странствуетъ, а до меня не дошелъ. Словомъ, изъ всѣхъ твоихъ Мальтійскихъ, Италійскихъ, Сицилійскихъ и пр. 10 или 20 (!?) писемъ, не одного не видалъ; а къ тебѣ не рѣдко писалъ; если не ошибаюсь, то это 5-е или 6-е письмо, которое отправляю чрезъ Цареградское посольство; что съ ними сдѣлалось—позвольте доложить,— не знаю! Впрочемъ, легко станется, что при безпрестанныхъ твоихъ перелетахъ съ одного конца Средиземнаго моря на другой, бѣдныя письма, не имѣя ни крыльевъ, ни парусовъ, не могли нагнать Ахиллеса, который уже у дрѣвнихъ грековъ слылъ *быстроногимъ*, а нынѣ, подъ предводительствомъ твоимъ,—что и говорить. Какъ бы то ни было, станемъ писать да пописывать, и тѣшиться надеждою, что иное письмецо, какъ-нибудь долетитъ и принесетъ вѣсточку,—мнѣ о тебѣ, а тебѣ обо мнѣ.

«Передо мной лежатъ два твои письма, я начну съ старшаго, въ которомъ говоришь ты о *Конст. Бальшѣ*, который долженъ былъ положить здѣсь въ Ломбардъ 1000 руб. сер. и представить мнѣ билетъ. Ни Бальша, ни билета я не видалъ, а по справкѣ оказалось: Коллежскій Ассессоръ К. А. Бальшъ, находившійся на эскадрѣ Адмир. Рикорда, по прошенію уволенъ отъ службы и сколько извѣстно находится нынѣ въ Бессарабіи. Я писалъ къ нашему чугунику Рашету, который консуломъ въ Яссахъ, и просилъ его освѣδοчиться о вышерѣченномъ Константинѣ, а паче о твоихъ деньгахъ; отвѣта еще нѣтъ, а коль скоро будетъ, то не премину тебя увѣдомить.—Тѣмъ и кончено десятистрочное твое письмо; приступаю ко второму, изъ Тулона.

«Если бы не недуги твои, то при всемъ старо-директорскомъ желаніи видѣть опять твою фигуру и несмотря на 5-лѣтнюю разлуку, я бы совѣтовалъ тебѣ не хлопотать о возвращеніи сюда—вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ, и славны бубны за горами. На своемъ кораблѣ ты баринъ самодержавный, а сюда пріѣдешь,—будешь какъ лебедь на суши; ты уже и прежде все правую ногу съ присядкой назадъ отставлялъ, а нынѣ, пробывъ 5 лѣтъ на морѣ, думаю и ступить не умѣешь на берегъ; здѣсь же требуютъ исправку, вытяжку и пр., эта грамота не при тебѣ писана. Не лучше ли тебѣ попытаться хоть посредствомъ недолговременнаго отпуска, гдѣ ни есть въ Италіи или Южной Франціи употреблять какія-нибудь теплыя сѣрныя воды для избавленія себя отъ Нижне-Колымскихъ ревматизмовъ. Если ты тамъ не избавишься отъ этихъ милыхъ воспоминаній вашего лдянаго путешествія, то здѣсь на выздоровленіе надѣяться нельзя, ибо у насъ климатъ право хуже Нижнеколымскаго; хотя и нѣтъ тамошнихъ морозиковъ, но въ замѣнъ вѣчная сырость, вѣтры, холодъ. Въ продолженіи 4-хъ мѣвъ, въ календарѣ Спб. Академіи наукъ *лѣтомъ* называемыхъ, у насъ нынѣ было ровно четыре дни, въ которые можно

было выходить безъ плаща; прочее все время прошло въ дождяхъ, холодахъ и утренникахъ. Хлѣбъ нигдѣ не послѣлъ и скошенъ зеленый на кормъ скотинѣ, огурцовъ, капусты нѣтъ; сѣна нѣтъ и слѣдов. скотина тоща. Весело жить! Нѣтъ, Матюшко, излѣчись-ка ты тамъ, подъ теплымъ небомъ; накопи поболѣ денегъ (только Бальшамъ не отдавай), а когда будетъ здѣсь въ банкѣ хорошій капиталецъ, то прѣзжай, мы тебя женимъ на милой подругѣ съ денежками же, ты скинешь косматые эполеты, надѣнешь фракъ и будешь жить паномъ; а тамъ пойдутъ маленькіе Матюшата,—тебѣ дѣти, а мнѣ внучата, станемъ ихъ пестовать, воспитывать, а въ свободные часы описывать свои морскія походы; напечатаемъ, Грѣчу экземпляръ поднесемъ, онъ разхвалитъ, люди разкупятъ, а тутъ опять деньги. Вотъ, тебѣ на излѣченіе и обдѣлку фортуны годъ, срокомъ по 19 октября 1833 или 34 года. Главное дѣло припасай денегъ поболѣе.

«Къ стати о 19 октября: была сходка годовая, нелюдная, — Корфъ, Кововскій, Корниловъ, Стевень, Пушкинъ, Яковлевъ, Илличевскій, Данзасъ итого 8 человекъ.—Юдинъ, Гревеницъ, Мартыновъ—не являются. Собраніе было у Илличевского въ квартирѣ женатаго брата его. Пушкинъ сговорилъ довольно милые стишки, которые, надѣюсь, получить и прислать тебѣ. Поминали старину, поминали отсутствующихъ, умершихъ; и тѣхъ и другихъ много! Спасибо остающимся, что держатся старины.

«Если-бъ тебя какъ нибудь занесло въ Ливорно, то ты бы тамъ засталъ Чари съ женой, которые оба сидятъ по горло въ морѣ и купаются; на зиму ѣдутъ въ Флоренцію къ Горчакову погостить.—Максъ объѣздилъ полъ-Европы съ порученіемъ отъ Правительства и теперь находится въ Варшавѣ, чиновникомъ особыхъ порученій при Паскевичѣ Эриванско-варшавскомъ.—Воля перья тушитъ въ Канцеляріи Нессельроде.—Внучать у меня имѣется на лицо 5 человекъ, у Бети 2 мальчика, одинъ тебѣ теска Фединка, а у Наталіи 2 мальчика и 1 дѣвка.—Вотъ и вся семья. Мы оба съ старухой по немножку старѣемъ. Я теперь оканчиваю описаніе вашего путешествія по льду; видя, что Адмиралтейство и ухомъ не ведетъ издавать его въ свѣтъ, я рѣшился обработать на немѣцкомъ діалектѣ и надѣюсь къ новому году отправить въ Веймаръ для напечатанія; пусть хоть нѣмцы читаютъ ¹⁾). Врангель съ молодой женой живетъ, какъ пишетъ, очень весело въ Ситхѣ, деньги копить и Врангелятъ выпускаетъ; ихъ уже два у него.

«Вотъ всѣ наши новости, о публичныхъ тебѣ не говорю, потому что ихъ не знаю, да и знать не хочу; живу въ большомъ Питерѣ, какъ сушій пустынный,—

¹⁾ Поэтому совершенно невѣрны свѣдѣнія, сообщаемыя редакціею Историческаго Вѣстника въ предисловіи къ напечатанной тамъ (И. В. 1884 г., т. XVIII, октябрь, стр. 163) запискѣ Врангеля о его путешествіи сухимъ путемъ въ Ситху. Въ этомъ предисловіи редакция бросаетъ неблаговидную тѣнь на дѣятельность Энгельгардта при переводѣ и изданіи путешествія Врангеля, а между тѣмъ изъ письма Энгельгардта отъ 18 ноября 1829 г. видно, что всѣ бумаги по путешествію передалъ ему лично Вран-

даже газетъ не читаю. Ахти скучно жить въ этомъ Питерѣ, особливо безъ денегъ,—впрочемъ кажется и съ деньгами люди живутъ немного веселѣе; моральный нашъ столично-придворный климатъ такой же холодный, сырой, несносный, какъ и естественный климатъ; убѣждалъ бы отсюда хоть съ котомкой, да нельзя—прикованъ. Eat your pudding Slave and be quiet. Знаешь ли еще по англійски? или греческой и итальянской языки заглушили британской? Чаю уже по гречески то морочуешь такъ, что и самъ чортъ тебя не пойметъ.

«На сихъ дняхъ видѣлъ я старика Гайдена, который возвратился съ поѣздки во свояси изъ Голландіи. Онъ очень дружески о тебѣ навѣдывался и поручилъ мнѣ de dire bien des choses de sa part à notre bon Matiouchkine. Изволь же самъ сочинять и сказать себѣ какъ умѣешь лучше и привѣтливѣе, а ты видно у него на хорошемъ щету.—Можешь ли вообразить себѣ Гайдена *въ усахъ*?! Это умора смотрѣть на него и на многихъ ему подобныхъ старыхъ моряковъ, съ новою этою прикрасою. Да и ты, я думаю, хорошъ въ усахъ? Или у васъ тамъ за моремъ еще не носятъ? Однако совѣтую отращивать и если хочешь, то могу выслать тебѣ отъ Г.г. Duchon et Bourgeois, à la renommée баночку Essence brunatrice à nuance, посредствомъ которой всѣ наши бѣло-брысые и рыжіе щеголи нынѣ добыли себѣ темнорусые усыки. Къ стати объ усахъ: нашъ Корниловъ сбрилъ усы, скинулъ эполеты и вышедъ къ статскимъ дѣламъ въ чинѣ Дѣйствит. Статскаго Совѣтника садится въ Сенатъ за Оберъ-Прокурорскій столъ и вѣроятно со временемъ займетъ Сенаторской стулъ, на которомъ отецъ его состарѣлся.—Яковлевъ Директоръ Типографіи Комиссіи Составл. Законовъ и заполучаетъ 5000 руб. и прекрасную квартиру; кажется ладить свадьбу.—Стевенъ кажется долженъ поступить на мѣсто умершаго своего начальника, чухонца же, коего должность онъ уже 3-ій годъ исправляетъ и которой наконецъ умеръ, оставляя ваканцію въ 10 т. руб. въ годъ.—О Корфѣ нѣчего говорить, 24 т. руб. жалованья, мѣсто знатное, милость Царская, живетъ—какъ у Христа за пазухой, а все доброю малой.—Малиновскій, отслуживъ трехлѣтіе дворянскимъ предводителемъ и выслуживъ Владимира 4-го, хлопочетъ теперь объ устройствіи имѣнія. Дядя умеръ недавно отъ холеры; это бы не бѣда, да то плохо, что не оставилъ духовной, а потому все его имѣніе достается Московскому брату, который уже самъ собою богатъ, а нашему ничего.—Илличевскій какъ и прежде, подобно избушкѣ на куричихъ ножкахъ, верхомъ толстѣе, а низомъ щедровитѣ; дѣловой начальникъ отдѣленія.—Комовскій сохнетъ, чахнетъ, жениться хочетъ, да какъ то все не дается на ладъ.—Пушкинъ женатъ и при-

гель для обработки, а такъ какъ это путешествіе влѣдствіе косности разныхъ властей не могло быть напечатано въ Россіи, то Энгельгардтъ напечаталъ его, на нѣмецкомъ языкѣ, въ Германіи, а англійчане сейчасъ же перевели его на англійскій языкъ, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потребовалось второе изданіе. Вслѣдствіе такого успѣха вспомнили о путешествіи Врангеля и въ Россіи.—См. также ниже, письмо Энгельгардта отъ 24 ноября 1836 г.

жилъ дочку; не знаю, остепенился ли, но по наружности гораздо сталъ скромнѣе и—скучнѣе. Уже давно ничего не стихотворилъ; говорить занимается Исторіею Петра великаго; не знаю, по немъ-ли дѣло,—жизнь Петра величественна, удивительна, но жестокая проза.

«31 октября.

«Залежалось мое посланіе; хлопоты, дѣлишки, докучки задержали цѣлую недѣлю; между тѣмъ сдѣлалась зима. Три дни было 5 и 6^о морозу—вчера вечеромъ пошелъ ледъ—на томъ и на другомъ берегу кареты, дрожки, коляски; островитяне остались ночевать въ городѣ, а горожане на острову—суматоха всеобщая—хлопочуть, сердятся, а между тѣмъ ледъ идетъ своимъ чередомъ и если этотъ морозъ простойтъ сутки, то вѣроятно нынѣ въ ночь Нева станетъ. Пора! у насъ не было совѣмъ лѣта, такъ пусть бы хоть зима была, а по примѣтамъ стариковъ надо быть зимѣ жестокой. Видно Фрицка ¹⁾, обыкновенный мой воскресный гость. почувялъ, что пойдетъ ледъ и не хотѣлъ рискнуть остаться за рѣкой; онъ не бывалъ и потому не могу я сообщить тебѣ обѣщанныхъ стиховъ Пушкина. Надобно отложить до другаго раза.

«Всеі мои домочадцы шлютъ тебѣ много поклоновъ и добрыхъ желаній: между прочимъ маленькая Annette, которая въ сердцѣ своемъ питаетъ особенную страсть, и весьма недовольна твоимъ долгимъ отсутствіемъ, безпрестанно навѣдывается о твоемъ возвращеніи. Ей отвѣчали, что ты въ службѣ и не можешь безъ приказанія удалиться: «*mais vous dites qu'il commande son propre vaisseau; s'il commande, il faut bien que le vaisseau lui obéisse; alors il devoit lui commander de venir ici*».—Трудно было ей разтолковать, что твое командованіе есть только эхо высшаго командованія, которое опять зависитъ отъ еще высшаго приказанія и т. д.

«На сей разъ прощай, Матюшко; желаю, чтобы это письмо дошло къ тебѣ вѣрнѣе прежнихъ и чтобы скоро получить добрую вѣсточку отъ тебя, что здоровье твое поправляется; былъ бы человекъ здоровъ, прочее все тринъ трава. — Прощай, Матюшко, съ прежнею чугуною дружбою Твой вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ» ²⁾).

За время командованія Матюшкинымъ бригаомъ «Ахиллесъ» мы имѣемъ еще два письма отъ Энгельгардта, относящіяся къ 1833 г.

«Спб. 30 іюля 1833.

«Добро пожаловать, братъ Матюшко, на святомъ русскомъ берегу! и дай Богъ въ добрый часъ! По моему расчету 28-дневный твой карантинъ долженъ

¹⁾ Стевень.

²⁾ Адр.: «Его В—бродію, М. Г—рю моему Ф. Ф. Матюшкину, Г-ну Капитанъ-Лейтенанту и кавалеру—на бриггъ Ахиллесъ, въ эскадрѣ Г-на Вице-Адм. Рикорда».

кончиться 7 августа; пять дней позже не забудь выпить рюмку шампанскаго за здоровье стараго Директора, который въ этотъ день родился.—Сдача брига, кажется не долго можетъ тебя задержать, и такъ по первому почти пути ты можешь быть у насъ. Какъ это меня тѣшитъ, радуеть, — я тебѣ не скажу, во первыхъ потому, что ты это по старинѣ знаешь, а во вторыхъ, чтобы ты не слишкомъ зачванился.

«А ужъ будетъ намъ о чемъ потолковать да покалякать, о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Многое перебивало съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой простились.—Между тѣмъ надѣюсь, что карантинная скука заставитъ тебя сдерживать слово («*съ будущей почтою болѣе*») и что на сихъ дняхъ получу отъ тебя порядочное обстоятельное посланіе; можетъ быть скажешь, получалъ ли письма мопъ въ разныя времена къ тебѣ писанныя, о коихъ однако ты мнѣ ни въ одномъ изъ твоихъ ни слова не говоришь. — Впрочемъ, видя, что ты знаешь о потерѣ доброй своей матери, я долженъ заключать, что по крайней мѣрѣ это письмо къ тебѣ дошло; куда же дѣвались прочія, коихъ числомъ не мало, Богъ вѣдаетъ, а я все отправлялъ чрезъ Цареградское посольство.

«Имѣя теперь въ виду добрую надежду — мѣсяца чрезъ два, а много три, на словахъ съ тобою все перемолвить, уже нѣтъ охоты писать, да и не стоитъ того, говоръ лучше письма. Я и все мои и все наши, живы да здоровы и часто тебя поминаемъ. — Корниловъ во фракѣ, человекъ штатской и недавно женился; Fritz и Комовской кажется ладятъ тоже.—Вальховской въ Тифлисѣ; Корфъ управляетъ Комитетомъ Министровъ; Пушкинъ пишетъ въ прозѣ Исторію Петра Перваго; Горчаковъ во Флоренціи; Масловъ и Бакунинъ съ кучею дѣтей, первой въ Москвѣ, а второй въ деревнѣ; Яковлевъ печатаетъ законы и чуть ли тоже не мѣтитъ-ли подъ вѣнецъ; Малиновскій спорить съ дядею о наследствѣ; Юдинъ и Гревеницъ, какъ и прежде невидимки; Данзасъ ходитъ съ прострѣленною рукою; Илличевскій въ качествѣ начальника отдѣленія качаетъ финансами; Ломоносовъ въ Лондонѣ; Мартыновъ молчитъ и чахнетъ. Вотъ и все почти.—Пріѣзжай скорѣй къ намъ. Кликнемъ кличъ шестилѣтнюю и соберемъ всехъ наличныхъ, такъ все тебѣ перескажемъ о житьѣ-бытьѣ каждаго.

«Ты посвѣдѣлъ, постарѣлъ, да и я не помолодѣлъ, однако надѣюсь, что друга узнаемъ безъ представленія;—хоть глазъ не увидитъ, а сердце скажетъ: то Матюшкинъ, то старой Директоръ и вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ» ¹⁾).

«Спб. 29 ноября 1833.

«Что дѣлается съ нашею перепискою,—не понимаю; не говоря уже о письмахъ моихъ, отправленныхъ къ тебѣ въ Средиземное море чрезъ наше посольство

¹⁾ Адр.: «Его В-бродію М. Г-рю моему Ф. Ф. Матюшкину, командиру брига Ахиллеса.—Въ Севастополѣ».

и по видимому къ тебѣ не дошедшихъ, я тебѣ только скажу, что по полученіи твоего письма изъ Севастопольскаго карантина, я на другой день тотчасъ отправилъ къ тебѣ обширное посланіе по данному отъ тебя адресу. Если оно къ тебѣ не дошло, то вина не моя. — Послѣ того не писалъ — болѣе потому что по твоимъ рѣчамъ долженъ былъ полагать, что ты пробудешь тамъ недѣли двѣ только и что посему другое письмо бы тебя уже не застало. — Назадъ тому недѣлю получилъ отъ тебя изъ Москвы письмо, по которому я ожидалъ тебя сюда съ часу на часъ и слѣдовательно не писалъ. Къ крайнему удивленію получаю сегодня письмо твое еще изъ Москвы и хандрическія жалобы на то, что я не пишу. Federnelke, Federnelke! Видно, что ты не измѣнился и все тотъ же Konfuser Mensch, какъ и прежде! — Я живу все еще въ домѣ Флетчера на Вас. Острову, никогда не думалъ переѣхать, — письма сюда ко мнѣ доставляются всегда исправно если только отправлены — исправно, да вотъ бѣда, — не оставилъ ли ты по старой повадкѣ инья подъ подушкой у себя. Это бы однако все ничего; письмо, два, три не дошли — досадно, да только но ты могъ предполагать, что я измѣнилъ прежнимъ моимъ сердечнымъ чувствамъ — ты могъ это подумать! — Понимаешь-ли ты что ты мнѣ сказалъ этимъ?! Благо ты сказываешься больнымъ и я по прежнему старо-директорскому снизхожденію ставлю эту непростительную мысль на щетъ твой болѣзни и хондры; но при всемъ томъ, не смотря на твои военные подвиги, на всѣ твои кресты, при первомъ свиданіи выдеру тебѣ уши, дабы впредь не входила тебѣ въ голову такая непростительная дурь. Я если уже залюбилъ кого, то люблю до послѣдней дошатаи шинели — и никогда не позволю себѣ сомнѣваться въ немъ, а ты... Спроси Данаса; онъ по цѣлымъ годамъ ко мнѣ не пишетъ, даже на мои письма не отвѣчаетъ; я его браню, ругаю, готовъ бить, а полагать, чтобъ онъ измѣнилъ дружбѣ ко мнѣ — никогда. А ты... Вотъ пріѣзжай лишь сюда; я тебѣ покажу твое письмо, покажу, что перо твое (надѣюсь, не ты) осмѣлилось мнѣ написать — какъ-то ты отдѣлаешься. Но оставимъ эти расчеты до свиданія, которое надѣюсь воспослѣдуетъ скоро. Пріѣзжай скорѣй сюда; на лошадь тебя не посадятъ, да и парадами не замучатъ; нынѣ къ флотскимъ милостивы. Найдется тебѣ примѣтъ безъ парадовъ.

Не знаю, съ чего взяли, будто бы я оставилъ свой Hôtel Fletcher. Я принялъ управленіе имѣнія Демидовыхъ и имѣвъ надобность писать къ Г-жѣ Гермесъ по симъ дѣламъ, я просилъ ее адресовать свой отвѣтъ въ контору Демидовыхъ, гдѣ я бываю почти ежедневно. Можетъ быть она по этому заключила, что я *живу тамъ*.

«Хотя ты по вышеизъясненной своей не малой винѣ и не заслужилъ, чтобъ я тебя гѣшилъ и радовалъ, но не менѣе того по врожденному великодушію скажу тебѣ вѣсточку, которая вѣрно тебя обрадуетъ: Слушай ¹⁾... Пріѣзжай, Матюшко,

¹⁾ Далѣе идутъ вѣсти о первокурсникахъ.

пріѣзжай скорѣй и прямо ко мнѣ; на первый случай я тебѣ отведу—Царскосельскій Директорской диванъ, старой твоей знакомецъ, а тамъ прищемъ вблизи у меня уголокъ. Я вижу, что тебя надобно опять въ руки взять и исправить и дурь и хандру вывести. Это наше дѣло! Помни, что Вейсъ говорить: *rien de plus petit, de plus fade que l'homme qui se laisse abattre par son sort, qui s'en plaint—rien de plus beau que l'homme de bien luttant contre son sort, sans se decourager.*—Впрочемъ, ты сколько я понимаю, не имѣешь причины жаловаться на свою судьбу; исключая тамъ и сямъ маленькихъ непріятностей — кто же живетъ безъ нихъ—вообще тебѣ везло довольно хорошо и удачно. Теперь ты страдаешь хандрою; пріѣдешь сюда, влюбишься, какъ бывало прежде, и пойдетъ все опять прежнимъ ладомъ, не исключая даже пеперминта и Mamsell Valloth. Поспѣши только сюда,—все будетъ ладно.

«Данзасу поклонъ; можетъ быть хоть изустно чрезъ тебя прилетѣть онъ мнѣ вѣсть, дошелъ ли до него ящикъ съ портретомъ Александра Павловича, который я послалъ къ нему уже не помню когда.—Брусилору ¹⁾ скажи, что я желаю, чтобъ его послали моремъ въ Свеаборгъ: тогда только онъ ко мнѣ пишетъ. — Маслову поклонъ. Что дѣлаетъ Угримовъ ²⁾?»

«Директорша шлетъ тебѣ поклонъ и обѣщалась помогать тебѣ уши выдрать. Приготовся...

«Прощай, Матюшко; до свиданія, до скорого; тогда помиримся, а до тѣхъ поръ ты за неприличные твои изрѣченія состояши въ сильномъ опалѣ у твоего стараго друга Егора Энгельгардта».

За періодъ времени съ 1832 по 1833 г., какъ сказано въ формулярѣ Матюшкина, онъ командовалъ тѣмъ же бригомъ, т. е. «Ахиллесъ», въ Архипелагѣ и въ моряхъ Средиземномъ и Мраморномъ, а потомъ перешелъ въ Севастополь, откуда берегомъ прибылъ въ Кронштадтъ.

Въ 1834 г. ³⁾ Матюшкинъ, командуя фрегатомъ «Амфитрида», плавалъ въ Балтійскомъ морѣ. По увѣренію анонимнаго его біографа, это плаваніе было особенно блестящимъ для служебной карьеры Матюшкина. За это время онъ получилъ нѣсколько наградъ: орденъ Св. Станислава 3 степени (такъ значитъ въ формулярѣ, хотя нельзя не удивиться, что онъ могъ получить этотъ орденъ, имѣя Анну 3 степ., Владимира 4, Анну 2 ст., бантъ къ Владиміру и Георгію 4 ст.), въ іюнѣ — Монаршее благоволеніе, а въ іюль — Высочайшую благодарность за отличное состояніе команды и фрегата «Амфитрида».

¹⁾ Брусилловъ, Николай Николаевичъ, лицеистъ II курса, выпуска 1820 года.

²⁾ Угримовъ, Александръ Ивановичъ, его товарищъ.

³⁾ Этотъ годъ интересенъ для насъ тѣмъ, что имя Матюшкина въ первый разъ встрѣчается въ протоколахъ лицейскихъ годовщинъ, именно 19 октября 1834 г. (См. «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Я. Грота. Спб. 1899 г., стр. 79, и его же: «Лицейскія годовщины», тамъ же, стр. 83, и В. Гасвскій.

Въ 1835 г. Матюшкинъ переведенъ изъ Балтійскаго въ Черноморскій флотъ. Отъ 1835 г. мы имѣемъ очень интересное письмо Яковлева (отъ 11 іюня) къ его товарищу Вольховскому. Какъ извѣстно изъ біографіи Вольховскаго, у него на свадьбѣ были шаферами Яковлевъ и Матюшкинъ. Вольховскій вспоминаетъ объ этомъ памятномъ для него событіи въ письмѣ къ Яковлеву отъ 27 марта 1835 г. Въ отвѣтъ на это письмо Яковлевъ пишетъ слѣдующее: «Благодарю тебя за милое письмо твое отъ 27 марта и за воспоминаніе шаферовъ... Кстати о Матюшкинѣ, какъ о шаферѣ. Онъ переведенъ по желанію Лазарева въ Черноморскій флотъ и черезъ двѣ недѣли совсѣмъ съ нами раскланивается. Общій слухъ носился, что онъ женится на дочери англійскаго генерала Форбаса, на милой и богатой, но слухъ этотъ (Sic) не подтвердился, ибо Матюшкинъ и руками и ногами былъ противу брачнаго союза. А дѣло это весьма подозрительное. Познакомился онъ съ ними въ Мальтѣ, завелъ переписку. Его ласкали и пріѣхали даже въ Питеръ, а онъ тутъ то и на попятный дворъ. Мы всѣ его бранили, уговаривали, убѣждали, потому что отъ него зависѣло рѣшеніе этого дѣла, но онъ не внималъ нашимъ убѣжденіямъ.—Не знаю его намѣреній; знаю, что всѣ удивляются его упрямству. Похоже ли это на Федернеку?» — Въ 1836 г. получилъ въ командованіе фрегатъ «Браилловъ». Анонимный авторъ біографіи Матюшкина сообщаетъ, что, командуя фрегатомъ «Браилловъ», Матюшкинъ удостоился получить двѣ награды: «Высочайшую благодарность и орденъ Анны 2 ст. за отлично-усердную службу». Свѣдѣнія эти невѣрны, такъ какъ о нихъ вовсе не упоминается въ формулярѣ подъ 1836 г.; что же касается до ордена Анны 2 ст., то Матюшкинъ его получилъ въ 1827 г.

За 1836 г. мы имѣемъ очень интересное письмо Энгельгардта по поводу празднованія 25-лѣтія Лицея; поэтому мы его приводимъ здѣсь цѣликомъ.

«Спб. 24 ноября 1836.

«Нѣтъ, воля твоя, Матюшкинъ, хоть ты мнѣ и не велѣлъ писать къ тебѣ, доколѣ не получу отъ тебя извѣстія о тайственной твоей побѣдѣ или лучше сказать, о возвращеніи твоёмъ, но моего терпѣнія не достаетъ: вѣдь уже нѣсколько столѣтій, что я съ тобой не калякалъ, что отъ тебя не малѣйшей вѣсточки не имѣлъ. Быть не можетъ, чтобы ты въ это долгое время не чувствовалъ надобности съ старымъ Директоромъ побѣздовать; вѣрно писалъ, да по старому обычаю письмо подъ изголовье положилъ и удивляешься, что отвѣта нѣтъ. Поищи тамъ, найди и принеси; да уже не въ домъ Флетчера, а въ домъ *Палъянови во 2-ой линіи, № 34*, куда переѣхалъ я назадъ тому съ недѣлю.—Несносное дѣло,—переборка изъ дома, въ которомъ прожилъ 9 лѣтъ. Какъ ни вѣтхъ и ни холоденъ *Hôtel Fletcher*, но мнѣ было грустно разставаться съ старымъ знакомцемъ, въ которомъ каждый уголокъ напоминалъ о какомъ-нибудь происшествіи, — очень

мало значущемъ иногда, но составляющемъ колечко въ цѣпи отшельническаго моего житія-бытія. — Новое мое жилище просторнѣе, теплѣе, удобнѣе, лучше; но оно новое, я его не знаю, оно мнѣ ничего не говоритъ: это точно такъ, какъ Петербургъ — хорошо, прекрасно, да нѣтъ старины, нѣтъ воспоминаній, нѣчего тутъ любить. — Приѣзжай, Матюшко, побывай, поспи на прежнемъ Директорскомъ диванѣ, помоги мнѣ обжиться на новомъ пепелищѣ! Да Богъ вѣсть, когда это будетъ; такъ по крайней мѣрѣ хотъ напиши, что съ тобой дѣлается? гдѣ ты? что ты? и пр. и пр. Между прочимъ подробно донеси: *идтъ?* и *какъ* провелъ ты 19 октября? — Здѣсь оно прошло очень плохо, не смотря на то, что нынѣшнее 19 октября составляетъ важную Лицейскую эпоху—*25-летіе!*—Я было затѣвалъ сходку первыхъ трехъ курсовъ; думалъ хотъ разъ опять полицествовать стариной. Заговаривалъ нѣкоторымъ ветеранамъ первокурснымъ, — они выслушали очень равнодушно,—надобно подумать, посоветоваться,—и да, и нѣтъ. Остылъ, обдержался первой курсъ Питерской въ здѣшнемъ большомъ свѣтѣ—Лицей и Лицейское стало имъ чуждо. Жаль, больно! — Лицейское начальство затѣило было праздновать 25-лѣтіе въ самомъ Лицеѣ — приглашеніемъ всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ питомцевъ и наставниковъ на общую дружескую трапезу. Мысль прекрасная и очень было бы кстати; но тутъ пошла казенщина, рапорты, смѣты, суммы, спросы, доклады и кончилось тѣмъ, что не было ничего.—Первый курсъ, какъ слышалъ я, собирался у Яковлева.—Я провелъ этотъ день дома; бурею и высокою водою сломило нашъ мостъ, такъ что никто изъ 3-е курсныхъ ко мнѣ не попалъ.—Я былъ одинъ,—убрался въ свою келью, двери на замокъ, сѣлъ передъ залой лицейской окруженной многими изъ тѣхъ, кто тамъ со мною жили, чувствовали, любили и праздновалъ 25-лѣтіе одинъ. Предъ памятными глазами моими явилось тысячи воспоминаній прекраснѣйшаго времени моей жизни. Назадъ тому 25 лѣтъ въ этотъ день былъ при открытіи Лицея въ толпѣ постороннихъ зрителей; видѣлъ, какъ добрый нашъ Александръ самъ ввелъ васъ въ это *святое уединеніе*, гдѣ онъ васъ любилъ, лелѣялъ, какъ дѣтей своихъ. По прошествіи шести лѣтъ Онъ же самъ опять благословилъ васъ тамъ же на вступленіе въ дѣйствительную жизнь. Тогда уже я былъ тамъ не чужой, не гость; Лицей былъ мой, вы были мои. — Помнишь-ли еще 17 іюня? Онъ составлялъ всю нашу публику; Онъ былъ тамъ не Царемъ, а добрымъ отцомъ посреди сѣмѣйства, любимаго и любящаго. Тутъ не было ничего посторонняго, холоднаго, чужаго, ничего не развлекало, не стѣсняло ни Его, ни насъ въ изліяніи чувствъ сердца. Онъ былъ тамъ только для насъ, мы видѣли только Его, нашего отца—благодѣтеля; Онъ видѣлъ только насъ, ошастливленныхъ Его любовью, въ глазахъ Его блистали слезы сердечнаго умиленія, радости при видѣ добраго дѣла своего; въ нашихъ—слезы сердечной благодарности. Это празднество было скромнѣе перваго, но оно было величественнѣе, сердечнѣе.—Я никогда не забуду этотъ день, щастливѣйшій, пре-

краснѣйшій въ жизни моей!—А тамъ пѣли *шесть лѣтъ*, голосомъ и сердцемъ, прощались, поплакали и обѣщались *разлуку провесть, какъ разлученья часъ*.—Все это и тысячу воспоминаній изъ щастливѣйшаго времени моей жизни проходили предъ глазами памяти моей. Рыцарства, вечерянки, маскарады, яйцо на твоёмъ носу, похищенье Ляминскихъ яблоковъ, горы, прогулки, *le juge bien-faisant* все это погрузилось въ бездну невозвратной прошлости. Сколько изъ бывшихъ тогда съ нами, теперъ уже въ могилѣ: Ржевской, Дельвигъ, Корсаковъ, Саврасовъ, Есаковъ, Костенской, *Jeannot*¹⁾, *Wilhelm*²⁾, Будри, Кошанской, Карцовъ, Фроловъ и *genius loci*, нашъ Александръ! Нѣтъ ихъ, только въ сердцѣ хранится священная память обо всемъ этомъ, о всѣхъ тѣхъ, кто тогда жилъ, чувствовалъ, благодѣтельствовалъ и благоденствовалъ. — Да то бѣда, что въ свѣтѣ — сердце стынетъ. Многіе изъ тѣхъ, кто тогда пѣли: *и поклянемся мы разлуку провесть, какъ разлученья часъ*, все это забыли, Лицей и Лицейство имъ опостыло, *le souvenir leur en est gênant*. Еслибъ были здѣсь Матюшкинъ, Малиновой, Вольховской, Корниловъ, то они бы подмогли Стевену и Комовскому устроить сходку Лицейскаго 25-лѣтня. Прочіе разлицеидись, въ большомъ свѣтскомъ быту остыли:— въ старину чувствовали, а нынѣ *расчитываютъ*, прежде было у нихъ сердце, а нынѣ голова. Кликнемъ прежнимъ кликомъ — не откликается; чуждо, забыто. Жаль ихъ! Я живу весь въ прошломъ; нынѣшнее не по мнѣ, а меня съ моей стариной и не понимаютъ; она какъ фракъ и шляпа мой,—вышла изъ моды, и чувство—ребячество.—Отъ того то и холодно на свѣтѣ, что нѣтъ сердца. А все достоинство человѣка въ сердцѣ, въ этомъ святилищѣ добродѣтелей, о коихъ холодная голова и понятія не имѣетъ. Жаль, что не удалось собрать сходку, можетъ быть бы удалось у инаго еще отогрѣть сердце воспоминаніемъ, разжечь какую-нибудь оставшуюся прежнюю искру. Жаль! Это испортило мнѣ совѣтъ мое 19 октября—посидѣлъ, погрузился—и легъ. Не спится — всталъ и написалъ длинное письмо къ *Jeannot*, и стало легче — уснулъ, и во снѣ всю ночь былъ въ Лицеѣ.

«На утро пришло ко мнѣ нѣсколько 3-е курсныхъ,—приглашаютъ хотъ съ ними одними провести Лицейской денекъ у Жадовскаго. Я пріѣзжаю, мнѣ навстрѣчу всѣ наличные 3-го курса, два депутата 2-го курса, Чирикандусъ, Сакенъ, Калининъ, Венигель, съ Божьомъ помощомъ Пещель, Кайданенко и Врангель. Я въ Лицеѣ. Къ обѣду колокольчикъ—обѣдъ обѣдомъ, а разговоръ весь старина Лицейская, и мысли другой ни у кого не было.—Первый гостъ—*память Императора Александра*. Вдругъ отворяется дверь, Его буютъ, окруженной зеленью какъ бывало въ Лицеѣ, и хоръ пѣвчихъ поетъ: Боже Царя храни! какъ бывало въ Лицеѣ.

¹⁾ Ив. Ив. Пущинъ.

²⁾ Кюхельбекеръ.

Мило, прекрасно, сердце грѣветъ. — Второй тость — *память стараго Лицея*; — что же — *Шестъ лѣтъ* промчались, какъ мечтанье... Я не берусь тебѣ описывать, что это произвело на вѣхъ — восторгъ, печаль, радость, слезы — жемчугъ изъ вѣхъ глазъ; обнимаются, возобновляютъ прежнія общанья словомъ и сердцемъ — даже люди, за столомъ служившіе, стоятъ глубоко тронутые. — Одинъ престарѣлой слуга Жадовскаго подошелъ ко мнѣ, поцеловалъ въ плечо и всхлипывая говоритъ: «Ахъ, какъ это хорошо; какъ вы сударь щастливы». — И точно, я былъ совершенно щастливъ, — только въ одномъ уголкѣ души грустная мысль: зачѣмъ же нѣтъ тутъ и тѣхъ? Зачѣмъ же они не хотѣли съ нами лицѣйствовать?

«Пришлось починать новой листъ; на первомъ негдѣ и прощай сказать, а я объ этомъ забылъ на первой страницѣ, какъ то нерѣдко бывало въ твоихъ письмахъ изъ разныхъ странъ свѣта. — До прощанья однако скажу тебѣ, что при управленіи сего въ обѣихъ фамиліяхъ Энгельгардто - Сакенскихъ всѣ, большіе и малые и многіе изъ нихъ шлютъ тебѣ поклоны.

«Твой бывшій командиръ — Врангель, по возвращеніи изъ Ситхи управляетъ теперь важнымъ департаментомъ Казенныхъ корабельныхъ лѣсовъ. — Онъ взялъ у меня просмотрѣть мою немѣцкую обработку вашего путешествія; она ему такъ понравилась, что онъ попросилъ моего согласія переработать свой русскій подлинникъ по ней; на что я очень охотно согласился. Не знаю только, какъ онъ сладитъ съ Кутузовымъ, который наконецъ не задолго предъ его пріѣздомъ принялся печатать пролежавшую по нынѣ рукопись его и напечаталъ уже нѣсколько листовъ. Едва ли тотъ согласится бросить всю эту работу и вновь начать. — Впрочемъ, какъ хотятъ.

«Максъ въ Варшавѣ скучаетъ крѣпко; мѣсто хорошо, жалованье почти въ четверо противъ здѣшняго, награжденія бываютъ — да нѣ на комъ жениться, а ему крѣпко хочется, только не польку, *elles sont charmantes, comme maitresses, mais roug femmes — néant*. А между тѣмъ ему 33 года; пора, очень пора...

«У насъ лѣта не было, настало зимнее время, а зимы нѣтъ; дождь, слякоть, грязь. Хорошъ климатикъ!

«Если ты встрѣтѣшься съ кѣмъ либо на то годнымъ, то уговаривай, чтобъ присылалъ бы мнѣ разныя практическія замѣчанія и наблюденія по тамошнему земледѣлію, садоводству, сельскому хозяйству и пр. и пр. для Земледѣльческой Газеты. Если нужно, то можешь объявить, что Царь обращаетъ особое вниманіе на нашихъ корреспондентовъ и сотрудниковъ, чрезъ каждые три мѣсяца представляется записка объ нихъ. Инаго это пожалуй и подстрекнеть.

«Ну, кажется будетъ съ тебя моего писанія. — Прощай, Federnelke, будь здоровъ и весель, да пріймись за перо и донеси *подробно* о своемъ житьѣ-бытьѣ, походеженіяхъ, планахъ и предположеніяхъ, — чтобы намъ не раззнакомиться послѣ 20 лѣтъ (Sic) знакомства. — Прощай Момо, я какъ былъ, такъ и до послѣдняго

дошатаго халата пребуду Твоимъ вѣрнымъ другомъ Егоръ Ингельгартъ. 27 ноября 1836.

«Письмо это я отправляю просто въ Николаевъ: вѣдь тебя тамъ знаютъ, найдутъ».

Въ 1837 и 1838 гг. Матюшкинъ, командуя тѣмъ же фрегатомъ «Браилловъ», крейсировалъ, какъ говоритъ его формуляръ, у Кавказскихъ береговъ и участвовалъ въ десантныхъ высадкахъ противъ горцевъ при овладѣннн мѣстечками Туапсе и Тапсухо. Во время этихъ дѣйствнй фрегатъ «Браилловъ» входилъ въ эскадру адмираловъ Лазарева и Хрущова; эскадра эта должна была высадить на восточный берегъ Чернаго моря десантные отряды. Это рискованное дѣло было поручено фрегату «Браилловъ», который и выполнилъ блестяще это порученіе, высадивъ отрядъ генераль-майора Раевского въ устье рѣки Тапсухо. Насколько блестятельно выполнено было это дѣло, видно изъ всеподданнѣйшаго донесенія адмирала Лазарева, въ которомъ онъ приписываетъ весь успѣхъ этой высадки правильному дѣйствию гребной флотилн и энергическимъ распоряженіямъ Матюшкина, который командовалъ правымъ флангомъ гребныхъ судовъ. 3 октября 1838 г. Матюшкинъ былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга. Здѣсь умѣстно привести нѣсколько строкъ изъ письма М. П. Лазарева къ князю А. С. Меншикову:

«При семъ случаѣ, обращая вниманіе и на приближающійся новый годъ я беру смѣлость просить вашу свѣтлость дать ходъ по службѣ нѣкоторымъ изъ офицеровъ, которые по познаніямъ и образованности своей съ пользою и съ честью для флота заняли бы мѣста высшія. Изъ сихъ я разумѣю преимущественно капитана 2 ранга Нахимова, капитанъ-лейтенантовъ Матюшкина и Путятина и лейтенанта Панфилова... Матюшкинъ и Путятинъ недавно лишь возвратились отъ перевозки войскъ и больныхъ съ мыса Константиновскаго въ Редутъ Кале и Потн и вполнѣ открыли глаза прочимъ, что съ фрегатами можно сдѣлать, не взирая на позднее время года» ¹⁾).

Затѣмъ интересно слѣдующее письмо Лазарева, тоже къ князю Меншикову, отъ 23 ноября 1838 г.:

«Ежели вашей свѣтлости угодно будетъ произвести къ новому году командира корабля «Варшава» Колтовскаго, то корабль этотъ не угодно ли будетъ передать капитану 2-го ранга Матюшкину съ назначеніемъ его и командиромъ 35-го экипажа, а командуемый имъ фрегатъ «Браилловъ» капитану 2-го ранга Метлину и тогда фрегатъ этотъ будетъ въ надежныхъ рукахъ» ²⁾).

¹⁾ Письмо № 21, М. П. Лазарева къ кн. А. С. Меншикову. Николаевъ, 18 ноября 1837 г.—«Рус. Арх.» 1881 г., кн. III (2), стр. 346.

²⁾ Письмо № 36, Лазарева къ князю Меншикову. Николаевъ, 23 ноября 1838 г. Ibidem, стр. 368.

Также интересны слѣдующія двѣ краткія выдержки изъ писемъ того же Лазарева къ Меншикову.

Въ письмѣ (№ 39) Лазарева къ Меншикову изъ Николаева, отъ 18 Генваря 1839 г., мы находимъ слѣдующее: «Возвратясь вчерашняго числа изъ Севастополя, я нашелъ здѣсь печатный приказъ отъ 1-го Генваря сего года № 490 (присланный въ депо изъ Гидрографическаго Департамента), въ которомъ ваша свѣтлость благосклонно уважили предварительное представленіе мое въ письмѣ отъ 23 ноября прошедшаго года о производствѣ и перемѣщеніи нѣкоторыхъ изъ судовыхъ командировъ» ¹⁾). Письмо № 41, изъ Николаева, отъ 20 мая 1839 г.: «... Я прошу вашу свѣтлость удостоить уваженіемъ представленія мои о наградахъ флагмановъ и командировъ судовъ, которые какъ въ прошломъ году такъ и нынѣ, распорядительностію и дѣятельностію своею весьма много споспѣшествовали удачнымъ занятіямъ мѣсть на Черкесскомъ берегу. Безъ ихъ усерднаго содѣйствія войска немного бы сдѣлали» ²⁾).

Сюда же можно помѣстить письма Энгельгардта къ Матюшкину отъ 6 іюля 1838 г. и 24 января 1839 г. Изъ перваго письма мы узнаемъ, между прочимъ, что Матюшкинъ былъ, приблизительно въ мартѣ мѣсяцѣ, въ Петербургѣ. Вотъ что Энгельгардтъ пишетъ ³⁾:

«Не хотѣлъ было я писать къ тебѣ, негоднѣйшему изъ всѣхъ Федернелковъ, пока не получу отъ тебя хотя двѣ строчки о твоемъ прибытіи на мѣсто; положительно рѣшился не писать и крѣпился довольно долго — да не въ моготу стало. Розененокъ ѣдетъ въ вашу сторону, предлагаетъ свезти письмо къ Матюшкину, и взбудоражилъ меня всего. Мнѣ представилась прежняя старина, когда еще чувствовалъ ты въ душѣ надобность списываться съ Второмъ Антоновичемъ и писалъ часто къ нему, когда еще ты, — да что о прошломъ говорить! Я старикъ, живу отшельникомъ въ своей келіи, въ прошедшемъ (не въ прошломъ) люблю это прошедшее, люблю все также сердечно тѣхъ, кого любилъ тогда — меня жизнь свѣтская не измѣнила, не остудила, я все тотъ же и останусь тѣмъ же до дощатаго халата. Аминь.

«Въ эти четыре мѣсяца, которые прошли послѣ твоего отъѣзда отсюда, много происходило и произошло въ моемъ кругу: М. Я. два раза хворала крѣпко, однако теперь поправилась и бранитъ тебя за твою молчанку. — Вету со всей семьей сѣла на пароходъ и уѣхала за море на два года. — Чари живетъ на дачѣ у своей бабки. — Воля отыскиваетъ нѣсколько дородности и краски здоровья у своего тестя въ Никольскѣ. — Штофрегень съ дочками уѣхалъ въ Дрезденъ, въ островскіе знакомые разбрелись, опустѣлъ мой домъ; въ воскресеньѣ вмѣсто преж-

¹⁾ Ibidem, стр. 373.

²⁾ Ibidem, стр. 376.

³⁾ Помѣта: «Отвѣчалъ 30 августа».

нихъ 20 и 25 человѣкъ— около стола сидитъ душъ восемь или девять. — Нѣтъ ничего глупѣе разлуки!

«Яковлевъ, *говорятъ*, женился и уѣхалъ. Это я узналъ отъ чужихъ людей; онъ не счелъ за нужное уѣдомить меня ни о свадьбѣ, ни объ отъѣздѣ. Жаль!— Замятинъ женится на премиленкой Неклюдовой; онъ былъ у насъ и невѣсту показывалъ. Она очень мила на видъ, а по слухамъ людскимъ такова же и сердцемъ.— Горчаковъ Богъ вѣсть какъ, но лишился своего мѣста при вѣнскомъ посольствѣ; вмѣсто его назначенъ другой, а онъ, говорятъ, ѣдетъ сюда. Что будетъ съ его женитьбой съ Мусиной-Пушкиной, не вѣдаю. Корфъ поѣхалъ отдохнуть въ Кіевскую сторону; все плохо здоровьемъ, а парень хоть куда.— Стевенъ сидитъ въ Чухнѣ и рѣпу ѣстъ. — Данзасъ управляетъ двумя Департаментами Сената и слава объ немъ чудесная. Суворчякъ пишетъ ко мнѣ, что для поправленія здоровья онъ просилъ себѣ отпуска на годъ; отказано, и велѣно отправиться немедленно къ своему мѣсту въ Литву. Жаль Суворчика. — Малиновскій пишетъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ думаетъ пріѣхать сюда, себя показать и людей посмотреть. По сію пору однако еще его не видать. Пушины на дачѣ, куда я не ѣздохъ.

«По здѣшнимъ слухамъ какой-то Аякъсъ ходилъ въ море, имѣлъ какое-то перестрѣльное дѣло, дѣлалъ десантъ и потерялъ много людей. Не твой ли Аякъсъ ¹⁾? Не ты ли ходилъ? Не ты ли дрался? Отъ кого бы объ этомъ узнать?»

«Скучно въ Питерѣ, прославляемомъ; вмѣсто лѣта у насъ по іюль мѣсяцъ были холода, вечеромъ нерѣдко бывало только 3° градуса тепла, а болѣе 6° и не думай. Нынѣ съ недѣлю, какъ стало тепло, даже жарко, да засуха такая, что ничто не растетъ—ни хлѣбъ, ни травы, въ рѣкахъ и каналахъ воды нѣтъ, баркамъ ходу нѣтъ, все дорожаетъ. Расходы все растутъ, а приходъ—опречъ жалованье царское,—все тоже да тоже. Вѣда да и только.

«Меня, бѣдняка съ невинною моею Газетою приплели къ новому министерству Киселева; зачѣмъ!! Она бы могла остаться по прежнему у Канкрина, которой ее завелъ и вывелъ въ люди; онъ зналъ меня, я его; теперь надобно вновь знакомиться, а въ 64 года очень непріятно заводить новыя знакомства, особливо мнѣ, фрачнику въ башмакахъ, съ людьми эполетными, — шпорными, то и гляди, что гдѣ нибудь за шпору зацѣпишься и въ бѣду попадешь. Нѣчего дѣлать, воля старшихъ.

«Максъ скучаетъ въ Полячинѣ. Онъ вѣчно въ разѣздахъ, посылкахъ, порученіяхъ -- ужъ подлинно чиновникъ особыхъ порученій; имъ очень довольны, хвалятъ, благодарятъ и награжденія даютъ—другимъ, которые умѣютъ вѣргаться и выказываться на глаза. Не родися пригожь, а родися щастливъ! Что развѣ теперь

¹⁾ Вѣроятно, это шутка со стороны Энгельгардта, т. к. Матюшкинъ командовалъ не «Аякъсомъ», а «Ахиллесомъ».

окажется; Царь былъ въ Варшавѣ и былъ, какъ говорятъ, всѣмъ очень доволенъ. Тутъ будетъ не безъ милостей, авось что-либо не перевалится ли на бѣднаго Макса.

«Вчера ваше Ледовитое путешествіе поѣхало въ Берлинъ въ печать. Коль скоро получу я его, то не премину выслать экземпляръ; читай себѣ—себя. Говорятъ и русское печатается. Если это пойдетъ тѣмъ же ходомъ, какъ мой несчастной переводъ Ванкувера, то будетъ кончено не скоро. Его начали печатать въ 1825 г., а на прошедшей недѣлѣ только кончили послѣдній листъ шестого тома, итого 12½ лѣтъ. Ай да ученый Комитетъ Адмиралитетства! Да и тутъ еще сочли излишнимъ приложить карту, которую бы можно было пополнить новѣйшими открытіями и повѣрками, особенно по нашему Американскому берегу и по островамъ, которые Этолинъ описывалъ и повѣрялъ въ продолженіи 14 лѣтъ; и онъ теперь здѣсь со всѣми своими картами и журналами.

«Однако я заболтался, а листокъ къ концу. Не знаю, станешь ли ты читать; а мнѣ было бы написано и было бы тебѣ извѣстно, что не смотря на твою 4-мѣсячную молчанку, я не могу отвыкнуть отъ тебя, и все люблю, какъ любилъ въ Лицеѣ, въ Рио-Жанейро, въ Нукагивѣ, въ Камчаткѣ, въ Нижне-Колымскѣ и на Чукотскомъ Носу. Прощай, Federnelke, будь здоровъ и хоть не пиши, но по крайней мѣрѣ иногда вспомни стараго прежняго друга Егора Антоновича. 6. Юля 1838» ¹⁾.

«Какъ ни скупись, а къ Командиру стопушечнаго корабля писать подобаешь на большомъ листѣ. Большому кораблю — большое и плаванье! Итакъ in folio, поздравляю тебя, любезной Federnelke, съ новымъ обширнѣйшимъ кругомъ дѣйствія. Не знаю, веселѣ ли тебѣ отъ этого будетъ, а люди говорятъ, что оно хорошо. Жаль только, что все это дѣло, по которому ты за отлпчіе произведенъ, такого рода, что объ немъ не говорятъ, да и говорить не вѣляютъ, а потому станемъ говорить о чемъ-нибудь иномъ.

«Во первыхъ, рекомендую тебѣ подателя сего, только что вылупившагося изъ кадетской скорлупы мичмана Реймерса, парня добраго, надежнаго и которой, не зная тебя въ глаза, очень тебя любитъ. Помогни ему совѣтами, наставленіями и пр. при первыхъ шагахъ въ практическую жизнь. Хорошо бы еслибъ могъ онъ попасть непосредственно подъ твое крылышко, и подъ твой линокъ. Полюби его, онъ право стоитъ того; не краснойбай, не вертлявъ, не комплиментистъ, а какъ узнаешь его ближе, то полюбишь... ²⁾

«Бѣдной Воля овдовѣвъ, жена его родила благополучно чудеснаго мальчика Юрія Владимировича, сама кормила, весела и здорова; простудилась, слегла и мы ее схоронили. Мальчикъ теперь у насъ на воспитаньѣ. Пришлось подъ старость лѣтъ опять приняться за старое ремесло, нянчить, пеленать, баюкать. Дай Богъ въ прокъ.—Максъ все еще въ Варшавѣ, т. е. не въ Варшавѣ, а непрерывно на

¹⁾ Адресъ: «Е. Вбр-ію, М. Г-рю, Ф. Ф. Матюшкину».—Внизу приписка: «для доставленія черезъ карантинъ на фрегатъ Брайловъ».

²⁾ Пропускаемъ свѣдѣнія о первокурсникахъ.

посылкахъ, порученіяхъ, слѣдствіяхъ. Скучается очень, да дѣлать нѣчего; здѣсь не найдти ему мѣсто въ 6000 рублей съ квартирою и съ надеждою черезъ два года съ небольшимъ получить пенсіонъ. Какъ нѣтъ своихъ грошей, то надобно изъ чужихъ перебиваться. Это я дѣлалъ весь свой вѣкъ, и по нынѣ еще. — Чаривичъ-директоръ какого-то департамента по военному министерству и, какъ слышно, хорошо дѣлаетъ свое дѣло. — Ветку со всѣми дѣтьми живетъ въ Баденѣ и вѣроятно принуждена будетъ прожить тамъ, или около, до весны 1840 года. — Наталья все попрежнему нашъ островской житель и часто съ своимъ маленькимъ народомъ у насъ. — Директорша съ прошлогодней болѣзни все что-то болѣе и болѣе чувствуетъ, что уже за 60 перешла; когда голова, когда желудокъ, простуда, — надобно себя беречь, лѣлѣять, кутать, а она къ этому не привыкла. Между тѣмъ старыхъ инклинацій Лицейскихъ все придерживается, въ томъ числѣ и Матюшкина, каковъ онъ ни есть, все любитъ и радуется его ста пушкамъ. Наконецъ старой Директоръ — молодецъ молодцомъ. Не смотря на 64 года и разные въ пестрой своей жизни перевороты, бодръ и свѣжъ. Работаетъ перомъ Земледѣліе, ходитъ въ морозъ въ башмакахъ свои 10 и болѣе вереть въ день, лѣтомъ грады копаютъ и дерева и цвѣты сажаетъ, а подъ часъ зимою еще и вальсъ пропляшетъ, не отставая отъ такъ называемой нынѣшней молодежи, которая почти безъ изытія старѣе и хилѣе его. Встаетъ въ 6, ложится въ 11, театровъ, баловъ и большихъ обществъ не знаетъ, а лучшимъ весельемъ считаетъ, если иногда кто изъ своихъ Лицейскихъ завернетъ, подсядетъ къ кашѣ или къ самовару и воспоминаніями о прежнемъ быломъ сердце отогрѣетъ. Спасибо ребятамъ, не забываютъ старика, все являются то тотъ, то другой 1-го, 3-го и 4-го курса, иногда даже и 5-го. А Лицейская слава держится, не смотря на всѣ прежнія лай и клеветы. У меня есть прелюбопытное собраніе писемъ и записокъ отъ разныхъ начальствъ, по нынѣ еще ко мнѣ обращающихся съ просьбою: *дать имъ Вашего времени* человѣка надежнаго, способнаго, добросовѣтнаго; я даю, и по сію пору все еще благодарятъ и требуютъ. Спасибо прежнему народу лицейскому!

«Вотъ тебѣ, братъ Фединка, въ кратцѣ все, что умѣю тебѣ сказать о нынѣшнемъ нашемъ житѣ-бытѣ. Не худо бы тебѣ взять въ руки также цѣльной листъ и пообстоятельнѣе разсказать, какъ ты живешь, что дѣлаешь, что предполагаешь и пр. и пр. — Какъ бы безтолково не вышло, а все будетъ очень пріятной и утѣшительной подарокъ для стараго твоего друга Егоръ Энгельгардтъ. Спб. 24 января 1839.

«Р. S. — Замятинъ ¹⁾ женился на премиленькой Неклюдовой. — У Анненскаго ²⁾ родился сынокъ. — Капгеръ ³⁾ женится на Балугіанской. — А ты??!» ⁴⁾

1) Замятинъ, Дмитрій Николаевичъ, III курсъ, выпускъ 1823 г.

2) Анненскій, Николай Николаевичъ, тоже.

3) Капгеръ, Иванъ Христіановичъ, тоже.

4) Адресъ: «Е. Вбр-ію Ф. Ф. Матюшкину. На сто-пушечномъ кораблѣ».

Съ 1839 по 1849 г. Матюшкинъ ежегодно командовалъ кораблемъ «Варшава» въ Черномъ морѣ. Теперь наступаетъ какъ бы затишье въ кипучей дѣятельности Матюшкина. Это затишье дѣйствовало удручающе на энергичную натуру Матюшкина; вся дѣятельность корабля «Варшава» заключалась въ обученіи команды и въ перевозкѣ тяжестей изъ одного порта въ другой.

Въ 1840 г., декабря 6, Матюшкинъ произведенъ въ капитаны I ранга. Къ этому времени относятся нѣкоторыя письма Энгельгардта къ Матюшкину; такъ, въ письмѣ отъ 31 марта 1840 г. Энгельгардтъ выговариваетъ Матюшкину, что долго не получаетъ отъ него никакихъ извѣстій. Почему Матюшкинъ не писалъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно. Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 14 апрѣля 1841 г., мы находимъ указаніе на то, что Матюшкинъ собирался перемѣнить службу. Вотъ эти письма:

«Спб. 31 марта 1840.

«Посылаю тебѣ, любезный Federnelke, экземпляръ моего описанія ледянаго вашего путешествія. Можетъ быть найдешь ты время прочесть его; оно напомнитъ тебѣ и Нижне-Колымскъ и Островное и то, что ты оттуда, не смотря на замерзаніе ргути, съ теплымъ сердцемъ часто писывалъ къ старому другу. А виньетка ¹⁾ на семь листѣ приведетъ тебѣ на память то время, когда жили вмѣстѣ и общались исполнять завѣтныя слова Дельвига:

«Храните, о друзья, храните
«Ту жъ дружбу, съ тою же душой».

«Максъ тебѣ кланяется; онъ пріѣзжалъ сюда курьеромъ, — спрашивалъ о тебѣ, о послѣднемъ твоёмъ письмѣ. Я отвелъ его въ сторону и съ грустью сказалъ: «болѣе двухъ лѣтъ ни строчки, даже на письмо не было отвѣта». Онъ на меня посмотрѣлъ и — ничего не сказалъ.

«Прощай, Матюшкинъ! Будь здоровъ, доволенъ и щастливъ. Это неизмѣнное желаніе забытаго, но всегда тебя любящаго вѣрнаго друга Егора Антоныча».

«Спб. 14 апрѣля 1841.

«Негоднѣйшему и безпутнѣйшему изъ всѣхъ Federnelke! Не помню я, чтобы когда-нибудь что такъ огорчило, такъ глубоко раздосадовало, какъ твое систематическое молчаніе на всѣ мои письма и посылки. Сначала тихомолкомъ про себя грустилъ и горевалъ, что одного изъ моихъ коренныхъ чугульниковъ не стало для меня, и при посылкѣ полярнаго путешествія написалъ послѣднее привѣтствіе; ни гу-гу! Ужъ тутъ то кончено терпѣніе. Больно было, очень больно сердцу, да и отъ людей стыдно; спрашиваютъ: ну что *ваши* Матюшкинъ? а я для чести Лицея

¹⁾ Въ верхнемъ лѣвомъ уголкѣ письма имѣется рисунокъ, изображающій Ц.-С. Лицей. Такимъ же рисункомъ снабжены и слѣдующія три письма.

долженъ лгать и по газетнымъ вѣстямъ разсказывать, что пишетъ мой Матюшкинъ. Больно и досадно!—Рѣшено:—Богъ съ нимъ! Не знаю его больше и знать не хочу, и писать не стану, да и пріѣдетъ, такъ видѣть не хочу, и запрятать подалеже письма изъ Бразиліи, изъ Камчатки, изъ острововъ Южнаго моря, и изъ Нижне-Колымска съ заказомъ серебряннаго чайника купчихѣ. Ни видѣть, ни читать не хочу,—Богъ съ нимъ.—Глядь!—письмо; тѣ же прежніе цилиндрики пишутъ, тотъ же почеркъ, тотъ же лирической безпорядокъ и—повинная голова.—Куда дѣвалось твердое рѣшеніе, отрѣченіе, досада,—все исчезло,—все забыто, и на глазахъ слезы и чувства прежнія.—Досаду на самого себя за такую слабость, хочу скрѣпить, —такъ нѣтъ, не могу не радоваться, и жду съ нетерпѣніемъ возвращенія блуднаго сына. Вкоренился окаянной Федька въ старое директорское сердце такъ глубоко и крѣпко, что никакъ его не выворотить оттуда.—Пріѣзжай, Матюшко, пріѣзжай; на первой встрѣчѣ хоть и разпекую и поколочу, да это не помѣха; отляжетъ сердце, и будетъ опять все попрежнему, и тряхнемъ стариной и вспомнимъ времена оныя, гдѣ жили вмѣстѣ подъ кровомъ Лицейскимъ и понимали и любили другъ друга. Пріѣзжай, Матюшко, отогрѣемъ сердца прежнею дружбою, и будетъ ладно все.

«Жаль, что твой Комиссіонеръ Юхаринъ не исполнилъ обѣщанія лично доставить твое письмо, я бы очень былъ радъ узнать отъ него кое-какія подробности о твоёмъ житьѣ-бытьѣ. Принесъ деньщикъ, которой даже и не умѣлъ мнѣ сказать, гдѣ стоитъ Юхаринъ. Итакъ до пріѣзда твоего отлагаю получить объясненіе о непонятномъ твоёмъ мнѣніи, переимѣнить службу. Привыкнувъ около четверти вѣка къ морскому дѣлу, въ которомъ пріобрѣлъ себѣ имя, довѣріе и отличія, едва ли какая-нибудь другая служба (да и какая?) можетъ тебѣ и ты ей годиться, а въ 42 года къ новому совершенно дѣлу приспособиться я считаю не только труднымъ, но даже невозможнымъ. Скуки, докуки, неприятности есть вездѣ, и въ другихъ службахъ гораздо болѣе, нежели въ морской; лишь кажется лучше тамъ, гдѣ насъ нѣтъ.—Нынѣ же стали умирать заповѣдные адмиралы; схоронили Кендлера, Гамилтона, Шишкова; Огильви—умираетъ, да и другіе туда же глядятъ: долго ли до вице-адмираловъ. — Впрочемъ, обо всемъ этомъ переговоримъ на словахъ. — Хорошо бы, если-бъ могъ ты приплыть, или хотя пріѣхать сюда къ 19 октября, на нашу заповѣдную сходку, которую стараюсь я всѣми силами поддержать между народомъ лицейскимъ, чтобъ не совсемъ остылъ въ велико-свѣтскомъ быту. Мастери, Матюшко, прибуди къ этому дню: и загладишь всю свою вину, и битъ не стану, а только лишь поглажу.

«Въ нашемъ Лицейскомъ мирѣ (Sic) большая прорѣха... ¹⁾ Директоръ польскаго банка Максъ, директоръ и вицедиректоръ въ Мин. Юстиціи — Данзасъ и

¹⁾ Пропускаемъ свѣдѣнія о первокурсникахъ. Въ этомъ же письмѣ упоминается о лицейстахъ другихъ выпусковъ.

Пальчиковъ, Герольдмейстеръ Замятинъ, оберъ-прокуроръ Сената Калгеръ, вице-губернаторъ Васковъ, председатели палатъ — Анненской и Нумерсъ, директоры канцелярій—Комовской и Рашеть, управляющій палатою Госуд. Имуществъ — Розень ¹⁾, отличной флота капитанъ Матюшкинъ,—да гдѣ, всѣхъ не перечтешъ; по всѣмъ министерствамъ, по всѣмъ родамъ службы вездѣ лицейскіе первыя 4-хъ курсовъ отличаются способностію и честностію, и вездѣ ихъ любятъ и почитаютъ.— Весело на все это глядѣть; да только и отрады мнѣ, а кромѣ того довольно скучно жить. Работаю изъ хлѣба, хлопочу непрерывно, какъ вѣкша въ колесѣ, — все бѣгаетъ, а впередъ ни на шагъ. Признаюсь, радъ бы все бросить, да надѣтъ послѣдній дощатый халатъ; онъ бы мнѣ гораздо болѣе былъ кетати, нежели бѣдному Вольховскому. Да то бѣда, что насъ не спрашиваютъ, чтобы намъ хотѣлось, а говорятъ, какъ Гамлетъ: eat your pudding slave and be quiet. Я и ѣмъ и молчу и жду—придетъ же когда-нибудь конецъ.

«Старые твои знакомые, мои чада, живутъ да поживаютъ—кто съ весельемъ, кто съ горемъ: Чари въ прошломъ годѣ по совершенно разстроенному здоровью (онъ между прочимъ было ослѣпъ) рѣшился поискать помочи за моремъ. Поѣхали; онъ — больной, а жена его здоровая. Тамъ она заболѣла и — умерла. Схоронивъ ее, онъ бѣдной, воротился больнѣе, нежели поѣхалъ, и долженъ нынѣ опять ѣхать въ Мариенбадъ. Смотрѣтъ на него жалко; болезнь, а болѣе того потеря ангела—жены совсѣмъ его извели, ему сдѣлалось слишкомъ 60 лѣтъ. Максъ въ Варшавѣ, директоръ банка, въ 4-хъ крестахъ, Статск. Совѣтникъ, уважаемъ Паскевичемъ, а выжидаетъ съ нетерпѣніемъ срока, когда по польскимъ законамъ слѣдуетъ ему такъ называемая *эмеритура* — пенсіонъ половиннаго оклада; получивъ это, онъ вѣроятно перейдетъ сюда, чтобы пожить съ своими, а тамъ съ поляками несносно жить. Хотѣлъ бы очень жениться, да тамъ не на комъ. Ему еще доживать 2¹/₂ почти года,—боюсь, чтобъ онъ не перестарѣлъ.—Владимиръ служить здѣсь, хорошо, да весь скорченъ ревматизмами, такъ что иногда по двѣ недѣли выходить не можетъ. Всѣ три сына—бракъ, гораздо старѣе меня. Не смотря на свои 66 л., я бодръ, здоровъ, не знаю ни ревматизмовъ, ни другихъ какихъ недуговъ, работаю, хожу по 10, 15 верстъ пѣшкомъ во всякую погоду.—Нынѣ молодыхъ людей нѣтъ между молодыми, ихъ только найдешь между нашей брати старожиковъ (Sic) прошлаго вѣка.—Бетси прожила 1¹/₂ года въ Баденѣ и другихъ водахъ для двухъ больныхъ дѣтей; старшаго сына вылѣчила, онъ здоровъ, а дочь привезла съ большимъ горбомъ. Жаль дитяти, жаль матери.—Наталья по сію пору здравствовала съ своими 5 дѣтьми; нынѣ на самой Свѣтлой праздникъ послѣ

¹⁾ Баронъ Федоръ Федоровичъ Розень, воспитанникъ IV курса, вып. 1826 г., умеръ 16 февраля 1854 г., въ Одессѣ, въ чинѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и должности Предсѣдателя Попечительнаго Комитета объ иностранныхъ поселенцахъ Южнаго края Россіи.

двухдневной болѣзни схоронила сына 10 лѣтъ; мальчикъ былъ чудесной и умомъ и сердцемъ, и при томъ отчаянной морякъ, только и толковалъ и думалъ и читалъ путешествованія, мореплаваніе и пр. Изъ него бы вышелъ человѣкъ необыкновенной. — Mamselle Annette, которую ты носилъ на ладони, вышла замужъ за прекраснаго человѣка, гениальнаго архитектора Боссе; она намѣрена въ непродолжительномъ времени издать первый томъ своихъ брачныхъ сочиненій, который по пріѣздѣ своемъ сюда ты можешь вмѣсто маменьки посадить на ладонь, — если ввѣрять тебѣ. — Mary Vhilanes, рѣшительная англійская патріотка, ненавидѣвшая въ особенности every french man, вышла за кореннаго француза, Mr. Datel, живетъ съ нимъ очень счастливо, почти исключительно въ обществахъ французскихъ и находить нынѣ qu'au fond les françois sont bien plus sociables et plus aimables que les anglais.

«Вотъ тебѣ вкратцѣ очеркъ главныхъ началъ моего и нашего быта; пріѣзжай и узнавай самъ подробности. Тогда надѣюсь узнать и о тебѣ больше, нежели теперь знаю. Пріѣзжай, Матюшко, есть о чемъ потолковать, порадоваться, погоревать, посовѣтоваться.—Теперь лишь вижу, что въ моемъ bulletin de famille не упомянуто о Директоршѣ; она, какъ и я, здравствуетъ, радуется внукамъ и внучкамъ и балуетъ ихъ; помогала мнѣ бранить тебя крѣпко на крѣпко и хотъ и любить Федернелькина по старой привычкѣ, однако предполагаетъ крѣпко тебя разпекать и протрепать. Приготовся къ этому.

«Если увидишь, можетъ быть, Деларю ¹⁾, то правь ему мой дружеской поклонъ. Я было ожидалъ отъ него къ 19 октября вѣсточку, однако видно ему было нѣкогда.

«Будетъ съ тебя моего письма. Прощай, Матюшко, блудной сынъ, и для нѣкоторой поправки своего грѣха до личной явки напиши еще хотъ нѣсколько строкъ и NB—отправь ихъ.—Прощай; по прежнему отъ всего сердца твой вѣрноп другъ Егоръ Антонычъ».

Отъ того же 1841 г. мы имѣемъ еще одно письмо, которое интересно въ томъ отношеніи, что оно знакомитъ насъ съ предполагавшимся выходомъ Матюшкина изъ службы; очень трогательны разсужденія Энгельгардта по этому поводу, здѣсь много искренней дружбы къ Матюшкину и заботъ о немъ, какъ о родномъ сынѣ. Попутно Энгельгардтъ сообщаетъ много интересныхъ подробностей о себѣ и о своихъ семейныхъ дѣлахъ, а также и о лицейстахъ.

«Спб. Сент. 12 дня 1841.

«Спасибо и много спасибо тебѣ, братъ Федернелке, что рѣшился написать ко мнѣ письмецо, а болѣе еще за то, что написанное письмо даже и отправилъ.

¹⁾ Деларю, Михайлъ Даниловичъ, серебряная медаль, воспитанникъ V курса вып. 1829 г., умеръ въ чинѣ Коллежскаго Совѣтника.

Вѣдь мнѣ только и отрады, какъ откликнется какой-нибудь прежній голосъ. А они становятся все рѣже да рѣже. Изъ перваго курса у меня бываютъ только одинъ Комовскій и Горчаковъ изрѣдко, а прочіе здѣсь: Корфъ, Масловъ, Бакунинъ, Яковлевъ—слишкомъ заняты, нѣкогда о старомъ Директорѣ поминаютъ. Отъ Корфа, какъ на смѣхъ, всегда къ Новому Году и Пасхѣ—замороженной курьеръ привозитъ два пренарядные билета визитные.—Малиновской и Стевенъ иногда пишутъ. На прошедшей недѣлѣ меня очень обрадовало длинное посланіе Посланника Ломоносова, изъ Rio-Janeiro. Онъ здоровъ, доволенъ и имъ довольны, тамъ и здѣсь. Дай Богъ всегда такъ быть.

«Тебя хотя и приглашалъ я въ Питеръ, но ни чуть не на житье, а только на свиданье. Не понимаю твоей морской скуки! Вѣдь легко сказать: здѣсь скучно, авось тамъ лучше будетъ. Повѣрь, братъ, что лишь *кажетъ* хорошо вездѣ, гдѣ насъ нѣтъ. У тебя теперь, какъ меня всѣ увѣряютъ, положеніе хорошее, самостоятельное; дѣло тебѣ извѣстное, опытное, въ которомъ ты нажилъ себѣ очень хорошее имя и довѣренность свыше. — Хлопоты, заботы — да гдѣ-жъ ихъ нѣтъ?! Кто же ихъ не имѣетъ, и, повѣрь мнѣ, гораздо хлопотливѣе и скучнѣе твоихъ. Ты по крайнѣй мѣрѣ на морѣ, самостоятельной человѣкъ, самодержецъ своего корабля. Это великое дѣло и подобнаго тебѣ ни въ какой другой службѣ не найдти. Морское дѣло съ Лицейскаго порога у тебя совершенно свое; вступа въ какую бы то ни было должность, тебя заглушаютъ, задавятъ несноснымъ нашимъ формализмомъ, завалятъ горами пустыхъ бумагъ, спросовъ, требованій, отвѣтовъ и отвѣтственности, о коихъ ты никогда и понятія не имѣлъ—на сороковинѣ къ этой новизнѣ не приучишься, и ты при первомъ случаѣ попадешь съ обнвы въ такой просакъ, что не скоро и выпутаешься.—Нѣтъ, Матюшко, не совѣтую тебѣ отставать отъ своего дѣла—тебѣ на роду написано быть морякомъ — оставайся имъ. Долго ли до какого-нибудь Адмиральства и будетъ покой. — Какъ хочешь, а я тебѣ и не умѣю и не хочу приискивать мѣста; они всѣ тебѣ не пригодны и ты вѣрно скоро пожалѣешь прежняго оставленнаго.—Я приглашалъ тебя сюда только на свиданье; на людей посмотрѣть и себя показать, больше ничего. И теперь еще приглашаю побывать къ намъ нынѣшнею зимою, стариной тряхнуть,—*шесть лѣтъ* вспомнить, Ивушку-Ивушку слѣть и сердце дружбою отогрѣть. На это кажется получить отпускъ не трудно, да и Меншиковъ спроситъ, такъ пожалуй и ему скажи, что за тѣмъ прѣхалъ; а между тѣмъ можетъ быть явка твоя здѣсь и къ добру послужить. Жаль, что не успѣешь уже къ 19 октября прибыть, которое, хотя не безъ большихъ хлопотъ, однако все-таки удастся мнѣ еще кое-какъ поддержать. А ты бы своимъ появленіемъ, новизною, опять оживилъ въ иныхъ память старины. — Нельзя-ли какъ-нибудь? Вѣдь я твое письмо отъ 22 августа получилъ 8 сент. и того двѣ недѣли ходу; слѣдовательно, мое будетъ у тебя около 28-го. Авось.

«Я очень радъ, что наконецъ моя работа,—ваше путешествіе, до тебя дошло; не понимаю только, отчего это несчастная посылка такъ долго и далеко объѣзжала. Радъ также, что тебѣ она доставила удовольствіе. А у меня изъ-за нее съ Фердинандомъ Рыженькимъ ¹⁾ была великая разлада. При свиданіи я тебѣ разкажу это дѣло съ приложеніемъ прекуріозныхъ документовъ руки вышерѣченнаго Фердинанда, которой—да Богъ съ нимъ! Дѣло кончено и не такъ то очень въ его честь! Есть на свѣтѣ люди странные.

«У насъ впрочемъ новостей нѣтъ, т. е. Лицейскихъ,—а отъ всякихъ прочихъ я давно отказался—народъ лицейской спасибо поддерживаетъ дѣломъ добрую славу прежняго Лицея и что меня, признаюсь, особенно утѣшаетъ, многіе начальники высшіе очень отличаютъ *моихъ* ребятъ первыхъ четырехъ курсовъ и спрашиваются у меня объ нихъ. Въ вашихъ странахъ, имянно, въ Симферополѣ живеть одинъ изъ моихъ рекомендованныхъ—управляющій Палатою Госуд. Имущ., Розенъ, за котораго мнѣ Киселевъ, бывши самъ тутъ, написалъ оттуда большое спасибо.

«Мой бѣдной Чари возвратился изъ заграницы съ тѣломъ своей жены, которое мы вчера схоронили въ Таицахъ. Воды заморскія ему ничего не помогли; онъ почти совершенно слѣпъ и при томъ одинокъ, сирота. Это очень тяжело! Онъ совсѣмъ упалъ духомъ, и тутъ бѣда, что нѣчего и сказать ему въ утѣшеніе. Горюй себѣ пока станетъ силъ горевать. — Воля поѣхалъ было на Эзель, лѣчиться въ морской тинѣ отъ ревматизмовъ, совершенно скорчившихъ его; но тамъ не было нынѣ лѣта и онъ возвращается, какъ пишетъ, нѣсколько больнѣе, нежели какъ туда поѣхалъ. — Прочій народъ и большой и малой, Слава Богу, исправень.— И я, не смотря на то, что уже перевалилъ за половину седьмага десятка, еще здоровъ и бодръ, работаю плотно изъ хлѣба и стараюсь не поддаваться мерхотии или хандрѣ. Иногда, правда, изнутри отзывается сильнымъ невесельемъ, однако я не поддаюся и стараюсь не старѣть ни тѣломъ, ни душою. Душевная моя пища—*прошлое*; въ немъ я нахожу много утѣшенья въ горькіе часы настоящаго.

«Если случится тебѣ быть въ Одессѣ, то не забудь отыскать тамъ одного добраго лицейскаго, инспектора тамошняго Лицея—Деларю ²⁾. Это премилой челоувѣкъ; онъ тебѣ будетъ очень радъ, а мнѣ пріятно предполагать, что въ Одессѣ два старыхъ Лицейскихъ меня поминали. Если увидишь его, то скажи ему мой искрѣнный поклонъ и объяви ему, что его дѣтище, Лицейской сироткою Капиталь, въ прошломъ годѣ составлялъ уже 4265 рублей, и что къ предстоящему 19 октября поступило уже ко мнѣ 660 рублей отъ осудствующихъ — въ томъ числѣ отъ Ломоносова изъ Бразиліи 100 рублей, да по распоряженію Jeannot изъ

¹⁾ Фердинандъ Петровичъ Врангель.

²⁾ См. примѣчаніе на стр. 105.

Туринска столько же. — Деларю тебѣ расскажетъ объ этомъ скромномъ памятникѣ добраго духа прежняго Лицея; дай то Богъ мнѣ увидѣть окончаніе этого добраго дѣла.

«Бѣдной Jeannot посѣленъ въ Туринскѣ и теперь можетъ свободно переписываться со своими и со мной. Недавно еще получилъ я отъ него письмецо; онъ кажется доволенъ переменною своею судьбою, садовничаетъ, читаетъ и обучаетъ трехъ сиротъ бывшаго своего товарища, которой, схоронивъ свою жену, скоро потомъ и самъ скончался, завѣщавъ Jeannot своихъ дѣтей. Вотъ ему и занятіе и сѣмья. Къ счастью малютокъ въ телесномъ отношеніи при нихъ осталась теща покойника, которая ухаживаетъ за своими внучатами и управляетъ домашнимъ хозяйствомъ Jeannot.

«Много я тебѣ тутъ наговорилъ всякой всячины; это хорошо, — мнѣ легче стало; а лучше бы несравненно обо всемъ переговорить на словахъ; все какъ то стынетъ проходя чрезъ перо и чернила на безчувственную бумагу, которая равно принимаетъ и дружескую бесѣду и лѣкарской рецептъ и пр. — возьми отпускъ, Федька, на мѣсяць, на два, на три, да явись лично къ старому неизмѣнному другу Егоръ Антонычу.

«А Марья Яковлевна благодарить за добрую о ней память и бывшая *petit Annette* нынѣшняя *bonne maman*, кормя своего сынка, наказываетъ мнѣ написать отъ нее поклонъ старому знакомцу, бывшему Мото.

«Я посылаю письмо въ Севастополь? въ твоёмъ не сказано, гдѣ ты и откуда пишешь».

Въ письмѣ отъ 8 августа 1844 г. Энгельгардтъ сообщаетъ о полученной имъ отъ Малиновскаго біографіи Вольховскаго, которую (біографію) и препровождаетъ Матюшкину, какъ литературное произведение его товарища и вмѣстѣ съ тѣмъ воспоминаніе объ ихъ любимомъ однокурсникѣ. Впрочемъ, выписка изъ этого письма уже помѣщена въ жизнеописаніи В. Д. Вольховскаго, здѣсь же это письмо имѣетъ свой особый интересъ, такъ какъ оно является однимъ изъ звеньевъ въ цѣломъ рядѣ писемъ Энгельгардта къ Матюшкину; въ этомъ миломъ и добродушномъ письмѣ старый директоръ пишетъ:

«Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье...

«Иванъ Малиновской поручилъ мнѣ раздать тѣмъ изъ бывшихъ *тутъ*¹⁾ шестилѣтнихъ однокашниковъ, которые еще въ велико-свѣтскомъ быту не остыли, не различились, составленную имъ маленькую біографію незабвеннаго нашего товарища Вольховскаго.

¹⁾ Т. е. въ Ц.-С. Лицеѣ, что поясняется изображеніемъ Лицея, подъ которымъ это слово.

«Во исполненіе сего порученія препровождается при семъ экземпляръ къ *бывшему* Federnelke, лицейскому пустыннику, Матюшко и пр., что *нынѣ* флота капитанъ Федоръ Федоровичъ Матюшкинъ, которой хотя и давно—давнымъ совѣмъ отсталъ отъ прежняго Директора-Друга, однако вѣроятно хранить еще въ сердцѣ память о добромъ нашемъ Лицеѣ и съ удовольствіемъ прочтеть это возпоминаніе о бывомъ шастлпвомъ вѣкѣ Лицейскомъ—авось вспомнить при томъ и объ отставномъ старомъ Егоръ Антонычѣ. Спб. 8 августа 1844¹⁾».

Отъ 1845 года мы имѣемъ письмо, въ которомъ Ангельгардтъ опять возвращается къ мысли объ оставленіи Матюшкинымъ морской службы; оно проникнуто тѣми же доброжелательными чувствами къ своему бывшему питомцу, какъ и прежнія письма, и изобилуетъ многими здравыми сужденіями о служебномъ положеніи Матюшкина. Вотъ что онъ пишетъ:

«Повинную голову и мѣчь не сбъчетъ! Я получилъ твою повинную безъ числа 24 декабря, когда, по старому обряду, у насъ вечеромъ красовалась елка, освѣщенная и разукрашенная, около которой и ты, бывало, въ Царкосельской вѣкъ радовался и лакомился.—Между прочими пряниками и конфектами повѣшено тутъ было также письмо на мое имя, котораго я бы и не увидалъ, еслибъ Бетси не обратила бы на него мое вниманіе. Я взглянулъ, увидѣлъ знакомую уже лѣтъ 30 рукопись, снялъ скорѣе и отошедъ въ тихинькой уголокъ, прочиталъ. — Спасибо тебѣ, Матюшко! Оно отзывается *прежнимъ моимъ* Federnelke, а мнѣ только и надобно. Спасибо за твое письмо, какъ бы ни было оно по собственному твоему приговору безтолково. Содержаніе его такого рода, что для объясненія по немъ надобно не нѣсколько *строкъ*, а нѣсколько *часовъ разговора* словеснаго. Тогда бы я взялся тебѣ доказать, убѣдить тебя въ коренной безтолковости твоей. Теперь только замѣчу тебѣ, что это бѣдное Черное море, которое ты проклинаешь, по общему мнѣнію было тебѣ очень благосклонно: оно доставило тебѣ неоднократно случай показать и отличить себя и кромѣ производствъ и наградъ по службѣ пріобрѣсть названіе одного изъ отличнѣйшихъ нашихъ морскихъ офицеровъ. Это я слышалъ изъ устъ вышаго начальника, рѣдко хвалищаго кого-нибудь. Не знаю, можно ли и должно ли требовать чего-нибудь болѣе и удовлетворительнѣе *по службѣ*. — Что же касается до частной жизни, то опять не Черное море виновато, а самъ Матюшко, что его мучитъ одиночество; мало ли я толковалъ жениться,—такъ нѣтъ! видно Макса примѣта о цилиндрахъ справедлива. Да и безъ того, зачѣмъ же отсталъ и лично и письменно отъ старыхъ прежнихъ, испытанныхъ друзей? Зачѣмъ же не жить съ людьми наличными, между коими безъ сомнѣнія есть и почтенныя и достойныя знакомиться и обживаться? Еще твои годы далеко отъ моихъ 70; я уже схоронилъ большую часть моихъ современниковъ

¹⁾ На письмѣ помѣта: «Отвѣч. 10 нояб.»

(изъ 30 ихъ на моей стѣнѣ висящихъ уже 26 подъ крестомъ), однако съ людьми живу и нахожу все еще тамъ сямъ челоуѣка, съ которымъ живетъ. — Я схоронилъ дочь милую, прекрасную, щастливую, 19-лѣтнюю; я схоронилъ сына, отличнаго малаго въ 40 лѣтъ—больно, грустно, очень грустно, однако не придаю себя унынію. — Бери примѣръ, не поддавайся хандрѣ — the blue devils — прибавляйся, пиши ко мнѣ, пиши чаще, пиши письма какъ бывало прежде изъ Бразиліи, изъ Камчатки, изъ Нижне-Колымска, пиши какъ тогда, по 6, по 8 страницъ, расскажи мнѣ себя, *отправляй* письма, чтобъ я бы могъ *отвѣчать тебѣ*, да и увидишь, что твоя глупая хандра уймется. Ничего нѣтъ глуше, какъ унывать,—когда судьба везетъ не совсѣмъ по нашему — это вѣрнѣйшій способъ совершенно разстроиться. Напротивъ, нѣтъ ничего приличнѣе челоуѣку — мужу, какъ бороться съ судьбою и ударамъ ея предпоставлять духъ добрый, всегда равную веселость и способность пользоваться тѣми обстоятельствами, которыя встрѣчаются намъ на стѣзѣ жизни. Такъ, и не иначе, можно проживать свой вѣкъ на свѣтѣ, и чтобы не случилось, всегда сохранять себя дѣльнымъ для себя и для другихъ. Я въ правѣ это говорить, потому что доказалъ собственнымъ опытомъ справедливость моей теоріи. Судьба бойко со мной распорядилась, крѣпко тузила, однако я никогда ей не поддавался, не унывалъ самъ, да и окружающимъ меня не давалъ унывать.—Дальнѣйшее, подробнѣйшее объ этомъ оставимъ до свиданія.

«Свиданіе! Когда же оно сбудется? Отъ людей, *стороной*, слышу, что ты собирався сюда нынѣшнею зимою, однако, уже пол-зимы прошло, а тебя нѣтъ — какъ это? что это? — Возьмись-ка за перо и напиши *по прежнему* письмо съ какимъ нибудь содержаніемъ, einen Brief der mir doch etwas sagt. Напиши, *да и отправь*, чтобъ я бы зналъ что нибудь дѣльное положительное о тебѣ, и могъ бы отвѣчать на вопросы, обращаемые ко мнѣ отъ людей, полагающихъ, что и теперь, какъ прежде, Лицейской Матюшко всегда въ непрерывной связи съ Лицейскимъ Егоръ Антонычемъ. Мнѣ совѣстно объявить, что это измѣнилось и противъ нрава моего, я долженъ изворачиваться фразами нейтральными. Напиши мнѣ *дѣльное* письмо; скажи между прочимъ, получилъ ли посланное къ тебѣ уже съ годъ тому назадъ описаніе вашего путешествія съ Врангелемъ по льдамъ вѣчнымъ? получилъ ли мое письмо въ августѣ отправленное, съ біографіею нашего Вольховскаго? Къ 19 октября я получилъ оклики изъ Бразиліи, изъ Стутгардта, изъ Иркутска, изъ Лондона, отсюду, гдѣ лишь есть наши Лицейскіе. Къ сожалѣнію наличные здѣсь не такъ живо цѣнили этотъ сердечной день; не смотря на заблаговременное приглашеніе, изъ всѣхъ первокурсныхъ явились только — Стевень, Комовской и Данзасъ, а прочіе — жаль, очень жаль, что сердечное Лицейство такъ остываетъ въ великосвѣтскомъ быту! Не давай ему въ себѣ остывать Матюшко, хоть пока я еще не одѣлъ досчататаго халата; право оно хорошо и даже полезно въ жизни, около него иногда погрѣться.

«Въ нашихъ Лицейскихъ ничего нѣтъ особенно важнаго; все идетъ по старому и слава Богу! моего времени Лицейскіе все еще сохраняютъ и поддерживаютъ добрую славу стараго, прежняго Лицея и вездѣ заслуживаютъ, довѣренность и одобреніе начальствъ. Дай Богъ всегда такъ!

«Въ моемъ семейномъ кругу кромѣ двухъ выбывшихъ, которыхъ безпрестанно передо мною память, ничего также нѣтъ новаго. Бывшіе молодые старѣютъ, дѣти въ люди записываются и ростомъ напоминаютъ мнѣ, что пора убраться отсюда и имъ уступить мѣсто. Я бы отъ этого совѣтъ не прочь—ремесло жизни,— послѣ 70 лѣтъ такъ глупо и скучно, что радъ бы и покинуть и выйти въ безсрочный отпускъ, да не отпускаютъ — я и выжидаю и стараюсь сколько можно жить *прежнею* жизнію, потому что нынѣшніе люди и свѣтъ, мнѣ совершенно чужды; я ихъ не понимаю и они меня также. Вокругъ меня все обвѣшено и обложено Лицейскими воспоминаніями, какъ залѣтить ко мнѣ кто изъ прежнихъ тамошнихъ,—хлѣбъ-соль откусать или къ самовару присѣсть, такъ у меня и праздникъ. Изъ первокурсныхъ, здѣсь живущихъ у меня бывають только двое: Стевенъ часто, Комовской иногда. Прочіе $3\frac{1}{2}$ курса еще придерживаются стараго друга-Директора. Письмо отъ отсутствующаго также праздникъ; спасибо, отдаленные не забываютъ: Горчаковъ, Ломоносовъ, Малиновской, Бакунинъ кромѣ отзыва къ 19 октября, иногда радуютъ меня письмецомъ. — Спасибо имъ за то! Надѣюсь, что и Матюшкинъ къ нимъ пристанетъ пятымъ; заставъ его это сдѣлать, и тебѣ будетъ за то мое сердечное спасибо.

«Марья Яковлевна Директорша благодарить за доброе объ ней поминанье; не менѣе того однако собирается при первомъ свиданіи вытеревить тебя крѣпко за уши и за волосы, въ чемъ я никакъ ей препятствовать не стану. Это будетъ во 1-хъ справедливо, и во 2-хъ можетъ быть полезно для переду.

«Итакъ, добравшись до четвертой страницы моего посланія, кажется пора кончить. Прощай, Матюшко, будь здоровъ, не поддавайся хандрѣ, бодрствуй, behalte immer Kopf oben frei, und Herz innen warm, не лѣнись писать иногда дѣльное письмо и *выслать* его, въ знакъ памяти дружеской о старомъ, вѣрномъ другѣ Егоръ Антонычъ. Спб. 7 января 1845.

«Съ Новымъ годомъ поздравляю и прошу, какъ станешь писать (въ чемъ не сомнѣваюсь), то прописывать *откуда* пишешь, чтобы знать, куда и какъ къ тебѣ доставлять отвѣтъ».

«Между тѣмъ какъ не зная, *куда* къ тебѣ писать, я приискивалъ кого-нибудь знающаго, письмо мое залежалось какъ бывало у тебя. Но вотъ явился Штофрегенъ, покинувшій противъ моего мнѣнія флотъ и взявшійся за департаментальную службу; она ему надоѣла, и онъ опять пошелъ въ моряки, ѣдетъ на Черное море и вызвался доставить тебѣ мое письмо. Дай Богъ ему выѣхать и приѣхать въ доброй часъ! Онъ тебѣ расскажетъ кое-что о нашемъ житьѣ-бытьѣ, которое

знаетъ, потому что бывалъ у нашихъ шей регулярно каждый вторникъ, да и кромѣ того иногда заворачивалъ и вечеркомъ. Хотя я вполне одобряю его переходъ и отъѣздъ, но какъ эгоистъ нынѣшняго времени противъ убѣжденія своего, жалѣю о томъ. Я такъ привыкъ его видѣть всегда, что долго буду чувствовать его отсутствіе. Онъ малой доброй, благородной — дай Богъ ему найти тамъ людей, умѣющихъ цѣнить его, и друга, могущаго и хотящаго иногда подмочь ему хорошимъ совѣтомъ.

«Изъ новостей скажу тебѣ только, что нашъ Фрицъ Стевень поступивъ съ выборгскаго губернаторства на мѣсто товарища министра Статсъ-Секретаря Финляндскаго на прошедшей недѣлѣ представлялся Царю въ Кабинетъ Его и былъ имъ обласканъ, какъ нельзя лучше.

«Хотѣлось бы еще потолковать съ тобой, пока есть мѣсто на семь лоскуткѣ, да нѣкогда—принесли корректура 10 № Земледѣльческой Газеты—хоть скучно, да нѣчего дѣлать, надо приняться.—Прощай, Матюшко, напиши скорѣе и отправь хорошее письмо старому другу — Директору Егоръ Антонычу. 2 февраля 1845. Спб.»

Этимъ письмомъ отъ 2 февраля 1845 г. кончается переписка Энгельгардта съ Матюшкинымъ.

Въ 1849 году, 6 декабря, Матюшкинъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ командиромъ 3 бригады 3 флотской дивизіи. Въ 1850 г. Матюшкинъ, имѣя свой флагъ на кораблѣ «Каубахъ», въ дивизіи вице-адмирала Епанчина, плавалъ въ Малый Бельтъ и къ берегамъ Шлезвига и Голштиніи. Въ это время возникла война Даніи съ Голштиніей, и эскадра вице-адмирала Епанчина крейсировала между островами Мэнномъ и Рюгенномъ, наблюдая за дѣйствіями воюющихъ сторонъ, съ тѣмъ, чтобы открыть наступательныя дѣйствія только тогда, когда датскія войска потребовали бы помощи со стороны русской эскадры вслѣдствіе вмѣшательства прусскихъ войскъ. Въ 1851 г. Матюшкину выпала честь блокировать Кильскій заливъ. Командуя особымъ отрядомъ изъ фрегата «Цесаревичъ» и парохода-фрегата «Камчатка» и своего флагманскаго корабля «Каубахъ», Матюшкинъ такъ удачно блокировалъ этотъ заливъ, что ни одинъ изъ голштинскихъ кораблей не могъ въ продолженіе августа мѣсяца прорваться сквозь его блокаду и выйти изъ залива. Остальную часть года Матюшкинъ находился на Кронштадтскомъ рейдѣ и участвовалъ въ маневрахъ въ Высочайшемъ присутствіи. За блистательную блокаду Кильскаго залива Матюшкинъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владимира 3 ст., а отъ Короля Датскаго получилъ орденъ Данеброга.

Прослуживъ 35 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ во флотѣ, непрерывно совершая морскія плаванія, Матюшкинъ въ 1852 году, апрѣля 29, мѣняетъ свою службу на дѣятельность учено-административную. Онъ назначается вице-директоромъ Инспекторскаго Департамента Морскаго Министерства и членомъ Комитета

по составленію новаго морского устава. Въ 1853 г., апрѣля 17, Матюшкинъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 1 ст.

Эта учено-административная дѣятельность Матюшкина была временно прервана Восточною войною 1854 г.; 2 іюня этого года Матюшкинъ былъ назначенъ исправлять должность главнаго командира и военнаго губернатора Свеаборга и въ этой должности состоялъ со 2 іюня по 10 ноября 1854 г., а съ 10 ноября назначенъ былъ членомъ морского генералъ-аудиторіата (въ которомъ онъ оставался до 1861 г.).

16 августа 1856 г. Матюшкинъ произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ цензоромъ отъ морского министерства, т. е. на него было возложено цензурованное кнѣгъ, относящихся до морского министерства. Несмотря на разнообразіе этой дѣятельности и многосложность возлагавшихся на него обязанностей, Матюшкинъ съ 1856 г. по 1861 г. состоялъ членомъ комитета постоянной повинности при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а съ 1858 г., марта 12, назначенъ предѣдателемъ морского ученаго комитета, въ каковой должности онъ и находился до 1861 г. За труды свои Матюшкинъ удостоился получить двѣ выдающіяся награды, а именно: 23 апрѣля 1861 г. онъ получилъ орденъ Св. Анны 1 ст., а 30 августа того же года назначенъ былъ сенаторомъ. Такимъ образомъ Матюшкинъ прослужилъ въ морскомъ вѣдомствѣ 44 года.

И на новомъ поприщѣ своей дѣятельности Матюшкинъ проявлялъ обычную свою энергію и способность къ труду. Такъ, уже по прошествіи трехъ лѣтъ онъ удостоивается получить 1 января 1864 г. орденъ Св. Владиміра 2 ст., и что всего интереснѣе, орденъ этотъ данъ ему съ мечами, что указываетъ, что орденъ этотъ давался ему за прежнія его боевыя заслуги во флотѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Матюшкинъ получилъ знакъ, установленный въ память покоренія Кавказа. Собственно за заслуги по званію сенатора Матюшкинъ былъ назначенъ въ 1865 г. первоприсутствующимъ втораго отдѣленія пятаго департамента Правительствующаго Сената: въ 1866 г., января 1, пожалована ему аренда по 3.000 руб. на двѣнадцать лѣтъ, а въ 1867 г., іюня 9, Матюшкинъ произведенъ былъ въ адмиралы, т. е. въ тотъ самый день, когда онъ покинулъ стѣны Царскосельскаго Лицея пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Матюшкинъ скончался 16 сентября 1872 г. ¹⁾, проживъ болѣе семидесяти трехъ лѣтъ, и былъ похороненъ 19 сентября на Смоленскомъ кладбищѣ по обряду лютеранской церкви.

Что касается до дѣятельности Матюшкина во флотѣ, то о ней даетъ намъ нѣкоторое понятіе академикъ Я. К. Гротъ. «Не берусь оцѣнивать, — говоритъ Гротъ, — дѣятельность и значеніе Матюшкина какъ морского офицера; объ этомъ

¹⁾ Общій Морской Сборникъ. Ч. 7. Царствованіе Александра I. Спб., 1893 г. стр. 496—448.

существуютъ разные мнѣнія и, можетъ быть, со временемъ истина разъяснится. Приведу только довольно характеристическій разсказъ, слышанный мною отъ одного изъ сослуживцевъ Матюшкина по флоту. Одно время князь Меншиковъ, оцѣнивъ въ немъ одного изъ самыхъ образованныхъ морскихъ офицеровъ, сталъ оказывать ему особенное вниманіе, но какъ скоро скромный адмиралъ замѣтилъ это, онъ, по обыкновенію своему, сталъ уклоняться отъ благосклонности своего начальника и отступилъ на задній планъ».

Матюшкинъ никогда не былъ женатъ, онъ имѣлъ живой, веселый характеръ, который доставлялъ ему массу друзей. Нравственное обаяніе личности Матюшкина сказывалось въ его отношеніяхъ къ подчиненнымъ: онъ не отказывалъ имъ ни въ какихъ матеріальныхъ пособіяхъ, они находили въ немъ человѣка, чутко относившагося къ ихъ нуждамъ, и, будучи самъ человѣкомъ очень небогатымъ, онъ оказывался въ отношеніи ихъ очень щедрымъ. Его положеніе холостяка и любовь къ самообразованію были причинами, что онъ велъ самый простой образъ жизни и большую часть времени проводилъ въ чтеніи книгъ по своей специальности. Поэтому неудивительно, что всѣхъ, сталкивавшихся съ нимъ, онъ удивлялъ своею солидною эрудиціей и обширнѣйшею памятью. Зимній сезонъ онъ проводилъ въ Петербургѣ, гдѣ жилъ на нынѣшней Большой Конюшенной, въ гостиницѣ Демуть, въ которой занималъ въ продолженіе 18 лѣтъ одну и ту же комнату въ четвертомъ этажѣ и пользовался единственно услугами своего деньщика-матроса, прослужившаго у него лѣтъ шестнадцать. Лѣто же онъ посвящалъ охотѣ. Для того, чтобы удовлетворить свою страсть къ охотѣ, онъ за нѣсколько лѣтъ до смерти приобрѣлъ себѣ по Николаевской желѣзной дорогѣ, близъ станціи Бологое, клочекъ земли на берегу озера. Мѣстность эта славилась изобиліемъ дичи. Здѣсь онъ построилъ изящную дачу Займку. Она находилась на покатоми берегу озера и утопала въ густой зелени окружавшаго ее со всѣхъ сторонъ сада. Дача эта, «снабженная всѣми удобствами, представляла уютный и привлекательный уголокъ для человѣка, желающаго отдохнуть въ лѣтніе мѣсяцы отъ трудовъ въ полной тишинѣ среди сельской природы». Но, къ сожалѣнію, хотя Матюшкинъ и любилъ этотъ поэтическій уголокъ, онъ не жилъ въ немъ, а отдавалъ эту дачу въ пользованіе кому-нибудь изъ своихъ друзей. Самъ Матюшкинъ проводилъ лѣто, по большей части, не далеко оттуда, въ усадьбѣ своего однокашника по Лицею князя Дмитрія Александровича Эристова, воспитанника II курса, вып. 1820 г. ¹⁾ Въ семействѣ князя Эристова, гдѣ онъ всегда находилъ сердечный и радушный пріемъ, Матюшкинъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ своею кончиною, и тамъ же сохранялось о немъ самое теплое воспоминаніе, какъ о добромъ, сердечномъ человѣкѣ. Ма-

¹⁾ Родился въ 1797 г., умеръ въ 1858 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника и въ званіи сенатора и генераль-аудитора.

тющкинъ и въ 74 года сохранялъ бодрость тѣлесную и умственную и пользовался почти до кончины прекраснымъ здоровьемъ: только въ послѣдніе годы онъ при гуляніи бралъ съ собою палку. На дачѣ «каждое утро ранехонько отправлялся онъ на свою дачу, присматривалъ за работами и только къ обѣду возвращался; дѣти домашнихъ бѣжали къ нему на встрѣчу; онъ любилъ и ласкать ихъ. Проведя тамъ лѣто 1872 года, но чувствуя большой упадокъ силъ. Матюшкинъ въ августѣ, по совѣту доктора, переѣхалъ въ Петербургъ для лѣченія. Кажется, онъ предчувствовалъ, что ему уже не возвратиться: обоиди весь садъ и сѣвъ въ экипажъ, онъ приказалъ ѣхать шагомъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на окрестность». Въ Петербургѣ онъ, какъ и всегда, остановился въ гостиницѣ Демуть: здѣсь онъ слегъ и уже не вставалъ болѣе: вечеромъ 16 сентября 1872 г. онъ безъ страданій уснулъ на вѣки, а 19 онъ былъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ по лютеранскому обряду.

Матюшкинъ хранилъ лицейскія преданія и собиралъ матеріалы о своемъ курьѣ: излишне упоминать, что онъ былъ почитателемъ своего друга Пушкина и съ радостью вступилъ членомъ въ Комитетъ по сооруженію ему памятника, гдѣ принималъ, по словамъ академика Грота, «дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ и первый подалъ мысль поставить памятникъ въ Москвѣ, гдѣ поэтъ родился и получилъ первыя неизгладимыя впечатлѣнія, опредѣлившія навсегда развитіе его генія въ духѣ народности». Здѣсь будетъ уместно привести отзывъ о Матюшкинѣ его товарища, барона Корфа:

Федоръ Федоровичъ Матюшкинъ. Чуть-ли не оригинальнѣйшая изъ вѣкъ нашихъ карьеръ, потому что изъ заведенія, предназначеннаго преимущественно для гражданскоѣ службы и выпускавшаго воспитанниковъ своихъ въ военную только въ видѣ пзятія, Матюшкинъ вышелъ въ морскую, сдѣлалъ себѣ въ немъ имя и до сихъ поръ продолжаетъ его съ отличіемъ. Онъ—человѣкъ пылкій и вмѣстѣ разсудительный. Ходилъ съ Головиннымъ вокругъ свѣта, участвовалъ въ известной экспедиціи Врангеля въ Сибирь; имѣвъ и разныя другія важныя порученія, онъ все еще только капитанъ I-го ранга. Теперь онъ командуетъ кораблемъ въ Черноморскомъ флотѣ. Холостъ» ¹⁾.

Закончимъ это краткое и слабое жизнеописаніе Ѳ. Ѳ. Матюшкина словами того же Грота: «Всѣмъ коротко знавшимъ Матюшкина дорога память объ этомъ искреннемъ, прямодушномъ человѣкѣ, неизмѣнномъ въ своихъ привязанностяхъ, чуждомъ всякой суетности: онъ не дорожилъ успѣхами въ свѣтѣ и обществѣ, далеко не возвысился до той степени значенія и власти, которой могъ бы достигнуть при большемъ честолюбіи; но въ ряду первыхъ питомцевъ Лицея и его преданій

¹⁾ «Изъ Дневника» барона (впослѣдствіи—графа) М. А. Корфа. 1839 г. (гл. II). «Рус. Стар.» 1904 г., т. СХVIII, іюнь, стр. 554.

этотъ другъ и почитатель Пушкина всегда будетъ занимать одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ».

Въ этомъ біографическомъ очеркѣ Матюшкина приведено очень много писемъ Энгельгардта. Я вполне сознаю, что ихъ даже слишкомъ много, но я никакъ не могъ устоять, чтобы не привести ихъ: онѣ такъ характерны, такъ дружественны и такъ прекрасно рисуютъ нравственный обликъ Энгельгардта, что я посоветился ихъ сокращать или передавать своими словами. Въ подобной передачѣ онѣ потеряли бы всю прелесть свою. Въ нихъ бывший директоръ Царскосельскаго Лицея является такимъ идеальнымъ человѣкомъ, такимъ умнымъ, такимъ искреннимъ и любящимъ своихъ первокурсниковъ!.. И я не устоялъ противъ соблазна привести ихъ здѣсь.

Матеріалами для этой статьи послужили: 1) письма Е. А. Энгельгардта къ Матюшкину; 2) Я. К. Гротъ: «Старина Царскосельскаго Лицея». «Рус. Арх.» 1875 г., т. I, стр. 482—488. И его же: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 74—80; 3) «Морской Сборникъ» 1872 г., т. СХХІІІ, № 12, стр. 1—13; 4) «Иправительственный Вѣстникъ» 1872 г., № 225; 5) «Памятныя книжки Императорскаго Александровскаго Лицея» (въ кн. за 1898—99 г.г. онѣ неправильно названъ Членомъ Государственнаго Совѣта, которымъ онѣ никогда не былъ); наконецъ, сочиненія А. С. Пушкина (Матюшкина рассказъ о Пушкинѣ, т. I, стр. 62; стихи о Матюшкинѣ: т. I, стр. 357; упоминается о немъ т. VII, стр. 75 и 100, по изд. Литературнаго Фонда).

См. также книгу Константина Яковлевича Грота: Пушкинскій Лицей (1811—1817). Бумаги I-го курса, собранныя Академикомъ Я. К. Гротомъ. СПб., 1911 г. — Особенно интересны Путевыя замѣтки Ѳ. Ѳ. Матюшкина 1817 г. (стр. 23—29); также письма его къ Созоновичу отъ 10 іюня и 18 іюля 1817 г. (стр. 68—71), записка его къ Яковлеву по поводу смерти Пушкина (стр. 71—72) и fac-simile этой записки (стр. 73); наконецъ, письмо кн. Эристовой къ А. В. Головинну отъ 28 сентября 1872 года — о послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти Матюшкина (стр. 109—110).

12.

**АЛЕКСѢЙ ДАМІАНОВИЧЪ
ИЛЛИЧЕВСКІЙ.**

Алексѣй Даміановичъ Илличевскій.

(Род. 1798 г., † 6 окт. 1837 г.).

«...Съ острымъ умомъ, съ большимъ дарованіемъ къ эниграммѣ, онъ писывалъ много стиховъ; но хотя при смерти назвали его «извѣстнымъ нашимъ литераторомъ», однако, извѣстность эта умерла вмѣстѣ съ нимъ»...

М. Корфъ.

Отецъ лицеиста, Даміанъ Васильевичъ Илличевскій, род. въ 1769 г. ¹⁾, въ Полтавской губ. Получилъ первоначальное воспитаніе въ Полтавской духовной семинаріи, основанной знаменитымъ грекомъ, Архіепископомъ Евгеніемъ Булгаромъ, гдѣ вмѣстѣ съ Илличевскимъ былъ Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, отецъ другого лицеиста, Аркадія Мартынова, товарища по Лицею сына Илличевского, а также Пушкина и другихъ первокурсниковъ. Илличевскій-отецъ вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ Мартыновымъ былъ отправленъ въ Петербургскую Александро-Невскую семинарію. Достоинъ замѣчанія, что Мартыновъ, будучи избранъ первымъ кандидатомъ для отправки въ Петербургъ, какъ знатокъ греческаго языка и уже преподававшій этотъ языкъ въ Полтавской Семинаріи, долженъ былъ по желанію Архіепископа Полтавскаго указать ему еще нѣкоторыхъ достойныхъ товарищей своихъ, и онъ указалъ Архіепископу на своихъ товарищей Стефановскаго, Котляревскаго и Илличевскаго ²⁾).

Въ Петербургской семинаріи они сдружились со многими изъ семинаристовъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ ними въ Петербургъ; въ числѣ ихъ было много лицъ, сдѣлавшихъ блистательную карьеру, между прочимъ былъ присланный изъ Владимірской семинаріи Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Безспорно, что эта дружба съ Сперанскимъ впоследствии способствовала карьерѣ какъ Мартынова, такъ и

¹⁾ Такъ какъ въ формулярѣ, составленномъ въ 1811 году, ему значится 42 года.

²⁾ Иванъ Петровичъ Котляревскій, извѣстный «Энеидою», перелицованною на малороссійское нарѣчіе.

Дмитрій Степановичъ Стефановскій былъ протоіереемъ въ Полтавѣ, гдѣ и умеръ.

Илличевскаго. Мартыновъ дружбу съ Сперанскимъ поддерживалъ до своей смерти. Что касается Илличевскаго, то для этого у насъ нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ, но въ виду того, что онъ былъ назначенъ изъ начальниковъ отдѣленія департамента государственныхъ имуществъ Томскимъ гражданскимъ Губернаторомъ, можно предположить, что здѣсь не обошлось безъ содѣйствія Сперанскаго. По окончаніи курса Петербургской Александро-Невской семинаріи Стефановскій и Илличевскій возвратились, по просьбѣ преосвященнаго, въ Полтаву, гдѣ и поступили учителями въ тамошнюю семинарію ¹⁾). Въ формулярѣ Илличевскаго по этому поводу говорится: «По окончаніи наукъ первоначально на своемъ иждивеніи и послѣ на казенномъ—опредѣленъ на службу въ публичномъ училищѣ Позэіи и Риторикки учителемъ въ 1791 году.

Дальнѣйшая служебная карьера Д. В. Илличевскаго протекала въ западной части Россіи, гдѣ онъ и провелъ 16 лѣтъ, весьма быстро двигаясь по службѣ. Формуляръ въ слѣдующемъ видѣ представляетъ намъ служебную дѣятельность Илличевскаго до назначенія его Томскимъ гражданскимъ Губернаторомъ:

«При вызовѣ чинովъ съ Высочайшей Воли во время образованія присоединенныхъ отъ бывшей Польши губерній Илличевскій приглашенъ и поступилъ къ дѣламъ бывшей Изяславской губ. Губернатора Генераль-Маіора Шереметева — 1795 года, марта 10.

Произведенъ Коллежскимъ Регистраторомъ—1795 г., мая 2.

Правительствующимъ Сенатомъ опредѣленъ въ Волынской губ. въ Ковельскій Нижній Земскій Судъ секретаремъ—1795 г., 6 сентября.

Произведенъ Губернскимъ Секретаремъ—1796 г., февраля 6.

Перемѣщенъ секретаремъ въ бывшую при Волынской Палатѣ Военскую Экспедицію—1796 г., апрѣля 3.

Произведенъ въ Коллежскіе Секретари—1796 г., августа 30.

Опредѣленъ секретаремъ Волынскаго Главнаго Суда во 2-ой Департаментъ—1797 г., августа 17.

Перемѣщенъ секретаремъ въ бывшій при Военномъ Каменецъ-Подольскомъ Губернаторѣ штатъ—1798 года, іюля 18.

Награжденъ чиномъ Коллежскаго Ассесора—1798 года, декабря 1.

Произведенъ въ Надворные Совѣтники—1801 года, января 29

Утвержденъ Правительствующимъ Сенатомъ въ положенный штатъ при

¹⁾ Записки П. И. Мартынова, автобіографія. Журналъ «Заря». Сиб., 1871 г., іюнь, стр. 72 и 87. И біографія, составленная Е. Колбасинымъ: «И. П. Мартыновъ. переводчикъ греческихъ классиковъ». «Современникъ» 1856 г., мартъ, стр. 6.—Баронъ М. А. Корфъ въ своемъ трудѣ «Жизнь графа Сперанскаго» (ч. 2, стр. 196) упоминаетъ, что, выйдя изъ Александро-Невской семинаріи, Илличевскій былъ въ Кіевской духовной Академіи.

Управляющемъ Подольской и Волынской губ. Правителя Канцеліріи—1802 г., іюля 20.

За отличіе по службѣ пожалованъ Коллежскимъ Совѣтникомъ — 1804 г., марта 26.

Опредѣленъ Подольской губ. Губернскимъ Прокуроромъ—1804 г., мая 19.

Перемѣщенъ во 2-ой Департаментъ Подольскаго Главнаго Суда Совѣтникомъ—1805 г., августа 10.

За отличные труды пожалованъ Статскимъ Совѣтникомъ — 1806 г., декабря 25.

За усердную и ревностную службу пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2-го класса—1808 г., февраля 11.

Перемѣщенъ въ Кіевскую губернію Губернскимъ Прокуроромъ—1808 года, февраля 18.

Назначенъ корреспондентомъ въ Законодательную комиссію — 1808 г., марта 3.

Награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени—1809 г., февраля 7.

Перемѣщенъ въ Департаментъ Министерства Финансовъ — 1810 г. февраля 18.

Удостоенъ Всемилостивѣйшаго пожалованія 1500 десятинъ земли въ вѣчное и потомственное владѣніе—1810 г., февраля 26.

Именнымъ Высочайшимъ приказомъ опредѣленъ въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ въ отдѣленіе хозяйственныхъ заведеній Начальникомъ (отдѣленія—1811 г., ноября 11».

Изъ начальниковъ отдѣленія Илличевскій въ началѣ 1812 г. былъ назначенъ, по ходатайству Сперанскаго, Томскимъ Губернаторомъ. Прежде чѣмъ Илличевскій успѣлъ занять губернаторскую должность, Сперанскій былъ заточенъ въ Пермь. Узнавъ, что Илличевскій, Томскій Губернаторъ, проѣзжаетъ черезъ Пермь, Сперанскій вышелъ къ нему на встрѣчу за городъ. Однако Илличевскій, испугавшись предстоявшаго свиданія, проскакалъ мимо, не показавъ и вида, что знаетъ ожидавшаго его.

Но роли перемѣнились. Когда Сперанскій былъ назначенъ (Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ и строгимъ ревизоромъ тамошнихъ злоупотребленій, то онъ не вспомнилъ объ этой выходкѣ Илличевскаго. Авторъ жизни графа Сперанскаго говоритъ, что Сперанскій, по пріѣздѣ въ Томскъ, «тотчасъ сдѣлалъ Илличевскому визитъ, успокоилъ его своимъ обращеніемъ и ничѣмъ не напомнилъ о случившемся. Но что касается дѣла, то оно въ Томскѣ представлялось въ краскахъ гораздо болѣе мрачныхъ нежели въ Тобольскѣ: поборы были тягостнѣе, чиновники дерзновеннѣе, преступленія очевиднѣе, на самого губернатора падали сильныя подозрѣнія». Въ другомъ мѣстѣ Корфъ пишетъ, что Илличевскій «поль-

зовался весьма печальною репутациею въ отношеніи къ чистотѣ своихъ правилъ ¹⁾).

Въ какомъ печальномъ положеніи были найдены Сперанскимъ дѣла въ Томскѣ, видно изъ его дневника, въ которомъ онъ записалъ:

«Наружный видъ — изрядный, но внутри, исключая Казенной Палаты, все исполнено пакостей и мерзости». «Если бы, — писалъ Сперанскій своему близкому знакомому А. А. Столыпину («Рус. Арх.» 1869 г., № 11, стр. 1979), — если бы въ Тобольскѣ я отдалъ всѣхъ (чиновниковъ) подъ судъ, что и можно было бы сдѣлать, то здѣсь оставалось уже всѣхъ повѣсить. Злоупотребленія вопіющія и, по глупости Губернатора Илличевского, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбію брата его Губернскаго Почтмейстера, весьма худо прикрытыя». Въ другомъ мѣстѣ, въ письмѣ къ дочери, Сперанскій прибавляетъ, что «Томскъ и вообще Томская губернія, по богатству произведеній, по климату ея, весьма умѣренному, а въ полуденной части, прекрасному, могла бы быть одною изъ лучшихъ губерній въ Россіи, но худое управленіе сдѣлало изъ нея сущій вертепъ разбойниковъ» ²⁾).

Чтобы не подвергаться нареканіямъ за слишкомъ строгую и несправедливую ревизію, Сперанскій ходатайствовалъ о полученіи Высочайшихъ полномочій, которыя бы оправдывали его строгій образъ дѣйствій и преслѣдованія вопіющихъ злоупотребленій. По Высочайшему рескрипту въ октябрѣ 1819 г. Генераль-Губернаторъ, согласно его просьбѣ, уполномочивался — Губернаторовъ Илличевского и Трескина «впредь до окончательнаго усмотренія, устранить на время отъ управленія губерніями, если, по производству дѣлъ ^и по обозрѣнію края сіе найдено будетъ нужнымъ». Но Сперанскій счелъ возможнымъ оставить Илличевского при должности, «потому, — говоритъ Корфъ, — что въ Томской губерніи слѣдствія приняли другое направленіе, и вліяніе Губернатора, по разнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, не могло ни остановить ихъ, ни положить имъ препятствій» ³⁾).

Нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи Илличевского Томскимъ Губернаторомъ мы находимъ въ запискахъ Ивана Борисовича Пестеля (род. 6 февраля 1765 г. въ Москвѣ, ум. въ Смоленскѣ 18 мая 1843 г.), который въ 1806 г. былъ назначенъ Сибирскимъ Генераль-Губернаторомъ. Пестель рассказываетъ, что при вступленіи его въ должность, онъ наткнулся на такого рода фактъ. Многіе кочев-

¹⁾ Жизнь графа Сперанскаго, барона М. А. Корфа. Спб., 1861 г., т. 2, стр. 196, 197 и 170.

²⁾ См. «Томскія Губернскія Вѣдомости», 21 августа 1871 г., № 33, ст. Кн. Н. Кострова, подъ заглавіемъ: Томскій Губернаторъ Даміанъ Васильевичъ Илличевскій (1812—1822).

³⁾ Жизнь графа Сперанскаго. Спб., 1861 г., т. 2, стр. 208.

ники Томской губернии, и въ особенности Туруханскаго уѣзда, во время звѣриной ловли въ дремучихъ лѣсахъ умирали отъ голода, а оставшіеся живыми съѣдали ихъ тѣла. Это явленіе отмѣчалось въ мѣсячныхъ донесеніяхъ Сенату, а чрезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ получалъ такія же донесенія и Государь. Съ теченіемъ времени количество этихъ умершихъ все уменьшалось; такъ, при Томскомъ Губернаторѣ фонъ-Вринѣ умерло не болѣе 56 человѣкъ, при Марченкѣ 42, а при Илличевскомъ только 18.

Донесенія эти читались и, какъ видно, оставались безъ движенія. Но донесенія Пестеля о 18-ти человѣкахъ, погибшихъ во время управленія Томскою губерніею Губернаторомъ Илличевскимъ, обратило на себя вниманіе Государя, и онъ послалъ тайно командующему войсками Сибири Генералъ-Лейтенанту Глазенапу приказаніе прозвести слѣдствіе: отчего эти 18 человѣкъ погибли и не виновато ли въ томъ мѣстное гражданское начальство. Въ этомъ нельзя не видѣть человеколюбиваго сердца Императора Александра I-го, но бѣда въ томъ, что Глазенапъ былъ во враждѣ съ Пестелемъ, а по должности онъ былъ ему подчиненъ. Получивъ отъ Государя приказаніе прозвести тайное слѣдствіе, Глазенапъ поручилъ это дѣло одному аудиторю, котораго Пестель не разъ обличалъ въ лихоимствѣ и требовалъ, чтобы Глазенапъ отдалъ его подъ судъ. Аудиторъ этотъ прозвелъ слѣдствіе, въ которомъ,—говоритъ Пестель,—привелъ въ свидѣтели величайшихъ плутовъ между сѣльскими, сочинилъ самые нелѣпыя и лживыя вымыслы и описалъ никогда небывалыя происшествія». Глазенапъ еще съ своей стороны сгустилъ краски, слѣдствіемъ чего было выражено Императоромъ Аракчееву неудовольствіе на Пестеля. 13 апрѣля 1817 года Аракчеевъ передалъ Пестелю отъ имени Государя, что ему невозможно оставаться долѣе Сибирскимъ Генералъ-Губернаторомъ, и на мѣсто его назначается Глазенапъ. Въ журналѣ Комитета Министровъ былъ записанъ именной указъ, по которому Томскій Губернаторъ Илличевскій отрѣшается отъ своей должности и отдается подъ судъ въ Сенатъ. На возраженіе Пестеля Аракчеевъ сказалъ ему: «Я еще не велѣлъ внести повелѣніе Монарха въ журналъ Комитета и представлю Государю ваше объясненіе». Въ слѣдствіе этого послѣдовалъ Высочайшій именной указъ Комитету Министровъ, чтобы все присланныя отъ Глазенапа бумаги по Туруханскому дѣлу были отосланы къ Пестелю. «Я,—говоритъ Пестель,—ихъ получилъ и внесъ въ Комитетъ подробное и очень основательное опроверженіе на оныя. Дѣло это было разсмотрѣно въ Комитетѣ съ великою строгостію, и слѣдствіемъ того было, что не только я, но и Губернаторъ Илличевскій были оправданы; но Комитетъ призналъ еще, что никогда никто изъ моихъ предшественниковъ не принималъ столь дѣятельныхъ и благоразумныхъ мѣръ противъ подобнаго злоупотребленія, какъ я это сдѣлалъ. Этотъ журналъ былъ поднесенъ Государю, который прочелъ его очень внимательно и, наконецъ, подписалъ его собственноручно. Тѣмъ кончилось это дѣло, причинившее мнѣ столько огорченія и оскорбленій».

Въ 1819 году (22 марта) на мѣсто Пестеля былъ назначенъ Генераль-Губернаторомъ Сибири Тайный Совѣтникъ Сперанскій, бывший Пензенскій Губернаторъ. Ему было повелѣно произвести строжайшее слѣдствіе на счетъ Пестеля и трехъ Сибирскихъ Губернаторовъ: Тобольскаго, Томскаго и Иркутскаго и обо всемъ донести Императору.

О ревизіи Сперанскаго Пестель невысокаго мнѣнія. Такъ, между прочимъ, про губернію Илличевскаго говоритъ, что «въ Томской губерніи онъ (т. е. Сперанскій) старался всевозможно найти все худымъ, особенно ободрялъ тѣхъ, которые взводили какія нибудь обвиненія на губернатора и покровительствовалъ имъ». Далѣе Пестель, между прочимъ, говоритъ, что «678 человекъ по одному только подозрѣнію, возбужденному безсовѣтными доносами величайшихъ и извѣстнѣйшихъ плутовъ Сибири, были отчасти наказаны, отчасти отданы на 10-ть лѣтъ подъ присмотръ полиціи; губернаторы же, Томскій и Иркутскій, отъ которыхъ Сперанскій никогда ни малѣйшаго оправданія не спрашивалъ, были сперва отставлены отъ ихъ должности, а потомъ отданы подъ судъ въ Сенатъ. И такъ они могли еще оправдаться, а были уже наказаны». Немного далѣе онъ замѣчаетъ: «я долженъ отвѣчать за губернаторовъ Томскаго и Иркутскаго; они же не были допрашиваемы насчетъ взведенныхъ на нихъ обвиненій и должны еще оправдываться въ Сенатѣ: а я нахожусь, послѣ 42-лѣтней вѣрной службы, исключенъ изъ службы безъ насущнаго хлѣба... Если бы оба губернатора оправдались, то за что же меня отставили отъ службы?..»¹⁾

Для разсмотрѣнія отчета по ревизіи Сибири Сперанскимъ былъ назначенъ особый комитетъ, состоявшій изъ графовъ Кочубея, Гурьева и Аракчеева, князя Голицына, барона Кампенгаузена и самого Сперанскаго. Какъ результатъ дѣятельности комитета явился указъ 26 января 1822 г. Относительно Илличевскаго указъ повелѣвалъ: «Илличевскаго удалить отъ должности и поступки его подвергнуть отвѣту и разсмотрѣнію въ Сенатѣ». Несмотря на то, что Сперанскій отдалъ Илличевскаго подъ судъ, онъ тѣмъ не менѣе содѣйствовалъ благополучному исходу его дѣла въ Сенатѣ. Биографъ графа Сперанскаго, баронъ М. А. Корфъ, говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Илличевскій, при живомъ покровительствѣ, оказанномъ ему самимъ Сперанскимъ, былъ очищенъ въ Сенатѣ отъ недавнихъ на него обвиненій, но въ службу никогда болѣе не вступалъ и жилъ уединенно въ Петербургѣ»²⁾.

Конечно, эти служебныя невзгоды не могли расположить Илличевскаго къ Сперанскому, и его образъ дѣйствій въ Сибири здѣсь осуждали. Хотя его юный сынъ, только что соскочившій съ лицейской скамьи въ Царскомъ Селѣ, написалъ

¹⁾ См. Бумаги Ивана Борисовича Пестеля. «Рус. Арх.» 1875 г., кн. IV, стр. 397—404.

²⁾ См. Жизнь Сперанскаго, барона М. А. Корфа. Спб., 1861 г., 2 томъ, стр. 265.

длинную оду въ честь Генераль-Губернатора Сперанскаго, но мать его находила, что Сперанскій оды не заслуживаетъ. Насколько это предубѣжденіе въ домѣ Илличевскаго было сильно, показываетъ случай съ Матюшкинымъ: когда Матюшкинъ пріѣхалъ въ Сибирь для участія въ экспедиціи подъ начальствомъ Врангеля, то въ Томскѣ онъ остановился въ домѣ Илличевскихъ. Здѣсь онъ слышалъ столько худого о Сперанскомъ, что самъ сталъ смотрѣть на Сперанскаго глазами Илличевскихъ и только впоследствии, благодаря близкому знакомству съ Сперанскимъ, Матюшкинъ изъ предубѣжденного человѣка сталъ восторженнымъ поклонникомъ Сперанскаго ¹⁾.

Д. В. Илличевскій былъ женатъ на дочери надворнаго совѣтника Александрѣ Дротаевской ²⁾. У нихъ были дѣти: Алексѣй и Платонъ. Алексѣю по формуляру отца, составленному въ 1811 году, было 13 лѣтъ; слѣдовательно, онъ родился въ 1798 году. А Платону въ это время было 9 лѣтъ; слѣдовательно, онъ родился въ 1802 году. Платонъ Демьяновичъ впоследствии, въ чинѣ Тайнаго Совѣтника, былъ товарищемъ министра юстиціи, куда онъ былъ назначенъ по ходатайству и выбору самого министра, графа Панина ³⁾. Прежде же этого онъ служилъ при графѣ Сперанскомъ и былъ помощникомъ статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ ⁴⁾.

Алексѣй ⁵⁾ Даміановичъ Илличевскій, сынъ Статскаго Совѣтника ⁶⁾, род. въ 1798 г., первоначальное образованіе получилъ въ С.-Петербургской гимназіи ⁷⁾ и съ похвальнымъ листомъ изъ перваго уѣзднаго класса этой гимназіи держалъ въ 1811 г. экзаменъ въ Императорскій Царскосельскій Лицей ⁸⁾. Эта гимназія и

¹⁾ См. Жизнь графа Сперанскаго, барона Корфа. Спб., 1861 г., т. 2, стр. 218—219.

²⁾ Изъ письма М. Л. Яковлева къ Пушкину, изъ С.-Петербурга, отъ 23 іюля 1831 г., видно, что въ этомъ году умерла мать Илличевскаго. (Сочиненія Пушкина. Переписка. Подъ ред. В. И. Саитова. Спб., 1908 г., т. II, стр. 288. Письмо № 578).

³⁾ См. статью Н. М. Колмакова: Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ. «Рус. Стар.» 1887 г., т. LVI, ноябрь, стр. 321 и 324.

⁴⁾ См. Очеркъ и воспоминанія Н. М. Колмакова. «Рус. Стар.» 1891 г., т. LXXI, іюль, стр. 122—123, а также Сборникъ П. Р. П. Общества. т. 60, стр. 307.

⁵⁾ Во всѣхъ лицейскихъ Памятныхъ книжкахъ, и даже въ книжкѣ за 1907 г., онъ названъ Александромъ, вмѣсто Алексѣя. А въ Памятн. книжкахъ за 1886 г. (стр. 40) и за 1895—96 г. (стр. 40) онъ названъ товарищемъ министра юстиціи; между тѣмъ это былъ его братъ Платонъ.

⁶⁾ Матеріалы для исторіи Лицея. И. Селезневъ. 1856 г., въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—57 г., стр. 29.

⁷⁾ См. Я. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 32, статья Царскосельскій Лицей (первоначально напечатана въ сборникѣ «Складчина» 1874 г., подъ заглавіемъ: Первенцы Лицея и его преданія.

⁸⁾ Тамъ же, примѣчаніе 19, стр. X.

тогда находилась на Мѣшанской (нынѣ Казанской) улицѣ, позднѣе называлась Второю гимназіей, теперь извѣстна подъ названіемъ гимназіи Императора Александра I. Въ этой гимназіи среди учениковъ Илличевскій былъ друженъ съ Павломъ Николаевичемъ Фуссомъ, съ которымъ онъ и переписывался въ бытность свою въ Лицеѣ (съ этими письмами мы познакомимся ниже), а также и съ Андреемъ Логгиновичемъ Гофманомъ, бывшимъ впоследствии статсъ-секретаремъ. Уже въ гимназіи Илличевскій писалъ стихи, увлекался ими и мечталъ сдѣлаться поэтомъ.

Вступительный экзаменъ въ Лицеѣ Илличевскій держалъ 11 сентября. Отмѣтки его на этомъ экзаменѣ были слѣдующія: въ грамматическомъ познаніи языковъ російскаго и французскаго онъ получилъ отмѣтку: «очень хорошо»; изъ нѣмецкаго языка — «довольно хорошо»; изъ ариѳметики, изъ физики (познаніе общихъ свойствъ тѣлъ) и въ начальныхъ основаніяхъ географіи получилъ отмѣтки — «очень хорошо»; наконецъ — въ начальныхъ основаніяхъ исторіи — «весьма хорошо»¹⁾.

Въ отмѣткахъ профессоровъ и преподавателей мы находимъ слѣдующіе отзывы и характеристики Илличевскаго. Профессоръ російской и латинской словесности Н. Кошанскій за время съ 23 октября 1811 г. по 15 марта 1812 г. помѣщаетъ Алексѣя Илличевскаго послѣднимъ воспитанникомъ въ своемъ списокѣ и говоритъ о немъ: «Алексѣй Илличевскій, одинъ изъ тѣхъ питомцевъ, который соединяетъ счастливыя способности памяти и понятливости съ живымъ воображеніемъ; но въ немъ примѣтно больше пылкости, нежели размышленія. Его прилѣжаніе, возбуждаемое честолюбіемъ и стремленіе отличиться чрезвычайны, слѣдственно и отличными успѣхами онъ не уступаетъ первымъ питомцамъ». Тотъ же Кошанскій въ своемъ отывѣ отъ 15 марта по 15 октября 1812 г. помѣщаетъ Илличевскаго четвертымъ воспитанникомъ и пишетъ о немъ слѣдующее: «Алексѣй Илличевскій, также изъ числа не многихъ воспитанниковъ, соединяющихъ счастливыя способности памяти и понятливости съ сильнымъ воображеніемъ и *начитанностью* книгъ. Въ немъ примѣтно больше пылкости, нежели основательности. Его прилѣжаніе возбуждаемое честолюбіемъ и стремленіе отличиться чрезвычайны: почему и отличными успѣхами онъ не уступаетъ первымъ воспитанникамъ».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдтъ въ отчетѣ своемъ отъ 31 марта 1812 г. помѣщаетъ воспитанниковъ въ алфавитномъ порядкѣ и говоритъ объ Илличевскомъ слѣдующее:

«Ilitschefscky. Beaucoup de dispositions et faisant assez de progrès, cependant il pourroit en faire d'avantage, si l'imagination ne prenoit pas chez lui trop souvent le dessus, et s'il vouloit se donner moins de distractions».

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея. И. Селезнева. Въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—57 г., прилож. къ стр. XI.

Профессоръ французской словесности де-Будри отъ 18 ноября 1812 г. дѣлитъ воспитанниковъ на четыре рубрики. Въ этомъ второмъ отзывѣ (первый не дошелъ до насъ) де-Будри даетъ слѣдующій отзывъ объ Илличевскомъ, котораго онъ ставитъ въ первую рубрику: «Illitchefsky. Je ne me suis point trompé dans mon précédent rapport sur le compte de son application; car depuis que nous traitons des objets plus relevés, il est tout entier à ce que nous faisons: il remplit parfaitement ses devoirs et tout promet en lui un sujet des plus distingués .

Наконецъ, профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдтъ отъ 19 ноября 1812 г. дѣлитъ воспитанниковъ на три рубрики или классы, выдѣляя еще рубрику выше первой, такъ сказать самыхъ превосходныхъ (classe de ceux qui excellent). Онъ помѣщаетъ Илличевскаго въ первую группу и говоритъ о немъ слѣдующее: «Illitschefskey, ses dispositions sont toujours les mêmes, et ses distractions commencent à devenir moins fréquentes .

Мартынъ Пилецкій въ отчетѣ о поведеніи и свойствахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, поданномъ 19 ноября 1812 г., даетъ слѣдующій отзывъ объ Илличевскомъ:

«Илличевскій (Алексѣй) 14-ти лѣтъ. Съ весьма хорошими дарованіями. Одаренъ живымъ воображеніемъ и щастливою склонностію къ поэзіи, весьма начитанъ въ россійской словесности; способности, прежде-пріобрѣтенныя, знанія и возрастъ его таковы, что теперешніе учебные предметы весьма для него легки, такъ что большую часть остающагося времени употребляетъ онъ на свободныя упражненія въ словесности съ похвальнымъ успѣхомъ. При такихъ преимуществахъ (хотя по истинѣ мнимыхъ), нельзя чтобы самолюбіе и своенравіе не находили себѣ пищи. оттого можетъ быть происходить въ немъ примѣтное небреженіе къ другимъ, которыхъ онъ вообще мало цѣнитъ, развѣ собственная польза того требуетъ, впрочемъ онъ довольно остороженъ, занимателенъ, смѣлъ, твердъ, рѣшительнъ; но властолюбивъ, весьма неохотно подчиняетъ свою волю, неуступчивъ и вообще крутого нрава. Примѣчаемое въ немъ чувство къ добродѣтели можетъ служить надежнымъ залогомъ будущаго его усовершенствованія» ¹⁾.

Кошанскій въ своемъ собственноручномъ спискѣ воспитанниковъ изъ класса россійской и латинской словесности отъ 9 іюля 1813 г. дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на 4 группы и помѣщаетъ Илличевскаго послѣднимъ въ первую группу, т. е. превосходныхъ воспитанниковъ.

Тотъ же Кошанскій за время съ 1 августа по 15 декабря 1813 г. даетъ объ Илличевскомъ ту же самую характеристику, что онъ далъ въ отзывѣ отъ 15 марта по 15 октября 1812 г.

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой. IV, 1910—1911, стр. 32.

Гувернеръ Чириковъ въ своемъ списокѣ «Свойства и поведеніе воспитанниковъ Императорскаго Лицея» отъ 13 сентября 1813 г. даетъ слѣдующій отзывъ объ Илличевскомъ: «Алексѣй Илличевскій *своенравенъ, встыльчивъ*, но впрочемъ усерденъ, услужливъ, опрятенъ, весьма бережливъ, откровененъ, щедръ, крайне прилѣженъ, имѣетъ особенную страсть къ поэзіи».

Наконецъ, профессоръ Иванъ Кайдановъ въ «Вѣдомости о дарованіяхъ, прилѣжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея по части географіи, всеобщей и російской исторіи отъ 1 ноября 1812 г. по 1 января 1814 г.» даетъ слѣдующій отзывъ объ Илличевскомъ, причѣмъ ставитъ его шестымъ воспитанникомъ изъ двадцати девяти: «Алексѣй Илличевскій дарованій прекрасныхъ и весьма прилѣженъ. Успѣхи его очевидны и прекрасны. Поведенія весьма хорошаго».

Здѣсь можно привести еще одинъ отзывъ гувернера Ильи Пилецкаго. Гувернеръ этотъ въ своемъ «Журналѣ о поведеніи воспитанниковъ Императорскаго Лицея за ноябрь 1812 года» оставилъ намъ безграмотный рапортъ по поводу столкновенія, бывшаго между воспитанниками и инспекторомъ 6—30 ноября 1812 года. Здѣсь онъ даетъ слѣдующій отзывъ объ Илличевскомъ: «Велъ себя весьма хорошо и при случившемся 21 числа произшествіи поступалъ весьма осторожно, такъ, что я ничего о немъ худаго не могъ заметить (Sic); напротивъ, 24 числа за столомъ напоминалъ онъ нѣкоторымъ товарищамъ, что они поступаютъ весьма дурно и что ему подобныя произшествія случалось видѣть, но онъ всегда худо для учениковъ оканчивались»¹⁾).

Таковы были успѣхи Илличевскаго по отбѣткамъ его преподавателей, профессоровъ и гувернеровъ.

Мы уже нѣсколько разъ повторяли, какъ возникли лицейскіе журналы въ стѣнахъ этого заведенія. Воспитанники, послѣ запрещенія выѣзжать изъ Лицея въ продолженіе шести лѣтъ, невольно сдружились между собою, и Царское Село для нихъ стало отечествомъ, а все остальное чужбиною. Эта отчужденность отъ остального міра была причиною, что они тѣсно слились въ свой отдѣльный кружокъ и дѣлили между собою неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья, печали, радости, мечты души... размолвки дружества и сладость примиренья. Они ухватились за каждое средство, позволявшее имъ заполнить свой досугъ и доставить себѣ развлеченіе. Къ числу такихъ развлеченій нужно поставить въ первую очередь дѣтскія игры, столь свойственныя ихъ возрасту; конечно, эти игры были военныя, въ этихъ играхъ первенствовалъ Илличевскій, онъ командовалъ маленькимъ войскомъ и считался въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи.

Второю ступеню этихъ развлеченій явились домашніе спектакли. Воспитан-

¹⁾ Къ біографіи А. С. Пушкина. И. А. Шляпкина. Спб., 1899 г., стр. 19.

ники Лицея разыгрывали небольшія пьесы, какъ «Роза безъ шиповъ» и проч. Въ числѣ поставщиковъ этихъ пьесъ былъ, между прочимъ, губернереъ А. Н. Иконниковъ, внукъ знаменитаго актера Дмитревскаго, служившій въ Лицеѣ съ 1811 по 1812 г. Изъ пьесъ Иконникова уцѣлѣли въ рукописи комедія въ одномъ дѣйствіи: «Добрый помѣщикъ», въ которой принималъ участіе Илличевскій. Когда эти спектакли были запрещены, лицеисты посѣщали домашній театръ графа В. В. Толстого. Къ этимъ спектаклямъ мы ниже вернемся опять.

Помимо этихъ развлеченій, по предложенію инспектора Мартына Степановича Пилецкаго, они устраивали съ самаго начала лицейскаго курса общія бесѣды, на которыхъ каждый воспитанникъ долженъ былъ разказать что-нибудь прочитанное или выдуманное. Такимъ образомъ, эти бесѣды послужили для развитія воображенія и образовали наклонность къ литературѣ. Когда накопился достаточный матеріалъ въ видѣ разказовъ, анекдотовъ, повѣстей и т. п., то тогда возникла мысль утилизировать эти литературные труды, и, такимъ образомъ, возникли журналы.

3 декабря 1811 г. воспитанникъ Корсаковъ издалъ, подъ заглавіемъ «Вѣстникъ», первый лицейскій журналъ, хотя есть предположеніе, что тотъ же Корсаковъ еще раньше этого «Вѣстника» издавалъ лицейскія газеты. Не касаясь описанія его, скажемъ, что въ немъ Илличевскій помѣстилъ первое свое стихотвореніе: «Сила времени», о которомъ В. Гаевскій замѣчаетъ, что стихотвореніе это «недурное для двѣнадцатилѣтняго возраста»¹⁾.

Однимъ изъ раннихъ стихотвореній Илличевскаго, дошедшихъ до насъ, было стихотвореніе «Къ Делія». Стихотвореніе это имѣетъ свою исторію; оно было написано Пушкинымъ въ 1812 году и считается его первымъ поэтическимъ произведеніемъ. Оно извѣстно теперь подъ заглавіемъ «Пѣсня». Пушкинъ написалъ окончательно только первую строфу, остальные ему не давались, и потому онъ бросилъ листокъ. Листокъ этотъ поднялъ Илличевскій и дописалъ это стихотвореніе. Приведемъ здѣсь это стихотвореніе, отмѣчая курсивомъ то, что принадлежитъ Илличевскому:

П ѣ с н я .

О, Делія драгая,
 Спѣши, моя краса!
 Звѣзда любви златая
 Взошла на небеса,
 Безмолвно мѣсяцъ покотился.
 Спѣши! Твой Аргусъ удалился,
 И тронулъ сонъ его глаза.

¹⁾ Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія.—«Современникъ» 1863 г., т. 97, стр. 140.

Полъ сѣнью потаенной
 Дубравной тишины,
 Гдѣ токъ *уединенной*
 Сребристыя волны
 Журчить съ унылой Филомелой,
 Готовъ пріютъ любви веселой
 И блескомъ освѣщенъ луны.
 Накинуть *ночи тьмы*
 Покровы намъ свои,
И дремлютъ рощей стѣны,
 И быстро часъ любви
 Летитъ,—*я весь горю желаньемъ.*
Стѣши, о Демія, свиданьемъ,
 Пади въ объятія мои! ¹⁾

Первый куплетъ этого стихотворенія, какъ мы уже знаемъ, былъ положенъ на музыку Корсаковымъ и распѣвался въ Лицеѣ подъ звуки гитары.

Первымъ толчкомъ къ поэтической дѣятельности лицействова, какъ извѣстно, послужило слѣдующее обстоятельство. По словамъ Пущина, Кошанскій въ 1811 г. «и никакъ не позже первыхъ мѣсяцевъ 1812 года» предложилъ своимъ ученикамъ сдѣлать описаніе розы стихами. Описаніе это ни у кого не клеилось, только Пушкинъ успѣлъ написать два четверостишія, которыя всѣхъ восхитили ²⁾. Вѣроятно, и Илличевскій принялъ участіе въ этомъ описаніи розы. Гаевскій говоритъ ³⁾: «Другіе товарищи поэта припоминаютъ, что еще до «Розы» онъ написалъ, состязаясь съ Илличевскимъ, рыцарскую балладу, въ подражаніе балладамъ Жуковского»...

Въ 1812 г. явились два лицейскихъ журнала: «Для удовольствія и пользы» и «Неопытное перо». Для насъ интересенъ первый журналъ, такъ какъ въ немъ участвовалъ Илличевскій. Издателями журнала «Для удовольствія и пользы»

¹⁾ Майковъ, 2-ое Академическое изданіе Сочиненій Пушкина, т. 1, стр. 3—4 и 18—20. Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія. «Современникъ» 1863 г., т. 97, стр. 158 и 159.—П. А. Ефремовъ: Сочиненія А. С. Пушкина, т. 8, стр. 2—4. И, наконецъ, С. А. Венгеровъ: Пушкинъ, т. 1, стр. 62—66, статья Венгерова. Здѣсь же воспроизведенъ и автографъ этого стихотворенія, который является первымъ лицейскимъ автографомъ Пушкина и почему-то подаренъ Я. К. Гротомъ Чешскому музею въ Прагѣ. К. Я. Гротъ въ своей статьѣ: «Къ лицейскимъ стихотвореніямъ А. С. Пушкина» («Журн. Министерства Народн. Просвѣщ.» 1905 г., октябрь, стр. 333—335) указываетъ на два автографа этого стихотворенія: автографъ Пушкина, подаренный Академикомъ Гротомъ въ Чешскій музей, и автографъ Илличевскаго, которымъ пользовался Л. Н. Майковъ, ошибочно принявъ его за Пушкинскій текстъ, и который попалъ къ Гроту отъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина среди другихъ бумагъ.

²⁾ Записки И. И. Пущина, стр. 56 въ книгѣ Л. Майкова.

³⁾ В. Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія. «Современникъ» 1863 г., т. 97, стр. 134.

были: Вольховскій, Беаковъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ, Масловъ и Яковлевъ. Журналъ продолжался и въ 1813 году; всего было выпущено 12 номеровъ. По прекращеніи этихъ двухъ журналовъ, въ томъ же 1813 г. вышелъ новый журналъ, въ которомъ принялъ участіе Илличевскій. Журналъ этотъ назывался «Юные пловцы»; вышло всего 2 номера. Издателями этого журнала были Пушкинъ, Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Въ этомъ журналѣ помѣщены баллады, прозаическія сочиненія и басни Яковлева и Дельвига; въ немъ корреспондировалъ одинъ изъ бывшихъ гувернеровъ, Иконниковъ, который въ это время былъ уже уволенъ отъ службы въ Лицеѣ. Илличевскому въ этомъ журналѣ принадлежитъ стихотвореніе «Освобожденіе Бѣлграда». Стихотвореніе это гѣмъ болѣе интересно, что оно снабжено отгѣтками и поправками Кошанскаго. Поправки эти клонились къ тому, чтобы стихъ принялъ болѣе торжественное и напыщенное выраженіе; впрочемъ, это было направленіемъ тогдашней литературы, слѣдовательно, Кошанскій оставался вѣренъ своей эпохѣ. Съ другой стороны, въ этихъ исправленіяхъ видны усердіе и ревность молодого профессора. Въ этомъ стихотвореніи вниманіе Кошанскаго обратила слѣдующая строфа, по поводу которой онъ написалъ: «вотъ поэзія! прекрасно!»

Спускалось солнце: день ужъ къ вечеру клонился:
Въ Бѣлградѣ жители въ одинъ толпились сонмъ;
Глухой, на площади, печальный шумъ носился,
Подобныи вечера осення шуму волнь.

О томъ, какъ исправлялъ Кошанскій стихи, можно судить по слѣдующей строфѣ:

Уныло граждане другъ на друга смотрѣли:
Что въ крайности такой имъ было предпринять?
Въ отчаяньи врата отверзть врагу хотѣли,
И, преклоня главу, о жизни умолять.

Противъ послѣдняго стиха Кошанскій отгѣтилъ: *le plus beau vers*», а остальное исправилъ такъ:

Уныло граждане *съ высокихъ стѣнъ* взирали,
Колѣблясь мыслями, что въ бѣдстванъ предпринять?
Уже врагу отверзть врата они желали
И, преклоня главу, о жизни умолять ¹⁾.

Но эти занятія журналами отвлекали воспитанниковъ отъ научныхъ занятій, и потому изданіе журналовъ было запрещено. Въ интересныхъ письмахъ, писанныхъ изъ Лицея Илличевскимъ къ своему товарищу по гимназіи Павлу Николаевичу

¹⁾ В. Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ..., стр. 133.

Фуссу, бывшему впоследствии непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ, мы находимъ подтвержденіе этого факта. Илличевскій въ письмѣ къ Фуссу отъ 25 марта 1812 г., между прочимъ, сообщаетъ: «Хотя у насъ, правду сказать, запрещено сочинять, но мы съ нимъ (т. е. Пушкинымъ) пишемъ украдкою». Но, конечно, это запрещеніе не могло принудить юныхъ лицейстовъ къ молчанію; поэтому сейчасъ по прекращеніи журнала «Юные пловцы», въ 1813 г., стали появляться отдѣльные сборники произведеній юныхъ лицейстовъ. Какъ видно, само начальство разрѣшило заниматься сочинительствомъ, что подтверждается письмомъ Илличевского къ Фуссу отъ 26 апрѣля 1812 г., т. е. ровно черезъ мѣсяцъ послѣ письма, гдѣ онъ говорилъ о запрещеніи заниматься сочинительствомъ. Вотъ что пишетъ Илличевскій: «Скажу тебѣ новость: намъ позволили теперь сочинять». И вновь лицейсты принялись за писанье стиховъ, и изъ нихъ составлялись цѣлые сборники. Это были тщательно переписанныя тетради, наполненныя стихотвореніями, баснями, эпиграммами, а также и карриатурами. Такъ какъ Илличевскій отличался въ Лицеѣ своимъ талантомъ къ эпиграммѣ и карриатурѣ, то онъ и доставлялъ въ сборники этого рода произведенія. Стремленіе товарищей издавать отдѣльные сборники своихъ произведеній было подмѣчено Илличевскимъ, и онъ награждалъ такихъ авторовъ своими эпиграммами. Когда одинъ изъ товарищей издалъ свою тетрадь басенъ съ эпиграфомъ: «Хоть худо, но свое», то Илличевскій написалъ на него слѣдующую эпиграмму:

Ты выбралъ къ басенкамъ заглавіе простое:
 «Хоть худо, но свое»
 И этакъ хорошо, но этакъ лучше вдвое:
 Что худо, то твое,
 Что хорошо—чужое.

Этотъ баснописецъ былъ, вѣроятно, Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ. Другая эпиграмма Илличевского, напечатанная впоследствии въ его «Опытахъ въ аятологическомъ родѣ», изданныхъ въ 1827 г. (Спб., стр. 98), относится также къ Яковлеву и касается того случая, когда Яковлевъ послалъ свои басни къ В. Измайлову, издававшему тогда журналъ «Россійскій Музеумъ», прося редактора не помѣщать подъ ними его фамиліи. Хотя басенъ Яковлева Измайловъ не помѣстилъ въ своемъ журналѣ, тѣмъ не менѣе эта литературная неудача Яковлева стала извѣстна Илличевскому. По этому поводу онъ написалъ слѣдующаго рода эпиграмму:

Уваженная скромность.

Нагромоздивши басенъ томъ,
 Клеонъ давай пускать въ журналъ свои тетради,
 Прося изъ скромности издавеля о томъ,

Чтобъ имени его не выставялъ въ печати:
Издатель скромностью такую тронуть былъ,
И имя онъ, и басни—скрылъ ¹⁾).

Въ 1813 г. появился новый журналъ, подъ заглавіемъ: «Лицейскій Мудрецъ». Его издавали Данзасъ, Корсаковъ, Мартыновъ и Ржевскій. Корсаковъ поставялъ стихотворенія и статьи отъ редакціи, Илличевскому принадлежали каррикатуры и большая часть эпиграммъ, Данзасъ каллиграфически переписывалъ этотъ журналъ, а Дельвигъ просматривалъ его, поэтому на оберткѣ журнала значится: «Печатать позволяется. Цензоръ Баронъ Дельвигъ. Въ типографіи К. Данзаса». Всего уцѣлѣло четыре нумера этого журнала. Большая часть журнала занята шуточными стихотвореніями и «Національными пѣснями», — эти «Національныя пѣсни» составлялись всѣмъ классомъ, гдѣ каждый писалъ по одному стиху. Затѣмъ въ журналѣ была «изящная словесность», также критика и смѣхъ съ каррикатурами Илличевскаго. Каррикатуры безпощадно высмѣивали въ особенности Кюхельбекера, а также Мясоѣдова за его анекдотическую ограниченность. О «Лицейскомъ Мудрецѣ» мы уже приводили подробныя свѣдѣнія въ разныхъ біографическихъ очеркахъ первокурсниковъ, а потому не будемъ повторять ихъ здѣсь.

Въ «Лицейскомъ Мудрецѣ» помѣщено нѣсколько эпиграммъ Илличевскаго на произведенія лицейстовъ. Такъ, напр., одинъ изъ товарищей написалъ басню «Ослы», гдѣ говорится о двухъ ослахъ, изъ которыхъ одинъ, вскарабкавшись на гору, хвалится своимъ подвигомъ, а другой, оставшійся внизу, отвѣчаетъ ему:

Нѣтъ, оба мы ослы;
Вся разница лишь та межъ нами,
Что ты вскарабкался на высоты,
А я стою спокойно подъ горами.
Мой другъ, и межъ людьми увидишь то же ты:
Иной министръ, иной торгашъ гусинный,
Но часто умъ у нихъ одинъ—ослиный ²⁾).

На это стихотвореніе Илличевскій написалъ эпиграмму слѣдующаго содержания:

О чемъ ни сочинять бывало,
Марушкинъ, борзый стихотворъ,
То вѣрь, что не солжешь ни мало,
Когда заранѣ скажешь: вздоръ!
Марушкинъ объ ослахъ вдругъ басню сочиняетъ,

¹⁾ В. Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ..., стр. 142.

²⁾ Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 272.

И басня хоть куда! но страненъ ли успѣхъ?
Свой своего всѣхъ лучше знаетъ,
И слѣдственно опишетъ лучше всѣхъ¹⁾).

Кромѣ этихъ журналовъ, издавался еще каррикатурный журналъ, въ которомъ принимали участіе Илличевскій, Мартыновъ и Пушкинъ, подъ руководствомъ гувернера и учителя рисованія Чирикова. Слѣдуетъ упомянуть, что сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Жертва Мому или Лицейская Антологія», переписанный въ 1814 г. Пушинымъ, имѣетъ своимъ предметомъ Кюхельбекера, котораго высмѣивали въ этихъ стихахъ Пушкинъ и Илличевскій. Наконецъ, даже несчастіе съ Кюхельбекеромъ не могло остановить издѣвательства надъ нимъ. Мы упомянемъ объ этомъ подробно въ біографіи Кюхельбекера, поэтому не будемъ приводить это описаніе здѣсь; скажемъ только, что, вслѣдствіе нанесенной Кюхельбекеру обиды, онъ кинулся въ прудъ, но, къ счастью или несчастью своему, былъ вытащенъ изъ пруда. Это несчастіе дало поводъ къ новымъ насмѣшкамъ: Корсаковъ написалъ пародію на оду Дельвига, а Илличевскій въ журналѣ «Лицейскій Мудрецъ» «описалъ этотъ случай въ письмѣ отъ морскаго корреспондента, и нарисовалъ карриатуру, въ которой тащутъ Кюхельбекера изъ воды, но не могутъ вытащить длинныхъ его ногъ». Здѣсь можно привести слѣдующую эпиграмму Илличевского на Кюхельбекера, подъ заглавіемъ «Опроверженіе»:

Нѣтъ, полно, мудрецы обманывать вамъ свѣтъ
И утверждать свое, что совершенства нѣтъ
На свѣтѣ въ твари тлѣнной.
Явися, Вилинька, и докажи собой,
Что ты и тѣломъ, и душой
Уродъ пресовершенный²⁾).

¹⁾ Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ. «Современникъ» 1863 г., Спб., т. 47, стр. 145.

²⁾ «Эпиграмма эта, говоритъ В. Гаевскій, напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 г. (ч. I, XXVIII, ноябрь, № 22, стр. 103) подъ псевдонимомъ «ійшій», совершенно передѣланная, и уже безъ имени Кюхельбекера:

Клисть смѣеть утверждать въ народѣ,
Что совершенства нѣтъ въ природѣ.
Вступись за честь свою, Геродъ!
Явись и докажи собою,
Что ты и тѣломъ, и душою
Пресовершеннѣйшій уродъ!»

Самъ Илличевскій въ своемъ сборникѣ подъ заглавіемъ: «Опыты въ антологическомъ родѣ» помещаетъ эту же самую эпиграмму, измѣнивъ первый стихъ, который здѣсь читается такъ:

Кто смѣеть разглашать въ народѣ...

Въ своихъ эпиграммахъ, писанныхъ въ Лицеѣ, Илличевскій задѣвалъ не только своихъ однокурсниковъ, но и преподавателей. Такъ, напримѣръ, на профессора математики и физики Карцова существуетъ эпиграмма Илличевского слѣдующаго содержания:

Могу тебя измѣрить разомъ,
Мой другъ Черныкъ!
Ты математикъ — минусъ разумъ,
Ты злой насмѣшникъ — плюсъ дуракъ.

Эпиграмма эта долгое время считалась за произведеніе Пушкина, написанное на профессора Черныка. Въ такомъ видѣ она печаталась у Геннади и П. А. Ефремова въ изданіи Исакова. Но Я. К. Гротъ въ своей статьѣ «Пушкинъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ» (въ книгѣ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Спб., 1899 г., стр. 2) доказалъ, что она принадлежитъ Илличевскому и написана на профессора Карцова. А «Черныкъ» не есть фамилія, а — прозвище Карцова за черный цвѣтъ его волосъ и за смуглость кожи ¹⁾.

Какъ самого профессора Карцова не влюбилъ Илличевскій, такъ и математику, преподаваемую этимъ профессоромъ. Илличевскій оставилъ намъ слѣдующія вирши на счетъ математики:

О Ураны чадо темное,
О наука необъятная,
О премудрость непостижная,
Глубина неизмѣримая!
Видно, на роду написано
Свыше нѣкимъ тайнымъ Промысломъ
Мнѣ взирать съ благоговѣніемъ
На твои рогагы прелести,
А плодовъ твоей учености
Какъ огня бояться лютаго!

Слѣдуетъ замѣтить, что къ писанію эпиграммъ Илличевского поощрялъ Пушкинъ, какъ это видно изъ словъ Сергѣя Дмитриевича Комовскаго ²⁾.

Такимъ образомъ, какъ справедливо говорить Гаевскій, «главнымъ дѣятелемъ всѣхъ этихъ журналовъ былъ Илличевскій, который, въ началѣ курса, по

¹⁾ Хотя это стихотвореніе Илличевского и приводитъ П. А. Ефремовъ въ Сочиненіяхъ А. С. Пушкина (т. I, стр. 123), какъ эпиграмму Пушкина, но въ 8-мъ томѣ (стр. 34) онъ сознается, что эта эпиграмма принадлежитъ Илличевскому.

²⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 221.

легкости писать стихи, превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей, и считался въ ихъ кружкѣ первымъ поэтомъ. Они называли его Державинимъ, а Пушкина Дмитриевымъ, и раздѣлились на двѣ партіи, спорившія о томъ, которому изъ нихъ отдать преимущество...»

Патріотическое настроеніе, охватившее русское образованное общество послѣ 1812 года, послѣ побѣды Александра надъ Наполеономъ 1-мъ, не осталось чуждымъ лицеистамъ. Дань этому патріотическому порыву была отдана Илличевскимъ наравнѣ съ Пушкинымъ. По словамъ И. И. Пушина, гроза 1812 года отразилась на ихъ дѣтствѣ. Они провожали гвардейскіе полки, идущіе на войну, напутствовали воиновъ сердечною молитвою, а усатые гренандеры благословляли юныхъ патріотовъ, которые имѣли въ числѣ офицеровъ, уходящихъ на войну, своихъ родныхъ и знакомыхъ. Наконецъ, реляціи съ войны комментировались въ классѣ Кошанскимъ; тутъ же перечитывались газеты, русскіе и иностранные журналы подѣ объясненія профессоровъ, учившихъ лицеистовъ слѣдить за ходомъ событій (Записки Пушина, стр. 53 и 54). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ письмѣ Илличевскаго къ Фуссу отъ 27 іюля 1814 года мы читаемъ: «Посылаю тебѣ мою «оду на взятіе Парижа»—прости ежели увидишь несовершенства.» Ода эта написана въ стилѣ Ломоносова и Державина и сохранилась въ рукописи съ замѣчаніями и поправками Кошанскаго, «весьма, однакожь умѣренными». По словамъ Гаевского, «ода эта и не дурна въ своемъ родѣ», но только родъ этотъ самъ по себѣ невыносимъ, на вкусъ Гаевского.

Въ бытность Илличевскаго въ Лицеѣ онъ вель переписку съ своимъ бывшимъ товарищемъ по гимназіи Павломъ Николаевичемъ Фуссомъ. Въ этой перепискѣ находится драгоцѣнный матеріалъ для исторіи лицейскаго быта. Въ письмахъ рисуется намъ жизнь Лицея за первые годы его существованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ они знакомятъ насъ съ ходомъ творчества самого Илличевскаго. О своихъ поэтическихъ занятіяхъ Илличевскій упоминаетъ въ письмѣ къ Фуссу отъ 18 февраля 1812 года, гдѣ онъ проситъ Фусса прислать двѣ его, Илличевскаго, басни: «Дубъ» и «Лисица вельможею». Болѣе подробныя свѣдѣнія о его литературныхъ занятіяхъ мы находимъ въ письмѣ отъ 25 марта 1812 года: «Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ 'чрезвычайно, имѣя товарищемъ одного молодого человѣка, который, живши между лучшими стихотворцами, приобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса, и читая мои прежніе стихи, вижу въ нихъ непростительныя ошибки». Этотъ молодой человѣкъ былъ Пушкинъ. Далѣе Илличевскій продолжаетъ: «Хотя у насъ, правду сказать, запрещено сочинять, но мы съ нимъ пишемъ украдкой; по первой почтѣ постараюсь прислать тебѣ нѣсколько стихотвореній».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 26 апрѣля 1812 г., мы читаемъ: «Скажу тебѣ

новость: намъ позволили теперь сочинять, и мы начали періоды ¹⁾; вслѣдствіе чего посылаю тебѣ двѣ мои басни и желаю, чтобъ онѣ тебѣ понравились...»

Въ 1814 году мы находимъ Илличевскаго трудящимся вмѣстѣ съ Пушкинымъ надъ переводомъ эпиграммъ для статьи, которую перевелъ И. И. Пуштинъ изъ Лагарпа, подъ заглавіемъ: «Объ Эпиграммѣ и надписи у древнихъ» ²⁾, и помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» за 1814 г. (сентябрь, № 18, стр. 115—119).

Илличевскому принадлежитъ переводъ первой эпиграммы подъ заглавіемъ: «Sur une statue de Niobé» изъ Вольтера и послѣдней изъ Марціала, съ подписями: «—И.—» ³⁾.

Первую эпиграмму Илличевскій перевелъ слѣдующимъ образомъ:

Къ Ниобенной Статуѣ.

Зевесъ, во гнѣвѣ къ Ниобѣ,
Ее во камень превратилъ;
Но кто, скажите, былъ хитрѣе?
Художникъ—камень оживилъ.

—И.— ⁴⁾

Вслѣдствіи Илличевскій, издавая въ 1827 году свои «Опыты въ антологическомъ родѣ», помѣстилъ это четверостишіе въ болѣе обработанномъ видѣ: на страницѣ 60-й подъ № 129 мы находимъ слѣдующее:

Къ статуѣ Ниобей.

Юпитеръ въ гнѣвѣ къ Ниобѣ
Живую въ камень превратилъ:
Но кто, скажите, былъ хитрѣе?
Художникъ камень оживилъ.

Вторую эпиграмму изъ Марціала Илличевскій перевелъ слѣдующимъ образомъ:

Я обокраденъ! я лишился
Трехъ козъ, которыя вчерашняго же дня
Сосѣди со двора стащили у меня!

¹⁾ Я. Гротъ въ своей статьѣ «Царскосельскій Лицей» такъ объясняетъ это выраженіе: «Въ своей «Общей Риторикѣ» Кошанскій считаетъ нужнымъ начинать сочиненія съ періодовъ, которые и называетъ «началами прозы». Вотъ чѣмъ объясняется, что Илличевскій, извѣстивъ своего друга о снятіи помянутаго запрещенія, прибавляетъ: «и мы начали періоды». (Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 33).

²⁾ La Harpe: «Lycée ou Cours de littérature ancienne et moderne» (т. 3, глава 9).

³⁾ См. объ этомъ болѣе подробно въ примѣчаніяхъ Пуштина къ своимъ Запискамъ, помѣщеннымъ въ книгѣ Л. Майкова: Пушкинъ. Спб., 1899 г., стр. 57.— Академическое изданіе Сочиненій Пушкина, т. I, второе изданіе, стр. 45—52. П. А. Ефремовъ, т. 8; стр. 11 (№ 9).

⁴⁾ «Вѣстникъ Европы» 1814 г., № 18, сентябрь, стр. 116.

Прошеніе на нихъ подать и въ судъ рѣшился
И дѣло, кажется, понятно: три козы!

А ты

Надутымъ голосомъ и видомъ принужденнымъ
Пришелъ мнѣ говорить о Варрѣ побѣжденномъ,
Помпеѣ, Кесарѣ и лютыхъ ихъ войнахъ...
Оставь, пожалуйста, свои тѣлодвиженья
И этотъ пышный бредъ и этотъ вздорный страхъ!
Къ чему мнѣ всѣ твои герои и сраженья?
Хоть слово—о моихъ козахъ!

—И.—¹⁾.

Это стихотвореніе въ переработанномъ переводѣ Илличевскій помѣстилъ въ сборникъ своихъ стихотвореній: «Опыты въ антологическомъ родѣ». (Спб., 1827 г., стр. 8), подъ заглавіемъ «На стряпчаго»:

Трехъ козъ украли у меня;
Пойманъ воръ и повинился;
Я съ жалобой въ судъ явился,
И дѣло о козахъ, оно яснѣе дня.
А ты надувшись, въ восторгѣ принужденномъ,
Заводишь рѣчь, о чемъ? о Варрѣ побѣжденномъ,
Помпеѣ, Кесарѣ, Пуническихъ войнахъ!
Все это хорошо, но сдѣлай одолженье,
Оставь безнужныя восторга выраженья,
Къ чему мнѣ всѣ твои герои да сраженья?
Хоть слово о моихъ козахъ.

Первенство Илличевского въ Лицеѣ на поприщѣ стихотворства не могло не повліять на его товарищей и даже на Пушкина. Они могли позаимствовать отъ него кое-что. Такъ, напримѣръ, въ стихотвореніи Пушкина «Казакъ» малороссійскій колоритъ и нѣкоторыя подробности южно-русскаго быта могли быть сообщены ему его товарищемъ Илличевскимъ, котораго отецъ былъ Полтавскимъ уроженцемъ, хотя, конечно, нѣтъ прямыхъ указаній, но нѣкоторые сходство съ народнымъ малороссійскимъ эпосомъ можетъ дать поводъ къ предположенію, что Пушкинъ ознакомился съ малороссійскимъ народнымъ творчествомъ не безъ содѣйствія Илличевского, какъ на это указываетъ Л. Н. Майковъ (Академическое изданіе Пушкина, т. I, изд. 2-ое, стр. 84—89).

Поэзія всегда была преобладающею страстью у Илличевского. О ней онъ часто упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ Фуссу. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ Фуссу 5 октября 1814 года: «Ежели уроки мѣшаютъ тебѣ свободно вести со

¹⁾ «Вѣстникъ Европы» 1814 г., № 18, стр. 119. См. также у В. Гаевского: Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія, «Современникъ», т. ХСѴІІ, Спб., 1863 г., стр. 165—167.

мною переписку, то и мнѣ не менѣе мѣшаетъ (только не уроки: il s'en faut de beaucoup!), а страсть къ стихамъ. Къ счастью, уроковъ у насъ немного, а времени довольно; и такъ я со все́мъ успѣваю раздѣливаться... >

Въ другомъ мѣстѣ (въ письмѣ отъ 2 ноября 1814 года) онъ замѣчаетъ: «У всякаго свое на умѣ: у тебя уроки, у Ольхина—шалости, у меня стихи; но они равно сильно дѣйствуютъ на наши души. Впрочемъ, какъ ни есть, повинуюсь тебѣ, гоню отъ себя докучливыхъ музъ, беру перо и пишу тебѣ цѣлые поллиста—беземыслицы...»

Въ письмѣ отъ 10 декабря 1814 года мы находимъ слѣдующее интересное мѣсто и вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь приведены два его стихотворенія: «Достигаютъ ли до нашего уединенія вновь выходящія книги? спрашиваешь ты меня; можешь ли въ этомъ сомнѣваться?...

И можетъ ли ручей серебристой.
По свѣтлому песку катя кристалъ свой чистот
И тихую волной ласкаясь къ берегамъ,
Течь безъ источника по рощамъ и лугамъ?...
И можетъ ли огонь пылать безъ вѣтра?...
И можетъ ли когда въ долинахъ зелень кедр,
А въ полѣ злакъ цвѣти безъ солнца и дождя?...
И можетъ ли поэтъ неопытной и юной.
Чуть-чуть бренча на лирѣ тихострунной.
Не подражать другимъ?—Ахъ! никогда.

«Никогда! Чтеніе питаетъ душу, образуетъ, развиваетъ способности; по сей причинѣ мы стараемся имѣть все журналы и впрямь получаемъ: *Пантеонъ*, *Вѣстникъ Европы*, *Русской Вѣстникъ* и пр. Такъ, мой другъ, и мы также хотимъ наслаждаться свѣтлымъ днемъ нашей литературы, удивляться цвѣтущимъ гениямъ Жуковского, Батюшкова, Крылова, Гнѣдича. Но не худо иногда подымать завѣсу протекшихъ временъ, заглядывать въ книги отцовъ отечественной поэзіи, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева: тамъ лежатъ сокровища, изъ коихъ каждому почерпать должно. Не худо иногда вопрошать пѣвцовъ иноземныхъ (у нихъ учились предки наши), бесѣдовать съ умами Расина, Вольтера, Деліля и, заимствуя отъ нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія.

Такъ пчелка молодая
Въ лугахъ, въ садахъ, весной,
Съ листа на листъ летая,
Сбираетъ медъ златой,
И въ улей отдаленный
Несетъ соты скопленны
Прилежностью своей.
Когда же лѣто знойно
Зажжется въ небесахъ,

Она сидитъ спокойно
На собранныхъ плодахъ:
Въ довольствѣ отдыхаетъ
И счастье вкушаетъ...
Тружусь подобно ей!»

Въ 1815 году въ Лицеѣ были переходные экзамены. Для насъ неинтересны эти экзамены; насъ интересуютъ свѣдѣнія Илличевского, сообщаемыя имъ въ письмѣ Фуссу отъ 25 февраля 1815 года, о томъ, что прочиталъ Илличевскій на этомъ экзаменѣ. Вотъ что пишетъ Илличевскій: «Были читаны у насъ и сочиненія. Хотѣлось мнѣ прочесть стихотвореніе: *Весенній вечеръ*, но приказано—прозаическое разсужденіе о *цѣли человѣческой жизни*, котораго теперь нѣтъ у меня...»

Илличевскій въ этомъ же письмѣ выговариваетъ Фуссу, что онъ не явился въ числѣ другихъ посѣтителей на этотъ экзаменъ, и приводитъ слѣдующее свое стихотвореніе, обращенное къ Фуссу по этому поводу. Онъ пишетъ: «Я льстился надеждою, что ты прійдешь на сей случай съ паленькою, но не тутъ-то было!

Жестокой опять надо мною
Хотѣлось судьбѣ подшутить;
Остался я съ горькой тоскою,
Гдѣ думалъ веселіе пить—
 Полною чашей.
Ахъ! если бъ безсмертныя дали
Намъ даръ напередъ узнавать
И радость и томны печали...
Счастливыѣ были бъ стократъ
Въ жизни мы нашей».

Илличевскій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Фуссу рассказываетъ, какъ они проводятъ время въ Царскомъ Селѣ. У нихъ бывають лѣтомъ вечернія гулянья, въ саду музыка, пѣсни и театры. Лицейсты часто посѣщаютъ графа Толстого, у котораго и существуетъ театральная труппа. Какъ извѣстно, въ этой труппѣ была крѣпостная актриса Наташа, въ честь которой были написаны стихи Пушкинымъ, Корсаковымъ и другими. Но осенью жизнь въ Царскомъ становится скучною, всѣ дачники разъѣзжаются. «Чѣмъ убить такое скучное время?»—спрашиваетъ Илличевскій и отвѣчаетъ: «Вотъ тутъ-то поневолѣ призовешь къ себѣ науки». Послѣдующія строки письма очень важны для біографіи Илличевского: онъ показываетъ намъ, чѣмъ въ то время занимался этотъ мальчикъ, какія были его стремленія, идеалы и потребности интеллектуальныя. Вотъ что онъ пишетъ въ этомъ письмѣ:
«Знаешь ли, что я затѣялъ? Есть книга: *Плутархъ для юношества*,

сочиненіе *Бланшарда* въ 4-хъ частяхъ ¹⁾). Она переведена на русскои и дополнена многими великими мужами Россіи. Но и сочинитель и переводчикъ много еще пропустили; мнѣ пришло на мысль издать (рано или поздно, разумеется) *новый Плутархъ для юношества*, служащій дополненіемъ *Плутаргу Бланшардову*. Безъ великаго труда набралъ я 60 великихъ мужей, ими пропущенныхъ. Покажѣтъ собираю о нихъ разныя извѣстія, а издамъ по выходѣ изъ лица. Можетъ быть, и не издамъ,—кто знаетъ, какія препятствія могутъ случиться, но и одна мечта забавляетъ меня. О *Леонардѣ Эйлерѣ* отношусь къ тебѣ, какъ къ ближайшему его родственнику; не можешь ли извѣстить меня, напечатана ли гдѣ нибудь жизнь его, или если ты знаешь ее, напиши мнѣ хоть краткое о неи понятіе. Впрочемъ не дѣлай это гласнымъ; ты видишь, что это ничто, какъ игрушка. Звонятъ въ классы, несутъ письма на почту, и я имѣю время только подписаться вѣрнымъ твоимъ другомъ» ²⁾).

Кромѣ этого рода литературныхъ произведеній, Илличевскіи перевелъ еще комическую оперу изъ сочиненія Сегюра, но въ Петербургѣ прошелъ слухъ, что онъ сочинилъ оперу, о чемъ и сообщалъ ему его другъ Фуссъ. Въ разъясненіе этого недоразумѣнія Илличевскіи отвѣтилъ Фуссу слѣдующимъ письмомъ отъ 11 октября 1815 г.:

«Сказать ли тебѣ, какъ ты узналъ, что я сочинилъ оперу, которую у васъ (въ) *Св. Питерѣ* играли? Не сочти меня колдуномъ, ибо я скажу тебѣ всю истину, хотя удаленъ отъ тебя на двадцать верстъ. Но, начиная мою повѣсть или диссертацію, ставлю эпиграфъ:

Что больше бродить,
То больше въ цѣну входитъ,
Снѣжной шарика будетъ шаръ,
А изо лжи, товаришка товаръ:
Ложь ходитъ всегда съ прибавкой въ міръ.

Сумароковъ.

«Такъ! Я перевелъ оперу (а не сочинилъ) *L'opéra comique* par Ségur, ор. сош. en un acte. Переведши старался, чтобъ ее разыграли на театрѣ, отъ чего надѣялся получить барышъ. Прости на этотъ случай моему сребролюбію. Для этого просилъ я г. *Петра Александровича Корсакова*, стихотворца и чиновника, служащаго при театрѣ ³⁾). Родственникъ его Рязановъ учится въ гимназій; ему

¹⁾ Не въ 4-хъ, а въ 10-ти частяхъ. См. Смирдинскую роспись № 3323. Эта книга въ русскомъ переводѣ имѣла три изданія: 1809, 1814 и 1823 гг.—Примѣчаніе Я. К. Грота.

²⁾ Письмо Илличевскаго къ Фуссу отъ 2 сентября 1815 г.—Гротъ: Пушкинъ.... стр. 63—64; а также «Русс. Арх.» 1864 г., стр. 957—959.

³⁾ Братъ его, Николай Александровичъ Корсаковъ, воспитывался въ Лицеѣ въ одно время съ Илличевскимъ. О Корсаковыхъ см. нану біографію Н. А. Корсакова.

не трудно было узнать все мое дѣло. Отъ него узнали это въ гимназіи; а ты узналъ о томъ отъ своего брата. Не правда ли?—Теперь мнѣ остается исправить, дополнить и окончить это извѣстіе: пьесы моей не *играли*, да и играть не стануть; причина тому та, что меня предупредили переводомъ, и хотя чужой переводъ и хуже, но уже онъ апробованъ и роли розданы. Таково мое несчастіе! Жалѣя о моей неудачѣ, дивись однакоже великому генію моему, который предугадалъ (я навѣрно полагаю то) всѣ дѣйствія молвы, и открылъ причины дошедшаго до тебя слуха.— Пьеса моя еще въ Петербургѣ, но коль скоро получу оную назадъ, то перешлю къ тебѣ охотно для прочтенія».

Илличевскій не только писалъ стихотворенія и переводилъ для театра пьесы, но и самъ выступалъ на театральныхъ подмосткахъ. Онъ участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ, какъ, напримѣръ, въ день годовщины Лицея, 19 октября 1815 г., гдѣ предполагался спектакль. Спектакль этотъ состоялся, однако, въ первое воскресенье послѣ 19 октября, и въ немъ, въ числѣ другихъ лицействовъ, принималъ участіе и Илличевскій. Вотъ что онъ пишетъ Фуссу 26 октября 1815 года:

«Мы играли *Стряпчачо Пателена* и *Ссору двухъ сосѣдовъ*. Обѣ пьесы комедіи; въ первой представлялъ я *Вильгельма*, купца, торгующаго сукнами, котораго плутъ стряпчій подрядился во всю пьесу обманывать; во второй *Вспышкина*, записанаго псаля, охотника и одного изъ ссорящихся сосѣдовъ. Не хочу хвастать передъ другомъ, но скажу, что мною зрители остались довольны». Можетъ быть это и была правда, но можетъ быть и хвастовство, чтобы порисоваться передъ своимъ товарищемъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ письмахъ Илличевского къ Фуссу встрѣчается много дѣтскаго хвастовства. Такъ, напримѣръ, отвѣчалъ на одно письмо Фусса, въ которомъ онъ сообщалъ, что писалъ это письмо четыре дня, Илличевскій, въ отместку Фуссу, заканчиваетъ свое письмо слѣдующею хвастливою выходкою: «Прости великой и большой безмыслицѣ моего письма: пишу его *трьзвясъ*, а не четыре дни. Но искренно люблю: доволенъ ли? прости» ¹⁾.

Въ другомъ письмѣ, оканчивая четвертую его страницу, Илличевскій хвастливо восклицаетъ: «Я не Геркулесъ—предѣлы письма меня останавливаютъ».

Въ другой разъ онъ такъ начинаетъ свое письмо: «Я получилъ письмо твое, пріятное какъ и всѣ твои письма—и въ такое время, когда я не имѣлъ ни на часъ свободнаго времени, ибо оно было посвящено цѣлому обществу, скажу яснѣе, въ такое время, когда мы приготовлялись праздновать день *открытія* лицея». И здѣсь онъ не утерпѣлъ съосритъ, онъ въ скобкахъ помѣщаетъ слѣдующую фразу: «правильнѣе бы было день *закрытія* насъ въ лицей», т. е. онъ намекаетъ на то обстоятельство, что имъ было запрещено уѣзжать изъ Лицея.

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ Илличевскому.

Интересно письмо отъ 28 ноября 1815 года, гдѣ указывается на произведенія его, появившіяся въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ. Вотъ это письмо:

«Позволь мнѣ, какъ другу, спросить у тебя: *читаешь ли ты нынѣ выходящіе журналы?*—спросить не изъ пустаго любопытства, но изъ желанія знать, читаешь ли ты піесы мои въ печати, а это для того, чтобы не подбивать тебя извѣстными тебѣ піесами, или, что французы называютъ: *la soupe réchauffée*. Въ *Вѣстникѣ Европы* 1814 г. и въ *Россійскій Музеумъ* отсылалъ я нѣсколько моихъ стихотвореній, напр. *Ирина, Цефиза*, нѣсколько *эпиграммъ* и пр. и получилъ отъ ихъ издателя *Влад. Измайлова* письмо, исполненное лестныхъ одобреній. Посылаю теперь тебѣ двѣ піесы, которыя ты ожидаешь, напечатанныя нынѣшняго года въ послѣднемъ журналѣ; желаю, чтобы они тебѣ понравились—я ихъ перевелъ съ французскаго изъ сочиненій Парни, у котораго они однакожъ написаны въ прозѣ: это слабое возмездіе за твои прекрасные переводы съ Крылова и Капниста, въ которыхъ духъ авторовъ удержанъ совершенно; хвала и слава переводчику!»

Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній и эпиграммъ.

Въ номерѣ 19-мъ «Вѣстника Европы», за октябрь 1814 г., стр. 176—179, мы находимъ стихотвореніе Илличевского «Цефизъ», которое онъ назвалъ «Идилліей, подражаніемъ Клейсту». Вотъ это стихотвореніе:

Филинтъ! драгой Филинтъ! тебя ли обрѣтаю?
«Тебя ли ко груди въ восторгѣ прижимаю?
«О радость! щастіе! пребудь благословенъ
«Тотъ часъ, тотъ день,
«Пребудь минута та на вѣкъ благословенной,
«Въ которой снова возвращень
«Ты дружбѣ и любви и родинѣ священной!
«Давно уже, давно отечески брега
«Оставилъ ты; давно ужъ мы тебя не зрѣли;
«И лѣта многія въ разлукѣ пролетѣли,
«И Крона быстро нещадная рука
«На голову твою насыпала снѣга,
«Морщины на челѣ твоемъ напечатлѣла!..
«Но вотъ повѣялъ вѣтръ! вотъ роща запумѣла!
«Она зоветъ тебя подъ тѣнь свою! Приди,
«Вкуси покоя сладость,
«И силы спѣлыми плодами подкрѣпи,
«И позабудь на часъ свою унылу старость,
«Всѣхъ смертныхъ горестный удѣлъ!»
Такъ говорилъ Цефизъ, когда увидѣлъ друга,
Съ которымъ дни младенчества провель.

Возседши посреди покрыта дерномъ луга
На мягкомъ берегу прозрачнаго ручья,
Подъ корнемъ дерева, которое, склоня
Широки вѣтви надъ водами,
Питало странника румяными плодами
И въ долъ бросало тѣнь кудрявой густотой,
Друзья весь вечеръ проводили
Въ бесѣдѣ, въ радости: они щастливы были
Воспоминаніемъ... мечтой...

О сладкая мечта! не ты ли улаждаешь
Всю горестъ нашихъ дней? не ты ли ихъ златишь?
Ты прошлое стократъ прелестнѣй представляешь
И настоящее тѣмъ сладостнѣй творишь!

Межъ тѣмъ на западѣ погасъ палящій день;
По легкимъ облакамъ лилась съ востока тѣнь,
И ночь влекла друзей къ покою.
Филянтъ съ дрожашкою въ очахъ слезою
То дерево благословиль,
Подъ коего гостепріимной тѣнью
Отраду щастія вкусилъ.

«Оно твое!» Цефизъ воскликнулъ въ умиленьи:

«Оно твое!» Прими подарокъ сей, прими!

«Доколѣ буду живъ, труды и попеченья

«Я приложу о немъ! Ни зноя, ни зимы

«Не допущу къ нему, отъ бурь его укрою:

«Пусть осенью оно златою

«Подастъ тебѣ румяный плодъ .

Они разстались. Круглый годъ,

Какъ быстрая рѣка промчался.

Филянтъ скончался.

И дерево уже не для него

Плоды румяны приносило,

Не для него уже и солнце восходило!

Подъ корнемъ дерева того,

Гдѣ сладкой часъ они свиданья проводили,

Цефизъ гирляндами усыпалъ гробъ его

И предалъ персть его могилѣ;

И сѣвши на могильной холмъ,

Оплакавъ смерть его, но не жалѣлъ о немъ;

Ахъ! онъ завидовалъ Филину (Sic),

Завидовалъ въ душѣ своей:

Онъ добродѣтельно провелъ теченье дней

И добродѣтельно наслѣдовалъ кончину!

Съ тѣхъ самыхъ поръ, едва луна

На небѣ голубомъ являлась,

Едва окрестная страна
 Въ одежду мрака облакалась,
 На гробъ Филланта поспѣшаль
 Цефизъ съ растроганной душою,
 О другѣ тамъ воспоминаль
 И камень омочаль слезою.
 Когдажъ не вѣяль тихій вѣтръ
 И листь въ лѣсу не колыхался,
 Нѣжнѣ лиръ изъ земныхъ нѣдръ
 Какою-то голось раздавался...
 Безвѣстныи гласъ, священныи стонъ
 Признательность, казалось, онъ
 Несъ дружбѣ плачущей, стенищей и унылой
 Во тѣмъ полунощи, надъ тихою могилой,
 И небеса на плодъ Цефизовыхъ садовъ
 Благословеніе сулилъ;
 И дружбы дерево отъ вѣтра и громовъ
 И зноя осѣнили.
 Творецъ, Которыи все хранить,
 Кто злыхъ и добрыхъ дѣль свидѣтель,
 Забудеть ли когда достойно наградить
 Признательность я добродѣтель.

—ишій.—

Въ томъ же «Вѣстникѣ Европы» за 1814 г., № 21, ноябрь, стр. 19—23, находится второе стихотвореніе Илличевскаго, подъ заглавіемъ «Ириня», названное имъ также Идиллією, подражаніемъ Клейсту»:

Въ прекрасныи лѣтній день, вечернею порою,
 Возевши въ легкій челнъ и сына взявъ съ собою,
 По свѣтлу озеру, по водѣ равнинѣ скляной
 Поплылъ съдон Ириня ко ближнимъ островамъ,
 Дабы въ густой тростникъ, шумящій по брегамъ,
 Рыбачью кинуть сѣть. Межъ тѣмъ въ дали туманно
 На самомъ западѣ румяная заря
 Свѣтило дневное спѣшила скрыть въ моря.
 Отъ зарева ее кругомъ пылала бездна,
 И яркой полюсой покрышъ небеса.

О! какъ страна сія волшебна и прелестна!
 «О! какъ божественна Природы красота!»
 (Воскликнулъ юноша, душою восхищенный.
 Родителемъ своимъ изъ дѣтства наученныи
 Дивиться чудесамъ прелестнымъ естества,
 Дивиться мудрости и славѣ Божества).
 Взгляни на лебедя: надмень красой своею,

«Красивою бѣлизной, отваги гордой полнѣ,
«Въ сіяньи златояркихъ волнѣ
«Онѣ, крылья распустя, согнувъ дугою шею,
«Плыветъ;
«Багряная струя за нимъ ложится въ слѣдѣ.
«Но обрати глаза на вкругъ лежащи виды.
«Какое зрѣлище открылось предъ тобой!
«Тутъ холмы значныя, тамъ дикія стремнины,
«Здѣсь мягкой муравой одѣтыя долины,
«Тамъ роща темная, шумяща надъ рѣкой,
«Обворожаютъ взоръ и духъ плѣняютъ твои!
«А тамо вѣтерокъ прохладный и игривый
«Колелетъ и гнететъ колосья тучной нивы,
«И жатва золотомъ струится какъ волной;
«А тутъ высокіе утесы, возносящи
«Надменные хребты свои до снѣжныхъ тучъ,
«Заря блѣднѣющей и въ море заходящей
«Послѣдній отражаютъ лучъ.
«О несравненная и дивная картина!
«Природа щедрая! прекрасная богиня!
«Не тыль, не тыль даришь намъ прелестью своей
«Златое щастіе и радость ясныхъ дней?»
— Ты правъ! ты правъ,—вѣщаль Иринеъ, прервавши сына:
Одна Природа насъ щастливыми творить,
Коль свято честности уставы наблюдаемъ,
Страстямъ противимся, пороки побѣждаемъ,
Коль правда нашими устами говорить.
О сынъ! любезный сынъ! ўвы! быть можетъ, скоро
Оставлю я сей свѣтъ ... и болѣ не узрю;
Оставлю и тебя, и во страну, въ которой
Награда ждетъ меня, душою воспарю:
Люби, мой другъ, люби святую добродѣтель,
Люби ее отца и матери нѣжнѣй!
Будь только добрыхъ дѣлъ содѣтель:
Съ веселымъ радуйся, съ печальнымъ слезы лей;
Для бѣдныхъ не жалѣй ни злата, ни совѣта;
Имѣешь малое и малое отдай;
Трудомъ и ревностью содѣйствуй благу свѣта;
Но никогда себѣ награды не желай.
Сноси ты клеветы, обиды равнодушно,
Прощай врагамъ своимъ, и помышляй о Томъ,
Кому на небесахъ и въ мірѣ все послушно,
Кто править всемъ и Кто премудръ и благъ во всемъ.
За правду, за Него ты не страшись гоненья;
Страшись однихъ позорныхъ дѣлъ.

Богатство, слава, честь не стоятъ пощеченья:

Спокойство нашъ удѣлъ!

Спокойство лишь одно пріятно, вожделѣнно!

Такъ мыслить я всегда; такъ мысля, посѣдѣлъ;

Такъ мысля, цѣлый вѣкъ я свой провелъ блаженно!

Ужъ близокъ мой конецъ, ужъ восемьдесятъ кратъ

Природы видѣлъ я блистательный нарядъ.

И снова зрѣлъ дуга, красы своей лишены.

Увядшія поля и рощи обнажены

Вкругъ хижины моей; но дни мои, веснѣ

Подобно золотой, промчались въ тишинѣ,

На лонѣ радости, спокойствія и щастья...

Но, ахъ!.. и юная весна не безъ ненастья!

Кто въ мѣрѣ роковыхъ ударовъ избѣжалъ?

Увы! давольно, давольно похитила судьбина

Другаго у меня любезнѣйшаго сына!

Давно ли въ горести я слезы проливалъ?

Ахъ! для меня тогда и ясное свѣтло

Во тьмѣ являлося, во тьмѣ и заходило!

Давноль, вспомню я, среди спокойныхъ волнъ

Меня внезапно вѣтръ и буря заставали

И въ гнѣвѣ ярыхъ силъ мой легкій, утлый чолнъ

То вдругъ въ бездонну хлябь, то вдругъ до тучъ кидали!

Во мракѣ запада сверкалъ багровый лучъ,

И страшный громъ, гремя по ребрамъ черныхъ тучъ.

Изъ края въ край небесъ плавающихъ катился;

Сокрылись рыбъ стада морей во глубину;

Одинъ лишь я во мглѣ ревущихъ волнъ носился,

И каждую считалъ чудовищемъ волну,

И въ ужасѣ вездѣ лишь видѣлъ смерть одну!

Но Богъ въ знакъ тишины простеръ Свою десницу:

Исчезли облака и яркую денницу

Явили въ небесахъ, и въ разъяренный валъ.

Ударясь о берега, въ послѣдній возстеналъ;

И воды отразись, блеснули жидкимъ златомъ.

Повѣялъ по волнамъ усталымъ тихій вѣтръ;

И рыбы, появсь игривымъ, шумнымъ стадомъ

Изъ глубины морей, изъ тихихъ водныхъ нѣдръ.

Сребристой чешуей лоснясь, блестя, свергая.

Взыграли въ радости по влагѣ голубой...

Все возвѣстило миръ, отраду и покой!

Прошедши ужасы и бѣдства забывая,

На солнце красное съ восторгомъ я взиралъ

И къ Богу, моему Спасителю, зывая,

Восхитился душой и слезы проливалъ...

Но вотъ уже меня могила ожидаетъ,
Могила, тихое пристанище пловцовъ!
Отрадно къ ней мудрецъ желанье простираетъ;
Онъ видитъ въ ней отъ бурь житейскихъ вѣрный кровъ.
Спокоенъ, радостенъ, безоблаченъ и лсенъ
Послѣдній будетъ часъ щастливыхъ дней моихъ:
Какъ утро вешнее величественъ, прекрасенъ;
Какъ полдень лѣтнія погоды свѣтъ и тихъ,
О старости моей отрада! сынъ безцѣнный!
Будь добродѣтели любитель неизмѣнный!
Да видя красоту души твоей благой,
Сойду въ безмолвный гробъ нетрепетной ногой!—

При семъ на грудь отца склоняся въ умиленъѣ.
Воскликнулъ юноша: «Нѣтъ! нѣтъ! родитель мой!
«Ты не умрешь еще: святое Провидѣнье
«Тебя мнѣ сохранить въ отраду, въ утѣшенъѣ».
И слезы полились изъ глазъ его рѣкой.
Межъ тѣмъ на озеро спустилась ночь со мглой,
И свѣтлая луна въ сіяніи багриномъ
Изъ моря выплыла, одѣтая туманомъ;
И старецъ, кинувъ сѣть по шумнымъ тростникамъ,
Спокойно полетѣлъ къ домашнимъ берегамъ.

Прошла весна, и вновь она явилась въ полѣ;
Но старца мудраго ужъ не застала болѣ.
Давно ужъ нѣжный сынъ оплакалъ смерть его.
Какой-то дивный страхъ, какой-то хладъ священныи
Онъ въ сердцѣ чувствовалъ, какъ скоро видъ безцѣнный
Ирина мудраго явился предъ него.
Какъ заповѣди, чтилъ отцовски наставленья,
Какъ полевой цвѣтокъ, вдали отъ свѣта цвѣлъ,
И щастіе въ простой природѣ онъ обрѣлъ.
И неба на него сошло благословенъѣ,
И цѣлый вѣкъ его подобился веснѣ,
Цвѣтущей въ радости и въ мирной тишинѣ.

— іѣ ии іѣ. —

Оба эти стихотворенія, какъ мы выше сказали, названы Иллчевскимъ «Подражаніемъ Клейсту» и переданы довольно дубоватыми стихами. Клейстъ, какъ извѣстно, родился 18 октября 1777 года во Франкфуртѣ-на-Одерѣ и лишилъ себя жизни 21 ноября 1811 года въ Ванзе, около Потсдама. Среди романтиковъ его времени онъ отличался свѣжестью и пластичностью своихъ произведеній. Онъ первенствуетъ между современниками своею любовью къ отечеству; въ особенности онъ занимаетъ, между всѣми писателями XIX вѣка, первенствующее мѣсто въ развитіи нѣмецкой драмы и уступаетъ только Шиллеру, а въ нѣмецкой повѣсти онъ стоитъ рядомъ съ Гете.

Эти переводы изъ Клейста или, какъ называетъ ихъ Илличевскій, подражанія показываютъ намъ, что Илличевскій не довольствовался французскими авторами, какъ Пушкинъ, но его влекло и къ нѣмецкимъ романтикамъ, съ которыми онъ могъ познакомиться чрезъ своего лицейскаго товарища Вильгельма Карловича Бюхельбекера, страстнаго поклонника нѣмецкой литературы и въ особенности Клопштока.

Наконецъ, въ «Вѣстникѣ Европы» за 1814 г. (№ 22, ноябрь, стр. 102—103) мы находимъ цѣлое собраніе его эпиграммъ, которыя потомъ, частью въ переработанномъ видѣ, вошли въ его «Опыты въ антологическомъ родѣ». Приводимъ здѣсь эти шесть эпиграммъ.

1.

Титиръ, убогіи нашъ поэтъ,
Любовны пѣсенки сплетаетъ;
А самъ-то въ погребу живетъ,
То въ мракѣ чердаковъ высокихъ обитаетъ;
Отъ этого-то, знать, и въ пѣсенкахъ бѣднякъ
Какъ погребъ—холодень, и темень—какъ чердакъ.

2.

Что тѣлу безъ души существовать нельзя.
Согласны вы, друзья!
Желаете ли быть противной вѣры въ этомъ?
Такъ познакомьтесь съ Даметомъ.

3.

Чему дивиться тутъ, что лѣтомъ и зимою
Румяна и бѣла Аспазія лицомъ?
У прочихъ цвѣтъ лица подверженъ хладу, зною;
У ней же онъ сокрытъ въ шкатулкѣ за ключемъ.

4.

Систему новую Никандръ изобрѣтаетъ:
Въ природѣ пустоту онъ доказать желаетъ;
И всякъ согласенъ будетъ въ томъ,
Кто съ головой его знакомъ.

5.

Клиторъ смѣетъ утверждать въ народѣ,
Что совершенства нѣтъ въ природѣ.
Вступись за честь свою, Геродъ!
Явись и докажи собою,
Что ты и тѣломъ и душою
Пресовершеннѣйшій ... уродъ!

6.

Скажите, отъ чего такъ Клавъ перемѣнился,
Быль прежде весельчакъ—теперь задумчивъ сталъ;
Румянецъ, искренность, любезность потерялъ;
Ну, словомъ, какъ цвѣтокъ подкошенный, увялъ?—
Быть можетъ, онъ отца, или матери лишился?»
— Ни мало!— Такъ подь судъ конечно онъ попалъ!»
— О, нѣтъ!—«Такъ можетъ быть съ друзьями разбранился?»
— Не то!— Такъ все свое имѣнье проигралъ...
Ужъ ли и тутъ не отгадалъ?»
— Нѣтъ!—«Что же сдѣлалъ онъ?»—Женился.

— ишіи. —

Другой журналъ, въ которомъ Плищевскіи принималъ участіе, былъ «Россійскіи Музеумъ или Журналъ Европейскіихъ новостей, издаваемый Владиміромъ Измаиловымъ», за 1815 годъ.

Въ номерѣ 2-мъ, за февраль, страница 146, Плищевскіи деботировалъ нѣсколькими эпиграммами, а именно слѣдующими:

1.

«У васъ, мнѣ кажется, я видѣлъ обезьяну».
— Помилуйте, когда?—«Припоминать не стану!
Довольно вамъ: она
Съ сѣдой москвою сидѣла у окна».
— Не москка, у окна жена моя сидѣла.—
«Простите! можетъ быть; но ахъ! не въ этомъ дѣло:
Мартышка скверная сія,
Вы сами видѣли, цѣплялась на меня».
— И, батюшка, что вы? вѣдь это дочь моя!

2.

Нашъ древній Антикваріи Титъ
Между антиками полвѣка провоздаеть:
И ежели близъ нихъ сидитъ,
Брасой своею всѣ антики помрачаетъ.

3.

«Ты знаешь, Фирсъ было отправился въ дорогу,
«Но заболѣлъ ...»—И чтожь?—«И душу отдалъ Богу».
— Возможно ли? А я такъ вѣрить не хотѣлъ,
Чтобъ душу онъ имѣлъ.
— Глупій.—

Въ номерѣ 3-мъ, за мартъ того же года (стр. 269), мы находимъ только одну эпиграмму Илличевского:

Здѣсь милую жену супругу похоронилъ,
Съ которою всего полтрети года жилъ.
Какъ долго время длилось!
Но вотъ уже прошло пять лѣтъ,
Что млыня на свѣтъ нѣтъ:
Какъ быстро время укатилось ¹⁾!

—ишій.—

Въ номерѣ 4-мъ, за апрѣль того же года (стр. 13), послѣ трехъ эпиграммъ Жуковскаго мы встрѣчаемъ эпиграмму Илличевского:

На дняхъ Фирсъ умеръ; вы велите
Мнѣ участь жалкую покойника воспѣть;
Извольте! я готовъ; но что мнѣ пѣть, скажите?
Ну! жилъ на свѣтъ Фирсъ и Фирса болѣ нѣтъ ²⁾!

-- ишій.—

Въ номерѣ 5-мъ, за май того же года (стр. 143), мы находимъ слѣдующую эпиграмму Илличевского, подъ заглавіемъ «Философія пьянаго Астронома»:

Коперникъ справедливъ — тутъ не чему дивиться:
И вижу самъ, земля вертится.
Но это что за чудеса?
Два солнца свѣтятъ мнѣ въ глаза.

—ишій.—

Въ этомъ же номерѣ, кромѣ вышеприведенной эпиграммы, находятся два большихъ стихотворенія Илличевского: Первое изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Побѣдитель (Мадагаскарская пѣснь)», безъ подписи и второе, подъ заглавіемъ «Гостепріимство (Мадагаскарская пѣснь)», съ подписью — ишій. — Оба стихотворенія заимствованы изъ поэзіи Парни.

Что первое стихотвореніе безспорно принадлежитъ Илличевскому, хотя и не подписано имъ, можно заключить изъ того, что оба они имѣютъ одинаковое подзаглавіе и въ журналѣ обозначены цифрами 1 и 2.

Кромѣ эпиграммъ, какъ мы видѣли, Илличевскій помѣстилъ въ журналахъ два стихотворенія нѣмецкаго автора Клейста. Теперь же мы встрѣчаемся съ опытомъ перевода двухъ стихотвореній французскаго автора Парни, у котораго Илличевскій заимствовалъ двѣ мадагаскарскія пѣсни. Вотъ они:

¹⁾ Эта эпиграмма находится, въ исправленномъ видѣ, подъ заглавіемъ «Эпитафія женѣ», въ Опытахъ въ антологическомъ родѣ Илличевского, стр. 22.

²⁾ Эта эпиграмма, подъ заглавіемъ «Затрудненіе», находится также въ Опытахъ антологіи, стр. 73.

I.

П о б ѣ д и т е л ь.

(Мадагаскарская пѣснь).

Кто дерзкій вызвать смѣлъ на битву Ампанани?
Уже копье блеститъ въ его могучей длани—
Ужасенъ быстрый ходъ, ужасенъ грозный взоръ.
Прелестный сынъ его, какъ кедръ зеленыхъ горъ,
Стремится вмѣстѣ съ нимъ, закону битвъ покорный.
О, вѣтры бурные! щадите кедръ нагорный!

Безчисленъ сонмъ враговъ, несмѣтна мочь его;
Но сильный вождь въ толпѣ лишь щетъ одного;
Обрѣлъ—уже въ поляхъ крутится подвигъ брани.
Врагъ первый поразилъ ударомъ Ампанани;
Но Ампанани кровь безъ мщенья не течеть:
Погибни, юноша, во цвѣтѣхъ славныхъ лѣтъ!

Погибъ—и въ строй враговъ помчалося смятенье,
Страхъ объялъ души всѣхъ и трепеть всѣ сердца:
Такъ въ бурный часъ грозы колеблются лѣса.
Имъ бремя мечъ и щитъ—имъ бѣгство все спасенье,
Но смерть находятъ ихъ и средь родимыхъ стѣнъ—
И дома ихъ во прахъ и чада ихъ во плѣнъ!

И побѣдители съ полей войны кровавой
Текутъ въ дома свои съ веселіемъ и славой;
Добыча ихъ стада отличныя волной,
Отвагой плѣнники и дѣвы красотой.
Повсюду слышенъ стонъ, невинность, ты едина
Смѣешься всякой часъ —и въ узахъ властелина ¹⁾!

2.

Г о с т е п р и м е т в о.

(Мадагаскарская пѣснь).

Цвѣтъ любви—Нагандова,
Прелесть сердца и очей!
Отведи сего младова
Гости къ хижинѣ своей.

Не богатыми коврами
Ложе радости покрой,
Но весенними цвѣтами
Равными тебѣ красой.

¹⁾ «Россійскій Музеумъ» за 1815 г., № 5, стр. 137 и 138.

И со груди бѣлоснѣжной
Скинь стыдливости покровъ;
Пусть узреть съ улыбкой нѣжной
Онъ въ глазахъ твоихъ любовь.

Естьлижъ пламенно желанье
Огнь зажечь въ его крови,
Сладко дай ему лобзанье
Съ тихимъ трепетомъ любви.

Естьлижъ онъ въ часъ томной лѣни
Скажетъ: время намъ заснуть!
Сядь къ нему ты на колѣни
И склонись лицомъ на грудь.

И пусть будетъ онъ счастливымъ,
Пусть твой будетъ сладокъ сонъ...
Но уже лучемъ стыдливимъ
Свѣтитъ утра небосклонъ.—

Встань, проснись, безпечна младость!
Долго ль счастьемъ ждать конца?
Въ юношѣ блистаетъ радость,
Въ дѣвѣ томность и краса ¹⁾.

—ійшій.—

Кромѣ стихотвореній и эпиграммъ, въ этомъ журналѣ есть переводная статья Илличевскаго, подъ заглавiемъ «Общество XVIII вѣка (Отрывокъ изъ рукописнаго сочиненiя)». Она была напечатана въ «Mercure de France», по словамъ переводчика, передъ самымъ выѣздомъ Бурбоновъ. Политическiя обстоятельства помѣшали окончить этотъ очеркъ. Переводчикъ этой статьи подписался буквою «И», т. е., по всѣмъ вѣроятiямъ, это—Илличевскiй. (См. № 6 «Россiйскаго Музеума», стр. 325—331).

Наконецъ, въ номерѣ 7-мъ мы находимъ, за подписью «И», слѣдующее произведенiе: «Невидимка или Таинственная женщина. Повѣсть» (стр. 72—115).

Такъ какъ Илличевскiй часто подписывалъ свои произведенiя и буквою «И», то можно предположить, что эту повѣсть написалъ онъ. Въ такомъ случаѣ повѣсть эта является самымъ раннимъ прозаическимъ произведенiемъ Илличевскаго. Убѣждаетъ насъ, что повѣсть писалъ Илличевскiй, какъ сама фабула этой повѣсти, такъ и наивность нѣкоторыхъ мѣстъ ея. Мы передадимъ вкратцѣ содержанiе этой повѣсти:

Раненый русскiй офицеръ, именемъ Рославъ, лечится на берегу Женевскаго озера. Восхищаясь тамошнею природою, онъ услышалъ женскiй голосъ, который пѣлъ подъ звуки арфы русскую пѣсню:

¹⁾ «Россiйскiй Музеумъ» за 1815 г., № 5, стр. 139.

Красны дѣвицы, любите!
Для любви есть только часъ.
Скажетъ молодость: простите!
И любовь оставитъ васъ.

За ея звѣздой вѣрнѣе
Ждите гости въ тихой часъ,
И подь утро веселѣе
Солнце выглянетъ на васъ.
(Повторяется первый куплетъ).

Но любовь и съ нею забаву,
Схоронивъ въ тѣни подь часъ,
Берегите честь и славу;
Цми жизнь красна для насъ.
(Повторяется тоже перв. куплетъ).

Эта пѣснь заинтриговала Рослава, и онъ захотѣлъ узнать, кто это поетъ. Рославъ узналъ, что эта дѣвица его соотечественница, живеть уединенно съ русскою служанкою на берегу Женевского озера подь именемъ Элеоноры Фонмилденъ, носитъ постоянно покрывало на лицѣ. Она была страстная любительница цвѣтовъ, которыми украсила весь садъ своей виллы. Кромѣ того, ему стало извѣстно, что она очень образована, умна, начитана, добродѣтельна и никого не принимаетъ у себя. Всѣ эти свѣдѣнiя сильно заинтриговали Рослава, и онъ захотѣлъ во что бы то ни стало ближе познакомиться съ этимъ таинственнымъ существомъ. Ему удалось посѣтить ея чудный садъ съ дивными цвѣтами и украшениями, устроенными по ея вкусу; онъ добился возможности осмотрѣть нѣкоторыя комнаты ея помѣщенiя. Все это восхищало его и привело къ желанiю познакомиться съ самою таинственною хозяйкою этого жилища.

Онъ послалъ ей письмо, «въ которомъ говорилъ языкомъ сердечной чувствительности и непритворной добродѣтели, открывалъ ей тайну своего чувства, чистоту своихъ намѣренiй и заключалъ письмо симп строками: добродѣтельная Элеонора! требую только минутнаго свиданья, и послѣ того, есть ли угодно, осуди меня на вѣчное молчанiе; снесу жребiи мой безъ ропота». Хотя это письмо и было прочтено Элеонорою, какъ ему сказала служанка, но отвѣта не послѣдовало. Послѣ этого онъ имѣлъ возможность подслушать разговоръ Элеоноры съ своей служанкою, въ которомъ она высказывала мечты про человека, котораго она полюбила бы. «Тайный разговоръ довершилъ воспаленiе ума и сердца въ молодомъ Рославѣ.

Вскорѣ ему случилось узнать, что Элеонора «желаетъ имѣть одинъ прекрасный родъ африканскаго геранiума съ желтыми цвѣтами, душистыми во время ночи». Путемъ значительныхъ старанiй онъ приобрѣлъ нѣсколько кустовъ этого растенiя и тайно разставилъ ихъ на окнахъ въ переднихъ комнатахъ милой хо-

заяйки, движимыи сердечнымъ чувствомъ — удивить нечаяннымъ удовольствіемъ. угодить тайному желанію, можетъ быть заслужить благодарность, похожую на любовь». И, дѣйствительно, такая предупредительность тронула Элеонору, и она съ нѣжною заботливостію стала сама поливать цвѣты, а затѣмъ, срубавъ нѣсколько цвѣтговъ, приколола ихъ у своего сердца. «Это взъявленіе сердечнаго участія приводитъ Рослава въ безпамятство», и онъ, забывъ все, бросается въ комнату и падаетъ передъ любимую женщину на колѣни. Элеонора благосклонно бесѣдуетъ съ нимъ о разныхъ предметахъ, но не открываетъ покрывала и приглашаетъ его навѣстить ее на слѣдующій день. Въ этотъ разъ онъ, увлеченный тайнымъ удовольствіемъ, предался свободѣ разговора. Элеонора пригласила его прогуляться въ поле, и здѣсь онъ тайно умолялъ судьбу, чтобы вѣтеръ сорвалъ покрывало съ ея лица. Между ними происходитъ объясненіе, и на пылкіи признанія Рослава въ любви она назначаетъ ему три дня, чтобы онъ обдумалъ свой шагъ, такъ какъ она можетъ быть не только не красива, но даже и не молода. Поэтому она желала бы знать: не увлекается ли онъ ею только потому, что предполагаетъ найти въ ней красавицу и любить ее не такою, какава она есть въ дѣйствительности, а какою онъ собою ее воображаетъ. Не желая допустить такой опрометчивый шагъ съ его стороны, она и предлагаетъ ему три дня для размышленія. Тысяча мыслей и сомнѣній попеременно приливали и отливали въ душѣ мятущагося Рослава въ это время. Въ продолженіе этихъ дней онъ переживалъ бездну сомнѣній и терзался надъ мыслью, какъ она выгидитъ. Съ одной стороны ему представлялось, что она, будучи красавицей, только испытываетъ его; съ другой стороны у него являлась мысль, что она безобразна, и онъ не будетъ въ состояніи ее любить, такъ какъ, по словамъ автора, «никогда мужчина не можетъ отдѣлять красоты отъ женскаго портрета... Красота восплаляетъ любовь; ласкаетъ чувствамъ и штаетъ страсть до щастливаго приобрѣтенія предмета; но зато любовь, возрожденная въ душѣ силою душевныхъ прелестей, а не искрою въ нее зароненная, переживаетъ страсть, наслажденіе и время; и сердечная склонность къ дурной лицомъ женщины можетъ быть горячѣе, сильнѣе и надежнѣе всякой другой страсти». Авторъ объясняетъ намъ, что все эти сомнѣнія въ Рославѣ показывали только то, что любовь его не была сильна, и ему Элеонора представлялась то божествомъ прелестей, то чудовищемъ безобразія. Онъ не могъ выдержать этого искуса и на другой же день явился къ своей таинственной незнакомкѣ, но не былъ ею принятъ. На слѣдующій день онъ также явился къ ней и тоже былъ отосланъ назадъ. Наконецъ, въ третій, роковой, день онъ былъ принятъ. Элеонора встрѣчаетъ его съ нѣжностью и спрашиваетъ, можетъ ли онъ полюбить женщину безпорочную и добродѣтельную, но не въ молодыхъ лѣтахъ и... съ безобразнымъ лицомъ. Она проявила его подумавъ, чтобы потомъ, когда она откроетъ лицо свое, ей не пришлось слышать его отказъ и видѣть оскорбительное дѣйствіе ея лица на пережвну его чувства. Рославъ

задумался. Эти сомнѣнія Рослава заставляютъ ее скинуть предъ нимъ покрывало, и «предъ нимъ оказывается двадцатилѣтняя красавица въ бѣломъ платьѣ съ лицомъ свѣжимъ, здоровымъ, полнымъ бѣлизны и румянца, съ блестящимъ взоромъ прекрасныхъ глазъ въ свѣтѣ, съ кудрями черныхъ атласныхъ волосъ, вьющихся по лилеямъ полуоткрытой груди, съ легкимъ стройнымъ велпчавымъ станомъ». Увиди предъ собою такую красавицу, Рославъ падаетъ предъ ней на колѣни. Она подымаетъ его и требуетъ, чтобы онъ оставилъ ее до завтрашняго дня. Напрасно умоляетъ ее Рославъ не откладывать до завтрашняго дня ея рѣшенія, но она неумолимо потребовала, чтобы онъ немедленно переѣхалъ на другую сторону озера и тамъ ждалъ бы ея отвѣта. Онъ цѣлую ночь провелъ на берегу и, едва взошло солнце, какъ онъ стремится къ предмету своей страсти. На берегу его встрѣчаетъ служанка и передаетъ ему письмо Элеоноры. Въ письмѣ Элеонора пишетъ, что изъ всѣхъ окружавшихъ ее поклонниковъ онъ нравится ей болѣе другихъ, но колебанія его и нерѣшительность сдѣлать ей признаніе въ любви до открытія покрывала заставляютъ ее покинуть эту страну и «отказаться отъ минутнаго счастья, за которымъ надлежало слѣдовать вѣчнымъ прискорбїямъ». Рославъ «не могъ слѣдовать за нею; ибо ему надлежало къ сроку возвратиться въ полкъ, увѣдомленный о его выздоровленіи. Русскіе воины не оставляютъ брани чести для побѣды любви. Герой романа явился другимъ героемъ на полѣ славы; мало по малу военныя бури потушили любовное пламя; и сей случай научилъ его не довѣрять романической мечтательности».

Таково содержаніе повѣсти, которую мы приписываемъ Илличевскому.

Мы не приводимъ здѣсь разсказа Илличевского о юношеской комедіи Пушкина, такъ какъ эти свѣдѣнія цитируются въ каждой біографіи Пушкина, хотя самая комедія и не дошла до насъ. Илличевскій, какъ видно изъ письма отъ 16 января 1816 г., высоко цѣнилъ талантъ Пушкина. Поэтому мы полагаемъ, что будетъ вполне умѣстнымъ привести здѣсь отзывъ Илличевского о Пушкинѣ, высказанный имъ, когда онъ былъ еще мальчикомъ, но оказавшійся пророческимъ:

«...Дай только Богъ ему терпѣнія и постоянства, что рѣдко бываетъ въ молодыхъ писателяхъ: они то же, что мотыльки, которые не долго на одномъ цвѣткѣ покоятся, которые также прекрасны и также къ несчастію непостоянны; дай Богъ ему кончить—это первой большой оувтаге, начатый имъ, оувтаге, которымъ онъ хочетъ открыть свое поприще по выходѣ изъ лица. Дай Богъ ему успѣха—лучи славы его будутъ отсвѣчиваться и въ его товарищахъ».

Въ 1816 году Илличевскій продолжаетъ интересоваться литературными предметами и обращается къ Фуссу съ просьбою прислать ему Дмитрія Донского, «не русскаго разумѣется, а нѣмецкаго» (письмо отъ 17 февраля 1816 года).

Въ свою очередь Илличевскій посылаетъ Фуссу (28 февраля 1816 г.) балладу, о которой тотъ писалъ ему, а также балладу «Полякъ», написанную барономъ

Дельвигомъ. Ихъ общій пріятель, Андрей Логиновичъ Гофманъ, посылаетъ Илличевскому книгу *Le printemps d'un proscrit*, но не удовлетворяетъ Илличевскаго, такъ какъ Гофманъ послалъ ему первое изданіе, у Илличевскаго же было третье изданіе, а хотѣлось ему получить четвертое изданіе. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, къ чему Илличевскій захотѣлъ имѣть эту книгу. Илличевскій и тутъ не удержался отъ остроты, онъ пишетъ: «Есаковъ перешлетъ къ нему ее обратно— это его дѣло; мой долгъ былъ пріятнѣе—мнѣ надлежало *благодарить*». Изъ этого же письма мы узнаемъ, что Илличевскій задаясь мыслью написать біографію своего товарища барона Дельвига и начало этой біографіи онъ приводитъ въ этомъ письмѣ (отъ 28 февраля 1816 года). Мы не станемъ приводить здѣсь тѣхъ анекдотовъ (между прочимъ о генералѣ Уваровѣ и другихъ) съ разными каламбурами, которыми Фуссъ и Илличевскій обмѣнивались между собою. Мы остановимся только на каламбурѣ и остротѣ Илличевскаго по поводу назначенія въ Лицей новаго Директора Егора Антоновича Энгельгардта. Здѣсь онъ остеритъ по поводу полноты Энгельгардта и самой его фамиліи.

«Благодарю тебя,—пишетъ Илличевскій Фуссу,—что ты насъ поздравляешь съ новымъ директоромъ: онъ уже былъ у насъ: если можно судить по наружности, то Энгельгардтъ человекъ *ne худой*. Vous sentez la pointe. Не полѣннись написать мнѣ о немъ подробнѣе: это для насъ не будетъ лишнимъ. Мы все желаемъ, чтобы онъ былъ человекъ прямой, чтобы не былъ къ однимъ Engel, а къ другимъ hart» (письмо отъ 17 февраля 1816 г.).

Наконецъ, чтобы покончить съ письмами Илличевскаго къ Фуссу, слѣдуетъ упомянуть, что Илличевскій, какъ равно и другіе лицеисты, имѣлъ случаи видѣть и быть въ обществѣ корпеевъ тогдашней русской литературы и учености.

Илличевскій въ письмѣ къ Фуссу отъ 20 марта 1816 года пишетъ:

«Какъ же это ты пропустилъ случай видѣть нашего Царамзина, безсмертнаго историографа отечества? Стыдно братецъ,—ты бы могъ по крайней мѣрѣ увидѣть его хоть на улицѣ; но прошедшаго не воротншь, а чему быть, тому не миновать,—такъ нечего пустого толковать! Ты хочешь знать, видѣлъ ли я его когда-нибудь? какъ будто желаешь найти утѣшеніе, если это подлинно случилось. Нѣтъ, любезный другъ, и я не имѣлъ счастья видѣть его: и не находилъ къ тому ни разу случая. Мы надѣемся, однакожъ, что онъ посѣтитъ нашъ лицей; и надежда наша основана не на пустомъ: онъ знаетъ Пушкина и имъ весьма много интересуется; онъ знаетъ также и Малиновскаго... Признаться тебѣ, до самаго вступленія въ лицей, я не видѣлъ ни одного писателя—но въ лицей видѣлъ и Дмитріева, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, Василія Пушкина—и Хвостова; еще забылъ: Нелединскаго, Кутузова, Дашкова. Въ публичномъ мѣстѣ быть съ ними гораздо легче, нежели въ частныхъ домахъ: вотъ почему это и со мною случилось. Прощай! не могу писать болѣе; скажу откровенно — я боленъ нѣсколько головою.

Отвѣтъ твой возвратитъ мнѣ здравье и силы и оживитъ мысли мои! Прощай еще разъ!»

Въ бытность свою въ Лицеѣ, кромѣ мелкихъ эпиграммъ, Илличевскій написалъ нѣсколько стихотвореній, вошедшихъ потомъ въ сборникъ школьныхъ стихотвореній лицейстовъ подъ заглавiемъ: «Духъ лицейскихъ трубадуровъ», съ помѣтою: «20 сентября 1833 г.» (это дата того числа, когда сборникъ былъ переписанъ). Сборникъ этотъ принадлежалъ первоначально М. Л. Яковлеву, а потомъ перешелъ къ лицеисту второго курса Борису Карловичу Данзасу, а нынѣ принадлежитъ его дочери Татьянѣ Борисовнѣ Умечкиной. Какъ принадлежащая къ лицейской семьѣ, Татьяна Борисовна любезно дозволила намъ воспользоваться матеріалами этого сборника, а также прислала намъ снимки нѣкоторыхъ первокурсниковъ, за что мы приносимъ ей глубочайшую благодарность. Первое стихотвореніе Илличевского въ этомъ сборникѣ называется «Надежда» (стр. 31).

Надежда.

Амуръ, амуръ лукавой
Опаснѣй всѣхъ боговъ:
Онъ вѣчно скрытъ забавой,
Какъ змѣй листомъ цвѣтовъ.

Вчера я веселился
Съ прелестными въ кругу:
Сегодня пробудился
И сердцемъ не могу.

Но жалоба напрасна
На милаго божка:
Стрѣла его ужасна,
Но боль отъ ней сладка.

Счастливѣе чѣмъ прежде,
Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ любить
Я сердце даль Надеждѣ
И ею началъ жить.

Надеждой духъ питаю,
Лечу мечтами къ ней,
Въ надеждѣ заключаю
Всѣ блага юныхъ дней.

Теперь, хотя бъ невѣжда
Мнѣ въ грѣхъ поставитъ мого:
Не богъ моя надежда—
Моя надежда богъ!

Слѣдующее стихотвореніе носитъ названіе «Къ Надеждѣ» (стр. 35).

Къ Надеждѣ.

Бурна осень обложила
Мглою тумановъ облака,
Лѣсъ и поле обнажила
Разрушенія рука.
Предо мною ты явилась
И природа обновилась,
О надежда! все съ тобой
Снова расцвѣлю весной.

* *
*

Чтожъ блеснуло солнце красно
Ты на мигъ очамъ моимъ!
Безъ тебя все вновь ненастно;
Сердце сжато горемъ злымъ;
Радость слѣдомъ улетѣла
И природа помертвѣла.
Ахъ! страдальца пожалѣй,
Свѣтъ и жизнь души моеи.

* *
*

Возвратись ко мнѣ хоть въ бури
И мятели зпмнихъ дней:
Ты замѣнишь свѣтъ лазури
Свѣтомъ мнѣ своихъ очей;
Ты улыбкою одною
Счастье примиришь со мною;
Въ сердцѣ чувства воскресишь
Ты опять мнѣ жить велншь.

Послѣ стихотворенія «Къ Надеждѣ Иллчевскій переходитъ къ стихотворенію подъ заглавіемъ: «Къ милому призраку» (стр. 39).

Къ милому призраку.

Ахъ! зачѣмъ ты все летаешь,
Милый призракъ, предо мной.
И легая умножаешь
Въ сердцѣ пламень страсти злой.
Что въ мечтахъ безъ исполненья?
Что въ любви безъ упоенья?
Въ жизни розно съ дорогой?

* *
* *

Пусть сама она предстанетъ
И увидитъ, что терплю,
Пусть въ награду нѣжно взглянетъ
И промолвитъ мнѣ: люблю.
Въ минуту восхищенья
Всѣ прошедшія мученья
Я въ душѣ благословлю.

* *
* *

Но несбыточнымъ желаньемъ
Что душѣ напрасно лстить?
И всечаснымъ ожиданьемъ
Только муки сердца длить?
Улетай же, призракъ милой!
Дай покой душѣ унылой,
А счастливымъ мнѣ не быть.

Если въ двухъ первыхъ стихотвореніяхъ Илличевскій говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ сталъ любить, онъ отдалъ сердце Надеждѣ и ею началъ жить. Онъ эту надеждою питаетъ духъ, летитъ мечтами къ ней, и въ надеждѣ заключаются всѣ блага юныхъ дней. Во второмъ же стихотвореніи онъ уже печалится, что надежда блеснула, какъ солнце красное, на одинъ мигъ его очамъ. Онъ проситъ ее вернуться вновь и замѣнить ему свѣтъ лазури свѣтомъ ея очей и въ сердцѣ чувство воскреситъ и тѣмъ дать ему жизнь. Въ стихотвореніи «Къ милому призраку» мы видимъ, что эта надежда улетѣла отъ него и является ему только мѣлымъ призракомъ. Онъ умоляетъ ее сказать ему завѣтное слово «люблю», но это тщетная надежда, это несбыточное желаніе, и онъ соглашается съ тѣмъ, что если бы призракъ улетѣлъ, то его унылая душа приобрѣла бы покой, а счастливыхъ дней ему не дожидаться. Это прочувствованное стихотвореніе, по всѣмъ вѣроятіямъ, навѣяно ему его любовью къ Бакуниной.

Слѣдующее стихотвореніе Илличевскаго—«Перерожденіе» (стр. 45).

Перерожденіе.

Пролетѣли дни мои
Средь суеты и заблужденья,
Мнѣ узнать красы твои
Было новымъ днемъ рожденья;
Новымъ свѣтомъ озаренъ
Глазъ твоихъ я взоромъ яснымъ.
Новой жизнью оживленъ
Съ дня, какъ сталъ тебѣ подвластнымъ.

* *
* *

О Надежда! Ангель мой!
Рай очей и сердца радость!
Должно видѣть образъ твой,
Чтобъ тобой познать всю сладость,
Чтобъ украсить, обновить
Миръ волшебною мечтою.
И впередъ желаньемъ жить.
Жить единственно тобою.

* *
* *

О Надежда! поспѣши
Дай собою насладиться,
Иль въ предчувствіи души
Мнѣ напрасно счастьемъ льститься
Или безъ тебя мнѣ часъ
Проклиная перерожденья,
Или мнѣ жалѣть о васъ,
Дни суетъ и заблужденья!

Мы выше сказали, что эти стихотворенія навѣяны любовью Илличевского къ Бакуниной. Екатерина Павловна Бакунина была сестрою его товарища Александра Павловича Бакунина (см. о ней въ біографическомъ очеркѣ А. П. Бакунина). Въ это время она была фрейлиной Высочайшаго Двора и жила въ Царскомъ Селѣ вмѣстѣ съ своей матерью ¹⁾. Кромѣ Илличевского, къ ней пылалъ страстью, какъ извѣстно, Пушкинъ. В. Гаевскій въ своей прекрасной статьѣ: «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія» («Современникъ» 1863 г., т. 97, стр. 380. (пб.) приводитъ изъ стихотворенія Пушкина подъ заглавіемъ «19 октября 1825 года» («Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ...») строфу, откинутую Пушкинымъ, относящуюся къ его товарищу Ивану Пущину, гдѣ упоминается о ихъ любви къ Бакуниной:

Мы вспомнили бѣ, какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ.
Какъ мы одну всѣ трое полюбили...

И далѣе Гаевскій прибавляетъ: «третьимъ былъ Илличевскій».

Въ этомъ замѣчаніи Гаевского кроется большое недоразумѣніе, которое, однако, всѣми комментаторами принимается на вѣру. Какъ извѣстно, въ строфѣ 9-ой въ отдѣланной рукописи, а въ черновикѣ строфа 12-ая — говорится слѣдующее:

¹⁾ Впослѣдствіи она вышла замужъ за капитана Александра Александровича Полторацкаго (род. въ 1792 году). См. «Пушкинъ» ред. С. А. Венгерова. т. I. стр. 288.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О, Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лица превратилъ!

Послѣ этой строфы въ черновой рукописи слѣдовала строфа 13-ая, которая, однако, при окончательной отдѣлкѣ стихотворенія была Пушкинымъ откинута. Вотъ она:

Мы вспомнили бѣ, какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
Какъ мы одну всѣ трое полюбили,
Напереники, товарищи проказъ!..
И все прошло—проказы, заблужденья!..
Ты освятилъ тобою избранный санъ:
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

Комментаторы, какъ П. А. Ефремовъ и П. О. Морозовъ замѣчаютъ, что послѣдніе четыре стиха были Пушкинымъ исключены, а первые перенесены во вторую половину строфы, и она начиналась обращеніемъ къ Малиновскому:

Чтожъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ,
Ты, нашъ казакъ, и пылкій, и незлобной,
Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
Не озарилъ присутствіемъ своимъ?
Мы вспомнили бѣ, какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
Какъ мы одну всѣ трое полюбили—
Напереники, товарищи проказъ!..
И все прошло—проказы, заблужденья!..

Такимъ образомъ, изъ стихотворенія «19 октября 1825 г.», на которое указываетъ Гаевскій, выходитъ, что третьимъ влюбленнымъ въ Бакунину былъ, вопреки мнѣнію Гаевского, не Иллчевскій, но Малиновскій.

Объ Иллчевскомъ не упоминается вовсе въ этомъ стихотвореніи, но это не значитъ, конечно, что Иллчевскій не былъ влюбленъ въ Бакунину.

Откуда взялъ Гаевскій свое указаніе на Иллчевскаго — намъ неизвѣстно.

Вообще мнѣ кажется, что Пушкинъ не былъ особенно друженъ съ Иллчевскимъ, какъ въ Лицеѣ, гдѣ они даже были соперниками, а также и въ жизни, гдѣ ихъ дороги разошлись. Можетъ быть Пушкинъ даже и не признавалъ поэтиче-

скаго дарованія за Илличевскимъ; такъ какъ въ стихотвореніи «Пирующіе студенты» онъ только призналъ его «любезнымъ острякомъ»:

Острякъ любезный! по рукамъ!
Полнѣй бокаль досуга,
И вылей согню эпитграммъ
На недруга и друга!

Точно также и въ стихотвореніи подъ заглавіемъ «Посланіе къ Галичу» Пушкинъ называетъ Илличевского «милымъ острякомъ» ¹⁾.

Даже, покидая Лицей, Пушкинъ обратился къ Илличевскому съ довольно холодными прощальными стихами, гдѣ онъ просто завѣряетъ его въ своей дружбѣ.

Но, какъ бы то ни было, Илличевскій и Пушкинъ столкнулись въ обожаніи Бакуниной.

Кромѣ уже приведенныхъ стихотвореній Илличевского, мы находимъ въ сборникѣ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ» стихотвореніе Илличевского подъ заглавіемъ «Къ прелестной» (стр. 49). Это стихотвореніе также относится къ Бакуниной и навѣяно отъѣздомъ ея изъ Царскаго Села въ Петербургъ осенью 1816 года. Какъ извѣстно, Пушкинъ простился съ Бакуниной двумя стихотвореніями: «Осеннее утро» и «Разлука». Первое стихотвореніе, «хотя и грустное, полно еще воспоминаніями свиданія и надеждой на будущее:

...До сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою.

(Стихи «Разлуки» гораздо безутѣшнѣе. Поэтъ воспоминаетъ свои мечты о «сладостной веснѣ», о «не вѣчной разлукѣ» и восклицаетъ:

Какъ мало я любовь и сердце зналъ!

Прошли дни, не принеся «забвенія фіалъ», и для поэта вновь настало время «тягостныхъ элегій» ²⁾.

Вотъ это стихотвореніе Илличевского:

К ъ п р е л е с т н о й .

Съ тѣхъ поръ, какъ Ангелъ милой
Разстался я съ тобой
Души моей унылой
Навѣкъ печезь покой.

¹⁾ «Пушкинъ», изд. Литературнаго фонда, т. I, стр. 87.

²⁾ См. прекрасную статью Вал. Брюсова: «Первая любовь Пушкина» (Е. П. Бакунина). Въ книгѣ «Пушкинъ», подъ редакц. С. А. Венгерова, т. I, стр. 284—288

Брожу весь день вздыхая
Ищу твоихъ слѣдовъ,
Но ихъ не обрѣтая
Клянусь свою любовь.

* *
*

Рисую-ль воображеньемъ
Прелестная, тебя,
То новымъ лишь мученьемъ
Тревожу я себя.
Ты днемъ со мной въ мечтаньѣ,
Ты въ ночь со мной во снѣ,
Пройдетъ очарованье
И снова грусть во мнѣ.

* *
*

Припомни часъ блаженный,
Когда рука съ рукой,
Леталъ я окрыленный
Любовью и тобой.
Ахъ! этотъ мигъ съ мечтаньемъ
Сравнится-ли какимъ!
Теперь воспоминаемъ
Живу лишь я однимъ.

* *
*

О мигъ боготворимый
Влюбленною душой.
Увы! невозвратимый
Всѣхъ дней моихъ цѣной.
Останься незабвеннымъ
Ты въ памяти моей
Какъ въ сердцѣ, ею плѣнномъ
Сафиръ ея очей.

* *
*

И всѣхъ красотъ небесныхъ
Плѣнительны черты,
И розы устъ прелестныхъ
Съ улыбкой доброты,
И перси нѣги полны,
И грацій станъ прямой,
Власовъ златыя волны
И видъ любви самой.

Изъ этого стихотворенія ясно видна любовь Илличевского къ Бакуниной. Это, конечно, не могло укрыться отъ его соперника по любви Пушкина, у котораго и вылилось по этому случаю одно изъ самыхъ отчаянныхъ стихотвореній: «Любовь одна веселье жизни хладной...», гдѣ онъ изливаетъ печаль своей души:

...Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тьмѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу уныль и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ сѣдымъ,
Въ тоскѣ, слезахъ, нерѣдко я стенаю;
Но ропотъ волнъ стenanіямя моимъ
И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю...

Конечно, «сѣдое озеро» — это царскосельскіе пруды, надъ которыми плакалъ Пушкинъ ¹⁾. Къ этимъ терзаніямъ души прибавилось еще чувство ревности, такъ какъ отъ Пушкина не могло укрыться обожаніе Илличевскимъ предмета его страсти — Бакуниной. И вотъ въ томъ же стихотвореніи мы читаемъ:

...Пускай она прославится другимъ;
Одинъ люблю — онъ любитъ и любимъ!..

Этотъ «онъ» былъ Илличевскій и изъ брата по Аполлону онъ сталъ Пушкину соперникомъ въ любви, а между тѣмъ было время, что они оба соревновали въ обожаніи Бакуниной и между ними никакой ревности не было. Этотъ эпизодъ приводитъ насъ къ стихотворенію Пушкина «Къ живописцу» и къ отвѣтному стихотворенію Илличевского «Отъ живописца».

Стихотвореніе «Отъ живописца» помѣщено въ сборникѣ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ» предпоследнимъ стихотвореніемъ его въ этомъ сборникѣ и вслѣдъ за стихотвореніемъ «Къ прелестной», которое, какъ мы выше видѣли, должно относиться къ 1816 году, а потому можно было бы предположить, что стихотвореніе «Отъ живописца» написано или въ этомъ году, или въ слѣдующемъ. Но такъ какъ стихотвореніе Пушкина «Къ живописцу» имѣетъ помѣтку «1815 годъ», то, слѣдовательно, и самое стихотвореніе Илличевского въ отвѣтъ Пушкину должно быть отнесено тоже къ 1815 году.

Такъ какъ эти два стихотворенія имѣютъ связь между собою, то мы приведемъ ихъ здѣсь вмѣстѣ. Стихотвореніе Пушкина слѣдующее:

¹⁾ Валерій Брюсовъ остроумно замѣчаетъ, что «Упомянутое о «сѣдомъ озерѣ» указываетъ, что элегія была написана уже весной. Лѣто 1816 г. Е. Бакунина съ матерью провела въ Царскомъ Селѣ, и Пушкинъ могъ чаще встрѣчаться съ нею».

К ъ ж и в о п и с ц у .

Дитя харитѣ и вдохновенья,
Въ порывѣ пламенной души
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши:

* *
* .

Красу невинности прелестной,
Надежды милыя черты,
Улыбку радости небесной,
И взоры самой красоты:

* *
* .

Вкругъ тонкаго Гебен стана
Венерннъ поясъ повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи:

* *
* .

Прозрачны волны покрывала
Накинъ на трепетную грудь,
Чтобъ я подъ нимъ она дышала,
Хотѣла тайно бы вздохнуть:

* *
* .

Представь мечту любви стыдливой —
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя напишу ¹⁾.

Въ отвѣтъ на это стихотвореніе Пушкина Илличевскій написалъ свое стихотвореніе «Отъ живописца» ²⁾ (стр. 53):

¹⁾ Мы не касаемся здѣсь вопроса о томъ, отъ кого и откуда было здѣсь заимствовано, такъ какъ это не входитъ совершенно въ цѣль нашей статьи. См. объ этомъ: В. Гаевскій, Пушкинъ въ Лицеѣ и т. д. («Современникъ» 1863 г., т. 97, Спб., стр. 380—382).—Академическое изданіе Сочиненій Пушкина подъ редакц. Л. Майкова, 2-е изданіе, Спб., 1900 г., стр. 138 и 179—186 (здѣсь приведена позднѣйшая редакція этого стихотворенія). Замѣтка Н. Лернера къ стихотворенію Пушкина «Къ живописцу» въ книгѣ «Пушкинъ» подъ редакціей С. А. Венгерова, т. I, стр. 288.

²⁾ Мы неоднократно указывали уже, что Илличевскій былъ каррикатуристъ и недурно рисовалъ. Поэтому вполне понятно обращеніе Пушкина къ нему, какъ «къ живописцу».

Отъ живописца.

Всечасно мысль тобой питаю,
Хотѣлось мнѣ въ мечтѣ
Тебя пастушкой, дорогая!
Представить на холстѣ:
Харить и Нимфѣ въ лицѣ прекрасной
Я собралъ всѣ черты;
Сравнилъ съ тобою: трудъ напрасной
Стократъ прелестнѣй ты!

Хотѣлъ писать тебя царицей:
Блится образъ твой
Въ златомъ вѣнцѣ подъ багряницею
Елены красотой.
Любуюся на трудъ завѣтный
Горжусь въ восторгѣ имъ.
Сравнилъ съ тобою: усилъ тщетны,
Ты божество предъ нимъ.

Нѣтъ! видно мысль одна дерзаетъ
Постичь красу твою:
Предъ совершенствомъ повергаетъ
Искусство кисть свою.
Амуръ всего удачнѣй пишетъ
Въ сердцахъ твой милый видъ
А страсть, какой влюбленный дышетъ
На вѣкъ его хранить.

Эта любовь двухъ юныхъ поэтовъ Пушкина и Илличевского не была юношескимъ капризомъ воображенія, но оставила свой глубокій слѣдъ, въ особенности у Пушкина. Онъ вспоминаетъ объ этой любви много лѣтъ уже послѣ .Лицея. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какое ли впечатлѣніе оставила на Илличевскомъ любовь его къ Бакуниной, но, какъ видно изъ одного стихотворенія, эта любовь и у Илличевского крѣпко запечатлѣлась въ его сердцѣ, такъ что никакія другія привязанности, никакія другія Лили и Лилеты не могли заглушить въ немъ воспоминаній о своей Аглаѣ. Это вылилось у него въ стихотвореніи «Капризь»—въ послѣднемъ стихотвореніи Илличевского, помѣщенномъ въ сборникѣ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ». Вотъ это стихотвореніе (стр. 97):

К а п р и з ъ.

Я знаю, знаю: не вѣрна
Мнѣ за любовь Аглая;
Для нѣжныхъ чувствъ не создана.
Кокетка записная.
Не умница, не красота,
Ни чѣмъ .Лилетъ не чета.
А я къ ней все пылаю:
За что! — не понимаю.

А .Лила, .Лила, какъ нѣжна:
Ей клятвы вещь святая,
Горячихъ чувствъ, души полна
Подруга золотая.
И умница и красота,
Ни чѣмъ Аглаѣ не чета!
Я-жъ все люблю Аглаю,
За что! — не понимаю.

Поэтическая дѣятельность Илличевского не ограничилась только приведенными нами стихами. Онъ составилъ, въ бытность свою въ Лицеѣ, сборникъ стихотвореній. Какъ мы уже раньше говорили, былъ періодъ въ лицейской жизни, когда, послѣ прекращенія въ 1813 г. «Юныхъ Пловцовъ», лицеисты стали издавать сборники своихъ произведеній (конечно, рукописныя). Сборники эти представляли собою тщательно переписанныя тетради; таковъ также сборникъ Илличевского подъ заглавіемъ: «Лицейская антологія, собранная трудами пресловутаго *ййийй*». Подъ такимъ псевдонимомъ Илличевскій напечаталъ въ 1814 году эпиграмму въ «Вѣстникѣ Европы». По словамъ В. Гаевского, эту подпись Илличевскій измѣнилъ въ томъ же году на *йй ии йй*, заимствуя ее изъ повторенія этихъ буквъ въ своемъ имени и фамиліи — Алексій Илличевскій ¹⁾). Въ этомъ сборникѣ Илличевского былъ эпиграфъ: «Genus irritabile vatum». Въ него вошли стихотворенія Пушкина, Дельвига и другихъ, всего 111 мелкихъ стихотвореній, «судя по цифрѣ, выставленной надъ послѣднимъ изъ нихъ».

Въ сборникѣ Илличевского нашлась эпиграмма Пушкина на тогдашнюю поэтессу Екатерину Наумовну Пучкову (род. въ 1792 г., † 26 апрѣля 1867 г.). Г. Б. Модзалевскій говоритъ, что эта эпиграмма была впервые напечатана ²⁾ ака-

¹⁾ См. В. Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ—«Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, Спб., стр. 142 и 143 (144).

²⁾ Въ изданной С. А. Венгеровымъ книгѣ «Пушкинъ», т. I, стр. 378—380, статья Г. Б. Модзалевскаго о Пучковой.

демикомъ Я. К. Гротомъ въ «Русской Старинѣ» 1884 г., т. XVII, стр. 664. Между тѣмъ до Я. К. Грота это четырехстишіе было напечатано В. Гаевскимъ (см. его статью «Пушкинъ въ Лицеѣ и его лицейскія стихотворенія») еще въ 1863 году (см. «Современникъ» ХСVII, Спб., 1863 г.). Смысл академика Грота—Константинъ Яковлевичъ Гротъ нашелъ въ тетради подъ заглавіемъ «Стихотворенія воспитанниковъ Императорскаго Лицея, ч. II», писанной рукою Ѳ. Ѳ. Магюшкина, что пьеса эта принадлежитъ не Пушкину, но Алексѣю Демьяновичу Илличевскому. Подъ этою эпиграммою (стр. 48) находится подпись Илличевского; сверхъ того, и въ оглавленіи пьесъ указано, что она принадлежитъ Илличевскому. Вотъ эта эпиграмма:

Зачѣмъ кричишь ты, что ты *дѣва*,
 На каждомъ дѣвственномъ стихѣ.
 О вижу я—пѣвица Эва,
 Хлопочешь ты о женихѣ¹⁾.

В. Гаевскій говоритъ, что объясненіе этой эпиграммы находится въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1816 г. (№ 277), гдѣ была напечатана экспромтъ Пучковой, по случаю укоровъ, которымъ она подверглась за то, что не написала стиховъ на кончину Г. Р. Державина. Въ этомъ экспромтѣ она писала:

Дѣвѣ ли робкой
 Арфой незвучной
 Славному барду
 Пѣснь погребальную
 Дѣвѣ ль бряцать? и т. д.

Академикъ Гротъ приписалъ эпиграмму на Пучкову перу Пушкина, руководствуясь сходствомъ почерка. Какъ извѣстно, многія стихотворенія Пушкина дошли до насъ записанными рукою Илличевского, который, помимо того, что являлся какъ бы добровольнымъ переписчикомъ Пушкина, списывалъ также многіе его стихи для себя. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Н. Лернеръ—знатокъ Пушкинской литературы: «переписанные аккуратно и внимательно, четкимъ почеркомъ, эти копіи говорятъ о благоговѣнномъ и любовномъ отношеніи Илличевского къ таланту своего прежняго соперника».

Приближалось время кончать курсъ наукъ въ Лицеѣ. При прощаніи съ Лицеємъ и съ его директоромъ Егоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ воспитанники вносили на память о себѣ, въ особо заведенный альбомъ, свои фамиліи. Другіе прощались съ директоромъ нѣсколькими прочувствованными строками. Наконецъ,

¹⁾ По книгѣ С. А. Венгера, т. I, стр. 375.—В. Гаевскій, стр. 143.—К. Я. Гротъ. См. «Журналъ Министерства Народ. Просв.» 1905 г., Спб., стр. 228, 231 и 247.

были и такіе, которые писали на память о себѣ стихи. Илличевскій написалъ въ альбомѣ стихи слѣдующаго содержанія:

Честь, благородное въ любви соревнованье
Невольно чтить велятъ наставниковъ своихъ:
Но наше право гдѣ на ихъ воспомнанье?
Щастливъ кто памятникъ оставилъ въ сердцѣ ихъ!

Алексѣй Илличевскій.
8-го Іюня 1817.

9 іюня 1817 года Илличевскій окончилъ курсъ Лицея и поступилъ въ Министерство Финансовъ ¹⁾ съ чиномъ X класса (коллежскаго секретаря). Въ своей статьѣ ²⁾ Н. С. Лернеръ говоритъ, что Илличевскій уѣхалъ на службу въ родную Сибирь. Онъ былъ причисленъ къ почтовому вѣдомству и служилъ при своемъ отцѣ, Томскомъ Губернаторѣ, а потомъ былъ переведенъ къ Сибирскому Генераль-Губернатору». Эти свѣдѣнія совпадаютъ съ тѣмъ, что говоритъ И. Селезневъ въ своемъ Историческомъ Очеркѣ Императорскаго бывшего Царскосельскаго нынѣ Александровскаго Лицея въ первое его пятидесятилѣтіе, съ 1811 по 1861 годъ» (Спб., 1861 г., стр. 168). Здѣсь сказано, что Алексѣй Илличевскій, коллежскій ассесоръ, «былъ при Томскомъ Губернаторѣ и переведенъ къ Сибирскому генераль-губернатору». Но это относится не къ 1817 году, когда Илличевскій окончилъ курсъ Лицея, но къ 1823 году, какъ и указано у Селезнева на стр. 166. Тотъ же Селезневъ, подготавливая матеріалы для своего Историческаго очерка», напечаталъ въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—1857 г. Матеріалы для исторіи Лицея», гдѣ и указалъ на стр. 92, что Илличевскій, окончивъ Лицей, поступилъ на службу въ Министерство Финансовъ. Академикъ Я. К. Гротъ въ предисловіи къ письмамъ Илличевскаго говоритъ, что Илличевскій «началъ службу въ почтовомъ вѣдомствѣ, но съ откомандированіемъ къ отцу своему, который занималъ должность Губернатора въ Сибирѣ» ³⁾.

О поступленіи Илличевскаго на государственную службу по окончаніи Лицея мы имѣемъ слѣдующіе официальные документы.

Въ 1817 году, іюня 10, Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія князь Голицынъ сообщилъ Министру Финансовъ о Высочайшей волѣ объ опредѣленіи по Министерству Финансовъ выпущенныхъ изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея Коллежскихъ Секретарей Алексѣя Илличевскаго, Константина Костенскаго и барона Дельвига... На это отношеніе послѣдовала резолюція Мини-

¹⁾ См. И. Селезневъ: Матеріалы для исторіи Лицея. 1856 г., стр. 92. Въ Памятной книжкѣ Императорскаго Александровскаго Лицея на 1856—1857 г.

²⁾ Пушкинъ, подъ редакціею С. А. Венгерова, т. I. стр. 422.

³⁾ Я. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 56.

стра Финансовъ гр. Д. Гурьева объ опредѣленіи этихъ двухъ молодыхъ людей въ его Канцелярію (о томъ же указъ за № 16977).

Отношеніемъ отъ 6 сентября 1817 года за № 6140 Экспедиція Государственныхъ Доходовъ увѣдомила Канцелярію Министерства Финансовъ, что ею предписано С.-Петербурзьскому для остаточныхъ суммъ Казначейству объ отпускѣ въ Канцелярію жалованья опредѣленнымъ туда на службу лицейцамъ: А. Илличевскому и К. Костенскому по 700 рублей.—Изъ послѣдующей переписки видно, что Коллежскій Секретарь А. Илличевскій, по изъявленному имъ желанію, 1 декабря 1817 года опредѣленъ въ Сибирскій Почтамтъ въ г. Тобольскѣ (отношеніе Почтоваго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 17 декабря 1817 г. за № 392). Въ свою очередь Канцелярія Министерства Финансовъ отношеніемъ отъ 29 ноября 1817 г. за № 1356 препроводила Министерству Внутреннихъ Дѣлъ по Почтовому Департаменту послужной списокъ Илличевского.

Покидая Лицей, воспитанники, кромѣ записи въ альбомъ директора, обратились другъ къ другу на прощаніе съ стихами. Такъ, Пушкинъ, кромѣ стихотворнаго прощанія со всеми товарищами («Промчались годы заточенья»), обратился ко многимъ своимъ товарищамъ, съ которыми былъ болѣе близокъ и друженъ, съ особыми посланіями.

Намъ неизвѣстно, съ какимъ посланіемъ обратился Илличевскій къ Пушкину. Оно, вѣроятно, не сохранилось. Зато мы имѣемъ стихи Пушкина въ Илличевскому отъ 31 мая 1817 г. Стихи эти довольно холодны по чувству, но зато являются ловкимъ завѣреніемъ въ дружбѣ и выражены въ прекрасныхъ стихахъ и элегантныхъ оборотахъ. Если въ этомъ стихотвореніи Пушкина мало проявилось у него чувствъ любви лично къ Илличевскому, зато здѣсь видно, какъ глубоко и сильно Пушкинъ сознавалъ свое призваніе, какъ поэтъ, и смотрѣлъ на него какъ на жречество. «Жажда славы, какъ говоритъ Бѣлинскій, сильно волновала эту молодую и пылкую душу, и заря поэтическаго безсмертія казалась ему лучшею цѣлью бытія». Стихотвореніе Пушкина носитъ заглавіе: Въ альбомъ Илличевскому». Оно слѣдующаго содержанія:

Мой другъ, не славный я поэтъ,
Хоть христіанинъ православный.
Душа безсмертна, слова нѣтъ;
Мои стихи удѣлъ неравный:
И пѣни музы своенравной,
Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ,
Погибнуть смертію забавной,
И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ.
Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
Что предпочель бы я скорѣй
Безсмертію души моей

Безсмертіе своихъ твореній!
Не властны мы въ судьбѣ своей:
По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Сей плодъ небрежный вдохновенья,
Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ,
На скромныхъ дружества листкахъ,
Уйдетъ отъ общаго забвенья.
Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,
Твоею дружбой оживленный;
Мои стихи пускай умрутъ:
Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
Навѣрно ихъ переживутъ ¹⁾.

31 мая (1817 г.).

При прощаніи съ товарищами, по окончаніи Лицея, Илличевскій попрощался стихами съ Пушкинымъ. «Илличевского стиховъ, говоритъ Пушкинъ, не могу припомнить; знаю только, что они всѣ кончались рифмой на Пушкинъ. Это было очень оригинально...» ²⁾

Изъ всѣхъ товарищей Илличевскій болѣе всѣхъ былъ друженъ съ барономъ Дельвигомъ. Поэтому неудивительно, что, когда они покидали Лицей, Дельвиго написалъ ему въ альбомъ, на прощаніе, стихотвореніе. Это стихотвореніе приводится Гаевскимъ («Современникъ» 1853 г., № 5, май, стр. 26 и 27) со словъ Павла Демьяновича Илличевского, брата поэта. Вотъ его содержаніе:

«Пока поэтъ еще съ тобой,
Онъ можетъ просто, не стихами
Съ твоей бесѣдовать судьбой,
Открытой предъ его глазами.
Но ужъ пророчесственный гласъ
Мнѣ предсказалъ друзей разлuku,
И Рокъ въ таинственную руку
Ужъ забралъ жребіи для насъ.
Готовься жъ слушать предвѣщанья,
Страшись сей груди трепетанья,
И безпорядка сихъ власовъ!
Все, все грядущее открою!
Читай,—написаны судьбою
Вотъ строки невидимыхъ словъ. . .

¹⁾ Сочиненія Пушкина. Изд. Императ. Акад. Наукъ. т. I, изд. 2, подъ ред. Л. Майкова. Спб., 1900 г., стр. 251.—См. также «Пушкинъ» изд. Литерат. Фонда, т. I, стр. 177—178, гдѣ въ 12 строкѣ вмѣсто слова «своихъ» приведено слово «моихъ».

²⁾ Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ. См. Л. Н. Майковъ: Пушкинъ. Спб., 1899 г., стр. 67—68.

Слѣдуетъ замѣтить, что, помимо Дельвига, и Матюшкинъ также былъ друженъ съ Илличевскимъ и, по всеѣмъ вѣроятіямъ, переписывался съ нимъ. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ письмо отъ Е. А. Энгельгардта къ Ѳ. Ѳ. Матюшкину отъ 21 іюня 1821 г., гдѣ значится, что онъ, Энгельгардтъ, получилъ письмо Матюшкина, препровожденное ему отъ Илличевского. Но дружба Дельвига съ Илличевскимъ не могла быть продолжительной, потому что уже въ декабрѣ 1817 г. Илличевскій отправился къ отцу въ Сибирь, какъ объ этомъ также сообщаетъ и Энгельгардтъ въ письмѣ къ Матюшкину отъ 20 декабря 1817 года. Дельвигъ, разставаясь съ своимъ другомъ Илличевскимъ, напутствовалъ его въ Сибирь слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Къ Илличевскому.

Я благотворности труда
 Еще, мой другъ, не постигаю!
 Лѣниться, говорить, бѣда---
 А я въ бѣдѣ сей утопаю,
 И пробудившись, забываю,
 О чемъ заботился вчера.
 Мнѣ иногда твердятъ: «пора
 Сдать стихи твои станками:
 Они раскупятся друзьями,
 Друзья имъ прокричатъ: ура!
 Веселые за полной чашей.
 Тогда, сударь, отъ славы вашей,
 Или отъ вашего вина,
 Заговорить вся сторона,
 Отъ Бельга до Сибири скучной,
 Когда съ запиской своеручной
 Пошлете другу толстый томъ».
 Все хорошо, но я не въ томъ
 Свое блаженство полагаю:
 За стихъ не ссорюся съ умомъ,
 А рѣшю къ рѣшѣ приплетаю,
 Глядя лѣниво за перомъ.
 Напишеть мнѣ—я прочитаю:
 Я читаю и друзьямъ:
 Люблю внимать ихъ похваламъ,
 Когда ихъ похвалы достоинъ.
 Но я слыхалъ: худой тотъ воинъ,
 Кто быть не думаетъ вождемъ!
 Такъ думалъ я, межъ тѣмъ перомъ
 Мѣшая истину съ мечтами,
 Почти забылъ, что мы съ тобой
 Привыкли говорить сердцами,—

Забыль, что другъ далекій мон,
Прочтя мою систему лѣни,
Но неизвѣстный о друзьяхъ,
По почтѣ мнѣ отправить пени.
На мѣсто нѣжныхъ увѣреній,
Что онъ и въ дальнихъ тѣхъ странахъ
Своихъ друзей не забываетъ,
Гдѣ мѣръ дряхлѣющій во льдахъ
Красою дивной поражаетъ:
Что какъ мелькнувшая весна,
Тамъ оживляетъ все творенье,
Такъ о друзьяхъ мечта одна
Его приводитъ въ восхищенье,
Его уноситъ въ свѣтлый край
Златыхъ надеждъ, воспоминаній,
Гдѣ нѣтъ заботъ, гдѣ нѣтъ страданій
И слова грознаго: *прощай!*
Будь счастливъ, другъ! не забывай
Веселыхъ дней очарованья
И рѣзвыхъ спутниковъ твоихъ!
Вотъ непритворное желанье
Далекому отъ круга ихъ,
Отъ круга радости веселой,
Гдѣ дружба насъ и сынъ Семелы
Привыкли часто собирать,
Гдѣ можно всё заботы свѣта
Съ мундиромъ, съ фраккомъ скидывать,
Безъ лести похвалить поэта
И обо всемъ потолковать ¹⁾).

Годъ окончанія Лицея былъ для Илличевского, какъ кажется, очень плодотворнымъ въ отношеніи его поэтическаго творчества. Мы находимъ нѣсколько стихотвореній Илличевского въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» за 1817 годъ. Въ первомъ же номерѣ (стр. 14 и 15), за подписью «Алексѣй Илличевскій», имѣется его стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Веселость и разсудокъ»:

Я съ мудростью святою,
Поклялся вѣчно быть:
Но отъ чего съ тобою,
Разсудокъ! трудно жить?
Я виноватъ — связался
Съ веселіемъ живымъ;

¹⁾ В. Гаевскій: Дельвицъ. «Современникъ» 1853 г., V, май, т. XXXIX, Спб., 1853 г., стр. 27—28. Стихотвореніе это было напечатано въ «Благонамѣренномъ» 1818 года (ч. IV, стр. 267).

Но мигъ забавъ умчался
И всё желанья съ нимъ!
Средину золотую
Я выбрать поспѣшилъ:
Веселость молодую
Съ разсудкомъ помирилъ.
Съ тѣхъ поръ—живемъ три друга
Подъ кровлею одной:
Веселость мнѣ подруга,
Разсудокъ братъ родной.
Съ тѣхъ поръ я счастье знаю
И скуки не боюсь:
Я съ другомъ разсуждаю;
Съ женою—веселюсь ¹⁾.

На страницѣ 15-ой находимъ довольно плоскую эпиграмму за подписью
«Алексѣи Иллѣевскіи» :

Какъ скоръ въ дѣлахъ своихъ Клеонъ,
Супругъ счастливищенъ Надинъ:
Вчера—со свадьбы только онъ.
А нынче—у него крестины!

Точно также на страницѣ 40-ой находится тоже весьма неостроумный
театральный анекдотъ слѣдующаго содержанія, подписанный «А. И.»:

«Надобно признаться, что Г. З. родился подъ несчастнымъ созвѣздіемъ:
когда сыграна была первая его комедія, то нѣкоторые *догадливые* люди увѣрили, что
въ этой пьесѣ сочинены имъ только *одни* имена дѣйствующихъ лицъ.—Тоже самое
повторилось при первомъ представленіи комедіи его Провинціалъ въ столицѣ.—
Г. К. сидѣлъ въ креслахъ подлѣ одного *знатока*, который оборотясь къ нему,
спросилъ съ торжественнымъ видомъ: «Какъ вы думаете, сударь, кѣмъ написана
эта комедія?»—«Не трудно отгадать, отвѣчалъ Г. К., имя сочинителя выставлено
на афишѣ». «Вотъ то-то и есть; это явной обманъ: я знаю, точно знаю—ее сочинилъ
Г. К. — «Вы ошибаетесь, сударь.— *Кому вы говорите? Не лъзя вѣрнѣе
знать, какъ я знаю*».—«Сердечно радуюсь, сударь: но совѣмъ тѣмъ, могу вамъ
поручиться, что она написана Г-мъ З., а не тѣмъ, на кого вы думаете».—
«Желалъ бы знать, чѣмъ вы это докажете? (Однимъ словомъ, сударь: я тотъ
самый К., о которомъ вы говорите, и конечно лучше васъ знаю, написалъ ли я
эту комедію или нѣтъ?» А. И.»

¹⁾ Въ этомъ номерѣ есть стихотвореніе, подписанное: Александръ Пушкинъ»,
подъ заглавіемъ «Пѣвецъ».

«Слышали ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?»

Въ номерѣ 8-мъ «Сѣвернаго Наблюдателя» (стр. 263) находится, за подписью Илличевскаго, эпиграмма. Вотъ ея содержаніе:

Расхвастался Трусимъ, припавъ къ бутылкѣ:
«Ужъ я ли, говорить, я ль не былъ тамъ и сямъ,
Не я ль съ Суворовымъ носился по горамъ,
Съ Орловымъ по морямъ,
Съ Платовымъ по лѣсамъ?
И я ли не щелкалъ французовъ по носамъ,
А Шведовъ по косамъ,
А Турокъ по усамъ?
Пять ранъ ношу—въ затылкѣ!»

Въ номерахъ 9 и 10-мъ мы находимъ также двѣ эпиграммы Илличевскаго, но подписанныя просто буквою «И...» Первая изъ нихъ (стр. 290) также, какъ и предыдущая, не особенно остроумна, въ чемъ можно удостовѣриться, прочтя ее:

И такъ ты ужъ готовъ явиться въ маскарадѣ?
Какъ ты хорошъ, Глупонъ, въ такомъ нарядѣ;
Ну Сатиръ съ головы до ногъ!
По чести, братъ, тебя родные не узнаютъ.
Брось только пару этихъ рогъ:
. Сатиры съ четырьмя рогами не бываютъ».

Это стихотвореніе въ переработанномъ видѣ было внесено Илличевскимъ въ 1827 г. въ его «Опыты въ антологическомъ родѣ» (стр. 41) подъ заглавіемъ:

Рогоносцу въ маскарадномъ платьѣ.
Оргонъ! ты ѣдешь въ маскарадъ,
Сатиромъ ты наряженъ;
Ужъ какъ идетъ тебѣ нарядъ:
Рогами жаль искаженъ!
Брось, милой! эту пару ихъ:
Останься при своихъ.

Слѣдующая эпиграмма (стр. 323) на нашъ взглядъ является болѣе остроумною, чѣмъ вышеприведенныя эпиграммы. Въ ней мы читаемъ:

Оставя кредиторовъ полкъ,
Дамонъ скончался въ прошломъ годѣ.
Одинъ онъ только отдать долгъ,
И то послѣдній долгъ—природѣ.

Въ номерѣ 11-мъ (стр. 352) мы встрѣчаемъ басню, подписанную буквами «А. И.», подъ заглавіемъ «Корона и посошокъ»:

Не все клониться въ думу
И голову ломать;—
Отецъ боговъ, уставъ отъ шуму,
Затѣялъ вдругъ играть.
И вотъ за мыслей, волей сею
На шутки скорый Момъ
Изобрѣтаетъ лотерею,
Съ дурачествомъ вдвоемъ.

Отъ посоха все стало призомъ
До царскаго вѣнца,
Билеты розданы Капризомъ
И боги ждутъ конца.

Плутусу вѣлно скорѣе
Всѣ призы разыграть;
Но чѣмъ рѣшится лотерея,
Никто не могъ узнать.
Судьба надъ всѣми пошутила,
Каковъ ея урокъ!
Корону—Скука получила,
Веселье—посошокъ.

Басня эта, не отличаясь особеннымъ остроуміемъ, замѣчательна легкостью своего стиха ¹⁾).

Въ томъ же 11-мъ номерѣ «Сѣвернаго Наблюдателя» (стр. 354) напечатана эпиграмма Илличевскаго подъ буквой «И.», слѣдующаго содержания:

Ужъ Клита сатиры ой, ой, какъ горьки намъ!
Достанется отъ нихъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ:

Наборщику забота,
Читателю зѣвота,
Цензурѣ крѣпкой сонъ,
И смыслу дать трезвонъ.

Слова этой эпиграммы могутъ быть съ полною справедливостію отнесены къ самому автору нѣсколькихъ приведенныхъ нами выше эпиграммъ.

Во второй части «Сѣвернаго Наблюдателя», въ номерѣ 14-омъ (стр. 17-ая), за подписью «А. Илл.» находится эпиграмма довольно остроумная:

Не троньте Балтуса, пускай стихи крѣпче:
Великой ими онъ бѣды не производитъ,
Напротивъ, самъ ночей не спитъ,
А намъ пріятной сонъ наводитъ.

¹⁾ Въ этомъ же номерѣ находится стихотвореніе Пушкина «Къ ней»: «Эльвина, милый другъ! Приди, подай мнѣ рузу...»

Въ нумеръ 24-омъ (стр. 337, ч. 2), подъ такой же подписью: «А. Илл.», находится стихотвореніе подъ заглавіемъ «Надгробія А. С. Яковлеву», написанное Илличевскимъ по случаю смерти знаменитаго актера:

Осиротѣла Мельпомена!

Нѣтъ Яковлева, — нѣтъ Россійскаго Лекена!
Гдѣ сила жалостьъ вдругъ и ужасъ лить въ сердца?
Даръ душу возвышать въ Димитріѣ, въ Росславѣ...
Почилъ подъ сѣнію лавроваго вѣнца;
Все взялъ съ собой, — лишь имя отдалъ славѣ.

Здѣсь Яковлева прахъ, — печальный славы Гениі
Повѣсилъ свой вѣнокъ на мрачный кипарисъ, —
Изчезъ какъ плескъ и кликъ восторга, удивленій,
Что нѣкогда къ нему отъ зрителей неслись.

Эти же стихи на смерть Яковлева въ передѣланномъ видѣ помѣщены Илличевскимъ въ его «Опытахъ въ антологическомъ родѣ» (1827 г., стр. 46):

Надгробіе актеру Яковлеву.

Осиротѣла Мельпомена:

Нѣтъ Яковлева, нѣтъ Россійскаго Лекена!
Разилъ онъ ужасомъ и жалостью сердца;
Духъ русскій возвышалъ въ Димитріѣ, въ Росславѣ;
Почилъ подъ сѣнію лавроваго вѣнца,
Искусство взялъ съ собою, а имя отдалъ славѣ. —

Наконецъ, послѣ «Надгробія А. С. Яковлеву» мы находимъ въ томъ же нумерѣ 24-мъ «Сѣвернаго Наблюдателя» за 1817 годъ, часть 2, еще одну «Эпиграмму», подписанную: «1... 7...» — Что означаетъ эта подпись? Кто скрывается подъ нею?

Какъ извѣстно, въ то время были въ большой модѣ самыя замысловатыя псевдонимы. Такъ, напримѣръ, Пушкинъ подписывалъ въ началѣ, кромѣ своей полной фамиліи, еще сокращенно, безъ гласныхъ: «Александръ Нкшп»¹⁾ или: «Александръ Н.-П», или же обозначалъ свою подпись цифрами: «1... 14—16» (т. е. А...н — п²⁾); въ другой разъ подписывался: «1... 17—14» (т. е. А...р — П³⁾). Также

¹⁾ А не «Нкшп.», какъ напечатано у Гаевского. См. его ст. о Дельвигѣ: «Современникъ» 1853 г., № II, февраль, стр. 78.

²⁾ Тамъ же, стр. 78. — П. О. Морозовъ въ книгѣ «Пушкинъ» (ред. А. С. Венгерова, т. I, стр. 132) совершенно правильно говоритъ, что цифры 14 и 16, вѣроятно, соотвѣтствуютъ цифровому значенію Н и П, т. е. первой и послѣдней буквамъ подписи Пушкина. Для большей точности слѣдовало бы сказать, такъ какъ Пушкинъ подписалъ на оборотъ, что онѣ соотвѣтствуютъ послѣдней и первой буквамъ его фамиліи (Н—П)

³⁾ См. также у Гаевского: Дельвигъ, стр. 74 и 78. Здѣсь Гаевскій дѣлаетъ *Jarsus salami*. Онъ объясняетъ подпись «1... 17—14», находящуюся подъ стихотворе-

точно и Илличевскій, кромѣ фамиліи или однихъ буквъ, подписывался еще псевдонимомъ, какъ мы уже сказали, «ійшіи» или «ій ии іи». Цифра 14 въ подписи Пушкина могла только означать номеръ комнаты, въ которой Пушкинъ жилъ въ Лицеѣ. Точно также въ подписи Илличевского, подъ эпиграммой, «1...7...» можно признать только замаскированную цифру, означавшую комнату Илличевского въ Лицеѣ (№ 17¹⁾).

Эпиграмма эта слѣдующаго содержанія:

На брани Созія не стоитъ отвѣчать:
Невѣжа похвали,—такъ пуще тѣмъ обидитъ,
Кто бѣлаго Арапомъ могъ назвать,
Тотъ чернымъ бѣлое все по неволѣ видитъ.

1...7...

Въ эпиграммѣ Илличевского, гдѣ упоминается Созіи, нужно, вѣроятно, подразумевать одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, авторъ которой подписался: «П—тъ С—тъ». Самая пьеса носить названіе: «Отрывки изъ комедіи Амфитріона» (подражаніе Мольеру). Дѣйствіе 1-ое, явленіе 2-ое: Сози (съ фонаремъ) и Меркуріи (въ видѣ Сози съ палкою въ рукѣ²⁾).

Что касается до «бѣлыхъ араповъ», то не является ли эта эпиграмма отвѣтомъ на слѣдующее стихотвореніе, напечатанное тамъ же:

Ювеналъ, эпиграмматическая сказка.

Не знаю какъ дошли за Стиксъ, за волны Леты,
Листка два, три журнала, иль газеты:
Тамъ въ первый разъ такая новизна!
Прочли ихъ—ахнула сѣдая старина,
Всѣ тѣни славныя, Платоны, Эпиктеты...
И первый грозный мужъ, правдивый Ювеналъ:
«Возможно ль!» къ братіи своей возопіялъ,—
«Кому бы вздумалось, кому бѣ изъ насъ приснилось,
«Чтобъ на земли все такъ перемѣнилось!»

ніемъ «Городокъ», такъ: А...р—П, т. е. 1 это—А, а 17 это—р (Александръ); что же касается до 14, т. е. 14-ой буквы алфавита, то она не будетъ буква П (которая является 16-ой), но буква Н, что является въ свою очередь абсурдомъ. Цифра 14 попросту означаетъ № его кельи или комнаты, гдѣ онъ жилъ въ Лицеѣ.

¹⁾ См. Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи... Спб., 1899 г., стр. 286. Если же полагать, что «1...» означаетъ А (что могло считаться весьма правдоподобнымъ, такъ какъ его звали Алексѣемъ), то цифра 7, въ данномъ случаѣ, ничего не означаетъ—это буква Ж, а на такую букву не было ни одного лицеиста въ первомъ курсѣ. Слѣдовательно, «1...7...» можетъ только означать № комнаты, т. е. 17, въ которой жилъ въ Лицеѣ Илличевскій, выходявшей окномъ на дворецъ.

²⁾ «Сѣверный Наблюдатель» 1817 г., № 8, ч. I, стр. 256 и 263.

*

«Пасквиль рецензіи принять названье смѣль;
«Судь, судъ прямой давать берутся пустомѣли;
«Нѣтъ проку въ фонаряхъ,—Арапы побѣдѣли,—
«И я, я самъ у внуковъ поглупѣлъ ¹⁾!»
NN.

Съ такимъ поэтическимъ матеріаломъ Илличевскій вступилъ въ свѣтъ; многія изъ этихъ эпиграммъ, помѣщенныхъ въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» за 1817 годъ, были, конечно, писаны еще въ Лицеѣ. Такъ какъ 9 іюня воспитанники кончили курсъ Лицея, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, и тѣ произведенія Илличевского, которые появились въ этомъ журналѣ и послѣ 9 іюня, т. е. въ послѣднихъ книжкахъ «Сѣвернаго Наблюдателя», могутъ быть безъ особенной натяжки признаны сочиненными еще въ бытность его въ Лицеѣ²⁾.

Мы привели эти стихотворенія здѣсь, считая ихъ за стихи, писанные Илличевскимъ въ бытность его въ Лицеѣ.

О службѣ Илличевского мнѣ хотѣлось имѣть свѣдѣнія, которыя должны бы были быть какъ въ дѣлахъ почтоваго вѣдомства, такъ и въ дѣлахъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, гдѣ Илличевскій служилъ Начальникомъ Отдѣленія. Обратившись въ Архивъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, я нашелъ тамъ формулярныя свѣдѣнія о службѣ его отца, Даміана Васильевича Илличевского, которыя помѣщены нами въ началѣ этого біографическаго очерка. Что касается до Алексѣя Даміановича Илличевского-лицейца, то всѣ мои хлопоты получить его формуляръ оказались тщетными. Управляющій Канцеляріей Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣіемъ отъ 24 марта 1909 г. за № 2467 увѣдомилъ меня, «что по тщательно наведеннымъ справкамъ въ Архивъ Главнаго Управленія оказалось: 1) что Статскій Совѣтникъ А. Д. Илличевскій до мая 1836 года служилъ начальникомъ V-го отдѣленія Департамента Государственныхъ Имуществъ Министерства Финансовъ, а въ маѣ 1836 года назначенъ начальникомъ III-го отдѣленія того же Департамента; въ маѣ 1837 года онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы по болѣзни; 2) бумаги о службѣ Илличевского и въ числѣ ихъ формуляръ о службѣ его находятся въ дѣлѣ Канцеляріи Департамента Государственныхъ Имуществъ 1825 года № 30, но это дѣло въ Министерство Государственныхъ Имуществъ не было передано, такъ какъ послѣднее образовано было Высочайшимъ указомъ 26 декабря 1837 года и открыло свою дѣятельность съ 1 января 1838 года, а Илличевскій вышелъ въ отставку ранѣе открытія новаго Министерства. Такимъ образомъ дѣло объ Илличевскомъ слѣдуетъ искать въ Архивѣ Министерства Финансовъ».

¹⁾ «Сѣверный Наблюдатель» 1817 г. ч. 2, № 24, стр. 338.

²⁾ Строго разграничить, какія стихотворенія были написаны Илличевскимъ въ Лицеѣ и какія послѣ—нѣтъ возможности.

Вслѣдствіе этого я обратился въ Министерство Финансовъ, и Директоръ Канцеляріи названнаго Министерства письмомъ отъ 10 апрѣля 1909 года за № 2805 увѣдомилъ меня, «что имъ было сдѣлано распоряженіе о наведеніи въ Архивъ справки по этому дѣлу. Справкою этою установлено, что формулярнаго списка о службѣ с. с. Илличевскаго въ Архивъ Канцеляріи не хранится, а равно не имѣется никакихъ данныхъ о томъ, куда было передано указанное выше дѣло Департамента Государственныхъ Имуществъ 1825 г. № 30». Поэтому я вновь обратился къ Директору Канцеляріи Землеустройства и Земледѣлія и изложилъ ему отвѣтъ полученный мною изъ Министерства Финансовъ. Къ этому я присовокупилъ, что мнѣ припоминается, что въ бытность мою на службѣ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ въ Архивъ Министерства были присланы дѣла Департамента Государственныхъ Имуществъ изъ Министерства Финансовъ, и я разбиралъ тамъ одно дѣло—объ отданіи подъ судъ Дубенскаго. Можетъ быть въ числѣ этихъ дѣлъ находится и дѣло объ Илличевскомъ. На это я получилъ отвѣтъ отъ 16 апрѣля 1909 года за № 3004, «что по справкамъ въ дѣлахъ Архива Главнаго Управленія по ревизіи въ 1837 году бывшаго Департамента Государственныхъ Имуществъ Министерства Финансовъ, никакихъ данныхъ, касающихся службы А. Д. Илличевскаго, не оказалось».

Не увѣнчались также никакими результатами и мои поиски въ Главномъ Управленіи Почтъ и Телеграфовъ. Начальникъ Главнаго Управленія письмомъ отъ 17 апрѣля 1909 года за № 22320 увѣдомилъ меня, что при самомъ тщательномъ розыскѣ въ дѣлахъ Архива Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ никакихъ свѣдѣній о службѣ по почтовому вѣдомству... Илличевскаго не оказалось.

Наконецъ, я обратился къ Г. Томскому Губернатору, въ виду того, что Илличевскій служилъ въ Томскомъ почтамтѣ. Исполняющій должность Губернатора Томскій вице-губернаторъ отвѣтилъ мнѣ, отъ 13 апрѣля 1909 г., нѣсколькими интересными строками, которыя я позволю привести здѣсь: «Какъ бывший лицеистъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ исполнилъ бы Вашу просьбу; но къ сожалѣнію Архивъ Томскаго Губернскаго Управленія не содержитъ въ себѣ нужныхъ Вамъ документовъ: лѣтъ 10 тому назадъ подъ видомъ архивной комиссіи собрались вандалы и продали массу цѣнныхъ документовъ по лавкамъ; въ ихъ числѣ были и послужные списки должностныхъ лицъ» ¹⁾.

Такимъ образомъ, при всемъ моемъ стараніи я ни откуда не могъ получить формулярнаго списка Илличевскаго.

Если мы обратимся къ вопросу, очень интересному для каждой біографіи, съ

¹⁾ Пользуюсь случаемъ, чтобы принести глубокую благодарность г. Томскому вице-губернатору И. И. Штевену за любезный отвѣтъ на мое письмо и за выписку изъ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (№ 33, отъ 21-го августа 1871 года, ст. К. Н. Кострова).

къмъ данное лицо имѣло сношенія въ жизни, съ кѣмъ онъ встрѣчался, у кого бывалъ и пр., то мы должны здѣсь констатировать тотъ фактъ, что Илличевскій, уѣхавъ, сейчасъ же по выпускѣ изъ Лицея, въ Сибирь къ своему отцу, поневолѣ долженъ былъ порвать всѣ свои личныя отношенія къ товарищамъ и долженъ былъ ограничиться письменными сношеніями. Какъ мы уже видѣли выше, изъ товарищей Илличевского, съ которыми онъ ближе сошелся, былъ Дельвигъ. Когда Илличевскій въ 1821 году пріѣхалъ въ Петербургъ, то онъ посѣтилъ Дельвига, который пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1821 году, и двухъ другихъ друзей:

Пришли три гостя въ обитель поэтову

Съ дальнихъ сторонъ:

Отъ Финновъ блѣдныхъ,

Ледяноволосыхъ ¹⁾;

Отъ Рейна старца ²⁾;

Отъ моря сыпучаго

Азійскихъ песковъ ³⁾

и написалъ по этому поводу «Диѳирамбъ» «на пріѣздъ трехъ друзей, трехъ гостей» ⁴⁾.

Что касается до отношеній Илличевского къ Пушкину, то они съ выходомъ ихъ изъ Лицея совершенно порвались. Въ перепискѣ Пушкина съ разными лицами мы не находимъ ни одного письма Илличевского къ Пушкину, а также ни одного письма Пушкина къ Илличевскому. Даже въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина «19 октября 1825 г.» («Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ») имя Илличевского не упоминается, а между тѣмъ здѣсь собраны и воспѣты многіе товарищи Пушкина, которыхъ онъ всего болѣе любилъ, а въ этомъ числѣ не оказывается Илличевского. Поэтому можно предположить, что и дружба ихъ была настолько несерьезна, что по выходѣ ихъ изъ Лицея она если не прекратилась, то во всякомъ случаѣ зависѣла отъ случайныхъ встрѣчъ.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Михайлъ Лукьяновичъ Яковлевъ — ихъ общій товарищъ—сообщалъ Пушкину, въ одномъ изъ своихъ писемъ, о несчастии, обрушившемся на Илличевского — о смерти его матери ⁵⁾. Изъ этого видно, что

¹⁾ Е. А. Баратынскій.

²⁾ Вѣроятно, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ.

³⁾ Въ послѣднихъ двухъ стихахъ говорится объ Илличевскомъ. Эткихъ трехъ гостей Дельвигъ въ своемъ «Диѳирамбѣ» величалъ такъ:

«...Три гостя, съ дѣтства товарищи, спутники, братья мои...»

⁴⁾ Полное собраніе стихотвореній барона А. Дельвига. Изданіе третье. Спб., 1892 (?) г., стр. 63.

⁵⁾ Сочиненія Пушкина. Изд. Императ. Академіи Наукъ. Переписка. Подъ редакц. В. И. Сайтова. Спб., 1908 г., т. 2, стр. 288. Письмо М. Л. Яковлева отъ 23 іюля 1831 г., изъ С.-Петербурга.

Пушкинъ все же имѣлъ свѣдѣнія объ Илличевскомъ, хотя эти свѣдѣнія доходили къ нему изрѣдка и случайно.

Что касается до переписки Энгельгардта со своими первокурсниками Вольховскимъ, Матюшкинымъ и другими, то въ этой перепискѣ можно найти нѣкоторыя свѣдѣнія о жптѣ-бытѣ Илличевского. Такъ, въ письмѣ къ Матюшкину отъ 7 августа 1817 года, какъ мы уже видѣли, Энгельгардтъ сообщалъ Матюшкину, что «Илличевскій отправился къ отцу въ Сибирь», а въ письмѣ къ Матюшкину отъ 9 марта 1818 г. Энгельгардтъ упоминаетъ, что ему пишетъ Илличевскій изъ Томска. Изъ письма отъ 21 июня 1821 года мы уже извлекли свѣдѣніе, что письмо Матюшкина было прислано на имя Илличевского и имъ препровождено Энгельгардту. Въ письмѣ Энгельгардта къ Вольховскому отъ 30 ноября 1821 года мы находимъ слѣдующее извѣстіе объ Илличевскомъ: «Въ Генварѣ ожидаю я сюда Илличевского, который будетъ служить здѣсь при Сперанскомъ. Онъ, кажется, очень хорошаго объ немъ мнѣнія, такъ какъ вообще о Лицеѣ и лицейскихъ». Это подтверждаетъ мою мысль, выраженную въ началѣ этого очерка, что дружескія связи, возникшія въ Духовной академіи между Илличевскимъ-отцомъ и Сперанскимъ не только способствовали карьерѣ самого Илличевского-отца (перескочившаго изъ начальниковъ отдѣленія въ Томскіе Губернаторы), но и способствовали карьерѣ двухъ его сыновей, изъ которыхъ Павелъ былъ впоследствии Товарищемъ Министра Юстиціи.

Въ одномъ изъ писемъ Энгельгардта къ Матюшкину (отъ 2 Генваря 1822 г.) мы встрѣчаемъ просьбу его, чтобы Матюшкинъ изъ поѣздки своей въ Новоколымскъ прислалъ бы для его коллекціи интересныхъ минераловъ, которые Энгельгардтъ собирался помѣстить вмѣстѣ съ коллекціей рудъ, присланныхъ изъ Сѣверной Америки. Энгельгардтъ добавляетъ: «Прошу непременно съ сей поѣздки не возвратиться съ пустыми руками, какъ съ первой, а непременно привезти въ нашъ Кабинетъ какія-нибудь естественныя рѣдкости Ледовитаго моря или края. Я люблю украшать наши коллекціи именами нашихъ воспитанниковъ, — это въ честь имъ и намъ. И Илличевскому, котораго ожидаю въ скоромъ времени сюда, данъ тотъ же приказъ». Объясняется это тѣмъ, что въ это время Илличевскій путешествовалъ. Изъ дневника Модеста Корфа мы знаемъ, что, по выходѣ въ отставку, онъ «путешествовалъ за границу» и, пріѣхавъ, вновь поступилъ на службу¹⁾. Объ этомъ путешествіи Илличевскій помѣстилъ статью въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ». Впрочемъ, Д. Θ. Кобеко полагаетъ, что статья эта содержитъ описаніе заграничнаго путешествія Илличевского 1824 г. (Д. Θ. Кобеко: «Императорскій Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы 1811—1843 г.г.» Спб., 1911 г., стр. 316).

¹⁾ Изъ дневника барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. 1839 г., гл. II. «Русск. Стар.» 1904 г., СХVIII, іюнь, стр. 554.

Въ коллекціи писемъ товарищей къ Владиміру Дмитріевичу Вольховскому мы находимъ одно письмо отъ ноября (безъ числа и безъ подписи) 1829 года, въ которомъ помѣщены формулярныя свѣдѣнія о всѣхъ первокуреникахъ. Хотя такія свѣдѣнія въ шутиливой формѣ сообщалъ Вольховскому, впоследствии, Мпхаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ, но данное письмо, вѣроятно, писано Федоромъ Христіановичемъ Стевенемъ. Я заключаю это изъ того, что онъ обращается къ Вольховскому на «Вы». Это единственный товарищъ Вольховскаго, который, хотя и былъ очень друженъ съ нимъ, но въ письмахъ всегда обращался къ нему на «Вы».

Вотъ что писалъ этотъ анонимный корреспондентъ: «Илличевскій. Надв. Сов. 3 степ. кав. Столоначальникъ въ Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ. Жалуется на несчастіе по службѣ, огорчается особенно тѣмъ, что даже Яковлевъ его обогналъ, но сильно надѣится на будущую протекцію Модеста Андрѣевича» (Корфа).

Въ письмѣ Энгельгардта къ Матюшкину отъ 7 апрѣля 1830 года мы читаемъ: «Илличевскій все вѣрхомъ толстѣеть; впрочемъ, служить по финансамъ съ похвалою».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 22 Января 1831 года, говорится почти то же самое: «Илличевскій, говорятъ, дѣловой человекъ, служить по финансамъ». Въ письмѣ отъ 4 декабря 1831 года повторяется опять то же самое: «Илличевскій — начальникъ отдѣленія, все вѣрхомъ толстѣеть». Въ письмѣ отъ 28 мая 1832 года онъ опять пишетъ: «Илличевскій начальникъ отдѣленія и, говорятъ, съ успѣхомъ занимается». (См. въ концѣ настоящаго очерка). А отъ 30 іюля 1833 года: «Илличевскій въ качествѣ начальника отдѣленія качаетъ финансами». То же самое сообщалъ Энгельгардтъ и Вольховскому отъ 22 сентября 1832 года: «Илличевскій начальникъ отдѣленія и все вѣрхомъ толстѣеть».

Въ письмѣ Яковлева отъ 4 Января 1826 г. къ Вольховскому мы находимъ такую характеристику Илличевскаго: «Илличевскій, какъ путешественникъ, наблюдатель, маршируетъ по Петербургу съ золотыми очками, безъ которыхъ ничего не значили бы его пронизательныя очи.—Представленъ къ Владимірскому кресту, а ему очень хочется быть кавалеромъ разныхъ орденовъ. Честолюбія у Алексѣя Дамьяновича довольно, мы это съ тобой давно знаемъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 11 іюня 1835 года, изъ С.-Петербурга, Яковлевъ передаетъ Вольховскому слѣдующія интересныя подробности: «Илличевскій купилъ домъ за 60 т. рублей, а старый продалъ. -- Бѣдняга худѣетъ и упалъ совсѣмъ духомъ. Я иногда его разшевеливаю, но не надолго. Онъ живетъ совершеннымъ отшельникомъ и безпрестанно лечится». — Въ 1837 г., 17 февраля, баронъ Корфъ писалъ Вольховскому: «Илличевскій былъ въ ужасной ипохондріи, теперь нѣсколько оправился, но всетаки хочетъ оставить службу и ѣхать въ деревню, хоть на время».

Наконецъ, въ письмѣ Яковлева изъ Петербурга отъ 22 іюня 1837 года мы имѣемъ послѣднія извѣстія объ Илличевскомъ, почти передъ его смертію. Яковлевъ пишетъ Вольховскому слѣдующее объ Илличевскомъ: «Алексѣи Даміановичъ опять захирѣлъ, такъ что принужденъ былъ оставить службу и уѣхать на лѣто къ дядѣ въ деревню во Владимірскую Губернію. Впрочемъ несмотря на свою хилость, онъ надѣется еще, по возвращеніи, служить.— Не честолюбіе мучитъ его: оно ужъ его оставило, а мысль, что не чѣмъ жить, хотя роптать ему на Бога нечего. И домикъ у него приноситъ доходу около 5000 руб., да и самъ даромъ живетъ, и деньжонки есть. Видно мы старѣемъ, что страсть къ деньгамъ припадаетъ».

Но самую убійственную характеристику Илличевского даетъ другой товарищъ его, Модестъ Андреевичъ Корфъ, въ своемъ дневникѣ:

«Еще въ Лицеѣ показывалъ явно желчный и завистливый характеръ, который послѣ отразился во всей его жизни и отравлялъ ее для него самого. Съ острымъ умомъ, съ большимъ дарованіемъ къ эпиграммѣ, онъ писывалъ прежде много стиховъ; но хотя при смерти его (въ 1837 г.) въ журналахъ назвали его «извѣстнымъ нашимъ литераторомъ», однако, извѣстность эта умерла вмѣстѣ съ нимъ... Онъ служилъ сперва въ Министерствѣ Финансовъ, потомъ долго жилъ въ отставкѣ и путешествовалъ за границей, и, наконецъ, вступилъ опять въ Министерство Финансовъ, въ которомъ и умеръ начальникомъ отдѣленія. Какъ собесѣдникъ онъ былъ чрезвычайно пріятель, но друзей не имѣлъ: подозрительный и себялюбивый характеръ удалялъ его отъ всякаго сердечнаго сближенія» ¹⁾. Къ этимъ неблагоприятнымъ свѣдѣніямъ современниковъ о непріятныхъ свойствахъ характера Илличевского можно прибавить еще то, что говорить о немъ академикъ Гротъ и В. Гаевскій. По словамъ Грота, «Илличевскій былъ остроуменъ, но вспыльчивъ, задоренъ и сварливъ» ²⁾. А Викторъ Гаевскій говоритъ, что Илличевскій «былъ до конца жизни только острякомъ, и притомъ довольно пошлымъ» ³⁾.

Мизантропическій характеръ Илличевского не могъ привлекать къ нему много знакомыхъ. Вслѣдствіе этого кругъ его знакомствъ, за исключеніемъ его товарищей, былъ, вѣроятно, очень ограниченъ.

Число семейныхъ домовъ, имъ посѣщаемыхъ, не могло быть обширно, и мы очень мало знаемъ о такихъ семейныхъ домахъ. Извѣстно, напримѣръ, что Илличевскій посѣщалъ домъ С. Д. Пономаревой, гдѣ бывалъ баронъ Дельвицъ, который и познакомилъ Илличевского съ Пономаревой. Въ этомъ домѣ собирався кружокъ молодежи, который, въ восторженномъ поклоненіи, несъ къ ногамъ хозяйки

¹⁾ Изъ дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 г., гл. II. «Русск. Стар.» 1904 г., т. СХVIII, іюнь, стр. 554.

²⁾ Я. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 71.

³⁾ В. Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія—«Современникъ» 1863 г., томъ ХСVII, стр. 146.

свои чувства. Дельви́гъ, при всей своей лѣни, также воспѣвалъ С. Д. въ восторженныхъ стихахъ:

О сила чудной красоты!
Къ любви по опыту холодный,
Я забывалъ, душой свободный,
Безумной юности мечты
И пѣль, товарищамъ угодный,
Вино и дружество: но ты
Явилась, душу мнѣ для муки пробудила,
И лира про любовь опять заговорила ¹⁾.

То же чувство, что и весь кружокъ, воодушевляло и Илличевскаго, и онъ внесъ нѣсколько стиховъ въ альбомъ С. Д. Пономаревой.

Напримѣръ, онъ вписалъ ей слѣдующее четверостишіе:

Альбомъ, гдѣ суждено храниться именамъ
Всѣхъ чувствами любви, почтенья къ вамъ влекомыхъ,
Быть долженъ списокъ всѣхъ, не только вамъ знакомыхъ,
Но всѣхъ, кто знаетъ васъ, хотъ и не знаемъ самъ ²⁾.

Ей же онъ посвящаетъ слѣдующее стихотвореніе по поводу ея желанія, чтобы онъ переписалъ въ ея альбомъ нѣсколько своихъ эпиграммъ:

Въ альбомахъ мѣсто ль Эпиграммамъ?
Но вы велѣли—вотъ онѣ:
Гоня смѣшное, милымъ дамамъ
Нешлобъ противурѣчить мнѣ.
Я видя тьму оригиналовъ,
Увлекся духомъ эпиграммъ;
Но раньше будь извѣстенъ вамъ,
То былъ бы авторъ Мадригаловъ ³⁾.

Другой домъ, въ которомъ бывалъ Илличевскій, это домъ Н. И. Павлицева, жена котораго, Ольга Сергѣевна, была сестрою Пушкина.

Здѣсь собирались товарищи Павлицева по первому курсу «лицейскаго благороднаго пансіона»—Александръ Павловичъ Безакъ и баронъ Николай Ефремовичъ Бухольцъ и знакомые: М. И. Глинка, Сергѣй Александровичъ Соболевскій,

¹⁾ Полное собраніе стихотвореній барона А. Дельвига, изд. 3, «Въ альбомъ» (стр. 34) и многіе другіе стихи, напримѣръ: «Сонетъ С. Д. П—ой» («Въ Испаніи Амуръ не чужестранецъ»; стр. 25); «За ваше нѣжное участіе» (стр. 37); эпиграфия ей же: «Жизнью земною играла она» (стр. 43) и т. д.

²⁾ Опыты въ антологическомъ родѣ, А. Илличевскаго. Спб., 1827 г., стр. 30.

³⁾ Тамъ же, стр. 45.

Дельвигъ и Илличевскій. Всѣ они любили Павлищева и считались его задушевными друзьями, а въ числѣ ихъ были самъ Пушкинъ и его братъ Левъ Сергѣевичъ ¹⁾).

Какъ то Ольга Сергѣевна, сестра Пушкина, въ 1831 году прочла брату свои «Воспоминанія», писанныя на французскомъ языкѣ и приведшія его въ восторгъ. Особенно понравились Пушкину отрывки, касающіеся біографіи предковъ Ганнибаловъ, и онъ просилъ сестру прочесть ихъ тѣмъ слушателямъ, которыхъ онъ приведетъ къ ней на другой день. Сестра согласилась, и на другой день вмѣстѣ съ Пушкинымъ пришли его другъ Плетневъ, пріѣхавшій изъ Москвы, князь Вяземскій, Соболевскій, Илличевскій и еще кое-кто ²⁾).

Изъ этого можно было бы вывести заключеніе, что Илличевскій пользовался настолько уваженіемъ Пушкина, что былъ приглашенъ на чтеніе «Воспоминаній» (Ольги Сергѣевны, какъ экспертъ, какъ цѣнитель художественнаго произведенія.

Бывалъ Илличевскій у своего друга Дельвига, гдѣ встрѣчался съ Пушкинымъ и другими товарищами: Яковлевымъ, Комовскимъ, съ Валеріаномъ Платоновичемъ Лангеромъ (II курса), съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ Эристовымъ (тоже II курса), съ молодыми поэтами Андреемъ Ивановичемъ Подолинскимъ и Василіемъ Николаевичемъ Щастнымъ, которымъ покровительствовалъ Дельвигъ, наконецъ—съ Мицкевичемъ. Кромѣ нихъ, встрѣчался Илличевскій у Дельвига съ княземъ Сергѣемъ Голицынымъ и Михаиломъ Ивановичемъ Глинкой, написавшимъ вдохновенную, дивную музыку къ словамъ Пушкина и Дельвига ³⁾).

У Анны Петровны Кернъ бывалъ Илличевскій и также вдохновлялся ею, какъ и Пушкинъ, который посвятилъ ей одно изъ лучшихъ своихъ произведеній:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мною явилась ты
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты!

И Илличевскій не могъ остаться равнодушнымъ къ обаянію красоты Анны Петровны Кернъ. Но не на всѣхъ дѣйствуетъ одинаково красота. Если у Пушкина она вылилась въ вдохновенныхъ, чарующихъ звукахъ, то у Илличевского—напротивъ: въ саркастическихъ и смѣшныхъ стихахъ. Чтобы понять соль его посланія къ А. П. Кернъ, нужно вспомнить, что отецъ ея имѣлъ горчичную фабрику, и вслѣдствіе этого Илличевскій часто называлъ ее:

Сердечъ царица,
Горчична мастерица!

¹⁾ Л. Н. Павлищевъ: «Изъ семейной хроники». «Историческій Вѣстникъ» 1888 г., май, т. XXXII, стр. 310.

²⁾ Л. Н. Павлищевъ: «Изъ семейной хроники». «Историческій Вѣстникъ» 1888 г., августъ, т. XXXIII, стр. 248.

³⁾ См. Воспоминанія А. П. Марковой-Виноградовой (Кернъ) въ книгѣ: «Пушкинъ» Л. Н. Майкова. Спб., 1899 г., стр. 253.

Вотъ это посланіе Илличевскаго къ Аннѣ Петровнѣ:

Влизъ тебя, въ восторгѣ нѣмъ,
Пью отраду и веселье;
Безъ тебя я жадно ѣмъ
Фабрики твоей издѣлье.
Ты такъ сладостна мила!
Люди скажутъ: «Небылица,
«Чтобъ тебя подѣ часъ могла
«Мнѣ напоминать горчица».
Безъ горчицы всякій столъ
Мнѣ теперь сухоѣденье:
Честолюбцу льститъ престолъ,
Мнѣ жь—горчиницей владѣнье.
Но угодно такъ судьбѣ,
Ни вдова ты, ни дѣвица,
И моя любовь къ тебѣ
Послѣ ужина горчица ¹⁾).

Анна Петровна рассказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что, когда Пушкинъ бывалъ у родителей своихъ, то съ нимъ всегда дѣлалась хандра, сплинъ. Въ такомъ мрачномъ настроеніи духа стоялъ онъ, однажды, въ гостиной у отца своего и грѣлся у камина, заложивъ назадъ руки. Бывшій тутъ Илличевскій, желая развеселить Пушкина, сказалъ экспромтъ, пародируя извѣстное стихотвореніе Пушкина «Демонъ» ²⁾:

У печки, погруженъ въ молчанье,
Поднявши фракъ, онъ спину грѣлъ
И никого во всей компаньѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Эта остроумная выходка развеселила Пушкина, и онъ сдѣлался очень любезенъ ³⁾.

Если мы сказали выше, что Илличевскій, уѣхавъ въ Сибирь, порвалъ связи съ прежними своими товарищами, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что онъ не имѣлъ письменныхъ сношеній со своими бывшими друзьями. Когда же онъ возвратился изъ далекой Сибири, то дружеская связь эта возобновилась. Мы

¹⁾ Воспоминанія А. П. Марковой-Виноградовой (Кернъ); у Л. Н. Майкова, стр. 253.

²⁾ Какъ извѣстно, это прекрасное стихотвореніе оканчивалось слѣдующими двумя стихами:

И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

³⁾ Воспоминанія А. П. Марковой-Виноградовой (Кернъ); у Л. Н. Майкова, стр. 265.

встрѣчаемъ его на многихъ лицейскихъ годовщинахъ ¹⁾), изъ которыхъ нѣкоторыя праздновались даже у него въ квартирѣ.

На этихъ годовщинахъ, какъ извѣстно, велся протоколъ, и нѣсколько такихъ протоколовъ были переданы, послѣ смерти Яковлева, Матюшкину, отъ котораго перешли къ Якову Карловичу Гроту.

Празднованіе лицейскихъ годовщинъ началось съ перваго же года по выходѣ первокурсниковъ изъ Лицея. Это видно изъ неизданнаго стихотворенія Илличевского: «На 19-ое октября 1822 года». Въ этомъ стихотвореніи Илличевскій повѣствуетъ, что товарищи его не пропускали этого дня въ продолженіе 11-ти лѣтъ.

Письменные воспоминанія о лицейскихъ годовщинахъ сохранились, и то съ перерывами, только съ годовщины 1822 года.

Годовщина 1822 года, какъ свидѣтельствуетъ стихотвореніе Илличевского, была отпразднована въ квартирѣ Илличевского. Въ празднованіи этомъ принимали участіе 15 товарищей, но Пушкина между ними не было, такъ какъ въ то время онъ жилъ на югѣ Россіи. Дельвигъ и самъ хозяинъ—Илличевскій—читали друзьямъ свои стихотворенія на этотъ день. Къ сожалѣнію, Гаевскій, не желая «утомлять вниманіе читателей», не даетъ описанія праздника, а также не приводитъ ни именъ присутствовавшихъ лицейстовъ, ни читанныхъ стиховъ.

Гаевскій мотивируетъ это тѣмъ, что «подробности, касающіяся какъ этой, такъ и другихъ подобныхъ сходокъ, и любопытныя только для небольшого кружка, но скучныя для большинства читателей, сохранены въ переданной въ бібліотеку Лицея рукописи предлагаемой статьи, изъ которой сообщаемъ для печати только немного, имѣющее литературное значеніе и преимущественно относящееся къ великому поэту, которому Лицей прежде всего и обязанъ своимъ значеніемъ».

Несмотря на тщательные поиски, мнѣ не могли найти въ лицейской бібліотекѣ рукописи В. Гаевского. Приходится сожалѣть, что, вслѣдствіе такого либеральнаго взгляда Гаевского, подробности интимной стороны лицейскихъ годовщинъ не сохранились. И, дѣйствительно, во время печатанія статьи Гаевского смотрѣли на трудъ сапожника выше, чѣмъ на трудъ Пушкина; поэтому интимныя подробности о малоизвѣстныхъ товарищахъ Пушкина вовсе не были бы напечатаны въ такомъ либеральномъ журналѣ, какъ «Отечественныя Записки».

Я. К. Гротъ въ дополненіе къ «Лицейскимъ годовщинамъ» ²⁾ сообщаетъ о слѣдующемъ экспромптѣ Илличевского. Ихъ было три куплета, но Гротъ, находя

¹⁾ См. В. Гаевскій: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время (по поводу 50-ти-лѣтняго юбилея Лицея 19 октября 1861 года)». «Отечественныя Записки», издаваемыя А. Краевскимъ и С. Дудышкинымъ. Томъ СXXXIX, 1861 г., стр. 29—41. А также см. статью академика Я. Грота: «Лицейскія годовщины», въ его книгѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 81—86.

²⁾ Я. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 284—285.

ихъ очень плохими, приводитъ только средній, какъ болѣе лучший. Въ немъ мы читаемъ:

Здѣсь всё мы: изъ Литвы, Сибири,
Изъ-за Бухаринъ степей ¹⁾,
Такъ нынѣ на моей квартирѣ
Возобновляется лицей.

А Дельвигъ отвѣтилъ ему слѣдующимъ экспромтомъ, записаннымъ рукою Яковлева:

Что Илличевскій не въ Сибири,
Съ шампанскимъ кажется намъ бокаль.
Ура, друзья! въ его квартирѣ
Для насъ воскресъ лицейскій залъ.

Пропускаемъ лицейскую годовщину или сходку въ 1824 году, происшедшую въ квартирѣ жившихъ вмѣстѣ Вольховскаго, Стевена и Яковлева, такъ какъ мы не имѣемъ свѣдѣній, принималъ ли Илличевскій въ ней участіе.

На сходкѣ въ 1825 г., гдѣ былъ, между другими товарищами, и Кюхельбекеръ—это было для него первымъ и послѣднимъ разомъ, Илличевскій и Дельвигъ импровизировали куплеты; ихъ пропѣли товарищи на голосъ застольной пѣсни изъ «Волшебнаго Стрѣлка».

В. Гаевскій говоритъ, что стихи эти «весьма слабы», а потому онъ приводитъ изъ нихъ только первый и послѣдній куплетъ. Вотъ этотъ отрывокъ:

Въ третій разъ, мои друзья,
Вамъ пою куплеты я
На пиру лицейскомъ.
О, моя, повѣрьте, тѣнь
Огласить сей братскій день
Въ царствѣ Елисейскомъ...

...И въ четвертый разъ, друзья,
Воспою охотно я
Вамъ лицейскій праздникъ.
Лейся жженка черезъ край,
Ты жъ подь голосъ нашъ играй,
Яковлевъ проказникъ.

Какъ поразительный контрастъ съ этими виршами, вспомнимъ чудную элегію Пушкина, которую онъ въ своемъ Михайловскомъ написалъ по поводу этой сходки, т. е. на 19 октября 1825 г.: «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ...» Замѣтимъ

¹⁾ Здѣсь, вѣроятно, намекъ на Вольховскаго, можетъ быть присутствовавшаго на сходкѣ, который незадолго передъ тѣмъ былъ въ Бухаринъ.

..ъсь, что изъ всѣхъ тѣхъ товарищей, о которыхъ прочувствованно вспоминаеть Пушкинъ, только одинъ Дельвигъ, какъ мы видѣли, присутствовалъ на этой сходкѣ; что же касается до другого поэта-импровизатора, Илличевскаго, то о немъ Пушкинъ даже не упоминаеть въ своей элегii.

На лицейскую годовщину въ 1826 году Илличевскiй написалъ слѣдующiе стихи:

Хвала лицейскимъ! Святъ обѣтъ
Имъ день сей праздновать свиданьемъ,
Уже мы розно девять лѣтъ,
Но связаны воспомнаньемъ!
И что же время намъ? Оно
Расторгнуть братскихъ узъ не смѣеть,
И дружба наша, какъ вино,
Тѣмъ больше крѣпнеть, чѣмъ старѣеть.

Эти же стихи въ исправленномъ видѣ приводитъ Н. С. Лернеръ, заимствуя ихъ изъ «Русскаго Альманаха» на 1832 и 1833 г.г. (изд. Эртеля и Глѣбова. Спб., 1832 г., стр. 362):

Друзья! Опять насъ вмѣстѣ свелъ
Въ лицейскiй кругъ сей день завѣтной.
Не видѣли, какъ годъ прошелъ;
Мелькаетъ время непримѣтно!
Но что намъ до него? Оно
Коснуться братскихъ узъ не смѣеть,
И дружба наша, какъ вино,
Тѣмъ больше крѣпнеть, чѣмъ старѣеть.

Дельвигъ на этой годовщинѣ прочелъ свои стихи, гдѣ вспомнилъ двухъ отсутствовавшихъ товарищей: Пущина и Кюхельбекера. И Пушкинъ откликнулся изъ своей деревни стихотворенiемъ, написаннымъ во Псковѣ 13 декабря 1826 г.:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!..

А на слѣдующiй годъ, въ годовщину Лицея въ 1827 году, Пушкинъ написалъ уже обоимъ несчастнымъ товарищамъ извѣстное свое стихотворенiе:

Богъ помочь вамъ, друзья мои....

Когда же эти стихи дошли до нихъ, то Кюхельбекеръ отвѣтилъ Пушкину изъ глубины Сибирскихъ тундръ:

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли...

Протокола годовщины 1827 года не существуетъ.

Годовщина 1828 года непользована комментаторами Пушкина. Замѣтимъ только, что въ протоколѣ, писанномъ собственноручно Пушкинымъ, про Илличевскаго сказано, что «Олесенька ¹⁾ въ видѣ французскаго тамбуръ-мажора утѣшалъ собравшихся». «Олесенька» это—лицейское прозвище или кличка Алексѣя Дамьяновича. Протоколъ этотъ еще тѣмъ интересенъ, что въ немъ всѣ товарищи обозначены лицейскими кличками. Кромѣ того, въ этомъ же протоколѣ мы находимъ также нѣсколько строкъ объ Илличевскомъ. Въ первый № программы входили стихи Илличевскаго: «а) пѣли извѣстный лицейскій пѣанъ „Лѣто, знойна“. Къ этой строкѣ сдѣлано NB или примѣчаніе слѣдующаго содержанія: «Пушкинъ—Французъ открылъ, и согласилъ съ нимъ соч. Олесенька, что должно, вмѣсто общеупотребительнаго припѣва „Лѣто знойно“ пѣть, какъ выше означено». Стихотвореніе Илличевскаго было написано въ духѣ Тредьяковскаго. Въ этой пародіи мы читаемъ:

Лѣто знойно, дщерь природы
Идетъ къ намъ въ страну.

Пушкинъ же предложилъ измѣнить это стихотвореніе, переставивъ только запятую:

Лѣто, знойна дщерь природы и т. д.

Послѣ разныхъ дурачествъ и пѣнія разныхъ пѣсенъ и куплетовъ, сочиненныхъ за разные годы, «пѣли скотобратскіе ²⁾ куплеты прошедшихъ шести годовъ...» Вѣроятно, въ этихъ куплетахъ было много аттической соли и доставалось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, что Илличевскому приходилось всѣхъ «утѣшать». Поэтому слѣдующій пунктъ гласитъ: «g) Олесенька въ видѣ французскаго тамбуръ-мажора утѣшалъ собравшихся...»

Мы не станемъ далѣе воспроизводить содержаніе протокола за этотъ годъ, такъ какъ въ немъ больше ничего нѣтъ объ Илличевскомъ.

Изъ другихъ празднованій лицейскихъ годовщинъ имѣетъ значеніе годовщина 1831 года, тѣмъ, что на эту годовщину Пушкинъ не попалъ. Какъ сказано въ протоколѣ, «потому только, что не нашелъ квартиры». Сходка эта происходила въ квартирѣ Яковлева. Пушкинъ написалъ, какъ извѣстно, стихотвореніе «Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей...», интересное тѣмъ, что въ концѣ его онъ вспоминаетъ о шести умершихъ товарищахъ и въ томъ числѣ о Дельвигѣ, умершемъ въ началѣ января 1831 года.

Намъ неизвѣстно, присутствовалъ ли на этой годовщинѣ Илличевскій или нѣтъ.

¹⁾ У Я. К. Грота мы читаемъ: «Олесенька»: Вѣроятно, это описка. У него же опущено слово «французскій» (тамбуръ-мажоръ).

²⁾ Что означаютъ «скотобратцы»—мы уже объясняли много разъ, напримѣръ, въ біографической замѣткѣ о Вольховскомъ (т. I, стр. 155).

Годовщина 1832 г. праздновалась въ квартирѣ женатаго брата Илличевскаго — Платона Даміановича. На этой годовщинѣ присутствовало всего восемь человѣкъ и въ ихъ числѣ Пушкинъ. Объ этой годовщинѣ даетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ, который писалъ своему воспитанику Ө. Ө. Матюшкину въ письмѣ отъ 23 октября 1832 г. слѣдующее: «Къ стати о 19 октября: была сходка годовая, нелюдная, — Корфъ, Комовскій, Корниловъ, Стевень, Пушкинъ, Яковлевъ, Илличевскій, Данзасъ итого 8 человѣкъ. — Юдинъ, Гревеницъ, Мартыновъ — не являются. Собраніе было у Илличевскаго, въ квартирѣ женатаго брата его. Пушкинъ сговорилъ довольно милые стишки, которые надѣюсь получить и прислать тебѣ. Поминали старину, поминали отсутствующихъ, умершихъ; и тѣхъ и другихъ много! Спасибо остающимся, что держатся старины».

Въ 1833 году Илличевскій, за отсутствіемъ Пушкина, который находился въ селѣ Волдинѣ, Нижегородской губерніи, прочелъ свой привѣтъ «На 19-ое октября».

Объ этой лицейской сходкѣ мы находимъ интересныя свѣдѣнія въ письмѣ Энгельгардта къ Вольховскому. Отъ 5 ноября 1833 года Энгельгардтъ писалъ: «19 октября праздновали смиренно и тихо у Яковлева; кромѣ хозяина были: Корфъ, Комовскій, Стевень, Корниловъ, Илличевской, Данзасъ и — о чудо! Юдинъ! Въ отсутствіе Пушина (Sic) Илличевскій сплелъ стишки:

Опять мы на лицейскій праздникъ
Соединились въ кругъ родной;
Спасибо, Яковлевъ, проказникъ!
Ты староста у насъ лихой.
Средь пѣсень и стакановъ звуку ¹⁾
Лицей мы обновимъ опять.
Смотрите жъ, братцы, дайте руку
День этотъ вѣчно поминать ²⁾.
Но время непримѣтно льется,
Нашъ кругъ все меньше и тѣснѣй;
Когда то одному придется
Всѣхъ пережить своихъ друзей??!

¹⁾ Этого стиха вовсе нѣтъ у Гаевского.

²⁾ Въмѣсто этихъ трехъ стиховъ мы находимъ у Гаевского:

Лицей, когда мы соберемся,
Въ насъ обновляется опять.
Смотрите-жъ, братцы, поклянемся
День этотъ вѣчно поминать.

Эти же куплеты приводитъ и К. Я. Гротъ въ своей брошюрѣ: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него». Спб., 1910 г., стр. 15 и 16.

Но пусть и тотъ сей день помянетъ
За полной чашею вина.
Ура! еще лицемъ грянетъ
И чашу осушить до дна...

Спасибо и за эти стихи, и спасибо, что 19 октября все постоянно чествать».

Стихотвореніе это какъ Гаевскій, такъ и К. Я. Гротъ, приводятъ въ сокращенномъ видѣ, только два куплета, послѣднихъ восьми стиховъ у нихъ нѣтъ. Нами стихотвореніе это, какъ уже выше было сказано, приводится изъ письма Энгельгардта къ Вольховскому и въ такомъ видѣ оно печатается здѣсь впервые.

Въ 1834 году собрались у Яковлева семь человекъ, въ томъ числѣ Илличевскій и Пушкинъ. Протоколъ ограничивается воспроизведеніемъ ихъ подписей и не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей.

Въ 1835 году тѣ же лица собирались у Яковлева, за исключеніемъ Илличевского, который по болѣзни не могъ пріѣхать. Здѣсь также, какъ и въ предыдущемъ протоколѣ, никакихъ подробностей нѣтъ.

Въ 1836 году праздновалось 25-ти-лѣтіе Лицея. Мы опускаемъ подробности, предшествовавшія обѣду, предложеніе Энгельгардта, мнѣніе Пушкина и другихъ и замѣтимъ только, что на этой сходкѣ были одиннадцать человекъ: Юдинъ, Мисовдовъ, Тревеницъ, Яковлевъ, Мартыновъ, Корфъ, Пушкинъ, Илличевскій, Комовскій, Стевень и Данзаъ.

Эта сходка оказалась роковой для Пушкина и Илличевского. Это было для нихъ послѣднее празднованіе лицейской годовщины. Въ слѣдующемъ году, 1837-мъ, умеръ сперва Пушкинъ, 29 января, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 6 октября, умеръ и Илличевскій.

Слѣдуетъ замѣтить, что на 25-ти-лѣтній юбилей Лицея откликнулся изъ далекой Сибири Кюхельбекеръ, который и написалъ стихи на эту годовщину, дошедшіе въ Петербургъ черезъ 20 лѣтъ—въ 1856 году.

Илличевскій оставилъ свой слѣдъ въ литературѣ. Онъ издалъ книжку въ 16-ую долю листа, гдѣ собралъ свои произведенія какъ оригинальныя, такъ и переводныя, въ большинствѣ случаевъ напечатанныя прежде въ журналахъ. Книжка эта издана въ С.-Петербургѣ, въ 1827 году, подъ заглавіемъ: «Опыты въ антологическомъ родѣ. А. Илличевского», съ виньеткою, изображающею лиру и на ней маску комедіи; все это окружено вѣнкомъ изъ розъ. Накрестъ положены зеркало съ рукояткою и тиръ съ вѣткою винограда. На лѣвой, чистой, страницѣ помѣщенъ эпиграфъ: «Un poète n'auroit pas tort d'aimer mieux exceller dans l'épigramme ou dans le madrigal que de n'être que médiocre dans la tragédie ou dans la comédie. Trublet».

Полное заглавіе этой книжки слѣдующее: «Опыты въ антологическомъ родѣ или Собраніе краткихъ басенъ и сказокъ, нравственныхъ мыслей, надписей, Мадригаловъ».

ловъ, Эпиграммъ, Эпитафій и другижъ мѣлкихъ (?) стихотвореній Алексея Илличевского, Санктпетербургскихъ Обществъ Любителей Словесности Наумъ и Художествъ Дѣйствительнаго Члена и Вольнаго Любителя Россійской Словесности Члена Корреспондента. — Санктпетербургъ. Въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія. 1827».

Цензурное разрѣшеніе 8 февраля 1827 г. далъ цензоръ П. Гаевскій.

Достоинъ замѣчанія, что это былъ отецъ лицейста XIV курса Виктора Павловича Гаевского — комментатора Пушкина.

Своему сборнику Илличевскій предпосылаетъ слѣдующее предисловіе «Отъ сочинителя»:

«Писатель достойный довѣрія, оставившій неподражаемые образцы въ легкой поэзіи, Батюшковъ въ прекрасномъ разсужденіи своемъ о вліяніи ея на образованность языка доказавъ, что въ словесности всѣ роды приносятъ пользу языку и образованности и что пресѣщенная любовь къ искусству, ничѣмъ неопраницаваясь и не презирая никакой отрасли словесности, съ любовителемъ замѣчаетъ успѣхи оной во всѣхъ родахъ.

«Излишне бы послѣ того было оправдывать опыты въ Антологическомъ родѣ. Первоклассные наши Поэты не пренебрегали мѣлкими стихотвореніями и болѣе или менѣе упражнялись въ нихъ; нѣкоторые изъ второстепенныхъ писали оныя преимущественно. Въ семь верстовъ и конечно несовершенномъ опытѣ предлагается собраніе, посвященное исключительно таковымъ стихотвореніямъ. Но всѣ піесы по изобрѣтенію принадлежать сочинителю; многиѣ заимствованы изъ Французскаго, Нѣмецкаго и другижъ языковъ, хотя сего и не означено при каждой статьѣ. Впрочемъ источники, коими онъ пользовался, извѣстны: изъ нихъ переняли всѣ писавшіе у насъ въ семь родѣ, не исключая и другижъ стихотвореній; ибо оригинальныхъ мѣлкихъ стихотвореній въ нашей словесности еще немного, тогда какъ иноземныя, и въ особенности Французская, изобилуютъ ими безъ всякаго сравненія съ нашею. Но чему же въ такомъ случаѣ же прибѣгать къ издѣлкамъ богатыхъ сосѣдей? Одинъ счастливый подражатель сказалъ не безъ основанія: въ поэзіи, какъ на войнѣ, взятое у своихъ есть похищеніе, а у чужихъ законная добыча.

«Поэзія и въ малыхъ родахъ есть искусство трудное¹⁾; мѣлкія стихотворенія, по видимому столь маловажныя, представляютъ свѣтъ трудности, извѣстныя тому, кто упражняется въ эти роды. Если же допустить, что въ сей отрасли поэзіи чистота слога, тщательная отдѣлка стиховъ, строгѣйшее соблюденіе самыхъ евоенравныхъ правилъ стихосложенія и тонкости языка, суть необходимыя условія, то сіи бездѣлки, названныя прелестною роскошью словесности²⁾,

¹⁾ Слова изъ помлнутаго разсужденія Батюшкова. (Примѣчаніе Илличевского).

²⁾ Въ томъ же разсужденіи. (Примѣчаніе Илличевского).

достойны можетъ быть на ряду съ другими произведеніями нѣкотораго вниманія, Размножаясь съ успѣхами словесности, съ усовершенствованіемъ языка, съ большею степенью общественнаго образованія, стихотворенія сіи, какъ рои едва примѣтныхъ мотыльковъ, возвѣщающихъ ясные дни, появленіемъ своимъ не могутъ не быть пріятны.

«Сочинителю остается только желать, чтобы языкъ его сохранилъ достоинство поэзіи, слогъ соотвѣтствовалъ вездѣ предмету и статьи представляя занимательность и разнообразіе, удовлетворили вкусу образованной публики. Улыбка читателей, малѣйшее ихъ удовольствіе, замѣченный удачный стихъ будутъ для него наградою. Что касается до тѣхъ, которые опредѣляютъ цѣну сочиненія количествомъ стиховъ, то онъ считаетъ всякое съ его стороны изъясненіе, какъ для нихъ, такъ и для него бесполезнымъ».

Н. О. Лернеръ въ своемъ талантливомъ этюдѣ объ Илличевскомъ даетъ слѣдующій суровый приговоръ: *«Этимъ неуклюже-кокетливымъ присутіемъ открываются Опыты Илличевского»* ¹⁾.

Въ этомъ сборникѣ произведеній Илличевского заключается двѣсти семьдесятъ стихотвореній. Онѣ раздѣляются на двадцать четыре отдѣла, которые обозначаются «по родамъ», согласно старинному распредѣленію стихотвореній, хотя и въ то время уже отказались отъ подобнаго рода подраздѣленій. Здѣсь мы находимъ: аллегоріи (два стихотворенія), анакреонтическія стихотворенія (семь), басни (двадцать три), идилліи (три), куплеты (два), мадригалы (двѣнадцать), надгробія (семь), надписи къ портретамъ (восемь), надписи къ разнымъ предметамъ (тринадцать), нравственныя мысли (четырнадцать), разговоры (двѣнадцать), сказки (семнадцать), на разные случаи (четыре), экспромтъ (одинъ), эпиграммы (шестьдесятъ четыре), эпитафіи (девятнадцать).

Кромѣ этого, находимъ у него довольно курьезное обозначеніе стиховъ по количеству строкъ: двустипшія (пять стихотвореній), двѣнадцатистипшія (два), десятистипшія (одно), осмистипшія (девять), пятистипшія (одинъ), тріолеть (одинъ), четырестипшія (двадцать девять), шестистипшія (три), и наконецъ—эпилогъ.

Совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Лернеръ, что это «раздѣленіе» всего стихотворнаго матеріала, собраннаго Илличевскимъ, «довольно безтолковое, доказывающее что авторъ никакъ не могъ разрѣшить колебанія, по содержанію ли дѣлить стихи, или по формѣ».

Изъ «нравственныхъ мыслей», высказанныхъ Илличевскимъ, можно обратить вниманіе читателя на слѣдующія. Если бы даже эти мысли и были имъ переведены изъ другихъ авторовъ, такъ какъ онъ въ предисловіи упомянулъ, что не

¹⁾ Статья объ Илличевскомъ Н. О. Лернера, въ книгѣ «Пушкинъ» ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 426. Курьезъ нашъ.

указывает переведенных им стихотворений, то во всякомъ случаѣ эти заимствованныя мысли одобрены имъ, и онъ вполне согласенъ съ ними, какъ бы онѣ были его мыслями. Такъ, напримѣръ, въ четверостишіи подъ заглавіемъ «Предостереженіе» (стр. 12) мы читаемъ:

Въ лѣсъ не ходить, когда волковъ бояться,
Ни на войну, когда бояться ранъ,
Ни по судамъ, когда беречь карманъ,
Ни въ модный свѣтъ, коль съ правдой маткой знаться.

Въ другомъ четверостишіи, подъ заглавіемъ «Добродѣтель» (стр. 27), онъ дѣлаетъ слѣдующее опредѣленіе добродѣтели:

Мы добродѣтель чтимъ высоко,
Для смертныхъ ничего на свѣтѣ нѣтъ милѣй;
Но изъ почтенія стоимъ отъ ней далеко
И сблизиться не смѣемъ съ ней.

Болѣе содержательнымъ кажется намъ стихотвореніе подъ заглавіемъ «Песочные часы». Въ немъ высказывается довольно грустный взглядъ на жизнь, которая является для него только краткимъ поприщемъ, ведущимъ къ гробовой доскѣ. Но вѣдь, кромѣ ожиданія гробовой доски, въ жизни человѣка могутъ быть и вышія проявленія духа, творчества мысли, проявленія лучшихъ сторонъ его жизни, не говоря уже о борьбѣ жизненной, о достиженіи этическихъ идеаловъ. У Иличевского въ этихъ «Песочныхъ часахъ» (стр. 29) мы читаемъ:

Безостановочно въ стеклѣ пересыпаясь,
Сколь убѣдительно песокъ сей учить насъ,
Что такъ и жизнь уходитъ, сокращаясь,
И съ каждымъ днемъ къ намъ ближе смертный часъ;
О слабый человѣкъ! что дни твои? мгновенья!
Въ семъ краткомъ поприщѣ скользишь ты каждый шагъ;
Не примѣчая, въ гробъ стремишься съ дня рожденья;
Изъ праха созданный, разсыплешься во прахъ.

Интересно стихотвореніе «Желаніе мудраго» (стр. 34):

Пусть свѣтъ идетъ своимъ путемъ
И все своей чредой въ природѣ;
Въ уединеніи на свободѣ
Мы дни золотые проведемъ;
Попросимъ у боговъ: согласья,
Безвѣстности прямого счастья,
Трудовъ, чтобъ скуки не нажить,
Достатка, не сокровищъ вредныхъ,
Чтобъ было надѣлать чѣмъ бѣдныхъ
И зависти не возбудить.

Также интересно и слѣдующее стихотвореніе — «Разумъ человѣческій» (стр. 48):

О смертный! ты умомъ кичишься въ ослѣпленнѣ,
Къ чему же служить онъ?
Ты въ силахъ перечестъ всѣ камни, всѣ растеннѣ;
Опишешъ всѣхъ племеньъ обычай и законъ;
Ты молніи позналъ причину сокровенну;
Вліяніе свѣтилъ на землю, на тебя;
Постигнулъ словомъ всю вселенну,
А не постигъ — себя.

Къ этому же циклу стихотвореній съ нравственною тенденціею принадлежитъ стихотвореніе «Мысль Аристипа» (стр. 57):

Родится человѣкъ, умреть,
Умреть и больше не родится.
Что прошлаго желать, грядущаго страшиться?
Вчера прошло и не придетъ,
Дождемся-ль завтраго? Сей день намъ даръ судьбины:
Кто съ наслажденьемъ жилъ, тотъ тайну жить постигъ;
Такъ проживемъ же краткій мигъ
Между рожденнѣ и кончини!

Въ другомъ стихотвореніи — «Орелъ и человѣкъ» (стр. 64) — даетъ сравненіе орла съ человѣкомъ и говоритъ:

.
А человѣкъ, сей царь земли,
Въ ничтожествѣ своемъ тщеславный,
Мечтаетъ быть съ богами равный
И пресмыкается въ пыли.

Наконецъ, не мѣшаетъ обратить вниманіе на стихотвореніе «Похвала молчанію» (стр. 92):

Прекрасно быть краснорѣчивымъ,
Но безопаснѣй — молчаливымъ:
Друзья! молчанье умъ глушца
И добродѣтель мудреца.

Въ своей поэзіи Илличевскій не могъ отрѣшиться отъ старинныхъ обычаевъ давать названія дѣйствующимъ лицамъ по ихъ наклонностямъ и профессіямъ. Такъ, напримѣръ, пустой человѣкъ, хвастунъ, называется у него «Пустовымъ» (стр. 31) и «Пустономъ» (стр. 6), бездѣльникъ — «Праздновымъ»; ханжа — «Ханжиной» (стр. 46), вѣтренный — «Вѣтряннымъ» (стр. 14). У него сохранились еще «Демоны», «Лилеты», «Селимены», «Темиры», «Лили» и т. д. Съ этими

именами распрощался Пушкинъ уже до выходѣ изъ Лицея, Илличевскій же продолжалъ ими пользоваться.

Н. О. Лернеръ говоритъ: «Выраженія душевнаго волненія и печали совершенно не удавались Илличевскому и выходили у него фальшивыми и надутыми. «Мораль» его, говоря словами Пушкина, «наводитъ сонъ», — до того она пошла и жалка».

«Не глубоко былъ взглядъ Илличевскаго на жизнь, — продолжаетъ Лернеръ, — но все же онъ, обличаетъ въ немъ если не даровитаго, то просто неглупаго человѣка, понимавшаго ложь общественныхъ отношеній». Эти отношенія въ свѣтѣ изображены Илличевскимъ въ стихотвореніи «Совершенный человѣкъ» (стр. 100), гдѣ мы читаемъ:

Другого мысль проникнуть сразу,
Себя умѣть скрывать всего,
Смѣяться, плакать по заказу,
Любить и всѣхъ, и никого,
Льстить и ругать попеременно,
Лгать и обманываться вѣкъ, —
Вотъ что зовется совершенной
Въ понятіи свѣтскомъ человѣкъ.

По словамъ Н. Лернера, Илличевскій охарактеризовалъ «свое отношеніе къ жизни, простое, нехитрое, немного квіэтическое, немного эпикурейское», въ небольшомъ стихотвореніи «Три слѣпца» (стр. 10), которое онъ помѣтилъ въ числѣ аллегорій:

Судьбой на всѣ страны земныя
Постановленъ одинъ законъ;
Вселенной править три слѣпца:
Фортуна, Смерть и Купидонъ.
Жизнь наша пиръ, съ привѣтной лаской
Фортуна отворяетъ залъ,
Амуръ распоряжаетъ пляской,
Приходить Смерть — и конченъ балъ.

Всего болѣе стихотвореній, а именно 64, относится къ эпиграммамъ. Еще въ Лицеѣ Илличевскій, какъ мы знаемъ, отличался своими колкими эпиграммами.

Въ своей поэзіи Илличевскій откликался на всѣ проявленія жизни; можетъ быть его взглядъ былъ не глубоко, но все-таки Илличевскій не проходилъ мимо явленій общественныхъ и даже частной жизни, чтобы не сказать своего слова. Все человѣческое, можно сказать, было ему не чуждо. Идетъ ли вопросъ о «славѣ», Илличевскій противопоставляетъ ему вопросъ о «полезности», какъ, на примѣръ, въ баснѣ «Мечъ и плугъ» (стр. 7):

Мечъ гордый, встрѣтившись съ сохой крестьянской въ полѣ:
«Жалѣю о твоей, оказалъ, безвѣстной долѣ,

Ты роешься въ пыли—я молніей ражу,
Дѣлю вселенную, въ страхъ царства привожу».
Смиренная въ отвѣтъ: «пусть мой удѣлъ безвѣстной:
Не славной быть хочу, стараюсь быть полезной».

Илличевскаго поражаетъ непостоянство людскаго мнѣнія, невѣрность нашихъ опредѣлений, неясно сознавая польза своихъ профессій, а потому и недовольство своимъ, хула всему своему и восторгъ передъ чужимъ, что такъ удачно выражено имъ въ баснѣ «Каменщикъ и плотникъ» (стр. 15):

Мы любимъ менѣе иль болѣе
Все видѣть, какъ ни мудрено,
Одно худое—въ нашей долѣ,
Въ чужой—хорошее одно.

Все на свѣтѣ относительно, что одному полезно, то другому вредно; но и вредное можетъ быть въ иныхъ случаяхъ полезно, смотря по тому, какъ мы взглянемъ на предметъ. Въ баснѣ «Пенька и веревка» (стр. 61) Илличевскій говоритъ:

Пенька веревкѣ говорила:
«Стыдись! на то ли я на свѣтѣ тебя пустила,
Чтобы вѣшать на тебѣ людей?»
— Меня же, матушка! на помощь имъ бросаютъ,
Когда ихъ изъ воды спасаютъ:
Веревка отвѣчала ей.
Виною добра и зла всѣ вещи могутъ быть;
Все въ томъ, какъ ихъ употребить.

О злой ироніи судьбы, когда человѣкъ, казалось, позналъ всю премудрость, въ концѣ концовъ все-таки умираетъ, вопреки этой премудрости, выражено Илличевскимъ въ «Эпитафія молодому лѣбарю» (стр. 10):

Онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ: какое сожалѣнье!
Погибло знаніе, искусство и ученье!
Онъ только что успѣлъ предъ смертью сочинить:
Науку долго жить.

Эта эпитафія можетъ служить также образчикомъ остроумія автора. Съ наименьшимъ остроуміемъ относится Илличевскій къ вопросу о бракѣ, о женитьбѣ, о женахъ, о семейномъ счастіи и проч., напримѣръ: «Молитва женатаго» (стр. 12):

Женясь, предъ олтаремъ Венеры
Я три молитвы приношу:
Въ одной о здравіи Глицеры,
А въ двухъ о вѣрности прощу.

И въ стихотвореніи «Праведный Судъ» (стр. 50):

Когда Орфей, гласить преданье,
Проникъ Айдеса въ глубину,
Пѣвцу за дерзость въ наказанье
Велѣли возвратить жену;
Тутъ бѣдный мужъ струнамъ коснулся
И лирой Тартаръ огласилъ:
Плутонъ игрой его тронулся
И отъ жены освободилъ.

Взглядъ на женъ мы найдемъ въ «Эпитафій женѣ» (стр. 55):

По мужѣ умерла покойница съ печали:
Вотъ мода славная, Клеонъ!
Но ей послѣдовать едва-ли
Захочетъ кто изъ модныхъ женъ?

Въ другомъ стихотвореніи—«Не доброе-ли дѣло?» (стр. 72)—отъ Иличевскаго также достается женамъ:

О смерти думая, Климена говорила,
«Творимъ мы добрыя дѣла».
О смерти думая, она и умерла.
Что мужъ! не правду-ли покойница твердила?

О тревоженіяхъ вдовца мы читаемъ въ стихотвореніи «Испуганный вдовецъ» (стр. 93):

Работая съ сосѣдомъ въ полѣ:
«Какіе дни! сказала Тарась,
Съ недѣлю постоять не болѣ,
Все выдеть изъ земли какъ разъ». —
— Не дай Богъ, что ты вздоръ болтаешь?
Ужъ лучше въ когти сатаны:
Вѣдь у меня въ землѣ ты знаешь... —
«А что такое?» — Три жены.

О тѣхъ же отношеніяхъ мужа къ женѣ мы читаемъ въ «Эпитафій женѣ» (стр. 22):

Здѣсь мужъ жену похоронилъ,
Съ которой годъ лишь вмѣстѣ жилъ:
Какъ долго время длилось!
Теперь ужъ цѣлыхъ восемь лѣтъ
Покойницы на свѣтѣ нѣтъ:
Какъ быстро время скрылось!

Въ другомъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ «Большая болтушка» (стр. 78), приводится слѣдующій діалогъ:

«Хвораетъ у меня жена,
То жаръ съ ней, то ознобъ, ужасно нездорова!»
— Что-жь? это ничего.— «Не говоритъ ни слова».
— Не говоритъ? такъ видно, что больна.

Наконецъ, въ «Жалобѣ вдовца» (стр. 112) читаемъ:

Жены покойной погребенье
Мнѣ станеть право сотень пять;
Такое горе! разоренье!
Ужь лучше бъ ей не умирать.

Мы находимъ большое количество стихотвореній у Илличевского о поэтахъ, о ихъ горькой судьбѣ, о смерти ихъ на чердакѣ съ голода, злую иронию на неудачниковъ и на ихъ произведенія. Какъ видно, Илличевскій, самъ стихотворецъ, не дѣлалъ себѣ иллюзіи о своемъ призваніи. Въ «Эпитафіи стихотворцу» (стр. 5) мы находимъ:

Богатый рифмами, но деньгами убогой,
Подъ камнемъ сямъ лежитъ Дамонъ;
Летя безсмертья въ храмъ, дорогой
Голодой смертью померъ онъ.

Изъ стихотворенія «Несчастный Трубадуръ» (стр. 19) мы поймемъ, почему поэтъ голодной смертью померъ:

Клеть писать пѣсенки, а самъ, гонимый рокомъ,
Живеть на чердакѣ иль въ погребу глубокомъ:
Отъ этого-то знать и въ пѣсенкахъ бѣднякъ,
Какъ погребъ, холодеетъ и темень, какъ чердакъ.

Доставалось отъ Илличевского и пишущей братѣ. Плохіе стихи и плохіе поэты не получали отъ Илличевского потачки. Такъ, напримѣръ, въ двустипшіи «Кого жаль» (стр. 33) приведенъ такой разговоръ:

«Укралъ у меня» — жаль мнѣ тебя, Вралевъ!
«Тетрадь моихъ эклогъ». — Такъ жаль же мнѣ воровъ.

Зато въ своего соперника, въ парнаскаго Брута, Илличевскій кидаетъ слѣдующимъ злобнымъ двустипшіемъ (стихотвореніе «Одно другого стоитъ»; стр. 76):

Бросай стихи мои въ огонь, жестокой Брутъ!
За то твои стихи... своею смертью мрутъ.

О распространении плохих книжек Илличевскій высказывается въ стихотворении «Двойная выгода» (стр. 39):

Простономъ выдана книжонка предурная,
А раскупается, какъ опытъ мастерской:
Простоноу выгода двойная
Отъ глупости своей и глупости людско́й.

Въ довольно большомъ стихотворении подь заглавиемъ «Завидные стихи» (стр. 42) Илличевскій высмѣиваетъ поэта и его стихи:

З а в и д н ы е с т и х и .

Ты могъ бы участью съ стихами
Твоими помѣняться, Клять!
Тебя кто знаетъ, тотъ бранить;
Не знаетъ ихъ никто, и только что мышами
Нарушенъ ихъ покой въ укромномъ уголкѣ.
Въ нетопленномъ высокомъ чердакѣ
Отъ служки чуть живымъ зимой тебя находятъ—
Стихи твои у многихъ въ камелькѣ
Знай только грѣются, изъ жару не выходятъ.
Частенько голодомъ сидишь ты по три дни—
Подь здобнымъ пирогомъ для нихъ отводить мѣсто,
И корочки исподней тѣсто
Всѣхъ прежде, лакомки, отвѣдаютъ они.
Что скажете теперь вы, критики обидны?
Нѣтъ, Клять! не правда ихъ: стихи твои завидны.

А о безсмертіи поэтовъ, подь такимъ же заглавиемъ: «Поэтъ безсмертный» (стр. 43), авторъ даетъ намъ слѣдующее описаніе:

Въ возгласахъ оды сумазбродной:
«Безсмертенъ я!» кричитъ Дамонъ;
Питаюсь виршами и смертію голодной
Еще не слегши въ гробъ—безсмертенъ точно онъ.

А въ другомъ стихотворении, подь заглавиемъ «Несходство во вкусахъ» (стр. 49), мы читаемъ:

Живемъ съ тобою мы друзьями,
Хотя и сходны мало въ чемъ:
Не спишь ты ночи за стихами,
Мы, ихъ читая, спимъ и днемъ.

Далѣе мы находимъ слѣдующую «Эпиграфию худому стихотворцу» (стр. 67):

У Пиндовыхъ болотъ, подъ лавромъ симъ увядшимъ,
Здѣсь чудака положенъ прахъ:
Чтобъ быть въ презрѣніе и посмѣянье впадшимъ,
Онъ цѣлый вѣкъ провелъ въ трудахъ.

Наконецъ, въ стихотвореніи «И да, и нѣтъ» (стр. 69) Илличевскій даетъ намъ слѣдующій каламбуръ:

Что всѣ поэты дураки,
Съ тобою мы одной примѣты;
Ты не поэтъ, не ихъ руки:
Не всѣ же дураки поэты.

«Дурному чтецу» (стр. 75) Илличевскій преподноситъ слѣдующую остроуту:

Оронть! ты дурно такъ прочелъ стихи мои,
Что всѣ ихъ приняли, ей Богу! за твои.

Чтобы покончить съ стихотворствомъ и поэтами, слѣдуетъ упомянуть объ «Эпитафіи поэту» (стр. 24):

Самоубійца здѣсь Поэтъ похороненъ.
Чтожь онъ? зарѣзался, разшибся, утопился?
Потѣлъ надъ одою холодной три дни онъ,
И самъ отъ строфъ своихъ бѣдняжка простудился.

Къ циклу стихотвореній о семейной жизни можно отнести также стихи подъ заглавіемъ «Непритворное сокрушеніе» (стр. 44):

Притворно, думаете вы,
По мужъ Павловна рыдаетъ и крушится;
Но въ положеніе войдите сей вдовы:
Съ кѣмъ ей теперь браниться?

Нельзя отказать Илличевскому въ остроумномъ взглядѣ на женщинъ, выраженномъ имъ въ стихотвореніи «Средство отъ любви» (стр. 29):

На женщинъ, чтобъ не быть въ ихъ плѣнѣ,
Глядѣть по меньше—мысль твоя;
Напротивъ, чтобъ влюбляться менѣй,
Въ нихъ больше взглядываюсь я.

Много разсыпалъ Илличевскій остроумныхъ мыслей въ своихъ эпиграммахъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ мы уже познакомились. Къ числу такихъ эпиграммъ относится стихотвореніе «Уродовой» (стр. 8), т. е. къ уродливой или объ уродливой:

Умна уродова, что вышла за слѣпаго:
Давъ на себя взглянуть, не провела бь другаго.

А драматическаго писателя Илличевскій сразилъ эпитафией «Траги-Комику» (стр. 9):

Клять написалъ одну трагедію всего,
И это лучшая комедія его.

Къ числу остроумныхъ стихотвореній принадлежатъ очень многія, напримѣръ— «Естественный вопросъ» (стр. 20):

Подлихинъ не бывалъ у знатныхъ дальше залы,
Теперь смотри, какъ началъ жить:
Къ нимъ приглашается на вечера, на балы...
— Служить?

Въ «Эпитафійи поселянину» (стр. 20):

Простой Адамовъ сынъ лежитъ подъ этимъ сводомъ.
Хвались теперь другой своимъ высокимъ родомъ.

Остроумна также его колкость въ стихотвореніи «Пять вѣковъ» (стр. 96), по поводу бумажныхъ денегъ, выпускаемыхъ въ огромномъ количествѣ:

Вѣкъ золотой, какъ сонъ протекъ,
Серебранный коротокъ бѣдный,
Не знаменитъ въ потомствѣ мѣдный,
Тяжелѣй всѣхъ желѣзный вѣкъ,
Теперь насталь бумажный, что же?
Да отъ огня избави Боже!

Къ числу остроумныхъ стихотвореній Илличевскаго мы можемъ еще отнести нѣсколько пьесъ. Такъ, напримѣръ, въ эпитафійѣ «Глупому старику» (стр. 28) мы читаемъ:

Пафнутьичъ, сѣдинкой старикъ,
Вздѣлъ черный, крашеный парикъ;
Что-жь? ни прибѣтка, ни урона:
Былъ гусь, теперь ворона.

Въ эпитафійѣ «Братскія объятія» (стр. 32) Илличевскій остроумно выражаетъ свою мысль:

«Ты давишь, а не жмешь, божусь!
Пусти меня, я задушусь».
— Я жму тебя съ любовью брата.—
«Ну такъ погибъ я безъ возврата».

Занимательна также эпитафійа «На подрядчика» (стр. 40):

Молвинъ подрядами разбогатѣлъ ужасно,
А кромѣ барышей не смыслить ничего:
Онъ порохъ поставлялъ, но доказалъ прясно,
Что самъ—не выдумалъ его.

Въ «Эпитафiи лѣкарю» (стр. 50) мы встрѣчаемся съ обычнымъ остроумiемъ Илличевского:

Вотъ и тебѣ почить на мѣстѣ семъ досталось,
О дѣятельный врачъ изъ всѣхъ врачей земныхъ!
Почй онъ ранѣ, то сколько бы осталось
Покойниковъ—въ живыхъ.

Эпиграмма «На шутника» (стр. 58) отличается такою же острою:

Зачѣмъ сердиться на Панфила?
Что шутить онъ, не вижу зла;
За то ужъ и надъ нимъ природа подшутила,
Что человѣкомъ создала.

Въ стихотворенiи «Отцу, какихъ много» (стр. 59) находимъ уже не остро-словiе, не остроумную шутку, но вѣрный взглядъ на семейныя отношенiя. Въ этомъ четверостишии Илличевскiй подмѣтилъ очень правдивую жизненную черту:

День за работою, безъ сна частенько ночью,
Весь вѣкъ, какъ труженiе, онъ бьется изъ того,
Чтобъ потомъ и трудомъ скопивши кушъ, сыночку
Дать право полное—не дѣлать ничего.

Конечно, стихотворенiе это очень остроумно, но является вопросъ, имѣетъ ли отецъ право ничего не оставить сыну и ничѣмъ не обезпечить его будущность; вѣдь сынъ не виноватъ, что онъ родился на свѣтъ, и не просилъ своего папашу произвести его на свѣтъ Божiй.

Объ остротахъ вообще Илличевскiй выразился въ стихотворенiи «Соль остряка» (стр. 86):

Не хвалить остряка Федота,
Въ стихахъ его нѣтъ соли, говорятъ;
По мнѣ такъ напротивъ: отъ нихъ ему—забота,
Читателю—зѣвота,
Купцамъ—убытокъ, смыслу—матъ:
Всѣмъ солонъ они и онъ же виноватъ.

Въ эпиграммѣ «На глупаго старика» (стр. 66) мы опять встрѣчаемся съ свойственной Илличевскому «остроумно» шутка:

Что голова твоя отъ сѣдины бѣла,
Не значить, чтобы устарѣла:
Она снаружи отцвѣла,
Внутри еще незрѣла.

«Эпитафія странствователю» (стр. 106) отличается легкостью стиха и остроумнымъ изложеніемъ:

Пятая безпокойный нравъ,
Онъ вѣкъ изъ края въ край скитался,
Кружилъ по свѣту вскачь и вplashь,
На мѣотѣ дня не оставался;
Быль всюду, видѣлъ все, не зная
Чѣмъ съ скуки наконецъ заняться,
И мучившись, куда бѣ дѣваться,
Радъ, радъ, что на тотъ свѣтъ попалъ.

Къ игривымъ стихотвореніямъ можно причислить пьеску подъ заглавіемъ «Къ постели милой» (стр. 103):

Олтарь любви, тронъ красоты,
Постель моей пастушки!
Но что безъ Селимены ты?
Тюфякъ и двѣ подушки.

Довольно колкое «Двустышье» встрѣчаемъ мы на страницѣ 104-ой, которому Илличевскій не могъ даже найсти заглавія:

«Ну что? скажи, мое двустышье каково?»
— Мой другъ! я до конца не могъ дочесть его.

Отношенія Илличевского къ друзьямъ лучше всего выражены имъ въ пьесѣ «Друзья и владѣ» (стр. 77):

Одинъ мудрецъ училъ, не въ нашихъ, въ древнихъ дняхъ:
«Найди друзей, найдется владѣ въ друзьяхъ».
Я тоже повторю обратными словами:
«Найди ты владѣ, друзья найдутся сами».

Къ вакхическимъ произведеніямъ музы Илличевского можно причислить стихотвореніе подъ заглавіемъ «Друзьямъ во время грома» (стр. 99):

Что вижу? не во снѣ ли я?
Громъ грянулъ, вы оцѣпенѣли,
И кубки на голъ поставилъ,
И жандармы гдѣ, друзья?

Придите же въ себя и знайте въ заблужденьѣ,
Что радость звукомъ симъ землѣ возвѣщена:
Семела Бахусу въ громахъ дала рожденье,
И такъ сынъ грома—богъ вина.

Эпикурейскій взглядъ на жизнь выраженъ Илличевскимъ въ стихотвореніи «Мѣра жизни» (стр. 108):

Существованье челоуѣка
Часами радостей сочтя,
Ничтожество познаемъ вѣка
И въ дряхломъ старикѣ—дѣтя.
Будь кратко поприще земное,
Лети лишь въ счастья и покоѣ
Станица легкокрылыхъ дней;
Мой выборъ безъ предубѣжденій:
Жизнь измѣряется вѣрнѣй,
Числомъ не лѣтъ, а наслажденій.

Въ разбираемыхъ опытахъ Илличевскій касается также критики и сатиры. Онъ проводитъ между ними своеобразную грань, что и выразилъ въ баснѣ «Зеркало и вода» (стр. 2):

Прозрачностью передъ Водой
Гордилось Зеркало, Вода ему въ отвѣтъ:
«Ты пятна всякія въ сравненіи со мною
Яснѣ кажешь, спора нѣтъ;
Но вывести не выведешь, я знаю;
А я кажу слабѣй, но ихъ за то смываю».
Не сходны ль въ этомъ межъ собой
Сатира съ Зеркаломъ, а Критика съ Водой?

«Не высокъ полеть,—говоритъ Лернеръ,—сатирической музы» Илличевского. Конечно, не высокъ полеть его сатирической музы, если сравнивать его съ всемірными сатириками, какъ новѣйшихъ временъ, такъ и древнѣйшихъ. Илличевскій не достигъ даже уровня сатирической музы Пушкина, хотя Пушкинъ вовсе не можетъ считаться сатирикомъ. Но если брать Илличевского безъ предубѣжденій и безъ предвзятой мысли, то нельзя отказать ему въ сатирическомъ дарованіи. Для примѣра мы возьмемъ сказку «Богачъ и бѣднякъ» (стр. 35):

Обременивъ желудокъ пресыщеньемъ,
Но въ сердцѣ съ сильнымъ сожалѣньемъ,
Что переѣсть всѣхъ блюдъ не стало силъ,
Пыхтя съ прежирнаго обѣду,
Садился Откущикъ въ карету.

«Подайте, батюшки! тутъ Нищій возопилъ:
Два дни не ѣвши и не пивши,
Отъ голода чуть ноги волоку».
— Смотри пожалуйста! вскричалъ Богачъ, всплывши:
Онъ голоденъ: вѣдь счастье жъ бѣдняку!

Къ этому же роду стихотвореній принадлежитъ пьеса «Гордому богачу» (стр. 36):

Надутый спесью Крезъ! того, кто побѣднѣи,
Честишь ты, вижу я, носъ вздернувъ, не иначе:
Но ежели ты всѣхъ богаче,
То въ правѣ ли быть всѣхъ глупѣи?

О стремленіи людей пробраться до степеней высокихъ, хотя бы ползкомъ, оригинально выражено въ баснѣ «Орель и Червякъ» (стр. 97):

На кедръ взлетѣвши, пзумился
Орель, тамъ встрѣтятся съ Червякомъ:
«Ты какъ здѣсь, дерзкій, очутился?
Ужъ не полетомъ ли?» — Ползкомъ.

Къ такимъ же сатирическимъ стихамъ можетъ быть отнесено стихотвореніе «Эпитафія скупому» (стр. 44):

Скупаго гробъ на семь кладбищъ,
Рѣзчикъ! ты симъ стихомъ означъ:
Здѣсь спитъ, кто для себя былъ нищей.
А для наслѣдниковъ — богачъ.

Въ эпиграммѣ «Роль кстати» (стр. 99) мы находимъ такую же сатирическую нотку:

Какъ въ Ифигеніи роль Эрифилы страстной
Играть Статуиной дають?
По мнѣ такъ вымыселъ прекрасной:
Ужъ жаль не будетъ, какъ убьютъ.

Двѣ эпиграммы: «О пустомъ» (стр. 63) и «Затрудненіе» (стр. 73) довольно забавны. Въ первой говорится:

Дамонъ твердитъ, что я толкую о пустомъ;
Онъ правъ: я говорю о немъ.

Во второй эпиграммѣ:

Покойникъ былъ ни то, ни се,
А вы на смерть писать велите:
Да что жъ я напишу, скажите?
Онъ жилъ, онъ умеръ — вотъ и все.

Наконецъ, къ произведеніямъ сатирическимъ можетъ быть приписана пьеса подъ заглавіемъ «Къ памятнику неизвѣстнаго» (стр. 71):

На что сей памятникъ тщеславья, не печали!
И надписи надъ нимъ вокругъ мрамора всего!
Что былъ на свѣтѣ онъ, не знали;
Къ чему же знать, что нѣтъ его.

А также пьеса «Къ альбому Лидинькѣ» (стр. 85):

Въ Альбомѣ Лидиньки, гдѣ дышуть всѣ листки
Цвѣтами Грацій, Музъ, я вижу—Бурра прозу!
Что бы удобрить цвѣтники,
Понадобилось знать навозу.

Какъ мы выше видѣли и какъ, впрочемъ, сознается и самъ Илличевскій, многія его стихотворенія заимствованы имъ изъ иностранныхъ авторовъ. Онъ старается оправдать подобное заимствование въ стихотвореніи «Апология» (стр. 69), а потому то, что онъ пишетъ въ этомъ стихотвореніи, вполне приложимо лично къ нему:

Скажу ли путное, а старина сѣдая:
«Не трогай моего, мысль эта не твоя».
Мнѣ что за надобность? проказница какая!
Вѣдь не моя жъ вина, что жилъ не раньше я.

«Стихъ Илличевского, — говоритъ Н. Лернеръ, — вылощенъ, сухъ и довольно гладокъ, но мѣстами бываетъ изященъ». И, какъ примѣръ, онъ приводитъ стихотвореніе «Катуллъ своей любезной» (стр. 113):

Мой домъ въ сѣни укромнои дола
Хранятъ густыя дерева;
Я не страшусь въ немъ бурь Эола,
Ни зноя пламеннаго Льва:
Но безъ тебя, мой другъ, мой геній,
Томясь убійственной тоской,
Какъ цвѣтъ, я вяну, въ вѣтръ осенній
Или былинка въ лѣтній зной.

Но было бы несправедливымъ остановиться только на одномъ этомъ стихотвореніи. У Илличевского найдется еще много такихъ изящныхъ стихотвореній. Такъ, напримѣръ, стихотвореніе «Къ воспоминанію» (стр. 36) можно считать не уступающимъ пьесѣ «Катуллъ»:

Воспоминанье! кто оцѣнитъ
Твои дары, небесный другъ?
Ты и тогда, какъ все измѣнитъ,
При насъ, живишь отрадой духъ:

Ты прошлому даешь рожденье,
Ты будущее богатишь
И сладкое благодаренье
Въ душѣ признательной родишь.

Не менѣ изящно анакреонтическое стихотвореніе «Къ солнцу» (стр. 98):

О Фебъ! Сокрой свои лучи,
Да погрузится въ мракъ натура
И мнѣ съ Темирою, въ таинственной ночи,
Зажжется пламенникъ Амура.
О если бъ могъ
Ты, свѣтлый богъ!
У милой на груди подобно мнѣ забыться,
Продливъ счастливой ночи тѣнь:
То твой и самый ясный день
Съ такою ночью не сравнится.

Къ такимъ же изящнымъ стихотвореніямъ принадлежитъ стихотвореніе «На смерть пастушки» (стр. 75):

Поговорять, она была
Прекрасна, молода, мила,
Потомъ забудутъ, и весною
Гробъ дикой заростетъ травою;
И прибѣгутъ въ часы игры,
Случайно дѣвушки рвать розы
На прахъ усопшей ихъ сестры—
И смѣхи оботрутъ ихъ слезы;
Ловець съ ловитвы, въ часъ ночной,
Придетъ сюда и не узнаетъ,
На холмъ возлеги гробовой,
Что онъ пастушку попираетъ.

Также нельзя отказать въ изяществѣ стиха въ слѣдующихъ двухъ стихотвореніяхъ: 1) «Надпись къ источнику» (стр. 49) и 2) «Надгробіе младенцу» (стр. 57).

Въ первомъ изъ нихъ мы читаемъ:

Прозрачнаго сего ручья
Всегда спокойны, тихи воды:
Не такъ ли льется жизнь твоя,
Другъ мудрости и другъ природы!

А во второмъ стихотвореніи Илличевскій пишетъ:

Мой сынъ! завиденъ твой удѣлъ,
Хотя онъ и оплаканъ нами:
У вратъ ты жизни миръ обрѣлъ,
Не искупивъ его бѣдами.

Въ своихъ «Опытахъ въ антологическомъ родѣ» Илличевскій не помѣстилъ своихъ юношескихъ произведеній, которыми онъ началъ свое литературное поприще въ журналѣ «Вѣстникъ Европы». Можетъ быть потому, что онѣ слишкомъ обширны. Я говорю о двухъ идилліяхъ: «Иринъ» и «Цефизъ» (Подражаніе Клейсту). По своей обширности эти два стихотворенія не подходили къ сборнику его антологическихъ пьесъ, куда Илличевскій, какъ мы видѣли, помѣстилъ по преимуществу свои эпиграммы, чѣмъ онъ и славился, какъ поэтъ, а также и переводы пьесъ другихъ остроумныхъ авторовъ.

Сборникъ «Опыты въ антологическомъ родѣ» Илличевского оканчивается эпилогомъ. Въ этомъ эпилогѣ онъ даетъ оцѣнку своей литературной дѣятельности. Онъ самъ, искренно ли или кокетничая предъ читателемъ, невысокаго мнѣнія о своемъ стихотворномъ дарованіи. Такого же мнѣнія были о немъ и его современники: князь П. А. Вяземскій въ «Посланіи» къ Илличевскому такъ характеризуетъ его:

Предъ Фебомъ ты зажегъ огарокъ,
А не огромную свѣчу.

А Пушкинъ въ біографіи Дельвига, написанной имъ въ 1831 г., дѣлаетъ намекъ на Илличевского въ слѣдующихъ строкахъ: «Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу (т. е. Дельвига), между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо» ¹⁾. Какъ извѣстно, Анненковъ предполагалъ, что здѣсь Пушкинъ подразумѣваетъ самого себя, но академикъ Гротъ совершенно правильно замѣчаетъ, что едва ли Пушкинъ въ 1831 г., когда эти строки были имъ написаны, «могъ имѣть такое скромное понятіе о своемъ талантѣ: не вѣрнѣ ли предположить, что онъ тутъ разумѣлъ Илличевского, къ которому такое сужденіе совершенно подходитъ» ²⁾. Того же взгляда держится и П. А. Ефремовъ.

Намъ кажется, что, опровергая взглядъ Анненкова, Гротъ впадаетъ въ ошибку: Пушкинъ, набрасывая послѣ смерти Дельвига его біографію, вовсе не имѣлъ въ виду, когда писалъ эти строки, считать свой поэтический талантъ, достигшій къ

¹⁾ Соч. А. С. Пушкина, подъ редакц. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, 1903 г., т. V, стр. 557.

²⁾ Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 159.

этому времени своего апогея, за посредственный; онъ просто вспоминаетъ лицейскій періодъ своей жизни, гдѣ первенствовалъ не онъ, а Илличевскій, а потому онъ и могъ сказать, что его стихи были посредственные, между тѣмъ публика ихъ замѣтила только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки и расхвалила ихъ и прославила, какъ нѣкоторое чудо. Поэтому намъ кажется, напрасно думать, что здѣсь есть намекъ на Илличевского, Пушкинъ попросту вспоминаетъ о себѣ, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Анненковъ.

Въ вышеупомянутомъ эпилогѣ самъ Илличевскій даетъ слѣдующую характеристику своего поэтического дарованія и всей своей литературной дѣятельности:

Счастливъ, кто на чредѣ блестящей,
 Водимый гениемъ, трудится для вѣковъ;
 Но змѣи зависти шипящей
 Тлетворный точатъ ядъ на лавръ его вѣнковъ;
 Я для забавы пѣлъ, и вздорными стихами
 Не выпрошу у Славы ни листка,
 Пройду для Зависти неслышными шагами
 И строгой Критики не убоюсь свистка:
 Стрѣла, разящая орла подъ облаками,
 Щадить пчелу и мотылька. (Стр. 118).

Этотъ трудъ Илличевского обратилъ вниманіе и товарищей его. Такъ, напр., одинъ изъ нихъ, Яковлевъ, въ письмѣ къ Вольховскому отъ 5 мая 1827 г. писалъ: «Илличевскій выдалъ Опыты въ антологическомъ родѣ. Много остраго. Намекну и ему, чтобы препроводить экземпляръ въ Тифлисъ»¹⁾.

Кромѣ стиховъ, Илличевскій писалъ и прозою. О прозаическихъ сочиненіяхъ Илличевского мы позволимъ себѣ цитировать слова нашего извѣстнаго знатока Пушкина и комментатора его Николая Осиповича Лернера. Вотъ что онъ пишетъ:

«Въ прозѣ Илличевскій написалъ тоже немного. Можемъ назвать, между прочимъ, повѣсть «Исторія булавки», содержаніе которой заимствовано изъ какой-то французской книги; она была напечатана въ альманахѣ «Сѣверная Звѣзда» на 1829 г., изданномъ М. А. Бестужевымъ-Рюминымъ. И по ничтожности содержанія, и по языку эта вещь, написанная на тему о «превратности судебъ», не заслуживаетъ вниманія; можно, впрочемъ, отмѣтить въ концѣ повѣсти скорбное упоминаніе о незадолго до того (15 марта 1827 г.) скончавшемся поэтѣ Веневитиновѣ. Печатался Илличевскій еще въ разныхъ тогдашнихъ журналахъ и альманахахъ, и ничего значительнаго его произведенія не представляютъ»²⁾.

Какъ мы видѣли, Илличевскій въ Лицеѣ общалъ развитья въ замѣчательнаго поэта. Мы уже знаемъ, что онъ среди товарищей-лицеистовъ былъ первымъ

¹⁾ В. Д. Вольховскій жилъ въ это время въ Тифлисѣ.

²⁾ Статя Н. Лернера въ книгѣ «Пушкинъ» ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 428.

поэтомъ, выдѣляясь изъ нихъ своимъ талантомъ. Лицейсты его называли «Державиннымъ», а Пушкина — «Дмитріевымъ».

«Вопреки, однакожь, — говоритъ В. Гаевскій, — похваламъ, которыя вызвало раннее его развитіе, Илличевскій никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго поэтическаго таланта и, не подвинувшись ни на одинъ шагъ далѣе первыхъ своихъ опытовъ, былъ до конца жизни только острякомъ, и притомъ довольно пошлымъ» ¹⁾).

Такого же мнѣнія и Яковъ Карловичъ Гротъ. Вотъ его отзывъ объ Илличевскомъ: «По остроумію и поэтическому дарованію онъ (Илличевскій), въ годы воспитанія, считался соперникомъ Пушкина, но послѣ не произвелъ ничего замѣчательнаго» ²⁾).

Такой же взглядъ высказываетъ и Директоръ Лицея Энгельгардтъ въ своей нѣмецкой рукописи, написанной 22 марта 1816 года («Нѣчто о воспитанникахъ старшаго отдѣленія Лицея»). Въ этой рукописи даются характеристики всѣхъ воспитанниковъ, и «объ Илличевскомъ Энгельгардтъ, по словамъ В. Гаевского, справедливо замѣчаетъ, что раннія похвалы повредили ему, и что въ умственномъ развитіи и наукахъ онъ остановился на той же степени, на которой находился при поступленіи въ Лицей» ³⁾).

Наконецъ, мы позволимъ себѣ привести отзывъ профессора Александра Ивановича Кирпичникова объ Илличевскомъ, нигдѣ не напечатанный, такъ какъ взглядъ свой на Илличевского Кирпичниковъ выразилъ мнѣ въ частномъ письмѣ, нигдѣ еще не обнародованномъ. Вотъ что писалъ мнѣ Кирпичниковъ: «Илличевскій почти противоположность ему (т. е. Кюхельбекеру, о которомъ мы вели переписку) въ литературномъ отношеніи: онъ уже въ полудѣтскихъ письмахъ Фуссу кокетничаетъ гладкой литературной формой рѣчи; и въ стихахъ его форма господствуетъ надъ содержаніемъ; умъ у него острый, затѣйливый, но не глубокий и холодный (совсѣмъ ужъ не мечтательный); воображенія почти нѣтъ; такіе люди въ школахъ почти всегда успѣваютъ, но потомъ оказываются представителями «золотой середины», часто, впрочемъ, полезной». (Письмо отъ 3 марта 1899 года).

Для насъ Илличевскій интересенъ не только самъ по себѣ, но въ особенности по той роли, безсознательной, которую онъ сыгралъ на школьной скамьѣ въ развитіи Пушкина. Своимъ поэтическимъ талантомъ на лицейской скамьѣ онъ вызвалъ въ Пушкинѣ соревнованіе. Эта мысль прекрасно выражена Н. О. Лернеромъ въ его статьѣ объ Илличевскомъ, и мы закончимъ нашъ слабый біографическій очеркъ Илличевского словами статьи Н. О. Лернера: «Имя Илличевского одно изъ тѣхъ, которыя сами по себѣ никогда не привлекли бы вниманія изслѣ-

¹⁾ «Современникъ» 1863 г., томъ ХСѢІІ, стр. 145—146.

²⁾ Я. Гротъ: «Старина Царскосельскаго Лицея». «Русск. Архивъ» 1875 г., т. I, стр. 480.

³⁾ В. Гаевскій: «Пушкинъ въ Лицеѣ и пр.»—«Современникъ» 1863 г., стр. 377.

дователя. Не было у него тѣхъ данныхъ, которыя выдвигаютъ челоѣка впередъ и ставятъ на видное мѣсто. Какъ личность, Илличевскій не выдѣлялся ничѣмъ; какъ писатель, ничѣмъ себя не прославилъ, и жизнь его была мало замѣтна. Но біографія Пушкина должна удѣлить ему извѣстное мѣсто. Какъ предвидѣлъ Илличевскій, лучи Пушкинской славы отразились и на его скромной фигурѣ, но мало было бы сказать только, что онъ былъ лицейскимъ товарищемъ Пушкина. Если въ общественной жизни между Илличевскимъ и его гениальнымъ школьнымъ товарищемъ не было прежней связи, то зато на ученической скамѣ Илличевскій былъ довольно близокъ къ Пушкину и, помимо, конечно, своего желанія, благодаря своей литературной жилкѣ, сыгралъ извѣстную роль въ развитіи Пушкина» ¹⁾).

Пропускъ на стр. 184: послѣ письма Энгельгардта къ Матюшкину отъ 28 мая 1832 года должно быть указано письмо Энгельгардта къ тому же Матюшкину отъ 23 октября 1832 г., въ которомъ объ Илличевскомъ говорится слѣдующее: «...Илличевскій, какъ и прежде, подобно избушкѣ на куричихъ ножкахъ, верхомъ толстѣ, а низомъ щедровитѣ; дѣловой начальникъ отдѣленія...»

¹⁾ «Пушкинъ» ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 414.

13.

МИХАИЛЪ ЛУКЪЯНОВИЧЪ
ЯКОВЛЕВЪ.

Михаилъ Лукьяновичъ
ЯКОВЛЕВЪ.

Михаиль Лукьяновичъ Яковлевъ.

(Род. 19 сентября 1798 г., † 4 января 1868 г.).

«Хорошій товарищъ, надежный въ пріязненныхъ своихъ сношеніяхъ, не безъ способности къ дѣлу, хорошій музыкантъ и пріятный композиторъ».

Графъ М. А. Корфъ.

Одною изъ интереснѣйшихъ личностей среди воспитанниковъ I-го курса Императорскаго Царскосельскаго Лицея является Михаиль Лукьяновичъ Яковлевъ. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Пушкина въ послѣдній періодъ его жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ Яковлевъ былъ хранителемъ лицейскихъ традицій, устройте-лемъ лицейскихъ сходокъ, празднованій лицейскихъ годовщинъ, — въ немъ сосредото-чивался, такъ сказать, весь архивъ перваго курса Царскосельскаго Лицея. По-этому его называли «лицейскимъ старостою», а квартиру его — «лицейскимъ по-дворьемъ». Къ сожалѣнію, у насъ немного матеріала объ этой интересной личности.

Отецъ лицеиста былъ Лукьянъ Яковлевичъ Яковлевъ, статскій совѣтникъ (1821), родился въ 1764 году, женатъ былъ на Прасковіи Николаевнѣ Колмы-ковой, родившейся въ 1771 г. Л. Яковлевъ часто мѣнялъ мѣста своей службы, пока не остановился на должности въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностран-ныхъ Дѣлъ. Онъ прожилъ большую часть своей жизни въ Москвѣ, тамъ же и умеръ, оставивъ послѣ себя незначительное состояніе. По словамъ Ф. Ф. Вигеля (Воспоминанія. Ч. 1. Москва, 1891 г., стр. 159), Лукьянъ Яковлевъ былъ хоро-шимъ знакомымъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго.

Въ историческихъ журналахъ мы встрѣчаемся съ нѣсколькими Лукьянами Яко-влевыми, современниками отца нашего лицеиста. Между прочимъ, тутъ мы находимъ упоминаніе о Лукьянѣ Яковлевичѣ Яковлевѣ; былъ ли это отецъ нашего лицеиста, намъ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ приведемъ тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаютъ

намъ современники объ этомъ Яковлевѣ. Такъ, между прочимъ, въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ мы находимъ письмо А. Я. Булгакова къ брату отъ 28 ноября 1828 г., гдѣ мы читаемъ: Я не знаю, слышалъ ли ты, что Лукьянъ Яковлевъ оставляетъ свѣтъ. Разрѣшеніе изъ Синода уже получено, и онъ постригается въ Симоновъ монастырь. On pretend que celui là a beaucoup de péchés à expier, но все таки похвально хотъ кончить жизнь хорошо, ежели нельзя было сдѣлать лучше. Всю семью пристроилъ, старъ, слѣпъ. Самый лучший избралъ конецъ ¹⁾.

Упоминается еще Лукьянъ Яковлевичъ Яковлевъ въ декабрьской книжкѣ журнала «Россійскіи Музеумъ» за 1815 годъ, стр. 527, въ числѣ подписчиковъ на этотъ журналъ. Далѣе, вѣроятно, этому же Яковлеву посвящена была книга подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Москву во время пребыванія въ оной французъ». М. Въ типографіи Селивановскаго. 1813 г. 8. 39 стр. (Смирдинъ 2551). Подъ посвященіемъ Л. Я. Яковлеву находятся инициалы: «К. С. М—овъ», т. е. кандидатъ Степанъ Масловъ. См. Каталогъ Черткова, 2-ое изд., № 236.

У отца лицеиста— Лукьяна Яковлевича— было огромное семейство, состоявшее изъ 9 человекъ дѣтей:

1. Павелъ Лукьяновичъ, коллежскій совѣтникъ, литераторъ, род. 5 января 1796 г., † 9 іюня 1835 г. ²⁾

2. Михаилъ Лукьяновичъ, лицеистъ.

3. Николай Лукьяновичъ, род. 1 апрѣля 1801 г.

4. Дмитрій Лукьяновичъ, род. 26 сентября 1806 г.

5. Сергѣй Лукьяновичъ, род. 2 марта 1809 г.

6. Екатерина Лукьяновна.

7. Александра Лукьяновна, род. въ 1797 г.

8. Марія Лукьяновна, род. въ 1802 г.

9. Варвара Лукьяновна, род. въ 1805 г.

Таково было многочисленное семейство Лукьяна Яковлевича Яковлева.

¹⁾ «Русск. Арх.» 1901 г., кн. 10, стр. 206.—Въ другихъ мѣстахъ своей корреспонденціи Булгаковы упоминаютъ о разныхъ Лукьянахъ Яковлевыхъ. Такъ, А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 13 іюня 1820 г. упоминаетъ объ одномъ Яковлевѣ. Въ примѣч. къ этому письму П. И. Бартенева спрашиваетъ: «не Лукьянъ ли Павловичъ Яковлевъ?» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. 2, стр. 368). Окакомъ то Лукьянѣ Павловичѣ Яковлевѣ, служившемъ въ Оружейной Палатѣ, упоминаетъ Жуковскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 10 марта 1815 г. (Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. № LXIV, стр. 143). Вѣроятно, этому же Л. П. Яковлеву принадлежитъ статья подъ заглавіемъ: «Замѣчательный портретъ патріарха Филарета (безъ бороды)». («Русск. Арх.» 1863 г., стр. 348). Также Булгаковы упоминаютъ еще о Л. А. Яковлевѣ («Русск. Арх.» 1901 г., кн. 7, стр. 406; кн. 9, стр. 27; кн. 2, стр. 294, 296; кн. 12, стр. 515, 516; 1903 г., кн. 6, стр. 181; 1902 г., кн. 2, стр. 307 и кн. 4, стр. 615). Наконецъ, мы встрѣчаемъ у Булгаковыхъ указанія на какого то Льва Яковлева («Рус. Арх.» 1902 г., кн. 2, стр. 357).

²⁾ О немъ см. прилож. въ концѣ статьи.

Михаиль Лукьянович Яковлевъ, сынъ Чутскаго (овѣтника ¹), родился 19 сентября 1798 г. ²).

Когда въ 1811 году открылся Императорскій Царскосельскій Лицей, то въ Московскаго Университетскаго Пансіона было прислано два тамошнихъ воспитанника: Михаиль Яковлевъ и Масловъ, для поступленія въ новооткрытое учебное заведеніе. Эти два воспитанника были присланы изъ Москвы, такъ сказать, официально, по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія графа Разумовскаго. Остальные пятеро, какъ мы знаемъ, прибыли частнымъ образомъ, какъ бы изъ родительскихъ домовъ, хотя они также были питомцами Московскаго Университетскаго Пансіона ³).

Изъ Московскаго Университетскаго Пансіона Михаиль Яковлевъ получилъ 4 сентября 1811 года аттестатъ, изъ котораго видно, что онъ обучался: Закону Божію и Священной Исторіи, Ариѳметикѣ, Русскому Синтаксису и Просодіи, Французскому и Нѣмецкому Синтаксису, началамъ Англійскаго и Латинскаго языковъ, Всеобщей и Россійской Географіи и рисованію; при публичномъ экзаменѣ въ награжденіе за добрыя поступки и прилежность въ наукахъ получилъ книжку ⁴).

Яковлевъ держалъ въ Лицеѣ вступительный экзаменъ 11 сентября 1811 г. Отмѣтки его на этомъ экзаменѣ дошли до насъ; изъ нихъ мы видимъ, что въ моментъ поступленія въ Лицей познанія Яковлева были довольно хороши. Вотъ эти отмѣтки: въ грамматическомъ познаніи языковъ: руссійскаго—«очень хорошо», въ ариѳметикѣ—«хорошо», въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. въ физикѣ—«не очень»; въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи—«хорошо» ⁵).

За время пребыванія Яковлева въ Лицеѣ сохранились отмѣтки его профессоръ и наставниковъ о его познаніяхъ и отмѣтки гувернеровъ о его поведеніи. Такъ, профессоръ руссійскаго и латинскаго классовъ Николай Кошанскій за время съ 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 года изъ числа 30-ти воспитанниковъ ставитъ Михаила Яковлева 29-мъ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Михаило Яковлевъ имѣетъ быстрыя способности, отлично прилѣженъ и очень хорошо успѣлъ въ обоихъ (!) частяхъ».

¹) И. Селезневъ: «Матеріалы для исторіи Лицея». Въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—57 г., стр. 29.

²) Князь А. В. Лобановъ-Ростовскій: «Русская родословная книга». Спб., 1895 г., изд. 2, т. 2, стр. 460. По формуляру же, составленному въ 1867 г., значитса, что ему было 68 лѣтъ, т. е. онъ родился въ 1799 году.

³) Я. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 31.

⁴) См. «Матеріалы для исторіи Лицея», И. Селезнева. Въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—1857 г., стр. 10, примѣчаніе.

⁵) См. «Матеріалы для исторіи Лицея», И. Селезнева. Въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—1857 г., прилож. къ страницѣ XI.

Тотъ же Кошанскій въ своемъ отзывѣ отъ 15 марта по 15 октября 1812 г. изъ числа 30-ти воспитанниковъ ставитъ Яковлева седьмымъ и даетъ о немъ дословно тотъ же отзывъ, что и прежде.

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ въ своемъ рапортѣ отъ 31 марта 1812 года помѣщаетъ воспитанниковъ въ алфавитномъ порядкѣ и пишетъ о немъ слѣдующее: «Yakoffief. Il n'a pas beaucoup des connaissances de la langue allemande: cependant il fait assez de progrès, car il est toujours très attentif, et s'empresse de répondre aux questions que je suis dans le cas de proposer».

Профессоръ французской литературы де-Будри отъ 18 ноября 1812 года въ своемъ второмъ рапортѣ (первый не дошелъ до насъ) дѣлитъ воспитанниковъ на четыре категории и помѣщаетъ Яковлева въ третью. Де-Будри даетъ слѣдующій отзывъ: «Yakovlef. Beaucoup plus de bonne volonté et d'application que de moyens; cependant ses progrès se font (?) remarquer. Pour sa pronociation (sic!—prononciation), il a bien de la peine à la corriger... nouveau motif de prière!»¹⁾

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ дѣлитъ воспитанниковъ тоже на четыре отдѣла (а выше перваго отдѣла ставитъ еще группу воспитанниковъ наилучшихъ—*classe de ceux qui excellent*). Яковлева онъ помѣщаетъ во второмъ отдѣлѣ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Yakovleff, il est attentif et diligent, et j'espère qu'il fera bientôt des progrès plus sensibles».

Мартынъ Пилецкій въ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ Г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», поданномъ 19 ноября 1812 г., даетъ слѣдующій отзывъ о Яковлевѣ:

«Яковлевъ (Михаилъ). 14-ти лѣтъ. Съ изрядными дарованіями, весьма прилѣженъ, простодушенъ, усерденъ, исполнительенъ, покоренъ, расторопенъ, пылокъ и довольно благодѣтеленъ; неимѣетъ блистательнаго воспитанія, но своею осторожностію и доброю, искреннею волею вести себя какъ можно лучше, онъ приобретаетъ гораздо важнѣйшія достоинства, и въ добромъ своемъ желаніи весьма успѣваетъ. Имѣетъ особенное дарованіе и склонность къ музыкѣ»²⁾.

¹⁾ Чтобы объяснить эту послѣднюю фразу, надо вспомнить то, что Будри писалъ въ отзывѣ о воспитанникѣ Масловѣ. Говоря о томъ, что произношеніе французское у Маслова не улучшается за неимѣніемъ практики, онъ прибавляетъ: «я пользуюсь случаемъ, чтобы напомнить здѣсь, что доколѣ воспитанники не будутъ говорить въ заведеніи съ гувернерами, правильно изъясняющимися на иностранныхъ языкахъ, этотъ недостатокъ произношенія нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ будетъ исправляться весьма медленно». Поэтому онъ говоритъ, что Яковлеву весьма затруднительно улучшить свое французское произношеніе, и пишетъ въ своемъ рапортѣ: «вотъ новый мотивъ для просьбы», т. е. завести гувернеровъ, которые бы правильно говорили на иностранныхъ языкахъ съ воспитанниками Лицея и тѣмъ исправляли бы ихъ произношеніе.

²⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911 г., стр. 38.

Профессоръ русскои и латинскои словесности Кошанскій въ собственноручномъ спискѣ воспитанниковъ отъ 9 іюля 1813 года дѣлитъ воспитанниковъ на четыре разряда и ставитъ Яковлева во второй разрядъ (отличныхъ) седьмымъ воспитанникомъ изъ девяти.

Тотъ же Кошанскій въ своемъ спискѣ воспитанниковъ отъ 1 августа до 15 декабря 1813 года изъ числа двадцати девяти воспитанниковъ ставитъ Яковлева одиннадцатымъ и даетъ дословно тотъ же отзывъ, что и въ первый разъ.

Гувернеръ Чириковъ отъ 30 сентября 1813 года въ своемъ спискѣ: «Своиства и поведеніе воспитанниковъ Императорскаго Лицея» говоритъ о Яковлевѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Михайло Яковлевъ. *Грубъ, пылокъ*, но признателенъ, усерденъ, опрятенъ и весьма прилѣженъ».

Наконецъ, профессоръ Кайдановъ въ своей «Вѣдомости о дарованіяхъ, прилѣжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея по части Географіи, всеобщей и російской Исторіи, отъ 1 Ноября 1812 по 1 Января 1814 года» изъ числа 29-ти воспитанниковъ ставитъ Яковлева двѣнадцатымъ и замѣчаетъ о немъ слѣдующее: «Михайло Яковлевъ. Дарованій довольно хорошихъ, прилѣженъ и оказываетъ очень хорошіе успѣхи. Поведенія очень хорошаго».

Таковы отзывы профессоровъ и гувернеровъ о Михайлѣ Яковлевѣ.

Въ Лицеѣ Яковлевъ зарекомендовалъ себя большимъ весельчакомъ. Кромѣ того, тогда же въ немъ проявилась особая склонность къ высмѣиванію окружающихъ и даже къ простому паясничанью.

Поэтому товарищи Яковлева, и въ томъ числѣ Пушкинъ, называли его «паясъ» (т. е. паяцъ) и «комедіантъ».

Эти клички остались за нимъ на всю жизнь ¹⁾.

Натура вообще талантливая, Яковлевъ, кромѣ веселости и подвижности, имѣлъ также значительныя способности и склонность къ музыкѣ и пѣнію.

Онъ сочинялъ романсы, въ особенности на стихи Пушкина и Дельвига, и прекрасно ихъ пѣлъ. Кромѣ того, онъ хорошо рисовалъ. Л. Н. Майковъ замѣчаетъ въ своихъ комментаріяхъ, что Яковлевъ «всего болѣе сжилъ со строемъ жизни Лицея; по крайней мѣрѣ впослѣдствіи онъ особенно бережно хранилъ его преданія, за что и былъ прозванъ лицейскимъ старостой; у него первый курсъ обыкновенно праздновалъ лицейскія годовщины» ²⁾.

¹⁾ Такъ, напр., Пуцинъ писалъ Вольховскому, на письмѣ Калошина отъ 8 апрѣля 1824 г.: «На другой день пріѣзда моего въ Москву (14 марта) комедіантъ Яковлевъ вручилъ мнѣ твою записку изъ Оренбурга».

²⁾ См. комментаріи Л. Н. Майкова въ академическомъ изданіи Сочиненіи Пушкина. Спб., 1900 г., т. I, изд. 2, стр. 64.

Обладая въ то же время подвижнымъ лицомъ, Яковлевъ выказывалъ большое мимическое дарованіе, такъ что гувернеръ Иконниковъ въ самомъ началѣ курса въ Лицеѣ написалъ для Яковлева комедію въ одномъ дѣйствіи, подъ заглавіемъ «Добрый помѣщикъ», въ которой, кромѣ самого Яковлева, участвовали также: Масловъ, Пушкинъ, Костенскій, Илличевскій и Корсаковъ. Ее представили 30 августа, въ день именинъ Императора Александра I. По окончаніи этой пьесы, Яковлевъ пропѣлъ вмѣстѣ съ хоромъ куплеты, сочиненныя тѣмъ же Иконниковымъ¹⁾.

Мы не станемъ здѣсь разсказывать, какъ возникли лицейскіе журналы и кто былъ первоначальнымъ ихъ инициаторомъ, такъ какъ намъ уже приходилось неоднократно касаться этого вопроса. Упомянемъ здѣсь, что уже въ 1812 году возникли два лицейскихъ журнала: «Для удовольствія и пользы» и «Неопытное перо». Насъ интересуетъ только первый журналъ, такъ какъ въ немъ принималъ участіе Яковлевъ.

Журналъ этотъ издавался также въ 1813 году. Его вышло всего 12 номеровъ. Кромѣ Яковлева, въ этомъ журналѣ принимали участіе еще слѣдующіе воспитанники Лицея: Вольховскій, Есаковъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Масловъ. По прекращеніи въ 1813 году журнала «Для удовольствія и пользы», явился новый журналъ, подъ заглавіемъ: «Юные Пловцы». Однимъ изъ издателей этого журнала былъ нашъ Яковлевъ. Кромѣ него, издателями «Юныхъ Пловцовъ» были Пушкинъ, Дельвигъ, Илличевскій и Кюхельбекеръ. Всего вышло два номера этого журнала. Перу Яковлева принадлежатъ «Басни»²⁾.

Когда въ 1813 году прекратился журналъ «Юные Пловцы», то воспитанники Лицея стали собирать свои литературныя произведенія въ отдѣльныя тетради и издавать ихъ, т. е. они тщательно переписывали эти тетради. Между прочимъ, такъ поступилъ одинъ изъ баснописцевъ въ Лицеѣ, а такъ какъ въ «Юныхъ Пловцахъ» басни сочинялись двумя лицами, а именно: Яковлевымъ и Дельвигомъ, то трудно рѣшить, къ которому изъ нихъ относится разсказъ В. Гаевского о судьбѣ этихъ басенъ. Можно предположить, что разсказъ этотъ относится не къ Дельвигу, но къ Яковлеву. Это подтверждается слѣдующими словами Л. Н. Майкова. Говоря о Яковлевѣ, Майковъ пишетъ въ своихъ комментаріяхъ къ стихотвореніямъ Пушкина³⁾: «Литературные его (Яковлева) опыты были менѣе удачны: его басни, подобно стихамъ его товарищей, были посылаемы для печатанія въ «Россійскій Музеумъ», но издатель его В. В. Измайдовъ не давалъ имъ мѣста въ своемъ журналѣ».—Вотъ что говоритъ Гаевскій: «Одинъ изъ нихъ переписалъ свои

¹⁾ В. Гаевскій: «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія». «Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, стр. 138.

²⁾ В. Гаевскій: «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія». «Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, стр. 141—142.

³⁾ Академич. изданіе стихотвор. Пушкина. Спб., 1900 г., т. I, изд. 2, стр. 65.

басни въ особую тетрадь съ эпиграфомъ: «хоть худо, но свое». Илличевскій, изливавшій эпиграммы

На недруга и друга,
написаль по этому случаю слѣдующую:

Ты выбралъ къ басенкамъ заглавіе простое:
«Хоть худо, но свое».
И этакъ хорошо, но этакъ лучше вдвое:
Что худо, то твое,
Что хорошо—чужое.

Баснописецъ, желая видѣть свои произведенія въ печати, посылалъ ихъ, для помѣщенія въ «Россійскомъ Музеумъ», В. Измайлову, котораго просилъ скрыть его имя; но басни не явились въ журналѣ. Обстоятельство это вызвало новую эпиграмму Илличевского, напечатанную въ его «(Опытахъ въ антологическомъ родѣ)», изданныхъ въ 1827 г. (стр. 98):

Уваженная скромность.

Нагромоздивши басень томъ,
Клеонъ давай пускать въ журналъ свои тетради,
Прося изъ скромности издателя о томъ,
Чтобъ имени его не выставлялъ въ печати:
Издатель скромностью такую тронуть былъ,
И имя онъ, и басни—скрылъ» ¹⁾.

О томъ, что басни Яковлева были плохи, мы находимъ намекъ у Пушкина, въ стихотвореніи его «Пирующіе студенты», которое приведено ниже.

Намъ неизвѣстно, участвовалъ ли Яковлевъ въ журналѣ «Лицейскій Му- дрецъ». По крайней мѣрѣ В. Гаевскій не упоминаетъ о немъ. Когда же прекратились лицейскіе журналы, то юные лицеисты стали помѣщать свои стихотворенія уже въ настоящихъ, заправскихъ журналахъ, издаваемыхъ для большой публики. Въ 1814 году явились въ печати въ «Вѣстникѣ Европы» стихотворенія Пушкина и Дельвига, а также Илличевского и Яковлева. Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1814 годъ (№ 21, ноябрь, стр. 30) мы находимъ басню, подписанную буквами «Ц. С.», т. е. Царское Село. Псевдонимъ этотъ принадлежалъ Яковлеву ²⁾. Вотъ эта басня:

П о с у д а.

(Басня).

Не помню я, какой подрядчикъ
Взялся вереть за шесть сотъ
Везти съ посудой ящикъ

¹⁾ См. В. Гаевскій: «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія». «Современникъ» 1863 г., т. XXVII, стр. 142.

²⁾ См. В. Гаевскій: «Дельвигъ». «Современникъ» 1853 года, № 2, февраль, стр. 75.

На тройкѣ лошадей. И вотъ,
Лишь ящикъ былъ поставленъ,
Перекрестись сказалъ хозяинъ:
«Ну, братцы, тронемтея въ путь». — Тогда
Съ домашними... всѣ распростились
И въ путь пустились.
Пролодитъ день, другой—все хорошо туда
Идетъ.— Да въ третій день бѣда:
Ну, пала корень изъ подъ тройки!
Хозяинъ хотъ ропталъ при эдакой разстройкѣ,
Хотъ дѣло шло на перекоръ,
Однако далѣ везъ посуду.
Но видно все клонилось къ худу:
Лишь взѣдутъ на бугоръ—
То чашка пополамъ, то вдребезги тарелка,
И это не бездѣлка.
Когда до мѣста лишь посуду довели,
То въ цѣлости едва нашли
И полпосуды. Вамъ сіе сомнѣнье,
Читатели, не трудно разрѣшить:
Хозяинъ позабылъ переложить
Одну пристяжку въ корень. Въ заключенье
Не трудно всѣмъ замѣтить:
(Что и въ дѣлахъ мы можемъ встрѣтить)
Что ежели одни пристяжки повезуть,
Такъ всю посуду перебьютъ.

Ц. С.

Въ слѣдующемъ году мы встрѣчаемъ произведеніе Яковлева, попавшее въ «Россійскій Музеумъ». Оно также принадлежитъ къ баснямъ. Содержаніе его слѣдующее:

Разговоръ.

«Мой конь буланый палъ!»—«То горе не сердечно;
Вотъ горе: у меня свалилася жена!»—
«Тебѣ все легче, свать!»—«Мнѣ легче?»—
«И конечно;
Ходъ лошадь, но моя была добра, смирна;
Твояжъ покойница... вѣдь упаси и Боже!»—
«Терентьичъ! я молчалъ, но право думалъ то же».

Ц. ¹⁾

¹⁾ «Россійскій Музеумъ» 1815 г., № 7, стр. 18.

Въ лицейскомъ сборникѣ подъ заглавіемъ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ» нѣтъ стихотворенія Яковлева, но среди «Национальныхъ пѣсенъ» мы находимъ слѣдующій куплетъ о Яковлевѣ:

Брось свои подъ столъ законы,
Яковлевъ, иди въ буфоны.
Всѣ нули, всѣ нули,
Ай люли, люли, люли.

Точно также относится къ Яковлеву и слѣдующій куплетъ:

Вотъ музыкантъ,
Комедьянтъ,
Пастора представляетъ,
А Остерманъ
Въ рогахъ баранъ,
Какъ Канцлеръ выступаетъ ¹⁾).

Но, кромѣ стихотвореній, написанныхъ на Яковлева, мы имѣемъ также прелестное стихотвореніе Пушкина, гдѣ упоминается также Яковлевъ. Это — стихотвореніе 1814 года, подъ заглавіемъ: «Пирующіе студенты». Въ строфѣ 6-й этого стихотворенія мы читаемъ:

А ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышешь!
Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь.
Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою,—
Наполни кружку до краевъ:
Разсудокъ, Богъ съ тобою ²⁾).

Мы не станемъ касаться здѣсь того, какъ правильнѣе писать «тасуюсь»: черезъ «о» или «а», а также и вопроса о томъ, какъ понимать слово «тасуюсь». Мы вполне соглашаемся съ комментаторомъ академическаго изданія стихотвореній Пушкина Л. Н. Майковымъ, который говоритъ: «Какъ бы то ни было, выраженіе Пушкина:

Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ,

въ смыслѣ: обращаюсь, вожусь съ тобой безъ чиновъ — можетъ быть признано только рѣдкимъ или мало употребительнымъ, но никакъ не неправильнымъ» ³⁾).

¹⁾ Намъ неизвѣстно, кого подразумѣваютъ тутъ подъ «Остерманомъ».

²⁾ Академическое изданіе Сочиненій Пушкина. Спб., 1900 г., т. I, изд. 2, стр. 48.

³⁾ Академическое изданіе Сочиненій Пушкина. Спб., 1900 г., т. I, изд. 2, стр. 65 и 66.

Къ этой строфѣ «Пирующихъ студентовъ» академикъ Я. К. Гротъ въ статѣ «Пушкинъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ» дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе. Приведа стихъ:

А ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышешь,

Гротъ пишетъ: «Такимъ я и зналъ еще Яковлева. Веселость выражалась въ чертахъ его лица, его появленіе всегда оживляло общество; онъ былъ мастеръ пѣть романсы и никогда не отказывалъ въ томъ»¹⁾).

Восьмая строфа стихотворенія «Пирующіе студенты» относится къ товарищу Яковлева Корсакову, который въ Лицеѣ проявилъ уже замѣчательный талантъ къ поэзіи. Онъ прекрасно игралъ на гитарѣ и даже сочинялъ музыку къ стихотвореніямъ товарищей. Послѣ этой строфы въ рукописи слѣдовала другая строфа, которая была выпущена Пушкинымъ въ окончательной редакціи этого стихотворенія, находящагося въ рукописи Московскаго Публичнаго музея, но въ лицейской рукописи «Пирующихъ студентовъ» и въ «Духѣ лицейскихъ трубадуровъ», принадлежащей Татьянѣ Борисовнѣ Сѣмечкиной, находится слѣдующая строфа:

Не лучше ль, Роде записной,
Въ честь Вакховой станицы
Теперь скрипѣть тебѣ струной
Разстроенной скрипицы?
Запойте хоромъ, господа!
Нѣтъ нужды, что нескладно;
Охрипли?.. Это не бѣда:
Для пьяныхъ все вѣдь ладно²⁾.

Мы уже говорили въ біографическомъ очеркѣ Корсакова, что эти стихи не могли относиться къ «любимцу Аполлона» — Корсакову, но относятся къ Яковлеву. Это подтверждается также П. О. Морозовымъ, который относитъ эту строфу тоже къ Яковлеву и замѣчаетъ, что въ стихотвореніи «Пирующіе студенты» Пушкинъ обращается вторично къ Яковлеву³⁾).

Въ комментаріи на это стихотвореніе Л. Н. Майковъ говоритъ, что будто бы Пушкинъ «сравниваетъ Корсакова съ знаменитымъ скрипачемъ того времени, имѣвшимъ въ 1803—11 годахъ чрезвычайный успѣхъ въ Россіи, Петромъ Роде (род. въ 1774 г., ум. въ 1830 г. въ Бордо)».

¹⁾ Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 15.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Литературнаго фонда. Спб., 1887 г., т. I, стр. 33. И Л. Н. Майковъ (академическое изданіе), стр. 59.

³⁾ Статя П. Морозова въ книгѣ «Пушкинъ» подъ редакціей С. А. Венгерова, т. I, стр. 138.

Это мнѣніе Майкова кажется намъ совершенно неправильнымъ. Пушкинъ не могъ смѣшать гитару со скрипкой и приписать эту строфу Корсакову. Конечно, Корсаковъ могъ играть и на скрипкѣ, но доминирующимъ, т. е. главнымъ инструментомъ у Корсакова все же была гитара, и игрою на ней онъ восхищалъ своихъ товарищей. Это доказывается Пушкинскими словами: «Воспой властителя сердець гитары тихимъ звономъ». Пушкинъ вспоминаетъ, что игра Корсакова на гитарѣ производила чарующее впечатлѣніе; онъ говоритъ: «какъ сладостно въ стѣсненнѹ грудѣ томленье звуковъ льется». Если такое впечатлѣніе получалось отъ гитары Корсакова, то Пушкинъ не могъ ее смѣшать со скрипкой, тѣмъ болѣе, что въ приписываемой строфѣ говорится о скрипкѣ, а не гитарѣ. Относя же этотъ куплетъ къ Яковлеву, игру котораго на скрипкѣ Пушкинъ противопоставляетъ игрѣ извѣстнаго артиста Роде, Пушкинъ относится къ игрѣ Яковлева съ ироніей. Что Яковлевъ безспорно былъ знакомъ со скрипичными произведеніями Роде, можно видѣть уже изъ того, что Роде, пробывъ въ Петербургѣ болѣе пяти лѣтъ, пользовался огромнымъ успѣхомъ. Приѣхавъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Боэльдье, Роде оставилъ намъ двѣнадцать скрипичныхъ концертовъ, которые имѣли огромный успѣхъ среди тогдашнихъ скрипачей и очень охотно игрались ими. Конечно, игралъ ихъ и Яковлевъ, такъ какъ онъ въ то время учился играть на скрипкѣ. Поэтому вполне справедливо было сравненіе Пушкинымъ игры Яковлева на скрипкѣ съ игрою Роде, но только съ тою разницею, что скрипка Яковлева скрипѣла.

...Въ честь Вакховой станицы
Теперь скрипѣть тебѣ струной
Разстроенной скрипицы...

Конечно, Роде не могъ скрипѣть на «разстроенной скрипицѣ», т. е. скрипкѣ, точно также, какъ и Корсаковъ не могъ играть на такой же скрипкѣ, такъ какъ его инструментъ была гитара.

Все это приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что эта отброшенная строфа стихотворенія «Пирующіе студенты» отнесена Пушкинымъ къ его товарищу Яковлеву, а не къ Корсакову.

Помимо умѣнія пѣть и играть на скрипкѣ, Яковлевъ имѣлъ еще талантъ къ композиціи.

Стихотвореніе Пушкина «Къ живописцу»:

Дитя харитъ и вдохновенья...

было положено на музыку Яковлевымъ и пѣлось въ Лицеѣ, какъ о томъ говорилъ С. Д. Комовскій въ своей запискѣ ¹⁾).

¹⁾ Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 220.

Этотъ талантъ Яковлева еще болѣе развитъ въ послѣдствіи, и онъ сталъ незауряднымъ композиторомъ того времени.

Въ стихотвореніи «Посланіе къ А. И. Галичу»¹⁾ Пушкинъ рисуеъ ему картину, что лицейцы нагрянуть къ нему,—кто съ балладою, кто съ куплетомъ...

...И полонъ становится
Твой малый, тѣсный домъ...

И Пушкинъ добавляетъ: «Вотъ съ милымъ острякомъ» (т. е. съ Алексѣемъ Даміановичемъ Илличевскимъ)—

Нашъ пѣсельникъ тащится
По лѣстницѣ съ гудкомъ,—
И всё къ тебѣ нагрянемъ...¹⁾

Подъ словомъ «пѣсельникъ» подразумѣвается здѣсь Яковлевъ, который пѣлъ въ Лицеѣ разные романсы.

Къ сожалѣнію, нѣтъ посланій Пушкина къ Яковлеву. Также мы не имѣемъ прощальныхъ стихотвореній великаго поэта, обращенныхъ къ Яковлеву, когда они покидали Лицейъ.

Оставляя Лицейъ, Яковлевъ внесъ свою запись въ альбомъ Энгельгардта. Эта запись характеризуетъ намъ Яковлева, какимъ онъ былъ веселымъ шутникомъ. Другіе писали въ альбомъ Энгельгардта стихи, изліянія преданности и любви къ нему. Яковлевъ написалъ коротко и ясно: «Коллегіи секретарь Яковлевъ»²⁾.

Яковлевъ окончилъ курсъ наукъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ 9 іюня 1817 г., съ чиномъ X класса, и поступилъ въ Министерство Юстиціи въ Москвѣ³⁾.

Въ формулярѣ его сказано: «По выпускѣ изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея опредѣленъ по Высочайшему повелѣнію за Оберъ-Секретарскій столъ въ 6 департаментъ Правительствующаго Сената въ Москвѣ съ чиномъ Коллежскаго Секретаря—1817 года 9 іюня»⁴⁾.

Отъ 1817 г. мы имѣемъ письмо Энгельгардта къ Матюшкину отъ 20 декабря, въ которомъ упоминается о Яковлевѣ. Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Яковлевъ паяситъ въ Москвѣ и, говорятъ, очень доволенъ».

¹⁾ Академическое изданіе Сочиненій А. С. Пушкина. Спб., 1900 г., т. I, изд. 2, стр. 140 и 193.

²⁾ См. статью Д. О. Кобеко: «Альбомъ директора Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардта», въ книгѣ: «Пушкинъ и его современники». Спб., 1908 г., вып. VII, стр. 18.

³⁾ См. «Матеріалы для исторіи Лицея» И. Селезнева. 1856 г.—Въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—1857 г., стр. 92.

⁴⁾ И. Селезневъ въ «Историческомъ Очеркѣ Императорскаго Лицея» (Спб., 1861 г., стр. 168) говоритъ, что Яковлевъ по окончаніи Лицея, служилъ за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ въ Московскомъ Сенатѣ.

Въ 1818 году, 16 июля, Яковлевъ былъ командированъ къ сенатору Мертваго, производившему, по Высочайшему повелѣнію, слѣдствіе о злоупотребленіяхъ во Владимірской губерніи.

Въ томъ же году, 15 декабря, исправлялъ должность секретаря при сенаторахъ Мертваго и Гермесѣ, ревизовавшихъ Кавказскую (?) и Астраханскую губерніи.

По именному Высочайшему указу 21 марта 1819 года награжденъ чиномъ Титулярнаго Совѣтника.

По предписанію Министра Юстиціи Яковлевъ былъ командированъ 13 мая 1820 года для производства письменныхъ дѣлъ въ Коммиссію, Высочайше утвержденную о пособіи разореннымъ городамъ Московской, Калужской и Смоленской губерній, потерпѣвшимъ отъ обстоятельствъ 1812 года, въ каковой командировкѣ находился, по 15 декабря 1820 года.

Отъ 1821 года (9 февраля) мы имѣемъ письмо Энгельгардта къ Матюшкину, гдѣ читаемъ: «7-го очень нечаянно пріѣхалъ изъ Москвы ко мнѣ Яковлевъ (а по нашему Якклеву), я тотчасъ отправилъ къ петербургскимъ чугуникамъ окружное письмо и нарядъ явиться сюда на другой день въ 12 часовъ, не говоря о причинѣ.—Прискакали: Пущинъ, Саврасовъ, Корфъ, Комовской, Малиновской,—входятъ всѣ въ мой кабинетъ, и вдругъ изъ подъ моего стола голосъ знакомый воспѣваетъ: «въ лицейской залѣ тишина». Нѣтъ надобности тебѣ рассказывать о всеобщемъ восхищеніи при свиданіи съ старымъ товарищемъ и о вопросахъ: ну что-жъ ты? ну какъ ты? и пр.; всѣ говорили, и я одинъ слушалъ и восхищался.— За обѣдомъ пили здоровье имянинницы ¹⁾, а потомъ *или* здоровье бѣднаго моряка, плавающего сухимъ путемъ на не обѣзжанныхъ лошадяхъ и умирающихъ съ голоду собакахъ ²⁾. Много, много тебя поминали,—и если только сотая часть всего того, что тебѣ желали, исполнится, то путешествіе твое должно быть щастливѣйшее и успѣшнѣйшее изъ всѣхъ путешествій на свѣтѣ.—День провели мы самой лицейской: пѣли *лицейскую Залу*, и *Сатану съ Лакрицомъ*, и *вставайте Herr Matuschkin*, въ отставку я подамъ, и *хвала тебѣ, Фроловъ*, и *они немножко гнилы*—*позвольте доложить*. Словомъ, отъ 12 часовъ утра до 1 часа послѣ полуночи жили совершенно въ старомъ Лицѣѣ».

Въ томъ же 1821 году, отъ 16 февраля, Энгельгардтъ извѣщалъ Матюшкина: «Завтра будутъ ко мнѣ въ гости Пущинъ и Якклеву,— послѣднему препоручу я доставле (Sic) сей моей экспедиціи къ Почтдиректору Булгакову, съ которымъ онъ очень хорошо знакомъ».

А 17 февраля того же года ³⁾въ письмѣ къ Матюшкину онъ добавляетъ:

¹⁾ Вѣроятно, жена Энгельгардта.

²⁾ Это—Матюшкинъ, находившійся въ то время въ экспедиціи лейтенанта Врангеля при описи береговъ Ледовитаго моря.

«Пріѣхали золотой и серебрянной Пушинъ и Яковлевъ. Надобно кончить, надобно все укладывать, ушить».

Наконецъ, отъ 21 іюня 1821 года Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Яковлевъ посѣщалъ меня въ прошедшую зиму; онъ пріѣхалъ сюда, жилъ здѣсь около двухъ недѣль, изъ числа оныхъ былъ 1 день въ Петербургѣ и потомъ возвратился опять въ Москву».

Въ 1823 году, 21 марта, Яковлевъ произведенъ, за выслугу лѣтъ, на основаніи указа 6 августа 1809 года, въ Коллежскіе Ассесоры.

По предписанію Министра Юстиціи перемѣщенъ въ Департаментъ Министерства Юстиціи—8 сентября 1824 года.

Въ это время, какъ это видно изъ письма Энгельгардта, въ Москвѣ жили Бакунинъ, Кюхельбекеръ, Яковлевъ, Данзасъ и II курса Пальчиковъ. Къ нимъ ѣхалъ Пушинъ. Энгельгардтъ замѣчаетъ о нихъ: «...народъ все хорошій, есть съ кѣмъ о Лицеѣ поговорить».

Въ 1826 году, 11 января, Яковлевъ опредѣленъ въ Департаментъ разныхъ податей и сборовъ столоначальникомъ.

За этотъ годъ мы имѣемъ письмо Яковлева къ Вольховскому отъ 4 января. Въ этомъ письмѣ Яковлевъ дѣлаетъ шуточное перечисленіе служебныхъ положеній своихъ товарищей. Въ немъ очень оригинально то, что Яковлевъ пишетъ о самомъ себѣ. Онъ начинаетъ такъ: «...Посмотримъ, что Яковлевъ теперь скажетъ объ Яковлевѣ:

1. Онъ тебя съ прошедшими праздниками и Новымъ Годомъ поздравляетъ и всѣхъ благъ желаетъ.

2. Что онъ любитъ тебя по прежнему.

3. Что ему не удается много посясть, потому что занять дѣломъ, и наконецъ

4. Что онъ пересталъ на время влюбляться...»

По Высочайшему повелѣнію Яковлевъ былъ командированъ во 2-ое отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, съ оставленіемъ его въ штатѣ чиновниковъ Департамента разныхъ податей и сборовъ, съ 16 января 1827 г.

Въ 1827 году, 5 мая, Яковлевъ пишетъ Вольховскому: «Съ Новаго года почти командированъ я во 2-ое отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи (въ бывшую Комиссію Составленія Законовъ), гдѣ и понинѣ работаю и работаю такъ, что грудь заболѣла. За работою принужденъ былъ отказаться отъ знакомыхъ и даже рѣдко вижу и нашихъ, кромѣ сосѣдей Дельвига и Саврасова». Какъ кажется, Яковлевъ здѣсь немного преувеличилъ свои труды по службѣ. Несмотря на эти усиленные занятія, онъ велъ въ 1827 году весьма разсѣянный образъ жизни, какъ это видно изъ письма Саврасова къ В. Д. Вольховскому отъ 22 февраля 1827 г., гдѣ мы находимъ: «...Яковлевъ меня совершенно забылъ — все

жалуется, что болеть, а никогда не найдешь дома — вѣчно на балѣ да еще и за городомъ».

Всемилоствѣйше награжденъ подаркомъ въ 800 рублей и единовременной выдачей въ 1,000 рублей—1 іюля 1827 года.

Награжденъ орденомъ Св. Анны 3 степ. и единовременной выдачей въ 2,000 рублей—19 января 1828 года.

Награжденъ орденомъ Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4 степени и единовременной выдачей годового оклада въ 1,500 рублей—17 марта 1829 года.

Произведенъ, за выслугу лѣтъ, въ Надворные Совѣтники—21 марта 1828 года.

Переименованъ по Департаменту разныхъ податей и сборовъ изъ столна-чальниковъ въ чиновники особыхъ порученій—30 декабря 1829 года.

Въ шуточномъ перечнѣ служебныхъ положеній лицействоу I курса, написанномъ для Вольховскаго, авторъ, между прочимъ, указываетъ на двухъ товарищей, служащихъ во 2 отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи: на барона Корфа и Яковлева. О Яковлевѣ онъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «Яковлевъ. Надворный Совѣтникъ. Св. Владиміра 4 степени и Св. Анны 3 степ. кавалеръ; холостъ и паясъ по прежнему; но паясъ du beau monde, ибо въ прошедшую зиму ѣздилъ каждый вечеръ на балы къ М-ше Миротморцовъ и пр., шилъ себѣ модный фракъ съ длиннымъ лифомъ и повязываетъ галстугъ à la papillon»¹⁾.

Ранѣ этого, 25 февраля 1829 года, Энгельгардтъ писалъ Матюшкину: «Яковлевъ серіознаго корчить, что ему совѣмъ не къ лицу». А 5 сентября того же года Энгельгардтъ писалъ къ Вольховскому: «Яковлевъ пишетъ законы и, къ крайнему моему сожалѣнію, вмѣсто прежняго паяничества, серіозничаетъ, что ему совѣмъ не къ лицу. *Suum cuique!*»

Отъ 1830 года мы также имѣемъ нѣсколько писемъ, гдѣ упоминается о Яковлевѣ. Такъ, напримѣръ, отъ 6 февраля Энгельгардтъ извѣщаетъ Матюшкина, что Яковлевъ получилъ Анну 2 степени.

Отъ 7 апрѣля того же года Энгельгардтъ писалъ Матюшкину: «Яковлевъ наконецъ попалъ на хорошій путь; онъ работаетъ въ Комиссіи составленія Законовъ и видно дѣльно, потому что получаетъ по двѣ и по три награды въ годъ...»

И, дѣйствительно, денежные награды сыпались на Яковлева, какъ изъ рога изобилія. Въ формулярѣ Яковлева мы читаемъ, что 28 января 1830 года онъ Всемилоствѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 2 степени и единовременной выдачей въ 3,000 рублей.

По окончаніи печатанія текста полного собранія законовъ, Всемилоствѣйше пожаловано ему единовременно 3,000 рублей—6 апрѣля 1830 года.

¹⁾ Письмо отъ ноября 1829 года.

Велѣдствіе Именного указа 21 марта 1830 года, назначень Членомъ Высочайше утвержденной Комисіи для разбора архивовъ государственнаго и сенатскаго С.-Петербургскихъ Департаментовъ.

20 апрѣля 1830 года Всемилостивѣйше пожаловано Яковлеву единовременно 2,000 рублей.

По Высочайшему повелѣнію поручено управлять типографіею 2-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи—7 іюля 1832 года.

Подобный блистательный успѣхъ по службѣ не прошелъ безслѣдно въ перепискѣ Энгельгардта со своими любимыми воспитанниками. Такъ, въ письмѣ отъ 22 января 1831 года Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Яковлевъ сдѣлался совершенно дѣловымъ человѣкомъ; пишетъ законы; уже не паясничаетъ, а занимается италіанскою музыкою и восхищаетъ всѣхъ своимъ талантомъ и голосомъ».

Въ письмѣ къ Вольховскому Энгельгардтъ отъ 26 ноября 1831 года писалъ: «Яковлевъ сталъ серьезничать; жаль, не въ свои сани сѣлъ». А 4 декабря того же года Энгельгардтъ, перечисляя Матюшкину служебныя положенія нѣкоторыхъ его товарищей, замѣчаетъ между прочимъ: «О прочихъ нечего сказать, развѣ только еще о Яковлевѣ, что онъ пересталъ паясничать и съ тѣхъ поръ никуда не годится...»

Къ этимъ отзывамъ Энгельгардта о Яковлевѣ можно прибавить еще письмо Энгельгардта отъ 28 мая 1832 года, къ Матюшкину, въ которомъ Энгельгардтъ писалъ: «Яковлевъ много работалъ въ законодательствѣ, получилъ чины, крестики, деньги и пр. и что то корчитъ серьезнаго; это ему совсѣмъ не къ лицу».

Несмотря на то, что Яковлевъ былъ назначень только управляющимъ государственною типографіею, Энгельгардтъ вездѣ въ письмахъ называетъ его директоромъ типографіи. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Вольховскому отъ 22 сентября 1832 года Энгельгардтъ писалъ: «Яковлевъ сдѣланъ Директоромъ Типографіи, въ которой печатаются новые законы. Ему за то даютъ 5,000 рублей жалованья и прекрасную квартиру; я очень радъ. Дай Богъ, чтобы законы печатались, а болѣе еще, чтобы исполнялись, да то бѣда, что на исполнителей неврожай».

Въ письмѣ Энгельгардта къ Матюшкину отъ 23 октября 1832 года мы читаемъ: «Яковлевъ — Директоръ Типографіи Комисіи Составленія Законовъ и заполучаетъ 5,000 рублей и прекрасную квартиру; кажется ладить свадьбу».

А въ письмѣ отъ 31 октября 1832 года онъ писалъ Матюшкину: «Яковлевъ печатаетъ законы и чуть ли тоже не мѣтитъ ли подъ вѣнецъ».

Къ сожалѣнію, въ отношеніи «вѣнца» Энгельгардтъ не угадалъ.

(Пропускъ. См. въ концѣ настоящаго очерка).

Директоромъ типографіи 2-го отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи Яковлевъ былъ Высочайше утвержденъ только 10 февраля 1833 года.

По отпечатаніи свода законовъ изданія 1832 года, Всемилостивѣйше пожалованъ чиномъ Коллежскаго Совѣтника, кавалеромъ ордена Св. Анны 2 степени съ Императорскою короною и единовременной выдачей 5,000 рублей—12 февраля 1833 года.

Всемилостивѣйше пожалованъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ—22 августа 1834 года.

Награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3 степени — 21 апрѣля 1835 года.

За этотъ годъ, отъ 11 іюня, мы имѣемъ письмо Яковлева къ Вольховскому, въ которомъ Яковлевъ перечисляетъ въ шутовой формѣ служебное положеніе своихъ товарищей. О себѣ онъ пишетъ слѣдующее: «Яковлевъ живетъ по прежнему, ни шатко, ни валко, ни на сторону. — Вспоминаетъ о друзьяхъ своихъ, ограничивается короткимъ кругомъ знакомыхъ и не мечтаетъ ни о богатствѣ, ни о почестяхъ, полагаясь на то, *что будетъ, то будетъ!*»

По представленію Сенатора Маврина, предсѣдателя бывшей временной Комиссіи для разбора дѣлъ архивовъ Государственнаго и Правительствующаго Сената С.-Петербургскихъ Департаментовъ, Яковлевъ Всемилостивѣйше награжденъ, за пятилѣтніе труды по Комиссіи, годовымъ окладомъ жалованья—10 января 1836 года.

Всемилостивѣйше пожалованъ въ Статскіе Совѣтники—20 марта 1836 года.

За хорошее состояніе типографіи 2-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи объявлено Яковлеву Высочайшее благоволеніе—1 февраля 1837 года.

Этотъ годъ былъ особенно несчастливъ для Яковлева. Онъ лишился своего друга Пушкина, убитого, какъ извѣстно, на дуэли барономъ Дантесомъ-Геккереномъ. Когда вѣсть о смерти Пушкина дошла до Матюшкина, находившагося тогда въ Севастополѣ, то онъ могъ написать Яковлеву только нѣсколько строкъ: «Пушкинъ убитъ! Яковлевъ! Какъ ты это допустилъ? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлевъ, Яковлевъ! Какъ могъ ты это допустить? Нашъ кругъ рѣдѣть; пора и намъ убраться... 14 февраля. Севастополь»¹⁾.

На упрекъ же Вольховскаго, почему Яковлевъ не увѣдомилъ его тотчасъ же о смерти Пушкина, мы имѣемъ отвѣтное письмо Яковлева отъ 22 іюня 1837 года, въ которомъ онъ ему отвѣчаетъ: «Ты мнѣ пеняешь, за чемъ (Sic) я не написалъ тебѣ о горестной кончинѣ Пушкина? Вотъ мой отвѣтъ. Не писалъ я потому, что голова кругомъ шла въ то время, а когда образумился, то ужъ газеты предупредили извѣстія о его смерти. Убийца, разжалованный въ солдаты, высланъ съ жандармомъ за границу. Данзасъ нашъ, какъ секундантъ Пушкина, содержался сперва на гауптвахтѣ, а потомъ, по приговору суда, въ крѣпости три мѣсяца.»

¹⁾ Я. Гротъ: «Пушкинъ, его лиц. тов. и наставники». Спб., 1899 г., стр. 74.

Теперь онъ свободенъ. — Журналъ Пушкина дѣйствительно я имѣю, но пересылать тебѣ его для прочтенія не нахожу удобства, потому что пересылка обойдется слишкомъ дорого».

Письмо Яковлева къ Вольховскому отъ 22 іюня 1837 года оканчивается слѣдующими интересными строками о немъ самомъ:

«Надо же и о себѣ что-нибудь сказать. Во 1-хъ). Я слава Богу здоровъ, хотя по временамъ не ладимъ мы съ желчью; во 2-хъ). Живу по прежнему, довольно уединенно; ограничиваясь настоящимъ, не желаю покамѣсть лучшаго; въ 3-хъ). Планы мои на женитбу меня уже болѣе не тревожатъ. Наконецъ держусь правила: *что будетъ, то будетъ*».

Яковлеву Всемиловѣйше пожалованъ знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ—22 августа 1838 года.

Отъ этого года мы имѣемъ письмо Энгельгардта къ Матюшкину (отъ 6 іюля 1838 года), гдѣ онъ писалъ: «Яковлевъ, говорятъ, женился и уѣхалъ. Это я узналъ отъ чужихъ людей; онъ не счелъ за нужное увѣдомить меня ни о свадьбѣ, ни объ отъѣздѣ. Жаль!» А 10 іюля того же года Энгельгардтъ писалъ Вольховскому: «Яковлевъ, говорятъ, женился на какой то вдовѣ съ дѣтьми и деньгами. Это слышалъ я отъ чужихъ людей, онъ не счелъ за нужное меня хоть бы словомъ увѣдомить».

Наконецъ, въ письмѣ отъ 24 января 1839 года Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Яковлевъ, или по твоему Яклеву, говорятъ, очень счастливъ съ женою и съ 4-мя дѣтьми. Она, говорятъ, очень мила и любезна. Они были у насъ, не застали и оставили билеты; мы были у нихъ, также не застали, но билетовъ не оставили, потому что у меня ихъ и въ заводѣ никогда не бывало. Сведетъ ли насъ Господь опять или нѣтъ, не знаю».

Яковлевъ былъ женатъ, какъ это видно изъ формуляра, составленнаго въ 1868 году, на вдовѣ Генераль-Маіора Игнатъева, Надеждѣ Ивановнѣ¹⁾, у которой были дѣти: 1) Иванъ, родившійся 7 января 1823 года, Полковникъ гвардейской конной артиллеріи; 2) Дмитрій, родившійся 25 января 1828 года, отставной Надворный Совѣтникъ; 3) Николай, родившійся 9 декабря 1831 года, гвардіи Штабсъ-Ротмистръ въ отставкѣ, и дочери: 1) Анна, родившаяся 10 сентября 1826 года, въ замужествѣ за Капитаномъ 1 ранга Боконъ, и 2) дѣвица Марія, родившаяся 12 января 1833 года (находилась тогда при родителяхъ). Вѣроятно, объ этой дочери упоминаетъ Плетневъ, что она была дружна съ его дочерью Олей. Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ Плегнева къ Гроту отъ 10 января (суббота)

¹⁾ Поэтому совершенно произвольнымъ является указаніе у князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго («Русская родословная книга». Спб., 1895 г., т. 2, изд. 2, стр. 460), что Яковлевъ былъ женатъ первымъ бракомъ на Н. Н. Онъ былъ женатъ первымъ бракомъ на Игнатъевой.

1848 года: «Въ среду вечеромъ былъ у меня, между прочими гостями, лицейской Яковлевъ (Михайлъ Лукьяновичъ) съ дочерью, или справедливѣе съ падчерицею, которой 15-й годъ. Оля любить ее чрезвычайно, онѣ учатся вмѣстѣ у Пампье, а теперь начали и въ рисовальную школу ѣздить вмѣстѣ и предполагаютъ вмѣстѣ же брать уроки у Эльснера и Шо. Оля за то любитъ такъ Игнатьеву (фамилія покойнаго отца ея), что она, подобно ей, всему бы желала учиться».

Жена Яковлева и дѣти ея отъ перваго брака были православнаго вѣроисповѣданія. У жены его было благопріобрѣтенное имѣніе въ Саратовской губерніи, Хвалынскаго уѣзда, въ селѣ Александровскомъ—Покурлей тожъ, 460 десятинъ земли и въ Тульской губерніи, Веневскаго уѣзда, въ селѣ Богородицкомъ, 800 десятинъ земли.

По отпечатаніи свода военныхъ постановленій, Яковлевъ 25 іюня 1839 года Всемилостивѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

Отъ 1839 года мы имѣемъ очень интересное письмо Яковлева, отъ 26 мая, къ Вольховскому, изъ котораго мы узнаемъ, что они вмѣстѣ когда то жили на одной квартирѣ и что Яковлевъ съ Матюшкинымъ были у Вольховскаго шаферами на свадьбѣ. Точно также изъ этого письма видно, что Вольховскій хлопоталъ объ учрежденіи маіората, хотя, къ сожалѣнію, изъ письма не видно, хлопоталъ ли онъ о маіоратѣ для себя или для другого лица. Далѣе въ этомъ же письмѣ по поводу отставки Вольховскаго есть нѣсколько пессимистическихъ сѣтованій Яковлева о своей судьбѣ, хотя, судя по формуляру его, онъ вовсе не могъ жаловаться на свою судьбу. Изъ этого же письма можно заключить, что Вольховскій былъ знакомъ съ женою Яковлева. Вотъ это письмо:

«Товарищъ, сожитель и шаферъ премного благодарить друга сердечнаго Владиміра Дмитріевича за грамотку изъ Изюма, отъ 5 мая. Въ отвѣтъ на вопросы твои извѣщаю тебя, что нѣтъ закона у насъ на счетъ Маіоратства; всякій желающій входитъ о томъ съ просьбою на Высочайшее имя. По просьбѣ составляется Именный указъ, разрѣшающій Маіоратство.—Вотъ весь порядокъ, который до сихъ поръ соблюдался по этому предмету. Письмо твое читалъ я Модесту, который тоже подтвердилъ на счетъ Маіоратства. По требованію твоему посылаю тебѣ, въ знакъ памяти, новый способъ добыванія поэма.

«Ты—въ отставку! я къ этой мысли не привыкну, зная твою служебную дѣятельность. Тѣмъ болѣе огорчительна твоя отставка, что счастье тебѣ по службѣ благопріятствовало. Вотъ если, года черезъ два, слѣдаюсъ *старостою* въ деревнѣ, это будетъ не удивительно. Служба мнѣ всегда была мачихой, и злой мачихой; стало и разставанье будетъ мнѣ не горестно.—Потолковалъ бы съ тобой поболѣ, но дѣла служебныя отрываютъ меня. Пишу наскоро, чтобъ не пропустить почты.

«Жена моя много благодарить тебя за память о ней. Прошу же принести и

наше искреннее почтение Милост. Госуд. Аннѣ Андреевнѣ ¹⁾, Марьѣ Васильевнѣ ²⁾, Аннѣ Пвановнѣ ³⁾ и Ивану Васильевичу ⁴⁾. *Salve et mihi fave. М. Яковлевъ*».

Отъ 1841 года мы имѣемъ письмо Яковлева къ Вольховскому, въ которомъ онъ писалъ, 25 января, между прочимъ, слѣдующее:

Коль скоро получу деньги изъ Коммерческаго Банка по присланному тобою, другъ сердечный Владиміръ Дмитріевичъ, билету въ семьсотъ пятьдесятъ рубл. сер., не замедлю внести въ Опекунской Совѣтъ слѣдующія въ уплату деньги, 8-го февраля и не забуду тоже сдѣлать и 23 апрѣля.

«Совершенно согласенъ съ тобою, что съ лѣтами умножаются заботы; каждый прилѣпляется къ особеннымъ своимъ связямъ и прежняя юношеская дружба ослабляется; но увѣренъ и въ томъ, что Владиміръ Дмитріевичъ и Иванъ Васильевичъ не измѣнятъ дружбѣ, если бы имъ довелось быть и Министрами».

21 ноября 1840 г. Яковлевъ Всемилостивѣйше назначенъ Предсѣдателемъ Комитета, Высочайше утвержденнаго при второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи для надзора за печатаніемъ Полнаго Собранія Законовъ.

Энгельгардтъ въ своемъ письмѣ отъ 12 сентября 1841 года жалуется Матюшкину, что «изъ перваго курса у меня бываютъ только Комовскій и Горчаковъ изрѣдка, а прочіе здѣсь: Корфъ, Масловъ, Бакунинъ, Яковлевъ — слишкомъ заняты, нѣкогда (Sic) о старомъ директорѣ поминать».

А за годъ до этого, въ письмѣ отъ 2 сентября 1840 года, Энгельгардтъ писалъ Вольховскому: «Яковлевъ печатаетъ законы», — безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментаріевъ, такъ какъ Энгельгардтъ считалъ себя обиженнымъ, что Яковлевъ, живя въ Петербургѣ, совѣтъ не навѣщаетъ его.

Какъ это видно изъ всего предыдущаго и послѣдующаго, это печатаніе законовъ было весьма выгодно Яковлеву во всѣхъ отношеніяхъ.

Далѣе мы читаемъ въ формулярѣ:

По отпечатаніи Свода Законовъ изд. 1842 года, Яковлевъ Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Станислава 1 степени—12 марта 1843 года.

Всемилостивѣйше пожалованъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ — 22 августа 1843 года.

За особые труды по печатанію трехъ продолженій Свода Законовъ, постановлений и алфавитнаго указателя къ сему Своду объявлено Монаршее благоволеніе—23 декабря 1843 года, и тѣмъ же числомъ, по прошенію, Всемилостивѣйше уволенъ отъ званія Предсѣдателя вышеозначеннаго Комитета.

¹⁾ Анна Андреевна Самборская, тетка Мадиновскаго со стороны матери.

²⁾ Марія Васильевна—сестра Малиновскаго, жена Вольховскаго.

³⁾ Лицо, намъ неизвѣстное.

⁴⁾ Иванъ Васильевичъ Мадиновскій.

Согласно прошенію, Яковлевъ былъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ—5 января 1844 года:

По предписанію Министра Внутреннихъ Дѣлъ находился въ командировкѣ: 1) съ 25 января по 11 ноября 1844 года, для окончанія изслѣдованія о растратѣ суммъ С.-Петербургской Управы благочинія и повѣркѣ счетоводства ея; 2) съ ноября по 20 декабря того же года, для произведенія слѣдствія по жалобѣ акцизнаго крестьянина Меріяшно на противозаконные поступки бывшаго квартальнаго надзирателя С.-Петербургской полиціи Верленко; 3) съ 22 мая по 16 декабря 1845 года для собранія ближайшихъ свѣдѣній о видахъ на урожай въ 1845 году хлѣбовъ въ губерніяхъ: Нижегородской и Саратовской и 4) съ 5 июня по 18 сентября 1846 года для собранія свѣдѣній о видахъ на урожай хлѣба въ 1846 году, о движеніи хлѣбной торговли и о цѣнахъ на хлѣбъ въ губерніяхъ Тульской и Орловской.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, Яковлеву Всемилостивѣйше повелѣно быть Членомъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ—16 февраля 1846 года.

Назначеніе Яковлева Членомъ Совѣта состоялось по ходатайству его товарища барона Модеста Андреевича Корфа. Вотъ письмо Корфа къ Яковлеву отъ 5 марта 1845 г. съ описаніемъ результатовъ его ходатайства:

«Вотъ тебѣ, любезный другъ Михайло Лукьяновичъ, письменный отвѣтъ П. ¹⁾ на записку, которую я послалъ ему о тебѣ, когда не засталъ его дома. А вотъ и сегодняшній словесный разговоръ, который онъ самъ же завелъ, подойдя ко мнѣ: «я недавно докладывалъ Государю о назначеніи на такое мѣсто одного человѣка, но когда, на вопросъ его: сколько у меня членовъ въ совѣтѣ, я отвѣчалъ, что *столько то*, онъ прямо мнѣ отказалъ, находя, что уже довольно. Это, однако, ничего: *il n'a pas été très bien disposé ce jour là et puis je n'ai pas beaucoup insisté, je suis persuadé qu'un autre jour l'affaire s'arrangera sans aucune difficulté.* Но вотъ въ чемъ дѣло. До сихъ поръ вашъ aspirant имѣлъ нѣсколько порученій, которыя исполнилъ хорошо. Но они больше механическія. Теперь я придумалъ для него одно дѣло, которое должно показать и знаніе его, и взглядъ, и степень способности къ редакціи». «Прекрасно, отвѣчалъ я: такое порученіе, вѣрно, ему будетъ очень пріятно, а я съ моей стороны увѣренъ, что онъ исполнить его совершенно удовлетворительно», и прибавилъ все, что внушило мнѣ на твой счетъ сердце и справедливость. «Ну, знаете ли, продолжалъ онъ смѣючись, что послѣ такой рекомендаціи вы рискуете у меня весь вашъ кредитъ потерять, и если вашъ пріятель не удовлетворитъ ей, то онъ (т. е. кредитъ) упадетъ не на 20, не на 50, а на всѣ 100 процентовъ».

¹⁾ Это былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, Перовскій, бывший въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ.

«Охотно покоряюсь этому строгому приговору и это пусть будет вамъ лучшимъ доказательствомъ, что я не робѣю за своего кандидата. Но, позвольте: вѣдь вы постановили только одну альтернативу неудачи и не прибавили, что будетъ въ случаѣ другой: удовлетвореніе вашимъ ожиданіямъ?» — «Тогда я вамъ даю слово, что онъ тотчасъ будетъ членомъ совѣта».

«Вотъ, любезный другъ, чуть ли не литеральный отчетъ въ нашемъ разговорѣ. «Въ чемъ будетъ состоять новое порученіе?» спросить я не могъ, потому что насъ перебили; но успѣлъ только, по вопросу о томъ, узнать, что оно еще *не дано*. Теперь, какъ все поставлено въ зависимость отъ успѣха въ исполненіи, я не сомнѣваюсь уже въ благоприятномъ результатѣ, которому искренно и отъ души порадуется твой вѣрный № 8 ¹⁾».

«Понедѣльникъ».

«Письменнаго отвѣта П. я не хотѣлъ тебѣ пересылать, пока не имѣлъ обѣщаннаго въ немъ словеснаго объясненія» ²⁾».

Предписаніемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Яковлевъ назначенъ присутствовать въ Центральномъ Комитетѣ, учрежденномъ для составленія правилъ спеціального межеванія — 8 марта 1846 года и находился въ семъ Комитетѣ по 31 октября 1847 года.

Высочайше повелѣно не числиться на службѣ по Министерству Финансовъ Чиновникомъ особыхъ порученій при Департаментѣ разныхъ податей и сборовъ сверхъ штата—12 іюня 1846 года.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, уволенъ, согласно его прошенію, отъ службы—4 марта 1848 года.

При семъ увольненіи по Высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ назначено ему въ пенсію 571 руб. 80 коп. въ годъ, со дня увольненія отъ службы—4 марта 1848 года.

Всемилоостивѣйше пожалованъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ—22 августа 1848 года. Яковлевъ былъ въ отставкѣ съ 1848 по 1862 г., т. е. 14 лѣтъ.

Яковлеву Всемилоостивѣйше повелѣно быть Членомъ Консультациі, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, 22 апрѣля 1862 года.

Вмѣстѣ съ симъ Высочайше повелѣно сохранить Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Яковлеву Всемилоостивѣйше пожалованную ему, при увольненіи отъ службы, въ 1848 году, пенсію—571 руб. 80 коп. въ годъ.

Ордеромъ Управляющаго Министерствомъ Юстиціи отъ 29 ноября 1862 г.

¹⁾ Баронъ Корфъ подписался № 8-мъ, какъ это было въ обычаѣ между лицейцами,—номеромъ его лицейской комнаты.

²⁾ «Рус. Стар.» 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 582. «Русскіе достопамятные люди въ ихъ письмахъ». Изъ собранія автографовъ кн. П. А. Путятина.

за № 5370 поручено Яковлеву обрезать производство 1 Департамента и Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената. Порученіе это окончилъ 22 февраля 1863 года.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, Всемилостиѣйше пожалованъ въ Тайные Совѣтники съ назначеніемъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ—13 іюня 1863 года.

Вмѣстѣ съ симъ назначеніемъ Высочайше повелѣно опредѣлить содержаніе по званію Сенатора по 4000 рублей въ годъ изъ Государственнаго Казначейства, съ прекращеніемъ производившейся ему пенсіи 571 руб. 80 коп. въ годъ, которая была назначена при увольненіи его въ 1848 году отъ службы.

По Высочайшему повелѣнію, объявленному Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи Правительствующему Сенату, назначенъ къ присутствованію въ Межевомъ Департаментѣ Правительствующаго Сената—13 іюня 1863 года.

На вакантное время по Правительствующему Сенату на 1863 годъ назначенъ къ присутствованію въ Соединенное Засѣданіе 2, 3, 4 и Межевого Департаментовъ Сената.

Объявлено, чрезъ Министра Юстиціи, Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе за участіе, принятое въ работахъ по преобразованію судебной части,—17 декабря 1864 года.

По Высочайшему повелѣнію, предложенному Правительствующему Сенату Министромъ Юстиціи, за № 1069, перемѣщенъ къ присутствованію во 2 Отдѣленіе 5 Департамента Правительствующаго Сената—1 марта 1865 года.

Всемилостиѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1 степени съ Императорской короной—1 января 1866 года.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества указу, объявленному Правительствующему Сенату Министромъ Юстиціи № 12559, перемѣщенъ 12 сентября 1867 года во 2-ое Отдѣленіе 3-го Департамента Правительствующаго Сената ¹⁾.

М. Л. Яковлевъ скончался 4 января 1868 года, въ должности Сенатора 2-го Отдѣленія 3-го Департамента Правительствующаго Сената.

Мы уже упоминали, что Яковлевъ былъ, по выходѣ изъ Лицея, хранителемъ лицейскихъ обычаевъ и преданій—у него сохранился такъ называемый «архивъ

¹⁾ Далѣе въ формулярѣ мы читаемъ:

Въ походахъ, штрафахъ и подѣ слѣдствіемъ не былъ.

Въ отпуску былъ: въ 1838 году, съ Высочайшаго разрѣшенія, на 3 мѣсяца въ Гопласъ (Sic—Гапсаль?) для пользованія морскими ваннами; въ 1844 году—на 29 дней; въ 1847 году, іюля 2,—на 4 мѣсяца, каковой отпускъ Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству 5 ноября того же года продолженъ еще на 1 мѣсяць; въ 1862 г.—на 2 мѣсяца. Изъ всѣхъ сихъ отпусковъ являлся къ должности въ срокъ.

первокурсниковъ Лицея». Онъ сберегалъ протоколы лицейскихъ годовщинъ, которыя весьма часто праздновались у него въ квартирѣ. Всѣ протоколы лицейскихъ годовщинъ перешли, по смерти Яковлева, къ Матюшкину, а отъ него къ Якову Карловичу Гроту.

По словамъ Гаевского, не сохранилось никакихъ свѣдѣній о празднованіи лицейскихъ годовщинъ въ 1823, 1829, 1830 и 1832 годахъ. Первоначальныя лицейскія сходки происходили у Тыркова, а уже потомъ эти сходки стали собирать Яковлевъ въ своей квартирѣ въ домѣ 2-го отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, въ зданіи типографіи (бывшей Государственной типографіи), на Екатерининскомъ каналѣ, гдѣ самъ Яковлевъ былъ Директоромъ этой типографіи. Яковлевъ любилъ себя называть «лицейскимъ старостою», а свою квартиру—«лицейскимъ подворьемъ».

Мы здѣсь упомянемъ о тѣхъ лицейскихъ сходкахъ, въ которыхъ участвовалъ Яковлевъ или которыя происходили въ его квартирѣ.

Въ первые три года послѣ выпуска изъ Лицея въ октябрьскіе дни Пушкина не было въ Петербургѣ, и намъ неизвѣстно, собирались ли эти сходки гдѣ-либо въ столицѣ. Мы имѣемъ только свѣдѣнія о лицейской сходкѣ въ 1824 году. Сходка эта состоялась на квартирѣ, которую занимали три товарища: Вольховскій, Стевень и Яковлевъ. На этой сходкѣ было положено праздновать юбилей лицейскихъ сходокъ, а именно: по прошествіи десяти лѣтъ послѣ выпуска праздновать «серебряную дружбу»—въ 1827 году, а по прошествіи двадцати лѣтъ праздновать «золотую дружбу». Объ этомъ рѣшеніи предположено было увѣдомить всѣхъ однокурниковъ, но, къ сожалѣнію, всѣ эти постановленія были забыты.

Въ 1825 году на лицейской сходкѣ присутствовали шесть товарищей, какъ это видно изъ приписки подъ стихами Дельвига, сдѣланной Яковлевымъ, гдѣ они записаны въ слѣдующемъ порядкѣ: баронъ Корфъ, баронъ Дельвигъ, Илличевскій, Саврасовъ, Комовскій, Яковлевъ. Подпись Яковлева, стоящая послѣднею, заставляетъ насъ предположить, что сходка состоялась въ квартирѣ Яковлева, который, какъ хозяинъ, и подписался послѣднимъ. В. Гаевскій насчитываетъ еще одного товарища, бывшаго на этой сходкѣ, о которомъ не упоминаетъ Я. Гротъ. Это былъ Кюхельбекеръ, который, будучи всегда въ отлучкѣ изъ Петербурга въ день празднованія лицейскихъ годовщинъ, присутствовалъ на этой годовщинѣ въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни.

На этой сходкѣ лицейскіе поэты—Дельвигъ и Илличевскій—импровизовали куплеты въ честь 19 октября. Въ стихахъ Дельвига, записанныхъ Яковлевымъ, между прочимъ упоминается о Яковлевѣ:

...Воспою охотно я
Вамъ лицейскій праздникъ.
Лейся жженка черезъ край,

Ты жъ подъ голосъ нашъ играй,
Яковлевъ проказникъ.

Между собравшимися лицами не было Пушкина. Онъ въ это время жилъ въ своемъ Михайловскомъ. Но въ своемъ сельскомъ уединеніи онъ откликнулся на лицейскую годовщину своею прекрасною элегіею «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ» и праздновалъ этотъ день одинъ:

...Печаленъ я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое не слышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

* *
*

Я пью одинъ, и на брегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ...
Но многіе ль и тамъ изъ васъ шируютъ?...

Стихотвореніе это замѣчательно тѣмъ, что здѣсь приведены воспоминанія и характеристики большинства его товарищей.

На лицейской сходкѣ 1826 года импровизовали стихи Илличевскій и Дельвигъ. Дельвигъ вспоминаетъ въ своей импровизаціи о двухъ своихъ товарищахъ, которыхъ между ними не было, такъ какъ вслѣдствіе декабрьскаго возмущенія 1825 года надъ ними разразилась бѣда... Эти товарищи были: Кюхельбекеръ и Пущинъ, томившіеся въ то время въ заточеніи. Намъ неизвѣстно, у кого собиравалась эта сходка и кто въ ней участвовалъ, за исключеніемъ Илличевского и Дельвига. Протокола ея не сохранилось.

О празднованіи годовщины 1827 года протокола не сохранилось и, слѣдовательно, можно предположить, что эта годовщина вовсе не праздновалась, но зато мы имѣемъ прелестное стихотвореніе Пушкина подъ заглавіемъ: «19 октября 1827 года», обращенное къ Пущину:

Богъ помочъ вамъ, друзья мои...

Въ 1828 году лицейская годовщина справлялась на квартирѣ у ихъ товарища Тыркова. Протоколъ этой годовщины былъ писанъ Пушкинымъ. Между прочимъ, протоколъ этотъ интересенъ тѣмъ, что здѣсь были подписи первокурсниковъ вмѣстѣ съ ихъ лицейскими прозвищами. Такъ, Яковлевъ къ своей фамиліи прибавилъ слово «паясъ». Мы не приводимъ здѣсь этотъ протоколъ, такъ какъ о немъ говорится подробно въ біографическомъ очеркѣ Тыркова.

*

О празднованіи лицейской годовщины 1829 г. мы можем замѣтить, что по какому-то недоразумѣнію она праздновалась одновременно у двухъ товарищей: Тыркова и Дельвига, при чемъ у перваго было три человѣка, а у втораго четыре. Энгельгардтъ же не пошаль ни къ одному, ни къ другому, потому что не зналъ, гдѣ годовщина будетъ праздноваться, какъ это видно изъ письма Энгельгардта къ Малюшкину отъ 18 ноября 1829 г., о чемъ мы упоминаемъ въ біографическомъ очеркѣ о Тырковѣ.

Что касается до празднованія годовщины 1830 г., то о ней мы имѣемъ свѣдѣнія изъ письма Костенскаго къ Вольховскому отъ 19-го октября этого года, изъ котораго видно, что первокурсники собрались праздновать этотъ день. О письмѣ Костенскаго см. въ его біографическомъ очеркѣ.

Въ 1831 году лицейская сходка собиралась у Яковлева, жившаго на Литейной улицѣ. На ней собралось семь товарищей, фамиліи которыхъ мы приведемъ ниже. Протоколъ объ этой сходкѣ очень кратокъ и писанъ красивымъ почеркомъ Яковлева. Въ немъ находится приписка Яковлева слѣдующаго содержания: «Пушкинъ не былъ потому только, что не нашель квартиры». Первоначально вмѣсто послѣднихъ трехъ словъ было написано и потомъ замазано: «Не хотѣлъ до 19 октября увидѣться съ кѣмъ-либо изъ лицейскихъ товарищей 1 выпуска» ¹⁾. «...При заздравномъ кубкѣ или заздравной чашѣ (читаемъ мы въ протоколѣ) вспоминали пѣвца 19 октября:

И первую полнѣй, друзья, полнѣй,
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови, да здравствуетъ лицей!»

На эту годовщину Пушкинъ написалъ стихотвореніе:

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину...,

въ которомъ онъ вспоминаетъ о шести товарищахъ, умершихъ за это время:

Шесть мѣсть упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ...

Этихъ шестерыхъ умершихъ товарищей мы переименуемъ здѣсь въ томъ порядкѣ (по времени), въ которомъ они умерли: Николай Григорьевичъ Ржевскій, Николай Александровичъ Корсаковъ, Константинъ Дмитриевичъ Костенскій, баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ, Семенъ Семеновичъ Есаковъ и, наконецъ, Петръ Федоровичъ Саврасовъ.

¹⁾ Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 285.

Протоколь этой сходки написанъ былъ Яковлевымъ на томъ же листѣ бумаги, на которомъ Пушкинымъ записанъ протоколь сходки въ 1828 году. Подъ протоколомъ подписались: «Корфъ (дьячокъ Морданъ), Комовскій (лиса-смола), Илличевскій (Олосенька п...), Корниловъ (Сибирякъ), Стевень (Шведъ), Давнасъ (осада Данцига). Скрѣпилъ Яковлевъ (паясъ 200 ММ)».

Въ 1832 году лицейская годовщина праздновалась на квартирѣ у жеватаго брата Илличевского. На этой годовщинѣ присутствовали Пушкинъ. Она была не особенно многолюдна, въ ней участвовало только 8 человекъ: Корфъ, Комовскій, Корниловъ, Стевень, Пушкинъ, Яковлевъ, Илличевскій и Данзасъ. Объ этой годовщинѣ Энгельгардтъ сообщалъ Ѳ. Ѳ. Матюшкину въ письмѣ отъ 23 октября 1832 года.

19 октября 1833 года лицейская сходка состоялась въ квартирѣ Яковлева, какъ это видно изъ стихотворенія Илличевского:

Опять мы на лицейскій праздникъ
Соединились въ кругъ родной.
Спасибо. Яковлевъ проказникъ,
Ты староста у насъ лихой!..

Эта сходка у Яковлева состоялась не на Литейной, «въ казенномъ домѣ», а на Екатерининскомъ каналѣ, хотя тоже въ казенномъ домѣ. Какъ извѣстно, это бывший домъ типографіи II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Когда то онъ принадлежалъ Библейскому Обществу. По Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 7 июля 1832 года, управленіе этой типографіей было поручено Яковлеву, а директоромъ ея Яковлевъ былъ утвержденъ 10 февраля 1833 г. и, вѣроятно, въ началѣ этого года онъ переселился на новую квартиру, потому что 28 марта 1833 года баронъ Корфъ на новоселье подарилъ ему чайный сервизъ, посылая который, онъ писалъ: «Домъ твой—какъ полная чаша, любезный Михайло Лукьяновичъ,—но самъ ты мнѣ сказалъ, что нѣтъ у тебя чайнаго сервиза: спѣшу немножко этому пособить и прошу принять на новоселье слѣдующій присемъ сервизецъ, весьма неважный и небольшой, но который погодится хоть на 19 октября или на другой день, когда ты задумаешь собрать у себя нашихъ».

Подъ стихотвореніемъ Илличевского Яковлевъ приписалъ карандашемъ слѣдующіе стихи:

Нашъ Пушкинъ далеко,
Нашъ добрый Дельвицъ въ гробъ
И вся поэзія въ одной моей утробѣ!

Объ этой годовщинѣ писалъ Яковлеву съ Кавказа Вольховскій. Въ письмѣ отъ 17 окт. 1833 г. онъ воспоминаетъ своихъ товарищей и, между прочимъ, прибавляетъ: «Надѣюсь, что получу отъ кого-нибудь реляцію о 19-мъ октябрѣ»

Въ 1834 году лицейская годовщина справлялась опять у Яковлева. На ней было 7 человекъ, въ томъ числѣ Илличевскій и Пушкинъ. Протоколъ этой сходки состоялъ лишь изъ однихъ подписей присутствовавшихъ товарищей. Къ протоколу была приложена записка Пушкина, полученная Яковлевымъ утромъ въ день сходки: «Вѣдь у тебя празднуемъ мы годовщину? Не правда ли? № 14. — 19 октября 1834». Этимъ нумеромъ обозначалась комната Пушкина въ Лицеѣ, которая выходила окномъ ко дворцу ¹⁾).

Нумерами своихъ комнатъ первокурсники очень часто подписывались вмѣсто своихъ фамилій. Въ письмѣ Яковлева отъ 11 іюля 1835 года, къ Вольховскому, мы находимъ подъ его письмомъ, вмѣсто подписи, № 39. И, дѣйствительно, это была комната Яковлева, выходившая окномъ въ лицейскій садикъ.

Въ день этой сходки Корфъ обратился къ Яковлеву съ лаконическою запискою: «Что прикажете? 19 октября 1834». На этой же самой запискѣ Яковлевъ написалъ протоколъ этой сходки слѣдующаго содержанія: «Были на праздникѣ на квартирѣ Яковлева, въ бывшемъ домѣ Библейскаго Общества на Екатерининскомъ каналѣ.

1) Стевень, 2) Пушкинъ, 3) Данзасъ, 4) баронъ Корфъ, 5) Матюшкинъ, 6) Комовскій и 7) Яковлевъ».

На этомъ протоколѣ, сбоку, также рукою Яковлева сдѣлана слѣдующая приписка: «Илличевскій за болѣзнью не былъ».

Очень интересна слѣдующая подробность, которую приводитъ Константинъ Яковлевичъ Гротъ, который говоритъ, что въ бумагахъ, доставшихся его отцу, находится краткая запись этого протокола, въ которой переименованы всѣ тѣ товарищи, которые могли присутствовать на этой годовщинѣ. Поэтому сюда былъ включенъ и Илличевскій, который, какъ мы видѣли, по болѣзни не былъ. Эти восемь товарищей записаны въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Матюшкинъ, 2) баронъ Корфъ, 3) Комовскій, 4) Стевень, 5) Илличевскій, 6) Данзасъ, 7) Яковлевъ, 8) Пушкинъ. А внизу Яковлевъ набросалъ счетъ расходамъ по устройству этой сходки:

«Ужинъ	60 р. — к.
Вино	55 » — »
3 ф. миндаля	3 » 75 »
3 ф. изюму	3 » — »
4 десятка бергамотъ	3 » 20 »

124 р. 95 к.»

Въ 1835 году для празднованія лицейской годовщины товарищи собрались на квартирѣ у Яковлева. Протокола этой годовщины не сохранилось, но зато

¹⁾ Я. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 286.

сохранились матеріалы, предшествовавшіе этому торжеству, въ видѣ писемъ, записочекъ и т. п. Изъ нихъ видно, что событіе это было болѣе многолюдно, чѣмъ обыкновенное ежегодное сборище. На немъ были, кромѣ обычныхъ посѣтителей, еще и новые товарищи. Приглашая на эту сходку, Яковлевъ въ первый разъ назначаетъ товарищамъ собраться на обѣдъ, вмѣсто ужина. Это нововведеніе было принято очень сочувственно, какъ это видно изъ переписки Яковлева съ Илличевскимъ. Яковлевъ 18 октября извѣщалъ Илличевскаго: «По желанію Вашего Высочородія, завтра у насъ назначенъ обѣдъ, вмѣсто ужина. Просимъ покорно къ 4-мъ часамъ пожаловать на извѣстную квартиру или Лицейское Подворье». Илличевскій отвѣтилъ ему, что это нововведеніе ему «очень съ руки и вѣрно болѣе по сердцу устарѣвшимъ скотобратцамъ, нежели безконечные вечера и неизбѣжные ужины, крайне тягостные для многихъ желудковъ. На вечеръ я можетъ быть и не явился бы, а теперь твой покорнѣйшій слуга».

По поводу этой же годовщины К. Я. Гротъ приводитъ слѣдующую записку Комовскаго къ Яковлеву отъ 18 октября:

«Ломоносовъ уѣхалъ въ Кронштатъ; но непременно хотѣлъ воротиться къ Лицейскому обѣду и быть у тебя завтра около 4 часовъ вмѣстѣ съ Юдинымъ и Гревеницемъ, коихъ я ни въ Канцеляріи, ни дома не засталъ. Сверхъ того я написалъ особыя записки къ Гревеницу, Корфу и Стевену, а потому вели приготовить лучше обѣдъ на полное число нашихъ съ небольшимъ завтракомъ ¹⁾ въ ожиданіи запоздалыхъ.

Весь твой С. Комовскій.

Илличевскаго лично пригласилъ.

18 октября 1835».

Наконецъ, къ этой годовщинѣ относится записка, на которой было написано карандашемъ: «Явлюсь непременно. № 41», т. е. Мясоѣдовъ, такъ какъ подъ этимъ номеромъ была его комната въ Лицеѣ, окно которой выходило въ ограду, т. е. въ лицейскій садикъ ²⁾).

Юдина и Гревеница привезъ на сходку Ломоносовъ, только что пріѣхавшій изъ-за границы. Это подтверждается письмомъ Яковлева къ Вольховскому отъ 11 іюня 1835 года, гдѣ мы читаемъ: «Ломоносовъ на дняхъ прибылъ впопыхахъ изъ Лондона. Назначается повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Бразилію. Онъ ничего не перемѣнился и также твердитъ о Лицеѣ, о братствѣ». Изъ письма Яковлева къ Вольховскому отъ 24 ноября 1836 года мы знаемъ, что съ «Ломоносовымъ переписку ведетъ Юдинъ», поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ настоялъ, чтобы Юдинъ также принялъ участіе въ сходкѣ, а разъ поѣхалъ Юдинъ, то неизбѣжно пріѣхалъ и Гревеницъ, неразлучный пріятель Юдина.

¹⁾ Здѣсь разумѣется, вѣроятно, закуска. (Примѣч. К. Я. Грота).

²⁾ Я. Гротъ: «Пушкиныя, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 286.

На этой годовщинѣ, по всеѣмъ вѣроятіямъ, Пушкинъ не присутствовалъ ¹⁾.

Въ 1836 году первокурсники Лицея справляли 25-ти-лѣтіе основанія Лицея. Бывшій Директоръ Лицея Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ въ виду этого юбилея хотѣлъ соединить съ первымъ курсомъ нѣсколько другихъ выпусковъ Лицея, чтобы отпраздновать этотъ день сообща. По поводу этого предложенія Яковлевъ обратился къ Корфѣ съ слѣдующимъ письмомъ ²⁾:

«Сегодня утромъ былъ у меня Егоръ Антоновичъ съ предложеніемъ соединить по крайней мѣрѣ три выпуска для 19-го числа. Я ему рѣшительнаго отвѣта не сказалъ, а совѣтовалъ, чтобъ онъ завтра переговорилъ съ тобою.

«Послѣ обѣда было у насъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ совѣщаніе и рѣшительно положено: *праздновать по прежнимъ примѣрамъ одному первому выпуску*. Пусть Егоръ Антоновичъ, какъ бывшій директоръ лицея, соединяетъ подъ свои знамена 2-й и 3-й и прочіе выпуски и воздастъ честь и хвалу существованію лицея, но пусть насъ стариковъ оставить въ покоѣ.

«Егоръ Антоновичъ въ крѣпкой надеждѣ, что ты на его предложеніе согласишься. Конечно и нѣтъ причины повидному отказать отъ соединенія трехъ выпусковъ; но вотъ задача, какъ отстать отъ ветерановъ, которые рѣшительно объявили, что съ мнѣніемъ Энгельгардта согласиться не хотятъ? Итакъ, да здравствуетъ лицей, и да воскреснетъ его воспоминаніе чрезъ 25 лѣтъ между скотобратцами!

Пятница 9 октября.

№ 39».

На это предложеніе Яковлева Корфъ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ: «Во 1-хъ, совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ, что *нѣтъ причины* отказать отъ соединенія трехъ выпусковъ, и во 2-хъ, долженъ сознаться, что это будетъ вѣрно несравненно *веселѣе*: всѣ мы люди знакомые; веселиться одинъ другому не будемъ мѣшать; аппетита другъ у друга не отнимемъ; лицейскія воспоминанія между нами всеми могутъ быть также живы и *громки*, а о другомъ, постороннемъ, едва ли тутъ кто и затѣетъ говорить, да кажется, и лѣта наши ужъ не тѣ, чтобы опасаться имѣть при нашемъ разговорѣ свидѣтелей. Между тѣмъ, какъ насъ будетъ гораздо больше, то при томъ же вносѣ мы можемъ чѣмъ-нибудь приправить нашъ праздникъ и придать ему побольше поэзіи: напримѣръ, позвать къ обѣду музыку. Я бы даже пригласилъ и старожиловъ нашихъ: Кайданова, Пешеля, Чирикова. Итакъ, я съ моей стороны совершенно согласенъ съ предложеніемъ Энгельгардта; но какъ тутъ дѣло не въ моемъ личномъ, а въ *общемъ* мнѣніи, то кажется, всего-бы лучше собрать голоса и рѣшить большинствомъ, которому я охотно

¹⁾ См. К. Я. Гротъ: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него». Спб., 1910 г., стр. 19—21.

²⁾ Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 83—84.

повинуюсь, хотя бы оно было и противно моему убѣжденію. Такъ я завтра скажу и Егору Антоновичу ¹⁾).

Пятница.

№ 8».

Яковлевъ послалъ свое и Корфа письмо къ Пушкину, который не согласился съ предложеніемъ Энгельгардта и отвѣтилъ Яковлеву слѣдующими строками: «Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего для двадцатипятилѣтняго юбилея измѣнять старинные обычаи лицей. Это было бы худое предзнаменованіе. Сказано, что и послѣдній лицейскій одинъ будетъ праздновать 19-го октября. Объ этомъ не худо напомнить.—№ 14».

Въ этой запискѣ Пушкина находится намекъ на его извѣстное стихотвореніе— 19 октября 1825 года»: «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ...» Въ послѣднихъ двухъ строкахъ онъ, между прочимъ, пишетъ:

...Кому жъ изъ насъ подь старость день лица
Торжествовать придется одному?

Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

Эта записка Пушкина была послана нѣкоторымъ товарищамъ на прочтеніе, и они вполне согласились съ мнѣніемъ Пушкина и подписались слѣдующими номерами: 40 (Гурьевъ, — хотя намъ совершенно непонятно, почему тутъ очутился Гурьевъ, который былъ уволенъ изъ Лицея въ первые годы по открытіи Лицея за свои греческіе вкусы), 33 (вѣроятно, указано по ошибкѣ, такъ какъ подь этимъ номеромъ жилъ Дельвигъ, умершій до этой годовщины; слѣдовательно, это долженъ быть № 34—Мартыновъ), 41 (Мясоѣдовъ) и 35 (Комовскій).

Протоколъ этой (1836 года) годовщины былъ написанъ собственноручно Пушкинымъ, какъ и въ 1828 году. Вотъ этотъ протоколъ:

«Праздновали дватцатипятилѣтіе (Sic) Лицея» (слѣдуютъ подписи: «П. Юдинъ, Ц. Мясоѣдовъ, П. Гревеницъ, М. Яковлевъ, Мартыновъ, М. Корфъ, А. Пушкинъ, А. Илличевскій, С. Комовскій, Ф. Стевенъ, К. Данзасъ»—всего 11 человекъ).

«Собрались», продолжаетъ Пушкинъ, «вышеупомянутые господа лицейскіе въ домѣ у Яковлева и пировали слѣдующимъ образомъ:

- 1) Обѣдали вкусно и шумно.
- 2) Выпили три здравія (по заморскому toasts):
 - а) за двадцатипятилѣтіе Лицея,
 - б) за благоденствіе Лицея,
 - с) за здоровье отсутствующихъ.

¹⁾ Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 287.

3) Читали письма, писанные нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбергеромъ къ одному изъ товарищей ¹⁾).

4) Читали старинные протоколы, пѣсни и проч. бумаги, хранящіяся въ архивѣ лицейскомъ у старосты Яковлева.

5) Поминали лицейскую старину».

(Рукою Яковлева приписано):

6) «Пѣли національныя пѣсни.

7) Пушкинъ начиналъ читать стихи на 25-тилѣтіе Лицея, но всѣхъ стиховъ не припомнилъ и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ, но обѣщаль докончить, списать и приобщить въ оригиналъ къ сегодняшнему протоколу».

Примѣчаніе (Яковлева же): «Собрались всѣ къ половинѣ 5-го часа, а разошлись въ половинѣ 10-го» ²⁾).

Какъ извѣстно, на эту годовщину Пушкинъ, какъ бы предчувствуя свою скорую кончину, написалъ очень грустные стихи, начинающіеся словами:

Была пора: нашъ праздникъ молодой...

В. Гаевскій ³⁾ пишетъ объ этой годовщинѣ слѣдующее: «По свидѣтельству Яковлева, поэтъ только что началъ читать первую строфу, какъ слезы полились изъ его глазъ, и онъ не могъ продолжать чтенія. П. В. Анненковъ въ «Матеріалахъ для библиографіи А. С. Пушкина» (стр. 425) прибавляетъ: «Онъ положилъ бумагу на столъ и отошелъ въ уголъ комнаты, на диванъ... Другой товарищъ уже прочелъ за него послѣднюю лицейскую годовщину». Замѣтимъ, говоритъ Гаевскій, что Пушкинъ читалъ наизусть, и, слѣдовательно, никто не могъ дочитать его стиховъ. Обѣщанію Пушкина окончить ихъ не суждено было исполниться: имъ уже овладѣло тревожное состояніе духа вѣлѣдствіе злорѣчія, распространявшагося въ окружавшемъ его свѣтскомъ обществѣ—и черезъ три мѣсяца Россія лишилась великаго поэта».

Къ сожалѣнію, все это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и всѣ эти слезы и чуть не обмороки Пушкина имѣли мѣсто въ пылкомъ воображеніи П. В. Анненкова и В. П. Гаевского. Мы имѣемъ подлинное письмо Яковлева отъ 24 ноября 1836 года къ Вольховскому, гдѣ мы читаемъ:

«19-е число октября предполагалось праздновать въ самомъ Лицеѣ, по случаю минувшаго двадцатипятилѣтія, но не состоялось. Энгельгардтъ предлагалъ, чтобы первый выпускъ праздновалъ вмѣстѣ со вторымъ и третьимъ выпускомъ, но и это не склеилось. И такъ 19-е число праздновалось по обыкновенію, между нами. Прежде всего надо сказать тебѣ, что къ этому времени пріѣзжалъ въ Пе-

¹⁾ С. Д. Комовскому.

²⁾ Гротъ: «Пушкинъ...», стр. 84 и 85.

³⁾ В. Гаевскій: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ».

тербургъ изъ деревни Мясоѣдовъ и натворилъ много чудесъ. Онъ вытащилъ изъ норы Гревеница, который никогда не являлся къ намъ на праздникъ и отыскалъ Мартынова, словомъ дѣйствовалъ мастерски. Всѣхъ насъ въ сборѣ было одиннадцать человѣкъ: Юдинъ, Мясоѣдовъ, Гревеницъ, Яковлевъ, Мартыновъ, Корфъ, Пушкинъ, Иллчевскій, Комовскій, Стевень, Данзасъ. — Уже съ прошедшаго года положено собираться въ этотъ день къ обѣду, а потому и прибыли всѣ ко мнѣ на квартиру къ 4¹/₂ часамъ. Комовскій сдѣлалъ намъ сюрпризъ. Онъ явился къ намъ въ собственномъ лицейскомъ мундирѣ, который у него до сихъ поръ хранится. Кромѣ того потѣшилъ онъ за обѣдомъ, показавъ письма, писанныя Кюхлемъ въ Лицеѣ къ Комовскому. Письма таинственныя, страстныя!.. преуморительныя. — Читалъ и я письмо твое отъ 8 окт., въ которомъ ты просилъ меня поклониться всѣмъ ското-братцамъ. — Порученіе нельзя было лучше выполнить. Всѣ наши, въ Петербургѣ находящіеся были въ сборѣ и я за одинъ разъ всѣмъ отвѣсилъ поклонъ.

«Примѣтно старѣемъ мы! Никто лишняго уже не пьетъ, никто съ избыткомъ сердца не веселится. Впрочемъ время провели мы весьма пріятно. — Всѣ разошлись чинно въ 10 часу. — Пушкинъ было начиналъ читать стихи на 25-тилѣтіе, но не вспомнилъ. Обѣщалъ ихъ докончить и доставить. Проходить мѣсяць, а обѣщаніе еще не выполнено. Боюсь—обманеть...»

Если бы что-либо подобное случилось въ дѣйствительности, то намъ кажется, что Яковлевъ не преминулъ бы извѣстить о томъ своего друга Вольховскаго; тѣмъ болѣе, что въ дружественномъ письмѣ онъ могъ бы коснуться такихъ интимныхъ подробностей, которыя остались бы недоступными Анненкову и Гаевскому.

Какъ письмо Яковлева гармонируетъ съ тѣми строками, которыя Пушкинъ написалъ на эту лицейскую годовщину:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсно сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче, и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности, и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился;
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтный;
Прошли года чредою незамѣтной;
И какъ они перемѣнили насъ!
Недаромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
Не сѣуйте: таковъ судьбы законъ.
Вращается весь мѣръ вкругъ человѣка,
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?..

Въ 1837 году намъ неизвѣстно, состоялась ли лицейская сходка въ день 19 октября. По всѣмъ вѣроятіямъ, товарищи, убитые горемъ, не праздновали этотъ день.

Бывшій директоръ Лицея Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ возобновилъ свою попытку, отвергнутую Пушкинымъ и другими его товарищами: собрать нѣсколько курсовъ вмѣстѣ, для общаго празднованія годовщины Лицея. Наканунъ празднуемаго дня Энгельгардтъ писалъ Яковлеву объ этой затѣянной имъ сходкѣ и приглашалъ его принять участіе въ ихъ общемъ обѣдѣ. Намъ неизвѣстно, приняли ли первокурсники участіе въ этомъ обѣдѣ или нѣтъ ¹⁾.

Въ 1838 году Энгельгардтъ устроилъ такой обѣдъ и обратился къ Яковлеву съ слѣдующимъ письмомъ:

«Подходить 19-е октября, день родной, лицейской, день дружбы и воспоминаній. Грѣшно бы было не праздновать его по древнему обычаю дружескою сходкою. Мы, т. е. первые четыре курса, собираемся у Жадовскаго, радушнаго холостяка и хлѣбосола. Я принялъ на себя пригласить старѣйшинъ лицея 1-го курса; общалъ, что они будутъ, и надѣюсь, что не выдадутъ стараго директора. — Этотъ общій обѣдъ не помѣшаетъ вамъ, если захотите, собраться и отдѣльно вечеркомъ у кого-либо изъ первокурсныхъ, а уже на общую сходку надо явиться неотмѣнно. — Всѣхъ на все здѣсь оказалось на лицо только 27 человѣкъ: исключивъ изъ нихъ обыкновенныхъ дикарей, кружокъ нашъ будетъ очень не великъ; тѣмъ чувствительнѣе и больнѣе, еслибъ 1-й курсъ тутъ не участвовалъ.

«Итакъ, надѣясь на прежнее лицейство и увѣренный, что пустыя расколы, которымъ нынѣ уже и причины нѣтъ, совершенно исчезли, я приглашаю тебя, любезный Яковлевъ, явиться непременно въ среду, въ 4 часа, къ Жадовскому на дружескую трапезу тряхнуть стариной и, если по сердцу прійдетъ, помочь подтигивать наше родное Шестъ лѣтъ. — Право хорошо, хотя разъ въ году, сердце дружбою отогрѣть, чтобы не совсѣмъ остыло въ великосвѣтскомъ быту.

«Прощай, до свиданья. Отъ всего сердца твой старой другъ

«Егоръ Энгельгардтъ».

«16 октября 1838».

¹⁾ Собраніе происходило въ квартирѣ лицеиста III курса Жадовскаго, С.-Петербургскаго вице-губернатора, жившаго на Владимірской, противъ церкви, въ домѣ Фитонова.

У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ о томъ, принимали ли первокурсники участіе въ этомъ обѣдѣ.

У насъ нѣтъ никакихъ матеріаловъ о празднованіи лицейской годовщины 1839 года. Зато о празднованіи годовщины 1840 года имѣется достаточное количество разнаго матеріала. Такъ, на примѣръ, 12 октября Яковлевъ писалъ барону Корфу, что «Горчаковъ предлагаетъ праздновать 19 октября со 2-мъ выпускомъ. — Данзасъ ¹⁾ охотно соглашается на этотъ вызовъ и ручается за своихъ товарищей. Какъ ты думаешь? — Сегодня должно рѣшить непременно, какъ и чему быть, чтобы предупредить приглашеніе Ж(адовскаго) и воззваніе Енг(ельгардта)». На это Корфъ отвѣтилъ: «Хотя и не знаю никакихъ подробностей: гдѣ, какъ и у кого, и хотя въ существѣ не знаю также, за что обижать Жадовскаго, который такъ радушно и безкорыстно приглашалъ и принималъ насъ нѣсколько лѣтъ ²⁾, однако охотно пристаю къ общему мнѣнію. Богъ знаетъ только, легко ли будетъ достигнуть его исполненія и все это уладить».

Празднованіе этой годовщины осложнилось новымъ предложеніемъ—присутствовать въ Лицеѣ на спектаклѣ воспитанниковъ, какъ это видно изъ двухъ записокъ Корфа. «Препровождаю къ Вашему Превосходительству, — писалъ Корфъ Яковлеву, — прилагаемую записку, въ которой ничего или почти ничего не понимаю. Какое приглашеніе изъ Лицея на 19 октября? Я ничего не получилъ. Что будетъ, за этимъ новымъ распоряженіемъ, изъ предполагаемаго тобою плана? Всѣ ли мы званы на 20-е къ Жадовскому и имъ ли самимъ званы: ибо Е. А. (т. е. Энгельгардтъ) тамъ вѣдь не хозяинъ? Вотъ вопросы, на которые мнѣ очень хотѣлось бы твоихъ отвѣтовъ... Повторяю опять, что срокъ уже на носу, а я все не знаю еще ничего рѣшительнаго». Объясненіе новаго осложненія мы находимъ въ слѣдующей запискѣ отъ 18 октября: «Съ тѣхъ поръ, что я тебѣ писалъ, иное измѣнилось. У меня были два воспитанника Лицея, въ видѣ Депутаціи, съ приглашеніемъ къ ихъ спектаклю. Они сказывали мнѣ, что къ нимъ званы воспитанники 1-го, 2-го и нѣкоторыхъ другихъ курсовъ, и также особы постороннія, и что вечеръ ихъ общали почтить своимъ присутствіемъ Цесаревичъ и В. К. Михаилъ П. — Велѣствіе того я считаю долгомъ—и долгомъ приятнымъ—туда поѣхать. Къ В. Ант. я сейчасъ писалъ, что съ удовольствіемъ явился бы къ Жадовскому на обѣдъ 20-го числа, но не имѣю еще отъ него личнаго приглашенія, равно какъ и нѣкоторые другіе изъ моихъ товарищей. Это, вѣроятно, послужитъ достаточнымъ намекомъ. Сверхъ этихъ двухъ собраній нашихъ учреждать еще третье было бы, кажется, уже роскошью, да, признаюсь, не знаю, какъ совладать и съ двумя при моей скудости во времени .

¹⁾ Вѣроятно, разумѣется братъ первокурсника, воспитанникъ II курса Борисъ Карловичъ Данзасъ. (Примѣч. К. Я. Грота).

²⁾ Т. е., слѣдовательно, годы 1837, 38 и 39-ый. (Примѣч. К. Я. Грота).

Но, какъ видно, совмѣстное собраніе первыхъ двухъ курсовъ не состоялось. Взамѣнъ его праздновали лицейскую годовщину четыре первыхъ курса въ квартирѣ Жадовскаго, что можно заключить изъ записки Корфа. «Меня,—пишетъ Корфъ Яковлеву,—пріѣхали звать Энгельгардтъ и Жадовскій къ послѣднему на обѣдъ въ 4¹/₂ часа, объявляя, что тамъ будешь и ты и лицейскіе всѣхъ четырехъ выпусковъ. Я далъ слово, и если меня провели, то теперь не знаю какъ быть: ибо пропировать *цѣлый* день мнѣ невозможно. Не лучше ли намъ ограничиться однимъ обѣдомъ, гдѣ всетаки мы все будемъ вмѣстѣ ¹). № 8».

Въ 1841 году годовщину праздновали совмѣстно нѣсколько курсовъ въ частномъ помѣщеніи на Васильевскомъ Островѣ, вблизи дома, гдѣ жилъ Энгельгардтъ. Особенностью этого обѣда было то, что онъ праздновался въ слѣдующее воскресенье послѣ 19 октября. По поводу этого обѣда Корфъ писалъ Яковлеву отъ 24 октября. «Въ воскресенье, 26-го въ 4 часа Энгельгардтъ устраиваетъ и даетъ (вѣроятно, впрочемъ, на нашъ счетъ) годичный лицейскій обѣдъ, на Васильевскомъ Острову, на углу 3-й линіи и Большого проспекта въ домѣ Юнкера. Что тамъ будетъ и на какихъ условіяхъ, еще не вѣдаю; но мнѣ дано порученіе пригласить туда любезнаго Михаила Лукьяновича и, хотя, вѣроятно, онъ порадовался бы вмѣстѣ со мной, еслибъ совсѣмъ ничего не было; однако, *поелки уже есть*, то конечно, для насъ, ветерановъ, было-бы уже и невозможно и неприлично туда не явиться. Ты, безъ сомнѣнія, будешь того же мнѣнія. И такъ: до свиданія. № 8».

Въ 1842 году праздновалось 19 октября двадцатипятилѣтіе I выпуска Лицея. Какъ и въ предшествовавшемъ году, лицейскій обѣдъ былъ перенесенъ на ближайшее воскресенье послѣ 19-го октября. Къ этому году относится записка Корфа къ Яковлеву отъ 23 октября слѣдующаго содержанія: «Хотя любезный Михаилъ Лукьяновичъ совсѣмъ, кажется, насъ забылъ, однако я съ удовольствіемъ взялся передать ему приглашеніе Е. А. Энгельгардта на наступающее воскресенье. Это будетъ не пикникъ и не складчина, а просто праздникъ въ честь 19-го октября и нашего 25-лѣтняго юбилея, который онъ даетъ *на собственный счетъ*. Обѣдъ въ 4 часа въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ былъ и прошлаго года, и надѣюсь, что мы хоть тамъ свидимся, такъ какъ ожиданіе свидѣться 19 октября въ Царскомъ Селѣ не сбылось, и изъ I-го курса всего насъ было тамъ только двое. Твой отъ души № 8».

О годовщинѣ 1844 г. нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ; сохранилась записка отъ 15 октября этого года слѣдующаго содержанія: «Корниловъ, Стевень и Малеловъ являлись къ Его Прев-ству Г-ну Лицейскому старостѣ для принятія приказа

¹) Такимъ образомъ, нѣсколько лѣтъ подрядъ эти лицейскіе сборные обѣды происходили у Жадовскаго, Анастасія Евстафьевича, ум. въ 1871 г. Кажется, ему Я. Б. Гротъ посвятилъ нѣсколько упоминаній въ своемъ трудѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». СПб. 1899 г., стр. 86.

на счетъ 19-го октября.—Всѣ они будутъ ожидать этого приказа *лично* отъ Михаила Лукьяновича завтра въ понедѣльникъ у *Маслова за проберансомъ*. Воскресенье.»

Мы имѣемъ косвенное указаніе Плетнева, что въ 1844 году празднованіе лицейской годовщины происходило у Яковлева. На этомъ празднествѣ былъ баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ ¹⁾. Въ это время, по крайней мѣрѣ уже въ 1843 г., Яковлевъ жилъ на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста, въ домѣ Лопатина, куда Плетневъ въ утреннія прогулки заходилъ къ Панаеву, Краевскому и Бѣлинскому, жившимъ также въ домѣ Лопатина ²⁾.

Изъ письма Энгельгардта къ Матюшкину отъ 7-го января 1845 г. мы узнаемъ, что у Энгельгардта на обѣдѣ были изъ первокурсниковъ Стевень, Комовскій и Данзасъ. Вотъ что Энгельгардтъ писалъ въ этомъ письмѣ: «Къ 19 октября я получилъ отклики изъ Бразиліи, изъ Стутгардта, изъ Иркутска, изъ Лондона, отовсюду, гдѣ лишь есть наши Лицейскіе. Къ сожалѣнію наличные здѣсь не такъ живо цѣнили этотъ сердечной день; несмотря на заблаговременное приглашеніе, изъ всѣхъ первокурсныхъ явились только—Стевень, Комовской и Данзасъ, а прочіе—жаль, очень жаль, что сердечное лицейство такъ остываетъ въ великосвѣтскомъ быту! Не давай ему въ себѣ остывать Матюшко, хоть пока я еще не одѣлъ досчатаго халата; право оно хорошо и даже полезно въ жизни, около него иногда погрѣться: .

Изъ другихъ празднованій первокурсниками лицейскихъ годовщинъ обращаетъ на себя вниманіе годовщина 1851 года, когда праздновалось 40-лѣтіе Лицея. Протоколъ этой годовщины является послѣднимъ, дошедшимъ до насъ.

Вотъ въ какомъ видѣ сохранился этотъ протоколъ:

«40-лѣтіе Лицея 1851-го года.

«Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился...»

«Собрались у Корнилова 7 человекъ: Корниловъ, Корфъ, Данзасъ, Масловъ, Комовскій, Яковлевъ, Матюшкинъ.

«Юдинъ по причинѣ болѣзни не былъ; Машиновскій, Мясоедовъ въ деревнѣ, Бакунинъ въ Твери, Горчаковъ и Ломоносовъ за границею,—Пушина нѣтъ, и Брельо безвѣстно отсутствующій».

Подписались: «Яковлевъ, Староста Лицейскій. Комовскій, Масловъ, Матюшкинъ, Данзасъ, Модестъ Корфъ, Корниловъ».

¹⁾ См.: «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ». Письмо Плетнева къ Гроту. Спб., пятница, 20 октября 1844 г., т. II, стр. 337.

²⁾ Тамъ же, тамъ же, стр. 79. Письмо Плетнева къ Гроту отъ 12 мая 1843 г.

Внизу страницы замѣчается полустершійся рисунокъ—карандашемъ, изображающій профиль лица съ надписью «Камаранъ, лиц. экономъ».

Любопытно, что этотъ протоколъ записанъ рукою Матюшкина на 3-й страницѣ того самаго листа, на которомъ записанъ Пушкинымъ протоколъ 19 октября тоже юбилейнаго 1836 года.

Приведа эти интересныя свѣдѣнія о юбилейной годовщинѣ 1851 г. изъ книги Константина Яковлевича Грота: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него» (Спб., 1910 г.), мы на этомъ году заканчиваемъ обзоръ лицейскихъ годовщинъ и отсылаемъ интересующихся дальнѣйшими годовщинами читателей къ названной книгѣ; скажемъ только, что послѣ смерти Энгельгардта въ 1862 году эти обѣды прекратились, и только впоследствии вновь возобновилось празднованіе лицейской годовщины каждымъ курсомъ отдѣльно ¹⁾.

Мы выше уже сказали, что Яковлевъ еще на лицейской скамьѣ занимался музыкой и пѣніемъ. Эти занятія онъ не прекратилъ и по выходѣ изъ Лицея. Впоследствии въ Петербургскихъ салонахъ онъ восхищалъ своимъ баритономъ великосвѣтское общество и выказалъ незаурядный талантъ къ композиціи. Въ музыкальной литературѣ онъ оставилъ болѣе двадцати романсовъ и пѣсенъ на слова Пушкина, Дельвига, Державина и Жуковского. Кромѣ того, нѣсколько романсовъ на слова анонимныхъ авторовъ, подъ которыми можно предполагать самого Яковлева.

Вотъ нѣсколько воспоминаній современниковъ объ успѣхахъ Яковлева въ великосвѣтскомъ обществѣ того времени. Эти воспоминанія будутъ небезполезны въ біографическомъ очеркѣ Михаила Лукьяновича. Въ воспоминаніяхъ Елены Андреевны Ганъ, рожденной Фадѣевой, мы находимъ указанія, что Яковлевъ выступилъ на музыкальныхъ и литературныхъ вечерахъ, бывавшихъ у ея родственниковъ Сушковыхъ и Веклешевыхъ.

«Здѣсь (на этихъ вечерахъ),—говоритъ Елена Андреевна Ганъ,—я слушала пѣвца Яковлева, который въ то время былъ въ большой модѣ» ²⁾.

Другой домъ, который посѣщалъ Яковлевъ, былъ домъ Михаила Ивановича Глинки, когда онъ былъ капельмейстеромъ и жилъ на казенной квартирѣ у Пѣвческаго моста. По четвергамъ бывали у него рауты, на которыхъ постоянными посѣтителями бывали Стуняевы, Петровъ, Воробьева, М. Л. Яковлевъ, Брюловъ, Кукольникъ, Ломакинъ и др. Яковлевъ на этихъ вечерахъ въ первый разъ пре-

¹⁾ О лицейскихъ годовщинахъ см. у Я. К. Грота: «Лицейскія годовщины», въ книгѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 81—86.—В. Гаевскій: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время». «Отечественныя Записки», т. СXXXIX, 1861 г., стр. 29—41.—Статья о томъ же Константина Яковлевича Грота. «Новое Время» 1909 г., № 12071 (отъ 19 октября).

²⁾ См.: «Елена Андреевна Ганъ (Зинаида Р-ва). 1814—1842». Біографическій очеркъ Е. С. Некрасовой. «Рус. Стар.» 1886 г., т. LI, августъ. стр. 351.

красно спѣлъ свой романсъ: «Когда, душа, просилась ты», къ когорому Глинка подобралъ второй голосъ ¹⁾).

Глинка въ своихъ запискахъ удѣляетъ Яковлеву слѣдующія строки: «Лѣтомъ того же 1828 г. Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ, композиторъ извѣстныхъ русскихъ романсовъ и хорошо пѣвшій баритономъ, познакомилъ меня съ барономъ Дельвигомъ, извѣстнымъ нашимъ поэтомъ. Я нерѣдко навѣщалъ его; зимою бывала тамъ дѣвица Лигле; мы играли въ 4 руки. Баронъ Дельвигъ переѣзжалъ для моей музыки пѣсню: «Ахъ, ты ночь ли, ноченька», и тогда же я написалъ музыку на его слова: «Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили». Эту пѣсню весьма ловко пѣвалъ М. Л. Яковлевъ» ²⁾).

Въ музыкальной литературѣ Яковлеву принадлежитъ цѣлое собраніе романсовъ и пѣсней, положенныхъ имъ на музыку. Эта музыка была написана по преимуществу на стихотворенія его однокурсника барона А. А. Дельвига.

Коллекція романсовъ и пѣсней М. Л. Яковлева составляетъ собственность издателей П. Юргенсона и М. Бернарда. Вотъ перечень этихъ произведеній музыкальнаго творчества Яковлева:

- 1) Элегія: Когда, душа, просилась ты,—слова барона А. А. Дельвига.
- 2) Роза ль ты, розочка,—слова барона А. А. Дельвига.
- 3) Кудри: На яву и въ сладкомъ снѣ,—слова барона А. А. Дельвига.
- 4) Ты дитя-ль мое, дитятко.
- 5) Сиротинушка, дѣвушка,—слова барона А. А. Дельвига.
- 6) Слеза: Вчера за чашей пуншевою,—слова Пушкина.
- 7) Куплеты къ Діону: Сядемъ, любезный Діонъ,—слова бар. А. А. Дельвига.
- 8) Зимній вечеръ: Буря мглою небо кроетъ,—слова Пушкина.
- 9) Зрѣлъ ли ты пѣвецъ,—слова Державина.
- 10) Пѣла, пѣла пташечка, да затихла,—слова барона А. А. Дельвига.
- 11) Il faut aimer!
- 12) Ахъ, не все тучамъ небо покрывать.
- 13) Голосъ съ того свѣта: Не узнавай, куда я путь склонила,—слова Жуковскаго.
- 14) Признаніе: Я васъ люблю, хотя...—слова Пушкина.
- 15) Прости.
- 16) Кого-то нѣтъ, кого-то жаль.
- 17) Вчера вакхическихъ друзей,—слова барона А. А. Дельвига.
- 18) Ахъ, какъ нынѣшняя зима.

¹⁾ «Рус. Стар.» 1871 г., т. IV, іюль, стр. 42—43, «Воспоминанія о М. П. Глинкѣ».

²⁾ Записки М. И. Глинки. «Рус. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 490.—Отдѣльное изданіе «Рус. Стар.»: Записки Михаила Ивановича Глинки. 1804—1854 г. Спб., 1871 г., стр. 40.

- 19) Пѣснь лѣности: Лѣность, въ честь твою.
- 20) Не узнавай, куда я путь склонила,—слова Жуковского.
- 21) Жалоба: Воспламенить васъ трудъ напрасный,—слова барона А. А.

Дельвига.

Въ 1828 году появилась книга подъ заглавіемъ: «Опытъ русской анеологіи, или избранныя эпиграммы, мадригалы, эпитафіи, надписи, апологи и нѣкоторые другія мелкія стихотворенія.—Собрано Михайломъ Яковлевымъ. Издано Иваномъ Сленинымъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія. 1828 г.». Основываясь на имени и фамиліи автора книги, мы въ первоначальномъ наброскѣ біографическаго очерка о Яковлевѣ приписали ему составленіе этого опыта русской анеологіи и сдѣлали подробный обзоръ этой книги. Дмитрій Ѳомичъ Кобеко въ своей книгѣ: «Императорскій Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы 1811—1843 г.» (Спб., 1911 г., стр. 310—311) приписываетъ составленіе опыта русской анеологіи также Михаилу Лукьяновичу. Но, ознакомившись со статьею В. Гаевского въ «Современникѣ» 1854 г. (т. XLVII), намъ пришлось отказаться отъ мнѣнія, что этотъ опытъ составленъ лицеемъ Яковлевымъ. В. Гаевскій категорически указываетъ, что составителемъ этой книги былъ Михаилъ *Алексѣевичъ* Яковлевъ, а не Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ.

Михаилъ Алексѣевичъ Яковлевъ былъ строгій и страшный для театральнаго міра критикъ-рецензентъ «Сѣверной Пчелы». М. А. Яковлевъ получилъ образованіе въ Петропавловской нѣмецкой школѣ и былъ сынъ русскаго купца, торговавшаго подъ Думой серебряными издѣліями, что давало поводъ нѣкоторымъ журналистамъ отпускать разныя неприличныя шуточки насчетъ происхожденія автора статей съ подписью «М. Я».—Яковлева выводили на сцену неоднократно. «Я помню,—говоритъ одинъ изъ современниковъ,—какой-то водевиль, гдѣ онъ являлся подъ именемъ Мишутки Яшуткина и былъ вылитый оригиналъ... Та же корпуленція, болѣе чѣмъ плотная, то же огненно-кирпичекрасное лицо, съ очками въ черепаховой оправѣ, тотъ же черный сюртукъ, черный жилетъ по горло и съ бѣленькими форменными пуговичками и то же отсутствіе всякаго наружнаго признака бѣлья, чѣмъ отличался костюмъ почтеннаго Михаила Алексѣевича. Онъ былъ давнишнимъ сотрудникомъ «Сѣверной Пчелы», платившей ему только креслами въ театрахъ за его статьи. Воейковъ окружалъ его учтивымъ вниманіемъ и былъ съ нимъ на самой лучшей ногѣ, что не мѣшало Воейкову при немъ ругать Булгарина, а Яковлеву хохотать при этихъ выходкахъ, точно доходившихъ до смѣшнаго»¹⁾. Объ этомъ Яковлевъ вспоминаетъ В. К. Кюхельбекеръ въ Свееборгѣ 21 декабря 1834 г., когда ему попался въ руки журналъ «Библіотека для чтенія», гдѣ онъ наткнулся

¹⁾ См. «Русскій Вѣстникъ» изд. 1871 г., т. ХСУ, стр. 629.—Мое знакомство съ Воейковымъ въ 1830 г. и его пятничныя литературныя собранія.—Петербургскій старожилъ В. Б.

на критику Михаила Яковлева. Объ этомъ критикъ онъ заноситъ въ свой дневникъ слѣдующія строки: «Надоѣла мнѣ между прочимъ судорожная (*grimaçante*) иронія, съ какою съ нѣкотораго времени обо всемъ пишутъ: всѣхъ несноснѣе въ этомъ случаѣ знаменитый М. Я., т. е. Михайло Яковлевъ (только не Лицейскій); ему вѣчный смѣхъ, онъ надъ всѣмъ шутитъ, обо всемъ рассказываетъ, какъ настоящій Скарамущъ: и объ осадѣ Пскова Розена, и о самомъ пошломъ водевилѣ—ездѣ у него замѣтно одинаковое желаніе выставить на посмѣшище автора и выказать свое личное превосходство и надъ авторомъ, и надъ читателемъ.—Высѣкъ бы я розгами этого кривляку!» («Русск. Стар.» 1884 г., т. ХСІ, февраль, стр. 342).

Этотъ сборникъ—«Опытъ русской анекдотической поэзіи» былъ составленъ Яковлевымъ довольно небрежно, такъ что одинъ изъ авторовъ приведенныхъ стихотвореній, именно И. И. Дмитріевъ, долженъ былъ обратиться къ содѣйствію «Московского Телеграфа» для указанія, что нѣкоторыя стихотворенія вовсе не принадлежатъ ему. Въслѣдствіе этого появилось въ названномъ журналѣ (1828 года, VIII, 537—538) оповѣщеніе Н. Полевого слѣдующаго содержания: «Его Высокопревосходительство И. И. Дмитріевъ препоручилъ намъ замѣтить, что въ числѣ стихотвореній, означенныхъ его именемъ, помѣщены шесть пьесъ, совсѣмъ ему не принадлежащихъ. Сія пьесы суть: Эпиграмма (стр. 60), Старшинство (стр. 69), Эпиграмма (стр. 76), Къ слезливому стихотворцу (стр. 109), Трусость (стр. 110), Странность (стр. 130)»¹⁾.

Мы не рѣшаемся утверждать, къ которому Яковлеву относятся строки письма Пушкина къ князю Вяземскому отъ 2 января 1831 года. Здѣсь мы узнаемъ, что Яковлевъ въ это время предполагалъ издать новый литературный трудъ, вѣроятно, компилятивный сборникъ, въ видѣ альманаха, подъ названіемъ «Блинь». Альманахъ этотъ долженъ былъ выйти на масляницѣ. Мы не беремся рѣшать, дѣйствительно ли Яковлевъ предполагалъ издать что-нибудь подобное; очень можетъ быть, что Пушкинъ рассказываетъ Вяземскому всю эту исторію только для красного словца, для каламбура. Вотъ что мы читаемъ въ этомъ письмѣ: «Стихи твои—прелесть. Не хочется мнѣ отдать ихъ въ альманахъ; лучше отошлемъ ихъ Дельвигу. Обозы, поросята и бригадиръ удивительно забавны. Яковлевъ издастъ къ масляницѣ альманахъ *Блинь*. Жаль, если первый блинъ его будетъ комомъ. Не отдашь ли ты ему *Обозы*, а *Дьвичій Сонъ* Максимовичу? Яковлевъ тѣмъ еще хорошъ, что отмѣнно храбръ и готовъ намазать свой блинъ жиромъ Булгарина и икрою Полевого. Пошли ему свои сатирическія статьи, коли есть»²⁾.

¹⁾ См. статью В. Калаша: «И. И. Дмитріевъ и М. Яковлевъ». — «Рус. Арх.» 1901 г., 4, стр. 700 и 701.

²⁾ Сочин. А. С. Пушкина. Изд. Литер. Фонда. Т. VII. Спб., 1887 г., стр. 253. письмо № 264.

М. Л. Яковлевъ вмѣстѣ съ княземъ Эристовымъ ¹⁾ составили «Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ російской церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ. Спб. 1836 г.»—Книга была издана анонимно и напечатана во II Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. О ней упоминаетъ Геннади въ своей статьѣ: «Краткіе некрологи русскихъ писателей, умершихъ въ 1858 г.» (Библиографическія записки, 2 т., стр. 660). В. Гаевскій полагаетъ, что этотъ «Словарь» былъ составленъ М. Л. Яковлевымъ и княземъ Д. А. Эристовымъ при содѣйствіи Пушкина. По поводу этого «Словаря» Пушкинъ писалъ Яковлеву отъ 19 ноября 1836 г.: «Не забудь записку о святыхъ доставить мнѣ грѣшному». Подробнѣе объ этомъ «Словарѣ» см. книгу Д. О. Кобеко: «Императорскій Царекосельскій Лицей». Спб., 1911 г., стр. 344—348.

Выше было сказано, что намъ неизвѣстны стихотворенія Яковлева, которыя были писаны имъ послѣ выхода изъ Лицея. Существуетъ, однако, стихотвореніе, начинающееся словами: «Гдѣ-то добрый Дельвигъ мой...» Стихотвореніе это нашлось среди бумагъ барона А. А. Дельвига, хранящихся у его дочери, баронессы Елизаветы Антоновны. Указанное стихотвореніе напечатано П. И. Бартеневымъ въ издаваемомъ имъ «Русскомъ Архивѣ» за 1891 г., кн. 7, стр. 357.

Г-нъ П. И. Бартенева, печатая это стихотвореніе, снабжаетъ его слѣдующимъ комментариемъ: «За разъясненіемъ, кто именно писалъ эти стихи, обращались мы къ академику Я. К. Гроту, который любезно сообщилъ намъ нижеслѣдующее: «По сличенію почерковъ лицействоваго перваго выпуска (большею частью они писали довольно сходно, какъ ученики одного и того же учителя каллиграфіи, славнаго въ лицейскихъ преданіяхъ Фотія Петровича Калинича) я убѣждаюсь, что эти стихи писаны рукою М. Л. Яковлева; по духу ихъ я бы склоненъ считать его же и авторомъ, но не помню, писывалъ ли онъ стихи; кажется, да».

Такимъ образомъ, мы можемъ считать это стихотвореніе принадлежащимъ Михаилу Лукьяновичу Яковлеву. Вотъ это стихотвореніе:

Гдѣ-то добрый Дельвигъ мой,
Гдѣ-то мой собратъ и сверстникъ,
Съ чашей—Вакха сынъ прямой,
Съ лирой—тихихъ Музъ наперникъ,
Гдѣ-то добрый Дельвигъ мой?

* *
* *
* *

Ходитъ-ли у милыхъ оконъ,
Тайный огонь въ душѣ тая:
Не мелькнетъ-ли свѣтлый локонъ,
Не блеснетъ-ли взоръ ея?

¹⁾ Воспитаникъ II курса, вып. 1820 г.

* *
*

На пиру-ль сидить съ толпою,
Жадно глядя на вино,
Какъ подь новою струею
Въ чашѣ зашипить оно?

* *
*

Одинокъ-ли въ скромной кельѣ,
Духомъ бодръ и сердцемъ юнъ,
Славить землю и веселье
Всемогущимъ гласомъ струнъ?

* *
*

Иль чертитъ наказы службы
Съ мрачной важностью на лбу:
Позабылъ онъ уголь дружбы,
Позабылъ ея мольбу...

* *
*

Гдѣ-то мой собрать и сверстникъ,
Гдѣ-то добрый Дельвигъ мой?
Съ чашей—Вакха сынъ прямой,
Съ лирой—тихихъ Музъ наперникъ,
Гдѣ-то добрый Дельвигъ мой?

21 Января 1823.

Какъ въ Лицеѣ Пушкинъ былъ дружнѣ съ Малиновскимъ и Пушинымъ, такъ, по выходѣ изъ Лицея, онъ былъ всего дружнѣ съ Матюшкинымъ и Яковлевымъ. Когда Яковлевъ былъ уже директоромъ типографіи II отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, то у него собирались товарищи по Лицею не только въ день лицейской годовщины, но и въ другіе дни и проводили вечера въ дружеской бесѣдѣ, къ которой располагало также и обширное помѣщеніе въ казенной квартирѣ. Однажды, въ ноябрѣ 1836 года, въ день рожденія Яковлева, его посѣтили для дружеской бесѣды Пушкинъ, Матюшкинъ и князь Эрстовъ-лицействъ II-го курса (съ воспитанниками этого курса первокурсники были очень дружны). Пушкинъ явился въ этотъ день послѣднимъ гостемъ и былъ, видимо, очень разстроены. Послѣ обѣда Пушкинъ показаль собравшимся гнусный пасквиль, полученный имъ незадолго предъ тѣмъ. Это былъ, какъ извѣстно, дипломъ на званіе рогносца. Показывая его, Пушкинъ сказалъ:—«Посмотрите, какую мерзость я получилъ». Яковлевъ, какъ директоръ типографіи, чрезъ руки котораго

проходила бумага разного достоинства, сейчас же обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на то, что бумага, на которой былъ написанъ «дипломъ» или анонимное письмо, иностраннаго происхожденія и пошлина, налагаемая на этотъ сортъ бумаги, очень высока, вслѣдствіе чего ею могутъ пользоваться и выписывать ее изъ-за границы только иностранныя посольства.

Это важное указаніе Яковлева дало Пушкину руководящую нить для исканія автора этого анонимнаго письма. Такимъ образомъ, Пушкинъ доискался, что бумага, на которой былъ написанъ пасквиль, принадлежитъ голландскому посольству.

Обращаясь къ перепискѣ Яковлева со своими товарищами, слѣдуетъ замѣтить, что переписка его съ Пушкинымъ является весьма незначительной и ограничена, главнымъ образомъ, къ послѣднимъ годамъ жизни Пушкина.

Первое письмо Яковлева къ Пушкину помѣчено 16 іюля 1831 года, въ которомъ Яковлевъ извѣщаетъ Пушкина объ отъѣздѣ баронессы Софіи Михайловны Дельвигъ и что Пушкинъ долженъ ей сто двадцать пять рублей ¹⁾).

Пушкинъ отвѣчаетъ ему четверостишіемъ, что Смирдинъ не даетъ ему денегъ, но что онъ завтра ихъ все-таки получитъ и вечеромъ доставитъ Яковлеву ²⁾).

Письмо Пушкина отъ 19 іюля 1831 года касается, между прочимъ, разныхъ денежныхъ обязательствъ съ Плетневымъ и вдовою Дельвига и заключаетъ просьбу собрать письма Пушкина къ Дельвигу, вѣроятно, для пречтлагаемой біографіи послѣдняго ³⁾).

Въ отвѣтъ на письмо Пушкина отъ 19 іюля Яковлевъ сообщаетъ ему, въ письмѣ отъ 23 іюля того же года, о денежныхъ расчетахъ со вдовою Дельвига; между прочимъ, сообщаетъ, что вдова Дельвига обѣщала ему отдать трагедію Кюхельбекера, балладу и письма Пушкина для передачи всего этого Пушкину ⁴⁾).

Вотъ то немного изъ переписки Пушкина съ Яковлевымъ, что сохранилось въ печати и дошло до насъ. Нѣкоторыя упоминанія о Яковлевѣ мы находимъ въ перепискѣ Пушкина съ его женой. Какъ извѣстно, Пушкинъ испросилъ у правительства право печатать исторію Пугачевского бунта въ типографіи Собственной Его Величества Канцеляріи, у Яковлева. По этому поводу Пушкинъ набросалъ черновое письмо къ Бенкендорфу, гдѣ, между прочимъ, мы читаемъ: «...qu'on me permette d'imprimer mon ouvrage à mes frais dans l'imprimerie particulière de Sa Majesté qui dépend de M. Jacovlef, la seule où je suis sûr de n'être pas friponné...»

¹⁾ Сочиненія Пушкина. Переписка. Подъ редакціей В. И. Саятова. Т. II, Спб., 1908 г., стр. 275, письмо № 568.

²⁾ Тамъ же, стр. 276, письмо № 569.

³⁾ Тамъ же, стр. 281—282, письмо № 573.

⁴⁾ Сочиненія Пушкина. Переписка. Подъ редакц. В. И. Саятова. Спб., 1908 г., т. II, стр. 288, письмо № 578.

Намъ неизвѣстно, дошло это письмо до Бенкендорфа или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ Пушкинъ 3 іюля 1834 года обратился съ официальнымъ письмомъ къ Яковлеву:

«М. Г. Михайло Лукьяновичъ. Вслѣдствіе даннаго вамъ начальствомъ порученія касательно напечатанія рукописи моей, подъ названіемъ *Исторія Пугачевского бунта*, и по личному моему съ вами о томъ объясненію, поспѣшаю васъ увѣдомить:

1-е. Желая я, чтобъ означенная рукопись была напечатана въ 8-ю долю листа, такого же формата какъ *Сводъ Законовъ*.

2-е. Число экземпляровъ полагаю я 3000, изъ коихъ для 1200 прошу заготовить бумагу на счетъ казенный, а потребное количество оной для 1800 экз. доставлю я самъ въ типографію.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до изданія книги, то во всемъ полагаюсь на ваше благоусмотрѣніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ* ¹⁾.

3 іюля 1834. Спб. >

Вотъ это то печатаніе исторіи Пугачевского бунта задерживало Пушкина въ столицѣ, и онъ въ письмахъ своихъ къ женѣ упоминаетъ, что его удерживаетъ здѣсь Яковлевъ. Такъ, въ письмѣ отъ 21 іюня 1834 г. Пушкинъ пишетъ женѣ: «Меня въ Петербургѣ останавливаетъ одно: залогъ имѣнія Нижегородскаго, я даже Пугачева намѣренъ препоручить Яковлеву, да и дернуть къ тебѣ, мой ангелъ, на Полотняный Заводъ». (Письма, стр. 357). Въ письмѣ отъ 11 іюля мы читаемъ: «Кабы ты видѣла, какъ я сталъ прилеженъ, какъ читаю корректуру— какъ тороплю Яковлева! Только бы въ августѣ быть у тебя». (Тамъ же, стр. 363). Въ письмѣ отъ 14 іюля: «Яковлевъ обѣщаетъ отпустить меня къ тебѣ въ августѣ. Я оставлю Пугачева на его попеченіи» (стр. 366). Въ письмѣ отъ 30 іюля Пушкинъ писалъ: «Я приѣду къ тебѣ, коль скоро меня Яковлевъ отпустить. Дѣла мои подвигаются. 2 тома печатаются вдруг!» (стр. 368). Въ письмѣ отъ 3 августа мы читаемъ: «Яковлевъ отпустить меня около половины мѣсяца». И въ это же время онъ писалъ слѣдующую записочку Яковлеву: «Вотъ 18-й листъ ²⁾». — Справлялся я въ другихъ спискахъ и смысла не нашелъ и тамъ. Изъ предисловія (ты правъ, любимецъ музъ!) должно будетъ выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его. — № 14» ³⁾. Кстати замѣтимъ здѣсь, что, какъ Илличевскій въ

¹⁾ Сочин. А. С. Пушкина. Изд. Литер. Фонда. Т. VII. Письма. Спб., 1887 г., стр. 360, письмо № 395.

²⁾ 2-й части Пугачевского бунта. Говорится о неисправности списка Рычкова.

³⁾ Сочинен. А. С. Пушкина. Изд. Литературн. Фонда. Т. VII. Письма. Спб., 1887 г., стр. 370, письмо № 409.

Лицеѣ переписывалъ стихи Пушкина своею рукою, такъ и Яковлевъ, по выходѣ изъ Лицея, часто помогаль Пушкину въ переписываніи его трудовъ. Такъ, напримѣръ, предисловіе къ исторіи Пугачевского бунта, написанное самимъ Пушкинымъ 2 ноября 1833 года, въ селѣ Болдино, было переписано набѣло рукою Михаила Лукьяновича Яковлева ¹⁾).

Что касается до переписки Яковлева съ В. Д. Вольховскимъ, то въ коллекціи писемъ первокурсниковъ, хранящейся въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, находится семь писемъ Яковлева. Первое изъ нихъ отъ 4 января 1826 г., второе—отъ 5 мая 1827 года, третье—отъ 11 іюня 1835 года, четвертое—отъ 24 ноября 1836 года, пятое—отъ 22 іюня 1837 года, шестое—отъ 26 мая 1839 г. и, наконецъ, послѣднее—отъ 25 января 1841 г. ²⁾). Какъ мы уже упомянули въ біографическомъ очеркѣ Вольховскаго, Яковлева связывали съ Вольховскимъ не только узы дружбы и однокашничества, но и впоследствии, если не родственныя связи, то связи свойства, такъ какъ Яковлевъ вмѣстѣ съ Матюшкинымъ были у Вольховскаго на свадьбѣ шаферами.

Въ перепискѣ Яковлева съ Вольховскимъ, изъ которой мы не разъ уже извлекали разныя свѣдѣнія о первокурсникахъ, разбросаны нѣкоторыя подробности, о которыхъ намъ не пришлось еще упоминать. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ Яковлева отъ 4 января 1826 года находится приписка Дельвига слѣдующаго содержания (какъ бы въ отвѣтъ на письмо Вольховскаго къ Дельвигу, о чемъ и упоминаетъ въ этомъ письмѣ Яковлевъ): «Милый другъ, письмо твое едва было получено, сейчасъ доставлено Яковлеву, для круговой передачи, но Яковлевъ не показывалъ его никому. И до того-ли ему? Онъ пьетъ съ шампанскимъ сженку и каждый день влюбляется въ новую красоту. Насилу я его, отъѣздомъ Льва Пушкина, убѣдиль написать къ тебѣ вышеслѣдующее письмо оригинальное, совершенное въ своемъ родѣ.—Жена моя тебѣ очень кланяется, желаетъ здоровья и побѣдъ, я тоже. Насилу пишу, я уже около двухъ мѣсяцевъ болѣнъ. Пиши и люби».

Въ письмѣ отъ 11 іюня 1835 года Яковлевъ перечисляетъ въ шуточномъ видѣ служебное положеніе нѣкоторыхъ своихъ товарищей. О Пушкинѣ, напримѣръ, пишетъ слѣдующее: «Ему далъ Богъ второго сына, по имени Григорія.—Давно съ нимъ не видался и потому не знаю, что съ нимъ дѣлается, знаю только то, что онъ давно ничего не пишетъ и нуждается въ деньгахъ».

Отъ Яковлева Императорскій Александровскій Лицей получилъ автографъ стихотворенія Пушкина «19 октября 1825 года». Этотъ автографъ былъ подаренъ Александровскому Лицею Яковлевымъ 2 марта 1855 года по просьбѣ быв-

¹⁾ Я. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 117, ст. «Приготовительныя занятія Пушкина для историческихъ трудовъ».

²⁾ Вольховскій умеръ 7 марта 1841 г.

шаго директора Лицея Н. И. Миллера. Хотя Яковлевъ обѣщался подарить всѣ автографы и рукописи Пушкина Императорской Публичной Библиотекѣ, но тогдашній директоръ Библиотеки графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ отказался отъ своего права на этотъ автографъ, когда узналъ, что онъ предназначается Лицею¹⁾.

Какъ мы выше уже упомянули, у Яковлева хранился архивъ перваго курса. Въ этомъ архивѣ въ числѣ другихъ документовъ были двѣ тетради, принадлежавшія Матюшкину и переданныя имъ Яковлеву. Одна изъ этихъ тетрадей заключала въ себѣ всѣ неизданныя стихотворенія лицействова, тщательно переписанныя Матюшкинымъ, а другая тетрадь заключала въ себѣ стихи, уже напечатанные въ разныхъ журналахъ. Не представляетъ ли первая тетрадь, въ которой собраны неизданныя стихотворенія первокурсниковъ, извѣстный рукописный сборникъ подъ заглавіемъ: «Духъ лицейскихъ трубадуровъ», переписанный 20 сентября 1823 г., какъ значится на его обложкѣ? Сборникъ этотъ представляетъ собою небольшую тетрадь въ переплетѣ и принадлежитъ нынѣ Татьянѣ Борисовнѣ Сѣмечкиной, которой онъ достался отъ Яковлева. Не есть-ли этотъ сборникъ тотъ же самый, который былъ собранъ Матюшкинымъ и подаренъ Яковлеву? Всѣ эти реликвіи хранились у Яковлева. Незадолго до 14 декабря у Яковлева выпросилъ себѣ на прочтеніе эти документы Пущинъ и забралъ ихъ столько, сколько могъ захватить съ собою. Когда Пущинъ былъ арестованъ послѣ 14 декабря, то при обыскѣ его квартиры въ числѣ другихъ вещей были взяты и эти лицейскія бумаги. По предположенію Матюшкина, эти бумаги должны бы сохраняться въ архивѣ слѣдственной комиссіи²⁾.

Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ.

Павелъ Лукьяновичъ, какъ мы выше видѣли, родился 5 января 1796 г., † 9 июня 1835 г. Свѣдѣнія эти приведены у князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго въ его трудѣ: Русская родословная книга (Спб., 1894 г., т. 2, изд. 2, стр. 460)³⁾.

¹⁾ Я. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 142.

²⁾ Тамъ же, стр. 4 и 282.

³⁾ Между тѣмъ біографъ Павла Лукьяновича—Кубасовъ указываетъ совершенно другой годъ его рожденія, а именно: 1789 г. Оставляя это указаніе на совѣсти г. Кубасова, мы замѣтимъ, что онъ также ошибается, считая годомъ рожденія Михаила Лукьяновича 1786 г.; указаніе это совершенно неправильно, потому что Михаилъ Лукьяновичъ родился въ 1798 г.; если бы онъ родился въ 1786 г., то ему при поступленіи въ Лицей было бы 25 лѣтъ.

Павель Лукьяновичъ былъ женатъ на Прасковѣ Ивановнѣ Давыдовой (1827 г.). Отъ этого брака имѣлъ слѣдующихъ дѣтей: 1) Лукьяна Павловича, родившагося 13 іюня 1829 г., † 186 ? г., въ чинѣ полковника; 2) Сергѣя Павловича, род. 1 января 1833 г.; 3) Михаила Павловича, родивш. 18 ноября 1834 г.; 4) Прасковью Павловну, родивш. 3 іюня 1831 г. и 5) Екатерину Павловну, родивш. 14 января 1836 г.

Свѣдѣнія о П. Л. Яковлевѣ весьма скудны, въ особенности относящіяся къ его юношескимъ годамъ; біографія его изложена, на основаніи формулярныхъ свѣдѣній, въ прекрасной статьѣ И. Кубасова. Изъ этой статьи мы заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія. П. Л. Яковлевъ получилъ домашнее образованіе, зналъ основательно французскій и нѣмецкій языки; поступилъ на службу въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, подъ начальство Н. Н. Бавтышъ-Каменскаго, съ которымъ былъ очень друженъ его отецъ, — сначала актуаріусомъ, а затѣмъ (1808 г.) переводчикомъ; одновременно слушалъ лекціи въ Московскомъ Университетѣ, откуда получилъ въ 1812 году аттестатъ. Въ 1813 г. служилъ въ Московскомъ Горномъ Правленіи; въ 1814 г. — въ Московскомъ Коммисаріатномъ Дѣпо; въ 1818 г. переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1820 г. былъ назначенъ секретаремъ секретной Россійской миссіи въ Бухарію. За экспедицію, помимо денежной награды, получилъ надворнаго совѣтника и Владимира 4 степени. Возвратившись изъ Бухаріи, поступилъ въ Министерство Юстиціи; въ концѣ 1822 г. назначенъ Совѣтникомъ Нижегородской уголовной палаты. Прослуживъ здѣсь годъ, вернулся въ Петербургъ, опредѣлился въ департаментъ Министерства Юстиціи; здѣсь прослужилъ онъ около года и уволился. Въ концѣ 1824 г. мы находимъ его въ Москвѣ старшимъ ревизоромъ Межевой канцеляріи; затѣмъ онъ былъ ревизоромъ Вятской Межевой конторы, гдѣ прослужилъ почти три года. Въ февралѣ 1827 г. оставилъ Вятку и возвратился въ Москву, гдѣ поступилъ въ архивъ Межевой канцеляріи, изъ котораго вышелъ въ іюль того же года и получилъ мѣсто ревизора Саратовской Межевой конторы. «Въ самый день своего отъѣзда, — пишетъ его дядя Александръ Ефимовичъ Измайловъ ¹⁾ своей женѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, — обвѣнчался на Прасковѣ Ивановнѣ Давыдовой, зашелъ къ отцу, напился кофе, сѣлъ съ молодою женой въ коляску и поѣхалъ въ Саратовъ». Самъ П. Л. Яковлевъ описываетъ свою молодую жену слѣдующимъ образомъ: «Зовуть ее Прасковья Ивановна, отъ роду имѣетъ 26 лѣтъ, чернобровая смуглянка и славная бабенка, между прочимъ. Она очень васъ любитъ, дядюшка, вотъ-те Христось! Приданого за ней взялъ я нѣсколько милліоновъ добродѣтелей и нѣсколько сотъ тысячъ пре-

¹⁾ Род. 14 апр. 1779 г., † 16 января 1831 г.

лестей». «Я видѣлъ ее, — заключаетъ письмо свое Измайловъ, — въ домѣ отца Павла Лукьяновича; рекомендуя мнѣ сестеръ своихъ, рекомендовалъ онъ мнѣ и ее какъ жену свою, — отецъ посмѣялся и я тоже, а теперь въ самомъ дѣлѣ стала его женой». Въ Саратовѣ Яковлевъ прибылъ въ августѣ 1828 г., но здѣсь онъ прослужилъ менѣе 2-хъ лѣтъ и уволился «для опредѣленія къ другимъ дѣламъ» и возвратился въ Петербургъ. Наконецъ, въ 1833 г. онъ вновь поступилъ на службу третьимъ членомъ Межевой канцеляріи и умеръ 10 іюля 1835 г., похороненъ въ Москвѣ, на Покровскомъ кладбищѣ. Литературная дѣятельность П. Л. началась въ бытность его еще въ Университетѣ, гдѣ онъ дебютировалъ переводами. Такъ, въ 1811 г. онъ перевелъ съ французскаго книгу Ф. Шелля: «Картина народовъ, населяющихъ Европу, и религій исповѣдуемыхъ ими» (переводъ посвященъ Н. Н. Бантышъ-Каменскому, начальнику архива, въ которомъ служилъ П. Л. Яковлевъ. См. реценз. въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» 1812 г., ч. I, стр. 102) и комедію барона Бильдербека «Отчаяніе любви» (съ французск.) ¹⁾. Надо замѣтить, что въ П. Л. рано пробудилась любовь къ театру, которая не ослабѣвала въ немъ до конца его жизни. Изъ неизданныхъ писемъ дяди его баснописца Измайлова, мы узнаемъ, что Яковлевъ «недурно игрывалъ на театрѣ, будучи еще студентомъ». Талантъ его былъ комическій. Изъ предисловія къ переведенной П. Л. комедіи видно, что онъ былъ знакомъ съ извѣстнымъ въ свое время всей Москвѣ хлѣбосоломъ Н. А. Дурасовымъ (ему же и посвященъ переводъ этой комедіи). Дурасовъ, ведя роскошный образъ жизни, имѣлъ собственный театр ²⁾.

Къ этому перечню трудовъ П. Л. Яковлева мы позволимъ себѣ прибавить еще нѣсколько другихъ указаній на его печатные труды. Такъ, напримѣръ, въ Москвѣ онъ издалъ въ 1811 г. «Собраніе собственноручныхъ писемъ Государя Императора Петра Великаго къ Апраксинымъ».

П. Л. Яковлевъ издалъ еще слѣдующее сочиненіе: «Жизнь принцессы Анны, правительницы Россіи. — Изживеніемъ П. Я.» (Москва, въ тип. С. Селивановскаго. 1814, 8, VIII и 42 стр.). О томъ, что это сочиненіе принадлежит Павлу Лукьяновичу Яковлеву, см. «Списокъ рус. анонимныхъ книгъ...» Г. Г. Спб. 1874 г., стр. 9.

Ему принадлежатъ также слѣдующіе труды: 1) «Рукопись покойнаго Климен-

¹⁾ См. ст. В. В. Стасова: «Петръ Великій въ костюмѣ голландскаго рабочаго въ августѣ 1697 г.». «Рус. Стар.» 1881 г., т. 72, октябрь, стр. 209—211.

²⁾ Кубасовъ при составленіи статьи пользовался слѣдующими документами архивовъ: Сенатскаго (департаментъ герольдіи), Госуд. и Главнаго Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (азиатскій департаментъ) и архива Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, хранящагося въ библиотекѣ Спб. университета. Нѣкоторыя рукописи П. Л. Яковлева и неизданныя письма А. Е. Измайлова были доставлены Кубасову Л. А. Максимовой и Н. П. Эйхо-Янсонъ.

тія Акимовича Хабарова, содержащая (въ себѣ) разсужденіе о русской азбукѣ и біографію его, самимъ имъ писанную, съ присовокупленіемъ портрета и съемка съ почерка сего знаменитаго мужа». (М. 1828 г. Въ типографіи Селивановскаго. 12. 48 стр.).

2) «Планъ преобразованія орфографіи и азбуки и предложеніе о сокращеніи и изгнаніи нѣкоторыхъ буквъ, сост. П. .І. Яковлевымъ († 1835), по указанію его сына .

Пропускъ. Въ концѣ 234 страницы (3-ья строка снизу) пропущено письмо Энгельгардта къ Вольховскому отъ 24 ноября 1832 г., въ которомъ заключается упоминаніе о Яковлевѣ. Въ этомъ же отрывкѣ говорится о празднованіи лицейской годовщины 1832 года: «19 октября было праздновано у Илличевскаго; тамъ кромѣ сихъ трехъ (Комовскій, Корфъ и Стевень, о которыхъ говорилось передъ этимъ) были: Пушкинъ, Илличевскій, Корниловъ и Яковлевъ, который нынѣ паномъ живетъ; онъ управляетъ законно-печатною типографіею, за что имѣетъ 5000 р. жалованья и прекрасную квартиру съ дровами .

14.

ПАВЕЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ

ЮДИНЪ.

Павелъ Михайловичъ
ЮДИНЪ.

Павелъ Михайловичъ Юдинъ.

(Родился 1798 г., † 28 января 1852 г.).

«Человѣкъ оригинальный, съ острымъ языкомъ и колкій насмѣшникъ».

Гр. М. А. Корфъ.

«Le pilier du Ministère».

Графъ Нессельроде.

Павелъ Михайловичъ Юдинъ родился въ 1798 г., былъ сыномъ Дѣйстви- тельнаго Статскаго Совѣтника Михаила Федоровича Юдина ¹⁾).

Изъ имѣющагося у меня формулярнаго списка отца Юдина приведемъ слѣдующія данныя:

Михаилъ Федоровичъ Юдинъ, родился въ 1764 г. ²⁾), изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, отъ роду 54 года, при Министерской Канцеляріи. — Крестьянъ не имѣеть. — Въ службу вступилъ въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ каптенармусомъ 1786 г., января 1. — Изъ онаго выпущенъ арміи Поручикомъ — 1787 г., января 1-го. — Определенъ въ Правительствующій Сенатъ къ Генераль-Прокурорскимъ дѣламъ — 1794 г., января 1-го. — Оттуда уволенъ для опредѣленія къ другимъ дѣламъ 1796 г., мая 2-го. — Определенъ въ Главное почтовое правленіе 1796 г., іюля 23-го. — Переименованъ Губернскимъ Секретаремъ 1797 г., января 11. — Высочайшими именными указами пожалованъ Титулярнымъ Совѣтникомъ 1797 г., мая 4-го. — Коллежскимъ Ассесоромъ — 1799 г., апрѣля 16. — Причисленъ въ С.-Петербургскій Почтамтъ 1799 г., сентября 30-го. — Пожалованъ въ Надворные Совѣтники 1800 г., января 13-го. — Пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники 1800 г., сентября 10-го. — Определенъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ 1801 года, марта 15-го. — Пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й степени 1804 г., сентября 22-го. — Пожалованъ Статскимъ Совѣтникомъ

¹⁾ «Матеріалы для исторіи Лицея». II. Селезневъ. 1856 г. См. «Памятную книжку Императорск. Александр. Лицея на 1856—1857 г.», стр. 29.

²⁾ Формуляръ Михаила Юдина составленъ въ 1818 г.; въ формулярѣ сказано, что ему 54 года.

1805 г., мая 21-го. — Пожалованъ Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ 1811 г., генваря 1-го.—Пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3-й степени 1812 г., августа 3-го».

Кромѣ этихъ формулярныхъ свѣдѣній о Михаилѣ Федоровичѣ Юдинѣ, его фамилія встрѣчается въ историческихъ журналахъ, и нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ разбросаны въ воспоминаніяхъ его современниковъ. Такъ, напримѣръ, въ воспоминаніяхъ А. П. Бутенева отъ іюля 1804 года (?) упоминается, что Статскіе Совѣтники Юдинъ и Крейдеманъ завѣдывали: одинъ — русскою перепискою, а другой — шифрами ¹⁾).

Въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній Бутеневъ говоритъ, что въ 1812 г. Канцлеръ князь Румянцевъ, отправляясь въ Вильну, взялъ съ собою четырехъ начальниковъ отдѣленій, Статскихъ Совѣтниковъ Шулепова, Жерва, Юдина и Крейдемана ²⁾). Когда стряслась бѣда надъ М. М. Сперанскимъ, то пострадалъ чиновникъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ Бекъ по обвиненію въ сношеніяхъ со Сперанскимъ; между тѣмъ депеши Сперанскому передавалъ Андрей Андреевичъ Жерве, сослуживецъ Бека и Юдина. Въ защиту Бека Жерве написалъ письмо Императору Александру I. Вслѣдствіе этого 26 марта 1812 г. Министръ Юстиціи, въ сопровожденіи г. Юдина, былъ у Жерве, чтобы опечатать все его бумаги ³⁾).

Въ перепискѣ К. Я. Булгакова съ братомъ своимъ, изъ Спб., отъ 21 октября 1821 г., упоминается также о Юдинѣ. К. Я. Булгаковъ пишетъ: «Пишу сегодня къ Каменскому, чтобъ увѣдомить его, что Государь приказалъ сочиненія его отца печатать на казенный счетъ подъ руководствомъ особой комисіи, составленной изъ Дивова, Шулепова и Юдина» ⁴⁾).

Наконецъ, изъ дневника П. Г. Дивова отъ 3 марта 1807 г. мы извлекаемъ слѣдующее мѣсто о Юдинѣ, котораго Дивовъ почему-то называетъ Статсъ-Секретаремъ и который отъ имени Императора передалъ Дивову неудовольствіе Его Величества. Откуда взялъ Дивовъ, что Юдинъ сталъ Статсъ-Секретаремъ, намъ неизвѣстно и въ вышеприведенномъ формулярѣ Юдина ничего объ этомъ не сказано. Вотъ эти строки изъ дневника Дивова: «Въ тотъ же день статсъ-секретарь Юдинъ передалъ мнѣ отъ имени его величества, что я напрасно покровительствую Меркелю; что онъ объяснился по этому поводу съ государемъ и показалъ ему одно мѣсто въ сочиненіяхъ Меркеля, въ которомъ онъ осмѣиваетъ религію.

¹⁾ Воспоминанія А. П. Бутенева. «Рус. Арх.» 1881 года, I, стр. 39. Вѣроятно, здѣсь ошибка Бутенева, такъ какъ по формулярю Юдинъ получилъ этотъ чинъ въ 1805 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 61.

³⁾ «Рус. Стар.» 1897 г., т. XCII, октябрь, стр. 108, статья: «Андрей Андреевичъ Жерве». П. Майкова.

⁴⁾ «Рус. Арх.» 1903 г., I, стр. 80.

Признаюсь, я не ожидалъ отъ Будберга такой низости и хотя онъ преслѣдуетъ Меркеля, якобы изъ-за его нападокъ на религію, но въ сущности онъ мститъ ему за книгу, написанную противъ лифляндцевъ» ¹⁾).

Его сынъ, Павелъ Михайловичъ Юдинъ держалъ экзаменъ, для поступленія въ только что созданный Императорскій Царскосельскій Лицей, 8 августа 1811 года и получилъ слѣдующія отмѣтки. Въ грамматическомъ познаніи языковъ: русскаго и французскаго сказано: «имѣетъ достаточныя свѣдѣнія»; что же касается до нѣмецкаго языка, то Юдину была поставлена отмѣтка: «неучился»; въ ариѳметикѣ его познанія отмѣчены словами «очень хорошо»; въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ—отмѣтка «довольно хорошо»; въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи отмѣчено: «имѣетъ свѣдѣнія».

На основаніи этихъ отмѣтокъ, онъ былъ принятъ въ Царскосельскій Лицей.

Если мы обратимся теперь къ описанію шестилѣтняго пребыванія его въ Лицеѣ, то мы должны прежде всего привести отмѣтки профессоровъ и гувернеровъ о его успѣхахъ въ наукахъ и поведеніи.

Профессоръ русской и латинской словесности Николай Кошанскій съ 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 г. ставитъ Юдина въ своемъ списокѣ первымъ ученикомъ и даетъ о немъ такой отзывъ: «Павелъ Юдинъ, имѣетъ способности не столько быстрыя, сколько твердыя и надежныя, его прилѣжаніе есть больше слѣдствіе любви къ ученію и благородно-нѣжныхъ чувствъ, нежели соревнованіе предъ другими, почему и успѣхи его не столько блистательны, сколько тверды».

Тотъ же Кошанскій въ списокѣ отъ 15 марта по 15 октября 1812 г. даетъ почти дословно такой же отзывъ, но ставитъ Юдина восьмымъ воспитанникомъ изъ тридцати.

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ отъ 31 марта 1812 года пишетъ о Юдинѣ слѣдующее: «*Youdine. Doux, tranquille et d'un très bon caractère, cependant comme avant son entrée il ne s'étoit jamais adonné à la langue allemande il n'avance qu'à très petit pas; cependant il est de ses esprits qui n'oublent guère ce qu'ils ont une fois bien appris.*».

Профессоръ французской литературы де-Будри въ своемъ второмъ отзывѣ (первый не дошелъ до насъ), отъ 18 ноября 1812 г., дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на четыре категоріи и ставитъ Юдина въ третью и говоритъ о немъ слѣдующее: «*Youdine. Toujours très bon enfant; mais ses progrès sont lents, et cela tient à son caractère. Au reste il est très attentif et très appliqué.*».

Во второмъ отзывѣ профессора нѣмецкой литературы Гауеншильда Юдинъ находится первымъ во второй категоріи воспитанниковъ. О немъ въ этомъ отзывѣ говорится слѣдующее: «*Youdine, qui n'avançoit qu'à très petit pas lorsque j'ai*

¹⁾ «Рус. Стар» 1903 г., т. СХІV, май, стр. 469.

fait mon premier rapport, a deployé depuis plus de force et de zèle, et j'ai toute esperance, que bientôt, aidé de son excellente memoire, il sera parmi les premiers de la classe».

Мартынъ Пилецкій въ «Отчетъ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», поданномъ 19 ноября 1812 г., даетъ слѣдующій отзывъ о Юдинѣ:

«Юдинъ (Павель). 14-ти лѣтъ. Не пылкаго ума, не блистательныхъ дарованій; но постояннымъ трудолюбіемъ онъ дѣлаетъ хотя мѣдленныя, но весьма основательныя и надежныя успѣхи въ наукахъ. Онъ весьма благонаравенъ, мало прогуливается; разсѣяніе его состоитъ въ скромной, приятной, невинной бесѣдѣ: прочее время занимается ученіемъ съ очевидною пользою. Стараться должно, чтобы склонность его къ уединенію не перешла, наконецъ въ задумчивость, впрочемъ, отличныя свойства его суть: благородство и благовоспитанность во всѣхъ его поступкахъ, тихая дѣятельность и чувствительность, молчаливость съ застѣнчивостію и склонность ко вѣгдашнему упражненію, во время котораго не любитъ, чтобы ему мѣшали. Не чисто провозноситъ букву s».

Лицейскій Журналъ. Годъ восьмой. IV. 1910—1911. Стр. 38.

Въ отзывѣ отъ 9 июля 1813 года Профессоръ Россійской и Латинской словесности Кошанскій дѣлитъ воспитанниковъ на четыре рубрики и ставитъ Юдина послѣднимъ въ рубрикѣ отличныхъ.

Мы имѣемъ еще отзывъ Кошанскаго съ 1 августа по 15 декабря 1813 года, гдѣ онъ ставитъ Юдина изъ двадцати девяти воспитанниковъ девятымъ. Вотъ этотъ отзывъ: «Павель Юдинъ, имѣетъ способности не только (не столько) быстрыя, сколько твердыя и надежныя. Его прилѣжаніе есть больше слѣдствіе любви къ ученію и благородныхъ чувствъ, нежели соревнованіе передъ другими. Почему и успѣхи его не столько блистательны, сколько тверды».

Профессоръ историческихъ наукъ Иванъ Кайдановъ въ своемъ отзывѣ съ 1 ноября 1812 по 1 января 1814 г. изъ числа двадцати девяти воспитанниковъ ставитъ его восемнадцатымъ и замѣчаетъ: «Павель Юдинъ. Не столько дарованіемъ, сколько своему прилѣжанію одолженъ изряднымъ успѣхами, кои онъ примѣтно оказываетъ. Поведенія кроткаго».

Наконецъ, гувернеръ Чириковъ отъ 30 сентября 1813 года ставитъ его шестымъ изъ двадцати девяти воспитанниковъ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Павель Юдинъ. Благонаравенъ, весьма кротокъ (,) вежливъ (,) опрятенъ (,) скромненъ, весьма терпѣливъ, чувствителенъ, очень прилѣженъ (,) любитъ уединеніе и *насмѣшливость*».

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ отзывѣ о Юдинѣ. Отзывъ этотъ далъ намъ гувернеръ Илья Пилецкій по поводу столкновенія воспитанниковъ съ Инспекторомъ и находится въ Журналѣ о поведеніи воспитанниковъ Императорскаго

Лицея за ноябрь мѣсяць 1812 года. Вотъ что Пилецкій записалъ о Юдинѣ: «Не имѣю иннаго о немъ сказать, какъ то, что онъ велъ себя очень хорошо, опровергалъ всѣ клеветы товарищей, слетенные на Г. Инспектора, свойственно ему молчаливостію».

Въ бытность свою въ Лицеѣ Юдинъ, какъ видно, не принималъ участія въ поэтической дѣятельности своихъ товарищей: по крайней мѣрѣ свѣдѣній о литературныхъ трудахъ его не дошло до насъ. Изъ лицейской жлзни можно упомянуть только о посланіи Пушкина къ Павлу Михайловичу Юдину, начинающемся, какъ извѣстно, стихами:

«Ты хочешь, милый другъ, узнать
Мои мечты, желанья, цѣли...

Посланіе это, какъ видно пзъ его начала, было вызвано самимъ Юдинымъ. Вѣроятно, вслѣдствіе нерасположенія Юдина къ литературнымъ занятіямъ или поэзіи Пушкинъ не упоминаетъ въ этомъ посланіи «о своемъ призваніи — поэта», потому что это не соотвѣтствовало характеру Юдина, чуждаго литературныхъ интересовъ. Пушкинъ какъ здѣсь, такъ и въ послѣдующей своей жизни, приносившаяся въ своихъ стихотвореніяхъ и письмахъ къ мировоззрѣнію того лица, къ которому обращался. Такъ и въ этомъ посланіи онъ не вдается въ отвлеченности, а описываетъ жизнь въ деревнѣ, а также военную походную жизнь, какою она является въ дѣйствительности. Эти картины бивуачной жизни и сельской помѣщичьей идилліи должны были быть понятны Юдину болѣе, чѣмъ поэтическіе образы. «Посланіе къ Юдину, — какъ говоритъ В. Брюсовъ, — среди лицейскихъ стихотвореній Пушкина отличается трезвымъ реализмомъ, меньшей долей заимствованнаго, надуманнаго, условнаго» ¹⁾).

9 іюня 1817 года Юдинъ кончилъ курсъ наукъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ съ чиномъ Коллежскаго Секретаря и опредѣленъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ въ томъ же году, іюня 13-го, вмѣстѣ съ своими товарищами княземъ Горчаковымъ, Ломоносовымъ, Корсаковымъ, барономъ Гревенцемъ, Кюхельбекеромъ и Пушкинымъ.

За непмѣніемъ подъ руками болѣе подробныхъ матеріаловъ для жизнеописанія Юдина и литературныхъ воспоминаній о немъ его современниковъ намъ приходится довольствоваться формулярнымъ спискомъ о службѣ его. Этотъ формуляръ составленъ въ 1852 году, въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ Юдинъ былъ управляющимъ С.-Петербургскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

¹⁾ Интересующихся этимъ стихотвореніемъ отсылаемъ къ первому тому «Пушкина» подъ редакціею С. А. Венгерова (Спб., 1907 г., стр. 280, 282 и 284), къ комментаріямъ В. Брюсова и С. Венгерова.

Изъ дворянъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Павелъ Михайловичъ Юдинъ, пятидесяти четырехъ лѣтъ, родился 1798 г., православнаго исповѣданія, кавалеръ орденовъ: Св. Станислава 1 степени, Св. Владиміра 3-й степени, Св. Анны 2-й степени съ короной; имѣеть знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ.

По Высочайшему повелѣнію выпущенъ изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея съ чиномъ Коллежскаго Секретаря, опредѣленъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ—1817 г., іюня 13-го.

Употребленъ для разбора въ здѣшнемъ архивѣ старыхъ дѣлъ—1817 г., іюля 16-го.

Пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 3 ст.—1820 г., января 1-го.

Пожалованъ въ Титулярные Совѣтники—1820 г., апрѣля 27-го.

Пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4 степени—1821 г., августа 27-го.

1826 г., января 6-го, произведенъ въ Коллежскіе Ассесоры, со старшинствомъ съ 1824 г., апрѣля 27-го.

Причисленъ къ Министерской Канцеляріи—1824 г., іюня 10-го.

Пожаловано въ награжденіе по 1000 руб. ассигн.—1825 г., апрѣля 7-го., и 1826 г., апрѣля 26.

Пожалованъ въ Надворные Совѣтники—1827 г., декабря 5-го.

Пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й степени—1829 г., 8 октября.

Пожалованъ ему годовой окладъ получаемаго имъ жалованья, состоявшій изъ 1800 р.—1830 г., декабря 31-го.

Пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники—1831 г., апрѣля 18-го.

Пожалованъ знаками ордена Св. Анны 2-ой степени, Императорской короной украшенными—1833 г., апрѣля 1-го.

Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV-лѣтнее достоинство—1833 г., августа 22-го.

Въ 1834 г. по Высочайшему повелѣнію былъ отправленъ курьеромъ изъ С.-Петербурга въ Любекъ, а оттуда чрезъ Мюнхенъ въ Вѣну и обратно въ С.-Петербургъ.

Пожаловано ему единовременно 2500 руб. ассиг.—1835 г., апрѣля 6-го.

Назначенъ членомъ общаго присутствія департамента внѣшнихъ сношеній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—1836 г., марта 18-го.

Пожаловано ему единовременно 1250 руб. асс.—1836 г., марта 21-го.

1837 г., февраля 19, пожалованъ въ Статскіе Совѣтники, со старшинствомъ съ 1836 г., марта 18-го.

Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX-лѣтнее достоинство—1838 г., августа 22-го.

Назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при томъ же департаментѣ—1839 г., января 1.

Пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владимира 3-й степ. — 1839 г., 25 марта.

Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV-лѣтнее достоинство — 1843 г., августа 22-го.

Командированъ былъ, на время, въ Московскій Главный Архивъ для занятій дѣлами службы—1844 г., февраля 7-го.

Находился въ сей командировкѣ по 10-ое марта того же года.

Всемилоствѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники— 1845 г., апрѣля 14-го.

Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX-лѣтнее достоинство, при грамотѣ за № 259—1848 г., августа 22-го.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству за № 221 назначенъ Управляющимъ С.-Петербургскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностран-ныхъ Дѣлъ—1849 г., ноября 8-го.

Въ вознагражденіе долговременной усердной службы и особенныхъ трудовъ Всемилоствѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Станислава 1-й степени — 1851 г., апрѣля 7-го.

Въ походахъ, въ штрафахъ, въ отпускахъ, въ отставкѣ—не былъ.

Холостъ.

Жалованья получалъ 1143 руб. 68 коп., столовыхъ 1429 р. 60 коп., итого 2573 руб. 28 коп.

Благопріобрѣтеннаго имѣнія нѣтъ, а есть родовое: въ Финляндіи, въ Сенъ-Михельской губ., въ мѣстечкѣ Лошскокахъ тесопильная мельница съ деревянными строеніями.

Здѣсь будетъ умѣстно привести отзывъ графа М. А. Корфа о Юдинѣ. Вотъ что говоритъ Корфъ: «Павель Михайловичъ Юдинъ. Человѣкъ оригинальный, съ острымъ языкомъ и колкій насмѣшникъ. Карьера его совершенно одинакова съ карьерой Гревеница. вмѣстѣ они вступили въ Канцелярію Министерства иностранныхъ дѣлъ, вмѣстѣ получали всѣ чины и ордена и вмѣстѣ и теперь (въ 1839 г.) тамъ служатъ въ совершенно равныхъ степеняхъ. Графъ Нессельроде иронически называетъ ихъ: *Les piliers du ministère*, хотя, кажется, на нихъ ничего не лежитъ»¹⁾.

Мы уже приводили въ біографическомъ очеркѣ о Гревеницѣ отзывы о Юдинѣ, какъ изъ переписки Энгельгардта съ Матюшкинымъ и Вольховскимъ, такъ и изъ переписки первокурсниковъ между собою. Въ этихъ отрывкахъ упоминается о Юдинѣ вмѣстѣ съ Гревеницемъ; поэтому мы здѣсь не будемъ приводить ихъ еще разъ, а добавимъ отзывами, относящимися до одного Юдина.

¹⁾ Изъ дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 г. (гл. II). «Рус. Стар.» 1904 г., т. СХVIII, июнь, стр. 555.

Такъ, напримѣръ, Яковлевъ въ ноябрѣ 1829 г. послалъ Вольховскому, въ видѣ шутки, краткія формулярныя свѣдѣнія о всѣхъ своихъ товарщахъ. Среди своихъ товарищей, служившихъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, онъ упоминаетъ о Юдинѣ, а именно: говоря о Горчаковѣ, Яковлевъ замѣчаетъ, что Горчаковъ «пишетъ сюда весьма рѣдко и то токмо къ одному Юдину, котораго, чтобы видѣть, надобно искать въ Бюргеръ-клубѣ, гдѣ, за стаканомъ пива, съ цыгаркою во рту онъ въ дыму табачномъ декламируетъ стихи Шиллера. Юдинъ—Надворный Совѣтникъ, Анны 2-ой и Владим. 4 степ. кавалеръ». Юдинъ переписывался не только съ своимъ товарищемъ княземъ Горчаковымъ, но и съ своимъ товарищемъ Ломоносовымъ, который въ то время былъ первымъ секретаремъ посольства въ Соединенныхъ Штатахъ. Этому мы находимъ подтвержденіе въ письмѣ Яковлева къ Вольховскому отъ 24 ноября 1836 г., гдѣ онъ пишетъ: «Съ Ломоносовымъ переписку ведетъ Юдинъ». Наконецъ, тотъ же Яковлевъ писалъ къ Вольховскому 11 іюня 1834 года: «Юдинъ — проговоривали (?—поговаривали) что женится, но неправда. Онъ сдѣлался доступнѣе.—Не пугается насъ. — Бываетъ у Корфа, при свиданіи подшучиваетъ по прежнему, такъ что думаешь, что онъ все въ лицейскомъ сертукѣ».

Съ другой стороны, Энгельгардтъ, какъ кажется, не совсѣмъ былъ доволенъ Юдинымъ и, какъ мы уже приводили въ біографіи Гревеница, онъ довольно проницательно относился къ Юдину. Съ своей стороны Юдинъ какъ-то чуждался своего бывшаго директора и при встрѣчахъ съ нимъ избѣгалъ его, о чемъ упоминаетъ самъ Энгельгардтъ въ письмѣ къ Матюшкину отъ 7 апрѣля 1831 года, говоря: «Юдинъ всегда избѣгаетъ или не видитъ меня».

Павель Михайловичъ Юдинъ скончался 28 января 1852 года, 54 лѣтъ отъ роду.

Біографическій очеркъ Юдина я украсилъ снимкомъ съ юношескаго наброска лицеиста Пушкина. Набросокъ этотъ воспроизведенъ въ «Описаніи Пушкинскаго Музея Императорскаго Александровскаго Лицея» (составили воспитанники 1-го класса LV курса С. М. Аснашъ и А. Н. Яхонтовъ, подъ редакцію И. А. Шляпкина). Здѣсь мы находимъ «Рисунокъ А. С. Пушкина», воспроизведенный на отдѣльномъ листѣ къ стр. 40—41. Объ этомъ рисункѣ на стр. 6—7 составители каталога Пушкинскаго Музея даютъ слѣдующее описаніе:

«13—1781а. Рисунокъ А. С. Пушкина, 26 іюня 1813 года.—Молодой парень съ боченкомъ, на которомъ выставленъ № 6. Рис. углемъ. Подпись: Александръ Пушкинъ. Оригиналъ на бѣлой бумагѣ, высота 40 см., ширина 25 см. Водяные знаки: рамка и буквы А. О. Одинъ изъ тридцати рисунковъ воспитанниковъ I курса Императорскаго Лицея. Приложенная фототипія воспроизводитъ подлинникъ въ уменьшенномъ видѣ. Пожертвовано лицепестомъ LIII курса И. П. Купчиновымъ».

Въ изданіи г. Венгерова: «Пушкильнѣ» (томъ I, стр. 640) сказано, что здѣсь изображенъ «продавецъ квасу» съ боченкомъ. Намъ думается, что здѣсь изображенъ мальчикъ или, лучше сказать, молодой человекъ въ русскомъ національномъ костюмѣ, который носятъ не только «молодые парни», но и дѣти образованной среды. Наконецъ, это можетъ быть попросту маскарадный или театральнѣй костюмъ, въ которомъ дѣти играли на сценѣ въ какомъ-либо изъ спектаклей, устраиваемыхъ въ Лицеѣ. Кто изображенъ на этомъ рисункѣ Пушкина? На этомъ рисункѣ невольно привлекаетъ вниманіе нумеръ 6, изображенный на боченкѣ, и эту цифру отгнѣняютъ и составители каталога Пушкинскаго музея. Что означаетъ эта цифра? Объясненіемъ этой цифры разяснится, кто изображенъ на этомъ рисункѣ. Оставляемъ совершенно открытымъ вопросъ о случайности этой цифры (напримѣръ, она могла изобразить количество рисунковъ Пушкина и проч.). Мы остановимся только на томъ соображеніи, что эта цифра имѣла какое-нибудь значеніе, какой-нибудь смыслъ. И именно такой смыслъ она приобретаетъ, если мы обратимъ вниманіе на нумера келій, занимавшихся юными лицедетами въ Царско-сельскомъ Лицеѣ.

Въ 1872 году на лицейскомъ обѣдѣ «зашла рѣчь о нумерахъ комнатъ, которыя въ Лицеѣ принадлежали товарищамъ Пушкина». Хотя на этомъ обѣдѣ въ числѣ гостей были и первокурсники — Корфъ, Матюшкинъ и Комовскій — но никто не помнилъ уже этихъ комнатъ и ихъ нумеровъ. На другой день Комовскій написалъ объ этомъ Малиновскому, не припомнить ли онъ, подъ какими нумерами комнаты въ Лицеѣ занимали первокурсники. И, дѣйствительно, 19 октября 1872 г. Иванъ Васильевичъ Малиновскій изъ деревни своей Каменки (Харьковской губерніи) прислалъ требуемыя свѣдѣнія¹). По его словамъ, оказывается, что окнами ко дворцу, между прочими, выходила комната № 6, которую занималъ Юдинъ. Такимъ образомъ, не будетъ натяжкой, если мы скажемъ, что на указываемомъ выше рисункѣ Пушкина изображенъ Юдинъ, а № 6 на рисункѣ означаетъ № комнаты, которую занималъ Юдинъ. На основаніи этого, я украсилъ этимъ рисункомъ біографическій очеркъ Юдина.

Да простятъ мнѣ Пушкиніанцы мой великій грѣхъ, что позволилъ себѣ высказать гипотезу, которая до сихъ поръ не обратила на себя вниманія ученыхъ знатоковъ.

Конечно, я не могу доказать, что этотъ рисунокъ Пушкина изображаетъ именно Юдина, но въ то же время никто не можетъ доказать мнѣ и противнаго: что на этомъ рисункѣ изображенъ не Юдинъ.

¹) См. Я. К. Гротъ: «Пушкинъ его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 285 и 286.

15.

Баронъ АНТОНЪ АНТОНОВИЧЪ
ДЕЛЬВИГЪ.

Баронъ
Антонъ Антоновичъ
ДЕЛЬВИГЪ.

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельви́гъ.

(Род. 6 августа 1798 г., † 14 января 1831 г.)¹⁾.

«Жизнь Дельвига была прекрасная поэма; мы, друзья его, читали и восхищались ей; потомству онъ оставилъ свои пѣсни, свѣтлыя созданія своей благородной души: онъ не умретъ дотолѣ, пока не умретъ поэзія для сердца чело-вѣческаго».

Ник. Мих. Коншинъ.

Родъ бароновъ Дельвиговъ былъ извѣстенъ въ Германіи еще въ XIII вѣкѣ; мы не станемъ тутъ касаться исторіи этого рода и отсылаемъ читателей къ статьѣ В. Гаевского, гдѣ приведены разныя генеалогическія свѣдѣнія²⁾. Одна отрасль рода Дельвиговъ переселилась въ XV столѣтіи въ Остзейскій край и одинъ изъ предковъ его въ 1723 г. получилъ баронскій титулъ отъ Шведскаго короля.

Вѣроятно, къ одному изъ предковъ Дельвига относятся слѣдующія строки изъ статьи профессора В. Вильбасова «Послѣдніе Голштинцы»: «Бригадиръ баронъ фонъ-Дельви́гъ предъ симъ состоялъ въ военной службѣ бригадиромъ и поручень былъ ему полкъ—всеподданнѣйше просить о опредѣленіи къ нѣкоторой здѣсь въ С.-Петербургѣ или въ Лифъ-Эстляндіи стоящей дивизіи и о ВЫСОЧАЙШЕЙ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА милости, пбо онъ, во время бывшей въ Петергофѣ въ высокомъ правленіи перемѣны будучи съ полкомъ, всего своего имѣнія лишился... (отъ 1763 года) ...голштинское знамя Дельвигова драгунскаго полка 1762 года было украдено изъ Ораніенбаума, о чемъ былъ розыскъ»³⁾. Будучи, какъ видно изъ этой статьи, приверженцами Петра III, фамилія Дельви-

¹⁾ Очеркъ этотъ всецѣло основанъ на прекрасной статьѣ В. Гаевского «Дельви́гъ», напечатанной: 1) въ «Современникѣ» 1853 г., № 2, февраль, отдѣлъ III, критика, статья первая (гл. I и II), стр. 45—88; 2) въ «Современникѣ» 1853 г., № 5, май, статья вторая (глава III), стр. 1—66; 3) въ «Современникѣ» 1854 г., статья третья (гл. IV), № 1, январь, стр. 1—52; и 4) въ «Современникѣ» 1854 г., № 9, сентябрь, статья четвертая (гл. V), стр. 1—64.

²⁾ В. Гаевскій: статья «Дельви́гъ».—«Современникѣ» 1853 г., № 5, май, стр. 46—47.

³⁾ «Русская Старина» 1896 года, т. LXXXVIII, ноябрь, стр. 464—466.

говъ воспользовалась нѣкоторыми льготами въ царствованіе его сына Павла I. Такъ, въ книгѣ «Сенатскій Архивъ. 1. Именные Указы ИМПЕРАТОРА Павла I» (Спб., 1888 г.) мы находимъ слѣдующіе указы о пожалованіи земель представителямъ фамиліи Дельвиговъ: «Дельвигъ, вдова генераль-лейтенанта, жалуется мыза (стр. 77 и 260). Дельвигъ Карлъ, майоръ, жалуется мыза (Верро)» (стр. 125 и 387).

Отецъ Дельвига, уроженецъ Лифляндіи, былъ плацъ-майоромъ въ Москвѣ, затѣмъ бригаднымъ генераломъ въ Ригѣ и Кременчугѣ и, наконецъ, начальникомъ округа внутренней стражи въ Витебскѣ; скончался въ 1828 году. Мать нашего Дельвига была рожденная Красильникова.

Антонъ Антоновичъ Дельвигъ родился въ Москвѣ 6 августа 1798 г. ¹⁾. Будучи по природѣ очень слабымъ и болѣзненнымъ, онъ развивался очень медленно. По словамъ Пушкина, «память у него была тупа, понятія лѣнивы... Въ немъ замѣтна была только живость воображенія... Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разказать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью». «Въ дѣтяхъ, — продолжаетъ Пушкинъ, — одаренныхъ игривостію ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямотѣ» ²⁾.

Первоначальное образованіе Дельвигъ получилъ въ Москвѣ, въ частномъ пансіонѣ. Въ концѣ марта 1810 года занимался съ Дельвигомъ, для подготовки его въ Лицей, Александръ Дмитріевичъ Боровковъ ³⁾. Отецъ Дельвига въ то время былъ Московскимъ плацъ-майоромъ и жилъ въ Кремлѣ, въ комендантскомъ домѣ ⁴⁾. Въ 1811 году, при открытіи Императорскаго Царскосельскаго Лицея, Дельвигъ прибылъ въ Петербургъ для поступленія въ Лицей. 12 августа 1811 г. держалъ экзамень, вмѣстѣ съ Пушкинымъ; на этомъ экзаменѣ между ними завязалось знакомство, перешедшее потомъ въ дружбу.

Отмѣтки, полученныя Дельвигомъ на экзаменѣ, были слѣдующія: въ грамматическомъ познаніи языковъ: російскаго—«хорошо», французскаго—«преслабо», нѣмецкаго—«не знаетъ», въ ариметикѣ — «до тройнаго правила знаетъ», въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ—«хорошо», въ начальныхъ основаніяхъ географіи и начальныхъ основаніяхъ исторіи также — «хорошо» ⁵⁾.

¹⁾ Этотъ годъ указывается Павлицевымъ и Гаевскимъ со словъ двоюроднаго брата поэта, полковника барона А. И. Дельвига. Гротъ не вѣрно указываетъ 1797 г. См. «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 192.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова. 1903 г., т. V, стр. 555 и 556; изд. А. С. Суворина.

³⁾ Родился 10 іюня 1788 г., † 21 ноября 1856 года, въ С.-Петербургѣ, похороненъ въ селѣ Добромъ, Новгородской губерніи; Боровковъ впоследствии былъ правителемъ дѣлъ слѣдственной комиссіи о бунтѣ 14 декабря 1825 года.

⁴⁾ «Русская Старина» 1898 г., т. ХСѢІ, октябрь, ст. «А. Д. Боровковъ и его авто-біографическія записки», гл. 3, стр. 42 и 48.

⁵⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. Въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—57 г.; прибавл. къ стр. 11.

Такимъ образомъ, Дельвигъ былъ принятъ въ число воспитанниковъ Царско-сельскаго Лицея.

За время его пребыванія въ Лицеѣ сохранились отмѣтки профессоровъ и гувернеровъ. Профессоръ россійской и латинской словесности Николай Кошанскій оставилъ намъ списокъ воспитанниковъ Императорскаго Лицея изъ россійскаго и латинскаго классовъ, съ показаніемъ ихъ способностей, успѣховъ и прилежанія за время съ 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 г. Изъ 30 воспитанниковъ, отмѣченныхъ въ спискѣ, Кошанскій помѣщаетъ Дельвига семнадцатымъ и говоритъ о немъ: «Баронъ Антонъ Дельвигъ, имѣетъ слабую память, прилѣженъ посредственно и въ знаніи обохъ языковъ слабъ предъ другими».

За время съ 15 марта по 15 октября 1812 г. Кошанскій такъ аттестуетъ Дельвига, причемъ въ спискѣ изъ 30 воспитанниковъ помѣщаетъ его двадцать третьимъ: «Баронъ Антонъ Дельвигъ, имѣетъ посредственныя способности и охоту къ россійской словесности, прилѣжаніе его замѣняетъ многое и успѣхи особенно въ русскомъ хороши».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ отъ 31 марта 1812 г. помѣщаетъ воспитанниковъ въ алфавитномъ порядкѣ и даетъ такой отзывъ: «Delwig (B.). N'a que très peu de moyens; mais c'est un très bon sujet, qui se donne même assez de peine, quoiqu'il n'avance que très lentement».

Профессоръ французской литературы де-Будри отъ 18 ноября 1812 г. дѣлитъ воспитанниковъ на четыре отдѣла и ставитъ Дельвига послѣднимъ ученикомъ четвертаго отдѣла. Вотъ что онъ говоритъ о немъ: «Delwig (Baron de). Quoique le dernier pour le françois, il mérite des éloges pour la peine qu'il se donne. C'est encore ici le cas de répéter: oh! un gouverneur, un gouverneur! de la pratique, de la pratique!»

Во второмъ своемъ рапортѣ, отъ 19 ноября 1812 г., Гауеншильдъ дѣлитъ воспитанниковъ на три группы и тоже ставитъ Дельвига послѣднимъ воспитанникомъ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Delvig, avance tout aussi lentement qu'auparavant, et avec toute la peine qu'il se donne quelquefois il a le malheur d'être le dernier dans ma classe».

Мартынъ Пилецкій въ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», представленномъ Директору Лицея 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Дельвигѣ: «Баронъ Дельвигъ (Антонъ) 14-ти лѣтъ. Способности его посредственны, какъ и прилѣжаніе, а успѣхи весьма мѣдленны. Мѣшкатность вообще его свойство и весьма примѣтна во всемъ, только не тогда, когда онъ шалитъ или рѣзвится: тутъ онъ насмѣшливъ, балагуръ, иногда и нескромнъ; въ немъ примѣчается склонность къ праздности и разсѣянности. Чтеніе разныхъ русскихъ книгъ безъ надлежащаго выбора, а можетъ быть и избалованное воспитаніе поиспортили его, почему и нравственность его требуетъ бдитель-

наго надзора, впрочемъ примѣтное въ немъ добродушіе, усердіе его и вниманіе къ увѣщаніямъ, при начинающемся соревнованіи въ російской исторіи и словесности, облагородствуютъ его склонности и направятъ его къ важнѣйшей и полезнѣйшей цѣли¹⁾.

Отъ 9 іюля 1813 г. мы имѣемъ списокъ воспитанниковъ изъ класса російской и латинской словесности профессора Кошанскаго, гдѣ онъ дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на четыре группы; въ послѣдней группѣ (посредственныхъ) онъ помѣщаетъ Дельвига первымъ, а послѣднимъ (седьмымъ) Константина Данзаса.

Въ другомъ спискѣ, за время съ 1 августа по 15 декабря 1813 г., изъ 29 воспитанниковъ Кошанскій ставитъ Дельвига двадцать четвертымъ и повторяетъ дословно свой отзывъ о немъ отъ 15 марта по 15 октября 1812 г.

Губернеръ Чирикѣвъ отъ 30 сентября 1813 г. въ спискѣ своемъ «Свойства и поведеніе воспитанниковъ Императорскаго Лицея» изъ числа 29 ставитъ Дельвига двадцать седьмымъ и даетъ слѣдующую характеристику: «Баронъ Антонъ Дельвигъ. *Насмылилизъ, упрямлз*, впрочемъ добръ и весьма усерденъ, прилѣжанія посредственнаго. Хладнокровіе есть особенное его свойство».

Наконецъ, въ «Вѣдомости о дарованіяхъ, прилѣжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея по части географіи, всеобщей и російской исторіи отъ 1 ноября 1812 по 1 генваря 1814 г.» профессоръ Иванъ Кайдановъ изъ 29 учениковъ ставитъ Дельвига двадцать третьимъ и говоритъ о немъ: «Баронъ Антонъ Дельвигъ. Дарованій и успѣховъ хорошихъ. Поведенія довольно хорошаго».

За ноябрь 1812 г. мы имѣемъ выписку изъ журнала о поведеніи воспитанниковъ за этотъ мѣсяць. Она составлена лицейскимъ губернаторомъ Ильею Пилецкимъ и повѣствуетъ о столкновеніи воспитанниковъ съ инспекторомъ между 6 и 13 ноября этого года. Въ этомъ журналѣ упоминается о томъ, что Пилецкій отнялъ у Дельвига въ классѣ Гауеншильда бранное сочиненіе на инспектора²⁾.

Отзывъ профессора Куницына не дошелъ до насъ, но онъ былъ извѣстенъ В. Гаевскому, который и приводитъ этотъ отзывъ въ своей статьѣ о Дельвигѣ. Куницынъ, профессоръ нравственныхъ наукъ, преподававшій въ Лицеѣ логику и нравственную философію, оставилъ намъ вѣдомость объ успѣхахъ воспитанниковъ Лицея по части логики и нравственной философіи съ показаніемъ ихъ способностей, прилежанія и поведенія, съ 19 ноября 1812 г. по 1 февраля 1814 г. Въ этой вѣдомости Куницынъ пишетъ о Дельвигѣ: «Непонятенъ и лѣнивъ, отвѣчаетъ на вопросы безъ размышленія и безъ всякой связи. Замѣтно даже, что

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой. IV. 1910—1911. Стр. 28. Изъ архива князя Н. В. Репнина.

²⁾ Къ біографіи А. С. Пушкина. (Малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя). И. А. Шляпкина. Спб., 1899 г., стр. 19.

вовсе не имѣть охоты къ ученію. Поведеніе его также достойно оужденія; ибо онъ грубъ въ обращеніи, дерзокъ на словахъ, непослушенъ и упрямъ до такой степени, что презираетъ всѣ наставленія, и даже смѣется, когда дѣлаешь ему выговоры». Въ этой вѣдомости Дельвигъ поставленъ двадцать восьмымъ, т. е. предпоследнимъ ¹⁾.

Лѣтность Дельвига была феноменальна. «На четырнадцатомъ году, — по словамъ Пушкина, — онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему рассказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807 г., выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любителей, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Θ. Малиновскаго ²⁾, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига рассказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи, столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его рассказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ».

Любовь къ поэзій, — продолжаетъ Пушкинъ, — пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинимъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гёте прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей ³⁾, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментариемъ. Горациа изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не виѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственные склонности сходились съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацию. Оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ» ⁴⁾.

Дельвигъ прикнудъ къ тому кружку лицейской молодежи, который занялся изданіемъ литературныхъ журналовъ, гдѣ помѣщались ихъ юношескіе труды въ поэзій и прозѣ. Мы не станемъ здѣсь опять рассказывать о возникновеніи лицейскихъ журналовъ, такъ какъ объ этомъ было упомянуто во многихъ біографіяхъ;

¹⁾ Дельвигъ—статья Гаевского. «Современникъ» 1853 г., № II, февраль, стр. 67.

²⁾ Здѣсь Пушкинъ ошибается: директоромъ Лицея былъ не А. Θ., а Василій Федоровичъ Малиновскій.

³⁾ Это былъ также и товарищъ Пушкина—Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ.

⁴⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова. 1903 г., т. V, стр. 556—557.

мы упомянемъ здѣсь только о тѣхъ журналахъ, въ которыхъ принималъ ближайшее участіе Дельвигъ.

Въ 1812 году, между прочимъ, появился журналъ «Неопытное перо», издававшійся Пушкинымъ, Дельвигомъ и Корсаковымъ; въ немъ было помѣщено первое стихотвореніе Пушкина: «Роза». Журналъ этотъ вышелъ въ нѣсколькихъ нумерахъ, но не сохранился до нашего времени. Въ 1813 году явился журналъ подъ заглавіемъ «Юные пловцы», издававшійся Пушкинымъ, Дельвигомъ, Илличевскимъ, Кюхельбекеромъ и Яковлевымъ. Въ этомъ журналѣ, между прочимъ, были помѣщены басни, написанныя Яковлевымъ и Дельвигомъ. Когда лицеистамъ было запрещено издавать журналы, то стали появляться сборники произведеній разныхъ лицеистовъ, тщательно переписанные, которые выдавались за отдѣльные сборники ихъ произведеній. Такъ, между прочимъ, въ это время появился сборникъ Алексѣя Илличевского, озаглавленный «Лицейская антологія». Въ этомъ сборникѣ были помѣщены два стихотворенія Дельвига: «Вакхъ» и «Надпись къ моему портрету»¹⁾. Стихотвореніе «Вакхъ» написано въ 1815 г. (?) и представляетъ собою четверостишіе:

Прощай, Киприда, Богъ съ тобою!
 Съ фіаломъ счастливъ я:
 Двоихъ дружишь ты межъ собою,
 А Вакхомъ—всѣ друзья!²⁾

Несмотря на запрещеніе, въ 1813 же году появился новый лицейскій журналъ, подъ заглавіемъ «Лицейскій мудрецъ». Издателями этого журнала были Данзасъ, Корсаковъ, Мартыновъ и Ржевскій. Илличевскому въ этомъ журналѣ принадлежать каррикатуры, Корсакову—стихотворенія и статьи отъ редакціи. На обложкѣ этого журнала было воспроизведено: «Печатать позволяется. Цензоръ Баронъ Дельвигъ. Въ типографіи К. Данзаса». Это означало, что черезъ руки Дельвига проходилъ весь литературный матеріалъ этого журнала, и онъ одобрялъ его, а Данзасъ печаталъ, т. е. переписывалъ своимъ красивымъ, четкимъ почеркомъ листы этого журнала.

Въ 1814 году появились въ печати первыя стихотворенія Дельвига, Пушкина, Илличевского и Яковлева. Дельвигъ явился въ печати, по словамъ Гаевского, раньше всѣхъ своихъ товарищей, потому что его стихотвореніе, съ подписью «Русской», появилось въ іюньской книжкѣ «Вѣстника Европы» (1814 годъ, ч. LXXV, № 12, стр. 272), а стихотвореніе Пушкина было напечатано въ слѣдующей, іюльской книжкѣ (тамъ же, ч. LXXVI, № 13, стр. 9). Дельвигъ дебютировалъ патріотическою одою подъ заглавіемъ «На взятіе Парижа».

¹⁾ К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей. Спб., 1911 г., стр. 154.

²⁾ Полное собр. стихотвореній барона А. Дельвига. Изд. 3 (А. С. Суворина), стр. 62.

НА ВЗЯТІЕ ПАРИЖА.

Въ громкую цитру кинь персты, богиня!
Грянь, да услышать тебя всѣ народы,
Скажутъ: не то ли перуны Зевеса,
Коиими въ гнѣвъ сражаетъ пороки?
Пиндара Муза тобой побѣжденна;
Ты же не игры поешь Олимпійски,
И не Царя съ быстротою летяща
Къ цѣли на добромъ конѣ Сиракузскомъ,
Но АЛЕКСАНДРА, ЦАРЯ миролюбна,
Кѣмъ семиглавая гидра сраженна!

* * *

О вдохновенный Пѣвецъ,
Пиндаръ Россійскій, Державинъ!
Дай мнѣ парящій восторгъ!
Дай, и во вѣки прославлюсь,
И моя громкая лира
Знаема будетъ вездѣ!

* * *

Какъ въ баснословные вѣки
Противъ Зевеса гиганты,
Горы кремнисты на горы
Ставя, стремились войною.—
Но Зевсъ вдругъ кинулъ перуны,
Горы въ песокъ превратились,
Рухнули съ трескомъ на землю,
И—подавили гигантовъ.

* * *

Галлы подобно на Россювъ летѣли:
Ихъ были горы—народы подвластны!
Къ сердцу Россіи—къ Москвѣ доносили
Огнь, пожирающій грады и веси...
ЦАРЬ миролюбный подобенъ Зевесу
Долготерпящу, людей зря пороки.—
Онъ ужъ готовилъ погибель Сизифу,
И возжигались блестящи перуны;
Врагъ ужъ въ Москвѣ—и взгремѣли перуны,
Горы его подъ собою сокрыли.

* * *

Гдѣ же надменный Сизифъ?
Иль покоряетъ Россіянъ?
Въ тяжкихъ ли Россы цѣпляхъ
Слезную жизнь провождаютъ?
Нѣтъ—громъ оружія Россювъ
Внемлетъ пространнй Парижъ...

* * *

И побѣдитель Парижа,
Нѣжный Отецъ Россіянамъ,
Пепель Москвы забывая,
Съ кротостью галламъ прощаетъ—
И—какъ дѣтей, ихъ пріемлетъ.
Слава Герою, Который
Всѣ побѣждаетъ народы
Нѣжной любовью—не силой!

* * *

Вѣдай, богиня! Поэтъ безпристрастный
Долженъ пороки показывать міра.
Страху не зная, Царю онъ вѣщаетъ
Правду—не низкія лести вельможи!
Я не пою Олимпійскихъ Героевъ;
Славить не злато меня побуждаетъ:
Нѣтъ—только подвиги зря АЛЕКСАНДРА,
Цитру златую Ему посвящаю!
Вѣкъ на ней буду славить Героя,
И вознесу Его имя до неба!

* * *

Кроткій Россійскій Зевесъ!
Мрачнаго сердцемъ Сизифа
Ты низложилъ,—и теперь,
Лавромъ побѣдъ увѣнчанный,
Съ поля кроваваго битвы
Къ вѣрнымъ сынамъ возвратися!

* * *

Шлемъ Свой пернатый съ забраломъ,
Острый булатъ и тяжелы
Латы сними—и явися
Въ свѣтлой коронѣ, въ порфирѣ
Ты посреди сыновъ вѣрныхъ!
Въ мирѣ опять, въ благоденствѣ
Царствуй надъ нами—и слава
Будетъ во вѣки съ ТОБОЮ.

Русской.

(Изъ С.-Петербурга).

«Вѣстникъ Европы» 1814 года, № 12, июнь, стр. 272—274.

О первоначальныхъ стихотвореніяхъ Дельвига В. Гаевскій даетъ очень неблагоприятный и строгій отзывъ. Вотъ что онъ говоритъ:

«Дельвигъ, при вялой натурѣ, началъ поздно и неохотно учиться, а потому умственное развитіе его шло медленно. До поступленія въ Лицей онъ воспитывался дома подъ руководствомъ гувернеровъ; но первому скоро отказали, потому

что мальчикъ не хотѣлъ у него учиться, а принуждать опасались, по слабости его здоровья; со вторымъ же онъ занимался охотнѣе, и болѣе всего мѣологіею. Книгу о ней онъ не выпускалъ изъ рукъ, и отправляясь въ Лицей, отдалъ на сохраненіе матери. Дѣйствительно вліяніе греческой мѣологіи обозначилось съ самыхъ первыхъ произведеній Дельвига, и не прекращалось въ теченіе всей его кратковременной дѣятельности: мѣологическія личности являются не только почти въ каждомъ изъ его ученическихъ стихотвореній, но даже въ письмахъ къ роднымъ и въ шуточныхъ стихотвореніяхъ. Ученическіе опыты Дельвига свидѣлствуютъ о насильственномъ процессѣ его мышленія и воображенія. Предметы, которые избиралъ онъ, не представлялись ему сами, вызывая въ немъ потребность высказаться; онъ выискивалъ ихъ, стараясь настроить себя на поэтическій, и, конечно, всегда фальшивый тонъ. Въ сообщенныхъ намъ бумагахъ находимъ описанія разрушенія міра, грозы на Альпахъ, которые Дельвигъ могъ видѣть только на географическихъ картахъ, и нѣсколько отрывковъ въ томъ же ужасномъ родѣ. Изъ нихъ нѣкоторое отношеніе къ окружавшей поэта дѣйствительности по выбору предмета, имѣетъ только описаніе зимы, но и тутъ не обошлось безъ музы, борея, зефировъ и перуновъ. Кипу ученическихъ стихотвореній Дельвига 1812 и 1813 г.г. довершаютъ нескладная и длинная пѣснь барда о *Всеславѣ* и баллада *Полякъ*, написанная подъ вліяніемъ пользовавшихся тогда величайшимъ успѣхомъ сладенкихъ балладъ Жуковского. Пустота и нелѣпость выбора первыхъ произведеній Дельвига объясняется бѣдностью умственныхъ его представлений, отчасти вслѣдствіе недостатка въ основательномъ чтеніи, на которое, какъ и на всякое другое серьезное занятіе, онъ былъ лѣнивъ. Считая лѣность своимъ призваніемъ, онъ выставялъ ее и рисовался ею въ своихъ стихотвореніяхъ, которыя въ этомъ отношеніи вполне субъективны. Лѣность и безпечность считались тогда необходимою принадлежностью поэта, и Дельвигъ заплаталъ обильную дань этой литературной модѣ, которой вполне соотвѣтствовала его апатическая натура. По примѣру Батюшкова, написавшаго *Мохвальное слово сну*, лицейскіе поэты наперерывъ воспѣвали лѣность: Пушкинъ написал посланіе «Оправданная лѣнь», которое не сохранилось, а Дельвигъ еще въ первые годы лицейской жизни, въ стихотвореніи «Бѣдный Д.», воспѣлъ свою «святую лѣность», которая съ тѣхъ поръ вмѣстѣ съ страстью писать, отвлекавшею его и отъ уроковъ, и отъ веселья, не рѣдко давала поводъ къ шуткамъ и эпиграммамъ со стороны товарищей»¹⁾.

Болѣе благосклонный отзывъ даетъ директоръ Лицея Е. А. Энгельгардтъ въ своей рукописи «Etwas über die Zöglinge der höheren Abtheilung des Lyceums», написанной 22 марта 1816 г.; вотъ что мы читаемъ о Дельвигѣ: «Въ

¹⁾ «Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, стр. 146—147. В. Гаевскій: «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія».

немъ вспыхиваетъ иногда, хоть слабый, огонь поэзіи. Благодаря Жуковскому, онъ занимается съ нѣкотораго времени съ большимъ усердіемъ нѣмецкимъ языкомъ ¹⁾. Въ играхъ и шуткахъ его выказывается нѣкоторая иронія. Онъ всѣми способами достаетъ себѣ книги, и читаетъ все безъ разбора, преимущественно во время лекцій. Русскую литературу онъ изучилъ лучше всѣхъ своихъ товарищей» ²⁾. Мнѣніе Энгельгардта, какъ опытнаго педагога, представляетъ большой интересъ: онъ могъ изучить Дельвига, такъ какъ онъ занимался специально нѣмецкою литературою съ Дельвигомъ, а по совѣту Дельвига и Пушкинъ занимался ею, хотя недолго. Они оба ходили къ Энгельгардту для чтенія нѣмецкихъ авторовъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣмецкая литература имѣла огромное вліяніе на музу Дельвига. Онъ всегда сочувствовалъ этой поэзіи, что видно изъ его лицейскихъ стихотвореній, и эта привязанность осталась у него на всю жизнь. Но, питая пристрастіе къ нѣмецкой литературѣ и къ нѣмецкимъ авторамъ, изъ которыхъ Клопштока, Шиллера и Гёте онъ изучилъ совмѣстно съ своимъ товарищемъ Кюхельбекеромъ, Дельвигъ въ то же время, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго ³⁾, изучалъ римскихъ и греческихъ классиковъ. Въ особенности онъ пристрастился къ Горацію. Поэтому первыми опытами его въ стихотвореніяхъ, какъ мы уже знаемъ, были подражанія Горацію. Это были оды къ Діону, Лилетѣ, Доридѣ, которыя, какъ говоритъ Пушкинъ, имъ были написаны на 15 году отъ роду.

Поэтическій даръ, развившійся въ лѣнливой и апатической натурѣ Дельвига, поразилъ его товарищей, и на него посыпались остроты и насмѣшки...

Ха, ха, ха! хи, хи, хи!
Дельвигъ пишетъ стихи!

Вотъ что говоритъ о происхожденіи этихъ стиховъ Пушкинъ въ своей запискѣ отъ 1831 года: «...въ Лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянутъ, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему Лицею:

Ха, ха, ха! хи, хи, хи!
Дельвигъ пишетъ стихи!

¹⁾ Хотя Корфъ увѣряетъ, что Дельвигъ зналъ нѣмецкій языкъ не больше, чѣмъ Пушкинъ. Корфъ пишетъ: «Дельвигъ не могъ подавать примѣра Пушкину въ отношеніи къ нѣмецкому языку, потому что, вопреки своей нѣмецкой фамиліи, самъ зналъ его не больше Пушкина». Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 231.

²⁾ «Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, стр. 377.

³⁾ Хотя Яковлевъ въ примѣчаніи къ запискѣ С. Д. Комовскаго говоритъ: «Дельвигъ вовсе не Кошанскому обязанъ привязанностью къ классической словесности, а товарищу своему Кюхельбекеру». Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 года, стр. 220.

«Каково же было намъ, Дельвигу и мнѣ, въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго Вѣстника Европы найти слѣдующую шутку: «Альманахъ Сѣверные Цвѣты раздѣляется на прозу и стихи—хи, хи!» Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! Сего не довольно. Это хи, хи! показалось, видно, столь затѣйливымъ, что его перепечатали съ большой похвалой въ Сѣверной Пчелѣ...» ¹⁾

Но, кромѣ нападокъ на Дельвига за его стихотворство, проявленное имъ такъ внезапно, были нападки въ особенности на его лѣность. Поэтому въ «Национальныхъ пѣсняхъ» лицейскихъ ему посвященъ былъ слѣдующій куплетъ:

Дельвигъ мыслить на досугъ
Можно спать и въ Кременчугѣ,
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Изъ туманнаго смысла этого стихотворенія можно заключить, что въ Кременчугѣ жилъ въ это время отецъ Дельвига.

Къ лицейскимъ стихотвореніямъ Дельвига принадлежатъ 11 стихотвореній, которыя находятся въ рукописномъ сборникѣ: «Духъ лицейскихъ трубадуровъ». Мы приведемъ здѣсь эти стихотворенія; въ большинствѣ случаевъ они представляютъ варианты того, что напечатано въ полномъ собраніи его стихотвореній. Такъ какъ сборникъ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ» переписанъ былъ въ 1833 г. (20 сентября), о чемъ и указано въ оглавленіи его, то въ этотъ сборникъ попали стихотворенія Дельвига не только лицейскаго періода, но и другихъ годовъ по выходѣ изъ Лицея; такъ, напримѣръ: «Застольная пѣсня» или «Диоирамбъ», написанное въ 1820 г., и въ томъ же году написанная «Тихая жизнь», а также стихотвореніе «Къ пастушкѣ», написанное въ 1829 г.

Къ стихотвореніямъ, написаннымъ въ 1814 г., относится стихотвореніе подъ заглавіемъ:

С т а р и к ѣ .

Хлоя старика сѣдова
Захотѣла осмѣять
И шепнула: я милова
Подъ окошкомъ буду ждать.

* *
*

Вотъ покрыла ночь долину,—
То за холмомъ, то въ кустахъ,

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Ред. П. А. Ефремова. Изд. А. С. Суворина, 1903 г., т. V, стр. 518.

Хлоя видитъ старичину
Съ длинной лѣстницей въ рукахъ.

* *
*

Тихо крадется къ окошку,
Ставить лѣстницу—и въ мигъ,
Протянувъ сухую ножку,
Къ милой полетѣлъ старикъ.

* *
*

Близокъ къ мѣсту дорогому,
На щекъ дрожить слеза...
Хлоя зеркало сѣдому
Прямо сунула въ глаза.—

* *
*

И любовникъ спотыкнулся,
Будто страшный грянулъ громъ,
Съ крикомъ въ три дуги согнулся,
Защиталъ ступени лбомъ.

* *
*

Хлоя по утру спросила:
Что же, милый, не бывалъ?
Ужъ не я-ль тебя просила,
И не ты-ли обѣщалъ.

* *
*

Зубы въ зубы ударяя,
Онъ со страхомъ отвѣчалъ:
Домовой меня, родная,
У окна перепугалъ!..

* *
*

Хоть не хочется, а—дѣды—
Надо правду вамъ сказать:
Поглядитесь, вы сѣды,
Вамъ-ли дѣвушекъ плѣнять.

Въ этомъ стихотвореніи есть нѣсколько вариантовъ съ печатнымъ стихотвореніемъ. (См.: Баронъ А. Дельвицъ. Полное собраніе стихотвореній. Изд. 3, А. С. Суворина. Спб., стр. 55). Къ этому же году относится стихотвореніе:

Л и л е я ¹⁾.

Оставь, о Дорида! на стеблѣ Лилею,
Она межъ цвѣтами прелестна, какъ ты;
Пусть тихо зефиры колеблются съ нею,
И рой легкокрылый собираетъ соты!
Она наклонилась къ фіалкѣ счастливой;
Надъ ними трепещетъ золотой мотылекъ;
Блестая любовью, ручей говорливой
На струйкахъ рисуетъ любимый цвѣтокъ.

* *
* *

Дорида! Дорида! любовью все дышетъ:
Блаженство вкушаетъ природа съ весной,
Чуть воды струятся, чуть ива колышетъ
И зелень мѣшаетъ съ веселой волной;
Но ты не подвластна природы закону,
Съ побѣдой Эроты летягъ предъ тобой,
Вокругъ, не внимая печальному стону,
Ты узниковъ гордо ведешь за собой.

Въ полномъ собраніи стихотвореній это произведеніе начинается со второго куплета, а первый пропущенъ и вообще все стихотвореніе подверглось сильной переработкѣ.

Къ этому же году относится шуточное стихотвореніе Дельвига «На смерть кучера Агафона». Оно является пародіей на стихотвореніе Кошанскаго подъ заглавіемъ: «На смерть графини Ожаровской». Графиня Ожаровская была женою управляющаго Царскимъ Селомъ. Стихотвореніе это было напечатано Кошанскимъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1814 г., № 23, декабрь, стр. 228—229), куда было прислано авторомъ при слѣдующемъ письмѣ: «М. Г. Прошу васъ покорнѣйше помѣстить въ вашемъ изданіи приложенные при семъ стихи на смерть любезнѣйшей Графини, которая была украшеніемъ Царскаго села. Вы сдѣлаете тѣмъ одолженіе фамиліямъ Муравьевыхъ и Ожаровскихъ и между тѣмъ чувствительно обяжете того, который честь имѣетъ и проч. Николай Кошанскій. — Октября 29 дня 1814 года.—Царское село».

Домъ графа Ожаровскаго въ Царскомъ Селѣ былъ близкимъ домомъ для воспитанниковъ Лицея. Графъ жилъ очень открыто, въ его домѣ, между прочимъ, воспитанники встрѣчались, на равной съ собою ногъ, съ своими профессорами, «и

¹⁾ Гротъ замѣчаетъ, что въ стихѣ Пушкина: «И къ Лиліи куплетъ» заключается намекъ на стихотвореніе Дельвига «Къ Лилеѣ», напечатанное въ «Росс. Музеумѣ», ч. I, стр. 266. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 269.

потому, — какъ говоритъ Я. Гротъ, — тѣ являлись передъ ними безъ всякаго ореола величія». Въ домѣ Ожаровскаго воспитанники Лицея чаще всего встрѣчались съ Кошанскимъ, «который былъ неравнодушенъ къ супругѣ хозяина» ¹⁾). Когда въ 1814 г. графиня Ожаровская умерла, то на смерть ея Кошанскій написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Ни прелесть, ни краса, ни радость юныхъ лѣтъ,
Ни пламень нѣжнаго супруга,
Ни сиротство дѣтей, едва узрѣвшихъ свѣтъ,
Ни слезы не спасли отъ тяжкаго недуга...
И Ожаровской нѣтъ!
Потухла, какъ заря во мракѣ тихой ночи,
Какъ эхо томное въ пустынѣ соловья!..
О, небо! со слезой къ Тебѣ подъямлю очи
И, бранный, не могу не спросить Тебя:
Ужели радостью намъ льститься не возможно
И въ миломъ щастіи напрасно находить,
Коль лучшимъ существамъ жить въ мірѣ лучшимъ должно,
А намъ здѣсь слезы лить?—
Увы! не будешь ты всѣхъ радостей душею!
Не встрѣтишь каждаго любезностью своею;
И другу не вмѣстишь въ себѣ одной весь міръ—
Уже не сядешь ты въ мечтаньи за клавиръ,
Твой гласъ волшебный не пролетится,
Черезъ отверстое окно во мракѣ вѣтвей,
Гдѣ твой соперникъ соловей
Съ досадою не отзовется,
И нѣжный твой супругъ сквозь слезы не улыбнется!
Умолкло все съ тобою! Эроты слезы льютъ;
Супругъ и Граціи вѣнки на урну вьютъ,
И оросивъ твой прахъ слезою,
Почій, вѣщаютъ: миръ съ тобою!

Кошанскій.

На это стихотвореніе Дельвигъ въ томъ же году написалъ пародію слѣдующаго содержанія:

На смерть кучера Агаэона.

(Пародія).

Ни рыжая брада, ни радость старыхъ лѣтъ,
Ни дряхлая твоя супруга,
Ни кони не спасли отъ тяжкаго недуга...
И Агаэона нѣтъ!

¹⁾ Я. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 34.

Потухъ, какъ отъ копытъ огонь во мрагѣ ночи,
Какъ ржанье звучное усталого коня!..
О, небо! со слезой къ тебѣ подъямлю очи
И, бранный, не могу не спросить тебя:
Ужель не вѣчно намъ возжами править можно
И шастіе въ винѣ напрасно находить?
Иль лучшимъ кучерамъ жить въ мірѣ лучшимъ должно,
А намъ съ худыми быть!..
Увы! не будешь ты потряхивать возжею!
Не будешь лошадей бить плетію своею!
И, усомъ шевеля, по-русски ихъ бранить;
Уже не станешь ты и по воду ходить!
Гласъ молодецкій не прольется,
И путникъ отъ тебя ужъ не зажметъ ушей,
И при сіяньи фонарей
Ужъ гласъ фореитора тебѣ не отзовется,
И, ахъ!—Кузьминишна сквозь слезъ не улыбнется!
Умолкло все съ тобой! Кухарки слезы льютъ,
Супруга, конюхи вѣнки изъ сѣна вьютъ,
Глася отшедшему къ покою:
Когда ты умеръ,—чортъ съ тобою!

1814 г. ¹⁾

Къ 1815 году относятся два стихотворенія: первое—«Къ Т-ву», т. е. къ Таушеву. Оно первоначально было напечатано въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 г., изд. Владиміра Измайлова, № 5, стр. 136—137.

Къ Т - в у.

Еще въ молодые годы,
Брянча струной не въ ладъ,
За Пиндарскія оды
Я музами проклять.
Поднявъ печально руки,
Съ надеждою въ очахъ,
Познаній отъ науки
Я требовалъ въ стихахъ.

* * *

Наука возвратила
Мнѣ счастье и покой
И чуть не примирила
Съ завистливой судьбой.

¹⁾ «Библиограф. Записки» 1859 г., т. II. См.: «Сочиненія барона А. А. Дельвига. Вал. В. Майкова. Изд. книгопродавца Я. Соколова. Спб., 1895 г., стр. 11—12.

Но я, неблагодарной,
Чѣмъ тихомолкомъ жить
Съ улыбкою коварной
Сталь дщерь ея бранить.

* * *

И взявши посохъ въ руки,
На цыпочкахъ, тишкомъ,
Укрылся отъ науки
Съ затѣйливымъ божкомъ.
Амуръ къ молодой Темирѣ
Зажегъ во мнѣ всю кровь,
И я на томной лирѣ
Пѣлъ радость и любовь.

* * *

Простился я съ мечтою,
Въ груди простыла кровь,
А все еще струною
Брянчу кой-какъ любовь.
И въ пѣсняхъ дышетъ холодъ
Въ Элегіяхъ бомбасть;
Сатировъ громкій хохотъ—
Моя на Пиндѣ часть.

Второе стихотвореніе, напечатанное въ этомъ году, было подъ заглавіемъ:

Къ Темирѣ.

Какъ птичка рѣзвая, младая,
Ты подъ крыломъ любви ростешь,
Мірскихъ заботъ еще не зная,
Вертишься и поешь.

* * *

Но младость быстрая промчится,
И радости за ней толпой,
И ты, веселія Царица,
Останешься съ тоской.

* * *

Тщеславіе тебя цвѣтами
Прилѣжно станетъ убирать,
И много лѣтъ предъ зеркалами
Придется потерять.

* * *

Здѣсь мода всѣми помыкаеть,
Чернить, румянить и бѣлить,
Веселыхъ плакать заставляетъ
Печальнымъ пѣтъ вѣлеть.

* * *

И ты пойдешь съ ея толпою
Во храмъ блестящей суеты,
И истинной почтень красю
Тафтяные цвѣты.

* * *

Но знай, что счастье на свѣтѣ
Живеть не въ тонкихъ кружевахъ
Не на богатомъ туалетѣ —
Но въ искреннихъ сердцахъ.

* * *

Цвѣты, Темира дорогая,
Богиня красотою будь;
Въ Москвѣ роскошной обитаю
Меня не позабуди!

Стихотвореніе это тоже напечатано въ издававшемся Владиміромъ Измайловымъ журналѣ «Россійскій Музеумъ» 1815 г. (№ 3, стр. 266 и 267), съ подписью: «Д». Оба эти стихотворенія напечатаны въ полномъ собраніи стихотвореній Дельвига съ вариантами ¹⁾. Въ числѣ стихотвореній Дельвига, помѣщенныхъ въ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ», находится стихотвореніе, заимствованное у Гёте, подъ заглавіемъ: «Близость милой», о которомъ, какъ кажется, не упоминается въ полномъ собраніи стихотвореній Дельвига. Вотъ это стихотвореніе:

Близость милой.

(Изъ Гёте).

Блеснетъ заря, а все въ моемъ мечтаньи
Лишь ты одна,
Лишь ты одна, когда потокъ въ молчаньи
Среbrитъ луна.

¹⁾ Кромѣ этихъ стиховъ, къ 1815 г. относится четверостишіе «Вакхъ». Автографъ этого стихотворенія находится въ собраніи автографовъ князя П. А. Путятина. См. «Рус. Стар.» 1889 г., т. LXI, январь, стр. 172.

* *
* *

Я зрю тебя, когда въ дали дороги
Катится прахъ,
И съ трепетомъ идетъ пастухъ убогій
Въ ночныхъ лѣсахъ.

* *
* *

Мнѣ слышится твой голосъ несравненный
И въ шумѣ водъ,
Подъ вечеръ онъ въ дубравѣ оживленной
Меня зоветъ.

* *
* *

Я близъ тебя, какъ не была-бъ далеко,
Ты все жъ со мной.
Взошла луна, — когда бъ въ сей тмѣ глубокой
Я былъ съ тобой.

Въ томъ же сборникѣ («Духъ лицейскихъ трубадуровъ») мы находимъ стихотвореніе подъ заглавіемъ «Подражаніе 1 псалму», котораго, кажется, нѣтъ въ полномъ собраніи стихотвореній.

Подражаніе 1-му псалму.

Блаженъ, о юноши! кто подражая мнѣ,
Не любитъ разсылать себя по всеѣмъ журналамъ;
Кто часъ любовниковъ пропуститъ въ сладкомъ снѣ
И кругъ простыхъ друзей предпочитаетъ баламъ.

* *
* *

Когда неистовый влетитъ къ нему Свистовъ,
Онъ часто по дѣламъ изъ комнаты выходитъ;
Ему-жъ нѣтъ времени писать дурныхъ стиховъ,
Когда за книгой день, съ супругой ночь проводить.

* *
* *

За то, взгляните, онъ какъ дубъ высокъ и прямъ.
Что вялый передъ нимъ угодникъ дамъ и моды?
Цвѣтъ полныхъ яблоковъ разлился по щекамъ—
Благоразуменъ, свѣжъ онъ и въ преклонны годы.

* *
* *

А ты, слѣпой глупецъ, иль новый философъ!
О, вѣрь мнѣ, и въ очкахъ повѣса все-жъ повѣса.

Что будетъ изъ тебя подь сѣдиной власовъ,
Когда устанешь ты скакать средь экосеса.

* * *

Что усладить, скажи, безъ вѣры старика?
Что память добраго въ прошедшемъ сохранила?
Что совѣсть?... Ты молчишь? Бѣднѣ червяка
Тебѣ постыла жизнь, тебя страшить могила!

Наконецъ, здѣсь находится еще третье стихотвореніе, не помѣщенное въ полномъ собраніи, подь заглавіемъ:

Того ужъ нѣтъ.

Бывало я на все сердился,
Игрушки портиль, билъ,
Еще весь гнѣвъ не проходилъ—
Какъ я стыдился.

* * *

Того ужъ нѣтъ! вотъ я влюбился,
Томленьемъ грудь полна!
Бывало взглянетъ лишь она—
И я стыдился.

* * *

Того ужъ нѣтъ! вотъ я женился
На молодой вдовѣ,
Но—глядь рога на головѣ—
Я застыдился.

* * *

Того ужъ нѣтъ! вотъ я явился
Въ собраньи съ парикомъ
И всѣ трунять надъ старикомъ
Смерть! я взбѣсился.

Намъ неизвѣстно, къ какимъ годамъ относятся три послѣднихъ стихотворенія.

Въ числѣ стихотвореній сборника «Духъ лицейскихъ трубадуровъ» находится баллада Дельвига «Полякъ». Объ этой балладѣ упоминаетъ Иличевскій въ письмѣ къ Фуссу отъ 28 февраля 1816 года. «Баллада «Полякъ»,—говоритъ Гаевскій,—и длинная и нескладная пѣсня барда о «Веславѣ» написаны были Дельвигомъ въ Лицеѣ въ подражаніе балладамъ Жуковского, имѣвшимъ въ то время огромный успѣхъ среди публики».

Вотъ эта баллада «Полякъ», которую мы приводимъ по варианту «Духа лицейскихъ трубадуровъ»:

Бородинскія долины
Осребрялися луной;
Громы на холмахъ нѣмѣли,
И въ дали шатры бѣлѣли
Омраченной полосой.

Быстро мчались Поляки
Вдоль лѣсистыхъ береговъ;
Ива листьями шептала,
И въ пещерахъ завывала
Стая дикая волковъ.

Вотъ въ развалинахъ деревня
На проталинѣ лежитъ.
Бурные, ночлеги почуя,
Гривы по вѣтру волнуя,
Искры сыпали съ копытъ.

И стучитъ Полякъ въ избушку:
«Естьли, естьли тутъ живой?»
Кто то въ окнахъ шевелится,
И громчѣй Полякъ стучится:
«Естьли, естьли тутъ живой?»

Кто тамъ? всадника спросила
Робко дѣвица—краса.
«Эй! пусти въ избу погрѣться;
Буря свищетъ, дождикъ льется,
Тьмой покрыты небеса».

Сжался надо мной, служивой!
Дѣвица ему въ отвѣтъ:
Мать моя, отецъ убиты,
Здѣсь одна я безъ защиты,
Страшно двери отпереть!

«Что, красавица, бояться?
Вѣдь Полякъ не людоедъ;
Стойло конь не испугаетъ (искусаетъ?),
Збруя стопку не сломаешь,
Столъ подъ ранцемъ не падетъ».

Дверь со скрипомъ отскочила,
Озирается герой,
Снявъ большую рукавицу,

Треплеть красную дѣвицу
Онъ могучею рукой.

«Сколько лѣтъ тебѣ, голубка?»
— Вотъ семнадцатый къ концу.—
«А! такъ скоро со свѣчами,
Помѣнявшия кольца,
Съ суженымъ пойдешь къ вѣнцу.

Дай же выпить на здоровье
Мнѣ невѣсты съ женихомъ.
До краевъ наполнись чаша,
Будь такъ жизнь пріятна ваша,
Будь такъ полонъ здѣшній домъ».

И подъ мокрой епанчею
Задремалъ онъ надъ ковшемъ;
Вьюга ставнями стучала,
И въ молчаніи летала
Стража польская кругомъ.

За гремящей самопрялкой
Страшно дѣвицѣ одной,
Страшно въ тишинѣ глубокой,
Безъ родныхъ и одинокой
Ей бесѣдовать съ тоской.

Но забылась—сонъ невольнo (наильно?)
Въ дѣвѣ побѣждаетъ страхъ;
Колесо чуть-чуть вертится,
Голова къ плечу клонится
И томленье на очахъ.

Съ трескомъ вспыхнула лучина;
Тѣнь мелькнула на стѣнѣ;
Въ уголкѣ безъ покрывала
Дѣва юная лежала,
Улыбаясь въ тихомъ снѣ.

Глядь Полякъ.—Прелестной груди
Тихимъ трепетомъ дышать;
Онъ невольнo взоры мечеть,
Взоръ его желаньемъ блещеть,
Щеки пламенемъ горять.

Цвѣтъ невинности непроченъ,
Какъ въ долинѣ василекъ:
Часто свѣтлыми косами

Межъ шумящими снопами
Вянетъ скошенный цвѣтокъ!

Но злодѣй! чу! трескъ булата —
Слышь, къ ружью! знакомый гласъ.
Настежь дверь—какъ вихрь влетаетъ
Въ избу Русской—мечъ сверкаетъ—
Дерзкой! близокъ мститель—часъ.

Дѣва трепетна, смятенна,
Пробудясь кидаетъ взглядъ;
Зреть: у ногъ Полякъ сраженный,
Изъ груди окровавленный
Тащитъ съ скрежетомъ булатъ.

Зреть! сама себѣ не вѣрять,—
Взоръ восторгомъ запылалъ:
Ты-ль мой милый (ангелъ)? восклицаетъ
Русской мечъ въ ножны бросаетъ...
Дѣвицу женихъ обнялъ ¹⁾.

Кромѣ баллады «Полякъ», В. Гаевскій упоминаетъ еще о длинной и нескладной пѣснѣ барда о «Всеславѣ», писанной также въ Лицеѣ.

Въ только что упомянутомъ письмѣ Илличевскаго находится «Краткое извѣстiе о жизни и творенiяхъ» барона Дельвига. Вотъ что Илличевскiй сообщаетъ, между прочимъ, своему товарищу П. Н. Фуссу: «Познакомясь рано съ музами, музамъ пожертвовалъ онъ (Дельвигъ) большую часть своихъ досуговъ. Быстрыя его способности (если не гений), совѣты свѣдущаго друга, отверзли ему дорогу, которой держались въ свое время Анакреоны, Гораціи, а въ новѣйшіе годы—Шиллеры, Рамлеры, ихъ вѣрные подражатели и послѣдователи; я хочу сказать, онъ писалъ въ древнемъ тонѣ и древнимъ размѣромъ — *метромъ*. Симъ метромъ написалъ онъ: къ *Діону*, къ *Лилетъ*, къ *больному Горчакову* — и написалъ прекрасно. Иногда онъ позволялъ себѣ отступленія отъ общаго правила, т. е. писалъ ямбомъ: *Полякъ* (балладу), *Тихую жизнь* (которую пришлю тебѣ), мастерское произведеніе и писалъ опять — прекрасно. Странно, что человѣкъ такого веселаго, шутливаго нрава (ибо онъ у насъ одинъ изъ лучшихъ остряковъ) не хочетъ блеснуть на поприщѣ эпиграммы» ²⁾.

Дельвигъ въ Лицеѣ отличался своею лѣнностью и онъ вовсе не старался исправиться отъ этого порока, такъ какъ «лѣнность и безпечность считались

¹⁾ Баллада эта напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1864 г., т. II, стр. 991—993.

²⁾ Письмо Илличевскаго къ Фуссу.—Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 68.

тогда необходимою принадлежностью поэта, и Дельвигъ заплатилъ обильную дань этой литературной модѣ, которой вполне соответствовала его апатическая натура» ¹⁾).

Несмотря на лѣность, Дельвига любили товарищи, хотя порою и высмѣивали этотъ недостатокъ. Его любили лицейскіе поэты Кюхельбекеръ, Илличевскій, Корсаковъ, Пушкинъ. Какъ видно изъ стихотворенія Пушкина 1815 года, подъ заглавіемъ: «Къ Дельвигу», Дельвигъ былъ причиною появленія первыхъ стихотвореній Пушкина въ печати. Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ объясняетъ:

...Измѣнники—друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ,
И плодъ уединенья
Тисненю предають —
Бумагу убиваютъ!..

Онъ обращается къ Дельвигу и просить у него хоть годъ отсрочки раньше, чѣмъ сдѣлается записнымъ поэтомъ:

...О, Дельвигъ, начертали
Мнѣ музы мой удѣлъ;
Но ты ль мои печали
Умножить захотѣлъ?
Межъ лѣни и Морфея
Безпечный духъ лелѣя,
Еще хоть годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я, право, нѣги сынъ!
А тамъ, хоть нѣтъ охоты,
Но придуть ужь заботы
Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетою торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться...
Помилуй, Аполлонъ!

Еще за годъ до этого, въ 1814 году, въ «Пирующихъ студентахъ» Пушкинъ обратился къ Дельвигу съ слѣдующею строфою:

...Дай руку, Дельвигъ! Что ты спишь?
Проснись, лѣнивонецъ сонный!
Ты не подъ каедрой сидишь,
Латыню усыпленный.

¹⁾ В. Гаевскій: «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія». «Современникъ» 1863 г., т. ХСѪІІ, стр. 146.

Взгляни: здѣсь кругъ твоихъ друзей,
Бутылъ, виномъ налита;
За здравье нашей музы пей,
Парнасскій волокита!..

Во всѣхъ своихъ душевныхъ порывахъ, во всѣхъ своихъ сомнѣніяхъ, когда Пушкинъ стоялъ передъ вопросомъ: какой избрать себѣ путь; когда онъ былъ разочарованъ и обманутъ, а также и въ минуты радости—онъ всегда обращается къ Дельвигу. Этому его сердечному влеченію мы обязаны прелестнымъ стихотвореніемъ, обращеннымъ къ Дельвигу:

«Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою...»

Въ этомъ стихотвореніи онъ восхваляетъ судьбу поэта, который поетъ на лирѣ золотой. Съ этимъ восхваленіемъ поэта онъ обращается къ Дельвигу... Такъ какъ въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ говоритъ только о своемъ призваніи, какъ поэта, то мы не станемъ останавливаться здѣсь на этихъ стихахъ.

Въ другихъ случаяхъ онъ также или обращается къ Дельвигу, или указываетъ на него, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніи къ Галичу (1815 г.), гдѣ онъ соблазняетъ Галича тѣмъ, что, поселившись въ Царскомъ, они будутъ упиваться за бокаломъ «тибурскимъ мудрецомъ», т. е. вмѣстѣ съ нимъ читать Горация. Если же этихъ удовольствій недостаточно, то Пушкинъ соблазняетъ Галича такою перспективою:

...Смотри: тебѣ въ награду
Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
Несетъ свою балладу
И стансы винограду,
И къ лиліи куплетъ...

Затѣмъ «съ милымъ острякомъ» — Илличевскимъ — «тащится по лѣстницѣ съ гудкомъ нашъ пѣсельникъ» — Яковлевъ¹⁾).

Это веселое общество, по увѣренію Пушкина, должно нагрязнать на новоселье къ Галичу:

¹⁾ Это восторженное отношеніе Пушкина къ своимъ друзьямъ и къ Дельвигу въ частности г. Тарасенко-Отрѣшковъ объясняетъ пламеннымъ желаніемъ Пушкина успѣховъ всякому на поприщѣ русской словесности.

По мнѣнію г. Тарасенко, Пушкинъ о талантѣ Дельвига былъ преувеличенно высокаго мнѣнія, котораго не раздѣлялъ Бѣлинскій, говорившій, что «Дельвигъ своею поэтическою славою былъ обязанъ больше дружескимъ отношеніямъ къ Пушкину и другимъ поэтамъ своего времени, нежели таланту».

(Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина. Воспоминанія Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова. Сообщилъ Н. Лернеръ. «Рус. Стар.» 1908 г., т. СХХХІІІ, февраль, стр. 428—433).

...И снова каждый день
Стихами, прозой станемъ
Мы гнать печали тѣнь...

Когда на Пушкина нашелъ мрачный стихъ о смерти и разставаніи съ друзьями,
то въ своемъ «Завѣщаніи друзьямъ»:

Хочу я завтра умереть...

Онъ прощается съ ними и проситъ ихъ выполнить его завѣщаніе. Онъ опять-таки
обращается къ Дельвигу:

...Приди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темиру!
Тебѣ дарю я лѣнь и лиру:
Да будутъ музы надъ тобой!..

Если таково было отношеніе Пушкина къ Дельвигу, то и Дельвигъ съ
своей стороны не остался въ долгу передъ юношею-поэтомъ. Его горячая привя-
занность къ Пушкину переходила въ какое то восторженное удивленіе передъ
поэтомъ. Оно вылилось у Дельвига въ прочувствованномъ стихотвореніи подъ
заглавіемъ: «Пушкину». Вотъ что пишетъ Дельвигъ своему «Оресту», своему
брату по музѣ:

Кто, какъ лебедь цвѣтушій Авзоніи,
Осѣненный и миртомъ, и лаврами,
Майской ночью при хорѣ порхающихъ,
Въ сладкихъ грезахъ отвился отъ матери, —

* * *

Тотъ въ совѣтахъ не мудрствуетъ; на стѣны
Побѣжденных знамена не вѣшаетъ;
Столбъ кормами судовъ непріятельскихъ
Онъ не краситъ предъ храмомъ Ареевымъ;

* * *

Флотъ, съ несчастнымъ богатствомъ Америки,
Съ тяжкимъ золотомъ, купленнымъ кровію,
Не взмущаетъ двукратно экватора
Для него кораблями бѣгущими.

* * *

Но съ младенчества онъ обучается
Воспѣвать красоты поднебесныя,
И ланиты его отъ привѣтствія
Удивленной толпы горятъ пламенемъ.

* *
* *

И Паллада туманное облако
Разсвѣваетъ отъ взоровъ—и въ юности
Онъ ужъ видитъ священную истину
И порокъ, изъ-подлобья взирающій!

* *
* *

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется:
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

Мы уже приводили выше одно стихотвореніе Пушкина, въ которомъ онъ жаловался на коварство своихъ друзей-пріятелей, что они отдають безъ его согласія стихи въ печать. Безспорно, въ числѣ этихъ друзей былъ и Дельвигъ. Недаромъ же Пушкинъ просилъ у него «еще хотъ годъ одинъ» дать ему полѣвиться прежде, чѣмъ онъ сдѣлается заправскимъ поэтомъ. Во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ, обращенныхъ къ Дельвигу, Пушкинъ восторженно относится къ поэтическому таланту своего друга и также восторженно оцѣниваетъ его заслуги. Можетъ быть эти восторги Пушкина даже не вполне отвѣчаютъ поэтическому дарованію Дельвига, но они замѣчательны въ устахъ поэта, который былъ по своему генію неизмѣримо выше Дельвига. На восторженный гимнъ въ честь Пушкина, приведенный нами выше и написанный Дельвигомъ въ выраженіяхъ прочувствованныхъ, даже возвышенныхъ, Пушкинъ отвѣтилъ Дельвигу стихотвореніемъ, написаннымъ въ 1817 году, при окончаніи ими курса наукъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Вотъ это стихотвореніе Пушкина:

Д е л ь в и г у .

Любовью, дружествомъ и лѣнью.
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью!
Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ.
Напернику боговъ не страшны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
Его баюкають камни молодя
И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой..
О, милый другъ, и мнѣ богини пѣнопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я мирныхъ звуковъ наслажденья

Младенцемъ чувствовать умѣль—
И лира стала мой удѣль!
Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жарь,
Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?
Какъ дымъ, исчезъ мой легкій даръ.
Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣтъ, нѣтъ, ни счастьемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливымъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ ¹⁾.

Пушкинъ въ своей прелестной элегии «19 октября 1825 года» («Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ...») обращается съ двумя прочувствованными строфами къ Дельвигу. О первой строфѣ мы скажемъ послѣ, вторая же—слѣдующая:

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненіе мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣль;
Но я любилъ уже рукоплесканья,—
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,—
Ты гений свой воспитывалъ въ тиши...

Въ этой строфѣ всякому бросится въ глаза, какъ несправедливъ Пушкинъ къ себѣ и какъ онъ, напротивъ, пристрастенъ къ таланту Дельвига и къ его поэтическому дарованію.

Въ маѣ 1817 г., наконецъ, наступило время выпускныхъ экзаменовъ въ Лицеѣ, и Дельвигъ выдержалъ этотъ экзаменъ столь не блистательно, что былъ зачисленъ во второй разрядъ третьимъ съ конца. Дельвигъ получилъ чинъ X класса. Этотъ же чинъ получили Матюшкинъ, Илличевскій, Яковлевъ, Юдинъ, Пушкинъ, Костенскій и Мартыновъ.

Странно, что при выходѣ изъ Лицея Дельвигъ ничего не внесъ, не оставилъ своего автографа въ альбомѣ Энгельгардта, гдѣ мы находимъ записи почти четырехъ первыхъ курсовъ. Вѣроятно, это можно объяснить недосугомъ или забывчивостью, такъ какъ въ это время Дельвигъ былъ занятъ «Прощальной пѣснью».

По мысли Энгельгардта, на торжественномъ актѣ должна была быть пропѣта кантата или «Прощальная пѣснь». Съ предложеніемъ ее написать Энгельгардтъ

¹⁾ А. С. Пушкинъ. 2 академич. изд. Спб., 1900 г., т. I, стр. 250.

обратился къ Пушкину, но тотъ медлилъ и, наконецъ, совсѣмъ отказался. Тогда Директоръ Лицея поручилъ написать эту пѣснь Дельвигу. Вначалѣ Дельвигъ также затруднялся, какъ исполнить это порученіе и только послѣ того, какъ Энгельгардтъ далъ ему руководящія указанія, въ видѣ программы въ общихъ чертахъ, Дельвигъ осилилъ эту задачу и написалъ свою извѣстную «Прощальную пѣснь», а учитель музыки въ Лицеѣ Тепперъ-де-Фергюсонъ написалъ для нея музыку.

Вотъ эта

Прощальная пѣснь.

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятяхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

* *
*

Тебѣ, нашъ Царь, благодаренье!
Ты самъ насъ юныхъ съединилъ,
И въ семъ святомъ уединеньѣ
На службу Музамъ посвятилъ.
Примижъ теперь не тѣхъ веселыхъ
Безпечной радости друзей,
Но въ сердца чистыхъ, въ правдѣ смѣлыхъ,
Достойныхъ благодати твоей!

* *
*

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятяхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

* *
*

О, мать, вняли мы призванью!
Кипитъ въ груди младая кровь;
Длань крѣпко соединилась съ дланью:
Связала ихъ къ тебѣ любовь.
Мы дали клятву: все родимой,
Все безъ раздѣла, кровь и трудъ!
Готовы въ бой неколебимо,
Неколебимо въ правды судъ!

* *
*

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятяхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

* *
* *
* *

Благословите положившихъ
Святой отечеству обѣтъ,
И съ дѣтскою нѣжностью любившихъ
Васъ, други первыхъ нашихъ лѣтъ!
Мы не забудемъ наставленій,
Плодь вашихъ опытовъ и думъ,
И мысль объ нихъ, какъ нѣкій геній,
Неопытный поддержитъ умъ.

* *
* *
* *

Простимся, братья! руку въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породила насъ!

* *
* *
* *

Другъ на другѣ остановите
Вы взоръ съ прощальною слезой!
Храните, о друзья, храните
Тужъ дружбу съ тою же душой!
Тожъ къ правдѣ пылокое стремленье,
Тужъ ко трудамъ живую кровь!
Въ несчастѣ—гордое терпѣнье,
И въ счастья—всѣмъ равно любовь!

* *
* *
* *

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятяхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!
Простимся, братья! руку въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породила насъ! ¹⁾

По словамъ Пущина, прощальная пѣснь Дельвига была пропѣта воспитанниками I курса при прощаніи ихъ съ Лицеємъ и произвела впечатлѣніе на Государя Александра Павловича. Между тѣмъ Корфъ говоритъ, что эта пѣснь была пропѣта послѣ ухода Государя и Голицына (Министра Народнаго Просвѣщенія ²⁾).

¹⁾ См. В. Гаевскій: Дельвигъ. «Современникъ» 1853 г., № 2, февраль, стр. 86.

²⁾ Записка Корфа, 1854 года, въ книгѣ Я. Грота: Пушкинъ..., стр. 254, и Царкосельскій Лицей, Я. К. Грота (тамъ же, стр. 28).

Пушкинъ отдалъ дань этому произведенію Дельвига, вложивъ въ уста Матюшкина двѣ строки этой «Прощальной пѣсни» въ 6 строфѣ своего «19 октября 1825 г.»¹⁾:

Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
И повторялъ: *на долгую разлуку*
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!...

Какъ мы уже выше сказали, Тепперъ де-Фергюсонъ написалъ музыку къ этой «Прощальной пѣсни». Онъ былъ въ Лицеѣ учителемъ музыки и пѣнія. Судьба его очень интересна. Отецъ его былъ богатѣйшимъ банкиромъ въ Польшѣ, но въ одну изъ тамошнихъ революцій потерялъ все свое состояніе и сдѣлался почти нищимъ. Въ этотъ моментъ молодой Фергюсонъ путешествовалъ по Европѣ со всею пышностью и роскошью Англійскаго лорда, но вслѣдствіе краха съ его отцемъ принужденъ былъ прекратить свое путешествіе и сдѣлался въ Вѣнѣ скромнымъ учителемъ музыки. Въ этомъ званіи онъ переселился въ Петербургъ. Здѣсь онъ получилъ мѣсто, благодаря своимъ музыкальнымъ способностямъ, учителемъ музыки къ великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ. Вслѣдствіе этого, вѣроятно, онъ попалъ въ Лицей учителемъ музыки и пѣнія. Онъ былъ женатъ на дочери банкира Северина, а родная сестра его жены была госпожа Вельо (Welho) и имѣла свой домъ въ Царскомъ Селѣ. Какъ извѣстно, у госпожи Вельо была дочь Sophie, къ которой благоволилъ Императоръ Александръ I и съ которой онъ встрѣчался въ Баболовскомъ дворцѣ въ Александровскомъ паркѣ Царскаго Села. На эти таинственныя свиданія Пушкинъ написалъ Софіи Вельо слѣдующіе стихи:

Что съ участію твоей, прекрасная, сравнится?
Весь міръ у ногъ его—*здѣсь* у твоихъ онъ ногъ.

У Теппера былъ свой домъ въ Царскомъ Селѣ. Онъ существуетъ и до сихъ поръ по Средней улицѣ, на углу Церковной, рядомъ съ дачей князя Барятинскаго (нынѣ графини Шуваловой), и принадлежалъ госпожѣ Липранди, вышедшей впослѣдствіи замужъ за графа Игельстрема. Потомъ онъ принадлежалъ В. И. Вуичу (кому онъ теперь принадлежитъ — намъ неизвѣстно). Въ семействѣ Тепперовъ воспитывалась Іозефина Вельо, которой П. А. Плетневъ давалъ уроки, еще будучи въ Педагогическомъ Институтѣ, директоръ котораго, Е. А. Энгельгардтъ, рекомендовалъ его въ это семейство еще задолго до своего назначенія директоромъ Царско-сельскаго Лицея. Съ этою Іозефиною Вельо произошелъ трагическій случай, о которомъ Плетневъ писалъ Гроту въ 1846 году слѣдующее: «Это было золотое время: мнѣ было лѣтъ 20, а ей 16. Мы оставались всегда только двое въ пре-

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Литерат. фонда. Спб., 1887 г., т. I, стр. 357.

лестной ея комнатѣ и безпрестанно краснѣли, не понимая сами отъ чего. Она черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ я сталъ учить ее, начала уже порядочно понимать «Письма русскаго путешественника», не зная, прежде моихъ уроковъ, почти ни слова по-русски. Она была удивительное созданіе по красотѣ души, сердца и тѣла. Но Провидѣнію не угодно было, чтобы она нѣкогда принадлежала кому-нибудь изъ смертныхъ. Теперѣ поѣхала въ Парижъ. Разъ ея мать пошла гулять. Иозефина забыла перчатки свои. Она жила въ верхнемъ этажѣ. Прибѣжавши въ комнату, она выглянула въ окно, чтобы посмотрѣть, не ушла ли уже мать ея на улицу. Перевѣсившись за окно, она упала оттуда и тутъ же умерла. Я и теперѣ не могу вспомнить о ней безъ сердечнаго трепета и участія. Она для меня облекла въ поэзію самое прозаическое ремесло...»¹⁾

Въ свою очередь Модестъ Корфъ рассказываетъ въ своей Запискѣ 1854 года о Тепперѣ слѣдующее: «Тепперъ де-Фергюзонъ, — говоритъ М. Корфъ, — ...училъ насъ, въ послѣдній только годъ, не музыкѣ собственно, а лишь только пѣнію. Это было дѣломъ директора Энгельгардта, который хотѣлъ доставить кусокъ хлѣба своему старинному другу. Тепперъ, хорошей учитель пѣнія, хотя самъ безъ всякаго голоса, не только училъ насъ, но и сочинялъ для насъ разные духовные концерты, то-есть большею частію перелагалъ съ разными варіаціями и облегченіями концерты Бортнянскаго. Въ его классѣ соединялись оба курса Лицея, старшій и младшій, что иначе ни на лекціяхъ, ни въ рекреаціонное время никогда не бывало. Тепперу же принадлежитъ и музыка извѣстной прощальной пѣсни Дельвига: «Шесть лѣтъ протчалося, какъ мечтанье», живущей и теперѣ еще, черезъ сорокъ почти лѣтъ, въ стѣнахъ Лицея²⁾. Тепперъ былъ большой оригиналъ, но человекъ образованный и пріятный, и намъ очень нравились и его бесѣды и его классы... Вечеромъ онъ обыкновенно зазывалъ къ себѣ кого-нибудь изъ насъ, человекъ трехъ или четырехъ: пили чай, болтали, пѣли, *музицировали*, и эти простые вечера были намъ чрезвычайно по вкусу».

«Прощальная пѣнь» Дельвига была первоначально напечатана въ 1817 году въ «Сынѣ Отечества», № 26, стр. 260, съ подписью: «Баронъ Дельвигъ, воспитанникъ Лицея». Потомъ эта пѣнь была напечатана, съ пропусками, П. А. Плет-

¹⁾ См.: «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II, стр. 693. См. также Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 296.

²⁾ Я. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейск. товарищи и наставники», стр. 238.— В. Гаевскій увѣряетъ, что пѣнь эта «надолго сохранилась въ Лицеѣ: въ теченіе около двадцати лѣтъ воспитанники пѣли ее при выпускѣ, прощаясь другъ съ другомъ». («Современникъ» 1853 г., № 2, февраль, стр. 88, отдѣлъ III). Кажется, ее перестали пѣть до 1856 г., такъ какъ окончившіе въ этомъ году Лицей (XXI курсъ) уже не пѣли этой пѣсни. Въ мое время (въ 1870—1875 г.г.) я ее ни разу не слышалъ. Услыхалъ ее только въ Лицеѣ на актѣ въ столѣтнюю годовщину Пушкина. Очень жаль, что она не поется въ стѣнахъ Лицея.

невымъ въ некрологѣ о Дельвигѣ въ «Литературной Газетѣ» 1831 года., № 4, стр. 31.

Наконецъ, въ 1835 году это стихотвореніе было издано въ литографированномъ видѣ, вмѣстѣ съ музыкою на него, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Шесть лѣтъ, прощальная пѣснь воспитанниковъ Императорскаго Лицея въ Царскомъ-Селѣ. 1817. Слова воспитанника барона Дельвига, музыка В. Теппера.. С.-Петербургъ, 1835. Литографія Ф. Давильона, у Казанскаго моста., № 13». Это изданіе снабжено, на заглавномъ листѣ, изображеніемъ главной залы Лицея; а на оборотѣ послѣдняго листа налитографированы слова стихотворенія Дельвига, писанныя рукою Энгельгардта. Здѣсь есть нѣсколько варіантовъ въ сравненіи съ стихами, напечатанными въ «Сынѣ Отечества». Наконецъ, это же стихотвореніе съ музыкою и текстомъ помѣщено въ «Памятной книжкѣ Императорскаго Александровскаго Лицея на 1856 — 57 годъ. С.-Петербургъ, 1856». Здѣсь же помѣщена литографія П. Бореля, изображающая залъ и амфиладу комнатъ Лицея.

Разставаясь съ Лицеемъ, Дельвигъ написалъ прощальное стихотвореніе своимъ товарищамъ. Въ этомъ стихотвореніи невольно проскальзываетъ какая-то грусть и тревожная недовѣрчивость къ своему будущему, на которое онъ смотрѣлъ съ какимъ то тяжелымъ предчувствіемъ.

Къ этому году относятся многія стихотворенія Дельвига, какъ вообще къ друзьямъ, такъ и отдѣльно, какъ, напримѣръ, къ Пушкину изъ Малороссіи, Илличевскому въ Сибирь, на память Пүщину, къ Шульгину, элегія къ Яхонтову... Къ друзьямъ онъ обратился съ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Къ друзьямъ.

Я рѣдко пѣлъ, но весело, друзья!
 Моя душа свободно разливалась.
 О, царскій садъ, тебя-ль забуду я?
 Твоей красой волшебной оживлялась
 Проказница фантазія моя.
 И со струной струна перекликалась,
 Въ согласный звонъ сливаясь подъ рукою,
 И вы, друзья, любили голосъ мой.

* *
 *

Вамъ пѣсни въ даръ отъ сельскаго поэта!
 Любите ихъ за то хоть, что—мой.
 Богъ вѣсть, куда умчитесь въ шумѣ свѣта
 Всѣ вы, друзья, всѣ радости мой!

И, можетъ быть, мечты моей Лилета
 Тамъ будетъ мнѣ мученіемъ любви;
 А даръ пѣвца, лишь вамъ въ пустынѣ милый,
 Какъ василекъ, не допѣтеть унылый.

Царское Село было однимъ изъ любимыхъ мѣстопребываній Дельвига, который нерѣдко пріѣзжалъ въ Царское и жилъ тамъ, даже по выходѣ изъ Лицея. Царское Село, кромѣ воспоминаній о проведенной юности, оживлялось въ то время театрами, балами и маскарадами среди постоянныхъ жителей этого городка, съ которыми лицеисты были знакомы и вхожи къ нимъ въ дома. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Дельвигъ, Пушкинъ и другіе часто пріѣзжали въ Царское и по нѣсколько дней гостили въ немъ. У Дельвига въ то время было много знакомыхъ среди гусаръ, потому что въ гусарахъ служили его двоюродныя братья Рахмановы и тамъ было еще нѣсколько воспитанниковъ въ Царскосельскомъ благородномъ пансіонѣ, которыхъ онъ зналъ въ бытность свою въ Лицеѣ. По словамъ князя Д. А. Эристова, Дельвигъ былъ знакомъ еще съ другими гвардейскими офицерами, жившими въ то время въ Царскомъ Селѣ, а именно: Пономаревымъ, Левашевымъ, Сабуровымъ, Чернышевымъ, Охотниковымъ, Воейковымъ, Болтинымъ, Черевинымъ, Нашокинымъ, Коншинымъ, Фуллономъ и др., среди которыхъ онъ пользовался всеобщю любовью и проводилъ съ ними цѣлыя дни. Но, кромѣ этихъ веселій, ихъ привлекали сюда и стѣны родного Лицея. Здѣсь они въ радушной семьѣ Энгельгардта встрѣчали родственныя пріемы. Кромѣ того, Дельвигъ могъ встрѣтить здѣсь нѣкоторыхъ своихъ товарищей изъ младшихъ классовъ, которые въ то время и сами готовились уже покинуть Лицей. Среди учебнаго персонала Лицея у первокурсниковъ также были свои друзья. Почти большинство первокурсниковъ были если не сверстниками ихъ, то, по крайней мѣрѣ, немногимъ моложе ихъ. Такъ, напримѣръ, Шульгинъ ¹⁾, занимавшій въ то время довольно незначи-

¹⁾ Иванъ Петровичъ Шульгинъ (род. 1797 г., умеръ 30 апрѣля 1869 года) 19 лѣтъ отъ роду поступилъ, въ 1816 году, въ лицейскій пансіонъ гувернеромъ и учителемъ исторіи и географіи. Черезъ мѣсяцъ онъ былъ назначенъ преподавателемъ исторіи и географіи въ младшихъ классахъ Лицея. Это мѣсто онъ получилъ сейчасъ же по окончаніи имъ своего образованія въ Петербургскомъ Педагогическомъ институтѣ, гдѣ онъ былъ съ 1810 по 1816 годъ. Въ 1817 году Шульгинъ былъ утвержденъ въ званіи адъюнкта или помощника профессора историческихъ наукъ. Въ 1821 году съ него были сняты обязанности гувернера, и онъ имѣлъ порученіе заниматься статистикою и географіею въ старшихъ и младшихъ классахъ. Кромѣ того, съ 1818 по 1822 годъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ въ Лицеѣ канцелярскимъ чиновникомъ; адъюнктомъ онъ состоялъ по 1833 годъ, а съ 1833 по 1836 годъ—профессоромъ. Подробнѣе о немъ см.: П. Селезневъ. «Историческій очеркъ Императорскаго Александровскаго Лицея за первое его пятидесятилѣтіе—съ 1811 по 1861 г.». Спбургъ. 1861.—Григорьевъ: «Императорскій Спбургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія».—А также: «Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея на 1856 годъ».

тельную должность, былъ очень любимъ нѣкоторыми первокурсниками, какъ, на-
примѣръ: Кюхельбекеромъ, барономъ Дельвигомъ и можетъ быть другими. Кюхель-
бекеръ и Дельвигоу писали ему посланія.

Въ молодости Шульгина, т. е. въ то время, когда онъ былъ еще въ Лицеѣ,
его соединяла дружба съ Дельвигомъ, и слѣдствиемъ этой дружбы мы имѣемъ посланіе
Дельвига къ Шульгину. Вотъ оно:

Къ Шульгину.

Прощай, пріятель! Отъ поэта
Возьми на память пукъ стиховъ.
Богъ вѣсть, враждебная планета
Въ какой закинетъ уголь свѣта
Его, съ младыхъ еще годовъ
Привыкшаго изъ кабинета
Не выставлять своихъ очковъ?
Богъ вѣсть, увидимъ ли разлуку,
Перекрестясь, мы за собой?
Какъ обнимусь тогда съ тобой!
Рука сама отыщетъ руку,
Чтобъ съ той же чистою душой—
Но, можетъ быть, испившей муку—
Схватить ее и крѣпко сжать!
Какъ дружныхъ словъ простому звуку
Мнѣ будетъ весело внимать!
Ты, можетъ быть... но что мечтами,
Что неизвѣстнымъ мучить насъ?
Мнѣ-ль спорить дерзко со слезами,
Потечь готовыми изъ глазъ?
Что будетъ—будетъ! Съ небесами
Нельзя намъ спорить, милый другъ!
Останься-жъ съ этими стихами
До перваго пожатья рукъ.

Посланіе Дельвига къ своему пріятелю Илличевскому въ Сибирь мы уже при-
вели въ очеркѣ Илличевского,—потому мы не станемъ повторять его еще и здѣсь.

Сейчасъ по окончаніи курса въ Лицеѣ Дельвигоу уѣхалъ къ своимъ роднымъ
въ Полтавскую губернію, въ городъ Кременчугъ, гдѣ отецъ его тогда командовалъ
бригадою. Отъ этого пребыванія въ Малороссіи мы имѣемъ стихотвореніе его къ
И. И. Пущину ¹⁾ слѣдующаго содержанія:

¹⁾ Пущинъ въ своихъ Запискахъ о Пушкинѣ, приведя это стихотвореніе
Дельвига, говоритъ: «Дельвигоу послѣ выпуска поѣхалъ въ Хороль, гдѣ квартировалъ
его отецъ, командовавшій бригадою во внутренней стражѣ». Л. Майковъ: «Пушкинъ».
С.-Петербургъ, 1899 года, стр. 67.

Къ И. И. Пущину.

Прочтя сіи разбросанныя строки
Съ небрежностью на памятномъ листкѣ,
Какъ не узнать поэта по рукѣ,
Какъ первые не вспомнать уроки,
Какъ не сказать на дружескомъ столѣ:
Друзья, у насъ есть другъ и въ Хоролѣ!

Стихотвореніе это было напечатано въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1817 года (августъ, стр. 228) и было подписано: «Хорольскій житель на время,— Д —».

Изъ Малороссіи же Дельвигъ прислалъ стихотвореніе Пушкину, гдѣ онъ описываетъ прелести сельской жизни. Вотъ это стихотвореніе:

А. С. П у ш к и н у.

(Изъ Малороссіи).

А я ужель забыть тобою,
Мой братъ по Музѣ, мой Орестъ?
Или нельзя снести мечтою
До тѣхъ обѣтованныхъ мѣстъ,
Гдѣ я зовуся *чернобривымъ*:
Гдѣ дѣвы климатомъ счастливымъ
Воспитанныя въ простотѣ—
(Посмѣйся мнѣ!)—не уступаютъ
Столичнымъ дамамъ въ красотѣ;
Гдѣ взоры ихъ мнѣ общаютъ
Одну веселую любовь;
Гдѣ для того лишь измѣняютъ,
Чтобы плѣнить собою вновь?
Какъ ихъ винить? Сама природа
Ихъ баловница на поляхъ:
Безпечныхъ мотыльковъ свобода,
Разнообразіе въ цвѣтахъ,
И прелесть голубого свода,
Въ спокойныхъ влиаго водахъ,
Лежащихъ въ шумныхъ камышахъ,
И яблонь тихая прохлада,
И лунныхъ таинство ночей,
Когда любовникъ въ мракѣ сада
Ждетъ умирающихъ огней,
Когда душа его томится
И ожиданьемъ, и тоской,
И даже вѣтерка страшится,

И свиста иволги лѣсной—
Все манить здѣсь къ измѣнамъ, къ нѣгѣ,
Все здѣсь твердить: «чета любви!
Любовь летить,—лови, лови!» —
Но въ тряской, скачущей телѣгѣ,
Мой другъ, свободно ли мечтать?
И только мысль тебя обнять,
Съ тобой дѣлить вино, мечтанья,
И о быломъ воспоминанья,—
Меня въ ней можетъ утѣшать...

Не только одною природою восхищался Дельвигъ на югѣ Россіи, но, какъ видно, онъ замышлялъ на югѣ заняться коммерческими предпріятіями. Энгельгардтъ въ письмѣ къ своему питомцу Ѳ. Ѳ. Матюшкину писалъ 20 декабря 1817 года: «Дельвигъ все еще ищетъ въ Южной Россіи какихъ то каменныхъ угольевъ и ни къ кому ни слова не пишетъ». Въ этомъ послѣднемъ Энгельгардтъ ошибался, такъ какъ мы знаемъ, что Дельвигъ обращался къ нѣсколькимъ своимъ друзьямъ съ посланіями въ стихахъ.

Несмотря на эту идиллическую картину малороссійской природы и сельской жизни Малороссіи, Дельвига тянуло въ Царское Село и онъ старался какъ можно скорѣе выбраться изъ своей Украйны. Недаромъ Пушкинъ сказалъ:

...Намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское Село.

И, дѣйствительно, эту мысль подтверждаетъ и Дельвигъ въ своей Элегіи къ Яхонтову, писанной изъ Малороссіи:

Элегія.

(Къ Яхонтову).

Немило мнѣ на новосельѣ:
Здѣсь все увяло—тамъ цвѣло.
Одно и есть мое веселье:
Увидѣть Царское Село!
Цвѣтку милѣй своя поляна
(Тамъ зналъ онъ радости одинъ!),
Чѣмъ яркіе края стакана,
Гдѣ, бѣдный, вянеть на окнѣ.
И пусть при свѣтлой тишинѣ
Небесъ проснувшихся Свѣтлана
Не налюбуется цвѣткомъ
Въ высокомъ теремѣ своемъ;
Пусть окропитъ его слезою

И будетъ нѣжно прижимать
Къ груди, нескрытой подь фатою,
Моля его не увидать,—
Увянетъ!—Я-жь скажу прекрасной:
«Что слезы? Сожалѣть напрасно!
Не нужно было бы срывать!»

Назначеніе Дельвига на службу въ Петербургъ принудило его скорѣе вернуться въ столицу.

Въ 1817 году, 9 іюня, какъ мы знаемъ, баронъ Дельвигъ окончилъ курсъ наукъ въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ съ чиномъ X класса и поступилъ, вмѣстѣ съ Костенскимъ, на государственную службу въ Министерство Финансовъ ¹⁾.

По этому поводу князь Александръ Голицынъ обратился 10 іюня 1817 года, съ письмомъ за № 1759, къ Министру Финансовъ Д. А. Гурьеву, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что «Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизвоилъ: изъ числа выпущенныхъ нынѣ изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея воспитанниковъ Алексѣя Илличевскаго, Константина Костенскаго и барона Дельвига, по засвидѣтельствованіи конференціи Лицея объ окончаніи курса наукъ съ успѣхомъ, наградить чинами Коллежскихъ Секретарей и, согласно желанію ихъ, опредѣлить по Министерству Финансовъ...» Вслѣдствіе этого письма Министръ Финансовъ 10 іюня 1817 года приказалъ: первыхъ двухъ помѣстить въ Канцелярію его, а послѣдняго, т. е. барона Дельвига, въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, о чемъ и сообщить имъ, а о баронѣ Дельвигѣ дать знать въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ.

Формуляръ Дельвига весьма необширенъ. Мы имѣемъ отъ 1825 года слѣдующій его аттестатъ:

А Т Т Е С Т А Т Ъ.

«Данъ сей изъ Императорской Публичной Библіотеки служившему въ оной Помощникомъ Библіотекаря, Титулярному Совѣтнику барону Антону Антонову сыну Дельвигу въ томъ, что онъ изъ дворянъ, обучался въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ; изъ онаго выпущенъ съ чиномъ Коллежскаго Секретаря: вступилъ въ службу въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ 1817 года іюля 6 ²⁾); уволенъ изъ онаго по прошенію его 28 февраля 1819 г.; опредѣленъ въ 3-е Отдѣленіе Канцеляріи Министра Финансовъ 2-го апрѣля того же года; произведенъ въ Титулярные Совѣтники 16 августа 1820 года; изъ оной Канце-

¹⁾ И. Селезневъ: «Матеріалы для исторіи Лицея», 1856 г. См. въ «Памятной книжкѣ Лицея» на 1856—57 годъ, стр. 92.

²⁾ Съ жалованьемъ по 700 руб. ассигнаціями въ годъ.

лярія по прошенію его уволенъ 1-го октября 1821 года; опредѣленъ въ Императорскую Публичную Библіотеку Помощникомъ Библіотекаря по отдѣленію Русскихъ книгъ того же 1821 года, октября 2-го ¹⁾, въ продолженіе службы его въ Библіотекѣ представленъ былъ начальствомъ оной къ денежному награжденію и съ разрѣшенія Комитета Господъ Министровъ по сему представленію награжденъ 17 января 1822 года единовременною выдачею изъ Экономической Библіотечной суммы тысячи рублей на исправленіе въ теченіе года и одного мѣсяца порученныхъ ему отъ начальства Библіотеки трудовъ еще до опредѣленія его въ должность Помощника Библіотекаря, а нынѣ по прошенію его отъ службы Библіотеки уволенъ для опредѣленія къ другимъ дѣламъ ²⁾. Въ продолженіе службы его при Библіотекѣ въ штрахахъ и подѣ судомъ не бывалъ; велъ себя похвально. Въ удостовѣреніе чего и данъ ему сей аттестатъ за моимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати Императорской Публичной Библіотеки. Оленія.—Въ С.-Петербургѣ. Мая 29 дня 1825 года. (Дѣло № 9, 1821 г.)».

Въ Публичной Библіотекѣ бібліотекаремъ и, такъ сказать, ближайшимъ начальствомъ Дельвига былъ нашъ извѣстный баснописецъ И. А. Крыловъ, у котораго Дельвигъ былъ помощникомъ. Дельвигъ поступилъ на это мѣсто вслѣдствіе ухода своего предшественника Сопикова и, будучи по природѣ своей безпечнымъ и лѣнливымъ человѣкомъ, онъ, конечно, не могъ быть находкою для Крылова, такого же безпечнаго и лѣнливаго бібліотекаря, и Крыловъ принужденъ былъ, сбросивъ свою лѣнность, приняться работать по своей должности, сожалѣя о трудолюбивомъ и работоспособномъ своемъ прежнемъ помощникѣ Сопиковѣ ³⁾. Но это не мѣшало, однако, Крылову отдавать должное уваженіе таланту Дельвига и жить съ нимъ въ дружбѣ. По словамъ Николая Михайловича Коншина, «вся обязанность Дельвига (по Библіотекѣ) состояла дежурить иногда здѣсь, исправлять и заполнять какой-то безконечный каталогъ, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, и выдавать книги посѣтителемъ. Крылову приходилось иногда и подежурить самому за лѣвтяя-помощника, но они какъ то не ссорились, слабость полѣниться у нихъ была почти общею» ⁴⁾. Въ этотъ періодъ Императорская Публичная Библіотека была средоточіемъ лучшихъ представителей русской литературы. Въ ней служила цѣлая плеяда даровитыхъ художниковъ пера, какъ, на примѣръ: Крыловъ, Батюшковъ, Гнѣдичъ, Загоскинъ, Востоковъ, Гречъ, Эртель и много другихъ. Начальникомъ былъ Статсъ-Секретарь и Членъ Государственнаго

¹⁾ А до этого съ сентября 1820 г. Дельвигъ занимался въ этой же Библіотекѣ частнымъ образомъ, исправляя обязанности Помощника Библіотекаря.

²⁾ 29 мая 1825 года.

³⁾ Жизнь и сочиненія И. А. Крылова, статья П. А. Плетнева, стр. LXIV.

⁴⁾ Жуковский и Дельвигъ въ изображеніи современника (Николая Михайловича Коншина). Сообщилъ А. Киричничковъ. «Русская Старина» 1897 г., т. LXXXIX, февраль, стр. 277—278.

Совѣта А. Н. Оленинъ, а помощникомъ его былъ графъ С. С. Уваровъ, впоследствии Министръ Народнаго Просвѣщенія и Президентъ Академіи Наукъ. Среди этихъ лицъ Дельвигъ довершилъ свое литературное образованіе и здѣсь же въ немъ зародилась любовь къ изученію классическаго міра; впоследствии онъ началъ учиться греческому языку, чтобы умѣть читать въ подлинникъ Одиссею и Анакреона. Съ этого времени онъ пристрастился къ «идилліи» и оставилъ намъ нѣсколько произведеній въ этомъ родѣ.

Объ этихъ «идилліяхъ» говоритъ Пушкинъ: «Идилліи Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображенія должно имѣть, чтобы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное *чутье* изящнаго, чтобы такъ угадать Греческую поэзію сквозь Латинскія подражанія и Нѣмецкіе переводы, эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, нежели положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ писаніяхъ».

Плетневъ въ письмѣ отъ 31 декабря 1845 г. говоритъ Дмитрію И. Коптеву, что нашелъ только что приведенный отрывокъ Пушкина въ своихъ бумагахъ. Онъ предназначался въ изданіе барона Дельвига: «Сѣверные Цвѣты», въ рубрику подъ заглавіемъ: «Отрывки изъ писемъ, мыслей и замѣчаній», но, по скромности, Дельвигъ исключилъ эти слова Пушкина изъ статьи своего Альманаха ¹⁾).

Покинувъ службу въ Публичной Библиотекѣ, Дельвигъ находился въ отставкѣ всего два мѣсяца и вновь поступилъ на службу 31 іюля 1825 г. въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій.

Въ 1826 году, 6 декабря, Дельвигъ по Высочайшему именному указу, данному Правительствующему Сенату, пожалованъ въ Коллежскіе Ассесоры со старшинствомъ со времени выслуги въ чинѣ Титулярнаго Совѣтника узаконеннаго срока, т. е. съ 16 октября 1824 года.

Въ началѣ января 1826 года Яковлевъ писалъ Вольховскому (4 Января): «Письмо твое къ Дельвигу насъ очень порадовало, хотъ передавать вѣсти съ береговъ рѣки Чараканей (?) на берега Невы и не такъ то легко и удобно, но тѣмъ пріятнѣе должна быть всякая отъ тебя вѣсть, когда ты найдешь удобный случай сказать что нибудь о себѣ. — Наши, кромѣ Дельвига, во все время были здоровы, да и самъ Антонъ начинаетъ оправляться, ты помнишь, я думаю, его всегдашнюю болѣзнь лихорадку: она то недавно потревожила его тучность».

Въ 1828 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, Дельвигъ былъ командированъ на слѣд-

¹⁾ «Русск. Арх.» 1877 г., т. XII, стр. 370. Въ другомъ мѣстѣ Плетневъ пишетъ ему же: «Вы не правы, поставивъ Дельвиговы греческія идилліи на одну линію съ Рыбаками Гнѣдича. И у послѣдняго есть въ краскахъ (не въ драмѣ) много истины, а первый проникнуть всею». (Письмо отъ 4 ноября 1845 г.). Тамъ же, стр. 368.

ствіе по заготовленію въ бывшей Слободско-Украинской губерніи ¹⁾ провіанта для войскъ по высокимъ цѣнамъ.

По поводу этой командировки бывший директоръ Энгельгардтъ, вспоминая феноменальную лѣнь Дельвига, пронизировалъ въ письмѣ своемъ къ Вольховскому отъ 22 марта 1828 года: «Дельвигъ посланъ на какое то слѣдствіе; главная его забота была о томъ, довольно-ли длинна его коляска, чтобы можно спокойно въ ней лежать».

Какъ бы то ни было, на югѣ Россіи Дельвигъ провелъ всю весну и большую часть лѣта 1828 года, а по окончаніи слѣдствія возвратился въ Петербургъ, черезъ Москву, въ іюлѣ того же года. По всѣмъ вѣроятіямъ, командировка эта была весьма удачна, потому что 24 ноября 1828 г. Дельвигъ былъ причисленъ къ Хозяйственному Департаменту Министерства Внутреннихъ Дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій. Въ ноябрѣ 1829 года одинъ изъ корреспондентовъ Вольховскаго, сообщавшій ему въ шуточной формѣ свѣдѣнія о товарищахъ, писалъ о Дельвигѣ: «Дельвигъ, Коллежскій Ассесоръ, по особымъ порученіямъ у Министра Внутреннихъ Дѣлъ, живетъ, какъ кажется, весьма щастливо съ милою супругою. Самъ растолстѣлъ; но у жены тонкій станъ не измѣнился; но за то Дельвигъ трудится надъ изданіемъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ и издалъ полное собраніе своихъ стихотвореній».

Не болѣе года оставался Дельвигъ въ этой должности и 5 декабря 1829 г. былъ уволенъ изъ Хозяйственнаго Департамента для опредѣленія по Департаменту Главнаго Управленія Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, гдѣ также состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій. Здѣсь онъ получилъ чинъ Надворнаго Совѣтника и здѣсь же застала его смерть—въ 1831 году.

Таковъ немудрый формуляръ о службѣ барона Антона Антоновича Дельвига.

По окончаніи курса Царскосельскаго Лицея Дельвигъ отдался всецѣло литературѣ.

Въ первый же годъ по выходѣ изъ Лицея, а именно въ 1818 году, Дельвигъ былъ избранъ въ число дѣйствительныхъ членовъ Высочайше утвержденного С.-Петербургскаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. Общество это издавало журналы «Сынъ Отечества» и «Благонамѣренный» и состояло съ конца 1816 г. подъ предсѣдательствомъ А. Е. Измайлова. Собранія Общества происходили въ Михайловскомъ замкѣ. Въ трудахъ этого общества Дельвигъ принималъ дѣятельное участіе и помѣстилъ шесть своихъ посланій.

Черезъ годъ, въ 1819 году, 22 сентября, Дельвигъ былъ избранъ въ члены-сотрудники Высочайше утвержденного Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, бывшаго тогда подъ предсѣдательствомъ Ѳ. Н. Глинки. Въ

¹⁾ Нынѣшняя Харьковская губернія.

1820 году Общество это избрало его въ дѣйствительные члены. Затѣмъ онъ по баллотировкѣ былъ избранъ, въ числѣ другихъ, членомъ цензурнаго комитета Общества на первую половину 1820 г. Одновременно съ Дельвигомъ были выбраны въ цензурный комитетъ П. А. Плетневъ и И. И. Лобойко. На вторую половину того же года Дельвигъ былъ вновь избранъ на эту должность вмѣстѣ съ княземъ Н. А. Цертелевымъ ¹⁾ и своимъ товарищемъ В. К. Кюхельбекеромъ. Въ трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности Дельвигъ напечаталъ 14 стихотвореній. П. А. Плетневъ въ некрологѣ Дельвига, напечатанномъ въ Литературной Газетѣ за 1831 г., указываетъ, что Московское Общество Любителей Россійской Словесности, бывшее подъ предсѣдательствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго, также избрало Дельвига въ число своихъ членовъ, хотя В. Гаевскій не нашелъ въ протоколахъ и лѣтописяхъ общества его фамиліи, а въ трудахъ общества не нашелъ его сочиненій.

Такимъ образомъ, несмотря на свою лѣтность, Дельвигъ сейчасъ же, по выходѣ изъ Лицея, окупился въ водоворотъ литературной дѣятельности современнаго ему общества и былъ выбранъ, какъ мы уже выше видѣли, въ число членовъ многихъ литературныхъ обществъ. Эта литературная дѣятельность не помѣшала Дельвигу поддерживать дружескія связи съ своими бывшими однокурсниками.

Всего дружнѣе Дельвигъ былъ съ Пушкинымъ; дружба эта сохранилась до самой смерти Дельвига, и Пушкинъ сохранилъ до конца своей жизни восторженное воспоминаніе о Дельвигѣ и высоко цѣнилъ его поэтическій даръ. Изъ другихъ товарищей Дельвигъ былъ расположенъ къ Илличевскому, но дружба эта, вслѣдствіе отъѣзда Илличевского на службу въ Сибирь, была непродолжительна ²⁾. Помимо товарищей своихъ, Дельвигъ особенно былъ друженъ съ тогдашними литераторами, какъ Жуковскій, Плетневъ и проч. Знакомство Дельвига съ Плетневымъ произошло слѣдующимъ образомъ. Плетневъ служилъ въ Екатерининскомъ Институтѣ вмѣстѣ съ В. К. Кюхельбекеромъ, который, какъ извѣстно, былъ товарищемъ Дельвига. При посредствѣ Кюхельбекера и завязалось знакомство между ними вскорѣ послѣ выпуска Дельвига изъ Лицея ³⁾. Плетневъ приобрѣлъ себѣ въ Дельвигѣ заботливаго друга, который, какъ отзывался Плетневъ потомъ, держалъ его «въ ежовыхъ рукавицахъ» ⁴⁾. Дружба ихъ была самая тѣсная, поддерживавшаяся весьма частыми взаимными посѣщеніями, и не прерывалась до самой смерти Дельвига. По общему обычаю Плетневъ писалъ Дельвигу посланія, одно изъ которыхъ начиналось: «Дельвигъ, гдѣ ты учился языку боговъ?» Дельвигъ обыкновенно

¹⁾ Собиратель и издатель русскихъ народныхъ пѣсенъ.

²⁾ См. объ этомъ статью объ Илличевскомъ.

³⁾ См., между прочимъ, П. Барeneuve: «Пушкинъ въ Южной Россіи». М., 1862 г. стр. 136.

⁴⁾ «Переписка», т. I, 42. См. также отзывы объ этой дружбѣ въ «Соч. и переп.», т. II, 16.

венно отвѣчалъ на это: у Кошанскаго ¹⁾). Дельви́гъ, Кюхельбекеръ и Плетневъ хаживали вмѣстѣ на литературные субботніе вечера къ Жуковскому, гдѣ часто бывалъ Пушкинъ. Тамъ съ Пушкинымъ Плетневъ и познакомился ²⁾).

Изъ другихъ привязанностей Дельвига обращаетъ на себя вниманіе его дружба съ поэтомъ Баратынскимъ, начавшаяся вѣкорѣ по выходѣ изъ Лицея. «Сходство характеровъ и занятій,—говоритъ Гаевскій,—почти одинаковыя лѣта, бѣдность и беззаботность въ самое короткое время сблизили обоихъ поэтовъ. Дельви́гъ первый возбудилъ Баратынскаго къ поэзіи и былъ первымъ руководителемъ его музы». О первыхъ трехъ годахъ дружбы Дельвига и Баратынскаго мы имѣемъ свидѣтельство современника Эртеля—пріятеля Дельвига—въ статьѣ: «Выписка изъ бумагъ дяди Александра». Эртель описываетъ въ этой статьѣ наружность Дельвига, рисуеъ его литературныя убѣжденія, отмѣчаетъ нѣкоторыя черты для его характеристики.

«Разъ въ воскресенье,—говоритъ Эртель,—Евгеній ³⁾) вышелъ изъ дому рано утромъ; я также намѣренъ былъ прогуляться, но мой двоюродный братъ ⁴⁾) неожиданно возвратился, ведя за собою незнакомаго для меня человѣка. Это былъ молодой человѣкъ почти одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ, довольно полный, въ коричневомъ сюртукѣ. Большіе, осѣненные густыми темными бровями глаза блестяли сквозь очки въ черной оправѣ; довольно полное, но блѣдное лицо было задумчиво, и вообще вся наружность выражала несвойственное лѣтамъ равнодушіе. Какъ удивился я, когда Евгенийъ, представляя мнѣ этого человѣка, назвалъ его барономъ Дельвигомъ. Я его давно уже зналъ и уважалъ по его стихотвореніямъ, я зналъ, что онъ искренній другъ моего двоюроднаго брата; но я еще ни разу не видалъ его въ лицо. Я не понималъ, какъ могли согласоваться глубокое чувство, веселое добродушіе и неподдѣльная русская оригинальность, которыя такъ привлекали меня въ его стихотвореніяхъ, съ его холодною наружностью и германскимъ именемъ. Но потомъ, когда я узналъ его ближе, какое неистощимое сокровище благородныхъ стремленій, добродушія, человѣколюбія до самопожертвованія и постоянной веселости нашелъ я въ этомъ прекрасномъ человѣкѣ.

«Едва мы провели вмѣстѣ четверть часа, изъ нашего разговора исчезло всенатянутое, и мы будто уже нѣсколько лѣтъ были знакомы другъ съ другомъ. Разговоръ вертѣлся на новѣйшихъ произведеніяхъ русской литературы и коснулся наконецъ театра.

«— Непонятно, сказалъ Дельви́гъ:—что у насъ почти вовсе нѣтъ народныхъ драматическихъ произведеній, между тѣмъ какъ русская исторія обильна.

¹⁾ «Дельви́гъ», ст. Гаевскаго въ «Современникѣ» 1853 г.

²⁾ См. также «Рус. Старина» 1908 г., т. СXXXIV, іюнь, стр. 648—649.

³⁾ Е. Баратынскій.

⁴⁾ Е. Баратынскій.

происшествиями, которыя напрашиваются въ трагедію, а міръ, насъ окружающій, представляетъ богатые матеріалы для комедіи.

« — Вы забываете Озерова, возразилъ я.

« — Да, Озеровъ, сказалъ Дельвигъ:—безъ сомнѣнія, имѣеть большія заслуги; но, однакожь, произведенія его ненародны, несмотря на ихъ содержаніе. Все построеніе его драматическѣхъ произведеній заимствовано изъ старой французской школы, а растянутый александрійскій стихъ несвойственъ нашему языку.

«Евгеній напомнилъ о «Недорослѣ» (das Mutter-söhnchen) фояъ-Визина, и мы разсыпались въ похвалахъ этой истинно русской комедіи... Цѣлый день мы провели вмѣстѣ. Къ намъ присоединился и Павелъ Николаичъ¹⁾, которому знакомство съ любезнымъ Дельвигомъ также доставило большое удовольствіе. Мы обѣдали у Фельета²⁾, и веселое остроуміе оживляло нашъ пиръ. Послѣ обѣда мы отправились на Крестовскій и провели вечеръ въ обычномъ кругу нашихъ друзей, которые приняли Дельвига съ радостью и уваженіемъ. Съ этого дня мы видѣлись почти ежедневно и сдѣлались искренними друзьями. Я съ восторгомъ вспоминаю еще и теперь объ этомъ времени. Съ тѣхъ поръ многое, очень многое пережилось»³⁾.

Баратынскій настолько цѣнилъ и уважалъ Дельвига, который былъ только на два года старше его, что обращался къ нему за совѣтами въ своихъ литературныхъ начинаніяхъ и посылалъ на просмотръ свои произведенія. Баратынскій называлъ Дельвига: «Мой Гораций», и друзья обращались другъ къ другу съ поэтическими посланіями. Въ особенности много было такихъ посланій, когда Баратынскій переѣхалъ въ Финляндію, а именно осенью 1819 года—въ это время Баратынскій былъ опредѣленъ подпрапорщикомъ въ Нейшлотскій пѣхотный полкъ, стоявшій тогда въ Финляндіи, въ Фридрихсгамѣ. Живя въ Финляндіи, Баратынскій дѣлился съ Дельвигомъ своими впечатлѣніями, раскрывалъ передъ нимъ всю свою душу. Волновали ли его мечты о счастіи и блаженствѣ въ жизни, онъ изливалъ ихъ въ стихотвореніяхъ, обращенныхъ къ Дельвигу; одолѣвали ли его мрачныя мысли о смерти, онъ обращался не къ кому-либо другому, а опять-таки къ Дельвигу и ждетъ отъ него отвѣта; даже, когда ему измѣняетъ его возлюбленная, онъ упрекаетъ въ томъ Дельвига, что онъ разрушилъ его мечты, показавъ ему притворство его дульциней.

Объ этомъ времени вспоминаетъ Кюхельбекеръ въ письмѣ къ Дельвигу, написанномъ изъ Марселя 21/9 (?) января 1821 г. Въ немъ онъ пишетъ: «Когда встрѣчали мы 1820 годъ, если не ошибаюсь, у Я(ковлева) и за здоровье своихъ друзей осушали бутылки шампанскаго, мы не подозрѣвали, что нашъ хозяинъ уви-

¹⁾ Одинъ изъ друзей Эртеля.

²⁾ Знаменитый въ то время restaurant въ Морской, въ домѣ Косиковскаго.

³⁾ См. статью В. Гаевского въ «Современникѣ» 1853 г., № V, май, стр. 29—31.

дять 1821 годъ въ пустынной Бухаріи; В(аратынскій) въ суровой Финляндіи, а я подъ благословеннымъ небомъ древней Масиліи. Ты одинъ еще въ С.-Петербургѣ Д(ельвигъ), любезный внукъ Аристинна и Горация: и такъ думаю о моемъ отечественномъ городѣ, о его Крещенскихъ морозахъ, о Крещенскихъ парадахъ, изъ трехъ друзей, съ которыми былъ вмѣстѣ, могу еще только на тебѣ остановить мое сердце, мое воображеніе».

Изъ упомянутыхъ здѣсь трехъ друзей подъ фамиліей Яковлева Кюхельбекеръ имѣеть въ виду брата своего товарища—Павла Лукьяновича Яковлева, который былъ въ Бухарѣ вмѣстѣ съ Вольховскимъ. Подъ буквой «В» подразумѣвается Евгенийъ Абрамовичъ Баратынскій, а подъ «Д»—Дельвигъ ¹⁾).

Въ началѣ 1821 года Баратынскій вернулся въ Петербургъ, такъ какъ бригада, въ которой онъ служилъ въ Финляндіи, получила приказъ занять караулы въ Петербургѣ. Это обстоятельство обрадовало нашихъ поэтовъ, и Дельвигъ выѣхалъ на встрѣчу Баратынскому въ Парголово, чтобы, какъ бы въ предверіи Петербурга, обнять своего Евгения. Баратынскій, послѣ угрюмыхъ скалъ Финляндіи, нашель въ Петербургѣ радушный пріемъ среди тогдашнихъ поэтовъ, писателей и вообще интеллигентныхъ лицъ столицы. Къ сожалѣнію Баратынскаго, въ это время не было въ столицѣ Пушкина, который, какъ мы знаемъ, жилъ тогда въ Кишиневѣ, не было Жуковского (оставшагося за границей, куда онъ отправился вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ), не было поэта Батюшкова, жившаго тогда при посольствѣ въ Неаполѣ. Пріѣздъ Баратынскаго былъ воспѣтъ Дельвигомъ въ стихотвореніи «Диѳирамбъ», въ которомъ мы читаемъ:

Пришли три гостя въ обитель поэтову
 Съ дальнихъ сторонъ:
 Отъ Финновъ блѣдныхъ,
 Ледяноволосыхъ;
 Отъ Рейна старца;
 Отъ моря сыпучаго
 Азійскихъ песковъ.
 Три гостя, съ дѣтства товарищи, спутники,
 Братья мои!
 За мной ко храму!
 Я, плющемъ вѣнчанный,
 При гимнахъ священныхъ,
 Кастору и Поллуксу
 Хвалу и воспую ²⁾).

¹⁾ Отрывокъ изъ путешествія В. Кюхельбекера по Южной Франціи.—«Сѣверный Архивъ» 1825 г., № 12 и 15.

²⁾ Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» вмѣсто этой послѣдней строчки напечатано:

«Овна заколю».

Отъ «Финновъ блѣдныхъ» пришелъ, конечно, Баратынскій; отъ «Рейна старца» — товарищъ Дельвига по Лицею Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, а отъ «Азійскихъ песковъ» другой лицейскій товарищъ — Алексѣй Даміановичъ Илличевскій ¹⁾. По прїѣздѣ въ Петербургъ, Баратынскій, по словамъ князя Д. А. Эристова, поселился вмѣстѣ съ Дельвигомъ на одной квартирѣ, въ Семеновскомъ полку. Жизнь они повели самую безалаберную, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, не имѣя никакой обстановки, питаясь чѣмъ попало, по милости пьянаго слуги Дельвига Никиты. Тѣмъ не менѣе они проводили время весело и беззаботно, тѣмъ болѣе, что такой образъ жизни считался въ то время между поэтами весьма поэтическимъ; бывали моменты, когда подобный беспорядочный образъ ихъ жизни граничилъ съ цинизмомъ. Такъ, Эртель передаетъ довольно циничный разговоръ объ угощеніи Дельвигомъ своихъ прїятелей обѣдомъ ²⁾.

При посредствѣ Дельвига Баратынскій былъ избранъ въ дѣйствительные члены Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности. Въ свою очередь, черезъ Баратынскаго Дельвигъ познакомился съ его ротнымъ командиромъ Николаемъ Михайловичемъ Коншинымъ, который также писалъ стихи ³⁾. Осенью 1821 года Баратынскій возвратился въ Финляндію, такъ какъ полкъ его, окончивъ въ Петербургѣ караульную службу, былъ отправленъ опять въ Финляндію, но онъ занялъ тамъ новую штабъ-квартиру въ Роченсальмѣ. Въ 1822 г., лѣтомъ, Дельвигъ посѣтилъ Баратынскаго въ Роченсальмѣ. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ Эртель и шуринокъ Пушкина — Н. И. Павлищевъ. Здѣсь они провели въ кругу полковыхъ товарищей Баратынскаго нѣсколько прїятныхъ дней. Въ это время Дельвигъ перевелъ съ Баратынскимъ застольную пѣснь «Коцебу»: «Es kann ja nicht immer so bleiben», посвятивъ ее Баратынскому и Коншину. Въ 1824 году Баратынскій былъ произведенъ въ прапорщики и вышелъ въ отставку; переѣхавъ въ Петербургъ, онъ посѣщалъ кружокъ лицейскихъ поэтовъ-товарищей Дельвига, въ числѣ которыхъ бывалъ, какъ самый близкій человѣкъ къ этому кружку, П. А. Плетневъ. Въ слѣдующемъ году (1825) Баратынскій переселился въ Москву, откуда переписывался съ Дельвигомъ и посылалъ ему на просмотръ всѣ свои поэтическія произведенія; онъ почти никогда не печаталъ своихъ произведеній безъ одобренія

¹⁾ Хотя, основываясь на только что приведенномъ письмѣ Кюхельбекера, можно подразумѣвать здѣсь не Алексѣя Даміановича Илличевского, но брата его товарища Павла Лукьяновича Яковлева, вернушагося изъ Бухаріи — «отъ моря сыпучаго азійскихъ песковъ». Какіе же сыпучіе пески въ Сибири, откуда вернулся Илличевскій?

²⁾ См. объ этомъ у Гаевского. «Современникъ» 1853 г., № 5, май, стр. 40—45.

³⁾ Онъ издалъ въ 1830 г. вмѣстѣ съ барономъ Е. А. Розеномъ альманахъ «Царское Село». Впослѣдствіи Коншинъ былъ директоромъ Демидовскаго Лицея и училищъ Ярославской губерніи; ум. 31 октября 1859 г., въ Омскѣ, 65 лѣтъ отъ роду. Коншинъ, между прочимъ, написалъ двѣ замѣтки: 1) В. А. Жуковскій и 2) А. А. Дельвигъ, которыя послужили проф. А. Кирпичникову для статьи въ «Русск. Стар.» 1897 г., т. 89, февраль, стр. 273—279.

и обсужденія ихъ Дельвигомъ. Вообще Дельвигъ былъ первымъ руководителемъ Баратынскаго на его поэтическомъ поприщѣ, такъ какъ онъ первый пробудилъ въ Баратынскомъ талантъ къ поэзіи и остался до конца своей жизни его неизмѣннымъ другомъ. Чѣмъ былъ Дельвигъ для Баратынскаго, всего лучше видно изъ стихотворенія самого Баратынскаго, въ которомъ мы читаемъ:

Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой,
 Путемъ однимъ пойдемъ до двери гроба!
 Дай руку мнѣ—я чувствую, мы оба
 Родилися подъ тою же звѣздой.
 Насъ не вотще судьба соединила:
 Суровая двухъ добрыхъ полюбила,
 И, слабая отъ бѣдствій ихъ спасти,
 Опорою другъ другу быть судила,
 Отъ дѣтскихъ дней знакомы мы съ бѣдами,
 Казалось, у люльки ждалъ насъ рокъ:
 Ты помнишь ли, въ какой печальный срокъ,
 На дружбу мнѣ ты руку далъ впервые,
 И думая: по сердцу мы родные—
 Сталъ навѣщать мой скромный уголокъ?
 Ты помнишь ли, съ какой судьбой суровой
 Боролся я, почти лишенный силъ?
 Не ты ль тогда мнѣ бодрость возвратилъ?
 Не ты ль душѣ повѣялъ жизнью новой?
 Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ музъ:
 Дѣля досугъ межъ ними и тобою,
 Я ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ,
 И передъ ней унизился душою!
 Когда ты самъ носилъ въ душѣ печаль,
 Кому ввѣрялъ признанья въ грусти тайной?
 Не мнѣ ль? скажи: и дружба не всегда ль
 Тебя ждала съ отрадой обычной?
 Забытые фортуною слѣпой
 Мы ей на зло другъ въ другъ все имѣли:
 Любовь и лѣнь, и нѣгу и покой,
 Развеселясь въ забвеньи сердца пѣли,
 И дружества твердя обѣтъ святой,
 Безтрепетно въ глаза судьбѣ глядѣли.
 О, вѣрь мнѣ въ томъ, чѣмъ жребій ни грозитъ,
 Упорствуя въ старинной неприязни,
 Душа моя не вѣдаетъ боязни,
 Души моей ничто не измѣнитъ!
 Такъ, милый другъ, позволять ли мнѣ боги
 Ярмо заботъ сложить когда-нибудь
 И весело на свѣтлый міръ взглянуть,

По прежнему ль ко мнѣ пребудутъ строги —
Всегда я твой! судьей души моей
Ты долженъ быть и въ ведро, и въ ненастье,
Удвоишь ты моихъ счастливыхъ дней
Неполное безъ раздѣленья счастье.
Въ дни бѣдствія я знаю гдѣ найти:
Участіе въ судьбѣ моей тяжелой:
Чтожъ страшно мнѣ на жизненномъ пути?
Иду впередъ съ надеждою веселой!
Еще позволь желаніе одно
Мнѣ произнестъ: молюся я судьбинѣ,
Чтобъ для тебя я сталъ, хотя отнынѣ,
Чѣмъ для меня ты сталъ уже давно.

Въ 1820 году Дельвигъ написалъ стихотвореніе «Днеирамбъ». Такъ стихотвореніе это названо въ полномъ собраніи сочиненій Дельвига (стр. 59), между тѣмъ въ лицейскомъ сборникѣ «Духъ Лицейскихъ Трубадуровъ» стихотвореніе это имѣетъ заглавіе: «Застольная пѣснь». Мы приведемъ здѣсь это стихотвореніе («Застольная пѣснь») въ виду того, что оно имѣетъ варианты по сравненію съ печатнымъ стихотвореніемъ.

З а с т о л ь н а я п ѣ с н ь .

Други! пусть года несутся:
О годахъ ли намъ тужить,
Коль не все и лозы выются?
Но скорѣй и пить—и жить!

* *
*

Громкой смѣхъ надъ лѣкарями
При плесканьи полныхъ чашъ:
Вѣрьте мнѣ, Игея съ нами,
Самъ Ліэй цѣлитель нашъ.

* *
*

Пѣнный Мозель восхищаетъ,
Проливаетъ въ нашу кровь;
Пейте-жъ съ нимъ въ утѣшеніе
И болтливую любовь!

* *
*

Выпили. Еще!... Кругами
Вѣетъ радость на щекахъ,
Порхъ! амуръ забилъ крылами
И мы дремлемъ на цвѣтахъ.

Къ тому же году (1820) относится стихотвореніе «Тихая жизнь», помѣщенное также въ сборникѣ «Духъ Лицейскихъ Трубадуровъ», имѣющее варианты противъ печатнаго стихотворенія. Это стихотвореніе въ исправленномъ видѣ было напечатано Гаевскимъ въ его второй статьѣ о Дельвигѣ въ «Современникѣ» 1853 г., № 5, май, гл. III, стр. 10. Первоначально оно было напечатано въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской словесности» (т. X, стр. 17), но съ значительными измѣненіями въ двухъ послѣднихъ куплетахъ и въ такомъ видѣ оно напечатано въ полномъ собраніи стихотвореній Дельвига, изд. Суворина. Это же стихотвореніе напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1864 г., т. II, стр. 991—993. Мы приводимъ вариантъ «Духа Лицейскихъ Трубадуровъ». Вотъ это стихотвореніе:

Тихая жизнь.

Блаженъ, кто за рубежъ наслѣдственныхъ полей
Ногою не шагнетъ, мечтой не унесетъ,
Кто дышетъ въ родинѣ и съ милюю своей,
Какъ весело заснетъ, такъ весело проснетъ.

* *
* *

Кто молоко отъ стада, хлѣбъ съ нивы золотой
И мягкую волну съ своихъ овецъ собираетъ,
Кому зеленый букъ трещитъ въ огнѣ зимой
И сонъ прохладю въ день лѣтній навѣваетъ.

* *
* *

Спокойно цѣлый вѣкъ прокатитъ онъ трудясь,
Полета быстрого часовъ не примѣчая,
Устанетъ наконецъ, зѣвнетъ перекрестясь,
Протянется, вздохнетъ, да и заснетъ зѣвая.

* *
* *

Такъ жизни Дельвига безвѣстно пролетѣть,
Не плачь, Емилиа! о други! веселиться!
Тамъ, говоритъ Вильгельмъ, мы будемъ гимны пѣть—
Давайте-жъ мнѣ фіаль, здѣсь надобно напитокъ.

Въ 1820 г. въ жизни Дельвига былъ какой-то эпизодъ, который могъ повредить всей его жизненной карьерѣ. Въ чемъ этотъ эпизодъ заключался, намъ неизвѣстно. Гаевскій тоже ничего не упоминаетъ объ этомъ. Мы находимъ намекъ на этотъ эпизодъ въ письмѣ Энгельгардта къ Ѳ. Ѳ. Матюшкину отъ 10 сентября 1820 г. Въ этомъ письмѣ между прочимъ мы читаемъ: «Дельвигъ пьетъ и спитъ и кромѣ очень глупыхъ и опасныхъ для него разговоровъ—ничего не дѣлаетъ».

Отличаясь от природы лѣнностью, Дельвигъ, однако, охотно посѣщала литературные салоны того времени. Между тогдашними литературными салонами выдѣлялся домъ Софіи Дмитріевны Пономаревой, урожденной Познякъ, съ братомъ которой, Иваномъ Дмитріевичемъ, Дельвигъ былъ знакомъ въ Лицеѣ, такъ какъ онъ воспитывался въ немъ и былъ моложе Дельвига на одинъ годъ ¹⁾. Пономарева, по сообщенію князя Д. А. Эристова, часто посѣщала брата въ Лицеѣ вмѣстѣ съ А. Е. Измайловымъ; здѣсь Пономарева познакомилась съ многими лицами старшаго класса, въ томъ числѣ и съ Дельвигомъ. Потомъ, въ 1821 году, у ней образовались литературные вечера, на которые собирались представители враждующихъ партій, или отдѣльно, въ извѣстные дни или, такъ сказать, на общія собранія. Здѣсь можно было встрѣтить Измайлова, Панаева, Сомова и вообще многихъ сотрудниковъ «Благонамѣреннаго», издававшагося Измайловымъ, а также и Членовъ Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ; съ другой стороны—Дельвига, Илличевскаго, Гнѣдича, Баратынскаго. Большинство изъ поэтовъ воспѣвали Пономареву въ стихахъ и когда она померла, то всѣ эти поэты написали въ честь ея разныя надгробія и воспоминанія въ стихахъ. Уваженіе къ ней передавалось ко всему окружающему ее. Такъ, когда околѣла ея любимая собачка Мальвина, Дельвигъ написалъ, въ утѣшеніе ей, элегію въ подражаніе стихотворенію Катюла: «На смерть воробья». И какъ было не восторгаться Дельвигу Пономаревой, когда она во время болѣзни его приняла самое дружеское участіе въ судьбѣ поэта. Когда онъ выздоровѣлъ, то посвятилъ ей посланіе, гдѣ мы читаемъ:

За ваше нѣжное участіе
 Большой пѣвецъ благодарить;
 Оно его животворить;
 Онъ молить: «Боже, дай ей счастье
 Въ сопутники грядущихъ дней!
 Болѣзни мнѣ, здоровье ей!
 Пусть и по жизненной дорогѣ
 Пройду и въ мукахъ и тревогѣ:
 Ее-жь пускай ведутъ съ собой
 Довольство, радость и покой!»
 Вчера я былъ въ дверяхъ могилы;
 Я таялъ въ медленномъ огнѣ;
 Я видѣлъ: жизнь, поднявши крылы,
 Прощальный взоръ бросала мнѣ;
 Ни мысли въ головѣ, ни чувства
 Въ недужномъ сердцѣ не храня,

1) Воспитанникъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, 2-го выпуска, 1820 г... съ чиномъ X класса.

Терялъ невольню вѣру и
 Врачей въ печальныя искусства:
 Свой одръ въ мечтахъ я окружалъ
 Судьбой отнятыми друзьями,
 Въ послѣдній разъ имъ руки жалъ,
 Молилъ послѣдними словами
 Мой бѣдный гробъ не провожать,
 Не орошать его слезами,
 Но чаще съ лучшими мечтами
 Мечту о другѣ съединять.
 И вѣсть о васъ, какъ вѣсть спасенья,
 Надежду въ сердце пролила;
 Въ душѣ проснулись волненья:
 И въ вашемъ образѣ пришла
 Ко мнѣ порою усыпленья
 Игея съ чашей исцѣленья...» ¹⁾.

Вообще Пономарева вдохновляла поэтовъ, и всѣ они наперерывъ писали ей мадригалы, элегіи, посланія. Конечно, и Дельвигъ не отставалъ отъ общаго увлеченія, и можно было бы найти много стихотвореній, хотя и не обозначенныхъ именемъ Пономаревой, но въ которыхъ чувствуется, что это писано для нея или о ней.

Помимо салона Пономаревой, въ 1820 г. образовался литературный салонъ у А. Θ. Воейкова, только что переѣхавшаго въ Петербургъ изъ Дерпта, гдѣ онъ былъ профессоромъ русской словесности. Въ этомъ салонѣ первенствующее положеніе занимала сама хозяйка Александра Андреевна Воейкова, рожденная Протасова, родная племянница Жуковскаго, который посвятилъ ей еще въ 1815 г. свою «Свѣтлану». Съ 1822 г. Воейковъ началъ издавать, вмѣстѣ съ Василиемъ Ивановичемъ Козловымъ, журналъ «Новости Литературы» ²⁾. Въ этомъ салонѣ собирались Жуковскій, его другъ Ив. Ив. Козловъ, Баратынскій, Плетневъ, Дельвигъ, Рылѣевъ и Бестужевъ, также и Языковъ ³⁾. Тутъ возникла дружба Языкова съ Дельвигомъ, которая продолжалась до смерти послѣдняго. Первые шаги Языкова на поэтическомъ поприщѣ были встрѣчены Дельвигомъ съ дружескимъ сочувствіемъ и поощреніемъ. Дельвигъ не только ободрялъ Языкова при первомъ появленіи его стиховъ, но предсказалъ ему литературную извѣстность. Вотъ что Дельвигъ написалъ ему:

¹⁾ Стихотворенія А. Дельвига. Изд. А. С. Суворина, стр. 37.

²⁾ Козловъ въ послѣдствіи былъ сотрудникомъ «Сѣверной Пчелы» и умеръ 11 мая 1825 г., на 33 году жизни. Погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.

³⁾ Николай Михайловичъ Языковъ—русскій Анакреонъ—род. 4/16 марта 1803 г., въ Симбирскѣ, † 26 декабря (7 января) 1847 г., въ Москвѣ.

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ идти къ парнасскимъ высотамъ,
Тебѣ вѣнокъ (повѣрь моимъ словамъ)
Плететь Амуръ съ Каменной сладкогласной.

Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасной
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,

И за себя боговъ благословилъ.
Пѣвца Пировъ ¹⁾ я съ Музой подружилъ,
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье ²⁾.

Въ журналѣ Воейкова «Новости Литературы», кромѣ Дельвига, принимали участіе Баратынскій, Батюшковъ, кн. П. А. Вяземскій, Жуковскій, Капнистъ, И. Козловъ, Авр. Сергѣевичъ Норовъ, П. А. Плетневъ, Н. Полевой, А. Пушкинъ, В. Пушкинъ, Н. Языковъ и многіе другіе. Журналъ этотъ выходилъ въ 1822—23 годахъ еженедѣльно по листу, а въ 1824—25 и 26 годахъ ежемѣсячно по книжкѣ. Въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ (1822—23 г.г.) Дельвигъ помѣстилъ въ немъ 13 стихотвореній, имено: Романсы: 1) «Сегодня я съ вами пирую, друзья», 2) «Одинокъ въ облакахъ плылъ мѣсяцъ туманный», 3) «Когда, душа, просилась ты», 4) Сонетъ: «Я плылъ одинъ съ прекрасною въ гондолѣ», 5) Романсъ: «Вчера вакхическихъ друзей», 6) Романсъ: «Только узналъ я тебя», 7) «Къ Лилѣ», 8) «Къ выпущенной птичкѣ»; Сонеты: 9) «Н. М. Языкову», 10) «Златыхъ кудрей пріятная небрежность», 11) «Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье», 12) «Къ Музамъ» и 13) «Жалоба». Съ 1824 года появилось въ «Новостяхъ Литературы» еще пять стихотвореній Дельвига, но они были перепечатаны изъ другихъ изданій, самъ же Дельвигъ уже больше не участвовалъ въ изданіи Воейкова. Онъ принялъ участіе въ журналѣ Булгарина подъ названіемъ «Литературные листки». Впрочемъ, участіе Дельвига и Пушкина въ этомъ журналѣ Булгарина было только случайное. Въ періодъ съ 1822 по 1824 г. появились разнаго рода альманахи, которые, въ большинствѣ случаевъ, были подражаніемъ нѣмецкихъ и французскихъ альманаховъ того времени. Въ 1823 г. явились въ Петербургѣ: «Полярная Звѣзда» — лучший альманахъ того времени, въ которомъ принимали участіе самыя выдающіеся писатели того времени. Альманахъ этотъ пользовался особеннымъ

¹⁾ Поэма Баратынскаго.

²⁾ Стихотв. А. Дельвига. Изд. А. С. Суворина, стр. 26.

вниманіемъ общества, и о немъ говорили всѣ, какъ о выдающемся явленіи въ литературной жизни Россіи. Онъ вполне отвѣчалъ потребностямъ читателей. Дельвигъ помѣстилъ въ первой книжкѣ «Полярной Звѣзды» четыре стихотворенія: 1) Русская пѣсня: «Ахъ, ты ночь-ли»¹⁾, 2) «На смерть ***», сельская алегія, 3) «Вдохновеніе», сонетъ, и 4) Пѣсня: «Роза-ль ты, розочка», изъ которыхъ три первыя принадлежатъ къ лучшимъ стихотвореніямъ Дельвига. Во второй книжкѣ, явившейся въ 1824 г., Дельвигъ помѣстилъ пять стихотвореній, а именно: двѣ русскихъ пѣсни: 1) «Что, красотка молодая» и 2) «Голова-ль, моя головушка»; два романа: 3) «Прекрасный день, счастливый день», 4) «Не говори: любовь пройдетъ» и 5) Сонетъ: «С. Д. Пономаревой». Третья книжка «Полярной Звѣзды» вышла только въ апрѣлѣ 1825 года. Дельвигъ въ ней не помѣстилъ своихъ стихотвореній, такъ какъ въ то время онъ издалъ свои «Сѣверные Цвѣты», которые вышли въ январѣ 1825 г.; изъ-за нихъ то и опоздала «Полярная Звѣзда».

Необыкновенный успѣхъ «Полярной Звѣзды» способствовалъ появленію бездны новыхъ альманаховъ. Между прочимъ въ Москвѣ Кюхельбекеръ, вмѣстѣ съ княземъ Одоевскимъ, сталъ издавать «Мнемозину». Хотя Кюхельбекеръ и былъ товарищемъ Дельвига въ Лицеѣ и даже они были очень дружны между собою, но Дельвигъ не помѣстилъ ни одного своего стихотворенія въ «Мнемозинѣ», между тѣмъ какъ Пушкинъ помѣстилъ въ «Мнемозинѣ» одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній: «Къ морю» («Прощай, свободная стихія»).

Кромѣ «Полярной Звѣзды», въ Петербургѣ были изданы еще слѣдующіе альманахи: «Майскій Листокъ», изданный М. Вестужевымъ-Рюминымъ, «Русская Старина», изданная А. Корниловичемъ, «Русская Талія», изданная Ѡ. Булгаринимъ, «Невскій Альманахъ», Егора Аладьива. Наконецъ, въ 1825 году «Сѣверные Цвѣты» Дельвига. Слухи объ этомъ изданіи появились за годъ до его выхода. Поводъ къ изданію «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» былъ слѣдующій. Составители «Полярной Звѣзды» послѣ успѣха первой книжки, изданной книгопродавцемъ И. В. Сленинымъ, рѣшили слѣдующія книжки издавать самостоятельно, безъ участія Сленина. Тогда Сленинъ обратился къ Дельвигу съ предложеніемъ составить альманахъ и вызвался быть его издателемъ. Дельвигъ согласился и обратился къ составителямъ «Полярной Звѣзды», предложивъ имъ участвовать въ задуманномъ имъ альманахѣ. Они охотно согласились на это предложеніе, но затѣмъ, боясь, что новый альманахъ подорветъ успѣхъ «Полярной Звѣзды» отказались отъ этого согласія; это обстоятельство послужило къ взаимному разрыву ихъ пріятельскихъ отношеній, и они стали даже рѣдко видѣться.

¹⁾ Нужно замѣтить, что, кромѣ Глинки, на слова той же пѣсни: «Ахъ, ты ночь-ли, ноченька» написалъ музыку Н. Мельгуновъ, который также написалъ музыку и на романсъ Пушкина: «Я помню чудное мгновеніе»; на этотъ же романсъ написалъ музыку и Глинка. (См. А. Бирпичниковъ: Между Славянофилами и Западниками. Н. А. Мельгуновъ. «Рус. Старина» 1898 г., т. ХСѢ, ноябрь, стр. 307, примѣч.).

Это неудовольствіе по поводу изданія Дельвигомъ и Сленинымъ новаго альманаха выразилъ одинъ изъ издателей «Полярной Звѣзды», Александръ Александровичъ Бестужевъ, въ письмѣ къ неизвѣстному лицу въ Парижъ отъ 3 марта 1824 года: «Кюхельбекеръ издаетъ Альманахъ въ 4 томахъ подъ заглавіемъ «Мнемозина», онъ еще не показался, а г-нъ Сленинъ и Дельвигъ издають на 25 годъ «Сѣверные Цвѣты», точно тоже, что и наша «Звѣзда»: это спекуляція промышленности. Имъ завидно, что въ три недѣли мы продали всѣ 1.500 экземпляровъ— посмотримъ удачи» ¹⁾).

Въ 1825 г. Дельвигъ составилъ и выпустилъ въ свѣтъ альманахъ «Сѣверные Цвѣты», которій издавался вплоть до 1832 г. Этого альманаха всего вышло восемь книжекъ, считая въ томъ числѣ послѣднюю книжку, изданную Пушкинымъ въ пользу родныхъ Дельвига. Это былъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ альманаховъ. Дельвигъ съумѣлъ привлечь къ участію въ этомъ альманахѣ всѣхъ лучшихъ писателей его времени. Здѣсь участвовали, кромѣ самого Дельвига, Пушкинъ, Баратынскій, Крыловъ, кн. Вяземскій, Жуковскій, Гнѣдичъ, Козловъ, Плетневъ, Ѳ. Глинка и др. Всѣ перечисленные выше поэты дали свои стихотворенія въ первую книжку «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», появившуюся въ началѣ января 1825 г. Пушкинъ помѣстилъ здѣсь «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», «Демонъ» («Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы...»), «Прозерпина» («Плещуть волны Флегетона...»). Дельвигъ въ первой книжкѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» помѣстилъ слѣдующія стихотворенія—русскія пѣсни: «На яву и въ сладкомъ снѣ», «Скучно, дѣвушки, весною жить одной», «Пѣла, пѣла пташечка», романсъ: «Друзья, друзья! я—Несторъ между вами» и идиллію: «Купальщицы».

Впослѣдствіи Дельвигъ издалъ отдѣльно свои русскія пѣсни и посвятилъ ихъ Прасковѣ Александровнѣ Осиповой. Разрѣшенія на это посвященіе онъ просилъ въ письмѣ отъ 15 сентября 1826 года. Письмо это замѣчательно тѣмъ, что Дельвигъ успокаиваетъ въ немъ Осипову въ ея тревогѣ за внезапный отъѣздъ Пушкина въ Москву съ фельдъегеремъ ²⁾).

Что касается до прозаическихъ статей этого сборника (1825 г.), то здѣсь мы находимъ статью Плетнева о русскихъ поэтахъ, статью Е. Баратынскаго объ исторіи кокетства, Воейкова—прогулка въ селѣ Кусковѣ, Ѳ. Глинка—древніе замки и, наконецъ, нѣсколько статей анонимныхъ. Дельвигъ, готовивъ первую книжку «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», писалъ Пушкину отъ 10 сентября 1824 г.: «Цвѣты мои печатаются. Въ первыхъ числахъ декабря увидишь ихъ».

Въ письмѣ отъ начала февраля 1826 г. Дельвигъ писалъ Пушкину въ село Михайловское: «Сѣверные Цвѣты» давно готовы; одинъ Дашковъ не совсѣмъ вы-

¹⁾ «Русск. Стар.» 1889 г., т. LXIII, августъ, стр. 376.

²⁾ «Русскій Архивъ» 1894 года, кн. 9, стр. 143.

протася, а такого одного ждуть съ охотою семеро. Твоя вторая пѣснь «Онѣгина» вездѣ читается и переписывается. Я не только что никому ее не давалъ, да и самъ не имѣю. Твой экземпляръ отдалъ Вяземскому, и для «Цвѣтовъ» тобою предназначенные куплеты его жена мнѣ и переписала, и прислала». (Переписка, т. I, стр. 324). Наконецъ, 7 апрѣля 1826 года Дельвигъ пишетъ Пушкину: «Милый Пушкинъ, посылаю тебѣ п Прасковѣ Александровнѣ на силу разцвѣтшіе «Сѣверные Цвѣты». Желаю, чтобъ они тебѣ показались. Я, было, выпросивши у тебя позволеніе напечатать отрывокъ объ Овидіи, хотѣлъ помѣстить къ нему картинку: да что дѣлать съ нашими скотами-академиками! Ни одинъ не могъ сдѣлать что-нибудь сносное. Съ досады нашъ Дельвигъ (Sic) бросился къ Григоровичу, уговорилъ его написать статью о русскихъ художникахъ и велѣлъ гравировать съ пяти русскихъ хорошихъ картинъ. Граверы сдѣлали, сколько могли. Къ будущему году жду отъ нихъ еще большаго. Пора имъ привыкнуть къ альманачному вкусу! Къ будущему году надѣюсь на тебя, какъ на каменную стѣну, надѣюсь лично отъ тебя получить лучшіе цвѣты для моего парника или теплицы. Отъ Баратынскаго тоже. Деньги твои я взялъ, какъ хорошій Министръ Финансовъ, т. е. назначилъ Плетневу источникъ уплаты: я купилъ у Баратынскаго «Эду» и его Сочиненія, и «Эда», продаваясь, въ скоромъ времени погаситъ совершенно мой долгъ. Живи, душа моя, надеждами дальними и высокими, трудись для просвѣщенныхъ внуковъ; надежды же близкія, земныя оставь на старанія друзей твоихъ и доброй матери твоей. Онѣ очень исполнимы, но еще не теперь. Дождись коронаціи, тогда можно будетъ просить Царя, тогда можно отъ него ждать для тебя новой жизни. Дай Богъ только, чтобъ она полезна была для твоей поэзіи. Прошай, обнимаю тебя. 7-го апрѣля.

«Жена моя тебѣ кланяется и благодаритъ за поздравленіе. Еще прощай».

Во второй книжкѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» напечатаны слѣдующія стихотворенія Дельвига: «Въ альбомѣ С. Г. К—ой» (стр. 14), «Н. И. Гнѣдичу» (стр. 55), «Мы» (стр. 66), «Эпитафія» (стр. 66), «Луна» (стр. 105), Русская пѣсня: «Соловей мой, соловей...» (стр. 127—128) и «Двѣ звѣздочки» (стр. 129—131).

Первыя двѣ книжки альманаха были изданы на счетъ Сленина, съ третьей книжки Дельвигъ принялъ на свой счетъ все это изданіе. Велѣдствіе лѣности и безопасности Дельвига третья книжка альманаха вышла позже своего срока. Въ ней также были два отдѣла прозы и стиховъ. Отдѣлъ прозы былъ довольно бѣденъ, въ отдѣлѣ же стиховъ были помѣщены нѣсколько лучшихъ поэтическихъ произведеній Пушкина. Что же касается до стихотвореній Дельвига, то въ этой книжкѣ были помѣщены слѣдующія его произведенія: «Диѳирамбъ» на пріѣздъ трехъ друзей, идиллія «Друзья», «Въ альбомѣ А. Н. В—фъ», и «Геній-Хранитель». Въ составленіи четвертой книжки альманаха на 1828 г. принималъ дѣятельное участіе Пушкинъ, которому, какъ извѣстно, въ 1827 году разрѣшено было пребы-

ваніе въ обѣихъ столицахъ. Пушкинъ далъ Дельвигу отрывокъ изъ «Онѣгина», «Графа Нулина», сцену изъ «Бориса Годунова» и нѣсколько мелкихъ стихотвореній, какъ это видно изъ письма Пушкина отъ 31 іюля 1827 г. изъ Михайловскаго ¹⁾. Книга эта была составлена удачнѣе предыдущихъ и вышла въ началѣ января, благодаря тому, что въ сотрудники къ себѣ Дельвигъ пригласилъ Сомова, который относился къ выходу «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» болѣе аккуратно, чѣмъ Дельвигъ. Въ этой книжкѣ приняли участіе Ватюшковъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, Козловъ, Баратынскій, Языковъ и Подолнскій. Въ этой книжкѣ помѣщены отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія, принадлежащія Пушкину, но появившіяся безъ его подписи. Въ этихъ отрывкахъ были разсужденія Пушкина объ идилліяхъ Дельвига, который изъ скромности исключилъ это мѣсто изъ статьи. Дельвигъ напечаталъ въ этой книжкѣ альманаха слѣдующія свои произведенія: «На смерть В—ва», «На смерть собачки Амики», «Отвѣтъ», «Утѣшеніе», идиллія: «Нѣкогда Титиръ и Зоя», эпиграмма: «Свитокъ истлѣвшій съ трудомъ развернули» и «Смерть .

Въ 1825 году баронъ Дельвигъ посѣтилъ Пушкина въ селѣ Михайловскомъ. Въ этомъ же году у Пушкина, какъ извѣстно, былъ другой его товарищъ Н. И. Пущинъ (11 января). Пріѣзда Дельвига Пушкинъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ и справлялся часто у своего брата, когда Дельвигъ пріѣдетъ. «Дельвига жду... — пишетъ Пушкинъ брату изъ Тригорскаго —...Мочи нѣтъ, хочется Дельвига». (Письмо отъ 14 марта. Переписка Пушкина, т. I, стр. 190 и 191).

Наконецъ, неутерпѣвъ, Пушкинъ пишетъ Дельвигу изъ Михайловскаго въ срединѣ марта того же года: «Дельвигъ, живъ ли ты?» — Дельвигъ отвѣчаетъ Пушкину отъ 20 марта изъ Витебска слѣдующимъ письмомъ:

«Милый Пушкинъ, вообрази себѣ, какъ меня судьба отдаляетъ отъ Михайловскаго. Я ужъ былъ готовъ отправиться за Прасковьей Александровной къ тебѣ, вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ отецъ и беретъ съ собою въ Витебскъ. Отлагаю свиданье наше до 11 марта, — и тутъ вышло не по моему. На четвертый день пріѣзда моего къ своимъ попадаюсь въ руки короткой знакомой твоей, въ руки Горячки, которая посѣтила меня не одна, а съ воспаленіемъ въ правомъ боку и груди. Кровопусканіе и шпанскія мухи сократили ихъ посѣщеніе, и я теперь выздоравливаю и собираюсь выѣхать изъ Витебска въ четвергъ на Святой недѣль, слѣдственно, въ субботу у тебя буду. Изъ Петербурга я нѣсколько разъ писалъ къ тебѣ: но у меня былъ человѣкъ немного свободно-мыслящій. Онъ не полагалъ за нужное отправлять мои письма на почту. — Каково здоровье твое, душа моя! Ежели ты получишь письмо мое въ началѣ Страстной недѣли, то еще успѣешь отвѣчать мнѣ, когда найдешь это пріятнымъ для себя. Я ничего не знаю Петербургскаго, и ты меня можешь поподчивать новостями «онаго», хотя литературныя

¹⁾ См. Переписка, т. II, стр. 35.

новости наши болѣе скучны и досадны, нежели занимательны. Онѣгинъ твой у меня, читаю его и перечитываю и горю нетерпѣніемъ читать продолженіе его, которое должно быть, судя по первой главѣ, любопытнѣе и любопытнѣе.

«Цѣлую крылья твоего Генія, радость моя. Прощай, до свиданья. Дельвигъ. Отецъ, мать и сестра Антонида тебѣ кланяются».

Объ этой болѣзни спрашивалъ Пушкина К. Θ. Рылѣевъ въ письмѣ отъ 20 марта 1825 г.: «Что Дельвигъ? Не у тебя ли онъ? Здѣсь говорятъ, что онъ опасно заболѣлъ» ¹⁾. Въ другомъ письмѣ, отъ 25 марта того же года, Рылѣевъ писалъ Пушкину: «Что Дельвигъ? По слухамъ онъ долженъ быть у тебя. Радуюсь его выздоровленію и свиданію вашему. Съ нетерпѣніемъ жду его, чтобъ выслушать его мнѣніе объ остальныхъ пѣсняхъ твоего Онѣгина» ²⁾. Въ слѣдующемъ письмѣ Рылѣевъ писалъ: «Здѣсь слышно, что Дельвигъ уже у тебя. Правда ли?... А ты обними Дельвига» ³⁾.

Въ началѣ апрѣля Пушкинъ писалъ своему брату: «Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ Эгоизма, изъ Аневризма и проч.»—А немного раньше въ этомъ же письмѣ онъ писалъ, что ожидаетъ Кюхельбекера: «Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ и Анахарзиса Клоппа, который вѣрно сердится на меня за то, что мнѣ не по нутру *Ръзвоскачущая кровь Гриб—а*». (Переписка, т. I, стр. 202).

Въ первой половинѣ апрѣля К. Θ. Рылѣевъ спрашивалъ у Пушкина: «Здѣсь слышно, что Дельвигъ уже у тебя: правда ли?» (Переписка, т. I, стр. 204—205). Наконецъ, 23 апрѣля Пушкинъ пишетъ брату: «Какъ я былъ радъ баронову прїѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились—а онъ равнодушенъ какъ колода, любитъ мечтать на постелѣ, восхищаясь Чигиринскимъ Старостомъ. Приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цалуя сто разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей (напримѣръ, устриць)». (Переписка, т. I, стр. 207).

Въ концѣ же апрѣля Пушкинъ написалъ Вяземскому: «Дельвигъ у меня. Черезъ него пересылаю тебѣ 2 главу Онѣгина...» (Переписка, т. I, стр. 209). Сообщая о пересылкѣ 2 главы «Онѣгина» съ Дельвигомъ, Гротъ въ своей «Хронологической канвѣ» указываетъ, что Дельвигъ прїѣхалъ къ Пушкину въ Михайловское 20 апрѣля ⁴⁾.

О посѣщеніи Дельвигомъ въ деревнѣ Пушкина и о томъ значеніи, какое придавалъ этому посѣщенію Пушкинъ, мы находимъ указанія въ элегіи на «19 октября» (1825 года), гдѣ Пушкинъ говоритъ:

¹⁾ Переписка. Подъ ред. Саитова. Т. I. Спб., 1906 г., стр. 189.

²⁾ Ibid, стр. 198.

³⁾ «XIX вѣкъ», II. Бартенева, т. I.

⁴⁾ Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 200.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
 Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной,
 Подъ бурю головой поникъ я томной,
 И ждалъ тебя, вѣщунъ пермесскихъ дѣвъ,
 И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
 О, Дельвигъ мой: твой голосъ пробудилъ
 Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
 И бодро я судьбу благословилъ ¹⁾.

Дельвигъ пробылъ у Пушкина нѣсколько дней и возвратился въ Петербургъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, 30 октября 1825 г. онъ женился на Софіи Михайловнѣ Салтыковой. Быть можетъ, приготовленія къ свадьбѣ и были причиною, что Дельвигъ въ это время никому не писалъ, въ томъ числѣ и Пушкину. Пушкинъ въ письмѣ своемъ къ Дельвигу отъ первой половины юня 1825 г. упрекаетъ его: «Жду, жду писемъ отъ тебя—и не дождусь—не принялъ ли ты опять во услуженіе покойнаго Никиту—или ждешь оказіи?» ²⁾ (Переписка, т. I, стр. 230).

По поводу свадьбы Дельвига Пушкинъ писалъ ему нѣсколько разъ. Такъ, 23 юля 1825 г. Пушкинъ писалъ изъ Михайловскаго Дельвигу слѣдующія строки: «Ты, слышалъ я, женишься въ Августѣ, поздравляю мой милый—будь щастливъ хоть это чертовски мудроно — Цалую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее какъ дочь Салтыкова и жену Дельвига». (Переписка Пушкина, т. I, стр. 241). Въ другомъ письмѣ изъ Михайловскаго (сентябрь—октябрь 1825 г.) Пушкинъ писалъ Дельвигу: «Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣйшему Арзамасцу, будущему своему тестю—а изъ жены своей сдѣлай Арзамаску—непремѣнно». (Переписка, т. I, стр. 300).

Жена Дельвига была дочерью Михаила Александровича Салтыкова, пріятеля Василя Львовича Пушкина ³⁾. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ этомъ Салтыковѣ, родившемся въ 1769 г. Онъ началъ службу въ царствованіе Екатерины II, поступивъ, въ чинѣ поручика, на военную службу въ 1787 г.; черезъ два года онъ уже былъ мапоромъ, а въ 1794 г. произведенъ въ подполковники; находился при князѣ Потемкинѣ: участвовалъ въ кампаніяхъ 1789 и 1790 г.г. Въ 1796 году Салтыковъ вышелъ въ отставку, а въ 1801 г., имѣя 32 года отъ роду, пожалованъ былъ званіемъ дѣйствительнаго камергера и причисленъ къ Коллеіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1812 г. назначенъ былъ По-

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. С.-Петербургъ, 1903 г., т. II, стр. 43.

²⁾ Письмо это замѣчательно тѣмъ, что въ немъ Пушкинъ высказываетъ свой взглядъ на Державина.

³⁾ «Рус. Арх.» 1899 г., кн. 7, стр. 463. См. о немъ Московское письмо Н. Н. Бантышъ-Каменскаго къ князю А. В. Куракину отъ 1 марта 1794 г. «Рус. Арх.» 1876 г., кн. 12, стр. 385.

печителемъ Казанскаго Учебнаго Округа; умеръ въ 1852 году, въ Москвѣ. Салтыковъ былъ очень образованнымъ человекомъ, отлично владѣлъ французскимъ языкомъ и отличался своею любезностью. Овдовѣвъ рано, онъ имѣлъ двухъ дѣтей— Михаила и Софью, которой при выходѣ замужъ за Дельвига было 19 лѣтъ (она родилась въ 1809 г.).

Послѣ свадьбы Дельвига Пушкинъ писалъ ему 26 февраля 1826 г. слѣдующія шуточные строки:

«Мой другъ Баронъ, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ Гименеемъ

Jo hūmen Hūmenaeē io,
Jo hūmen Hūmenaeē!

т. е. чортъ побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побери.—Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: Апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геенну и во огонь вѣчныя.—обнимаю и поздравляю тебя—рекомендуй меня баронессѣ Дельвигъ». (Переписка, т. I, стр. 327).

Закадычный пріятель Дельвига Баратынскій обратился къ нему по случаю его свадьбы съ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Ты распрощался съ братствомъ шумнымъ
Безстыдныхъ, бѣшеныхъ, но добрыхъ шалуновъ,
Съ безчинствомъ дружескихъ веселыхъ ихъ пировъ
И съ нашимъ счастьемъ вольнодумнымъ.
Благовоспитанный степенный Гименей
Пристойно замѣнилъ проказника Амура,
И вѣтренныхъ подругъ, и вѣтренныхъ друзей,
И сластолюбца Эпикура» и проч.¹⁾

По указанію Гаевского, это стихотвореніе было первоначально напечатано въ альманахѣ «Сиріусъ», изданномъ въ 1826 г. М. А. Бестужевымъ-Рюминымъ, подъ заглавіемъ: «Въ альбомѣ на другой день послѣ его свадьбы», съ подписью: «Баратынскій». Затѣмъ оно было перепечатано въ «Славянинѣ» (1830 г.), журналѣ А. Ѳ. Воейкова.

У Дельвига послѣ его женитьбы стали устраиваться²⁾ литературныя собранія, на которыхъ два раза въ недѣлю, по средамъ и воскресеньямъ, собиралось дру-

¹⁾ «Современникъ» 1854 г., № IX, сентябрь, стр. 6.

²⁾ Въ это время Дельвигъ жилъ на Большой Милліонной улицѣ, въ домѣ госпожи Эбелингъ, какъ значится на письмѣ Пушкина отъ февраля 1826 г. изъ Михайловскаго. (Переписка, т. I, стр. 326). Тотъ же самый адресъ Дельвига указываетъ Е. А. Баратынскій въ письмѣ къ Н. А. Полевому отъ 23 ноября 1827 г. («Русск. Арх.» 1872 г., стр. 351).

жеское общество, состоявшее какъ изъ его товарищей по Лицею, такъ и другихъ лицъ, связанныхъ съ нимъ литературными отношеніями. На этихъ литературныхъ собраніяхъ встрѣчались Крыловъ, Жуковскій, Гнѣдичъ, Измайловъ, Сомовъ, П. Яковлевъ, князь Вяземскій, Плетневъ, Веневитиновъ, Подолинскій, Щастный¹⁾, баронъ Розень и позже Гоголь, а также и лицейскіе товарищи Дельвига—Пушкинъ, Иличевскій, М. Л. Яковлевъ, князь Эристовъ (II курса) и другіе.

По словамъ Н. М. Коншина, Дельвигъ горячо любилъ своихъ друзей. Бывало мы заводили вокругъ его хоры, распѣвали его пѣсни, проникнутыя простотой чувства неподдѣльнаго и благородствомъ его. Дельвигъ вообще любилъ казаться старикомъ, переживавшимъ, пережившимъ, но мрачности не было въ его характерѣ. Когда онъ былъ тронутъ, въ глазахъ его выражалось величіе и глубокое чувство любви къ прекрасному... Дельвигъ почти не умѣлъ смѣяться, но милая добрая улыбка его никогда не забудется... — Далѣе Коншинъ такъ характеризуетъ Дельвига: «Бывъ двадцатилѣтнимъ юношей, Дельвигъ обладалъ постоянною степенью нрава, что подало однажды поводъ Пушкину сказать, что онъ *родился женатымъ*. Болѣзненная полнота его казалась дородствомъ: онъ былъ росту выше чѣмъ средняго; лицо имѣлъ открытое, лобъ высокій, прекрасный, всегда спокойный; голубые глаза его, вѣчно вооруженные очками, высказывали невыразимую доброту, умъ и мысль.

*«Въ Лицеѣ мнѣ запрещали носить очки, сказалъ онъ мнѣ однажды: за то всѣ женщины казались мнѣ прекрасны; какъ я разочаровался въ нихъ послѣ выпуска»*²⁾).

Дружескія собранія у Дельвига посѣщали также и Михаилъ Ивановичъ Глинка, котораго познакомилъ съ Дельвигомъ лѣтомъ 1828 г. Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ. На этихъ собраніяхъ Глинка игралъ въ четыре руки съ бывшею тамъ дѣвицею Лигле. Дельвигъ передѣлалъ для музыки свою пѣсню: «Ахъ, ты ночь ли, ноченька»³⁾. Въ это же время Глинка написалъ музыку на стихотвореніе Дель-

¹⁾ Василій Николаевичъ Щастный, родомъ Литвинъ, служилъ въ Государственной Канцеляріи, писалъ довольно много изрядныхъ стиховъ въ альманахахъ; но услуга его литературѣ русской состоитъ въ томъ, что онъ перевелъ на русскій языкъ очень успѣшно поэму знаменитаго польскаго поэта Мицковича «Фарисъ», которую въ его переводѣ, истинно изящномъ, можно не безъ удовольствія прочесть и нынѣ, даже въ нашъ не поэтическій вѣкъ. Г. Щастный былъ довольно пріятный и способный молодой человекъ, тогда лѣтъ 25-ти съ небольшимъ.

(«Русскій Вѣстникъ» 1871 г., т. ХСУ, «Мое знакомство съ Воейковымъ», статья Петербургскаго старожилы В. Б., стр. 629).

²⁾ Жуковскій и Дельвигъ въ изображеніи современника (Н. М. Коншина), статья А. Кирпичникова. «Русск. Стар.» 1897 г., т. LXXXIX, февраль, стр. 278.

³⁾ Нужно замѣтить, что, кромѣ Глинки, на слова той же пѣсни: «Ахъ, ты ночь ли, ноченька» написалъ музыку Н. Мельгуновъ, который также написалъ музыку и на романсъ Пушкина: «Я помню чудное мгновеніе». — на этотъ же романсъ, какъ

вига: «Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили». Этотъ романъ очень удачно пѣвалъ М. Л. Яковлевъ. Изъ женскаго персонала между прочимъ посѣщала Дельвига Анна Петровна Кернъ, которой Пушкинъ, какъ извѣстно, написалъ стихотвореніе: «Я помню чудное мгновеніе», музыку къ которому написалъ Глинка.

Анна Петровна Кернъ оставила интересныя воспоминанія ¹⁾ о своемъ знакомствѣ съ семействомъ Дельвига. По ея словамъ, Дельвигъ въ то время, къ которому относятся воспоминанія Кернъ, жилъ на Владимірской улицѣ, въ домѣ Кувшинникова, потомъ Алферовскаго; въ этомъ же домѣ жила и Кернъ. Про собранія, которыя устраивались у Дельвига, Кернъ замѣчаетъ, что тутъ «собирались не съ одною только цѣлью бесѣдовать, но и читать что-нибудь новое, написанное посѣтителями, и слышать мнѣніе Дельвига, пользовавшагося репутаціей проницательнаго и безпристрастнаго цѣнителя. Во всемъ кружкѣ была родственная простота и симпатія; дружба, шутка и забавныя эпитеты, которые придавались чуть ли не каждому члену маленькой республики, могутъ служить характеристикой этой дѣтски веселой семьи». Кернъ въ своихъ воспоминаніяхъ между прочимъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ образѣ жизни Дельвига. Дельвигъ имѣлъ обыкновеніе по утрамъ заниматься въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, отделенномъ простой перегородкой изъ зеленой тафты отъ передней. По утрамъ приходила къ Аннѣ Петровнѣ въ ея кабинетъ жена Дельвига заниматься корректурую «Сѣверныхъ Цвѣтовъ»; потомъ онѣ вмѣстѣ читали, работали, учились итальянскому языку у Лангера, лицеиста II курса. Дельвигъ являлся хлѣбосольнымъ хозяиномъ, любилъ, чтобы у него было хорошее вино и вкусный столъ. По словамъ Кернъ, юморъ Дельвига, его гостепрѣимство и деликатность наводили ее на мысль о сходствѣ Дельвига съ Вальтеръ-Скоттомъ. «Въ его поэтической душѣ была какая то дѣтская ясность, сообщавшая собесѣдникамъ безмятежное чувство счастья, которымъ проникнуть былъ самъ поэтъ. Этой особенностью Дельвига восхищался Пушкинъ... Дельвигъ любилъ доставлять другимъ удовольствія и мастеръ былъ устраивать ихъ и изобрѣтать». Въ особенности его развлекали загородныя поѣздки, катанье экспромтомъ куда нибудь за городъ. Въ этихъ катаньяхъ, кромѣ Дельвига и жены его, принимали участіе Кернъ и Сомовъ, всегда интересный собесѣдникъ, а также двоюродный братъ Кернъ, А. Н. Вульфъ. О довольно продолжительной экскурсіи на Иматру сообщаетъ М. И. Глинка, который пишетъ въ своихъ запискахъ, что въ іюнѣ 1828 г. онъ съ Корсаковымъ, Дельвигъ съ женою, Кернъ и Орестъ Сомовъ совершили прогулку на Иматру. Везшій ихъ чухонецъ ямщикъ

извѣстно, написалъ музыку и Глинка. (См. А. Кирпичниковъ: «Между Славянофилами и Западниками. Н. А. Мельгуновъ». «Рус. Стар.» 1898 г., т. ХСVI, ноябрь, стр. 307. примѣч.).

¹⁾ Л. Майковъ: «Пушкинъ». Спб., 1899 г., стр. 223—265.

пѣль пѣсню, мотивъ которой послужилъ главною темою для баллады Финна въ оперѣ «Русланъ и Людмила».

Объ этой поѣздкѣ на Иматру передаетъ В. П. Гаевскій, но приурочиваетъ ее къ 1829 г. Вотъ что онъ пишетъ о ней: «Лѣто 1829 года Дельвигъ провель въ Петербургѣ, на дачѣ у Крестовскаго перевоза въ Колтовской¹⁾, бывшей тогда однимъ изъ самыхъ любимыхъ лѣтнихъ помѣщеній. Въ концѣ іюня Дельвигъ съ своимъ семействомъ и въ сопровожденіи Сомова и В. П. Лангера²⁾ ѣздилъ на Иматру. Въ Выборгѣ присоединился къ ихъ обществу извѣстный композиторъ М. И. Глинка съ однимъ ихъ общимъ знакомымъ, и все они провели нѣсколько дней въ путешествіи по живописнымъ горамъ Финляндіи. Впечатлѣнія этой поѣздки описаны Сомовымъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Четыре дня въ Финляндіи. Письма къ одному пріятелю въ Москву» (М. А. Максимовичу), въ которыхъ, однакожъ, не названы участвовавшіе въ поѣздкѣ»³⁾.

Въ 1829 году, въ теченіе лѣта, Глинка часто видался съ Дельвигомъ, и Дельвигъ написалъ ему слова: «Не осенній частый дождикъ». Музыку этихъ словъ, какъ говоритъ Глинка, онъ взялъ на романсъ Антонида: «Не о томъ скорблю, подруженьки» въ оперѣ «Жизнь за Царя»⁴⁾.

Послѣ своей свадьбы Дельвигъ рѣдко отлучался на продолжительное время изъ Петербурга. По формуляру его значится, что онъ бралъ отпускъ на четыре мѣсяца въ 1827 г. (съ 31 мая); этотъ отпускъ былъ вызванъ болѣзнью его жены, которой доктора посовѣтовали поѣхать въ Ревель для купанья въ морѣ. Въ Ревелѣ Дельвигъ присутствовалъ при смотрѣ флота; зрѣлище это вдохновило Дельвига, и онъ написалъ сонетъ русскому флоту:

Что вдали блеснуло и дымится...⁵⁾

¹⁾ Сообщено М. А. Максимовичемъ. Примѣч. В. П. Гаевского.

²⁾ Лангеръ, Валеріанъ Платоновичъ, воспитанникъ II курса Императорскаго Царскосельскаго Лицея, выпуска 1820 г. (іюнь), статскій совѣтникъ, Почетный Вольный Общникъ Императорской Академіи Художествъ и Чиновникъ особыхъ порученій при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія; въ 1844—45 г. читалъ въ Лицеѣ лекціи по теоріи изящныхъ искусствъ, по книгѣ: «Краткое руководство къ познанію изящныхъ искусствъ, основанныхъ на рисункѣ». См. «Историч. Очеркъ Императорскаго Лицея», Н. Селезнева. Спб., 1861 г., стр. 280.

³⁾ Первые четыре письма о поѣздкѣ въ Финляндію напечатаны въ «Сѣверной Пчелѣ» 1829 г. (№№ 110, 111, 112, 114 и 116); а остальные два въ «Литературной Газетѣ» 1830 г. (№№ 34, 35 и 36). Описаніе этой поѣздки издано въ концѣ 1830 года отдѣльною книжкою, съ шестью видами описанныхъ мѣстъ, рисованныхъ съ натуры В. П. Лангеромъ и съ нотами финской пѣсни, записанной съ голоса М. И. Глинкой. Примѣчаніе В. П. Гаевского.

⁴⁾ Записки М. И. Глинки. Спб., 1871 г., стр. 41 и 42, а также «Рус. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 492.

⁵⁾ Полное собраніе стихотвореній барона А. Дельвига, изд. 3, А. С. Суворина, стр. 28.

Объ этой поѣздкѣ Яковлевъ сообщалъ Вольховскому въ письмѣ отъ 5 мая 1827 г. изъ С.-Петербурга: «Въ концѣ нынѣшняго мѣсяца Дельвигъ ѣдетъ съ женою въ Ревель. NB «Съверные Цвѣты» его на нынѣшній годъ прелестны. Не догадается ли онъ тебѣ послать». Пушкинъ также интересовался здоровьемъ жены Дельвига. Онъ писалъ 31 іюля 1827 года изъ Михайловскаго: «Что твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее цалуетъ, а я ей кланяюсь». Въ этомъ письмѣ Пушкинъ сообщаетъ о своихъ литературныхъ трудахъ и между прочимъ пишетъ:

Если кончу посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ... Рыцарскій Ревель разбудилъ ли твою заспанную Музу?» (Переписка, т. II, стр. 35).

Какъ мы уже упомянули выше, въ началѣ 1828 года Дельвигъ былъ командированъ въ Слободско-Украинскую губернію на слѣдствіе. Проѣздомъ черезъ Москву онъ остановился у Баратынскаго. Здѣсь, въ Москвѣ, Дельвигъ былъ радушно принятъ среди тамошней литературной братіи; онъ посѣщалъ литературные кружки, и даже въ честь его устраивались литературные вечера. Между прочимъ такой вечеръ устроилъ у себя С. А. Соболевскій. Объ этомъ вечерѣ сообщалъ М. А. Максимовичъ Гаевскому. Здѣсь Максимовичъ въ первый разъ познакомился съ Дельвигомъ, отъ котораго онъ былъ въ восхищеніи, такъ какъ они сошлись на интересной для обоихъ темѣ—о народныхъ русскихъ пѣсняхъ; слѣдуетъ замѣтить, что Максимовичъ былъ издателемъ малороссійскихъ пѣсень, «и мы, —говоритъ Максимовичъ,—съ часъ пробесѣдовали о народныхъ русскихъ пѣсняхъ, которыхъ онъ въ ту пору былъ, безъ сомнѣнья, однимъ изъ первыхъ знатоковъ».

Баратынскій по поводу пріѣзда Дельвига въ Москву писалъ Пушкину: «Дельвигъ погостилъ у меня короткое время. Онъ много говорилъ мнѣ о тебѣ: между прочимъ передалъ мнѣ одну твою фразу, и ею меня нѣсколько опечалилъ.— Ты сказалъ ему: «Мы нынче не переписываемся съ Баратынскимъ, а то бы я увѣдомилъ его»— и проч.— Неужели, Пушкинъ, короче прежняго познакомься въ Москвѣ, мы стали съ тѣхъ поръ болѣе чуждыми другъ другу? — Я, по крайней мѣрѣ, люблю въ тебѣ по-старому и человѣка, и поэта» ¹⁾).

Затѣмъ Дельвигъ поѣхалъ въ Харьковъ на слѣдствіе. Изъ Харькова онъ послалъ игривое письмо Пушкину, гдѣ писалъ: «Ваше Поэтическое Высокопревосходительство, честь имѣю донести вамъ, что я уже 10 дней нахожусь въ Г. Харьковѣ, гдѣ не перестаю говорить объ васъ съ Г. Г. Профессорами, судьящими о васъ по рекомендаціи Фаддея Венедиктовича. Напримѣръ, слышалъ я отъ нихъ, что вышеупомянутая персона ставить «Цыгановъ» выше всѣхъ произведеній европейскихъ Музъ. Горько мнѣ было молчать, но подумавъ, что великія тѣни Гомера, Данте и Шекспира сами могутъ за себя говорить, оставилъ я намѣреніе возражать противу сего афоризма. При томъ же помыслилъ: да будетъ Булгаринъ

¹⁾ Переписка Пушкина, т. II, стр. 54.

пророкомъ хотя во градъ Харьковѣ, и да скажетъ онъ, услыша, какъ здѣсь вѣрятъ въ слова его: «вѣры такой и въ Израилѣ не обрѣтохъ». Проѣзжая первопрестольный градъ Москву, ходилъ я на поклоненіе къ поклоняемому и славимому Ивану Ивановичу Дмитріеву и приложился къ мощамъ преподобнаго дядюшки вашего. Почтенные братья, князь Петръ и Евгений, представили меня всей низшей братіи московской. Видѣлъ я поющихъ, воиющихъ, взывающихъ и глаголящихъ. Шевыревъ пѣлъ, вопіялъ и зывалъ, но не глаголилъ: гнѣвъ противу «Цѣврной Пчелы» носилъ его на крыліяхъ вѣтра, онъ не касался до земли, развѣ изрѣдка носками сапожными. Раичъ благоухалъ анисовою водкою и походилъ на отпущенника или домоваго пінгу. Хвалился милостію Вашею и проч. Влагослови, святыи Александръ, брата младшаго твоего Антонія и посѣти будущіе «Цѣврные Цвѣты его духомъ животворящимъ, яко же посѣщалъ ихъ прежде. Здравія и долгоденствія желаетъ тебѣ братъ любезнѣйшии, твой Дельвигъ, и супруга его Софія».

На оборотѣ: «Его Высокоблагородію Николаю Ивановичу Павлицеву. Въ С.-Петербургѣ. На Владимірской улицѣ, въ домѣ Кувшинникова. Доставьте: А. С. Пушкину» ¹⁾).

Къ пребыванію Дельвига въ Харьковѣ относится написанныи имъ «Хоръ для выпуска воспитаницъ Императорскаго Харьковскаго Института».

Тогдашняя начальница Института А. Г. Литинская представила эту кантату Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и Дельвигъ былъ удостоенъ лестнаго для него вниманія Ея Величества, о чемъ онъ самъ сообщаетъ въ примѣчаніи къ этой кантатѣ ²⁾).

Въ бытность Дельвига въ Харьковѣ умеръ въ Витебекѣ его отецъ, который, какъ мы знаемъ, былъ тамъ начальникомъ округа внутренней стражи. Послѣ смерти отца мать и сестра Дельвига переѣхали на житѣ въ Тульскую губернію, въ Чернскій уѣздъ, въ имѣніе, принадлежавшее его матери. Сюда прѣхалъ А. А. Дельвигъ для устройства хозяйственныхъ и семейныхъ дѣлъ. Отсюда онъ писалъ Н. А. Полевому въ Москву отъ 13 іюля 1828 г. и просилъ одолжить на одинъ мѣсяць тысячу рублей. «Деньги, писалъ онъ, мнѣ необходимы въ теперешнемъ положеніи моемъ: я лишился отца, долженъ привести въ порядокъ деревенскія дѣла, чтобы оставить спокойнѣе семью мою; въ теперешнее же время года деревня только обѣщаетъ деньги, а не даетъ» ³⁾). О своемъ горѣ Дельвигъ сообщилъ также и Пушкину; въ первой половинѣ іюля 1828 г. изъ Черни онъ писалъ: «Хлопочи, хлопочи обо мнѣ, братъ Пушкинъ, и пожалтѣй меня. Добрыи отецъ мой умеръ. Скажи о моей печали почтеннѣйшему Сергѣю Львовичу и На-

¹⁾ Переписка Пушкина, т. II, стр. 55—56.

²⁾ Полное собраніе стихотвореній Дельвига, стр. 146—147.

³⁾ Сообщено Гаевскому г. Геннади.

деждѣ Осиповнѣ. Я увѣренъ, они примутъ живое участіе въ горѣ моемъ. Цѣлую ручки у Надежды Осиповны, Ольги Сергѣевны; Павлицеву кланяюсь. Въ Августѣ увижусь съ тобой. Жена моя цѣлуетъ тебя въ геніальный лобъ. Будь здоровъ. Твой Дельвигъ» ¹⁾).

Устроивъ свои дѣла въ деревнѣ, Дельвигъ возвратился въ Петербургъ и принялся за составленіе книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» на 1829 г. Въ изданіи этой книжки помогали ему Сомовъ, но самое главное участіе въ составленіи и подборѣ матеріаловъ для нея проявилъ Пушкинъ, который, помимо того, что далъ много своихъ произведеній, привлекалъ и другихъ литераторовъ къ участію въ этомъ альманахѣ Дельвига, какъ это видно изъ двухъ его писемъ къ Дельвигу изъ Малинниковъ отъ середины ноября 1828 г. и отъ 26 ноября того же года ²⁾). Въ этой книжкѣ Дельвигъ напечаталъ слѣдующія свои произведенія: «Сонтъ», «Хоръ для выпуска воспитанницъ Харьковскаго Института» и романсъ: «Одинокое мѣсяць плыль» ³⁾).

Для составленія этой книжки набралось матеріаловъ больше, чѣмъ требовалось; тогда Дельвигъ рѣшилъ издать новый альманахъ, подъ заглавіемъ «Подснѣжникъ», первая книжка котораго и вышла на святой 1829 г. безъ указанія именъ издателей. Она заключала, какъ и «Сѣверные Цвѣты», тѣ же отдѣлы, имѣла тотъ же форматъ и отличалась также преимущественно стихотворнымъ матеріаломъ; въ ней встрѣчаются имена тѣхъ же авторовъ, которые участвовали въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты». Изъ стихотвореній Дельвига въ «Подснѣжникѣ» напечатаны: русская пѣсня «Сиротинушка, дѣвушка», «Хоръ изъ Колинновой трагедіи: «Поликсена» и пѣсня: «Дѣдушка! дѣвицы», къ которой приложена музыка М. И. Глинки. Здѣсь же помѣщено стихотвореніе Иличевскаго— посланіе женѣ Дельвига, подъ заглавіемъ: «Баронессѣ С. М. Д.», стихотвореніе «19 октября 1828 г.», безъ подписи, рассказъ безъ подписи, подъ заглавіемъ: «Маскарадъ», принадлежащій перу двоюроднаго брата поэта — барону Александру Ивановичу Дельвигу, убитому, на 21 году отъ роду, въ стычкѣ подъ Варшавою ⁴⁾). Объ этой усиленной литературной дѣятельности Дельвига сообщаетъ Энгельгардтъ въ письмѣ къ Ѳ. Ѳ. Матюшкину отъ 25 февраля 1829 г., гдѣ пишетъ: «Дельвигъ издаетъ нынѣ уже по два альманаха въ годъ, а между тѣмъ все толстѣетъ».

¹⁾ Переписка Пушкина, т. II, 1908 г., стр. 69.

²⁾ Тамъ же, стр. 80—81.

³⁾ Перепечатанъ съ исправленіями изъ «Новостей Литературы» 1822 г.

⁴⁾ Братъ его, баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ, сообщилъ В. П. Гаевскому, что, кромѣ «Маскарада», напечатаннаго въ «Подснѣжникѣ» 1829 г., его брату Александру принадлежитъ еще переводъ «Ундины», повѣсти Ламоть-Фуке, изданной отдѣльно въ 1831 г. Отзыви объ этомъ переводѣ были напечатаны въ «Литературной Газетѣ» 1831 г. (т. III, № 23, стр. 189) и въ «Сѣверномъ Меркуріи» 1831 г. (№ 59, стр. 239—240).

Этимъ новымъ альманахомъ Дельвига интересовался и князь Вяземскій; онъ писалъ Пушкину отъ 23 января 1829 г.: «Правда ли что онъ (Дельвигъ) издастъ къ краснымъ яйцамъ «Подсѣжникъ»? Если нѣтъ то пускай возвратитъ онъ мнѣ стихи оставшіеся мои» ¹⁾).

Къ 1829 году относится первое отдѣльное изданіе стихотвореній Дельвига, вышедшее въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и оцѣненное въ 10 руб. экземпляръ, что признавалось слишкомъ дорогимъ для книги «въ 10 съ небольшимъ печатныхъ листовъ, безъ гравюръ, напечатанной такимъ образомъ, что на многихъ страницахъ пришлось по четыре и даже по два стиха», какъ о томъ справедливо замѣчаетъ Ксенофонтъ Полевой въ своей рецензій въ «Московскомъ Телеграфѣ». Вообще это собраніе стихотвореній подверглось сильной критикѣ литературныхъ враговъ Дельвига; особенно была неприятна Дельвигу критика «Галатен» (1829 г., ч. IV, № 19, стр. 182—191)—журнала, издававшегося С. Раичемъ, и Дельвигъ написалъ возраженіе въ «Сынѣ Отечества» (1829 г., ч. IV, № 22, стр. 124—125). О другихъ полемическихъ выходкахъ тогдашнихъ журналистовъ противъ Дельвига сообщаетъ очень подробно В. П. Гаевскій въ статьѣ подъ заглавіемъ «Дельвигъ» («Современникъ» 1854 г., сентябрь, № 9).

По поводу этого изданія стихотвореній Дельвига М. П. Погодинъ писалъ С. П. Шевыреву отъ 29 мая 1829 г.: «Скучное собраніе стихотвореній Дельвига вышло; въ Москвѣ не куплено еще ни одного экземпляра». Между тѣмъ И. В. Кирѣевскій въ своемъ «Обзорѣ русской словесности» далъ восторженный отзывъ объ этомъ собраніи стихотвореній. Между прочимъ Кирѣевскій писалъ: «Баронъ Дельвигъ издалъ Собраніе своихъ стихотвореній. Также, какъ Баратынскій, онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ новѣйшихъ школъ и даже подражанія его древнимъ носятъ печать оригинальности. Муза барона Дельвига была въ Греціи, она воспиталась подъ теплымъ небомъ Аттики; но ея нѣжная краса не вынесла бы холоднаго мрачнаго Сѣвера, если бы поэтъ не прикрылъ ея нашею народною одеждою; если бы на ея классическія формы онъ не набросилъ душегрѣйку новѣйшаго унынія» ²⁾). Это выраженіе Кирѣевского «душегрѣйка» было поднято на смѣхъ всею литературною братіей того времени и послужило мишенью для остротъ тогдашнихъ журналистовъ, о чемъ такъ же очень подробно рассказываетъ В. П. Гаевскій.

Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. были напечатаны слѣдующія стихотворенія Дельвига: «Четыре возраста фантазіи», «Грусть», «Слезы любви», русская пѣсня: «Какъ у насъ ли на кровелькѣ», малороссійская мелодія: «Я-ль отъ ста-

¹⁾ Переписка, т. II, стр. 86, а также «Русск. Арх.» 1879 г., кн. 8, стр. 483.

²⁾ «Русскій Архивъ» 1882 года, кн. 3, стр. 92 и 93.—Письма М. П. Погодина къ С. П. Шевыреву, съ примѣчаніями Н. П. Барсукова.

раго бѣжала», «Удѣлъ поэта» и двѣ большихъ идилліи: «Отставной солдатъ» и «Изобрѣтеніе ваянія».

Вообще года 1829 и 1830 были обильны всякими альманахами. Дельвигъ не помѣщалъ своихъ стихотвореній въ чужихъ альманахахъ. Только въ двухъ альманахахъ онъ напечаталъ нѣкоторые свои произведенія. Такъ, въ альманахѣ «Царское Село» на 1830 г., изданномъ Н. М. Коншинымъ и барономъ Е. О. Розеномъ, съ которыми его связывала личная дружба и пріятельскія отношенія, были напечатаны слѣдующія произведенія Дельвига: пѣсня «Что ты, пастушка, приуныла» и «Застольная пѣсня». Для этого альманаха лицеистъ В. П. Лангеръ нарисовалъ съ натуры портретъ Дельвига, о которомъ Дельвигъ писалъ барону Розену: «Лангеръ рожу рисуешь мою и, кажется, трафигъ...»—Въ этотъ же альманахъ Пушкинъ далъ свою «Загадку» ¹⁾, въ которой выражена тонкая похвала Дельвигу:

«Кто славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ германецъ?...»

Вообще весь этотъ альманахъ посвященъ Дельвигу и наполненъ восторженными отзывами о немъ; къ такимъ стихотвореніямъ относится посланіе Деларю, стихотвореніе Розена: «Аделина», сказка Сомова и проч. Здѣсь же помѣщенъ разсказъ: «Село Ивановское», съ подписью: «А. В. Лидге»; псевдонимъ этотъ принадлежитъ двоюродному брату поэта, барону Александру Ивановичу Дельвигу.

Второй альманахъ, въ которомъ помѣстилъ свои произведенія Дельвигъ, былъ альманахъ «Денница» на 1830 г., изданный въ Москвѣ М. А. Максимовичемъ, издателемъ малороссійскихъ пѣсенъ. Въ этомъ альманахѣ Дельвигъ напечаталъ свою русскую пѣсню: «По небу», отправляя которую въ Москву, снабдилъ ее слѣдующимъ письмомъ:

«Почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ. Посылаю вамъ русскую пѣсню. Извините: тѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Лучше нѣтъ. Впередъ угрожу вамъ болѣе. Если бы здоровье мое было на что-нибудь похоже, и теперь прислалъ бы что-нибудь важнаго. О. М. (Сомовъ) васъ будетъ просить участвовать въ газетѣ нашей. Я попрошу васъ лично. Надѣюсь въ семь мѣсяцъ съ вами увидѣться. Будьте здоровы и любите васъ искренно любящаго и уважающаго Дельвига». Письмо это писано 12 декабря 1829 г.

Еще въ 1829 г. Пушкинъ и князь П. А. Виземскій доказывали Дельвигу, что слѣдуетъ заняться изданіемъ общественной газеты, которая давала бы безпристрастную критику о произведеніяхъ русской словесности и чтобы эта критика ограничилась только сужденіями о произведеніяхъ писателя, не затрагивая личностей ихъ и не допуская на своихъ страницахъ литературной перебранки. И, дѣйствительно, Дельвигъ изъ-за своихъ альманаховъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся литера-

¹⁾ Напечатанную на стр. 4.

турная его партія подвергались самымъ злобнымъ выходкамъ остальной журнальной братіи. Эта журнальная братія наполняла страницы своихъ журналовъ и альманарховъ перебранкою и травлею Дельвига и его партіи и не давала никакихъ дѣльных критическихъ отзывовъ о литературныхъ произведеніяхъ партіи Дельвига. Между тѣмъ читатели, не принадлежащіе къ полемизирующимъ партіямъ, могли ожидать болѣе безпристрастныхъ отзывовъ. Для противодѣйствія такому направленію журналистики Пушкинъ и Вяземскій стремились создать такой періодическій органъ печати, который давалъ бы тогдашнему русскому читателю правдивую критику безъ полемическихъ выходокъ. По свидѣтельству князя П. Вяземскаго, «корифеи» нашей литературы вооружились противъ Булгарина и К^о, потому что эти господа «пздѣвались и закидывали грязью все высшіе, политическіе и нравственные идеалы», которымъ служили эти «корифеи», и нравственно и умственно развращали читающую публику ¹⁾. Созданіе такого органа взялъ на себя Дельвигъ, который въ 1830 г. сталъ издавать «Литературную Газету». У него уже былъ готовъ составъ сотрудниковъ изъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ», къ нимъ онъ еще пригласилъ нѣкоторыхъ другихъ. Программа «Литературной Газеты» заключалась: 1) изящная словесность (стихи и проза), 2) библиографія, 3) критика и 4) смѣсь: извѣстія о театрахъ, анекдоты, объявленія, ученые извѣстія. Газета выходила черезъ каждые пять дней въ размѣрѣ большого листа in 4. По поводу этого новаго литературнаго предпріятія Дельвига Энгельгардтъ писалъ Матюшкину 7 апрѣля 1830 г.: «Дельвигъ жирѣетъ и издаетъ «Литературную Газету», довольно хорошую». «Литературная Газета» Дельвига была не только что довольно хороша, но она представляла собою первую виѣпартійную газету въ Россіи, преслѣдующую серьезныя литературныя цѣли; въ этой газетѣ важное мѣсто занялъ отдѣлъ критики, которая, по мнѣнію Дельвига, не должна была представлять пустую перебранку «и личныя привязки, а пользу какой-нибудь науки или искусства» ²⁾. (Охотно утѣлялось мѣсто въ этой газетѣ прозѣ и стихамъ.

«Литературная Газета» при своемъ возникновеніи снискала полнѣйшее благоволеніе своихъ читателей, особенно своимъ отдѣломъ критики. Въ средѣ литературной братіи газета Дельвига не нашла сочувствія; здѣсь, главнымъ образомъ, играла зависть ея успѣху въ обществѣ: противная партія не могла примириться съ удачнымъ литературнымъ органомъ барона Дельвига. Въ своей полемикѣ она доходила до того, что отрицала у Дельвига всякій литературный талантъ и доказывала, что слава Дельвига непосредственно зависитъ отъ пріязни его съ А. Пушкинымъ и Баратынскимъ ³⁾.

¹⁾ «А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива». Спб., 1880 года. т. II, стр. 52.

²⁾ «Московскій Телеграфъ» 1829 г., ч. 30, № 24, стр. 470.

³⁾ См. «Сѣверную Звѣзду» 1829 г., статью Бестужева-Рюмина: «Мысли и замѣчанія Литературнаго Наблюдателя».

Создавъ «Литературную Газету», Дельвигъ уѣхалъ въ Москву въ концѣ января 1830 г.; это не помѣшало изданію газеты, и она продолжала выходить безъ Дельвига, при дѣятельномъ участіи Пушкина и князя Вяземскаго. Вообще князь Вяземскій былъ самый ревностный сотрудникъ литературныхъ предпріятій Дельвига. Такъ, въ 1825 году при изданіи «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» Вяземскій писалъ отъ 4 августа Пушкину: «Неужели Дельвигъ сердился на меня за молчаніе? Я хоронилъ¹⁾ и умиралъ, вотъ причины моей невѣжливости. Онѣ достаточны. Оправдай меня передъ нимъ, хотя и самъ я съ нимъ видѣлся и извинялся. Для Цвѣтовъ дамъ ему своей ромашки. Вотъ, пожалуй, что вылилось у меня здѣсь! Только надобно кое-что исправить. Замять и доставь мнѣ замѣчанія»²⁾).

Помимо Пушкина, Вяземскій обращался, между прочимъ, и къ А. Я. Булгакову съ письмомъ отъ 23 ноября 1830 года, въ которомъ писалъ: «Если ты еще не послалъ въ «Сѣверную Пчелу» своего холерическаго письма, дай мнѣ его для «Литературной Газеты». Хотя въ холерѣ и мало литературы, а особливо изящной, но Дельвигъ будетъ тебѣ благодаренъ»³⁾).

Вяземскій высоко ставилъ литературную дѣятельность Дельвига, честность его направленія и чистоту его литературныхъ идеаловъ, что составляло исключительное явленіе въ тогдашней журналистикѣ, о которой Вяземскій писалъ Пушкину: «Петербургская литература такъ огадилась, такъ изшельмовалась, что стыдно имѣть съ нею дѣло. Журналисты другъ на друга доносятъ, хлопчуть только о грошахъ и то пшуть ихъ въ грязи и въ заходахъ». Къ этому письму редакторъ «Русск. Архива» дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «П. А. Плетневъ, бывало рассказывалъ какъ онъ, Дельвигъ, Баратынскій и пріятели ихъ были оскорблены, узнавъ, что цензору дана денежная взятка за пропускъ чего-то въ «Полярной Звѣздѣ»⁴⁾. Въ «Литературной Газетѣ» 1830 г. Пушкинъ помѣстилъ нѣсколько своихъ произведеній, несмотря на то, что съ марта по конецъ іюля находился въ Москвѣ.

«Литературная Газета» подвергалась, какъ мы уже сказали, сильнымъ нападкамъ противоположнаго лагеря. Въ числѣ нападающихъ былъ, между прочимъ, также А. Е. Измайловъ, который не сочувствовалъ ново-романическому направленію партіи Дельвига, но надо отдать ему справедливость, что онъ былъ корректенъ въ своихъ нападкахъ. Совсѣмъ другого рода были нападки другихъ писателей, какъ напримѣръ: Булгарина, Бестужева-Рюмина, Греча, Полевого и проч. Глав-

¹⁾ Кн. Вяземскій хоронилъ передъ тѣмъ А. М. Пушкина.

²⁾ Письмо кн. Вяземскаго къ А. С. Пушкину изъ Ревеля отъ 4 августа 1825 года. Переписка, т. I, стр. 253.—См. также «Русск. Арх.» 1879 г., кн. 8, стр. 476. Приложено стихотвореніе «Нарвскій водопадъ».

³⁾ «Русскій Архивъ» 1879 года, 5, стр. 104.

⁴⁾ «Русскій Архивъ» 1879 г., 8, стр. 473.—Письмо кн. Вяземскаго къ Пушкину отъ 6 ноября 1824 года. Переписка, т. I стр. 145.

ною причиною этих ожесточенных нападокъ была самостоятельность критическихъ воззрѣній «Литературной Газеты».

Въ одномъ изъ нумеровъ газеты Дельвигъ сдѣлалъ справедливый разборъ романа Булгарина «Дмитрій Самозванецъ». Разборъ этотъ не понравился Булгарину, и онъ, предполагая, что критическая статья принадлежитъ Пушкину, разразился въ «Сѣверной Пчелѣ» несправедливымъ разборомъ седьмой главы «Евгенія Онѣгина». Дельвигъ отвѣчалъ Булгарину въ «Литературной Газетѣ». Въ свою очередь Пушкинъ критически разобралъ въ «Литературной Газетѣ» переведшіяся въ «Галатее» сочиненія Видока. Этотъ отвѣтъ Пушкина произвелъ большую сенсацию въ тогдашнемъ обществѣ. Пушкинъ подъ видомъ разбора Записокъ Видока далъ злобную критику на самого Булгарина. «Онъ (Видокъ) съ удивительной важностью толкуеть о хорошемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по расчету: сужденія Видока о Казимирѣ де-Лавинѣ, о Б. Констанѣ должны быть любопытны именно по своей нелѣпости» ¹⁾).

Кромѣ того, въ «Литературной Газетѣ» появился критическій разборъ перевода Ивана Выжигина, принадлежавшій Дельвигу; загѣвъ «Литературная Газета» напала на Булгарина за его замѣчанія на Исторію Русскаго народа Н. Полевого; нѣсколько очень колкихъ эпиграммъ Пушкина, помѣщенныхъ въ «Газетѣ» еще болѣе разожгли эту полемику. Все это вмѣстѣ взятое объясняетъ намъ тѣ выходки противоположнаго лагеря, которыя стали сыпаться на Дельвига, Пушкина и ихъ сотрудниковъ. Съ другой стороны, Вестужевъ-Рюминъ въ «Сѣверномъ Меркуріи» 1830 г., въ статьѣ «Сплетница», выводитъ Дельвига, Пушкина и другихъ ихъ сотрудниковъ, причѣмъ Дельвигу, подъ псевдонимомъ: «Аделаида Антоновна Габенихтсъ», приписывается злобное намѣреніе поссорить нѣкоторые Петербургскіе журналы съ Н. А. Полевымъ, издателемъ «Московского Телеграфа». Всѣмъ этимъ нападкамъ Дельвигъ и Пушкинъ подвергались за свою дружбу, казавшуюся нападающимъ какимъ-то литературнымъ заговоромъ. Даже на самыя злобныя выходки Дельвигъ не обращалъ никакого вниманія.

Въ № 45 «Газеты» Пушкинъ помѣстилъ свою статью о «Литературной артисткратіи», которая причинила много неприятностей газетѣ Дельвига; съ этого времени «Литературная Газета» стала подвергаться особеннымъ цензурнымъ стѣсненіямъ. Окончательно доконало «Литературную Газету» стихотвореніе Делавиня. Вотъ что мы читаемъ въ статьѣ: «Цензура въ царствованіе Императора Николая I» по поводу исторіи съ этимъ стихотвореніемъ: «По поводу стиховъ Казимира Делавиня въ 61 номерѣ «Литературной Газеты» 1830 года, написанныхъ

¹⁾ Сочин. А. Пушкина, редакц. П. А. Ефремова, т. V, изд. А. С. Суворина, 1903 г., стр. 462.

на памятникъ, которыи въ Парижѣ предполагають воздвигнуть жертвамъ 27, 28 и 29 іюля, графъ Бенкендорфъ просилъ внушить цензорамъ, чтобы они не пропустили (какъ это сдѣлалъ цензоръ Семеновъ въ «Литературной Газетѣ») такихъ статей, которыя выставили бы на свѣтъ ложность извѣстій, печатаемыхъ въ «Сѣверной Пчелѣ», по распоряженію его, графа Бенкендорфа, для успокоенія публики насчетъ иностранныхъ дѣлъ и событій. По послѣднимъ двумъ статьямъ тотчасъ было сдѣлано распоряженіе, а по первому потребовали отъ издателя и цензора объясненій. Издатель «Литературной Газеты», баронъ Дельвигъ, отвѣчалъ, что стихотвореніе Деламина прислано ему отъ неизвѣстнаго, какъ произведеніе поэзіи, имѣющее достоинство новости, и напечатано въ газетѣ, какъ многія другія чисто литературныя произведенія, безъ всякаго примѣненія къ обстоятельствамъ или отношеніямъ, съ разрѣшенія цензуры. Цензоръ Семеновъ съ своей стороны отозвался, что въ тѣхъ стихахъ онъ по чистой совѣсти не нашелъ ничего противнаго отечественнымъ законамъ и цензурнымъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что смерть людей, на памятникѣ которыхъ предположено сдѣлать надписи, сопряжена съ новымъ правительствомъ Франціи, которое признано и Россією и прочими державами Европы. Онъ, Семеновъ, никакъ не могъ предполагать, чтобъ стихи Деламина могли сколько-нибудь быть примѣнены къ Россіи, которая блаженствуетъ подъ скипетромъ мудраго монарха и находится въ совершенно другихъ отношеніяхъ, нежели Франція; что же касается напечатанія французскихъ стиховъ въ русскомъ журналѣ, онъ не имѣлъ права не дозволить этого, такъ какъ ни въ одномъ параграфѣ цензурнаго устава нѣтъ запрещенія подобнаго рода. Князь Ливень сообщилъ всѣ эти отзывы графу Бенкендорфу, но тотъ отвѣчалъ, что находитъ объясненіе Дельвига «не только недостаточнымъ, но даже не простительнымъ для человѣка, коему сдѣлано довѣріе издавать журналъ». «Личный мой разговоръ по сему предмету съ барономъ Дельвигомъ, прибавлялъ графъ Бенкендорфъ, и самонадѣянный, нѣсколько дерзкій образъ его извиненій меня еще болѣе убѣдилъ въ семъ моемъ заключеніи». Тутъ же графъ Бенкендорфъ снова требовалъ сообщенія имени того, кто представилъ стихи для напечатанія. На это требованіе Ливень все-таки ничего не отвѣчалъ, а вмѣсто того высказалъ мнѣніе «что дѣйствительно Дельвигу не слѣдовало печатать стиховъ Деламина въ «Литературной Газетѣ», и что за это нарушеніе правилъ журналъ его подлежитъ запрещенію». Такъ дѣло и было доложено отъ III отдѣленія Государю Императору, который положилъ высочайшую резолюцію: «Семенову сдѣлать строгій выговоръ, а Дельвигу запретить изданіе газеты». Изданіе «Литературной Газеты» передано, по желанію барона Дельвига, дворянину Оресту Сомову»¹⁾.

¹⁾ «Цензура въ царствованіе Императора Николая I». «Рус. Стар.» 1901 г., т. СѸП, сентябрь, стр. 662—663.

То же самое говоритъ Е. А. Энгельгардтъ въ письмѣ къ О. О. Матюшкину отъ 22 января 1831 года: «Дельвигу запрѣтили издавать литературную газету за то, что онъ съ позволенія цензуры помѣстилъ въ ней какой то глупый *Quatrain* на погибшихъ въ послѣднемъ Парижскомъ бунтѣ. Не понимаю, какъ могло ему придти въ голову эти *archi-franцузскіе* вирши напечатать ни къ селу, ни къ городу въ русскую литературную газету.—Кажется, это Пушкинъ его въ просакъ посадилъ.—О его Сѣверныхъ Цвѣтахъ нынѣшняго года, которыхъ я еще не видалъ, Сѣверная Пчела говоритъ: «Цвѣли, цвѣли цвѣтики и —поблекли». Впрочемъ между Пчелою и Дельвигомъ уже давно *guerre ouverte*».

Гречъ въ своихъ запискахъ ставитъ въ связь запрещеніе «Литературной Газеты» съ приглашеніемъ въ сотрудники Ореста Сомова ¹⁾, бывшаго питомца Харьковскаго университета. Сомовъ былъ очень образованный человекъ, владѣлъ французскимъ и итальянскимъ языками, очень хорошо писалъ по-русски, переводилъ умно и толково и рачительно исполнялъ всю мелкую работу по газетѣ «Пчелѣ», издававшейся Гречемъ и Булгаринимъ». Перейдя къ Дельвигу, Сомовъ нажилъ себѣ, въ лицѣ Булгарина, врага, который сталъ дѣйствовать не только противъ Сомова, но и противъ Дельвига и его «Литературной Газеты». Онъ сталъ бранить и унижать ее еще до выхода перваго нумера. Но этого было для него недостаточно, говоритъ Гречъ. «Узнавъ, что Пушкинъ намѣренъ помогать Дельвигу своимъ содѣйствіемъ, онъ еще болѣе испугался и не дожидаясь перваго выстрѣла съ непріятельской батареи, самъ началъ атаку не противъ Пушкина—писателя, а противъ Пушкина—человѣка» ²⁾. Князь Вяземскій называетъ Сомова выючнымъ животнымъ Дельвига. Такъ, въ письмѣ къ Пушкину отъ 26 апрѣля 1830 г. Вяземскій писалъ: «На Литературную Газету надежды мало. Дельвигъ лѣнивъ и ничего не пишетъ, а выѣзжаетъ только *sur sa bête de somme ou de Somoff*» ³⁾.

На это Пушкинъ отвѣчалъ отъ 2 мая 1830 года изъ Москвы: «...Поговоримъ объ Газетѣ или Альманахѣ. Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ, однакожь его Газета хороша, ты много оживилъ ее.—Поддерживай ее, покажьтесь нѣтъ у насъ другой.—Стыдно будетъ уступить поле Булгарину.—Дѣло въ томъ, что чисто-литературной Газеты у насъ быть не можетъ, должно принять въ союз-

¹⁾ Орестъ Михайловичъ Сомовъ † 27 мая 1833 г., на 40-мъ году жизни; похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Подписывался: С. О. М., Порфирій Байскій, Житель Васильевскаго Острова, Тарановъ, Бѣлозеровъ, Господинъ Распродуксинъ, Житель Галерной Гавани, Карасевъ, Осетровъ. Съ 1825—1831 г. издавалъ съ Дельвигомъ «Сѣверные Цвѣты» и «Подсѣжники»; редакторъ «Литературной Газеты» послѣ Дельвига.—Рыбинскій, В. С.: «Баронъ А. А. Дельвигъ. Его жизнь и литературная дѣятельность».—«Филологическія Записки», годъ 36-й, вып. I.

²⁾ «Записки о моей жизни» Н. И. Греча. Спб., изд. А. С. Суворина, 1886 г., стр. 454—455.

³⁾ Письмо изъ СПб. отъ 26 апрѣля 1830 г. «Рус. Арх.» 1879 г., кн. 8, стр. 484, а также: Переписка, т. II, стр. 139.

ницы или Моду, или Политику. Соперничествовать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ то совѣстно. Но неужь то Булгарину отдали монополію политическихъ новостей? Неужь то кромѣ Сѣв. Пчелы ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетресеніе, и что Камера депутатовъ закрыта до сентября? Неужь то нельзя выхлопотать этаго дозволенія? Справься-ка съ молодымъ да и съ Бенкендорфомъ. Тутъ дѣло идетъ не о политическихъ мнѣніяхъ, но о сухомъ изложеніи происшествій. Да и неприлично правительству заключать союзъ—съ кѣмъ? съ Булгаринымъ и Гречемъ. Пожалуйста поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ по своему обыкновенію, пустится въ доносы и клевету—и съ нимъ не справишься» ¹⁾).

Запрещеніе газеты подѣйствовало на Дельвига, и онъ излил свое негодованіе на эту несправедливость въ письмѣ къ Пушкину: «Съ полученіемъ сего письма, радость-душа моя, садись за бумагу и напиши мнѣ всѣ пьесы для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», тобою приготовленныя. Нынче онѣ мнѣ помогутъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. «Литературная Газета» выгоды не принесла и притомъ запрещена за то, что въ ней напечатаны были новые стихи Делавиня. Люди, истинно привязанные къ своему Государю и чистые совѣстію, ничего не ищутъ и никому не кланяются, думая, что чувства вѣрноподданническія ихъ и совѣсть защитятъ ихъ во всякомъ случаѣ. Неправда, подлецы въ это время хлопочутъ изъ корыстолюбія марать честныхъ и выѣзжаютъ на своихъ мерзостяхъ. Булгаринъ вѣрнымъ подданнымъ является. Ему выпрашиваютъ награды за пасквили, достойные примѣрнаго наказанія, а я слышу карбонаріемъ, я—русскою, воспитанный Государемъ, отецъ семейства и ожидающій отъ Царя помощи матери моей, и сестрамъ, и братьямъ» ²⁾).

По поводу запрещенія «Литературной Газеты» Дельвига находившійся тогда еще въ цвѣтѣ силъ князь П. А. Вяземскій, самъ по себѣ испытанный всяческія заподозрѣванія и обвиненія, писалъ:

— «Есть ли послѣ того возможность писать, не имѣвъ духа быть Оадѣемъ Булгаринымъ, который рѣшительно казнить и милуетъ кого угодно? И какая польза отъ того, что цензурный уставъ писанъ не Шихматовымъ, а Дашковымъ, что товарищъ министра народнаго просвѣщенія Блудовъ, а не какойнибудь Фотій, когда ни тотъ ни другой не могутъ отстаивать существующаго закона и писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Государь уважилъ бы истину, еслибъ кто раскрылъ ее передъ нимъ. Но всѣ молчатъ» ³⁾).

¹⁾ Переписка, т. II, стр. 144—145, а также «Русскій Архивъ» 1874 г., кн. I, стр. 442.

²⁾ Переписка, т. II, стр. 189—190 (середина ноября 1830 г.). См. также «Русск. Арх.» 1880 г., т. II, стр. 508.

³⁾ «Въ исторіи русской печати», ст. Г. К. Градовскаго («Рус. Стар.» 1882 г., т. XXXIII, стр. 690). А. В. Никитенко говоритъ въ своемъ Дневникѣ по поводу

Несмотря на запрещеніе «Литературной Газеты», Дельви́гъ продолжалъ изданіе «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» на 1831 г., но не помѣстилъ въ этой книгѣ ни одного своего стихотворенія. Въ только что приведенномъ письмѣ онъ пишетъ: «Съ полученіемъ сего письма, радость-душа моя, садись за бумагу и напиши мнѣ всѣ пьесы для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», тобою приготовленныя. Нынче онѣ мнѣ помогутъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь». Кончается это письмо слѣдующими строками: «Цѣлую тебя, душа моя, и жду отъ тебя утѣшенія, то-есть, не увѣреній въ участіи (я знаю, что ты меня любишь), но стиховъ, стиховъ, стиховъ! Мнѣ надо ихъ! Слышишь-ли, Болдинской помѣщикъ! Прощай. Твой Дельви́гъ».

Запрещеніе «Литературной Газеты» подѣйствовало весьма сильно на нравственное состояніе Дельви́га; къ этому прибавилась еще простуда, и онъ въ январѣ 1831 года слегъ въ постель; болѣзнь приняла опасный оборотъ.

Несмотря на болѣзнь, онъ помѣстилъ въ «Литературной Газетѣ» разборъ «Бориса Годунова» безъ подписи, и только послѣ его смерти узнали, что эта критика принадлежитъ Дельви́гу. Уже будучи на одрѣ болѣзни, Дельви́гъ издаетъ, вмѣстѣ съ М. Д. Деларю, стихотвореніе послѣдняго: «Сонъ и Смерть», въ пользу одной бѣдной сироты. Въ предисловіи къ этой брошюрѣ Дельви́гъ говоритъ, что «издатели почтутъ себя вполне награжденными за трудъ свой, если соотечественники примутъ участіе въ доставленіи дневнаго пропитанія несчастной сиротѣ: лучшую же награду за доброе дѣло всякій изъ нихъ вѣроятно найдетъ въ своей совѣсти».

Болѣзнь Дельви́га принимала все болѣе грозный характеръ, и, наконецъ, въ среду, 14 января 1831 года, въ 8 часовъ вечера, Дельви́гъ скончался, имѣя отъ роду 32 года, 6 мѣсяцевъ и 8 дней. Онъ былъ погребенъ 17 января, въ субботу, въ С.-Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ.

Родственники Дельви́га были поставлены въ затруднительное положеніе, какъ сообщать матери Дельви́га о его смерти, она еще не знала о его болѣзни; поэтому они просили журналистовъ не сообщать о смерти Дельви́га въ теченіе извѣстнаго времени въ газетахъ, какъ о томъ сообщалъ В. П. Гаевскому баронъ А. И. Дельви́гъ.

Смерть Дельви́га вызвала общее соболѣзнованіе. Ближайшій сотрудникъ Дельви́га князь Вяземскій писалъ изъ Остафьева А. Я. Булгакову въ январѣ 1831 г.: «Я получилъ газетное извѣстіе о смерти нашего Дельви́га. Это тяжелая потеря въ кругу пріятелей его и въ маломъ кругу честныхъ литераторовъ нашихъ. И то насъ немного было. Грустно!»¹⁾

запрещенія «Литературной Газеты»: «Вѣд. и баронъ Дельви́гъ, человекъ слишкомъ лѣнивый, чтобы быть дѣятельнымъ либераломъ, былъ же обвиненъ въ неблагонамѣренномъ духѣ». (Дневникъ Александра Вильевича Никитенко. 16 января 1834 г.—«Русск. Стар.» 1889 г., т. LXIII, августъ, стр. 276).

¹⁾ Вѣроятно, объ этомъ письмѣ Вяземскаго упоминаетъ А. Я. Булгаковъ въ письмѣ отъ 26 января 1831 года къ брату своему, гдѣ онъ пишетъ: «Вяземскій

В. Туманскій, Гнѣдичъ, М. Д. Деларю, баронъ Розенъ посвятили Дельвигу свои стихотворенія, П. А. Плетневъ написалъ его некрологъ, скульпторъ Гальбергъ ¹⁾ выѣпилъ бюстъ Дельвига, но всѣхъ болѣе былъ пораженъ этою смертію Пушкинъ, который тогда былъ въ Москвѣ. Онъ писалъ Плетневу въ письмѣ отъ 21 января 1831 г.: «Что скажу тебѣ, мой милый? Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресеніе. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ, я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ Русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду—около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно оспротѣли. Щитай по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Баратынскій, вотъ и все.

«Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который сильно пораженъ его смертію — говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся. Покойникъ Дельвигъ. Быть такъ.

«Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ—и постараемся быть живы» ²⁾).

Насколько Пушкинъ былъ пораженъ этой смертію, показываетъ цѣлый рядъ его писемъ къ Плетневу, въ которыхъ онъ, занятый приготовленіемъ къ своей свадьбѣ и упорядоченіемъ своихъ денежныхъ дѣлъ, постоянно обращается къ воспоминаніямъ о Дельвигѣ, проситъ Плетнева уплатить Софѣ Михайловнѣ Дельвигъ 4000 рублей, предлагаетъ Плетневу принять участіе въ составляемой Баратынскимъ биографіи Дельвига и проч. Такъ, въ письмѣ отъ 31 января 1831 г. (Москва) Пушкинъ пишетъ: «Бѣдный Дельвигъ! Помянемъ его Сѣверными Цвѣтами; но мнѣ жаль, если это будетъ ущербъ Сомову; онъ былъ искренно къ нему привязанъ, и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжелѣ: чувства души слабѣютъ и мѣняются, нужды жизненныя не дремлютъ.

«Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я зналъ его въ Лицеѣ, былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не от-

здѣсь на нѣсколько дней. Онъ сказывалъ мнѣ о смерти Дельвига; жалѣють о немъ». («Русскій Архивъ» 1902 года, кн. 1, стр. 49). Между тѣмъ его братъ, К. Я. Булгаковъ, писалъ изъ С.-Петербурга отъ 21 января 1831 года слѣдующее: «Здѣсь еще умерли журналистъ Дельвигъ и стихотворецъ Измайловъ». («Русскій Архивъ» 1903 г., кн. 12, стр. 548). «Рус. Арх.» 1879 г., кн. 5, стр. 117.

¹⁾ Про него В. В. Кирѣевскій писалъ Н. М. Языкову (отъ 14 іюля 1847 г.), что «для бюстовъ это бесспорно былъ первый художникъ въ цѣломъ свѣтѣ». Кромѣ бюста Дельвига, имъ были сдѣланы бюсты Крылова и др.—«Рус. Стар.» 1888 г., т. XXXIX, сентябрь, стр. 630.

²⁾ Переписка, т. II, стр. 220.

дали мы должной справедливости; съ нимъ читаль я Державина и Жуковского, съ нимъ толковаль обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томитъ; я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами. Отвѣчай мнѣ на это» ¹⁾). Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ первой половины февраля 1831 г., Пушкинъ пишетъ, между прочимъ: «Что баронесса? я писалъ Хитровой о братьяхъ Дельвига. Спроси у нее каковы ея дѣла, и отецъ мой заплатилъ ли долгъ Дельвигу? Не продастъ ли она мнѣ мой портретъ? Мнѣ пишутъ, что ея здоровье плохо, а она пишетъ Михайлу Алекс. что она здорова. Кто правъ?

«Что жъ ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Баратынскій не въ шутку думаетъ объ этомъ. Твоя статья о немъ прекрасна. Чѣмъ болѣе читаю ее, тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей—изложенія его мнѣній, анекдотовъ, разбора его стиховъ etc» ²⁾).

Щетневъ принялъ къ сердцу пожеланія Пушкина и отвѣчалъ ему очень длиннымъ письмомъ, гдѣ между прочимъ писалъ: «Написать исторію и характеристику поэзіи Дельвига—дѣло столь же прекрасное, сколько и полезное. Если бы Баратынскій не вызвался на это, я бы тебя сталъ просить о томъ же или даже самъ на то посягнулъ бы. Теперь займусь составленіемъ матеріаловъ и перешлю ихъ сперва къ тебѣ въ цензуру, а ты передай ему съ своими зачерками и вставками. Уговорилъ я Баронессу продать тебѣ портретъ твой. Высылать его въ Москву не зачѣмъ. Оставлю до пріѣзда твоего у себя. Деньги за него (тысячу рублей) отдамъ остальные отъ десяти тысячъ Годунова, изъ которыхъ четыре переслано тебѣ, а пять отдано долгу Дельвигу.

«Здоровье Баронессы ни хорошо, ни худо. Въ дѣлахъ ея денежныхъ вышла очень худая притча. Богъ знаетъ, кто и когда успѣлъ утянуть изъ ихъ портфели ломбардныхъ билетовъ на 54-тысячи. Сколько ни старались открыть, даже слѣдовъ не видно. Это тѣмъ непонятнѣе, что всѣ другія бумаги найдены по смерти Дельвига въ чрезвычайномъ порядкѣ, съ удивительною отчетливостью: а пропавшіе билеты находились между этими же бумагами.

«Ты упоминалъ объ изданіи Сѣверн. Цѣтговъ. Это непременно сдѣлать надобно съ посвященіемъ Дельвигу. Сомова можно будетъ вознаградить изъ выручки такую же суммою, какая приходилась на его долю и прежде. Я даже полагаю, что для пользы же Сомова надобно будетъ поступить такъ и съ Литературной Газетой. Онъ ей не придастъ живости, безъ чего она рѣшительно умретъ.

¹⁾ Соч. Пушкина. Переписка, т. II, стр. 221.

²⁾ Соч. Пушкина. Переписка, т. II, стр. 223—224.

Не взяться ли тебѣ съ Вяземскимъ за нее? Будь въ каждомъ ея номерѣ хоть пять строчекъ то острыхъ, то умныхъ, то живыхъ, и тѣмъ она ужъ поднимется надъ братіею своею. Вамъ двоимъ ничего это не будетъ стоить, а на будущее время она можетъ сдѣлаться вѣрною арендою, при которой Сомовъ останется на обыкновенномъ жалованьѣ...

«Я познакомился короче съ Деларю. Его привязанность къ памяти Дельвига представляетъ также что-то священное. Это уже одно связываетъ меня съ нимъ, не говоря о прекрасномъ его талантѣ. Все это я пересказываю тебѣ для того, чтобы ты передумалъ хорошенько о литературной своей дѣятельности въ будущемъ и съ божіею помощію принялся бы за что-нибудь хорошенькое, гдѣ бы открылось поле для дѣятельности и другихъ людей съ чистою душою и благороднымъ стремленіемъ къ нравственному совершенству.

«Когда я собирался писать некрологию Дельвига (помѣщенную въ Газетѣ), сердце мое было сжато. Все, что употребили враги его для очищенія своихъ гнусностей, такъ меня тягчило и мучило, что я рѣшился передъ публикою говорить языкомъ человѣка посторонняго въ этомъ дѣлѣ, страпашь, чтобы мерзавцы не воспользовались для достиженія своей цѣли самою святынею дружества. Они, какъ я предчувствовалъ, готовы были даже и то обратитъ въ укоризну покойнику, что никто объ немъ ни слова не сказалъ языкомъ безпристрастнымъ. Вотъ почему я говорилъ безъ всякаго энтузіазма, не вводя ни одного обстоятельства, которое бы выказывало меня какъ его домашняго человѣка: я ограничился только тѣмъ, что должно было дойти до свѣдѣнія всякаго литератора, хотя бы онъ и не видывалъ Дельвига. Думаю, что меня весьма не многіе поняли; больше осуждали. Ты совершенно утѣшилъ меня, особенно тѣмъ, что началъ смотрѣть съ хорошей стороны на пьесу послѣ нѣсколькихъ разъ ея чтенія. Мнѣ только этого и хотѣлось» ¹⁾.

Какое значеніе имѣлъ Дельвигъ для Плетнева, видно изъ письма послѣдняго отъ 19 іюля 1831 г., гдѣ онъ въ отвѣтъ на соболѣзнованіе Пушкина по поводу смерти Молчанова писалъ: «Ты угадалъ мои чувства по случаю кончины Молчанова. Онъ и Дельвигъ были для меня необходимы, чтобы я вполне чувствовалъ щастіе жизни. Смерть ихъ сдѣлала изъ меня какого-то автомата. Не знаю, что будетъ впередъ, а теперь я ко всему охладѣлъ. Жду зимы, чтобы согрѣть близъ тебя душу» ²⁾.

Въ письмѣ отъ 24 февраля 1831 года Пушкинъ писалъ Плетневу: «Что баронесса? Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія» ³⁾. Въ свою очередь писалъ Плетневу о Дельвигѣ и Баратынскій. Такъ, напр., въ письмѣ отъ 1831 года, изъ Казанской губерніи, мы читаемъ: «Потеря Дель-

¹⁾ Переписка, т. 2, стр. 224—226.

²⁾ Тоже, стр. 282.

³⁾ Тоже, стр. 228, а также см. «Сочиненія и переписка Плетнева», т. III, стр. 374.

вига для насъ незамѣняема. Ежели мы когда-нибудь и увидимся, ежели еще въ одну субботу сядемъ вмѣстѣ за твой столъ, — Боже мой! какъ мы будемъ еще одиноки! Милый мой, потеря Дельвига намъ показала, что такое невозвратно прошедшее, которое мы угадывали печальнымъ вдохновеніемъ, что такое опустѣлый міръ, про который мы говорили, не зная полного значенія такихъ выраженій. Я еще не принимался за жизнь Дельвига» ¹⁾).

Въ письмѣ къ Плетневу отъ 26 марта 1831 г. Пушкинъ пишетъ: < Я не прочь издать съ тобою послѣдніе Сѣверные Цвѣты ».

По поводу изданія послѣдней книги «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» имѣется много свѣдѣній въ перепискѣ Пушкина. Такъ, напримѣръ, во второй половинѣ іюля 1831 г. Пушкинъ писалъ Плетневу: «Что же твой планъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ въ пользу братьевъ Дельвига? Я даю въ нихъ Моцарта, и нѣсколько мѣлочей. Ж. даетъ свою Гекзаметрическую сказку. Пиши Баратынскому; онъ пришлетъ намъ сокровища; онъ въ своей деревнѣ. Отъ тебя стиховъ не дождешься; еслибъ ты собрался да написалъ что-нибудь объ Дельвигѣ! То-то было бъ хорошо! Во всякомъ случаѣ проза нужна; коли ты ничего не дашь, такъ она сядетъ на мель. Обзорѣнія словесности не надобно; чортъ ли въ нашей словесности? Придется бранить Полевого да Булгарина — късати ли такое аллилуйя на могилѣ Дельвига? Подумай обо всемъ этомъ хорошенько да и распорядись. А издавать уже пора, т. е. приготовляться къ изданію» ²⁾). Пушкинъ въ письмѣ къ М. П. Яковлеву отъ 19 іюля того же года писалъ между прочимъ: «Кляняюсь сердечно Софьи Михайловнѣ и очень, очень жалѣю, что съ нею не прощусь. Дай Богъ ей здоровья и силы души. Если надобны будутъ ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, нетолько на щегъ моего долга, но и во всякомъ случаѣ. Что Сѣверные Цвѣты? съ моей стороны я готовъ. Надняхъ пересмотрѣлъ я у себя письма Дельвига; можетъ быть современемъ это напечатается. Нѣтъ-ли у ней моихъ къ нему писемъ? мы бы ихъ соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовые къ печати двѣ трагедіи нашего Кюхли и его-же *Ижорскій*, также и моя Баллада о *Рыцарѣ* влюбленномъ въ Дѣву. Не можетъ-ли это все Софья Михайловна оставить у тебя? Плетневъ и я, мы бы постарались что нибудь изъ этаго сдѣлать» ³⁾).

На это письмо Яковлевъ отвѣтилъ 23 іюля 1831 г.: < Софья Михайловна премного благодаритъ тебя за всѣ твои благія намѣренія. Она въ нихъ не сумнѣвалась. Трагедіи К., твою балладу и письма отдастъ мнѣ для передачи тебѣ. Съ Цвѣтами надо перегодить. Впрочемъ отъ тебя одного зависитъ успѣхъ изданія оныхъ. Твои *окружныя грамматы* будутъ самыя дѣйствительныя » ⁴⁾).

¹⁾ «Русская Старина» 1904 г., т. СХVIII, іюнь, стр. 519, «Е. А. Баратынскій и П. А. Плетневъ».

²⁾ Переписка, т. II, стр. 277.

³⁾ Тоже, стр. 281.

⁴⁾ Тоже, стр. 288.

Плетневъ сообщалъ Пушкину отъ 19 іюля 1831 года: «Сѣверные Цвѣты готовы, но мнѣ никакихъ порученій не дѣлай. Живу я въ такой деревнѣ, которая не на почтовой дорогѣ. Писемъ отсюда посылать не съ кѣмъ, а получить еще менѣе можно. И такъ къ Баратынскому, къ Языкову, Вяземскому и другимъ пиши самъ. Мое дѣло будетъ въ городѣ смотрѣть за изданіемъ. Написать о Дельвигѣ желаю, но не общаю. Все зависѣть будетъ отъ случая:

Минута ему повелитель» ¹⁾.

Отъ 3 августа 1831 г. Пушкинъ писалъ Плетневу: «Что же Цвѣты? ей богу, не знаю что мнѣ дѣлать. Яковлевъ пишетъ, что покамѣстъ нельзя за нихъ приняться. Почему же? развѣ типографіи остановились? развѣ нѣтъ бумаги? Развѣ Сомовъ боленъ или отказывается отъ изданія? Къ стати: что сдѣлалось съ Лит. Газетою? Она неисправнѣ Меркурія» ²⁾.

Вяземскій спрашивалъ Пушкина въ письмѣ отъ 31 августа 1831 г.: «Что же наши Цвѣты пойдутъ ли на ладъ? Пора приниматься, а у меня уже кой-какіе стишки готовы, которые пока прѣютъ за пазухою у Тургенева» ³⁾.

Въ началѣ сентября 1831 г. Пушкинъ писалъ князю Вяземскому: «(Между нами). У Дельвига осталось два брата безъ гроша денегъ, на рукахъ его вдовы, потерявшей большую часть маленькаго своего имѣнія. Нынѣшній годъ мы выдадимъ Сѣверн. Цвѣты въ пользу двухъ сиротъ. — Ты пришли мнѣ стиховъ и прозы; за журналъ нашъ примимся послѣ» ⁴⁾.

Вяземскій отвѣчаетъ Пушкину на это 11 сентября 1831 г.: «На Сѣверные Цвѣты я совершенно согласенъ и собираю все, что могу по альбумамъ» ⁵⁾.

Въ то же время Пушкинъ между прочимъ писалъ Павлу Воиновичу Нащокину отъ 24 октября 1831 г.: «Кстати я издаю Сѣверные Цвѣты для братьевъ нашего покойнаго Дельвига; заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаешь» ⁶⁾.

Въ составленіи послѣдней книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» приняли участіе и другіе писатели. Такъ, напримѣръ, А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ Пушкину отъ 29 октября 1831 г. писалъ, между прочимъ: «Вчера провели мы вечеръ у Вяземскаго и Дмитріева съ Жуковскимъ. Мы вспомнили и о тебѣ, милый сверчокъ-Поэтъ, а Жуковскій и о твоёмъ изданіи въ пользу семейства незабвеннаго Дельвига. Поэты поручили мнѣ доставить тебѣ для него стихи на оборотѣ, кои могутъ быть напечатаны вмѣстѣ съ предшествовавшими» ⁷⁾.

Пушкинъ письмомъ отъ 21 ноября 1831 г. просилъ также и Ѳ. Н. Глинку

¹⁾ Сочиненія Пушкина. Переписка, т. II, стр. 283.

²⁾ Тоже, стр. 298.

³⁾ Тоже, стр. 314.

⁴⁾ Тоже, стр. 320.

⁵⁾ Тоже, стр. 321.

⁶⁾ XIX вѣкъ. II. Бартенева.—Также Сочиненія Пушкина. Переписка, т. II, стр. 329.

⁷⁾ Сочиненія Пушкина. Переписка, т. II, стр. 340.

принять участіе въ издаваемыхъ имъ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» — «въ память нашего Дельвига» ¹⁾). На это письмо Глинка отвѣтилъ 28 ноября изъ Твери: «Въ первый разъ изъ письма вашего узнаю, что альманахъ составляется въ пользу или въ память Дельвига, милаго, добраго Дельвига. О. М. Сомовъ писалъ мнѣ неясно. Я однакожь, еще до полученія вашего письма, выслалъ Сомову одну въ прозѣ и пять піесъ въ стихахъ. Теперь вамъ посылаю: три въ стихахъ и одну (т. е. одинъ лоскутокъ!) въ прозѣ» ²⁾).

И, дѣйствительно, «Сѣверные Цвѣты» 1832 г. были изданы Пушкинымъ. Въ нихъ помѣщены, между прочимъ, найденныя послѣ смерти Дельвига слѣдующія его стихотворенія: элегія «Къ Морфею», написанная до 1824 г., сонетъ: «Къ Русскому флоту», написанный въ Ревелѣ въ 1827 г., двѣ русскія пѣсни, изъ которыхъ одна не окончена, и отрывокъ изъ неоконченной драмы Дельвига, въ которомъ приводится «хоръ духовъ».

Въ этой же книгѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» мы находимъ стихотвореніе Баратынскаго: «Мой Элизій», посвященное памяти Дельвига. Тамъ же помѣщено стихотвореніе Языкова ³⁾: «А. А. Дельвигу», гдѣ изображается характеръ его поэзіи и приводятся трогательныя воспоминанія объ ихъ дружбѣ; въ другомъ стихотвореніи, подъ названіемъ: «Пѣсня», тотъ же Языковъ, характеризуя въ общихъ чертахъ жизнь и поэзію Дельвига, предлагаетъ друзьямъ устраивать при дунномъ свѣтѣ въ благоуханномъ саду пиры въ память поэта.

Кромѣ того, въ той же книгѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» помѣщены два стихотворенія М. Д. Деларю, изъ которыхъ одно подъ заглавіемъ: «Лизанькѣ Дельвигъ» и фантастическій разсказъ О. Сомова: «Живой въ обители блаженства вѣчнаго».

Эта книжка доставила Пушкину непріятность по поводу напечатаннаго имъ стихотворенія «Анчаръ, древо яда», о которомъ А. Х. Бенкендорфъ 7 февраля 1832 г. официально запрашивалъ Пушкина, на что ему пришлось докладывать Бенкендорфу, что Высочайшая милость, которою онъ былъ неожиданно удостоенъ, не лишаетъ его права, даннаго Государемъ всѣмъ Его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры ⁴⁾).

Смерть Дельвига, поразила его бывшаго директора Е. А. Энгельгардта, и онъ въ своей перепискѣ съ Ѳ. Ѳ. Матюшкинымъ посвятилъ этому горестному событію прочувствованное письмо (отъ 22 января 1831 года). Приводимъ это письмо безъ сокращенія:

¹⁾ Переписка, т. II, стр. 344.

²⁾ Тоже, стр. 348.

³⁾ Род. 4 марта 1803 г. въ Симбирскѣ, † 26 декабря 1846 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ.

⁴⁾ Переписка, т. II, стр. 368—370, а также стр. 373—374.

«Вскрываю опять свое письмо для сообщенія тебѣ печальной новости: вчера мы схоронили бѣднаго пѣвца Лицейскаго — Дельвига. Онъ былъ боленъ только семь дней желчною гнилою горячкою, наведенною ему разными неприятными проишествіями, слѣдствіями журнальной войны между нимъ и Булгаринымъ, коего Выжигина и Самозванца Дельвигъ весьма справедливо (Sic) критиковалъ въ издаваемой имъ Литературной Газетѣ, которая осмѣлилась *доказывать*, что эти два сочиненія не такъ-то совершенны и превосходны, какъ увѣряетъ Сѣверная Пчела. — По разнымъ своимъ связямъ Булгаринъ умѣлъ довести до того, что за небольшой, довольно плохой, впрочемъ, французскій Quatrain, въ Литературной Газетѣ (весьма не кстати правда) отпечатанный, Дельвигу запрѣтили (Sic) издавать далѣе сію Газету. Это и множество другихъ неприятностей—вѣрно много содѣйствовали къ его болезни. — Какъ бы то ни было, а нашего Дельвига не стало; не стало пѣвца *Шести лѣтъ* и русскихъ пѣсень! Бѣдная жена осталась съ восьмимѣсячною мпленкою дочкою, которую отецъ обожалъ. — Жаль Дельвига; при всей своей лѣности, при всѣхъ своихъ странностяхъ, онъ былъ любезной, благородной человѣкъ; жаль Дельвига!—Между тѣмъ мой списокъ первыхъ трехъ курсовъ уже изрядно похожъ на могильное кладбище; уже 15 человѣкъ подъ крестомъ, а со включеніемъ двухъ, хотя не умершихъ, но тоже схороненныхъ, — Пуцина и Кюхельбекера, уже 17 нѣтъ изъ 78 лицейскихъ, — это много! — И большею частію отличные парни: Корсаковъ, Загрязской, Чарнышъ, Белуха, Подлинневъ, Молчановъ, Дельвигъ и проч., а Мясоѣдовъ и ухомъ не ведеть, — здравствуетъ, да пируетъ; да и вообще по свѣту бродятъ множество такихъ, изъ копъ бы дюжину и двѣ можно отдать въ обмѣнъ за одного изъ тѣхъ.—Видно, что уже такъ сужено и ряжено».

Въ дальнѣйшей перепискѣ Энгельгардтъ возвращается нѣсколько разъ къ памяти Дельвига. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 18 марта 1831 г. онъ пишетъ Матюшкину: «Мы схоронили бѣднаго Дельвига. Жаль! При всей его систематической лѣности онъ былъ человѣкъ благородный, добрый и во многихъ отношеніяхъ необыкновенный».

Въ письмѣ отъ 28 мая 1832 г. Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «И Дельвига нашего мы опустили въ мать сыру—землю; жаль! онъ былъ человѣкъ благородный, съ живымъ чувствомъ и любящимъ сердцемъ, и какъ нарочно, въ послѣдній годъ жизни его мы очень съ нимъ сблизилсь. Замолкъ нашъ пѣвецъ!»

Современникъ Дельвига А. В. Никитенко подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой смерти занесъ въ свой дневникъ отъ 16 января 1831 г. слѣдующія строки: «Баронъ Дельвигъ умеръ послѣ четырехдневной болѣзни. Новое доказательство ничтожества человѣческаго. Ему было 33 года. Онъ былъ, кажется, крѣпкаго, цвѣтущаго здоровья. Я не такъ давно съ нимъ познакомился и былъ имъ очарованъ. О немъ всѣ сожалѣютъ, какъ о человѣкѣ благородномъ». Подъ 28 января 1831 г.

Никитенко записалъ: «Публика въ ранней кончинѣ барона Дельвига обвиняетъ Бенкендорфа, который за помѣщеніе въ «Литературной Газетѣ» четверостишія Казимира Делавиня назвалъ Дельвига въ глаза почти Якобинцемъ и далъ ему почувствовать, что Правительство слѣдитъ за нимъ. За симъ и «Литературную Газету» запрещено было ему издавать. Это поразило человѣка благороднаго и чувствительнаго и ускорило развитіе болѣзни, которая, можетъ быть, давно въ немъ зрѣла»¹⁾).

Въ лицейскую годовщину 1831 г. Пушкинъ прочиталъ особенно грустное стихотвореніе, посвященное лицейскому празднику. Въ немъ онъ вспоминаетъ Дельвига:

...Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Онѣ, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой—
И всѣхъ мы братски поминали.

И, мнится, очередь за мной...
Зоветь меня мой Дельвигъ милый.
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышлений,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній²⁾).

Въ далекой Сибіри Кюхельбекеръ вспомнилъ про Дельвига, когда до него дошла вѣсть о смерти Пушкина. Онъ написалъ стихотвореніе «19 октября 1837 г.», посвященное Пушкину, гдѣ онъ говоритъ:

¹⁾ «Рус. Стар.» 1889 г., т. LXIII, июль, стр. 36 и 37.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, редакц. П. А. Ефремова, т. II, 1903 г., стр. 295 и 296.

Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ,
Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ,
Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
По нихъ, по нихъ душа моя тоскуетъ;
Я жадно руки простираю къ нимъ ¹⁾.

Въ другомъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ: «Три тѣни» ²⁾, Кюхельбекеръ видитъ на берегу Онага три тѣни своихъ друзей, три призрака ихъ:

Надъ каждымъ призракомъ дрожало по звѣздѣ
И слѣдомъ каждаго была струя мерцанья...
Я вспрынулъ, облитый потокомъ содраганья
И въ сладостномъ восторгѣ, какъ во снѣ,
Вскричалъ и произнесъ любезныхъ имена:
Братъ Грибоѣдовъ, ты? ты, Дельвигъ? Пушкинъ, ты ли?
Взглянулъ: ихъ нѣтъ—они ужъ въ даль уплыли!
Вотще я руки простиралъ къ друзьямъ:
Какъ прежде все померкло и заснуло...
Лишь только что-то будто бы шепнуло:
Такъ вѣрь же, есть свиданье тамъ!

И. И. Пущинъ вспомнилъ также о Дельвигѣ въ письмѣ, продиктованномъ баронессѣ А. В. Розенъ изъ Петровскаго завода 19 марта 1831 г. Вотъ что писала Розенъ, по порученію Ивана Ивановича, къ его сестрѣ Аннѣ Ивановнѣ: «Извѣстіе о смерти Дельвига сильно поразило Ивана Ивановича. Да сохранить Богъ жену его и дочь» ³⁾.

Послѣ Дельвига осталась вдова и дочь. Объ этой дочери сообщалъ Энгельгардтъ въ письмѣ къ Матюшкину отъ 22 января 1831 г.: «Дельвигу наконецъ удалось нажить себѣ дочку, онъ (въ) возхищеніи и послѣ того сдѣлался еще лѣнивѣе прежняго». А въ письмѣ отъ 4 декабря того же года Энгельгардтъ писалъ Матюшкину: «Дельвига мы схоронили—жаль! онъ только что начиналъ жить, имѣя сына». Здѣсь Энгельгардтъ ошибся: онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: дочь.

Оставшись, послѣ смерти Дельвига, вдовою съ малолѣтнею дочерью Елизаветою, баронесса Софья Михайловна Дельвигъ вышла замужъ во второй разъ за младшаго изъ четырехъ братьевъ Баратынскихъ—Сергѣя Абрамовича, который въ то время только что кончилъ курсъ медицинскаго факультета въ Московскомъ университетѣ. Бракъ этотъ былъ очень непріятенъ Пушкину, который, вѣроятно,

¹⁾ «19 октября 1837 г.»—Собраніе стихотвореній декабристовъ. Лейпцигъ, 1862 г., стр. 146.

²⁾ Тамъ же, стр. 137—139.

³⁾ К. Я. Гротъ: «Пушкинскій Лицей». Спб., 1911 г., стр. 103.

нашелъ такой поступокъ вдовы неприличнымъ къ памяти Дельвига ¹⁾. Отъ брака съ Баратынскимъ у ней было четыре дочери, изъ коихъ Софья Сергѣевна была замужемъ за Владиміромъ Сергѣевичемъ Чичернымъ. Софья Михайловна съ мужемъ своимъ поселилась въ имѣніи матери Баратынскихъ, въ усадьбѣ Марь, при селѣ Вяжна, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда. Мужъ ея нигдѣ не служилъ, но, поселившись въ имѣніи, лѣчилъ безвозмездно почти всю Тамбовскую и Саратовскую губерніи. Софья Михайловна скончалась 4 марта 1888 г. въ своей усадьбѣ. Мужъ ея умеръ на нѣсколько лѣтъ раньше ²⁾.

Одной изъ пріятельницъ Софьи Михайловны Дельвигъ, воспитанной въ одномъ съ ней пансіонѣ, Александрѣ Николаевнѣ Карелиной, рожденной Семеновой, баронъ А. А. Дельвигъ написалъ слѣдующее стихотвореніе при отсылкѣ ей «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» 1827 года:

Отъ васъ бы намъ, съ краевъ Востока,
Ждать должно пѣсень и цвѣтовъ:
Въ сосѣдствѣ вашемъ духъ пророка,
Волшебной свѣжестью стиховъ,
Живить поклонниковъ Корана;
Близъ васъ поютъ пѣвцы Ирана,
Гафизъ и Сади—соловьи!
Но вы, упорствуя, молчите:
Такъ въ наказаніе примите
Цвѣты замерзшіе мои ³⁾.

О Дельвигѣ сохранились въ памяти его современниковъ и друзей восторженные воспоминанія о его обаятельной личности. Такъ, П. А. Плетневъ ⁴⁾ говоритъ о немъ слѣдующее: «Баронъ Дельвигъ любилъ общество, но дружеское, но избранный, достойное ума его и сердца, въ чемъ и полагалъ онъ весь аристократизмъ свой, правда, не увлекшій его въ большой свѣтъ, но защитившій отъ знакомствъ скучныхъ и слишкомъ ужъ нелестныхъ. Умъ его отъ природы былъ болѣе глубокъ, нежели остръ. Отъ того иногда замѣтна была въ немъ неговорливость. Но по характеру своему онъ расположенъ былъ къ самой счастливой веселости и безопасности, такъ-что отъ одного присутствія его одушевлялось цѣлое общество. Ежели онъ увлекался разговоромъ, то обнималъ предметъ съ самыхъ

¹⁾ См. «Пушкинъ и Баратынскій», статья В. Я. Б.—«Рус. Арх.» 1901 г., кн. I, стр. 160, и «Изъ моихъ воспоминаній», Б. Чичерина.—«Рус. Арх.» 1890 г., кн. 4, стр. 510, а также «Рачинскій-Татаевскіи сборникъ». Спб., 1899 г., стр. 65 и слѣд.

²⁾ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Я. Гротъ. Спб., 1899 г., стр. 189.

³⁾ «Рус. Арх.» 1885 г., кн. 3, стр. 461.

⁴⁾ «Литературная Газета» 1831 г., т. III, № 4, некрологъ, стр. 32. См. у Гаевского—«Современникъ» 1854 г., сентябрь, стр. 7.

занимательныхъ сторонъ и удивлялъ всѣхъ подробностію и разнообразіемъ познаний. Въ домашнемъ кругу, даже въ кабинетѣ его никто никогда не примѣчалъ перемѣны на этомъ открытомъ, ясномъ, веселомъ лицѣ, которое было чистымъ зеркаломъ прямой и любезной души».

Въ такихъ же восторженныхъ выраженіяхъ пишетъ М. А. Максимовичъ: «Баронъ былъ удивительно хорошъ и въ пирушкахъ, когда пѣвалъ онъ *Друзья, друзья! я Несторъ между вами*, и въ домашнемъ быту... Словомъ, это была вполне поэтическая симпатичная натура, въ которой многосторонняя жизнь прекрасно слилась въ стройное, спокойное единство».

Дельвигъ старался придти на помощь каждому своему знакомому и даже незнакомому ему человѣку. Молодые, начинающіе поэты обращались къ нему за совѣтомъ и находили у него самый радушный, ободрительный пріемъ. Баратынскій, достигши уже поэтической извѣстности, посылалъ свои стихотворенія на просмотръ Дельвига и тогда только печаталъ ихъ.

Дельвигъ, по словамъ Коншина, обладалъ высокимъ даромъ вкуса и вѣрностью взгляда на произведенія словесности: «судъ его былъ не торопливый, но и неумолимый: мнѣніе свое онъ высказывалъ безъ обиняковъ и не смягчалъ пзворотами; Пушкинъ сознавался, что судъ Дельвига былъ во многомъ ему полезенъ. Другой поэтъ... Баратынскій былъ обязанъ его вкусу при самомъ вступленіи своемъ въ литературный міръ: онъ воспиталъ его рѣзвую музу, остепенилъ ея порывы и строго слѣдилъ за увлекательными, сладкозвучными пѣснями своего друга» ¹⁾. Тѣмъ не менѣе находились авторы, которые бывали недовольны безацеляціонными сужденіями Дельвига объ ихъ поэтическихъ твореніяхъ. Вотъ что говорить А. И. Подолинскій въ своихъ Воспоминаніяхъ по поводу рецензіи Дельвига на его поэму «Нищій»: «Избалованный дружбою Пушкина, баронъ Дельвигъ до того ревновалъ къ славѣ великаго поэта, отражавшейся косвенно и на немъ, что малѣйшій успѣхъ другаго начинавшаго поэта его уже тревожилъ. При томъ онъ принялъ на себя роль какого то Аристарха и пмѣлъ притязаніе, чтобы посѣщавшіе его, въ особенности юные литераторы, спрашивали его совѣтовъ, и обижался, если они ихъ не слушали. Я же не любилъ ни кому навязывать чтеніе моихъ произведеній и, не слишкомъ довѣряя непогрѣшимости Дельвиговской критки, не счелъ необходимымъ предъявить барону въ рукописи мою новую поэму, о которой (мнѣ на бѣду) неосторожные друзья успѣли оповѣстить черезъ чуръ восторженно.

«Дельвигъ не простилъ мнѣ, какъ онъ полагалъ, моей самоувѣренности, а въ преждевременныхъ отзывахъ о моемъ новомъ трудѣ нѣкоторыя, вполне сознаю,

¹⁾ «Жуковскій и Дельвигъ въ изображеніи современника», ст. А. Кирпичниковъ. «Русск. Стар.» 1897 г., т. LXXXIX, февраль, стр. 278.

неумѣстныя сравненія раздражили его тѣмъ болѣе, что подобныя сравненія были уже прежде высказаны въ одномъ изъ тогдашнихъ Московскихъ журналовъ. Онъ вывелъ заключеніе, что я много о себѣ возмечталъ и что, поэтому, надобно, какъ тогда говорилось, порядочно меня отдѣлать.

«Плодомъ такой, совершенно неосновательной, догадки и была рецензія, написанная Дельвигомъ, не совсѣмъ добросовѣстно и съ явнымъ намѣреніемъ уколоть меня побольнѣе.

«Дружеская услуга такого рода не могла мнѣ быть пріятною; но главное дѣло не въ ней, а единственно въ томъ, что рецензія печаталась въ Дельвиговской Литературной Газетѣ въ тотъ самый вечеръ, который, по обыкновенію, я проводилъ у барона и въ который онъ былъ со мною, по обыкновенію же, дружественъ, не упомянувъ однако же ни слова о приготовленной на меня грозѣ, чего при нашихъ отношеніяхъ онъ не долженъ былъ бы сдѣлать, если бы не допускалъ оскорбительной для меня мысли, что я, быть можетъ, стану просить объ уничтоженіи или по крайней мѣрѣ о смягченіи его злой филиппики.

«Вотъ что особенно охладило меня къ барону, разсѣявъ и мое заблужденіе о пріязни его ко мнѣ. Но я не сказалъ ему ни слова, на рецензію, по моему обыновенію, не возражалъ, а только пересталъ у него бывать. Впослѣдствіи Дельвигоу созналъ, что онъ былъ не правъ, потому что, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, встрѣтивъ меня на улицѣ, первый подаль мнѣ руку. Но это было почти наканунѣ моего выѣзда изъ Петербурга, а вскорѣ онъ умеръ, о чемъ я узналъ уже въ Одессѣ»¹⁾.

Къ восторженнымъ отзывамъ о Дельвигѣ слѣдуетъ присоединить воспоминанія Анны Петровны Кернъ. Она пишетъ: «Дельвигоу соединилъ въ себѣ всѣ качества, изъ которыхъ слагается симпатичная личность. Любезный, радушный хозяинъ, онъ умѣлъ счастливить всѣхъ, имѣвшихъ къ нему доступъ. Благодаря своему истинно британскому юмору онъ шутилъ всегда остроумно, не оскорбляя никого. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ рѣзко отъ него отличался: у Пушкина часто проглядывало безпокойное расположеніе духа. Великій поэтъ не былъ чуждъ странныхъ выходокъ, нерѣдко напоминавшихъ фразу Фигаро: «Ah, qu'ils sont bêtes, les gens d' esprit», и его шутка часто превращалась въ сарказмъ, который, вѣроятно, имѣлъ основаніе въ глубоко возмущенномъ дѣйствительностью духѣ поэта. Мы никогда не видали Дельвига скучнымъ или непріязненнымъ къ кому-либо. Можетъ быть, та же самая любовь къ спокойствію, которая мѣшала ему быть дѣятельнымъ, дѣлала его до крайности снисходительнымъ ко всѣмъ, и даже въ особенности къ слугамъ. Они обращались съ нимъ за панибрата, и что бы ни сдѣлали они, вмѣсто выраженія гнѣва Дельвигоу говорилъ только: «Забавно!» Но

¹⁾ Воспоминанія А. И. Подолинскаго по поводу статьи Г. В. Б.: «Мое знакомство съ Вейковомъ въ 1830 г.» («Русскій Архивъ» 1872 г., кн. 3 и 4, стр. 864—865).

очень можетъ быть, что причина его снисходительности къ служащимъ ему людямъ была разумнѣе и глубже и заключалась въ терпимости, даже въ великодушіи» ¹⁾).

Наконецъ, баронъ М. А. Корфъ даетъ слѣдующую характеристику Дельвига: «Въ Лицеѣ милый, добрый и всѣми любимый лѣнтяй, послѣ Лицея—приятный поэтъ, стоявшій въ свое время въ первой шеренгѣ нашихъ литераторовъ. Дельвигъ никогда не служилъ, никогда ничего не дѣлалъ и жилъ всегда припѣваючи съ любящей душой и добрымъ, истинно благороднымъ характеромъ. Онъ умеръ въ 1831 году, оплаканный многочисленнымъ пріятельскимъ кругомъ» ²⁾).

Одинъ изъ друзей Дельвига такъ описываетъ впечатлѣніе, которое оставилъ Дельвигъ во всѣхъ впервые знакомившихся съ нимъ: «Это былъ молодой человѣкъ, довольно полный, въ коричневомъ скротукѣ. Большіе, осѣненные густыми, темными бровями, глаза блестѣли сквозь очки въ черной оправѣ; довольно полное, но блѣдное лицо было задумчиво и вообще вся наружность выражала несвойственное лѣтамъ равнодушіе... Я не понималъ, какъ могло согласоваться глубокое чувство, веселое добродушіе и неподдѣльная русская оригинальность, которыя такъ привлекали меня въ его стихотвореніяхъ, съ его холодною наружностью и германскимъ именемъ. Потомъ, когда я узналъ его ближе, какое неистощимое сокровище благородныхъ стремленій, добродушія, человѣколюбія до самопожертвованія и постоянной веселости нашелъ я въ этомъ прекрасномъ человѣкѣ!» ³⁾

Характерною чертою Дельвига была лѣнность и беззаботность. Эти свойства его личности вполне отвѣчали тому идеалу поэта, который создалъ себѣ Дельвигъ, и тѣмъ образцамъ, которымъ онъ поклонялся въ поэзіи, тѣмъ болѣе, что въ современномъ ему обществѣ лѣнность и безпечность считались непремѣнною принадлежностью поэта.

«Частная жизнь Дельвига, — говоритъ В. Гаевскій, — съ самаго выпуска его изъ Лицея, отличалась лѣнностью и безпечностью. Его добродушная беззаботность въ отношеніи ко всему окружающему, еще въ Лицеѣ обратившая на себя вниманіе его товарищей и сдѣлавшая его лицомъ анекдотическимъ, развивалась съ каждымъ годомъ. Какъ съ именемъ каждаго лица, отдѣлившись отъ другихъ какою-нибудь своеобразною особенностью, связано понятіе о его отличительныхъ свойствахъ, такъ съ именемъ Дельвига нераздѣльно является представленіе лѣни, доведенной до эксцентричности. Дельвигъ чувствовалъ, что, благодаря этому качеству, онъ обращаетъ на себя вниманіе, и потому не только не старался ограни-

¹⁾ Воспоминанія А. П. Марковой-Виноградской (Кернъ), въ книгѣ Л. Майкова: Пушкинъ (Спб., 1899 г., стр. 258). См. также «Рус. Стар.» 1870 г., т. I, рассказъ Кернъ о Дельвигѣ. Также см. «Семейные вечера» 1864 г., № 10.

²⁾ Изъ Дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 г. (гл. 2). «Русск. Стар.» 1894 г., т. СХVIII, іюнь, стр. 551.

³⁾ Полное собраніе стихотвореній барона Дельвига. Спб., изд. А. С. Суворина. Предисловіе, стр. XI.

чивать своих лѣнливыхъ наклонностей, но даже рисовался своею лѣнью и беззаботностью. Вообще, быть лѣнливымъ и безпечнымъ считалось въ то время какъ бы необходимою принадлежностью поэта. Мнѣніе это и соотвѣтственное ему литературное направленіе, особенно выразившееся въ подражаніяхъ Анакреону, Горацию, Катутлу и Тибуллу, поэтамъ, между прочимъ, спокойствія и безпечности, обусловливались взаимно. Уже давно отжившее и осмѣянное вліяніе французской литературы ограничивалось только элегическимъ направленіемъ: беззаботные Шенъе и особенно Парни не разъ служили образцами для нашихъ поэтовъ; псевдоклассицизмъ смѣнялся псевдоромантизмомъ, и, подчиняясь этимъ разностороннимъ вліяніямъ, большая часть нашихъ поэтовъ, и преимущественно Батюшковъ, князь Вяземскій, Денисъ Давыдовъ, Пушкинъ, Баратынскій, Языковъ и многіе другіе поэты, подражатели подражателей, щеголяли другъ передъ другомъ, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, своею лѣнностью и мечтательною безпечностью»¹⁾.

Эту лѣнность Дельвигъ воспѣлъ въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, какъ напримеръ: «Тихая жизнь» («Блаженъ, кто за рубежъ наслѣдственныхъ полей»... «Полное собраніе сочиненій Дельвига», стр. 45), «Домикъ» («За далью туманной»... тамъ же, стр. 47), «Моя хижина» («Когда я въ хижинѣ моей согрѣтъ подъ стеганымъ халатомъ»... стр. 44) и въ стихотвореніи, записанномъ въ альбомѣ А. Н. Вульфъ: «Въ судьбу я вѣрю съ юныхъ лѣтъ»...

Таковы были идеалы жизни, опозитированныя Дельвигомъ. Эпикурейское воззрѣніе на жизнь и природу всего опредѣленнѣе выразилъ Дельвигъ въ посланіи къ Евгенію Баратынскому:

«Ты въ Петербургѣ, ты со мной,
Въ объятыхъ друга и поэта...»²⁾

Вообще эпикурейское воззрѣніе является характернымъ признакомъ большей части мелкихъ стихотвореній Дельвига. Шампанское и женщины составляли отличительныя свойства этихъ стихотвореній. Вообще Дельвигъ довольствовался очень малымъ въ жизни и чтобы быть счастливымъ онъ не требовалъ невозможнаго или труднодостижимаго. Онъ довольствовался беззаботностью своего характера и сибаритствомъ и поэтому казался вполне счастливымъ.

«Завидуйте моей судьбѣ!
Меня счастливы не искали,
Я вѣкъ не думалъ о себѣ,
Я не видалъ въ глаза печали»³⁾.

¹⁾ «Современникъ» 1853 г., № 5, май, т. XXXIX, стр. 7 и 8. Статья В. Гаевского о Дельвигѣ.

²⁾ Полное собраніе сочиненій Дельвига, стр. 76—78.

³⁾ Тамъ же. Эпитафія, стр. 44.

По словамъ Коншина, Дельви́гъ почиталъ жизнь «поэтическимъ достояніемъ, даннымъ человѣку, этому земному ангелу; прекраснымъ спектаклемъ, отъ котораго грѣшно отвлекать себя прозою бѣдной реальности и нуждъ житейскихъ, онъ также до смерти остался вѣренъ этому чувству»¹⁾.

Несмотря на свой беззаботный взглядъ на жизнь и на довольство малымъ въ жизни и счастья личномъ, Дельви́гъ ставилъ очень высоко призваніе поэта и находилъ, что поэтъ блаженъ въ самомъ себѣ. Это онъ выразилъ въ небольшомъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ:

«П о э т ъ».

«Долго на сердцѣ хранить онъ глубокія чувства и мысли,
Мнится, съ нами, людьми, ихъ онъ не хочетъ дѣлить,
Изрѣдка, такъ ли, по волѣ-ль небесной, вдругъ запоетъ онъ,—
Боги! въ пѣсняхъ его счастье и жизнь, и любовь,
Все, какъ въ винѣ вѣковомъ, початомъ для гостя родного,
Чувства ласкаетъ равно: цвѣтъ, благовоныя и вкусъ»²⁾.

Онъ воспѣлъ свою лѣтность въ стихотвореніи «Въ альбомѣ Илличевскому», подъ заглавіемъ: «Эпитафія самому себѣ»:

«Что жизнь его была?—тяжелый сонъ;
Что смерть?—отъ грезъ ужасныхъ пробужденіе:
Въ просонкахъ улынулся онъ—
И снова, можетъ быть, тамъ началъ сновидѣнье»³⁾.

Къ этому можно прибавить еще экспромтъ, сказанный Дельви́гомъ о самомъ себѣ:

«Прохожій! здѣсь лежитъ философъ человѣкъ:
Онъ проспалъ цѣлый вѣкъ!».

Эта же беззаботность проведена и въ стихотвореніи: «Лекарства отъ несчастій»:

«... Мнѣ великую науку
Дѣдъ мой докторъ завѣщалъ:
Дружбою, онъ пишетъ, скуку
И печаль я исцѣлялъ;

* *
* *
* *

«Отъ любви лечилъ несчастной
Состарѣвшимся виномъ;

¹⁾ «Русск. Стар.» 1897 г., т. LXXXIX, февраль, стр. 279.

²⁾ Полное собраніе сочиненій Дельвига, стр. 39 и 40.

³⁾ Тамъ же, стр. 43.

Вообще же безопасно
Всѣ лѣчить несчастья сномъ > 1).

Дельвигъ проводилъ цѣлые дни, лежа въ постели и ожидая посѣщенія музы.
Это всего лучше выражено въ стихотвореніи Плетнева, подъ заглавіемъ: «Стансы
къ Дельвигу».

«Д. . . . , какъ бы съ нашей лѣнью
Хорошо въ деревнѣ жить,
Подъ наслѣдственной сѣнью
Липецъ прадѣдовскій пить;

* *
*

Беззаботно въ полдень знойный
Отдыхать въ саду густомъ;
Выйти подъ вечеръ спокойный
Передъ сладкимъ долгимъ сномъ;

* *
*

Ждать по утру на постелѣ,
Не зайдетъ ли муза къ намъ;
Позабыть всѣ дни въ недѣлѣ
Называть по именамъ,

* *
*

И съ любовью неревнивой,
Безъ чиновъ и безъ и хлопотъ,
Какъ въ Сатурновъ вѣкъ счастливый.
Провожать за годомъ годъ» 2).

На это стихотвореніе Плетнева Дельвигъ написалъ слѣдующій «Отвѣтъ».

«Зачѣмъ на меня ты и глупость и злобу,
Плетневъ, вызываешь нескромной хвалой?
Къ чему величаешь любовью безсмертныхъ
Простого пѣвца?
Такъ, были мгновенья ниспосланы Фебомъ:
Я плавалъ въ восторгахъ, я небомъ дышалъ!
Я пѣлъ — и мнѣ хоромъ, веселые вторитъ
Любили друзья.
Я пѣлъ — но въ то время роскошная младость
Мнѣ жизнь озаряла волшебнымъ лучемъ:
Я вѣровалъ въ счастье, я жаждалъ любви,
Я славой горѣлъ!

1) Полное собраніе сочиненій Дельвига, стр. 61.

2) «Современникъ» 1853 г., № 5, май, т. XXXIX, стр. 15 и 17.

И опытъ суровый смирилъ обольщенья,
Мой взоръ прояснился; но скрылся мечты,
За нимъ и счастье, и прелесть любви,
И славы призракъ.
Какъ слушалъ Лаертидъ, привязанный къ мачтѣ,
Волшебныя пѣсни Скилійскихъ сиренъ,
И тщетно къ нимъ рвался—упрямыя верви
Держали его:
Такъ я, твоей лирой печально плѣняясь,
Вотще порываюсь къ святымъ высотамъ,
Знакомымъ бывало, и въ робкія струны,
Напрасно звучу.
Напрасно у неба прошу вдохновеній:
Мнѣ путь на родную страну возбраненъ,
И гласъ мой подобенъ унылому гласу
Жестокимъ стрѣлкомъ,
Подстрѣленной птици, когда завываютъ
Осенніе вѣтры, и къ теплымъ странамъ.
Веселю стаей при кликахъ несутся
Подруги ея» ¹⁾).

По поводу необыкновенной охоты Дельвига спать существуетъ анекдотъ, сообщенный княземъ Дмитріемъ Александровичемъ Эристовымъ ²⁾ В. Гаевскому: «Однажды, вообразивъ, что онъ страдаетъ бессонницей, Дельвигъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ лицейскихъ товарищей, принялъ опиуму. Пріятели проспали безъ просыпа болѣе двухъ сутокъ, проснувшись отправились къ Рохмановой, теткѣ Дельвига, и уже тамъ узнали объ этомъ».

Объ этой же способности Дельвига вѣчно спать мы находимъ намекъ въ перепискѣ директора Лицея Е. А. Энгельгардта съ Θ. Θ. Матюшкинымъ. Въ письмѣ отъ 12 февраля 1821 г. Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину, что онъ былъ въ Петербургѣ и «провелъ лицейской вечерокъ у Пущина. О бывшихъ тамъ узнаешь ты изъ прилагаемаго у сего сборнаго письма, въ коемъ Дельвигъ съ просонья сдѣлалъ начало».

За эту лѣность Дельвига высмѣивали не только пріятели и близкіе люди, но и литературные его враги. Такъ, напримѣръ, въ 1828 г. Воейковъ въ своемъ журналѣ «Славянинъ» (№ 30, стр. 149) въ отдѣлѣ «Ученое извѣстіе» о книгахъ, имѣющихся появиться въ свѣтъ, зло высмѣиваетъ Дельвига. Эта форма са-

¹⁾ «Современникъ» 1853 г., № 5, май, стр. 53. Стихотвореніе это написано въ 1820 г. и напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» за 1828 г., стр. 86. См. Полное собраніе стихотвореній барона А. Дельвига, изд. 3, А. Суворина, стр. 80—81.

²⁾ Воспитанникъ II курса, выпуска 1820 г., Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ, флота Генераль-Аудиторъ. Умеръ въ октябрѣ 1858 г.

тиры давала право Воейкову съ большей развязностью нападать на тогдашних писателей. Онъ довольно забавно высмѣиваетъ не только барона Дельвига, но и Греча, Булгарина, Полевого, С. Глинку. Барона Дельвига онъ не называетъ по фамилии, а пользуется двумя буквами Б. Д. и пишетъ, что онъ якобы издаетъ сочиненіе, вскорѣ имѣющее появиться, подъ заглавіемъ: «О трудолюбіи и прилежаніи, какъ качествахъ, необходимыхъ для литератора» соч. Б. Д. По поводу этого воображаемаго сочиненія Воейковъ дѣлаетъ слѣдующій сатирической отзывъ. «Весьма похвально, что Б. Д. не заснулъ на своихъ лаврахъ. Если книга его хотя одного лѣннивца сдѣлаетъ дѣятельнымъ и одного сонливца заставитъ работать, то уже трудъ Б. Д. не потерянъ. Мы разумѣемъ лѣннивца съ талантомъ, празднующаго съ дарованіемъ и сонливца съ умомъ, воображеніемъ и вкусомъ; ибо, въ противномъ случаѣ, желаемъ покойнаго, непрерывнаго сна извѣстному Россійскому притчеписцу, плодовитому автору Малороссійской повѣсти «Гайдамаки», несчастному сочинителю комедіи «Сборы на Невскій проспектъ» и прочая, и прочая, и прочая».

Эта легкая насмѣшка надъ извѣстной лѣнью Дельвига сплетена здѣсь, какъ справедливо замѣчаетъ В. Каллашъ, съ грубоватою лестью по адресу вліятельнаго члена Пушкинской плеяды, отъ которой зависѣлъ Воейковъ, и съ издѣвательствомъ надъ Сомовымъ, литературнымъ врагомъ автора: «Дома сумашедшихъ»¹⁾.

Вообще, что касается до субъективности стихотвореній Дельвига, то В. Гаевскій говоритъ объ этомъ: «Впрочемъ, въ стихотвореніяхъ Дельвига, несмотря на субъективность многихъ изъ нихъ, такъ мало дѣйствительно пережитаго и пережитаго, онъ такъ часто радуется своему счастью и въ то же время жалуется на свое несчастье, что весьма трудно опредѣлить, на основаніи ихъ, степень нравственнаго довольства и состоянія души поэта въ данное время»²⁾...

По словамъ Пыпина, поэзія Дельвига принимала два направленія: анакреонтическое, ради котораго видѣли въ немъ настоящаго «эллина», и народное—подражаніе народной пѣснѣ, но вмѣстѣ онъ служилъ и романтической «лѣни»³⁾. Объ этой романтической лѣни мы уже упоминали выше. Анакреонтическое или эллинское направленіе въ поэзіи Дельвига замѣчается съ 1818 г., когда онъ былъ выбранъ въ члены разныхъ литературныхъ обществъ. Въ это время Дельвигъ сталъ изучать древнихъ грековъ; поэзія ихъ нашла въ его душѣ полное сочувствіе, и онъ явился почти единственнымъ русскимъ поэтомъ, который представилъ въ своей поэзіи такъ живо жизнь древнихъ грековъ, что особенно видно въ его идилліяхъ, кото-

¹⁾ См. В. Каллашъ: Воейковъ и Дельвигъ. «Русск. Арх.» 1901 г., кн. 4, стр. 702—703.

²⁾ «Современникъ» 1853 г., № 5, май, т. XXXIX. «Дельвигъ», ст. В. Гаевского, стр. 14.

³⁾ А. Н. Пыпинъ: «Исторія русской литературы», т. IV, стр. 450.

рыми такъ восхищался Пушкинъ. Къ такимъ сокровищамъ антологической поэзіи принадлежатъ «Купальщицы» и «Конецъ Золотого вѣка». Хотя, по словамъ Якова Березина-Ширяева, Дельвигъ не зналъ по-гречески, но понималъ инстинктивно духъ греческихъ писателей» ¹⁾). Отъ вліянія греческой поэзіи и жизни Дельвигъ не могъ отрѣшиться даже и въ своихъ русскихъ романахъ и пѣсняхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя даже сдѣлались народными: «Сонъ», «Скучно дѣвицѣ весною жить одной», «Соловей мой, соловей», «На яву и въ сладкомъ снѣ», «Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили» и др. ²⁾).

Вильгельмъ Кюхельбекеръ въ своемъ альманахѣ «Мнемозина» 1824 года, ч. II, написалъ статью «о направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе». Здѣсь онъ разбираетъ разные роды поэзіи и между прочимъ замѣчаетъ, что русскіе поэты мало пользуются элегіей въ духѣ древнихъ, за исключеніемъ одного Дельвига, о которомъ въ примѣчаніи онъ говоритъ: «Баронъ Дельвигъ написалъ нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ сколько помню—можно получить довольно вѣрное понятіе о духѣ древней Элегіи. Впрочемъ не знаю, отпечатаны онѣ или нѣтъ». Эта статья вызвала злобную критику его литературныхъ враговъ и онъ принужденъ былъ полемизировать съ ними; въ особенности интересенъ его «разговоръ съ Ѡадеемъ Булгаринимъ», напечатанный въ Мнемозинѣ ч. III. Въ этой статьѣ Кюхельбекеръ выводитъ Булгарина, который упрекаетъ его между прочимъ въ томъ, что онъ ставитъ барона Дельвига выше Жуковского, Пушкина и Батюшкова. На это Кюхельбекеръ возражаетъ слѣдующее: «И въ правѣ бы были не повѣрять, если бы я въ самомъ дѣлѣ вздумалъ отдать Дельвигу преимущество передъ Пушкинымъ и даже Жуковскимъ: но къ несчастію, это (какъ и многое другое) только вамъ привидилось!—Впрочемъ, Ѡ. В. не намъ съ вами составлять Парнасскую табель о рангахъ! Скажу вамъ только, что *великій писатель*, дѣлающій честь своему вѣку—великое слово! Пушкинъ безъ сомнѣнія превосходитъ большую часть русскихъ, современныхъ ему стихотворцевъ: но между Лилипутами не мудрено казаться великаномъ!—Онъ, я увѣренъ, не захочетъ симъ ограничиться.—Барона Дельвига ему ничуть не предпочитаю: первый Дельвигъ отклонилъ бы отъ себя такое предпочтеніе, ибо лучше насъ знаетъ, что, написавъ нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ можно получить *довольно вѣрное понятіе о древней Элегии*, еще не получаешь права стать выше творца *Руслана и Людмилы*, Романтической Поэмы, въ которой, при всѣхъ ея недостаткахъ, болѣе творческаго воображенія, нежели во *всей* остальной, современной «Русской Словесности» ³⁾).

¹⁾ «Русск. Арх.» 1878 г., ч. II, стр. 386.

²⁾ См. справочный энциклопедическій словарь А. Старчевскаго, т. IV, 1855 г., стр. 58—60.

³⁾ Мнемозина, ч. III, стр. 174.

У Дельвига были два брата, которых онъ выписалъ изъ провинціи вкорѣ, по возвращеніи своемъ изъ Харькова. Это были семи и восьмилѣтніе малютки: Александръ, прозванный имъ классикомъ, и младшій Иванъ, прозванный романтикомъ. Подъ такими кличками Дельвигъ однажды представилъ ихъ Пушкину, замѣтивъ, что меньшей братъ сочиняетъ стихи. Пушкинъ, по словамъ Кернъ, пожелалъ ихъ услышать, и малютка-поэтъ, не конфузясь ни мало, медленно и внятно произнесъ, положивъ обѣ ручки въ руки Пушкина:

Индіяди, Индіяди, Индія!
Индіянда, Индіянда, Индія!

Александръ Сергѣевичъ, погладивъ поэта по головѣ, поцѣловалъ и сказалъ: «Онъ точно романтикъ» ¹⁾).

Кромѣ этихъ двухъ братьевъ, у Дельвига была еще сестра, которая гостила въ Царскомъ Селѣ съ своими родителями въ теченіе святокъ 1815—1816 г.г. Пушкинъ, тогда еще юный лицеистъ, посвятилъ ей два стихотворенія; въ первомъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ: «Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ», на автографѣ котораго, видѣнномъ Анненковымъ, была помѣта: «1815, 22 декабря», Пушкинъ вздумалъ накинуть себѣ нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ, такъ какъ тогда ему еще не было семнадцати лѣтъ. Вотъ это стихотвореніе:

Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ.

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать было.
И я считалъ когда-то восемь лѣтъ;
Они прошли. Въ судьбѣ своей унылой
Богъ знаетъ какъ я нынѣ сталъ поэтъ.
Не возвратитъ уже того, что было.
Уже я старъ, мнѣ не знакома ложь:
Такъ вѣрите мнѣ—мы спасены лишь вѣрой.
Послушайте, Амуръ, какъ вы, хорошъ;
Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ:
Въ мои лѣта вы будете Венерой.

Но если только буду живъ
Всевышней благостью Зевеса
И столько же краснорѣчивъ,
Я напишу вамъ, баронесса,
Въ латинскомъ вкусѣ мадригалъ
Чудесный, вовсе безъ искусства—
Немного истинныхъ похвалъ,
Немного истиннаго чувства.
Скажу я: «ради вашихъ глазъ,
«О, баронесса, ради баловъ,

¹⁾ Л. Майковъ: Пушкинъ. СПб., 1899 г., стр. 261.

«Когда мы всё глядимъ на васъ,
«Взгляните на меня хоть разъ
«Въ награду прежнихъ мадригаловъ!»
Когда-жъ Амуръ и Гименей
Въ прелестной Маріи моей
Поздравять молодую даму,
Удастся-ль мнѣ подъ старость дней
Вамъ посвятить эпиграму?»¹⁾

Второе стихотвореніе, посвященное сестрѣ Дельвига, подъ заглавіемъ: «Къ Машѣ», имѣло на автографѣ помѣту: «1816 г. Лицей», какъ это видѣлъ В. Гавевскій у Маріи Антоновны. Вотъ это стихотвореніе:

Къ Машѣ.

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты рѣмы набросать
И мнѣ въ награду общала
Спасибо въ прозѣ написать.

Слѣшу исполнить приказанье:
Года не смѣють погодить:
Еще семь лѣтъ—и общанье
Ты не исполнишь, можетъ быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
Въ собраньяхъ будете сидѣть
И, жертвуя богинѣ скуки,
Съ вокзала въ маскарадъ летѣть

И ужъ не вспомните поэта...
О, Маша, Маша, поспѣши
И за четыре мнѣ куплета
Мою награду напиши!²⁾

«Стихи эти, говоритъ Пущинъ, написаны сестрѣ Дельвига, премилой, живой дѣвочкѣ, которой тогда было семь или восемь лѣтъ. Стихи сами по себѣ очень милы, но для насъ имѣють свой особый интересъ. Кюрасовъ положилъ ихъ на музыку, и эти стансы пѣлись тогда юными дѣвками почти во всѣхъ домахъ, гдѣ лицей имѣлъ права гражданства»³⁾.

¹⁾ Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ, т. I, изд. 2, СПБ., 1900 г., стр. 157 и 230.

²⁾ Сочиненія Пушкина. Изд. Императорской Академіи Наукъ, т. I, изд. 2, СПБ., 1900 г., стр. 161 и 232.

³⁾ Л. Майковъ: Пушкинъ. СПБ., 1899 г., Записки И. И. Пущина: О дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ, стр. 61. См. также комментаріи Н. О. Лернера въ книгѣ Венгерова о Пушкинѣ, т. II, стр. 295 и 305.

Дельви́гъ, постоянно живя въ Петербургѣ и рѣдко уѣзжая изъ него, имѣлъ полнѣйшую возможность посѣщать лицейскія сходы во время празднованія лицейской годовщины 19 октября. Мы коснемся здѣсь тѣхъ лицейскихъ сходовъ, въ которыхъ принималъ участіе Дельви́гъ.

Самою раннею годовщиною, о которой сохранились письменныя свидѣтельства, была годовщина 1822 г., какъ это видно изъ стихотворенія Илличевскаго отъ 19 октября 1822 г. Въ этомъ стихотвореніи Илличевскій между прочимъ говоритъ, что въ теченіе 11 лѣтъ товарищи его не пропустили этого дня; здѣсь конечно, Илличевскій подразумѣваетъ, что они праздновали день основанія Лицея, будучи въ стѣнахъ заведенія, такъ какъ по выходѣ изъ Лицея прошло не одиннадцать, а всего пять лѣтъ. Объ этихъ пяти лицейскихъ годовщинахъ (1817 — 1822) мы не имѣемъ никакихъ упоминаній. Празднованіе годовщины 1822 г. происходило на квартирѣ у Илличевскаго, и здѣсь были прочитаны стихотворенія какъ Илличевскаго, такъ и Дельвига.

Дельви́гъ прочиталъ слѣдующее стихотвореніе:

Что Илличевскій изъ Сибири,
Съ шампанскимъ кажетъ намъ бокаль,
Ура, друзья! Въ его квартирѣ
Для насъ воскресъ лицейскій залъ.
Какъ пѣсни пѣть не позабыли
Лицейскаго мы Мудреца,
Дай Богъ, чтобъ такъ-же сохранили
Мы скотобратскія сердца.

О годовщинѣ 1823 г. не сохранилось никакихъ документовъ. Въ 1824 г. сходка состоялась въ квартирѣ жившихъ вмѣстѣ Вольховскаго, Стевена и Яковлева. Здѣсь во время ужина Дельви́гъ сочинилъ экспромтъ, пропѣтый всѣми присутствующими на мотивъ пѣсни Коцебу: «Es Kann doch nicht immer so bleiben». Этотъ экспромтъ былъ переписанъ Яковлевымъ на особой четвертушкѣ. Вотъ слова этого экспромта:

Семь лѣтъ пролетѣли, но, дружба,
Ты та же у старыхъ друзей:
Все любишь лицейскія пѣсни,
Все сердцу твердишь про Лицей.

* *
*

Останься жъ въ вѣкъ нашей хозяйкой,
И долго въ сей день собирай
Друзей, не старѣющихъ сердцемъ,
И имъ старину вспоминай,¹⁾

¹⁾ См. «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время», статья В. П. Гаевского, а также статья К. Грота, «Новое Время» 19 ноября 1909 г., № 12071, и отдѣльная брошюра, Спб., 1910 г.

Какъ К. Гротъ, такъ и Гаевскій, пропускаютъ четыре стиха, которые приводитъ сынъ Е. А. Энгельгардта, Владиміръ Егоровичъ, въ своей статьѣ: «Воспоминанія о директорѣ Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардтѣ (1775—1862¹)». Вотъ эти пропускаемые стихи:

«Нашъ милый начальникъ! Ты съ нами,
Ты любишь и насъ и Лицей;
Мы пьемъ за твое всё здоровье,
А ты пей за насъ, за друзей!» (bis²).

По словамъ В. Е. Энгельгардта, послѣдній куплетъ былъ повторенъ дважды въ честь и здравіе находившагося среди нихъ всѣми душевно любимого и уважаемого директора; въ заключеніе была пропѣта лицейская прощальная пѣснь барона Дельвига.

На годовщинѣ 1825 г. присутствовали баронъ Корфъ, баронъ Дельвигъ, Илличевскій, Саврасовъ, Комовскій, Яковлевъ. На этой пирушкѣ Дельвигъ опять импровизировалъ стихи, записанные Яковлевымъ, которые были пропѣты на мотивъ изъ «Волшебнаго Стрѣлка». Мы приведемъ ихъ здѣсь по полному списку, напечатанному Константиномъ Яковлевичемъ Гротомъ, такъ какъ Гаевскій приводитъ только два куплета. Вотъ эти стихи:

«Въ третій разъ, мои друзья,
Вамъ пою куплеты я
На пиру лицейскомъ.
О, моя, повѣрьте, тѣнь
Огласить сей братскій день
Въ царствѣ Елисейскомъ.

Хоть немного было насъ,
Но засталъ насъ первый часъ
Дружныхъ и веселыхъ.
Отъ вина мы не пьяны,
Лишь бы не были хмельны
Отъ стиховъ тяжелыхъ.

И въ четвертый разъ, друзья,
Воспою охотно я
Вамъ лицейскій праздникъ.
Лейся жженка черезъ край,
Ты жъ подь голосъ нашъ играй,
Яковлевъ проказникъ»³).

¹) «Рус. Арх.» 1872 г., 7 и 8, стр. 1487.

²) Этотъ куплетъ пропущенъ въ брошюрѣ К. Я. Грота: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него». Спб. 1910 г., стр. 4 и 5.

³) «Новое Время» 1909 г., № 12071, статья К. Грота и отдѣльная брошюра, стр. 6 и 7.

Для этой годовщины, какъ извѣстно, Пушкинъ написалъ у себя въ Михайловскомъ элегію: «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ» . . . , эту первую изъ своихъ «лицейскихъ годовщинъ».

На сходкѣ въ 1826 г. читали свои стихотворенія Илличевскій и Дельвицъ. Мы не будемъ касаться здѣсь стихотворенія Илличевского, такъ какъ о немъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ, приведемъ стихотвореніе Дельвига:

«Снова, други, въ братскій кругъ
Собралъ насъ отецъ похмеля,
Поднимите жъ кубки вдругъ
Въ честь и дружбы и веселья.

Но на время омрачимъ
Мы веселье наше, братья,
Что мы двухъ друзей не зримъ
И не жмемъ въ свои объятія.

Нѣтъ ихъ съ нами, но въ сей часъ
Въ ихъ сердцахъ пылаетъ пламень.
Вѣрьте. Внятенъ имъ нашъ гласъ,
Онъ проникнетъ твердый камень.

Выпьемъ, други, въ память ихъ!
Выпьемъ полные стаканы.
За далекихъ, за родныхъ
Будемъ нынѣ вдвое пьяны» ¹⁾.

Упомянутое объ отсутствующихъ друзьяхъ относится до ихъ лицейскихъ товарищей декабристовъ Пущина и Кюхельбекера; какъ извѣстно, и Пушкинъ вспомнилъ ихъ въ своемъ стихотвореніи, обращенномъ къ П. И. Пущину:

«Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!

Стихотвореніе это достигло Пущина въ день приѣзда его въ Читту—5 января 1828 года.

О празднованіи лицейской годовщины въ 1827 г. не сохранилось никакихъ письменныхъ матеріаловъ, мы не имѣемъ ни стиховъ, ни протоколовъ этой годовщины, такъ увѣряетъ Константинъ Яковлевичъ Гротъ. Между тѣмъ новѣйшій комментаторъ Пушкина, Н. О. Лернеръ, доказываетъ, что не только эта годовщина праздновалась первымъ курсомъ, но и что на ней присутствовалъ самъ Пушкинъ, который прочелъ на ней извѣстное стихотвореніе:

«Богъ помочь вамъ, друзья мои».

¹⁾ «Новое Время» 1909 г., № 12071, статья К. Грота и отдѣльная брошюра, стр. 8.

«Лицейскихъ праздниковъ, говоритъ Н. Лернеръ, Пушкинъ не пропускалъ, когда бывалъ въ Петербургѣ. Несмотря на то, что не сохранился протоколъ сходки 1827 г., у насъ есть основаніе думать, что обычная сходка состоялась и въ 1827 году. Декабристъ И. И. Пущинъ въ Сибири не терялъ изъ виду лицейскихъ товарищей и получалъ свѣдѣнія о нихъ отъ родныхъ и отъ бывшаго директора Е. А. Энгельгардта. Особенно занимала его судьба Пушкина. «Бывшій нашъ директоръ» — рассказываетъ Пущинъ ¹⁾ — прислалъ мнѣ его стихи «19 октября 1827 г.»... И въ эту годовщину, *въ кругу товарищей-друзей*, Пушкинъ вспомнилъ меня и Вильгельма, заживо погребенныхъ, которыхъ они не досчитывали *на лицейской сходкѣ*». Слова Пущина даютъ основаніе предположенію, что 19 октября 1827 года собраніе лицейстовъ перваго выпуска состоялось и что Пушкинъ на немъ присутствовалъ и читалъ свои стихи» ²⁾).

Что касается общепризнаннаго мнѣнія, что 19 октября 1827 г. Пушкинъ находился въ своемъ имѣніи Михайловскомъ, то Н. Лернеръ опровергаетъ его и доказываетъ, что 19 октября Пушкинъ былъ въ Петербургѣ. Основаніе для этого г. Лернеръ находитъ въ запискахъ Пушкина, гдѣ подъ 14 октября 1827 г. Пушкинъ отмѣтилъ, что въ этотъ день былъ въ Боровичахъ, а подъ 15 числомъ въ Лугѣ описалъ свою встрѣчу съ Кюхельбекеромъ, происшедшую наканунѣ на станціи Залазы. Жандармы едва дали друзьямъ обняться и растащили ихъ. Объ этой сценѣ фельдъегерь, везшій Кюхельбекера, донесъ въ Петербургъ своему начальству, прибавивъ между прочимъ, что на станціи Залазы «вдругъ бросился къ преступнику Кюхельбекеру ѣхавшій изъ Новоржева въ С.-Петербургъ, нѣкто г. Пушкинъ, вслѣдствіе запрещенія фельдъегеря дать Кюхельбекеру денегъ на дорогу, Пушкинъ грозилъ ему: по прибытіи въ Петербургъ въ ту же минуту доложу его императорскому величеству», такимъ образомъ, «ясно, говоритъ Н. Лернеръ, что Пушкинъ ѣхавшій въ Петербургъ и бывшій 14 октября въ Боровичахъ, а 15 въ Лугѣ, былъ въ день Лицея, 19 октября, несомнѣнно уже въ Петербургѣ» ³⁾).

Въ 1828 году лицейскую годовщину справляли на квартирѣ у Тыркова. Протоколъ этой годовщины былъ составленъ Пушкинымъ, и онъ замѣчательнѣе тѣмъ, что при перечисленіи участниковъ этой пирушки къ ихъ фамиліямъ прибавлены лицейскія клички, такъ при фамиліи Дельвигъ — стоитъ кличка Тося, уменьшительное слово отъ Антонъ.

Отъ годовщины 1829 г. не сохранилось ни протоколовъ, ни другихъ записей;

¹⁾ Записки. Спб., 1907 г., стр. 66—67. Примѣч. Н. Лернера.

²⁾ «Рус. Арх.» 1910 г., № 2, стр. 216. Не лишне замѣтить, что на собраніи 1828 г., протоколъ котораго велъ Пушкинъ, нѣлись куплеты прошедшихъ шести годовъ.

³⁾ См. «Рус. Арх.» 1910 г., кн. 2, статья Н. О. Лернера: «Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ (19 октября 1827 г.)», стр. 215—216.

мы имѣемъ только письмо Энгельгардта къ Матюшкину отъ 18 ноября 1829 г., въ которомъ есть указаніе, что въ этомъ году состоялась лицейская сходка 19 октября и даже въ двухъ мѣстахъ: у Тыркова и Дельвига, у перваго было три человѣка, у втораго—четыре. Энгельгардтъ не попалъ ни къ тому, ни къ другому.—О празднованіи годовщины 1830 г. мы также не имѣемъ другихъ свѣдѣній кромѣ письма Костенскаго, о которомъ мы упоминаемъ въ біографическомъ очеркѣ о Костенскомъ.

На годовщинѣ 1831 г. Дельвига уже не было, такъ какъ онъ умеръ въ январѣ мѣсяцѣ этого года, но Пушкинъ, бывшій на этой годовщинѣ, помянулъ его въ своемъ грустномъ стихотвореніи—19 октября 1831 г.—

Чѣмъ чаще празднуетъ лицей...,

о которомъ мы уже упоминали выше.

Когда этотъ очеркъ былъ уже составленъ, появилась прекрасная книга Константина Яковлевича Грота, подъ заглавіемъ: «Пушкинскій Лицей (1811—1817). Бумаги I-го курса, собранныя академикомъ Я. К. Гротомъ. Спб. 1911 г.» Въ ней приведены, между прочимъ, нѣкоторыя стихотворенія барона А. А. Дельвига, которыя не попали въ нашъ біографическій очеркъ о немъ. Не желая увеличивать размѣры этого біографическаго очерка, мы отсылаемъ любознательныхъ читателей къ книгѣ К. Я. Грота.

16.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ
КОСТЕНСКІЙ.

Константинъ Дмитріевичъ Костенскій.

(Род. 1797 г.¹⁾ † 13 ноября 1830 г.).

«Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ:
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой—
И вѣхъ мы братски поминали».

А. Пушкинъ.

19 октября 1831 г.

... Это былъ человѣкъ не блистательный, но добрый и въ своемъ родѣ почтенный.

Е. А. Эмельярдтъ.

Константинъ Дмитріевичъ Костенскій, сынъ коллежскаго совѣтника²⁾, первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ Бочкова³⁾, держалъ экзаменъ для поступленія въ Царскосельскій Лицей 12-го августа 1811 г. Отмѣтки его на экзаменѣ были слѣдующія: въ грамматическомъ познаніи языковъ: російскаго и французскаго—«хорошо», нѣмецкаго—«знаетъ», въ арифметикѣ—«хорошо»; въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ т. е. физикѣ—«довольно хорошо»;

¹⁾ Такъ какъ Мартынъ Пилецкій въ своемъ рапортѣ, поданномъ имъ 19 ноября 1812 г., говоритъ, что ему 15 лѣтъ отъ роду.

²⁾ «Матеріалы для исторіи Лицея», И. Селезнева. 1856 г. Въ «Памятної Книжкѣ Император. Лицея на 1856—57 г., СПб. 1856 г.», стр. 29. Н. И. Гречъ рассказываетъ, что дочь пріятельницы его матери, Екатерины Игнатьевны Куддай, Аксиныя Никитична, была замужемъ за коллежскимъ ассесоромъ Костенскимъ, служившимъ при Царскосельской ассигнаціонной бумажной фабрикѣ. Домъ, въ которомъ жили Костенскіе, находился на берегу пруда, подлѣ бумажной фабрики и существуетъ до сихъ поръ; въ этотъ домъ переѣзжали на лѣто мать Греча съ дѣтьми. («Записки о моей жизни» Н. И. Греча. СПб. 1886 г., гл. III, стр. 91—92).

³⁾ «Матеріалы для исторіи Лицея», И. Селезнева. Примѣч. 19, стр. X.

въ начальныхъ основаніяхъ географіи— «хорошо» и, наконецъ, въ начальныхъ основаніяхъ исторіи имѣется отмѣтка: «не очень» ¹⁾).

Объ ученіи и поведеніи Костенскаго въ продолженіи Лицейскаго курса мы имѣемъ такіе отзывы профессоръ и преподавателей.

Николай Кошанскій въ своемъ отзывѣ съ 23 октября 1811 г. по 15 марта 1812 г. отмѣчаетъ такъ: «Константинъ Костенскій, кажется, имѣетъ не слишкомъ счастливую память. Его вниманіе и прилѣжаніе достойны особенной похвалы. Успѣхи его достаточны». Въ списокѣ помѣщаетъ двадцать первымъ.

Тотъ же Кошанскій въ отзывѣ съ 15 марта по 15 октября 1812 г. пишетъ: «Константинъ Костенскій, если не ошибаюсь, такъ же мало счастливъ способностями и такъ же стараніемъ своимъ и вниманіемъ замѣняетъ недостатки и заслуживаетъ похвалу. Успѣхи его посредственны». Ставить его двадцать восьмымъ въ списокѣ (всего 30).

Гауеншильдъ, профессоръ нѣмецкой литературы, отъ 31 марта 1812 г. такъ аттестуетъ Костенскаго: «Kostensky. Extrêmement faible sur tous les rapports. Peu de moyens, peu d'applications, et partant (sic) peu de progrès».

Въ отзывѣ отъ 18 ноября 1812 года профессоръ французской литературы де-Будри помѣщаетъ Костенскаго въ предпоследнюю (третью) группу воспитанниковъ и даетъ слѣдующій отзывъ: «Kostiansky (sic). Il s'est fait en lui un changement très avantageux; car il répond assez souvent et à propos aux questions qui lui sont adressées, et fait beaucoup moins de fautes en écrivant. Si cela continue, nous n'aurons que du bien à en dire».

Во второмъ рапортѣ Гауеншильда отъ 19 ноября 1812 г. Костенскій помѣщенъ въ третью (последнюю) группу воспитанниковъ съ слѣдующей характеристикой: «Kostensky, a trop peu de moyens pour faire beaucoup de progrès».

Мартынъ Пилецкій въ Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, подданномъ 19 ноября 1812 г., даетъ слѣдующій отзывъ о Костенскомъ:

«Костенскій (Константинъ) 15-ти лѣтъ. Съ весьма посредственными дарованіями, съ трудомъ прибрѣтаетъ знанія хотя довольно прилѣженъ. Частыя напоминанія произвели болѣе вѣжливости и благонравія въ его поступкахъ; онъ прибрѣлъ осторожность, которая предупреждаетъ нѣсколько грубую его вспыльчивость и насмѣшливость, впрочемъ неліцемерное добродушіе, чувствительность, усердіе и опрятность суть свойственныя ему качества» ²⁾.

Кошанскій въ списокѣ воспитанниковъ изъ класса русской и латинской словесности отъ 9-го іюля 1813 г. дѣлитъ ихъ на четыре рубрики: I превосход-

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. 1856 г. Въ «Памяти. Книжкѣ Император. Александр. Лицея на 1856—57 г.», СПб. 1856 г., см. прилож. къ стр. XI.

²⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911, стр. 30.

ныхъ, II отличныхъ, III хорошихъ и IV посредственныхъ и помѣщаетъ Костенскаго въ третью группу воспитанниковъ послѣднимъ (девятимъ ученикомъ), т. е. среди «хорошихъ» воспитанниковъ.

Въ отзывѣ гувернера Чирикова отъ 30 сентября 1813 г. о свойствахъ и поведеніи воспитанниковъ при фамиліи Костенскій мы находимъ слѣдующую характеристику: «*Настыливъ*, впрочемъ добродушенъ, чувствителенъ, усерденъ, опрятенъ и очень прилѣженъ» (sic).

Въ списокѣ Кошанскаго съ 1-го августа по 15 декабря 1813 года о Костенскомъ повторяется буквально та же характеристика, которая была имъ сдѣлана въ отзывѣ отъ 15 марта по 15 октября 1812 года.

Наконецъ профессоръ Гайдановъ въ своей вѣдомости о дарованіяхъ, прилежаніи и успѣхахъ воспитанниковъ по части географіи, всеобщей и русской исторіи отъ 1 ноября 1812 года по 1 января 1814 г. говоритъ о Костенскомъ слѣдующее: «Константинъ Костенскій. Дарованій и успѣховъ посредственныхъ. Въ поведеніи добронравенъ». Въ вѣдомости Костенскій занимаетъ двадцать четвертое мѣсто (всѣхъ воспитанниковъ въ вѣдомости двадцать девять).

Таковы были отмѣтки Костенскаго въ Лицеѣ; къ сожалѣнію намъ не пзвѣстно, какое участіе принималъ Костенскій въ литературныхъ трудахъ лиценстовъ, такъ какъ нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на это въ трудахъ Гаевского, Грота и др.

Хотя слѣдуетъ замѣтить, что въ самомъ началѣ лицейскаго курса, когда вышло запрещеніе уѣзжать изъ Лицея въ отпускъ, что сплотило воспитанниковъ въ одну дружную семью, Костенскій принималъ участіе въ домашнихъ спектакляхъ, устроенныхъ тогда въ Лицеѣ. Такъ, 30 августа 1812 года, въ день тезоименитства Государя Императора, былъ данъ домашній спектакль. Воспитанники разыгрывали пьесу, сочиненную ихъ гувернеромъ Иконниковымъ, написанную специально для ихъ товарища М. Л. Яковлева, славившагося своимъ мимическимъ талантомъ. Кромѣ Яковлева, въ этой пьесѣ принималъ участіе и Костенскій; кромѣ этихъ двухъ воспитанниковъ участвовали также Масловъ, Пущинъ, Иличевскій и Корсаковъ; пьеса эта называлась «Добрый помѣщикъ» и была въ одномъ дѣйствіи. Послѣ нея Яковлевъ съ хоромъ воспитанниковъ пропѣлъ куплеты, сочиненные тѣмъ же Иконниковымъ ¹⁾.

Покидая Лицей, Костенскій внесъ нѣсколько сочувственныхъ строкъ въ альбомъ Энгельгардта на память о себѣ. Вотъ что онъ написалъ: «Перебирая въ Альбомѣ листки, могу надѣяться что не пропустите и того, въ которомъ есть Вася любящій по смерть Константина Костенскій ²⁾».

¹⁾ См. В. Гаевскій: «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія». «Современникъ» 1863 г., т. ХСѢІІ, стр. 138.

²⁾ Выписано мной изъ альбома Е. А. Энгельгардта, находящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Костенскій кончплъ курсъ 9 іюня 1817 года съ чпномъ 10 класса (коллежскій секретарь) и поступилъ 10 іюня въ канцелярію Министра Финансовъ на основаніи Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго на имя пеправляющаго должность Министра Народнаго Просвѣщенія и кавалера князя Александра Николаевича Голицына 19 мая 1817 года.

Князь Голицынъ обратился къ Министру Финансовъ Д. А. Гурьеву съ письмомъ отъ 10 іюня того же года за № 1759, въ которомъ онъ передалъ Высочайшее повелѣніе Его Величества объ опредѣленіи окончившихъ курсъ Лицея Илличевскаго, Костенскаго и Дельвига по Министерству Финансовъ, согласно ихъ желанію, съ награжденіемъ ихъ чинами коллежскихъ секретарей. Въ тотъ же день Министръ Финансовъ приказалъ первыхъ двухъ помѣститъ въ его Канцелярію, о чемъ и состоялся указъ за № 16977. Отношеніемъ отъ 6 сентября 1817 года Экспедиція Государственныхъ Доходовъ увѣдомила Канцелярію Министерства Финансовъ, что ея предписано С.-Петербургскому для остаточныхъ суммъ Казначейству объ отпускѣ въ Канцелярію жалованья опредѣленнымъ туда на службу лицепстамъ: А. Илличевскому и К. Костенскому по 700 рублей ¹⁾).

Нѣкоторыя свѣдѣнія о Костенскомъ, объ его служебной карьерѣ, мы можемъ получить изъ переписки директора Лицея Энгельгардта съ своими любимыми учениками Ѳ. Ѳ. Матюшкинымъ и Вольховскимъ, а также и изъ дружеской переписки между Вольховскимъ и его товарищами. Въ письмѣ Яковлева къ Вольховскому отъ 4 генваря 1826 г. о Костенскомъ мы находимъ слѣдующее: «Костенскаго никто не видитъ. Или онъ ходитъ подъ шляпкой невидимкой, или... или... не прид(ум)аю, что сказать». Въ письмѣ отъ 4 ноября 1829 г. съ шуточными описаніями служебнаго положенія товарищемъ Яковлевъ о Костенскомъ пишетъ слѣдующее: «Костенскій въ адресномъ календарѣ значится коллежскимъ ассесоромъ и помощникомъ бухгалтера при ассигнаціонной фабрикѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ старикъ старика похоронилъ, никто старика ужъ не встрѣчалъ» ²⁾). Гораздо раньше Яковлева Е. А. Энгельгардтъ въ письмѣ къ Кюхельбекеру отъ 14 сентября 1823 г. писалъ слѣдующее: «Костенскій не взирая на маститую старость свою, служитъ и дѣлаетъ новыя ассигнаціи» ³⁾).

Въ письмѣ отъ 10 сентября 1820 г. Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину про Костенскаго: «Старикъ записываетъ новыя ассигнаціи».

Эти свѣдѣнія подтверждаются формуляромъ Костенскаго, гдѣ мы находимъ,

¹⁾ См. «Дѣло о переименованіи Воспитанниковъ Сарско-Сельской лицеи Ильичевскаго и Костенскаго въ чины коллежскаго секретаря и объ опредѣленіи въ канцелярію. Началось 1817 г. іюня 10.—Кончено 17 іюня 1818 г.

²⁾ Тутъ можно понять такимъ образомъ, что старикъ, т. е. Костенскій, похоронилъ своего отца.

³⁾ «Рус. Стар.» 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 374.

что въ 1818 г., іюня 3, онъ былъ перемѣщенъ въ Экспедицію Заготовленія Государственныхъ Бумагъ Помощникомъ Бухгалтера I отдѣленія съ жалованьемъ по 1200 рублей въ годъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ перемѣщеніи Костенскаго мы находимъ въ только что цитированномъ дѣлѣ Министерства Финансовъ. Изъ этого дѣла мы узнаемъ, что въ 1818 году, мая 31 дня, Министръ Финансовъ и кавалеръ приказалъ служащаго въ Канцеляріи его коллежскаго секретаря Костенскаго, изъявившаго желаніе служить по вновь устроенному заведенію при Государственномъ Ассигнаціонномъ Банкѣ, уволить отъ дѣлъ Канцеляріи и снабдить формулярнымъ о службѣ его спискомъ. Формулярный списокъ Костенскаго за № 717 въ тотъ же самый день былъ препровожденъ директору Банка Князю А. Н. Хованскому. Изъ отношенія Князя А. Хованскаго на имя Министра Финансовъ, отъ 5 іюня 1818 г. за № 48, видно, что Костенскій «опредѣленъ 4 числа сего іюня по ввѣренному его управленію заведенію для дѣланія бумагъ Помощникомъ Бухгалтера». Въ 1820 г. декабря 31 получили чинъ Титулярнаго Совѣтника. По Высочайшему указу, въ 9 день февраля 1824 г. состоявшемуся, выдано Костенскому въ единовременное награжденіе 600 рублей. За приготовленіе билетовъ Казначейства Царства Польскаго Всеплотивѣйше пожаловано въ единовременное награжденіе 300 рублей— 28 іюля 1824 г. Произведенъ въ Коллежскіе Ассесоры—31 декабря 1824 г. Съ разрѣшенія Министра Финансовъ выдано въ единовременное награжденіе 300 рублей—31 января 1825 г., 200 рублей—3 февраля 1826 г. и наконецъ 500 рублей 31 января 1827 г.

Намъ неизвѣстно, принималъ ли участіе Костенскій въ празднованіи лицейскихъ годовщинъ. Мы имѣемъ одно письмо его отъ 1830 г., въ которомъ Костенскій пишетъ Вольховскому, что онъ не можетъ принять участіе въ лицейской сходкѣ этого года изъ-за своей болѣзни. И, дѣйствительно, это была болѣзнь, сведшая его въ могилу осенью этого года. Вотъ это письмо.

«Любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ, потрудитесь благодарить г.г. моихъ товарищей за сдѣланное мнѣ приглашеніе: оно для меня лестно тѣмъ болѣе, что этимъ самымъ показываетъ, что любовь товарищей перваго выпуска пылаетъ все также и въ 1830 году, какъ и въ 1811-мъ. Но мнѣ къ крайнему сожалѣнію нельзя быть участникомъ вашего веселія: я страдаю горломъ вотъ уже четыре недѣли, ничего не могу ни ѣсть, ни пить. Повѣрь мнѣ, любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ, что это истинная правда. Повеселитесь, господа, и безъ меня, а за здоровье больного хоть одну рюмку.

Вамъ преданный К. Костенскій.

19 октября 1830 г. ¹⁾).

¹⁾ К. Я. Грогъ: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него». СПб., 1910 г., стр. 12.

Наконецъ въ письмѣ Энгельгардта къ Ѳ. Ѳ. Матюшкину отъ 22 января 1831 г. мы находимъ слѣдующее сообщеніе о Костенскомъ: «Старика Костенскаго нынѣшнею осенью (слѣдовательно, въ 1830 г.) похоронили; это былъ человекъ не блистательный, но добрый и въ своемъ родѣ почтенный».

Формуляръ отмѣчаетъ, что Костенскій умеръ, состоя на службѣ, 13 ноября 1830 года.

Очень оригинально, что въ своемъ «Дневникѣ» ¹⁾ Корфъ совершенно забылъ объ этомъ своемъ товарищѣ и нпчѣмъ не помянулъ его. Между тѣмъ онъ даетъ о каждомъ изъ нихъ какую-либо характеристику.

¹⁾ См. изъ «Дневника» барона (впослѣд. графа) М. А. Корфа. 1839 г. (гл. II). «Рус. Стар.» 1904 г., т. СХVIII, іюнь.

17.

I. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ
МАРТЫНОВЪ.

(Отецъ).

II. АРКАДІЙ ИВАНОВИЧЪ
МАРТЫНОВЪ.

(Лицеистъ).

Иванъ Ивановичъ
МАРТЫНОВЪ.

(Отець).

Аркадій Ивановичъ Мартыновъ.

(Род. 1801 г., † 2 мая 1850 г.).

I.

Отецъ Аркадія Ивановича Мартынова — Иванъ Ивановичъ Мартыновъ¹⁾ — происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1771 году²⁾ въ Полтавской губерніи, въ мѣстечкѣ Переволочнѣ. Отецъ его былъ священникомъ Николаевской церкви³⁾, и его онъ лишился въ малолѣтствѣ; мать отдала мальчюка на пятомъ году отъ роду учиться русскои грамотѣ къ писарю коменданта тамошней крѣпости, у котораго онъ научился порядочно читать и писать, пройдя букварь, часословъ и псалтырь. Не имѣя никакихъ средствъ къ дальнѣйшему ученію, онъ оставался дома. На 9 году отъ рожденія, т. е. въ 1780 г., Мартыновъ поступилъ въ Полтавскую семинарію на казенное содержаніе, такъ называемую «бурсу» при семинаріи, учрежденную для бѣдныхъ сиротъ. Здѣсь въ семинаріи Мартыновъ прилежно изучилъ латинскому и греческому языкамъ. Проходя успѣшно курсъ наукъ семинарскихъ, онъ сталъ самъ репетировать преподаваемые предметы со своими

¹⁾ Академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ въ своей извѣстной книгѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». (Спб., 1899 г., стр. 292) пишетъ: «Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, братъ котораго принадлежалъ къ числу воспитанниковъ I курса и который приписывалъ себѣ составленіе проекта лицейскаго устава»... и т. д. — Онъ дѣлаетъ здѣсь колоссальную ошибку, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

²⁾ Какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ въ своей автобіографіи, напечатанной въ журналѣ «Заря» за 1871 годъ, въ июньской книжкѣ, прилож. Между тѣмъ по формуляру его, составленному въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ 1825 году, ему значится 56 лѣтъ, т. е. что онъ родился въ 1769 году. Кромѣ этой автобіографіи П. П. Мартынова, мы пользовались еще трудомъ Е. Колбасина, подъ заглавіемъ: «Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, переводчикъ греческихъ классиковъ», напечатаннымъ въ «Современникѣ» за 1856 г., мартъ, т. LVI. Многія свѣдѣнія изъ автобіографіи Мартынова приводятся въ другомъ сочиненіи Колбасина: «Литературные дѣятели прежняго времени» (Спб. 1859 г.).

³⁾ По увѣренію его біографа, Е. Колбасина, Мартыновъ былъ дворяниномъ по происхожденію. Свѣдѣнія объ этомъ мы оставляемъ на совѣсти біографа; въ автобіографіи Мартынова объ этомъ ничего не сказано, хотя въ малороссійскомъ духовенствѣ и бывали священники изъ дворянъ.

товарищамъ; потомъ проходить эти же предметы за плату съ учениками, жившими у него на квартирѣ и приходившими къ нему. Содержа себя такимъ образомъ уроками, онъ кончилъ курсъ философіи, т. е. логики, метафизики, физики и нравоученія и переведенъ былъ въ классъ богословскій. За поднесенную Архіепископу Амвросію оду въ стихахъ Мартыновъ сталъ ему лично извѣстенъ и былъ пожалованъ имъ за это двадцатью пятью рублями, по тогдашнему времени очень крупною суммою. Онъ сталъ Амвросію еще болѣе извѣстнымъ послѣ того, какъ ректоръ семинаріи Архимандритъ Гавріилъ по болѣзненнымъ причинамъ отказался отъ преподаванія греческаго языка и на свое мѣсто рекомендовалъ Мартынова. Это было въ 1788 году, когда ему еще не было полныхъ 17-ти лѣтъ. Въ сентябрѣ того же года Архіепископъ получилъ Высочайшее повелѣніе отправить въ С.-Петербургскую Александро-Невскую Семнарію трехъ или четырехъ студентовъ «для образованія въ учителя». Выборъ палъ на Мартынова. Кромѣ того, преосвященный спросилъ Мартынова, кого бы онъ считалъ еще достойными такого назначенія. Онъ назвалъ Стефановскаго, Котляревскаго ¹⁾ и Илличевскаго ²⁾.

Свое путешествіе изъ Полтавы до Москвы Мартыновъ описалъ въ сочиненіи «Филонъ», помѣщенномъ въ «Музѣ», журналѣ, который онъ издавалъ въ 1796 г.

Пріѣхавъ въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ октября, семинаристы остановились въ Невскомъ монастырѣ. Здѣсь Мартыновъ также обратилъ на себя вниманіе, какъ знаніемъ древне-греческаго языка, такъ и ромейскаго, т. е. нынѣшняго греческаго языка, и получилъ классъ греческаго языка. Въ стѣнахъ Петербургской семинаріи онъ познакомился и сдружился съ питомцемъ Владимірской семинаріи Михаиломъ Михайловичемъ Сперанскимъ, будущимъ графомъ и знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ.

Кромѣ преподаваемыхъ наукъ въ семинаріи, Мартыновъ и многіе другіе его товарищи брали уроки у частныхъ преподавателей. Такъ по греческому языку Мартыновъ пользовался разговоромъ съ Евгеніемъ, бывшимъ архіепископомъ Словенскимъ и Херсонскимъ и съ окружающими его греками. Кромѣ того, математику слушалъ у академика Семена Кириловича Котельникова; химию у академика Никиты Петровича Соколова; зоологію у Николая Яковлевича Озерецковскаго и, наконецъ, физику слушалъ у профессора Василія Владиміровича Петрова.

По окончаніи философскаго курса, онъ вступилъ въ классъ богословія. На этомъ курсѣ каждый семинаристъ въ извѣстные промежутки времени долженъ былъ сказать проповѣдь своего сочиненія въ какой-либо изъ церквей города. Здѣсь

¹⁾ Иванъ Петровичъ Котляревскій—авторъ «Энеиды», перелицованной на малороссійское нарѣчіе.

²⁾ Демьянъ Васильевичъ Илличевскій—отецъ будущаго лицеиста Алексѣя Демьяновича, товарища по Лицею Аркадію Мартынову.

посчастливилось Мартынову, такъ какъ сказанная имъ проповѣдь удостоилась похвалъ многихъ лицъ и, между прочими, Сперанскаго; скоро ей стали подражать не только студенты, но и священники, и даже архимандритъ Анастасій, бывшій въ то время законоучителемъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1792 году Мартынову былъ порученъ классъ греческаго языка въ Петербургской семинаріи; чтобы имѣть руководство для занятій въ классѣ, Мартыновъ перевелъ на русскій языкъ греческую грамматику Котифора. Получалъ онъ порученія отъ Митрополита Гаврііла по переводу разныхъ сочиненій съ греческаго языка, а также Митрополитъ Гаврііллъ поручилъ ему заняться сокращеннымъ переводомъ византійской исторіи, писанной на простомъ греческомъ языкѣ и выбранной изъ древнихъ византійскихъ писателей. Кромѣ того онъ перевелъ на русскій языкъ съ греческаго сочиненіе архіепископа Евгенія: «О вѣротерпимости». Въ это же время онъ занялся изученіемъ французскаго языка. Эти занятія французскимъ языкомъ дали ему возможность изучить этотъ языкъ теоретически настолько хорошо, что могъ заняться переводами съ французскаго языка на русскій. Онъ перевелъ: «Опытъ объ эпическомъ стихотворствѣ» Вольтера и «Англійскія письма», а также «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ» Литтлетона. Эти переводы дали ему средства къ существованію. Кончая курсъ, онъ получилъ отъ Митрополита предложеніе ѣхать въ Голландію священникомъ, дабы жить среди тамошняго греческаго купечества, но для этого нужно было найти себѣ невѣсту, и онъ посватался за дочь одного Петергофскаго священника, принявшаго его сватовство. На другой день этого сватовства у митрополита случайно выяснилось, что дѣвушка, за которую посватался Мартыновъ, безъ вѣдома отца, дала слово выйти за другого священника. По предложенію митрополита Мартыновъ прекратилъ свое сватовство, въ которомъ къ тому же и не было такой скоропалительной надобности, такъ какъ выяснилось, что въ Голландію, по желанію Императрицы, будетъ посланъ іеромонахъ... На предложеніе митрополита принять монашество Мартыновъ не согласился, такъ какъ ему въ то время шелъ только 20-й годъ. Мартыновъ былъ оставленъ въ Петербургѣ для полученія священническаго мѣста. Въ это время его товарищи, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Полтавы, по требованію преосвященнаго, были отозваны на родину, для полученія учительскихъ мѣстъ, а Мартыновъ былъ оставленъ въ Петербургѣ для преподаванія греческаго языка. Въ формулярѣ его значится, что онъ поступилъ въ С.-Петербургскую Александро-Невскую Академію учителемъ греческаго и латинскаго языковъ, поэзіи и риторикѣ въ 1792 году сентября 1-го. По порученію митрополита онъ перевелъ на еллинскій языкъ сочиненія преосвященнаго: «О церковныхъ обрядахъ». Обучая риторикѣ, онъ перевелъ на русскій языкъ сочиненіе греческаго ратора Димитрія Фалерія: «О слововыраженіи».

Въ 1793 году Мартыновъ послалъ въ журналъ «Санктъ-Петербургскіи Меркурій», издававшійся Александромъ Ивановичемъ Клушинымъ и Иваномъ Андре-

вичемъ Крыловымъ, два своихъ стихотворенія: 1) «Къ бардамъ» и 2) «Взоръ на протекшія лѣта»; современемъ изданіе этого журнала всецѣло перешло къ Мартынову, и въ немъ онъ печаталъ свои переводы и оригинальныя сочиненія. Изъ переводовъ слѣдуетъ упомянуть о сочиненіи Попе: «О человѣческой жизни», о небольшомъ «Гимнѣ Клеанты» и о «Сократѣ» пзъ Вольтера. Изданіе журнала расширило кругъ его знакомствъ и свело его съ нѣкоторыми книгопродавцами. Уже послѣ прекращенія «Меркурія» онъ перевелъ съ французскаго поэму Сахарія: «Четыре части дня» и продалъ ее В. А. Плавильщикову.

По рекомендаціи своего товарища Д. С. Стефановскаго Мартыновъ сталъ вмѣсто него обучать дѣтей штабъ-лекаря Конногвардейскаго полка Х. П. Кннпера. Здѣсь онъ встрѣтился съ свѣтскимъ обществомъ и здѣсь же онъ познакомился съ П. И. Сазановымъ, который «просилъ его учить русской грамотѣ лифляндскую дворянку, дѣвцу, оставшуюся въ сиротствѣ, безъ отца и безъ матери, жившую у него по дружбѣ съ управлявшею его домомъ женщиною, также лифляндкою». Нечего говорить, это преподаваніе имѣло своимъ слѣдствиемъ первую любовь и кончилось формальнымъ предложеніемъ, на что эта особа и изъявила свое полное согласіе. Эта же любовь вселпла бодрость въ Мартынова и онъ сталъ искать способовъ уйти изъ Невскаго училища на другую, болѣе видную, службу. Ожидая противодѣйствія со стороны митрополита къ переходу въ свѣтское званіе, онъ обратился къ преосвященному Евгению, чтобы тотъ ходатайствовалъ за него у митрополита Гавріила, что блистательно и исполнилось.

Послѣ попытки получить мѣсто въ Заемномъ банкѣ у графа Петра Васильевича Завадовскаго, Мартыновъ рѣшился обратиться въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ для переводовъ съ греческаго языка. Послѣ многихъ мытарствъ, непріятностей и хожденій къ разнымъ лицамъ, онъ былъ опредѣленъ въ Коллегію 1 января 1795 г. съ чиномъ актуаріуса на 135-ти рублевое годовое жалованье. Этотъ успѣхъ по службѣ обрадовалъ его невѣсту и они рѣшили какъ можно скорѣе повѣнчаться. Къ тому же, при посредствѣ добрыхъ людей, его заработокъ увеличился и его познакомили съ дѣдушкою Паскевича, который поручилъ Мартынову давать уроки своему внуку, воспитывавшемуся въ Пажескомъ Корпусѣ — будущему фельдмаршалу, княю Паскевичу-Эриванскому. Кромѣ Паскевича, Мартыновъ училъ еще двоихъ пажей Русанова и Бурнашева. Онъ обучалъ ихъ переводамъ съ французскаго языка, сочиненію на русскомъ языкѣ, исторіи, географіи и арифметикѣ. Наконецъ 8 мая 1795 года онъ повѣнчался со своею невѣстою.

На слѣдующій годъ онъ сталъ издавать журналъ подъ названіемъ «Муза». Въ немъ помѣщали свои произведенія Державинъ, Сперанскій, Львовы (Николай Александровичъ и Федоръ Петровичъ), Словцовъ и другіе, а также Великая Княжна Александра Павловна, которая помѣстила въ этомъ журналѣ два перевода: 1) Бодрость и благодѣяніе одного крестьянина и 2) Долгъ челоѣчества.

Это сотрудничество Великой Княжны сдѣлало его извѣстнымъ при дворѣ; Императрица Марія Ѳеодоровна назначила его учителемъ русской словесности, исторіи и географіи въ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвиць, куда онъ и поступилъ по увольненіи его изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ чиномъ переводчика, 5 іюля 1797 года. По открытіи училища ордена Св. Екатерины Императрица назначила Мартынова 20 мая 1798 года преподавать тѣ же предметы и въ Екатерининскомъ институтѣ ¹⁾. Во время службы его въ этихъ заведеніяхъ онъ былъ 8 февраля 1799 г. произведенъ въ Коллежскіе Ассесоры, а въ 1800 г.— въ Надворные Совѣтники. Объ этой эпохѣ своей жизни Мартыновъ отзывается, какъ о самой «очаровательной во все ея продолженіе».

Пользуясь расположеніемъ Императрицы, которая часто посѣщала его уроки, а также уваженіемъ начальницы и привязанностью дѣтей, Мартыновъ, однако, вслѣдствіе болѣзни груди былъ принужденъ оставить Екатерининскій институтъ, а мѣсто учителя въ Обществѣ благородныхъ дѣвиць Мартыновъ обмѣнилъ на мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, куда онъ и былъ опредѣленъ 8 мая 1801 года писмоводителемъ по духовному и гражданскому отдѣленію.

Великій Князь Александръ Павловичъ, бывшій тогда наслѣдникомъ, Павелъ Александровичъ Строгановъ и Новосильцевъ поручили ему перевести на русскій языкъ нѣсколько сочиненій по политической экономіи, которыя онъ за извѣстную плату и перевелъ, а именно: три части Стюарта: *Recherches sur l'Economie politique*, разборъ коего, по ихъ же порученію, былъ напечатанъ Мартыновымъ въ «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ»; шесть частей *Bibliothèque de l'homme publique par Condorcet*, и *Economie politique par C. Verri*, который также почти весь, по частямъ, напечатанъ въ упомянутомъ журналѣ. Стюартъ и Кондорсе остались ненапечатанными. Кромѣ этихъ сочиненій онъ въ это время напечаталъ еще свои переводы: Анакреона, Лонгина, поэму Шатобриана: «Аталлу», «Прогулки»—Ж. Ж. Руссо, «Духъ»—Руссо, «Письма объ Италіи» г. дю-Пати, «Приданое Сюзетты», «Сень-Жульень», романъ Авг.

¹⁾ Объ этомъ времени вспоминаетъ Никитенко въ своихъ запискахъ и говорить, что Мартыновъ, преподавая русскую словесность въ Екатерининскомъ Институтѣ, былъ въ немъ общимъ любимцемъ. (См. «Повѣсть о самомъ себѣ». Посмертныя записки профессора Александра Васильевича Никитенко. «Русская Старина» 1888 г., т. LX, ноябрь, стр. 291). По поводу восторженныхъ отзывовъ Е. Колбасина въ біографіи Мартынова можно привести здѣсь совершенно противоположный взглядъ на Мартынова, изложенный Никитенко въ своихъ запискахъ. Онъ рассказываетъ, что имѣлъ однажды рекомендательное письмо отъ отца Симеона Сцепинскаго къ его товарищу по духовной академіи д. с. с. П. И. Мартынову. «Счеты мои, говоритъ Никитенко, съ послѣднимъ, однако, скоро кончились. Онъ забылъ своего стараго друга и недвусмысленно мнѣ выразилъ это. Я раскланялся и ушелъ, чтобы больше не возвращаться». («Русск. Старина» 1888 г., т. LX, декабрь, стр. 577).

Лафонтена, переписку Екатерины съ Вольтеромъ, выправилъ Юстія по порученію книгопродавца ¹⁾).

Когда вступилъ на престолъ Императоръ Александръ I, то при учрежденіи Министерствъ въ 1802 году, сентября 8-го, Мартыновъ былъ назначенъ Директоромъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія (Высочайшій указъ объ этомъ 1803 г., января 24-го), а 16 января 1804 г. онъ былъ произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники.

Мартыновъ принялъ горячее участіе въ учрежденіи С.-Петербургскаго Педагогическаго Института и, по желанію Попечителя Новосильцова, онъ сталъ читать курсъ эстетики, составивъ для него и руководство. Въ 1804 и 1805 г.г., издавалъ журналъ «Сѣверный Вѣстникъ», получая отъ Монаршихъ щедротъ по три тысячи рублей въ оба года. Послѣ 1805 года онъ издавалъ журналъ подъ заглавіемъ «Лицей». Въ 1803 году, октября 9 дня, былъ назначенъ въ Комисію для разсмотрѣнія проекта князя Зубова объ учрежденіи губернскихъ военныхъ училищъ, въ которой онъ былъ дѣлопроизводителемъ въ 1803 и 1804 г.г. Это назначеніе для Мартынова было въ особенности тѣмъ лестно, что въ Комисіи присутствовалъ Великій Князь Константинъ Павловичъ, къ которому Мартыновъ относился непосредственно. Въ 1804 году Мартыновъ былъ назначенъ Правителемъ Дѣлъ Главнаго Правленія Училищъ, а 8 апрѣля 1805 г. онъ былъ назначенъ Правителемъ Канцеляріи Совѣта о военныхъ училищахъ, гдѣ Предсѣдательствующимъ назначенъ былъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Съ 8 іюня 1804 года Мартыновъ назначенъ былъ на должность ученаго Секретаря Конференціи Педагогическаго Института ²⁾).

По Министерству Народнаго Просвѣщенія 3-го февраля 1806 года Мартыновъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2 степени. Награда эта была вполне заслужена имъ, такъ какъ всѣ уставы высшихъ учебныхъ заведеній, которые вышли по 1806 годъ, были разсмотрѣны и проредактированы Мартыновымъ. Уставы эти слѣдующіе: Университетовъ Дерптскаго, Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго и Демидовскаго училища высшихъ наукъ. «Честь сочиненія уставовъ,—говоритъ біографъ, принадлежала юному Министерству, такъ какъ общественное мнѣніе возлагало самыя большія надежды». Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Завадовскій «занялся этимъ самъ со своимъ директоромъ, не щадившимъ силъ для такого важнаго дѣла». По числу Университетовъ, существовавшихъ тогда въ Вильнѣ, Москвѣ и Дерптѣ и предположенныхъ вновь въ С.-Петербургѣ, Харьковѣ и Казани, устроены шесть учебныхъ или университет-

¹⁾ Интересующіеся болѣе подробно объ этихъ сочиненіяхъ найдутъ ихъ въ «Современникѣ» за 1856 годъ, мартъ, стр. 26—28.—«Заря» 1871 г., іюнь, стр. 98, прилож.

²⁾ Объ этомъ упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Сергій Павловичъ Шинновъ.с «Рукій Архивъ» 1878 г., т. 6, стр. 147.

скихъ округовъ; къ каждому изъ нихъ причислено по нѣскольکو губерній, существовавшія училища надлежало преобразовать по новому плану, учредить новыя и каждый округъ подчинить особому попечителю.

Правила для С.-Петербургскаго Педагогическаго Института или для такъ называемой учительской гимназiи, писаны Мартыновымъ съ мнѣнiей, по ученымъ предметамъ, профессоровъ этого Института. Уставы для гимназiй, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ составлены Мартыновымъ, кромѣ одного табеля росписанiй учебныхъ предметовъ, что поручено было члену Главнаго Правленiя училищъ Н. И. Фусу. Уставъ для цензуры книгъ написанъ весь Мартыновымъ и подписанъ Министромъ и Членами Главнаго Правленiя училищъ, почти безъ всякой перемѣны, и Высочайше утвержденъ 9 iюля 1804 г. Этого же года, 5 ноября, Высочайше утверждены грамоты, уставы и штаты Унверситетовъ: Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго; также уставъ другихъ учебныхъ заведенiй, т. е. гимназiй, пансионовъ, уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ названiй училищъ.

Въ награду за это кромѣ ордена Св. Анны, Мартыновъ получилъ тогда же единовременное награжденiе 1300 рублей.

Помимо занятiй по службѣ, онъ не покидалъ литературныхъ связей и поддерживалъ знакомство съ Державинымъ, Карамзинимъ, Крыловымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ, В. Нарѣжнымъ и другими.

Въ 1807 году, октября 17-го, онъ назначенъ Членомъ въ Хозяйственный Комитетъ, учрежденный при Главномъ Правленiи училищъ. Въ томъ же году Государыня Императрица Марiя Феодоровна поручила ему надзоръ за учебною частью въ С.-Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ, а также учрежденiе въ немъ латинскаго класса, для приготовленiя нѣсколькихъ воспитанниковъ къ обученiю медицинскимъ наукамъ. Онъ исполнялъ эти обязанности въ 1807 и 1808 годахъ, но за недосугомъ долженъ былъ просить объ увольненiи, которое и послѣдовало по рескрипту Императрицы съ пожалованiемъ ему брилiантоваго перстня.

Въ 1807 году, сентября 7 дня, Мартыновъ Всемилостивѣйше произведенъ въ Статскiе Совѣтники со старшинствомъ съ 1806 г. декабря 31 дня. 15 сентября того же года пожалованъ ему Государемъ Императоромъ брилiантовый перстень за четырехлѣтнее образованiе студентовъ Педагогическаго Института.

Въ томъ же году (5 февраля) онъ былъ избранъ Членомъ Россiйской Академiи Наукъ и при вступленiи своемъ произнесъ замѣчательную рѣчь: «О пагубѣ французскаго воспитанiя и употребленiя вездѣ французскаго языка вмѣсто своего природнаго русскаго».

Въ 1809 году, 12 августа, Мартынову Всемилостивѣйше пожалована, въ 13-ти лѣтнее содержанiе, аренда... Въ семь же году онъ назначенъ былъ дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ, составленномъ для начертанiя правилъ испытанiя медицинскихъ чиновъ.

Октября 7 того же года онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета испытаній гражданскихъ чиновниковъ, учрежденнаго при С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и надзирателемъ курсовъ, предписанныхъ указомъ августа 6 дня 1809 года. Въ концѣ этого и въ началѣ 1810 года былъ дѣлопроизводителемъ въ Комитетѣ, учрежденномъ для уменьшенія расходовъ по всеѣмъ Министерствамъ и вѣдомствамъ на 1810 годъ.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ интересенъ для насъ не только потому, что онъ отецъ лицейста, но въ особенности тѣмъ, что онъ принималъ живѣйшее участіе какъ въ составленіи первоначальнаго устава лицей, такъ и въ лицейской жизни за первые годы существованія лицей. Свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ въ собственноручной его рукописи подъ заглавіемъ: «Поѣздка въ Царское Село и въ Павловскъ 1829 года».

«Его Величество, — говоритъ Мартыновъ, позволилъ начертать главнѣйшія статьи постановленія сего заведенія и возложить на графа А. К. Разумовскаго (бывшаго уже тогда Министромъ Народнаго Просвѣщенія) рассмотреть первоначальныя сіи статьи, сообразить съ существующими уже по части просвѣщенія постановленіями и сдѣлать въ нихъ перемѣны и пополненія, для начертанія постановленія Лицею. Графъ Алексѣй Кириловичъ дѣло сіе поручилъ мнѣ; и существующее нынѣ постановленіе, рассмотрѣнное Министромъ, вскорѣ поднесено было Императору и удостоено Высочайшаго Его утвержденія 19 августа 1810 года. Немедленно за симъ постановленіе это включено въ грамоту, дарованную Лицею, переписано на великолѣпно по полямъ листовъ разрисованномъ пергаментѣ, переплетено въ золотой глазеть, съ серебряными кистями и позолоченнымъ ковчегомъ для государственной печати. Приготовленная такимъ образомъ грамота поднесена къ Высочайшему подписанію, кою грамота удостоена въ 22 день сентября 1811 года ¹⁾).

Академикъ Я. К. Гротъ, почему то недолгоблывавшій Мартынова и неправильно назвавшій его братомъ лицейста, между тѣмъ какъ онъ былъ ему отцомъ, не довѣряетъ показанію Мартынова, что онъ написалъ Уставъ Лицея ²⁾ и ссылается на записку графа М. А. Корфа, въ которой приводится подлинное письмо Сперанскаго (къ Масальскому) отъ 4 февраля 1815 года: «Училище сіе образовано и уставъ его написанъ мною, хотя и присвоили себѣ работу сію другіе... ³⁾).

Нѣтъ причинъ не довѣрять Мартынову, а также нѣтъ ничего удивительнаго, что Сперанскій, будучи друженъ съ Мартыновымъ, приложилъ и свою руку къ

¹⁾ О томъ же см. «Матеріалы для исторіи Лицея», И. Селезнева. 1856 г.— «Памятная книжка Лицея на 1856—57 г.», стр. 5.

²⁾ Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 293.

³⁾ Тамъ же, стр. 222.

составленію Лицейскаго Устава и, такъ сказать, частнымъ образомъ, келейно, содѣйствоваль старинному товарищу своему въ дѣлѣ, столь интересовавшемъ Александра I-го.

Наконецъ Иванъ Ивановичъ Мартыновъ способствовалъ къ назначенію первымъ директоромъ Лицея своего друга Василія Федоровича Малиновскаго ¹⁾.

Мартыновъ принималъ участіе въ самомъ открытіи Лицея 19 октября 1811 года. Онъ прочелъ дарованную Лицею грамоту ²⁾, послѣ чего директоръ Лицея прочиталъ приличную сему случаю рѣчь, сочиненную Мартыновымъ ³⁾.

Послѣ этого связь Мартынова съ Лицеемъ не прерывалась, такъ какъ онъ пріѣзжалъ въ Лицей по порученію Министра на экзамены не только годичные, но и полугодичные ⁴⁾.

Самъ Мартыновъ даетъ намъ описаніе этихъ посѣщеній:

«...Ученіе въ Лицеѣ началось на другой же день. Какъ по постановленію онаго положено черезъ каждые полгода производить воспитанникамъ испытаніе и притомъ сторонними лицами, то Министръ, исполняя сіе правило во всей точности и вообще прилагая о семъ заведеніи особенное попеченіе, ... посылалъ меня, не предупѣдомляя о томъ воспитанниковъ, для произведенія испытаній; я бралъ обыкновенно съ собою профессоровъ Педагогическаго Института по тѣмъ наукамъ, кои преподавались въ семъ заведеніи. Сверхъ того, по волѣ же г. Министра, пріѣзжалъ часто и неожиданно въ Лицей одинъ, и испытывалъ воспитанниковъ, въ чемъ былъ въ состояніи. (Большую же частью занималъ ихъ російскою и латинскою словесностью, дѣлая съ ними разборы сочиненій и заставляя сочинять при мнѣ, въ классахъ, и безъ меня, назначая каждому особый предметъ, а иногда и одинъ для всѣхъ ⁵⁾). Это былъ для меня вовсе сторонній трудъ, но я не только не скучалъ имъ, а еще занимался съ особенною охотою, имѣя въ виду хотя малую пользу воспитанниковъ. (Дѣйствительность сихъ моихъ занятій подтвердить могутъ какъ всѣ профессора, выбывшіе, такъ и сами воспитанники перваго курса, напримѣръ г.г. баронъ Корфъ, Масловъ, Ломоносовъ, Пушкинъ, Пущинъ, Иличевскій, Малиновскій и проч.» ⁶⁾).

¹⁾ «Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго Царскосельскаго нынѣ Александровскаго Лицея за первое его пятидесятилѣтіе съ 1811 по 1861 г., составленъ И. Селезневымъ». Спб., 1861 г., стр. 42—43.

²⁾ Объ этомъ же упоминаетъ «Историческій очеркъ» И. Селезнева, стр. 18.

³⁾ Эта рѣчь приводится въ биографіи И. И. Мартынова, составленной Е. Колбасинымъ. «Современникъ» 1856 г., мартъ, т. LVI, стр. 42.

⁴⁾ См. «Историческій очеркъ», И. Селезнева, стр. 63.

⁵⁾ Въ скобкахъ поставлены слова, которыхъ нѣтъ у Е. Колбасина въ биографіи И. И. Мартынова, на стр. 44-ой, но приводятся Я. К. Гротомъ въ его книгѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., стр. 295.

⁶⁾ Слова, заключенныя въ скобкахъ, тоже приведены только у Грота, а у Е. Колбасина ихъ нѣтъ.

Разсказъ Мартынова подтверждается запискою графа Корфа, гдѣ онъ объ этомъ говорить слѣдующее: «Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, самъ писатель и переводчикъ Лонгина «о высокомъ», также очень нерѣдко бывалъ въ Царскомъ Селѣ, почасту испытывалъ насъ, задавалъ намъ сочиненія, просматривалъ ихъ, и даже не разъ читывалъ, вмѣсто Кошанскаго, лекціи русскаго и латинскаго языка» ¹⁾).

Въ 1811 году, 11 августа, Мартыновъ получилъ чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.

Не будетъ натяжкой сказать, что эта награда послѣдовала за удачно составленный Уставъ Лицея.

Въ 1812 и 13 г.г. Мартыновъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ въ Комитетъ для начертанія правилъ испытанія гражданскихъ чиновниковъ. Правила эти, составленные Мартыновымъ, безъ всякой перемѣны были подписаны всѣми членами и представлены въ Комитетъ Министровъ.

Мы уже упоминали, что Академія Наукъ выбрала его въ свои Члены (23 февраля 1807 г.); раньше этого, 18 декабря 1804 г., Московскій Университетъ избралъ его своимъ Почетнымъ Членомъ. Затѣмъ въ Почетные Члены онъ былъ выбранъ Виленскимъ Университетомъ 7 октября 1809 г.; Харьковскимъ Университетомъ—20 сентября 1810 г.; Казанскимъ Университетомъ—21 октября 1814 г.; въ томъ же году, 18 февраля, С.-Петербургское Вольное Экономическое Общество приняло его въ Дѣйствительные Члены, а 24 марта 1816 года Императорская Медико-Хирургическая Академія избрала его въ Почетные Члены. Кромѣ этого, еще много другихъ разныхъ учреждений и обществъ избирало его въ свои сочлены. Во многихъ изъ нихъ онъ принималъ дѣятельное участіе. Такъ, напримѣръ, для Академическаго словаря онъ посылалъ слова по разнымъ наукамъ, искусствамъ, ремесламъ и слова общеупотребительныя, а для Вольно-Экономическаго Общества онъ далъ нѣсколько сочиненій по части ботаники, за которыя имъ было получено въ разное время нѣсколько золотыхъ медалей.

Августа 25-го 1816 года онъ назначенъ былъ дѣлопроизводителемъ въ Комитетъ для разсмотрѣнія проекта Устава Россійской Академіи.

Въ томъ же году онъ пожалованъ былъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3 степени. «Съ окончаніемъ сего года, — говоритъ Мартыновъ, окончилась моя блистательная служба».

6 января 1817 года онъ уволенъ изъ Педагогическаго Института, съ оставленіемъ ему жалованья, какое онъ получалъ оттуда. Февраля 17 того же года уволенъ отъ должности директора департамента просвѣщенія и правителя дѣлъ Главнаго правленія училищъ, съ Высочайшимъ повелѣніемъ быть членомъ сего

¹⁾ Записка графа М. А. Корфа 1854 г., въ книгѣ Я. К. Грота: «Пушкинъ, его лиц. товар. и наставн.» (Спб., стр. 237).

правленія и оставленіемъ ему жалованья директора, правителя дѣлъ, казенной квартиры, дровъ и свѣчей. Сверхъ того, 8 ноября 1819 г. Высочайше повелѣно ему быть членомъ комитета для учрежденія училищъ взаимнаго обученія. Въ 1817 году, онъ подалъ мысль учредить въ Петербургѣ Минералогическое общество и, составивъ, вмѣстѣ съ коллежскимъ совѣтникомъ Пансеромъ и барономъ Фитингофомъ, постановленіе оному, представилъ министру просвѣщенія, который и исходатайствовалъ оному Высочайшее утвержденіе.

12 марта 1820 года Всемилостивѣйше пожалованъ ему, за службу по Совѣту о военныхъ училищахъ, орденъ Св. Анны 2-й степени съ алмазными украшеніями.

22 февраля 1822 г. Высочайше повелѣно было составить комитетъ изъ главнаго директора Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ генерала отъ инфантеріи графа Коновницына, Оренбургскаго военнаго губернатора генерала отъ инфант. графа Эссена и Мартынова для разсмотрѣнія проекта устава Оренбургскаго Неплюевскаго военнаго училища и штата онаго, которые, по разсмотрѣніи, были представлены Государю Императору и удостоены Высочайшаго утвержденія. Въ семь же году, октября 2, Мартынову повелѣно было быть председателемъ въ комитетѣ, Высочайше учрежденномъ для разсмотрѣнія отчетовъ по Благородному пансіону, при Царскосельскомъ Лицеѣ находившемуся.

9 сентября 1825 года онъ былъ назначенъ тѣмъ же Министромъ председателемъ въ комитетъ для изслѣдованія пивѣтовъ и поступковъ бывшихъ профессоровъ Казанскаго университета: Жобара и Пальмина.

Въ семь же году онъ былъ назначенъ членомъ въ ученый комитетъ, Высочайше утвержденный при Главномъ правленіи училищъ, съ оставленіемъ и членомъ хозяйственнаго комитета.

2 октября 1825 года министръ народнаго просвѣщенія назначилъ Мартынова членомъ во временный комитетъ для составленія проекта новаго устава учебныхъ заведеній.

22 августа 1828 года Всемилостивѣйше пожалованъ ему знакъ отличія безпорочной службы въ классныхъ чинахъ 30-ти лѣтъ.

17 января 1829 г. Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловалъ ему, за выслугу по министерству просвѣщенія, брильянтовый перстень, съ вензелемъ Его Величества именемъ.

10 юля 1829 г. Санктпетербургскій университетъ избралъ Мартынова въ свои почетные члены.

31 августа 1832 г. ему былъ Всемилостивѣйше пожалованъ знакъ отличія безпорочной службы въ классныхъ чинахъ 35-ти лѣтъ.

4 апрѣля 1833 г. по ходатайству Его Императорскаго Высочества главнаго начальника Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и дворянскаго

полка, Мартыновъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава первой степени.

Выйдя въ отставку въ 1816 году, Мартыновъ купилъ себѣ на Васильевскомъ острову домъ ¹⁾ по Малому проспекту между 11 и 12 линиями ²⁾.

Домъ этотъ Мартыновъ купилъ на часть денегъ изъ пожалованной ему аренды. Домъ былъ съ садомъ и оранжереями, гдѣ онъ могъ посвятить свое время своимъ любимымъ предметамъ: садоводству и ботаникѣ; занятія его ботаникой не были простымъ диллетантизмомъ. Онъ составилъ «Техно-ботаническій алфавитный словарь», съ объясненіемъ cadaго латинскаго слова на русскомъ языкѣ и, при пособіи російской Академіи, напечаталъ его въ 1820 году.

Между тѣмъ Мартынову поручено было для училищъ министерства просвѣщенія издать *Sinopsis plantarum Personii*, который былъ напечатанъ подъ именемъ: «*Species plantarum.*» Это ему весьма много способствовало къ составленію другого «Словари родовъ растений» по системѣ Персона. Въ этомъ «Словарѣ» онъ перевелъ на русскій каждое латинское названіе растенія, показалъ изъ какого языка взято, какъ составлено, отъ чего названо, какъ переведено на русскій языкъ, сколько породъ cadaго растенія извѣстно по синопису Персонову и къ которому классу относится.

Въ одно почти время съ послѣднимъ словаремъ онъ издалъ сокращеніе трехъ ботаническихъ системъ Линнея, Турнефорта и Жюсье, подъ названіемъ Три Ботаника ³⁾.

Потомъ онъ издалъ «Словарь родовыхъ именъ растеній» (Спб., 1826 г.), по показаніямъ Штейделя и Персона.

Наконецъ, Мартыновъ приступилъ къ главному своему труду къ переводу и

¹⁾ О чемъ онъ сообщаетъ въ «Запискахъ», перепечатанныхъ въ журналѣ «Заря» 1871 г., іюнь, Спб., стр. 69—110.

²⁾ Что домъ этотъ находился по Малому проспекту между 11 и 12 линиями, видно изъ прошенія крестьянина Ивана Дмитріева отъ 1833 года, домогавшагося 55 руб. за свою плотничную работу въ домѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что другой крестьянинъ Дмитрій Грининъ (или Гриневъ) подалъ также прошеніе въ 1834 году на 363 рубля, оставшіеся неуплаченными за смертью Мартынова. Оба эти кредитора взыскивали деньги съ сына Мартынова Аркадія и подали прошеніе Министру Народнаго Просвѣщенія Сергѣю Семеновичу Уварову. Запрошенный по этому поводу Аркадій Мартыновъ отвѣтилъ, что о Грининѣ онъ не нашеть въ дѣлахъ отца никакихъ документовъ, а Дмитріевъ не выполнилъ условленныхъ работъ и что кромѣ его, Аркадія Мартынова, есть еще наследники. Министръ приказалъ объявить Гринину и Дмитріеву отзывъ Мартынова, а если они не удовлетворятся, «то могутъ просить, гдѣ слѣдуетъ».

³⁾ О продажѣ своихъ сочиненій Мартыновъ публиковалъ въ «Трудахъ Высочайше утвержденного вольнаго общества російской словесности» 1823 г. (ч. 21, стр. 250—251):

«Всѣ сіи книги продаются въ цвѣтной бумажкѣ. Жительство мое на В. О. въ 11 линіи по Малому проспекту, въ собственномъ домѣ, подъ № 387. Адресъ мой: Дѣйст. Ст. Сов. Ив. Ив. Мартынову».

изданію «Греческихъ Классиковъ», куда должны были войти «Эзопъ», «Каллимахъ», «Софоклъ», «Гомеръ», «Геродотъ», «Лонгинъ», «Пиндаръ» и «Анакреонъ».

Къ сожалѣнію, расчетъ его на содѣйствіе Академіи Наукъ не оправдался: Академія подписалась только на 8 экземпляровъ; Министерство же Народнаго Просвѣщенія подписалось только на 100 экземпляровъ.

Изданіе классиковъ, по плану Мартынова, было расположено и впослѣдствіи издано въ слѣдующемъ порядкѣ: 1, Басни «Эзопа» (ч. I); 2, Гимны «Каллимаха» (ч. II); 3, Трагедіи «Софокла»: «Эдипъ-Царь» (ч. III), «Эдипъ въ Колонѣ» (ч. IV), «Антигона» (ч. V), «Трахиніянки» (ч. VI), «Аякъ Неистовый» (ч. VII), «Филоклетъ» (ч. VIII), «Электра» (ч. IX); 4, «Омирова Иліада» (ч. X, XI, XII и XIII); 5, «Одиссея», его же (ч. XIV, XV, XVI и XVII); Исторія «Иродота» (ч. XVIII, XIX, XX, XXI и XXII); 6, «О высокомъ,» Лонгина (ч. XXIII); 7) «Пиндаръ» (ч. XXIV и XXV); 8, «Анакреонъ» (ч. XXVI).

Въ 1824 году на Мартынова обрушилось страшное несчастье. Это было наводненіе 7 ноября того года. Вода затопила его домъ, уничтожила садъ, оранжерею, смыла печи. Библіотека, которую онъ собиралъ болѣе тридцати лѣтъ, составленная большею частью изъ рѣдкихъ, дорогихъ и необходимыхъ для него книгъ, вся была затоплена. Мартыновъ плакалъ, какъ ребенокъ, видя, какъ его любимые авторы, латинскіе, греческіе и другіе, дорогіе фоліанты, скомканные и размытые, преспокойно уплывали себѣ черезъ окно, давно разбитое, на улицу. Тѣмъ болѣе его это тревожило, что въ числѣ книгъ были и чужія, нѣсколько изданій, принадлежавшихъ Сперанскому.

Но кромѣ этого истребленія, наводненіе это затопило все напечатанное въ типографіи Департамента Просвѣщенія, и той же участи подверглись и переводы Мартынова. «Но болѣе всѣхъ, — говоритъ самъ Мартыновъ, — выкупался въ невской водѣ несчастный Гомеръ, и безъ того довольно, кажется, пострадавшій на своемъ вѣку». Всѣ экземпляры 1-й и 2-й части «Иліады», лежавшіе въ кипахъ, были промочены насковозъ, такъ что не осталось никакой надежды на просушку ихъ. Третья часть «Иліады», еще не конченная, подверглась той же участи и лежала листами внизъ, скомканная и растрепанная. Книги, вышедшія въ свѣтъ въ 1823 году, еще до наводненія, какъ-то «Басни Эзоповы», «Гимны Каллимаха», трагедіи Софокла: «Эдипъ-Царь» и «Эдипъ въ Колонѣ», сложенные въ домикѣ Мартынова, пострадали несравненно болѣе.

Въ довершеніе несчастія, раззорившагося переводчика печалило еще то обстоятельство, что въ типографіи по необходимости приостановилось печатаніе, что поставило его въ невозможность исполнить данное публикѣ слово: выдать третью часть «Иліады» къ концу 1824 года. «Я вполне постигъ, говоритъ онъ, — всю тяжесть долговременнаго своего труда и скоростыжность его истребленія».

Несмотря на свое несчастье отъ наводненія, Мартыновъ принесъ пользу

бѣднякамъ, потерпѣвшимъ отъ наводненія, какъ своими хлопотами, такъ и своимъ личнымъ участіемъ. Что же касается до судьбы самого Мартынова, то въ немъ, чрезъ его друга Сперанскаго, принялъ участіе графъ Аракчеевъ, испросившій ему Высочайшее единовременное пособіе, въ 5000 рублей. По ходатайству Цесаревича Константина Павловича Мартыновъ получилъ, какъ бывшій Правитель Канцеляріи Совѣта о военныхъ училищахъ, еще 5000 рублей. Наконецъ, въ уваженіе его долготѣней службы въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и въ виду того, что онъ не могъ пользоваться квартирою, на которую имѣлъ право по прежнему Высочайшему рескрипту, Императоромъ Александромъ I-мъ Высочайше повелѣно было производить Мартыпову на наемъ квартиры по двѣ тысячи рублей въ годъ. Такимъ образомъ эти суммы хоть отчасти покрыли его убытки, такъ какъ Мартыновъ былъ разоренъ до 50 тысячъ руб.

Устроившись послѣ наводненія, Мартыновъ снова принялся за свой прежній литературный трудъ. Въ теченіе пяти лѣтъ, послѣ наводненія, — говоритъ его біографъ, онъ издалъ «Иліаду», въ четырехъ, весьма полновѣсныхъ, частяхъ, «Одиссею», тоже въ четырехъ частяхъ, геродотову исторію, съ жизнью Гомера и географію геродотовой, почерпнутою имъ изъ Мальтъ-Брюна, съ картою, въ пяти частяхъ, пиндаровы оды, въ двухъ частяхъ, лонгиново сочиненіе «О высокомъ» и стихотворенія Анакреоновы, въ двухъ отдѣльныхъ частяхъ. Кромѣ того, оканчивая свой трудъ, онъ сдѣлалъ самый строгій просмотръ прежнимъ своимъ изданіямъ, а именно: просмотрѣлъ «Эзопа», «Каллимаха» и «Софокла», свѣряя свой переводъ съ подлинникомъ, тутъ же напечатаннымъ.

Двадцать шесть частей этого изданія вышли въ свѣтъ въ теченіе 1823—1829 годовъ. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ неблагопріятствовавшія ему обстоятельства, достаточно было семи лѣтъ, чтобы привести все изданіе къ концу. Онъ не жалѣлъ на него ни трудовъ своихъ, ни издержекъ. Помимо этихъ трудовъ, въ оставшихся тетрадахъ Мартынова находится много оригинальныхъ его стихотвореній, подражаній и переводовъ изъ Петрарки, Аріосто, Фосса, Гете, Жанъ - Поля, Рихтера, Горація, Теокрита, Вальтеръ - Скотта и Байрона. Онъ не остался чуждъ, несмотря на то, что воспитался на старомъ классицизмѣ, къ новымъ литературнымъ вѣяніямъ Пушкина, къ романтизму Жуковскаго и къ цѣлой плеядѣ поэтовъ, окружавшихъ эти два свѣтила. Онъ даже оставилъ въ своихъ бумагахъ стихотвореніе подъ заглавіемъ «О Жуковскомъ, Батюшковѣ и А. Пушкинѣ» (Послѣ чтенія ихъ сочиненій). Вотъ это стихотвореніе:

«Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ предо мною!

Я всѣмъ имъ не даю ни малаго покою:

Послушавъ одного, клоню къ другому слухъ;

Равно ихъ сладкій гласъ мой восхищаетъ духъ.

Различны лиры ихъ, но всё три друга Фива:
 Сверкаетъ ярко въ нихъ свѣтъ генія счастлива.
 Не мните, чтобы я къ сухимъ педантамъ тѣмъ прилегъ,
 Кого безвкусья богъ къ злорѣчю обрекъ,
 Въ порывахъ смѣлыхъ кто зрять дерзкое стремленье,
 Кому блескъ новый—мракъ, восторги—ослѣпленье.
 Ни лести, ни зависти языкъ не знаетъ мой:
 Съ душею младости плѣняюсь я красой.

Недавно я смотрѣлъ свои забавы давни:
 Сличалъ съ ихъ пѣснями стихи мои сусальны.
 О, слабость юныхъ лѣтъ все отдавать въ печать!
 О, какъ желалъ бы я все пламени предать!
 Когда бы могъ собрать все въ безобразну кучу
 И на нее навесь зойловъ грозну тучу».

Помимо ученой дѣятельности, Мартыновъ замѣчательнъ своею широкою благотворительностью. На этомъ поприщѣ своей неутомимой разносторонней дѣятельности Мартыновъ выказалъ себя также энергичнымъ полезнымъ дѣятелемъ, не останавливаясь ни передъ какими жертвами. Такъ однажды, не имѣя свободныхъ денегъ, онъ отдалъ бѣдному семейству пожалованный ему Императоромъ Николаемъ I-мъ брилліантовый перстень цѣною въ 2000 рубл. Онъ покровительствовалъ также молодымъ людямъ, пріѣзжавшимъ въ столицу для поступленія въ корпуса и другія заведенія, часто давая имъ безвозмездно у себя въ домѣ пріютъ и полное содержаніе.

Почти до самой своей смерти Мартыновъ не переставалъ трудиться. Помимо классиковъ и собственныхъ своихъ стихотвореній, онъ издалъ двѣ небольшія книжки Плутарха: «О слушаніи» и «Добродѣтельныя женщины въ древности».

По поводу новой транскрипціи греческихъ словъ, которую принялъ профессоръ С.-Петербургскаго Университета Грефе, Мартыновъ издалъ сочиненіе «О изношеніи греческихъ буквъ». Онъ также принялъ ближайшее участіе въ изданіи и переводѣ на русскій языкъ въ 1828 году книги пресвитера Константина Экономида: «Опытъ о ближайшемъ сходствѣ языка славяно-россійскаго съ греческимъ». Въ 1832 году онъ издалъ «Сводъ Грамматики» Востокова и Греча ¹⁾. Наконецъ, въ 1833 году, несмотря на свои 62 года, онъ трудился надъ рукописью листовъ въ полтораста, подъ заглавіемъ: «Любословъ, или опытъ легчайшаго способа познакомить дѣтей съ главнѣйшими правилами русской грамматики». Кромѣ этого сочиненія, у него осталось въ рукописи ненапечатанное сочиненіе «О глаголѣ» и, наконецъ, имъ еще былъ написанъ огромный фоліантъ, погибшій во время наводненія: «Энциклопедія всѣхъ человѣческихъ познаній».

¹⁾ См. также біографію Ивана Ивановича Мартынова въ «Справочномъ энциклопедическомъ словарѣ» А. Старчевскаго. Т. VII, 1853 г., стр. 484.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ умеръ 20 октября 1833 года, на шестьдесятъ второмъ году отъ роду, и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Вдовѣ его былъ пожалованъ пенсіонъ въ 5000 рублей въ годъ.

Всей службы Мартынова было 46 лѣтъ, въ томъ числѣ по Министерству 30 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, ибо до самой своей смерти онъ былъ Членомъ Главнаго Правленія Училищъ. Жалованья по этому Министерству онъ получалъ 7600 рублей и квартирныхъ 2000 рублей въ годъ; по должности Правителя Канцеляріи Совѣта Военно-Учебныхъ заведеній, со времени его преобразованія, 4000 рублей, всего 13600 рублей въ годъ.

Личность Мартынова въ исторіи Лицея вообще, и въ біографіи Пушкина въ особенности, должна занять особенно почетное мѣсто. Мы уже видѣли выше, что Мартыновъ былъ творцомъ Лицейскаго устава, хотя бы при содѣйствіи Сперанскаго, игралъ роль при открытіи Лицея, рекомендовалъ перваго Директора Лицея Малиновскаго; наконецъ, принималъ ближайшее участіе въ дѣлѣ воспитанія юношей въ Лицеѣ: пріѣзжалъ на экзамены, экзаменовалъ воспитанниковъ, читалъ имъ лекціи, замѣнялъ имъ преподавателей. Что касается до Пушкина, то Мартыновъ предложилъ ему написать стихотвореніе на пріѣздъ Императора Александра I-го и Пушкинъ блестяще исполнилъ его порученіе, написавъ стихотвореніе подъ заглавіемъ: «На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году». Пушкинъ препроводилъ это стихотвореніе къ Мартынову, присовокупивъ къ нему благодарственное письмо. Такимъ образомъ это письмо лицеиста Пушкина является первымъ письмомъ въ коллекціи писемъ Пушкина къ разнымъ лицамъ ¹⁾.

Вотъ это первое письмо молодого Пушкина къ Ивану Ивановичу Мартынову:

«Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Вашему Превосходительству угодно было, чтобы я написалъ піэсу на пріѣздъ Государя Императора; исполняю Ваше повелѣнье.—Ежели чувства любви и благодарности къ Великому Монарху нашему начертанныя мною, будутъ несовсѣмъ недостойны высокаго предмета моего, сколь щастливъ буду я, ежели Его Сіятельство Графъ Алексѣй Кириловичъ благоволитъ поднести Его Величеству ²⁾ слабое произведеніе неопытнаго Стихотворца.

Надѣясь на крайнее ³⁾ Ваше снисхожденье, честь имѣю пребыть Милостивый Государь, Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ. 1815 года, 28 ноября, Царское Село».

¹⁾ См. «Сочиненія Пушкина». Изданіе Император. Академіи Наукъ. Переписка. Подъ редакцію и съ примѣчаніями В. И. Сазотова. Спб., 1906 г., т. I-й, стр. 1.— Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 174 и 175.

²⁾ Надъ зачеркнутыми словами: «Его Величеству» написано другою рукою: «Гос. Имп.».

³⁾ Было написано: «крайнѣе», но самимъ Пушкинымъ исправлено.

Къ этому письму Я. К. Гротъ прибавляетъ: «письмо это, которымъ объясняется происхожденіе названнаго стихотворенія, сохранилось въ семейномъ архивѣ Маріи Васильевны Вольховской, вдовы Владиміра Дмитріевича Вольховскаго и сестры Ивана Васильевича Малиновскаго товарищей и друзей Пушкина ¹⁾».

Намъ еще остается упомянуть о нижеслѣдующей ошибкѣ Я. К. Грота. Академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ въ своей книгѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» (Спб., 1899 г.) стр. 292—пишетъ: «Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, братъ котораго принадлежалъ къ числу воспитанниковъ I курса и который приписывалъ себѣ составленіе проекта лицейскаго устава»... и т. д. Тутъ Гротъ дѣлаетъ колоссальную ошибку: *не братъ* Ивана Ивановича былъ воспитанникомъ I курса, но сынъ его. Это подтверждается даже перепискою Грота съ Плетневымъ. Такъ по поводу кафедры въ Гельсингфорскомъ Университетѣ Плетневъ писалъ Гроту (Спб., суббота, 24 января 1848 г.): «Впрочемъ, ты можешь самъ обо всемъ списаться съ Аркадіемъ Ивановичемъ Мартыновымъ (Начальникъ II отдѣленія Департамента Народнаго Просвѣщенія), а я съ роду не бывалъ въ Департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, да надѣюсь и не буду». (томъ III-й, стр. 180). Гротъ спрашиваетъ Плетнева въ письмѣ изъ Гельсингфорса отъ 26 января 1848 года: «Кто есть А. И. Мартыновъ?» (томъ III-й, стр. 181); Плетневъ отвѣчаетъ Гроту отъ 31 января 1848 г.: «Мартыновъ лицеистъ перваго выпуска, сынъ бывшаго директора Департамента Народнаго Просвѣщенія, и профессора эстетики въ мое время, переводчика греческихъ классиковъ и проч.» (т. III, стр. 185).

Изъ словъ Плетнева Гротъ могъ бы знать, что Аркадій Ивановичъ Мартыновъ былъ не братомъ, а сыномъ Ивана Ивановича Мартынова, между тѣмъ Гротъ, комментируя «Письмо лицеиста Илличевскаго къ Фуссу», напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ» 1864 г. и затѣмъ въ книгѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники»... стр. 64 опять дѣлаетъ ту же ошибку, онъ пишетъ: «Аркадій Ивановичъ Мартыновъ, братъ извѣстнаго Ивана Ивановича. Почему Я. К. Гротъ дважды называетъ Аркадія Ивановича братомъ Ивана Ивановича намъ неизвѣстно.

Ту же самую ошибку (что будто-бы лицеистъ Аркадій Ивановичъ Мартыновъ былъ братомъ извѣстнаго Ивана Ивановича Мартынова—директора Департамента Народнаго Просвѣщенія) повторяетъ и К. Я. Гротъ въ книгѣ «Пушкинскій Лицей» (1811—1817). Бумаги I-го курса, собранныя академикомъ Я. К. Гротомъ. Спб. 1911 г. (стр. 52), не исправивъ ошибку, допущенную его отцомъ, академикомъ Я. К. Гротомъ въ примѣчаніи къ письму Илличевскаго отъ 1815 г. (№ XIII). Точно также ошибочно утвержденіе Я. К. Грота, что будто бы Аркадій Ивановичъ Мартыновъ умеръ раньше Илличевскаго.

¹⁾ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Я. К. Грота. Спб., 1899 г., стр. 174 и 175.

Иллйчевскій умеръ 6-го октября 1837 года, а Аркадій Мартыновъ умеръ 2-го мая 1850 года.

Наконецъ, чтобы окончательно удостовѣриться въ ошибкѣ Грота, обратимся къ формуляру Ивана Ивановича Мартынова, составленному въ 1825 г. Здѣсь сказано, что онъ женатъ и имѣетъ слѣдующихъ дѣтей:

1. Константина, 29 лѣтъ, служащаго въ Канцеляріи Совѣта о военныхъ училищахъ губернскимъ секретаремъ (слѣдовательно, онъ родился въ 1796 г.).

2. Аркадія, 27 лѣтъ, коллежскаго ассесора, служащаго въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія начальникомъ стола ¹⁾.

3. Александра, 18 лѣтъ, обучающагося въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Александръ Ивановичъ — третьяго курса, выпуска 1823 года (іюнь) съ чиномъ коллежскаго секретаря (X класса), поступилъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и уже въ 1856 г. дослужился до чина Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника въ отставкѣ; былъ чиновникомъ особыхъ порученій при Намѣстникѣ въ Царствѣ Польскомъ —

и 4. Дочь Надежду, 23 лѣтъ, находящуюся при отцѣ.

Изъ этой выписки изъ формуляра кажется ясно, что Аркадій Мартыновъ, первокурсникъ Лицея, былъ не братомъ Ивану Мартынову, какъ о томъ говоритъ Гротъ, но сыномъ его.

Теперь мы перейдемъ къ сыну — Аркадію Ивановичу Мартынову.

II.

Аркадій Ивановичъ Мартыновъ, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника ²⁾, родился въ 1801 г., какъ это видно изъ слѣдующаго документа: «Свидѣтельство. По Указу Его Императорскаго Величества Герольдія опредѣлила дать сіе Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Ивана Мартынова сыну Аркадію Мартынову въ томъ, что онъ изъ дворянъ, и отроду имѣетъ 10 лѣтъ, августа 28 дня 1811 года. На подлинномъ подписали: Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Дмитрій Хвостовъ, Статскій совѣтникъ и Кавалеръ Матвѣй Вагановъ, Секретарь Карлъ Гальбергъ, Коллежскій ассесоръ Каневскій. № 2381. У сего свидѣтельства Его Императорскаго Величества Канцеляріи Сената печать. Пошлины 50¹/₂ к. взяты» ³⁾. Крестилъ Аркадія Ивановича Мартынова извѣстный

¹⁾ Это и есть нашъ лицействъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что указаніе на его года не вѣрно, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ См. Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. 1856 г. (стр. 29 въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—1857 г. Спб., 1856 г.).

³⁾ Такимъ образомъ, изъ этого документа видно, что Аркадій Мартыновъ родился въ 1801 году, что подтверждается и указаніемъ Мартына Пилецкаго-Урбановича, который въ своемъ отчетѣ, составленномъ 19 ноября 1812 г., считаетъ ему

Аркадій Ивановичъ
МАРТЫНОВЪ.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, котораго отецъ Мартынова считалъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка. «Многостороннѣ Сперанскаго,—за-мѣтилъ какъ то разъ Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, я никого не видывалъ, но говорю это не потому, что онъ крестилъ моего Аркадія»¹⁾.

Будучи 10 лѣтъ отъ роду, Аркадій Мартыновъ держалъ вступительный экзаменъ въ Императорскій Царскосельскій Лицей. Экзаменъ состоялся 11 сентября 1811 года, и на немъ Мартыновъ получилъ слѣдующія отмѣтки: въ грамматическомъ познаніи языковъ: російскаго--«довольно хорошо», французскаго— «хорошо»; нѣмецкаго — «довольно хорошо»; въ ариѳметикѣ и въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ—«весьма хорошо»; въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи—«очень хорошо».

На основаніи этихъ отмѣтокъ на экзаменѣ Мартыновъ былъ принятъ въ число воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея.

За время его шестилѣтнаго пребыванія въ Лицеѣ въ архивѣ Лицейскомъ сохранились отмѣтки за нѣкоторые годы, гдѣ показаны его успѣхи, способности и прилежаніе.

Съ 23 октября 1811 г. по 15-ое марта 1812 г. профессоръ Россійской и Латинской словесности Николай Кошанскій изъ тридцати воспитанниковъ ставитъ Мартынова двадцать седьмымъ и говоритъ о немъ: «Аркадій Мартыновъ, имѣетъ очень счастливыя способности, его понятливость и размышленіе только что начинаютъ развиваться; его прилѣжаніе кажется зависеть отъ надзора; его успѣхи въ обѣихъ частяхъ очень хороши и подають надежду, что онъ достигнетъ первыхъ питомцевъ».

Кошанскій въ своемъ отзывѣ съ 15 марта по 15 октября 1812 года изъ 30 воспитанниковъ ставитъ Мартынова тринадцатымъ и повторяетъ свой предыдущій отзывъ о немъ съ немногими вариациями. Отзывъ этотъ гласитъ: «Аркадій Мартыновъ, имѣетъ очень счастливыя способности, его понятливость и размышленіе *примѣтно* развиваются. Прилѣжаніе *начинаетъ умножаться отъ чувства*

11 лѣтъ. Между тѣмъ въ формулярахъ его за разные годы его года показаны невѣрно. Такъ, напримѣръ, въ формулярѣ за 1819 годъ ему было показано 20 лѣтъ, а потому онъ долженъ бы родиться въ 1799 году; въ формулярѣ за 1821 годъ ему показано 27 лѣтъ, слѣдовательно, онъ долженъ былъ родиться въ 1794 году. Наконецъ, въ формулярѣ, составленномъ въ 1841 году, ему показано 41 годъ; слѣдовательно, по этому формуляру онъ долженъ бы родиться въ 1800 г. Только въ послѣднемъ формулярѣ, за 1850 годъ, ему показаны вѣрно года: «49 лѣтъ отъ роду», т. е., что онъ родился въ 1801 году, какъ и указано въ свидѣтельствѣ, выданномъ ему отъ Герольдіи.

¹⁾ См. Е. Колбасинъ: «Біографія Ивана Ивановича Мартынова». «Современникъ» 1856 г. (№ 3—мартъ, томъ 56, стр. 124). Это еще разъ доказываетъ, что лицемъ Аркадій былъ сыномъ Ивана Ивановича Мартынова, а не братомъ его, какъ объ этомъ говоритъ Яковъ Карловичъ Гротъ со словъ, кажется, Модеста Андреевича Корфа.

собственной пользы. Успѣхи его въ обѣихъ частяхъ очень хороши и подають надежду, что онъ достигнетъ первыхъ *воспитанниковъ*. Мы подчеркнули тѣ слова, которыя не встрѣчаются въ первомъ отзывѣ.

Профессоръ нѣмецкой литературы Фридрихъ Гауеншильдъ въ своемъ отзывѣ отъ 31 марта 1812 года размѣщаетъ воспитанниковъ въ своемъ списокѣ въ алфавитномъ порядкѣ ихъ фамилій и говоритъ о Мартыновѣ слѣдующее: «Martinoff. Quoique jeune il aime l'étude de ma partie, il a fait beaucoup de progrès, et met beaucoup de précision dans tout—ce qu'il me remet».

Профессоръ французской литературы де-Будри отъ 18 ноября 1812 года дѣлитъ воспитанниковъ въ своемъ отчетѣ на четыре категории и въ послѣднюю ставитъ Мартынова, о которомъ даетъ слѣдующій отзывъ: «Martinof. Sa mémoire s'est enrichie d'un grand nombre de mots; mais il manque d'usage et a beaucoup de peine à s'exprimer en françois. Six mois de conversation soutenue avec un gouverneur le rendroit tout autre; car je n'ai point à me plaindre de sa bonne volonté».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ въ своемъ второмъ рапортѣ, отъ 19 ноября 1812 г., слѣдующимъ образомъ классифицируетъ своихъ воспитанниковъ: онъ ихъ дѣлитъ «на самыхъ превосходныхъ»—classe de ceux qui excellent и затѣмъ на три отдѣла. О первомъ отдѣлѣ онъ замѣчаетъ, что разница между этимъ первымъ отдѣломъ и предыдущимъ не очень велика. Мартынова онъ ставитъ въ этотъ первый отдѣлъ и пишетъ о немъ слѣдующее: «Martinoff, on ne s'apperçoit maintenant guése (? guére) qu'il est plus jeune que la plûpart de ses condisciples, il a fait beaucoup de progrès, et met la même précision dans tout—ce qu'il me remet».

Мартынъ Пилецкій въ Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ гг. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, поданномъ 11 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Мартыновѣ:

«Мартыновъ (Аркадій). 11-ти лѣтъ. Имѣетъ дарованія, но по молодости они еще не столь видны въ наукахъ какъ въ искусствахъ, къ которымъ онъ (наприм., въ рисованіи), оказываетъ особенную склонность и способность, какъ и къ гимнастическимъ упражненіямъ. Онъ довольно прилѣженъ, хотя могъ бы быть еще прилѣжнѣе. Успѣхи его въ наукахъ не скоры, но основательны. Степенность, равнодушіе и внимательность превосходятъ его возрастъ. Подъ сѣнью сихъ достоинствъ примѣчается нѣсколько надменности и упрямства. Впрочемъ, весьма благонравенъ, всегда одинаковъ, усерденъ, чистосердеченъ, всегда опрятенъ и любить порядокъ» ¹⁾.

За 1813 годъ отъ 9 іюля мы имѣемъ собственноручный списокъ Николая Кошанскаго объ успѣхахъ воспитанниковъ изъ російской и латинской словесности.

¹⁾ Лицейскій Журналъ. Годъ восьмой. IV, 1910—1911, стр. 34.

Копанскій дѣлитъ ихъ на четыре рубрики: первая—«превосходные», вторая — «отличные», третья—«хорошіе» и четвертая — «посредственные». Мартыновъ помѣщенъ въ третью рубрику, т. е. «хорошихъ» воспитанниковъ, третьимъ ученикомъ изъ девяти вошедшихъ въ эту рубрику.

За время съ 1 августа до 15 декабря 1813 года мы имѣемъ списокъ Копанскаго о способностяхъ, прилежаніи и успѣхахъ воспитанниковъ изъ русскаго и латинскаго классовъ. Изъ 29 воспитанниковъ этого списка Копанскій ставитъ Мартынова 20-мъ и даетъ дословно тотъ же отзывъ, что и раньше.

Губернеръ Чириковъ отъ 30 сентября 1813 г. говоритъ о Мартыновѣ слѣдующее: «Нѣсколько *упрямъ*, впрочемъ вѣжливъ, усерденъ, весьма опрятенъ, бережливъ, прилѣженъ, пристрастенъ ко всѣмъ гимнастическимъ упражненіямъ».

Наконецъ, профессоръ географіи и исторіи всеобщей и россійской или, какъ онъ называетъ себя, адъюнктъ-профессоръ историческихъ наукъ Иванъ Кайдановъ въ своей вѣдомости о дарованіяхъ, прилежаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Лицея за время съ 1 ноября 1812 года по 1 января 1814 года ставитъ Мартынова изъ 29-ти воспитанниковъ девятнадцатымъ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Аркадій Мартыновъ. Прилѣженъ; дарованій и успѣховъ изрядныхъ. Въ поведеніи добронравенъ».

Мартыновъ принялъ участіе въ литературныхъ затѣяхъ юныхъ лицейстовъ. За неимѣніемъ матеріаловъ, мы не можемъ сказать, что писалъ Мартыновъ—прозу или стихи, и въ какихъ лицейскихъ журналахъ онъ участвовалъ до появленія въ Лицеѣ журнала «Лицейскій Мудрецъ».

Когда въ 1813 году воспитанникамъ было запрещено начальствомъ Лицея издавать журналы, то вопреки этому запрещенію возникъ новый Лицейскій журналъ—«Лицейскій Мудрецъ» по инициативѣ Данзаса, Корсакова, Мартынова и Ржевскаго. Выходилъ онъ неправильно, съ большими промежутками, но просуществовалъ все-таки до 1816 года. Мы не будемъ останавливаться на этой лицейской затѣѣ, такъ какъ мы достаточно уже сказали объ этомъ въ біографіяхъ Данзаса, Корсакова, Дельвига и Илличевскаго. Для насъ важно, что въ этихъ литературныхъ затѣяхъ принималъ участіе Мартыновъ. «Кромѣ упомянутыхъ журналовъ,—говоритъ В. Гаевскій, издавался еще карикатурный, въ которомъ, подъ руководствомъ губернера и учителя рисованія Чирикова, участвовали Илличевскій, Мартыновъ и Пушкинъ»¹⁾.

Несмотря на это участіе Мартынова въ журнальной дѣятельности лицейстовъ,

¹⁾ «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія», В. Гаевскому. «Современникъ», т. ХСѢІІ, Спб., 1863 г., стр. 144 и 145.

Академикъ Гротъ говоритъ, что «всѣхъ ниже по способностямъ и ученію были: Мартыновъ, Тырковъ, Броліо и Мясоѣдовъ»¹⁾).

9 іюня 1817 года лицейсты окончили курсъ наукъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Мартыновъ былъ выпущенъ десятымъ классомъ, т. е. съ чиномъ Коллежскаго Секретаря и поступилъ въ Министерство Просвѣщенія²⁾).

При выпускѣ изъ Лицея Мартыновъ былъ удостоенъ аттестата или свидѣтельства объ окончаніи курса въ Царскосельскомъ Лицеѣ слѣдующаго содержанія:

«Воспитанникъ Царскосельскаго Лицея Аркадій Мартыновъ въ теченіе шестилѣтняго курса обучался въ семь заведеніи и при хорошемъ поведеніи оказалъ успѣхи: въ Законѣ Божіемъ и Священной Исторіи, въ Логикѣ и Нравственной Философіи, въ Физикѣ, Чистой и Прикладной Математикѣ, въ Географіи и Статистикѣ, въ Исторіи всеобщей и Россійской, въ Латинской, Нѣмецкой и Французской словесности, въ правѣ Естественномъ, Частномъ и Публичномъ, въ Государственной Экономіи и Финансахъ, въ Россійскомъ, Гражданскомъ и Уголовномъ правѣ хорошіе, а въ Россійской Словесности и Рисованьи превосходные. Во увѣреніе чего и дано ему отъ Конференціи Императорскаго Царскосельскаго Лицея сіе свидѣтельство съ приложеніемъ печати. Городъ Царское Село. Іюня 9 дня 1817 года. № 24. На подлинномъ подписали: Директоръ Лицея Егоръ Энгельгардтъ, Конференцъ Секретарь Профессоръ Александръ Куницынъ».

У сего свидѣтельства

Импера	торскаго	Подлинное свидѣтельство получилъ
Царско	м. п. сельскаго	Аркадій Мартыновъ ³⁾).
Лицея	печать.	

10 іюня 1817 г. Мартыновъ поступилъ на службу въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. При новомъ образованіи Департамента помѣщенъ младшимъ помощникомъ начальника стола 1818 г. февраля 18; по Высочайшему повелѣнію произведенъ въ Титулярные Совѣтники 1819 г. апрѣля 20; награжденъ одновременно 400 рублями 1820 г. апрѣля 17, 200 рублями 1822 г. января 18; по именному Высочайшему Указу произведенъ въ Коллежскіе Ассесоры 1823 г. апрѣля 20; помѣщенъ старшимъ помощникомъ начальника стола 1823 г. сентября 28; награжденъ одновременно 300 рублями 1824 г. февраля 9,

¹⁾ Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 71.—«Старина Царскосельскаго Лицея».

Можетъ быть, кто нибудь изъ читателей заинтересуется знать, какой номеръ былъ комнаты Мартынова. Мартыновъ занималъ комнату № 34, окнами въ лицейскій садикъ и помѣщался между комнатами своихъ товарищей: № 33—Дельвига и № 35—Комовскаго. См. тамъ же, стр. 286.

²⁾ «Матеріалы для исторіи Лицея», И. Селезнева. 1856 г., стр. 92. См. «Памятную книжку Александровскаго Лицея на 1856—57 годъ».

³⁾ Изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія.

200 рублями 1825 г. февраля 16; помѣщенъ начальникомъ стола 1825 г. іюля 10; по удостоенію Комитета Г.г. Министровъ, за отличіе по службѣ, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 3 степени 1826 г. января 15; произведенъ въ Надворные Совѣтники со старшинствомъ 1828 г. апрѣля 20; по удостоенію Комитета Г.г. Министровъ, въ награду отличной и усердной службы, Всемилостивѣйше пожаловано 1500 рублей 1830 г. апрѣля 29; по преобразованіи Департамента Народнаго Просвѣщенія, на основаніи Высочайше утвержденного въ 10 день сентября 1831 года мѣнія Государственнаго Совѣта, вновь утвержденъ въ томъ званіи 1831 г. сентября 19; по удостоенію Комитета Г.г. Министровъ въ награду отличной службы, Всемилостивѣйше пожаловано единовременно 1000 рублей 1832 г. января 22; по опредѣленію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, во уваженіе отлично усердной службы, награжденъ единовременно 500 рублями 1832 г. декабря 8; по случаю исправленія начальникомъ II отдѣленія должности Управляющаго Департаментомъ, поручено ему вступить на сіе время въ заѣмъ дѣлами помянутаго отдѣленія 1833 г. марта 22, порученіе сіе исправлялъ по 1833 г. апрѣля 5, опредѣленъ исправляющимъ должность начальника II отдѣленія съ полнымъ жалованьемъ 1833 г. апрѣля 28; утвержденъ начальникомъ II отдѣленія 1833 г. августа 19; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтнее достоинство при грамотѣ за № ? 1833 г. августа 22; Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владимира 4 степ. 1834 г. марта 2; Высочайшимъ указомъ 1 марта 1835 г. пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники со старшинствомъ съ 1834 года апрѣля 20; по положенію Комитета Г.г. Министровъ за отлично усердную службу, Всемилостивѣйше объявлено ему Монаршее благоволеніе 1835 г. апрѣля 16; по преобразованіи Департамента Народнаго Просвѣщенія, вѣдѣствіе Высочайше утвержденного въ 31 день мая 1835 г. мѣнія Государственнаго Совѣта, вновь утвержденъ начальникомъ II отдѣленія 1835 г. іюня 6; Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Станислава 3 ст. (что нынѣ 2) 1836 г. іюня 2; изъ Всемилостивѣйше пожалованной въ награду чиновникамъ Департамента Народнаго Просвѣщенія суммы получилъ годовой окладъ жалованья 1837 г. іюня 15; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтнее достоинство при грамотѣ за № 733-мъ 1838 г. августа 22; Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ 30 день декабря 1838 г. за выслугу лѣтъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ Статскіе Совѣтники со старшинствомъ съ 1838 г. апрѣля 20; Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Станислава 2 степени украшеннаго Императорскою короною—1839 г. августа 5; за отлично-усердную и ревностную службу объявлено Высочайшее благоволеніе 1840 г. сентября 10; по Высочайше утвержденному Положенію Комитета Г.г. Министровъ выдано въ пособіе на леченіе 857 руб. серебромъ изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента

1841 г. іюня 3; за отлично-усердную службу Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2 ст. 1842 г. октября 23; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтнее достоинство при грамотѣ за № 792-мъ— 1843 г. августа 22; Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й степ. Императорскою короною украшеннаго 1844 г. октября 28; за отлично-усердную службу Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владимира 3 степ. 1846 г. декабря 6; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтнее достоинство при грамотѣ за № 309-мъ — 1848 г. августа 22; за отличіе по службѣ Всемилостивѣйше награжденъ обыкновеннымъ подаркомъ въ 600 рублей серебромъ 1848 года декабря 14; умеръ, состоя на службѣ, въ 1850 г., мая 2.

Мартыновъ получалъ жалованья по должности начальника отдѣленія 857 руб. 76 коп., столовыхъ 428 руб. 88 коп., итого 1286 руб. 64 коп. и квартиру.

Въ формулярѣ еще сказано: «Изъ дворянъ, имѣеть родовое мѣсто съ строеніемъ въ С.-Петербургѣ», хотя домъ, купленный его отцомъ, не можетъ считаться родовымъ имѣніемъ.

О Мартыновѣ въ перепискѣ Энгельгардта съ первокурсниками и въ перепискѣ лицействъ между собою мы находимъ весьма мало свѣдѣній. По всей вѣроятности, это объясняется нелюдимостью и замкнутостью Мартынова.

Яковлевъ въ письмѣ къ Вольховскому отъ 4 января 1826 г. пишетъ: «...Мартыновъ столоначальникъ, кавалеръ Анны 3 степени. Чего же ему больше».

Въ письмѣ отъ 4 декабря 1831 года Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину, что «Мартыновъ молчитъ и чахнетъ».

То же самое онъ пишетъ и 31 октября 1832 года.

Тотъ же Энгельгардтъ въ письмѣ къ Вольховскому отъ 22 сентября 1832 г. пишетъ: «Мартыновъ молча работаетъ въ Департаментѣ Просвѣщенія и молча горюеть, что просвѣщеніе подъ лапу не дается».

Если судить по письмамъ Энгельгардта и Яковлева, то можно предположить, что Мартыновъ въ это время сталъ прихварывать, потому что Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину отъ 28 мая 1832 г. «Мартыновъ по прежнему молчитъ и хвораетъ». А Яковлевъ сообщаетъ Вольховскому (отъ 11 іюня 1835 года): «Мартыновъ—начальникъ отдѣленія въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.—Трудится съ утра до вечера.—Ужасно похудѣлъ.—Сидитъ дома и не видится даже съ лицейстами».

Или вслѣдствіе своихъ занятій, или по нездоровью Мартыновъ мало видѣлся со своими товарищами-лицейстами; никого не посѣщалъ и если встрѣчался съ ними, то только въ день лицейской годовщины, о чемъ упоминаетъ Корфъ въ своемъ письмѣ къ Вольховскому отъ 17 февраля 1837 года, гдѣ онъ говоритъ, что съ Мартыновымъ «вижусь обыкновенно только въ день 19 октября».

Что касается празднованія лицейскихъ годовщинъ, то, кажется, Мартыновъ присутствовалъ только на празднованіи 25-ти-лѣтія ихъ курса—19 октября 1836 г. ¹⁾. А о присутствіи его на другихъ годовщинахъ раньше этого года намъ ничего неизвѣстно. По крайней мѣрѣ мы не нашли его фамиліи среди товарищей, посѣщавшихъ эти сходки за разные годы. Поэтому слова Корфа, что онъ встрѣчается съ Мартыновымъ только въ день 19 октября, являются не точными. Если Мартыновъ въ 1836 году былъ всего первый разъ на этомъ празднованіи, то, конечно, Корфъ не могъ съ нимъ встрѣчаться нѣсколько разъ. Вообще Мартынову не повезло у Корфа. Въ своемъ дневникѣ за 1839 годъ, перечисляя своихъ товарищей по Царскосельскому Лицею и дѣлая каждому изъ нихъ характеристику, онъ совершенно забылъ о Мартыновѣ.

Неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ былъ Пушкинъ съ Мартыновымъ. Можно предположить, что отношенія эти были дружественныя. Намъ извѣстно, что Пушкинъ болѣе всего сходилъ съ тѣми товарищами, которые въ Лицеѣ принимали участіе въ лицейскихъ журналахъ, а Мартыновъ, какъ извѣстно, принималъ участіе въ изданіи журнала «Лицейскій Мудрецъ». Хотя мы не знаемъ стиховъ Пушкина, обращенныхъ къ Мартынову, но у Мартынова сохранился знакъ дружеской привязанности Пушкина къ нему, въ видѣ собственноручнаго рисунка, изображающаго собаку съ птичкою въ зубахъ, который Пушкинъ нарисовалъ ему на память ²⁾.

Нѣкоторые интересныя свѣдѣнія о семейныхъ отношеніяхъ Мартыновыхъ даетъ Энгельгардтъ въ письмѣ къ Вольховскому отъ 26 ноября 1831 года. Рѣчь идетъ о братѣ нашего Мартынова, объ Александрѣ Ивановичѣ, о которомъ мы выше уже упомянули. Самое интересное въ этомъ письмѣ заключается въ первыхъ строкахъ. Вотъ это письмо:

«Мартыновъ, Александръ, 3-го курса, малой доброй, честной, несчастливъ въ своей семьѣ; отецъ, братья, сестры другого покроя, другихъ мыслей, нежели онъ,—ему жизнь съ ними не въ терпѣжъ,—вотъ пришло ему на умъ переселиться къ вамъ въ Тифлисъ—онъ просилъ меня спросить о томъ твое мнѣніе и твоего совѣта. Онъ Надворный Совѣтникъ (это у насъ на Руси первое качество), имѣетъ два креста, служилъ въ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по части законовъ, а теперь секретаремъ въ Совѣтѣ Путей Сообщенія, гдѣ имѣетъ 2000 руб., и хотя много, но съ пріятностію со стороны начальства, дѣла. Я полагаю, что ему лучше здѣсь оставаться, чѣмъ ѣхать въ дикую даль, гдѣ набранъ

¹⁾ В. П. Гаевскій: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время». «Отечественныя Записки», т. СXXXIX, 1861 г.—И Я. К. Гротъ: «Лицейскія годовщины», стр. 85, въ книгѣ его: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники».

²⁾ См. біографію Ивана Ивановича Мартынова, Е. Колбасина. «Современникъ» 1856 г., № 3, мартъ, т. LVI, стр. 124.—Не этотъ ли рисунокъ изображенъ въ книгѣ «Пушкинъ», подъ редакціей С. А. Венгерова, т. I, стр. 60?

Богъ знаетъ какой народъ. Онъ при доброжелательномъ начальникѣ, который удостоить его своего вниманія и руководства, можетъ быть употребленъ съ пользою, но не иначе, ибо не имѣетъ довольно самостоятельности, твердости, рѣшимости, чтобъ идти самъ собою. Сдѣлай одолженіе, подумай объ этомъ и скажи намъ свое мнѣніе, которое рѣшитъ его рѣшеніе. Еще долженъ прибавить, что онъ весьма слабаго здоровья, страдаетъ ревматизмами, желудкомъ и т. д. Кажется Тифлисская служба не по немъ».

Добавленіе къ очерку объ А. Д. Илличевскомъ.

Когда очеркъ этотъ былъ уже написанъ, то появилась новая книга К. Я. Грота: «Пушкинскій Лицей (1811—1817). Бумаги I курса, собранныя академикомъ Я. К. Гротомъ. СПб. 1911 г.», въ которой приведены нѣкоторыя стихотворенія Илличевского, не указанныя нами, такъ, напримѣръ:

1) эпиграмма «На музыканта» (стр. 153):

Ай мастеръ—ты еще Лихова
Пролаза перешеголялъ:
Онъ только обмануль Скупова,
А ты Скупова обокралъ.

2) «Въ альбомъ Малиновскому» (стр. 168), которое мы приведемъ въ біографическомъ очеркѣ И. В. Малиновскаго, и 3) «Роза» (стр. 174).

Кромѣ того, К. Я. Гротъ приводитъ 9 стихотвореній, приложенныхъ къ письмамъ Илличевского къ П. Н. Фуссу. Нѣкоторыя изъ нихъ мы привели въ текстѣ, но такъ какъ намъ были недоступны подлинники писемъ Илличевского, то мы не могли привести стихотвореній, приложенныхъ къ нимъ, тѣмъ болѣе, что самъ Илличевскій не воспользовался этими стихотвореніями въ своей книгѣ: «Опыты въ антологическомъ родѣ» (СПб. 1827 г.). Изъ этихъ стихотвореній у насъ не приведены: ода «На взятіе Парижа», «Акростихъ», «Эпиграмма», «Мальчикъ на столѣ», «Дубъ», еще «Дубъ», «Весенній вечеръ». Въ числѣ стихотвореній Илличевского, пропущенныхъ нами, за неимѣніемъ подъ руками подлинниковъ, нужно поставить на первомъ мѣстѣ стихотвореніе, написанное въ 1811 году и помѣщенное въ «Вѣстникѣ» Корсакова (въ первомъ лицейскомъ журналѣ): «Сила времени» (у К. Грота стр. 246).

Затѣмъ изъ лицейскихъ стихотвореній у насъ пропущены «Гроза» (у К. Грота стр. 210. Это стихотвореніе, хотя и имѣетъ подпись Илличевского, но переведено Кюхельбекеромъ, съ поправками Илличевского. Мы его здѣсь не при-

*

водимъ, потому что оно будетъ приведено въ очеркѣ о Кюхельбекерѣ) и «Добродѣтель» (у К. Грота стр. 192). Наконецъ, Илличевскому принадлежитъ довольно популярная лицейская пѣсня, начинающаяся словами: «Лѣто, знойна» (у К. Грота стр. 192). Стихотвореніе это попало въ число «Національныхъ пѣсенъ» и было помѣщено въ лицейскомъ журналѣ «Мудрецъ-поэтъ». О немъ упоминаеть въ протоколѣ лицейской годовщины 1828 г. Пушкинъ, сдѣлавъ въ немъ исправленія. Упомянемъ въ заключение о стихотвореніи, составленномъ неизвѣстно кѣмъ изъ воспитанниковъ Лицея: «Хоръ по случаю дня рожденія почтеннаго поэта нашего Алекѣя Деміановича Илличевскаго» (у К. Грота стр. 193). Автографъ этого стихотворенія подаренъ К. Я. Гротомъ Пушкинскому Музею 19 марта 1903 года.

Къ стр. 129 II-го тома «Товарищей Пушкина».

Сила времени.

Все тленно въ мирѣ семъ!
Все время мощное разрушить подь луною.
И царства сильныя, которые ни въ чемъ
Препона не найдутъ подь времени рукою,
Изчезнутъ на всегда, исчезнетъ ихъ и слѣдъ
Гдѣ горды Римляны владевшіе полесвѣтомъ,
Сокрылись вечности и славы той ужъ нѣтъ,
Которая была единымъ ихъ предметомъ.
Гдѣ Греки сильныя? гдѣ мощный Ахиллесъ,
Гдѣ знаменитые, гдѣ храбрые герои?
Которыхъ мужество не разъ увидевъ Персъ,
Отъ коихъ гордые упали стѣны Трои.
Изчезли и они! Изчезнетъ и весь свѣтъ,
И солнце нѣкогда свой огонь въ водахъ погаситъ,
Лишь добродѣтели одной кончины нѣтъ
Она на небеса возмездіе получитьъ.

А. Илличевскій.

(К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей, стр. 246—247).

Къ стр. 136. Идетъ.

Въ письмѣ къ Фуссу отъ 18 февраля 1812 года мы имѣемъ указаніе на стихотворенія Илличевскаго «Дубъ» и «Лисица вельможею». Послѣдняго стихотворенія мы нигдѣ не нашли. Что касается стихотворенія «Дубъ», то такое мы имѣемъ въ двухъ редакціяхъ, которое приведено у К. Я. Грота на стр. 179 и 180:

Д у б ъ (1).

Свирѣпый, бурный Аквилонъ,
Во время хладной, мрачной ночи
Вонъ вырвалъ дубъ большой, короче
Онъ доказалъ ему, сколь вѣтръ могущъ, слѣнъ.
Съ порывомъ вѣтра дубъ, упавши,
Собою малыя деревья поломалъ
И распростертъ на нихъ, какъ бы гигантъ. лежалъ,
Кой выбился изъ силъ, свою честь защищавши.
Лиса, которая нору свою имѣла
Оттоль не далеко, по утру дубъ узрѣла.
Ахъ, что за дерево! вскричала тутъ она,
Какая быть могла бъ тому вина,
Что я его, хотя частѣхонько видала,
Но чтобъ столь велико оно было—не знала?

Д у б ъ (2).

Свирѣпый Аквилонъ, во время бурной ночи,
Ревѣлъ въ лѣсу густомъ;
Деревья слабыя лишались скоро мочи
И падали на холмъ;
Одинъ лишь твердый дубъ, природу озирая,
Средь гибели всеобщей сей,
Борею угрожалъ, вѣтвями потрясая;
Сражался долго съ нимъ онъ крѣпостью своей,
Но, наконецъ, и самъ, всей твердости лишенный,
Упалъ,
И, среди роши разрушенной,
Какъ грозный исполинъ, лежалъ.
Поутру ясный день, какъ прежде, возсіялъ:
Запѣли птичекъ хоры,
И звѣри дикіе, оставя мрачны норы,
Свѣтила яснаго слѣзшили зрѣть восходъ.
Лисѣ случилось дубъ увидѣть на дорогѣ:
<Ахъ! вскрикнула она: хотя цѣню пороки
<И всё достоинства и всёхъ обмановъ ходъ,
<Но я не думала, чтобы сей дубъ высокій
<Былъ такъ великъ—когда, каковъ на дѣлѣ есть.

Достоинства людей по смерти лучше знаютъ,
При жизни получить чтобъ похвалу иль честь,
Употребляютъ лесть,
По смерти лишь талантъ, какъ должно, уважаютъ.

Къ этому стихотворенію К. Я. Гротъ прибавляетъ примѣчаніе, что эта басня была приложена къ письму № 3 Илличевскаго къ Фуссу отъ 25 апрѣля 1812 года.

Далѣе К. Я. Гротъ приводитъ изъ писемъ Илличевскаго къ Фуссу еще три стихотворенія:

1) А к р о с т и х ъ (стр. 178 у К. Грота).

Прошеніе твое днесъ исполняю я,
Елико ты смѣшенъ, врядь самъ ли чортъ возможенъ
Такимъ, каковъ еси, разрисовать тебя.
Разслабленный совѣмъ, чуть дышитъ, еле ходитъ,
Отъ слабости чуть-чуть не падаетъ стоя,
Вѣрь мнѣ, какъ на тебя смотрю, то плачу я ¹⁾).

2) Э п и г р а м м а (стр. 178, тамъ же).

Гуляй, mon Prince, на что учиться!
Отъ книгъ бѣги, какъ отъ бѣды;
Развѣ должно надъ книгой биться?
Чортъ съ ней. Сіятельный вѣдь ты:
Алмазы, денежки имѣешь,
Какъ съ симъ чиновъ не получаешь?
Охота жъ въ Pension ѣзжать?—
Вѣдь ты parler Français умѣешь!

3) М а л ь ч и к ъ н а с т о л ѣ (тамъ же, стр. 179).

Своей величинѣ ребенокъ удивлялся
На столикѣ, и тамъ съ весельемъ улыбался;
Но папенька его, услышавъ то, сказалъ:
Сойди-ка со стола, то будешь столько-жъ малъ.
Здѣсь мальчикъ богача того изображаетъ,
Который о себѣ излишнее мечтаетъ.

Къ этимъ стихотвореніямъ К. Я. Гротъ замѣчаетъ, что, какъ эти три стихотворенія, такъ и стихотвореніе «Дубъ» (1), написаны на листкѣ маленькаго формата съ помѣткою, вѣроятно, Фусса: «№ 2, 1811 г.» (См. К. Я. Гротъ, стр. 178).

Къ стихотворенію «На взятіе Парижа» мы позволимъ себѣ позаимствовать очень интересныя примѣчанія Кошанскаго къ этой одѣ. Вотъ что говоритъ К. Я. Гротъ: «Въ текстѣ и примѣчаніяхъ Кошанскаго всѣ слова подчеркнуты Кошанскимъ. Въ выноскахъ мы отмѣтимъ, какъ эти примѣчанія, такъ и варианты изъ второго списка, внесенные авторомъ на основаніи замѣчаній; но оказывается, что авторъ лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ принялъ во вниманіе эти замѣчанія».

¹⁾ Кто былъ этотъ Петровъ, на котораго написанъ «Акrostихъ», намъ неизвѣстно. Что этотъ Петровъ не былъ причастенъ къ Лицею, доказывается тѣмъ, что его нѣтъ въ книгѣ «Наставникамъ, хранившимъ юность нашу»—Памятная книжка чиновъ Императорскаго Александровскаго бывшаго Царскосельскаго Лицея. 1811 по 1911 годъ. Составилъ А. А. Рубецъ. СПб. 1911 г.

Къ стр. 136 II-го тома «Товарищѣй Пушкина».

На взятіе Парижа.

Раздался громъ—и повторенны
Ему катятся громы вслѣдъ.
Не се ли *молніи*—священны ¹⁾
Благовѣстители побѣдъ?
Всесилень русскій Богъ великій!
Гремятъ по стогнамъ шумны клики ²⁾,
Восторгомъ пламеннымъ горя.
Какое торжество, какое?
Не вновь ли Божество благое
Вѣнчаетъ славою Царя?
Не вновь ли Росскія знамена
Покрыла Божья благодать?
Не вновь ли дерзость поражена
И злоба свержена во адъ?
Такъ! слышу ратный гласъ: побѣда!
Такъ! *зрю* во всѣхъ предѣлахъ свѣта
Гремитъ молва: въ Парижѣ Россъ ³⁾!
Въ Парижѣ Россъ!—Тебя хвалю
Превозношу, Творецъ! Тобою
Въ побѣдахъ АЛЕКСАНДРЪ возросъ!
Давно ль, давно ли врагъ строптивый—
Какъ съ грозныхъ водопадъ вершинъ
Склонясь, стремить свой токъ бурливый
На лоно тихое долинъ,
И класы тучные, золоты
И пашни и лѣса густы
Крутить въ ярящихся волнахъ,
Шумитъ по скаламъ возвышеннымъ ⁴⁾
И эхомъ въ дебряхъ пробужденнымъ
Стократно вторится въ лѣсахъ ⁵⁾.—

¹⁾ Кошанскій исправилъ: «не се-ль перуны грозны, гнѣвны». На поляхъ же имъ приписано: а) громъ или молнія не одно и то же. в) Молніи не *благовѣстители*, а *благовѣстницы*.—Третій стихъ исправленъ позже авторомъ такъ: «не се ли радостны, священны!..»

²⁾ На поляхъ: «клики горятъ восторгомъ».

³⁾ Подчеркнуты слова *зрю* и *гремитъ молва* и приписано: «гремящую молву не *зрятъ*, а *снемлютъ* или слышать».

⁴⁾ Кошанскій: «Неприятная *перемѣна* сцены и при томъ *повтореніе*».

⁵⁾ Противъ этой строфы: «Длина періода, приличная только прозѣ». Во 2-мъ спискѣ эта строфа отъ слова «какъ» поставлена въ скобки.

Въ предѣлъ отечества драгова
Вломился, вторгнулся? злодѣй
Позоръ и *рабство* и *оковы* ¹⁾
Россіи несъ въ *рукъ своей* ²⁾?
Гордясь оплотомъ страшныхъ строевъ
И льстясь надеждой славныхъ боевъ
Войной и *ужасомъ горитъ* ³⁾.
Идетъ въ неистовой надеждѣ
Назадъ не возвратится прежде,
Какъ всю Россію покорить.

Идетъ—какъ зной, огнемъ ползаящій,
Каленымъ дышущій лучемъ;
Какъ мразъ—лице земли мертвящій;
Какъ вихрь—все *рушащій вверхъ дномъ* ⁴⁾,
Какъ съ *молніей* и громомъ буря—
Затмивша *мракомъ* ⁵⁾ блескъ *лазуря* ⁶⁾:
Но АЛЕКСАНДРЪ, великій ввѣкъ,
Еще не ополчилъ десницы;
Еще Всевышній казнь денницы
Во гнѣвѣ яромъ не изрекъ.

Онъ шелъ—и грады упали,
И вси обращались въ прахъ.
Всѣ скорби, ужасы, печали
И *страшна смерть* и блѣдный *страхъ* ⁷⁾
Испедъ изъ мрачныхъ безднъ геенны,
Имя очи раскалены ⁸⁾,
Вездѣ летѣла вслѣдъ за нимъ.
И сильной властію своею,
Какъ будто оиміамъ, злодѣю
Во слѣдъ курили огнь и дымъ.

И, жителей своихъ лишены,
Въ мѣстахъ пустынныхъ и глухихъ,
Стоять уныло мрачны стѣны—
Лишь томный гулъ *вселмлся* въ нихъ.
И гдѣ науки процвѣтали,
Свобода, счастье обитали—

1) «Значимое, поставленное непосредственно подлѣ знака, подрываетъ интересъ». Этотъ стихъ во 2-ой редакціи: «Позоръ, неволя, бѣдства новы».

2) «Изобилованіе—пустословіе».

3) «Ужасомъ горѣтъ! притомъ надлежало бы и здѣсь поставить дѣйствіе въ прошедшемъ видѣ».

4) «Рушить вверхъ дномъ!»

5) «Молніеносная буря не мрачна».

6) «Лазоревый цвѣтъ не *блмстателенъ*, но онъ можетъ быть *ярокъ*».

7) Исправлено во 2-мъ спискѣ «Опустошеніе и страхъ».

8) «Сія черта не можетъ относиться до всѣхъ подлежащихъ».

Тамъ нынѣ дебрей видѣ глухой;
Тамъ на гробахъ уединенныхъ
За вѣру воевъ убиенныхъ
Звѣрей и вѣтра слышенъ вой!

Она шель—и цѣли возжеленной
Злодѣй достигнулъ наконецъ.
Еще къ коронѣ похищенной
Одинъ хотѣлъ придать вѣнецъ.
Уже его очами зрится
Москва, какъ нѣкая Царица,
Сѣдяща на семи холмахъ,
Которая на пол-вселенной
Простерла скипетръ позлащенной,
Сіяющей во всѣхъ вѣкахъ.

Какъ звѣрь свирѣпый, гладомъ мучимъ,
Иль лютый тигръ, иль гордый левъ,
Въ тѣни деревьевъ, въ лѣсу дремучемъ,
Смиренну агницу узрѣвъ,
Открывъ, разверзя зѣвъ ужасный ¹⁾,
Пускаетъ ревъ—и *звѣрь* ²⁾ несчастный
Уже *издохъ* ³⁾ въ его когтяхъ.
Какъ огонь, зажегши поле чисто,
Клубить по долу дымъ струистой
И ниву обращаетъ въ прахъ.

Москвою овладѣвъ пространной,
Едва въ нее Наполеонъ
Вступилъ—уже сей городъ славной
Объятъ огнемъ со всѣхъ сторонъ.
Страхъ—ужасъ поражаетъ очи.
Отъ *праха* ⁴⁾—день мрачнѣе ночи;
Отъ пламя—ночь яснѣе дня.
Стенанья, стоны ⁵⁾ раздаются;
Кровавы токи всюду льются;
И жертвы падаютъ *стена*.

Несчастны жертвы лютой злобы
Безжалостныхъ враговъ своихъ!
Здѣсь старецъ обнимаетъ гробы
Безвинно падшихъ чадъ молодыхъ;

¹⁾ Въ новой редакціи: «пасть ужасну».

²⁾ «Агница не *звѣрь*».—Этотъ и слѣдующій стихъ исправлены авторомъ такъ:

«Реветь и агницу несчастну
Терзаетъ во своихъ когтяхъ».

³⁾ «Вяло».

⁴⁾ Исправлено К—мъ: «дыма»: такъ исправилъ и авторъ въ новомъ спискѣ.

⁵⁾ «=клики и восклицанія». Авторъ измѣнилъ: «Рыданья, вопли раздаются».

Тамъ дѣва трупъ отца находить;
Тутъ отрокъ взоръ на небо взводитъ
И смерть зоветъ онъ дни пресѣчь,
Лишенный матери и братій:
На логъ отческихъ объятій
Постигнулъ ¹⁾ ихъ тиранновъ мечъ.

И утро красную денницу
На небо выведъ въ третій день,
Уже не славную столицу,
Но мрачный пепель падшихъ стѣнь
Лучемъ багрянымъ освѣтило—
Вотъ страшный образъ лютой силы!
Вотъ вражьей дерзости слѣды!..
Но стой, злодѣй!.. Всевышній встанетъ,
Правдивый громъ на злобу грянетъ ²⁾,
И прахомъ претворишься ты!

И се возстало Провидѣнье,
И Вышній казнь врагамъ изрекъ,
И Россъ воскликнулъ: мщенье! мщенье!
И на враговъ, *какъ левъ, потекъ*,
Потекъ, какъ бурный вихрь ³⁾,—и пали,
Что рогъ кичливый воздымали...
Злодѣй еще десницу взнесъ—
И вновь враги стыдомъ покрылись!—
Еще шесть лунъ не совершились,
Уже въ Парижѣ храбрый Россъ!.

Въ Парижѣ Россъ!—Но не какъ мститель,
Иль бичъ Небесный—лютой, злой:
Но такъ, какъ Ангелъ Покровитель,
Какъ Геній милости благой ⁴⁾,
Какъ нѣкій Богъ: на мѣсто мщенья—
Творитъ ⁵⁾ врагамъ *благодѣянья*;
На мѣсто брани—миръ даритъ;
На мѣсто рабства—дни золотые.
Единый АЛЕКСАНДРЪ такіе
Могъ доблести души явить!
Единый АЛЕКСАНДРЪ лишь славу
Кладетъ—великодушнымъ быть!

¹⁾ «*Постигнуть*» значить только коснуться *поверхности*».

²⁾ Во 2-ой редакціи эти 2 стиха измѣнены такъ:

«Но стой, злодѣй! твой часъ настанетъ!
Правдивый Богъ на злобу грянетъ».

³⁾ Во 2-ой редакціи вмѣсто того: «Помчался, полетѣлъ—и пали».

⁴⁾ Исправлено авторомъ: «Благости самой».

⁵⁾ Измѣнено авторомъ: «Даетъ».

Единый АЛЕКСАНДРЪ державу
Лишь тщится благостью златить!
Единый ты, свѣта благодѣтель,
Умѣлъ толику добродѣтель
Со храбростію соединить!
Единый ты, во всей вселенны
Навѣки олтари *нетлѣнны*
Умѣлъ въ сердцахъ соорудить!
Звучи, восторгомъ полна лира,
И выше тучъ полетъ взнеси!
Свободу, благоденство міра
Во всѣхъ концахъ земли гласи!
Утѣшь Москвы ты зракъ печаленъ!
Вѣщай: изъ ¹⁾ *нѣдръ* ея развалинъ
Покой вселенной излетѣлъ;
Ея пожаромъ освѣтилась
Свобода — коя воцарилась
Въ предѣлахъ всѣхъ ея земель.
Гласи паденіе злодѣя,
Тирана гнуснаго землѣ!
Вчера еще, землей владѣя,
Онъ вѣчно мнилъ владѣть, и се—
Какъ кедръ, Ливана сынъ надменный,
Внезапно громомъ пораженный,
Падетъ—онъ палъ!.. Злодѣя нѣтъ!..
Ликуйте, Россы величавы!
О, слава выше всякой славы!
Побѣда выше всѣхъ побѣд!
Ликуй... Но *стой* ²⁾, о дерзка лира,
И пылкой свой восторгъ умѣрь!
Не зришь ли ты—пространство міра
Ему дивится все теперь?
Не зришь ли — поздные потомки,
На подвиги возря столь громки,
Пол-Богомъ АЛЕКСАНДРА чтятъ?
Какъ капля съ моремъ соравненна,
Хвала твоя пребудетъ тлѣнна,
И твой удѣлъ, дивясь,—молчать!

(К. Я. Гротъ: Царскосельскій Лицей, стр. 130—135).

¹⁾ Вставлено К—мъ: «подъ» (изъ-подъ); «нѣдръ» подчеркнuto.

²⁾ К(ошанскій): «Низко».

Къ стр. 140 II-го тома «Товарищѣй Пушкина».

Стихотвореніе «Весенній вечеръ» было приготовлено Илличевскимъ къ экзамену въ Лицеѣ въ 1815 году, но ему не пришлось прочитать это стихотвореніе, такъ какъ оно было замѣнено прозаическимъ разсужденіемъ: «О цѣли человеческой жизни». Къ сожалѣнію, этой прозы у насъ нѣтъ. Что касается до стихотворенія, то вотъ оно:

Весенній вечеръ.

(Переводъ изъ III пѣсни: Le printemps d'un proscrit. Poëme de Michaud).

Летящій сонмъ часовъ въ теченіи увлекая,
Ужъ солнце катится, на западъ послѣшая.
Уснувшій вѣтерокъ во глубинѣ холмовъ
Подъземлется, летитъ, порхаешь межъ цвѣтовъ;
Тамъ вѣтви рощицы тѣнистой колыхаетъ
И росу на поля съ деревьевъв отряхаетъ,
Тутъ зеркало струитъ спокойныя рѣки
И клонитъ надъ водой шумящи тростники.
Примѣтно тѣнь ростетъ и небо тмится мглою.
О рощи тихія! убѣжище покою!
Примите странника подъ кровъ своихъ вѣтвей,
Да счастье вкушу давнопрошедшихъ дней.
И да въ послѣдній разъ (о сладкая отрада!)
Внемлю пѣвцамъ лѣсовъ и реву водопада.
День умирающій съ вершины дальнихъ горъ
На юные цвѣты бросаетъ нѣжный взоръ.
Одѣты сумракомъ, окрестныя дубравы
Склонили надъ рѣкой верхи свои кудравы;
И волны, разостлавъ обширность водъ своихъ,
Въ прозрачности зыбей изображаютъ ихъ.
Но блѣдный свѣтъ еще сквозь чашу проникаетъ;
Зажженное стекло пожара видъ являетъ;
И аспидъ, отразивъ блескъ солнечныхъ лучей,
Блестящей кажется лазурью для очей.

Но что? какое вдругъ божественное пѣнье
Приводитъ духъ въ восторгъ и сладкое забвенье?
Такъ! это ты поешь, пѣвецъ весеннихъ дней?
Твой гласъ пріятнѣе и трель твоя звучнѣй,
Когда подъ сѣнію рождающейся ночи
Къ гармоніи своей склоняешь холмы, рощи...
Въ безмолвіи межъ тѣмъ паукъ и тамъ и сямъ
Раскидываетъ сѣтъ по вѣтвямъ, по цвѣтамъ;
Пчела, плѣненная луговъ благоуханьемъ

И тихимъ вѣтерка гонимая дыханьемъ,
Летаешь, носится, собирая сладкій сокъ,
Съ листочковъ на листки, съ цвѣточка на цвѣтокъ;
То вдругъ, остави ихъ, по воздуху кружишься,
Послѣднимъ блескомъ дня желая насладиться,
Пустынный перепелъ въ тоскѣ подобно мнѣ
Унылымъ голосомъ приносить дань веснѣ.

Безъ друга горлица на деревѣ стенаетъ
И эхо дальнее о миломъ вопрошаетъ.
Кузнечикъ, притаясь въ зеленой муравѣ,
Стучитъ подъ листьями кустарника въ травѣ;
А кроликъ, вышедши изъ норки сокровенной,
Играетъ въ рощицѣ, росюю окропленной;
Но вдругъ раздался громъ изъ густоты лѣска:
Несчастной жертвой сталъ искуснаго стрѣлка.

Когда, простершиися по голубому своду,
Густая ночь покровъ опуститъ на природу,
Отъ суеты гонясь за новой суетой,
Градскіе жители шумящею толпой
Стремятся въ тѣ мѣста, гдѣ дѣйствіе искусства
Обворожаетъ взоръ и восхищаетъ чувства.
Тамъ тысяча вездѣ разставленныхъ огней
Напоминаютъ день, сокрытый отъ очей;
Тамъ сѣра загораясь, пурпуровой стезею,
Со трескомъ возносясь, стремится къ эмпирею,
Зажегши воздухъ весь, сверкаетъ въ облакахъ,
Гремитъ и сыплется въ безчисленныхъ звѣздахъ;
То вдругъ подѣмлется блестящими столпами,
То вдругъ свергается лазурными волнами,
То кажется рѣкой, которая со скалъ
Катитъ со громомъ внизъ пылающій кристалъ.
Но ахъ! возможно ли сравнить сіе съ прелестной
Красою, коею блистаетъ сводъ небесной,
Когда въ часъ вечера на крыльяхъ вѣтерка
Колеблются грядой златыя облака?
Воображеніе на нихъ опочиваетъ;
Несчетны призраки оно изъ нихъ рождаетъ:
То сильнаго Царя, который весь (въ) огонь
Летитъ по небесамъ на пламенномъ конѣ;
То съ богомъ молніи Гиганта въ грозной брани,
Вознесша на Олимпъ свои могучи длани;
То пышные дворцы, то темные лѣса,
То цѣлы воинства, покрывши небеса,
Которыя, сразаясь на облакахъ летящихъ,
Другъ въ друга сыплютъ огонь съ мечей своихъ блестящихъ.

О древній Оссіанъ! О Бардъ геройскихъ лѣтъ!
Къ колы сладостнымъ мечтамъ твой гласъ меня влечетъ!
Когда сѣдой туманъ, возставъ со dna пучины,
Широкой грудю возляжетъ на долины;
Ты, сѣвъ на мшистый холмъ подъ кровомъ ивъ густыхъ,
Поешь безсмертныя дѣла отцовъ своихъ.
Покрыло-ль облако вершину мрачна бора,
Ты зришь летящу тѣнь Фингала иль Тренмора;
Дерево ли густоту вечерній вѣтръ потрясъ,
Ты слышишь плачущей Итоны томный гласъ;
Свистъ вѣтра, шумъ лѣсовъ, о берегъ бьющи волны,
Утесы дикіе, часъ полночи безмолвны,
Все, словомъ, все тогда родитъ въ душѣ твоей
Воспоминанія героевъ и вождей,
Сподвижниковъ твоихъ побѣдъ во дняхъ минувшихъ,
Давно въ сырой землѣ спокойнымъ сномъ уснувшихъ.

Кто можетъ подлинно безъ умиленья зрѣть
Сію простергую по небу мрака сѣть,
Сіе смѣшеніе сіянья съ темнотою,
Боренье солнечныхъ лучей съ вечерней мглою,
Свѣтъ умирающій на темѣ снѣжныхъ горъ,
Угрюмой снѣговой одѣтый дальній боръ,
Туманы по полямъ простерши влажны крыла
И западъ весь въ огнѣ и яркое свѣтило
Въ рубиновомъ вѣнцѣ, въ порфирѣ золотой,
И день, часъ отъ часу тонущій въ тѣмѣ густой.

(К. Я. Гротъ, стр. 183—185).

Слѣдующее стихотвореніе «Роза» относится тоже къ 1815-му году и было помѣщено въ журналѣ «Кабинетъ Аспазіи» 1815 г.

Р о з а.

Роза на берегу потока
Съ юною цвѣла весной,
И глядась въ прозрачность тока,
Восхищалась такъ съ собой.
«Всѣхъ прелестнѣе красою
Я царица сихъ луговъ:
Кто теперь моей судьбою
Не польстится изъ цвѣтовъ.
«Каждымъ днемъ, едва денница
Сводъ небесный озлатитъ,
Рѣзвыхъ мотыльковъ станица
На поклонъ ко мнѣ летитъ.

«Я пчелѣ вокругъ жужжащей
Соты сладкіе даю,
И средь рощицы шумящей
Ароматы въ воздухъ лью.
«Мной гордится вся округа
Мною пестрый лугъ цвѣтетъ,
Я Зефирова подруга—
Мнѣ подобной въ мірѣ нѣтъ!
«О блаженство! если взоры
Мнѣ ручей не обольститъ,
На груди безсмертной флоры
Умереть мнѣ рокъ судилъ».
И умолкла. Вдругъ повѣялъ
Перелетный вѣтерокъ,
Онъ листы ея разсѣялъ
И унесъ съ собой въ потокъ.
И умчали волны въ море
Прелесть гордаго цвѣтка,
И увы! не стало вскорѣ
Ни пчелы, ни мотылька!
Лишь ручей въ своемъ кристалѣ
Непрестанно кажется ей
Настоящія печали
И красу прошедшихъ дней.
Но явимъ открыто лица:
Что есть время?—ручеекъ!
Роза?—гордая дѣвица,
А любовникъ?—мотылекъ?»

(К. Я. Гротъ, стр. 174 и 175).

Мы здѣсь не приводимъ стихотворенія «Гроза», такъ какъ о немъ будетъ сказано въ очеркѣ о Кюхельбекерѣ, и переходимъ къ пропущенному нами стихотворенію «Добродѣтель». Стихотвореніе это относится къ первымъ годамъ лицейской жизни Илличевского. По мнѣнію К. Я. Грота, оно, «вѣроятно», относится къ 1812 году:

Одна святая добродѣтель
Вамъ можетъ счастья даровать;
Она всѣхъ нашихъ благъ содѣтель!
Лишь на нее мы полагаемъ
Надежду можемъ несомнѣнну.
Все прочее же подъ луной
Подвержено измѣнѣ, тлѣнну,
Нѣтъ ей кончины лишь одной.

* *
*

Чины и знатность и богатства
Блаженства временныя суть:
Онѣ доставятъ намъ пріятства,
Но что онѣ? — на часъ блеснутъ
И послѣ въ Хаосъ превратятся.
Оставляютъ насъ съ стыдомъ однимъ
Блаженъ, не мыслить кто гоняется
За счастьемъ тщетнымъ и пустымъ!

* * *

Блаженъ! кто истинно умѣетъ
Всѣ добродѣтели цѣнить,
Кто правиломъ своимъ имѣетъ:
Царю всей правдою служить;
Кто бѣднымъ, слабымъ помогаетъ;
Кто чистъ и сердцемъ и душой,
Тотъ и средь бѣдъ не унываетъ,
Успѣхи обрѣтая въ ней ¹⁾).

(К. Я. Гротъ, стр. 127 и 128).

Что касается «лицейскаго пэана: Лѣто, знойна», то стихотвореніе это слѣдующаго содержанія ²⁾:

Лѣто, знойна дщерь природы
Идетъ къ намъ въ страну;
Жаръ несносный, съ блѣднымъ видомъ,
Слѣдуетъ за нимъ.
Весна убѣгаетъ изъ нашихъ полей;
Зефиры, утѣхи толпятся за ней;
Все, что ни было красой, все бѣжитъ;
Рѣка иссыхаетъ, ручей не журчитъ,
Цвѣтъ пріятный травъ зеленыхъ
Блекнетъ на лугахъ;
Тѣнь прохладна ужъ не въ силахъ
Насъ отъ зноя скрыть.
Но кинемъ всю горестъ: все идетъ чредой:
Жаръ лѣтній, хладъ зимній, пріятства весной.
Богъ внемлетъ и дождю ниспастъ повелить,
Чтобъ воздухъ отъ вредныхъ паровъ освѣжить.

(К. Я. Гротъ, стр. 192 и 193).

¹⁾ К. Я. Гротъ замѣчаетъ, что, вѣроятно, Кошанскому принадлежит помѣта въ концѣ этого стихотворенія: «Мысль и стихи очень хороши». Здѣсь же нужно замѣтить, что ода Илличевскаго «Освобожденіе Бѣлграда» не приводится К. Я. Гротомъ вслѣдствіе обширности ея.

²⁾ См. въ настоящемъ томѣ стр. 192.

Наконецъ, намъ остается привести еще «Хоръ», написанный къмъ то изъ воспитанниковъ Лицея въ честь Илличевскаго. Вотъ эти стихи:

Хоръ

*по случаю дня рожденія почтеннаго поэта нашего
Алекся Деміановича Илличевскаго.*

Хоръ.

Слава, честь лицейскихъ музъ,
О, безсмертный Илличевскій!
Межъ поэтами ты тузъ!
Всѣ гласятъ тебѣ лицейски
Крикомъ радостнымъ: «вивать!»
Ты родился—всякій радъ!»

Пѣвецъ.

Ты родился, и поэта
Новаго увидѣлъ міръ,
Ты рожденъ для славы свѣта,
Межъ поэтовъ—богатырь!
Пой, чернильница и перья.
Лавка, губка, мѣлъ и столъ.
У него всѣ подмастерья,
Мастеровъ онъ превзошелъ!

Хоръ.

Слава, честь лицейскихъ музъ,
О, безсмертный Илличевскій!
Межъ поэтами ты тузъ!
Всѣ гласятъ тебѣ лицейски
Крикомъ радостнымъ: «вивать!»
Ты родился—всякій радъ!»

Пѣвецъ.

Ты родился—эпиграммы
Полились на весь народъ;
Глупыя, слезливы драмы,
Куча громкихъ, мерзкихъ одъ,
Враль-поэтъ и пустомеля,—
Стали свѣту всѣ смѣшны...
Онъ вѣдь посрамилъ Гезеля,
Хуже въ одахъ сатаны!

Хоръ.

Слава, честь лицейскихъ музъ,
О, безсмертный Илличевскій, и проч.

Пѣвецъ.

Благодарностью возженны,
Лавры мы, друзья, возьмемъ!
Увѣнчаемъ!—при вселенной
Пѣснь ему мы воспоемъ:
Да продлится вѣкъ поэта
Милліонъ милліоновъ лѣтъ
Онъ рожденъ для славы свѣта,
Онъ есть истинный поэтъ!!

Хоръ.

Слава, честь лицейскихъ музъ,
О, безсмертный Илличевскій!
Межъ поэтами ты тузъ!
Всѣ гласятъ тебѣ лицейски
Крикомъ радостнымъ: «вивать!»
Ты родился—всякій радъ!»

(К. Я. Гротъ, стр. 193 и 194).

— — — — —

На стр. 143 и 145 второго тома нами приведены два стихотворенія Илличевскаго: «Цефизъ» и «Ириня», взятые изъ «Вѣстника Европы» за 1814 г. Въ книгѣ же К. Я. Грота: «Царскосельскій Лицей» приведены эти же стихотворенія (стр. 180—«Цефизъ» и стр. 185—«Ириня»), но съ подлинной рукописи Илличевскаго, гдѣ, по сравненію съ приводимыми нами стихотвореніями, имѣется маленькая разница—только въ нѣкоторыхъ словахъ.

— — — — —

Слѣдуетъ обратить вниманіе на эпиграмму Илличевскаго на его товарища князя Горчакова, приведенную здѣсь на стр. 422. Кого имѣеть въ виду эта эпиграмма, понятно изъ ея содержанія, но для большей ясности Илличевскій придалъ ей форму акростиха, начальныя буквы строчекъ котораго образуютъ фамилію Горчакова. Глубокоуважаемый Константинъ Яковлевичъ Гротъ, какъ кажется, пропустилъ эту эпиграмму-акростихъ безъ вниманія.

— — — — —

Алфавитный указатель.

- Алгазинъ, 15, 16.
Адлербергъ, гр-ня, Юлія Ѳед., VI.
Александра Павловна, вел. княжна, 396.
Александръ I, императоръ, 47, 94; 95, 123, 224, 272, 311, 387, 397, 398, 401, 406, 408, 426.
Аладьинъ, Егоръ, 334.
Амвросій, архіеп., 394.
Анастасій, архим., 395.
Анжу, 43.
Анна Павловна, вел. кн., 312.
Анненковъ, П. В., 212, 213, 250, 251, 375.
Анненскій, Н. Н., 101, 104.
Аракчеевъ, гр., А. А., 13, 123, 124, 406.
Аснашъ, С. М., 278.
Бакстеръ, 54.
Бакунина, Е. П., въ зам. Полторацкая, 161—167.
Бакунинъ, Ал. Павл., 161, 162.
Бакунинъ, Н. М., V, 45, 46, 53, 64, 90, 106, 111, 232, 238.
Бантышъ-Каменскій, Н. Н., 219, 266, 267, 339.
Балуѓіанская, по мужу Капгеръ, 101.
Бальшъ, Конст. А., 86.
Банксъ, 50.
Баратынская, Соф. Мих., по перв. браку Дельвиґъ, 364, 365.
Баратынская, Соф. Серг., въ зам. Чичерина, 365.
Баратынскій, Е. А., 182, 324, 325—340, 344, 349, 350, 356—361, 366, 369.
Баратынскій, С. А., 364, 365.
Барсуковъ, Н. П., 347.
Бартенева, П. И., 9, 220, 260, 323, 338, 360.
Батюшковъ, К. Н., 157, 195, 291, 320, 326, 333, 337, 369, 374, 399, 406.
Безакъ, Ал. Павл., 186.
Безакъ, К. И., 78, 84.
Беклемишевы, 256.
Бекъ, 272.
Белуха, 362.
Бенкендорфъ, гр., А. X., 262, 263, 352, 354, 363.
Березинъ-Ширяевъ, Яковъ, 374.
Бестужевъ, (Марлинскій), А. А., 332, 335.
Бестужевъ-Рюминъ, М. А., 213, 334, 340, 349—351.
Бильбасовъ, В. А., 283.
Бильдербекъ, баронъ, 267.
Блудовъ, гр., Д. Н., 354.
Бодиско, 59.
Бокъ, Анна, рожд. Игнатьева, 236.
Болтинъ, 315.
Борель, П., 314.
Боровковъ, Альд. Дм., 284.
Бортнянскій, 313.
Боссе, Анна, рожд. Ленць, 57, 58.
Боссе, архитект., 58, 105.
Бочковъ, 385.
Бозльде, 229.
фонъ-Бринъ, 123.
Бровцынъ, С. М., 85.
Брогліо, 22, 414.
Брусиловъ, Н. Н., 19, 92.
Брюлловъ, 256.
Брюсовъ, Вал., 163, 165, 275.
Будбергъ, 273.
Де-Будри, 5, 6, 26, 95, 127, 222, 273, 285, 386, 412.
Булгаковъ, А. Я., 34, 220, 350, 355.
Булгаковъ, К. Я., 231, 272, 356.
Булгаринъ, Ѳ. В., 70, 72, 258, 259, 333, 334, 344, 349—354, 359, 361, 373.
Бунашевъ, 396.
Бутеневъ, А. П., 272.
Бухольцъ, бар., Н. Е., 186.
Быченскій, адм., 16.
Бѣлинскій, В. Г., 255, 306.
Валлотъ, г-жа, 82.
Васьковъ, 104.
Вейсъ, 92.
Вельо, рожд. Северина, 312.
Вельо, Іозефина, 312, 313.
Вельо, Софія, 312.
Венгерова, С. А., 130, 161—169, 178, 196, 213—215, 228, 275, 279, 376, 417.
Веневитиновъ, Д. В., 341.
Венигель, Я. А., 19, 20, 95.
Вигель, Ф. Ф., 219.
Воейкова, Алсдра Андр., рожд. Протасова, 332.
Воейковъ, А. Ѳ., 70, 258, 315, 332, 333, 335, 340, 367, 372, 373.
Вольховская, Мар. Вас., рожд. Малиновская, 238, 409.

- Вольховский, Влад. Дм., V, 4, 25—28, 36, 40, 48, 59, 60, 64, 66—69, 78, 90, 93, 95, 99, 104, 108, 110, 131, 183—185, 190, 192—194, 213, 223, 224, 232, 233, 237, 238, 242, 244—247, 250, 251, 264, 268, 277, 278, 321, 322, 326, 344, 377, 388, 389, 401, 413, 416, 417.
- Воробьева, 256.
- Воронихинъ, А. А., 59, 62, 66, 68.
- Востоковъ, А. X., 320, 407.
- Врангель, рожд. баронесса Росильонъ, 64.
- Врангель, Е. В., 35, 36, 53, 95.
- Врангель, бар., Ф. П., 8, 15, 32, 37, 38, 40—45, 48, 53, 56—58, 62, 64, 70, 73, 77, 85—88, 96, 107, 110, 115, 125, 231.
- Вуичъ, В. И., 312.
- Вульфъ, А. Н., 342, 369.
- Вяземский, кн., П. А., 187, 212, 259, 333, 335—338, 341, 347—350, 353, 354, 355, 358, 360, 369.
- Гаврииль, митроп. Спб., 395, 396.
- Гаврииль, архим., 394.
- Гаевский, В. П., 129—138, 161—169, 174, 178, 185, 189, 190, 193—195, 214, 224, 225, 242, 250, 256—260, 283—287, 290, 291, 301, 304, 305, 311, 313, 323—327, 330, 343—347, 355, 368, 372, 373, 376—378, 387, 417.
- Гаевский, Ст. В., 10, 92.
- Галичъ, 7, 306.
- Гальбергъ, 356.
- Гамильтонъ, адм., 103.
- Ганъ, Елена Андр., рожд. Фадѣева, 256.
- Ганъ, Ф. А., 50.
- Гауеншильдъ, 5, 26, 29, 30, 33, 42, 126, 127, 222, 273, 285, 285, 386, 412.
- Гейденъ, графиня, 71, 74.
- Гейденъ, гр., адм., 59, 60, 63, 67, 68, 73, 74, 75, 77, 78, 88.
- Гейсманъ, П. А., ген., V.
- Геннади, 135, 260, 345.
- Гермесь, сенат., 231.
- Глазенапъ, ген., 123.
- Глинка, М. И., 186, 187, 256, 257, 334, 341, 342, 343, 346.
- Глинка, С., 373.
- Глинка, О. Н., 322, 335, 360, 361.
- Глиноецкий, Н. П., ген., V.
- Гнѣдичъ, Н. И., 320, 321, 331, 335, 336, 341, 356.
- Гоголь, Н. И., 341.
- Голенищевъ-Кутузовъ, П. И., 4.
- Голицынъ, кн., А. Н., 124, 170, 311, 319, 388.
- Голицынъ, кн., Серг., 187.
- Головнинъ, А. В., 116.
- Головнинъ, В. М., 8, 11—17, 22, 34, 40, 42, 48—52, 115.
- Горчаковъ, кн., А. М., 9, 22, 57, 60, 64, 87, 90, 99, 106, 111, 253, 278, 434.
- Гофманъ, А. Л., 126, 157.
- Градовский, Г. К., 354.
- Гревеницъ, бар. П. Ф., 64, 68, 87, 90, 193, 194, 247, 249, 251, 275, 277, 278.
- Грейгъ, А. С., 15, 16.
- Гречъ, Н. И., 70, 72, 87, 320, 350, 353, 354, 373, 385, 407.
- Григоровичъ, Д. В., 336.
- Григорьевъ, 315.
- Гротъ, К. Я., 116, 169, 193, 194, 246—248, 253, 256, 288, 364, 381, 389, 419, 422, 427, 430—434.
- Гротъ, Я. К., 3—14, 25, 29, 57, 74, 113, 115, 125, 133, 135, 137, 141, 169, 170, 179, 212, 221, 221, 228, 229, 235, 236, 242, 244, 246—249, 254—256, 260, 264, 265, 279, 292, 295, 296, 304, 311—313, 338, 365, 377, 378—381, 387, 395, 400, 401, 402, 409, 411, 414, 417.
- Гурьевъ, гр., Д. А., 124, 171, 249, 319, 388.
- Гуэслень, 28.
- Давильонъ, Ф., 314.
- Давыдова, Праск. Ив., въ зам. Яковлева, 266.
- Давыдовъ, Денисъ, 369.
- Данзасъ, К. К., 4, 19, 20, 45, 46, 50—64, 79, 87, 90, 92, 99, 103, 110, 133, 158, 193, 194, 232, 245, 246, 249, 251, 253, 255, 286, 288, 413.
- Данзасъ, Т. Б., въ зам. Сѣмечкина, 158, 228, 265.
- Дантесъ-Геккернъ, 235.
- Датель, рожд. Vhilanes, 105.
- Дашковъ, Д. В., 335.
- Деларю, М. Д., 105—108, 348, 355—358, 361.
- Дельвигъ, баронесса, Елиз. Ант., 260, 364.
- Дельвигъ, баронесса, Марія Ант., 375, 376.
- Дельвигъ, баронесса, С. М., рожд. Салтыкова, во втор. бракѣ Баратынская, 262, 339, 340, 345, 356, 364, 365.
- Дельвигъ, баронесса, рожд. Красильникова, 284.
- Дельвигъ, баронесса, вд. г.-м., 284.
- Дельвигъ, бар., Алсд. Ант., 375.
- Дельвигъ, бар., Алсд. Ив., 284, 346, 348.
- Дельвигъ, Андр. Ив., 346.
- Дельвигъ, Антонъ, плацъ-маюръ, 284.
- Дельвигъ, бар., А. А., 22, 33, 61, 64, 68, 75, 77, 82, 95, 102, 131, 133, 157, 168, 170, 172—178, 182, 185—191, 212, 223—225, 232, 242—244, 249, 256—264, 281—381, 388, 413.
- Дельвигъ, бар., Ив. Антон., 375.
- Дельвигъ, бар., Карль, 284.
- Дельвигъ, бар., бригадиръ, 1763 г., 283.
- Демидова, въ зам. Энгельгардтъ, 80.
- Державинъ, Г. Р., 157, 169, 256, 257, 287, 339, 357, 396, 399.
- Дибичъ, гр., И. И., 65.
- Дивовъ, П. Г., 272.
- Дмитровский, И. А., 129.
- Дмитриевъ, И. И., 157, 259, 345, 360.
- Дротаевская, Алекс., 125.
- Дубенский, П. И., 19, 181.
- Дудышкинъ, С. С., 189.
- Дурасовъ, Н. А., 267.
- Евгений, Булгаръ, 119.
- Евгений, архіеп. словенский, 394, 394, 396.
- Епанчинъ, адм., 112.
- Есаковъ, С. С., 23, 64, 82, 95, 131, 157, 224, 244.
- Ефремовъ, П. А., 10, 130, 135, 137, 162, 212, 284, 287, 292, 339, 351, 363.
- Жадовский, Анаст. Евст., 96, 252, 253, 254.
- Жервъ, Андр. Анд., 272.
- Жобаръ, проф., 403.

- Жуковский, В. А., 23, 151, 157, 220, 256, 257, 258, 287, 291, 301, 320, 323, 324, 326, 327, 332, 333, 335, 341, 357, 360, 366, 374, 399, 406.
- Завадовский, графъ, П. В., 396, 398.
- Загоскинъ, М. Н., 320.
- Загрязскій, 362.
- Замятина, рожд. Неклюдова, 99, 101.
- Замятинъ, 99, 101.
- Замятинъ, Д. Н., 44, 68, 104.
- Зась, 27.
- Зась, г-жа, во втор. бракѣ Гуэслень, 28.
- Захаровъ, 31.
- Зубовъ, князь, 398.
- Игельстромъ, графиня, рожден. Липранди, 312.
- Игнатъева, Анна, въ зам. Бокъ, 236.
- Игнатъева, Марія, 236, 237.
- Игнатъева, Над. Ив., по вт. мужу Яковлева, 236.
- Игнатъевъ, Дм., 236.
- Игнатъевъ, Ник., 236.
- Игнатъевъ, г.-м., 236.
- Измайлова, Екат. Ив., 266.
- Измайловъ, Ал. Еф., 266, 267, 322, 331, 341, 350, 356.
- Измайловъ, В. В., 143, 150, 224, 225, 297, 299.
- Измайловъ, 36.
- Иконниковъ, А. Н., 129, 224, 387.
- Илличевская, А. рожд. Дротаевская, 125.
- Илличевскій, А. Д., VI, 22, 36, 41, 44, 64, 87, 88, 90, 117—215, 224, 225, 230, 242—251, 263, 268, 288, 301, 304, 305, 309, 314, 316, 319, 323, 327, 331, 341, 346, 370, 377—379, 387, 388, 394, 401, 409, 413, 419—434.
- Илличевскій, Дам. Вас., 119, 120, 180, 183, 394.
- Илличевскій, Пав. Дам., 172, 183.
- Илличевскій, Платонъ Дам., 125, 193.
- Ипсиланти, князь, 36.
- Исаковъ, издат., 135.
- Кайданенко, 95.
- Кайдановъ, И., 6, 26, 74, 76, 128, 223, 248, 274, 286, 387.
- Каллашъ, В., 259, 373.
- Калиничъ, Фот. Петр., 26, 30, 33, 41, 95, 260.
- Калошинъ, 223.
- Камаринъ, 30, 256.
- Камерскій, Леонтій, 30.
- Кампенгаузенъ, бар., 124.
- Канкринъ, Е. Ф., 99.
- Капгеръ, рожд. Балуганская, 101.
- Капгеръ, И. Х., 68, 101, 104.
- Капнистъ, В. В., 143, 333.
- Каподистрія, графъ, I. А., 65.
- Карамзинъ, Н. М., 23, 157, 356, 399.
- Карелина, Александр., Ник., рожд. Семенова, 365.
- Карцовъ, 6, 26, 33, 95, 135.
- Кендлеръ, адм., 103.
- Кернъ, Ан. П., въ зам. Маркова-Виноградская, VI, 187, 188, 342, 367, 368, 375.
- Киберъ, 48, 49, 51.
- Кирпичниковъ, А. И., 214, 320, 327, 334, 341, 342, 366.
- Киръевскій, В. В., 356.
- Киръевскій, И. В., 347.
- Киселевъ, П. Д., 99, 107.
- Клейстъ, 145, 148, 149, 151.
- Клушинъ, Алекснд. Ив., 395.
- Книперъ, Х. П., 396.
- Кобеко, Д. Θ. 8, 183, 230, 258, 260.
- Козадавлевъ, О. П., 19.
- Козловъ, Вас. Ив., 332.
- Козловъ, Ив. Ив., 332, 333, 335.
- Козьминъ, 53.
- Кокюэль, 30.
- Колбасинъ, Е., 120, 395, 387, 401, 411.
- Колмаковъ, Н. М., 125.
- Колмыкова, Праск. Ив., въ зам. Яковлева, 219.
- Комовскій, С. Д., 6, 26, 29, 64, 78, 84, 87—90, 95, 104, 106, 110, 111, 135, 187, 193, 194, 229, 231, 242, 245—251, 255, 268, 279, 292, 378, 414.
- Коновницынъ, гр., ген., 403.
- Константиъ Павловичъ, цесаревичъ, 398, 406.
- Коншинъ, Н. М., 283, 315, 320, 327, 341, 348, 366, 370.
- Коптяевъ, И., 321.
- Копьева, Ю. А., въ зам. Энгельгардтъ, 65.
- Коркинъ, 55.
- Корниловичъ, А., 334.
- Корниловъ, А. А., 61, 64, 87—90, 95, 193, 245, 255, 268.
- Корсаковъ, Н. А., 95, 129, 130, 133, 134, 141, 224, 228, 244, 288, 342, 362, 376, 387, 413.
- Корсаковъ, Петръ Ан., 141, 275, 305.
- Корфъ, баронъ, М. А., 9, 29, 43, 44, 61, 64, 68, 74, 87, 88, 90, 99, 106, 115, 119—125, 183—185, 193, 194, 219, 231, 233, 238—255, 265, 268, 271, 277—279, 292, 311, 313, 368, 378, 390, 400—402, 416, 417.
- Костенская, А. Н., рожд. Кудлай, 385.
- Костенскій, К. Д., 64, 95, 170, 171, 224, 244, 309, 318, 381, 385—390.
- Костровъ, К. Н., 122, 181.
- Котельниковъ, Семень Кирил., 394.
- Котляревскій, Ив. Петр., 119, 394.
- Кочетовъ, 27.
- Кочубей, гр. В. П., 124.
- Кошанскій, Н. Ф., 4—7, 26, 63, 95, 126, 127, 130, 131, 136, 137, 221, 222, 223, 273, 274, 284, 286, 292, 293, 296, 324, 386, 387, 402, 411, 412, 413, 422, 423, 432,
- Краевскій, А. А., 189, 255.
- Красильникова, въ зам. Дельвиговъ, 284.
- Крейдеманъ, 272.
- Кромиды, 15, 16.
- Крузенштермъ, 32, 41, 50—53, 62, 66, 78.
- Крыловъ, И. А., 143, 320, 335, 337, 341, 356, 396, 399.
- Кубасовъ, 265—267.
- Кудлай, Аксин. Никит., въ зам. Костенская, 385.
- Кудлай, Екат. Игнатъев., 385.
- Кукъ, 50.
- Кукольникъ, Н. В., 256.
- Куницынъ, 6, 26, 35, 36, 39, 286, 414.
- Купчиновъ, И. П., 278.
- Куракинъ, кн., А. Б., 339.
- Кутузовъ, 96.

- Кюхельбекеръ, В. К., 11, 45, 46, 95, 131—134, 149, 182, 190, 191, 194, 214, 224, 232, 242, 243, 250, 251, 258, 262, 275, 287, 288, 292, 305, 316, 323, 324—327, 334, 335, 338, 362—364, 374, 379, 380, 388, 419.
 Кюхль, 82, 359.
 Лавинский, 53.
 Лагарпъ, Ф. С., 3, 137.
 Лазаревъ, М. П., 93, 97, 98.
 Лакурдь, 3.
 Лангедорфъ, 50, 51.
 Лангеръ, В. П., 19, 78, 187, 342, 343, 348.
 Левашевъ, 315.
 Ленцъ, Анна (Anette), въ зам. Боссе, 57, 58, 73, 76, 80, 84, 85, 89, 105, 108.
 Леонтьева, Марія Павловна, VI.
 Лернеръ, Н. О., 166, 169, 170, 191, 196, 199, 208, 210, 213, 306, 376, 379, 380.
 Ливень, князь, 352.
 Лигле, г-жа, 257, 341.
 Липранди, въ зам. гр-ня Игельстромъ, 312.
 Литинская, А. Г., 345.
 Литке, Ф. П., 64, 71.
 Лобановъ-Ростовский, кн., А. Б., 65, 221, 236, 265.
 Лобойко, И. И., 323.
 Лобысевичъ, 15, 16.
 Ломакинъ, 256.
 Ломоносовъ, С. Г., 4, 22, 23, 36, 41, 64, 69, 106, 111, 247, 275, 278, 401.
 Львовъ, Ник. Александр., 396.
 Львовъ, Фед. Петр., 396.
 Мавринъ, сенат., 235.
 Магницкій, М. Л., 35.
 Майковъ, Вал. В., 297.
 Мавковъ, Л. Н., 130, 137, 138, 166, 172, 187, 188, 223, 224, 227—229, 316, 342, 375, 376.
 Майковъ, П., 272.
 Максимова, Л. А., 267.
 Максимовичъ, М. А., 259, 343, 344, 318, 366.
 Малиновскій, А. Ф., 287.
 Малиновскій, Андр., 67.
 Малиновскій, Вас. Фед., 287, 401.
 Малиновскій, И. В., 10, 22, 26, 29, 57, 61, 62, 64, 67, 69, 90, 95, 99, 106, 108, 111, 157, 162, 231, 238, 255, 261, 279, 409, 419.
 Марія Θεодоровна, императрица, 4, 345, 397, 399.
 Мартыновъ, Александр. Ив., 410—418.
 Мартыновъ, Арк. Ив., 119, 395—418.
 Мартыновъ, И. И., 64, 87, 90, 119, 120, 133, 193, 194, 249, 251, 288, 309, 393—410, 414.
 Марченко, 123.
 Масловъ, Дм. Ник., 4, 14, 64, 90, 92, 106, 131, 221—224, 238, 255, 387, 401.
 Масловъ, Ст., 220.
 Матюшкина, Анна Богд., рожд. Мердеръ, 3, 60, 75, 77.
 Матюшкинъ, Ф. Ф., 1—116, 125, 169, 173, 183, 184, 189, 193, 215, 230—246, 255, 256, 261, 264, 265, 277—279, 309, 318, 330, 346, 349, 361, 372, 381, 388, 390.
 Матюшкинъ, Фед., 3.
 Мельгуновъ, Н., 334, 341, 342.
 Меньшиковъ, А. С., 66, 68, 97, 98, 106, 114.
 Мерлеръ, Анна Богд., въ зам. Матюшкина, 3, 60, 75, 77.
 Меркель, 272, 273.
 Мертваго, сенат., 231.
 Метлинъ, 97.
 Миллеръ, Н. И., 265.
 Миницкій, 31, 33, 52.
 Миротворцова г-жа, 233.
 Михаилъ Павловичъ, вел. князь, 253.
 Мицкевичъ, Адамъ, 187, 341.
 Модзалевскій, Г. Б., 168.
 Моллеръ, 49, 52, 53, 58.
 Молчановъ, Н. Н., 19, 362.
 Морозовъ, П. О., VI, 10, 162, 228.
 Муравьевъ, Матв. Ив., 15.
 Мясоѣдовъ, П. Н., 22, 64, 133, 194, 247, 249, 251, 355, 362, 414.
 Наръжннй, В. Т., 399.
 Нахимовъ, 97.
 Нацокинъ, 315, 356, 360.
 Неклюдова, въ зам. Замятина, 99, 101.
 Некрасова, Е. С., 256.
 Нельсонъ, 33.
 Нессельроде, гр. К. В., 84, 87, 271.
 Никитенко, А. В., 354, 355, 362, 363, 397.
 Николай I, императоръ, 326, 352.
 Новосильцева, О. В., въ зам. Энгельгардтъ, 65.
 Новосильцевъ, гр. Н. Н., 397, 398.
 Норовъ, А. С., 333.
 Нумерсъ, Л. Ф., 19, 104.
 Огилви, 103.
 Одоевскій, кн. А. И., 334.
 Ожаровская, гр-ня, 295, 296.
 Ожаровскій, гр., 30, 295, 296.
 Озерецковскій, Н. Я., 394.
 Озеровъ, В. А., 325.
 Оленинъ, А. Н., 320, 321.
 Осипова, Прасковья Александр. 335.
 фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ, баронъ, А. Ф., 17—26, 34—38, 45, 49, 67, 95.
 Охотниковъ, 315.
 Павелъ I, императоръ, 284.
 Павлицева, Ольга Серг., рожд., Пушкина, 186.
 Павлицевъ, Л. Н., 187.
 Павлицевъ, Н. И., 186, 187, 284, 327, 345, 346.
 Пальминъ, проф., 403.
 Пальчиковъ, Вл. Петр., 45, 46, 104, 232.
 Панаевъ, И. И., 255, 331.
 Панинъ, гр., В. Н., 92, 83, 125.
 Панснеръ, 403.
 Панфиловъ, 97.
 Парни, 143.
 Паскевичъ-Эриванскій, кн., Ив. Ф., 60, 87, 104, 396.
 Пелопеусъ, 16.
 Перовскій, 239.
 Пестель, И. Б., 23, 122, 123, 124.
 Петровъ, В. В., 256, 394, 422.
 Петръ I, императоръ, 267.
 Петръ III, императоръ, 283.
 Пещель, 95, 248.
 Пилецкій-Урбановичъ, Илья, 5, 128, 274, 275.
 Пилецкій-Урбановичъ, Март. С., 5, 6, 127, 129, 222, 285, 385, 386, 410, 412.
 Плавильщиковъ, В. А., 396.
 Плетнева, О. П., 236.

- Плетневъ, П. А., 56, 187, 236, 255, 262, 312, 313, 320—327, 332—336, 341, 350, 356—360, 365, 371, 409.
- Погодинъ, М. П., 347.
- Подлинневъ, 362.
- Подолинскій, Андр. Ив., 187, 337, 341, 366, 367.
- Познякъ, Ив. Дм., 331.
- Познякъ, С. Д., въ зам. Пономарева, 331, 332, 334.
- Полевой, Ксеноф., 347.
- Полевой, Н. А., 259, 333, 345, 350, 351, 359, 373.
- Полетика, 22.
- Полторацкая. Ек. П., рожд. Бакунина, 161—167.
- Полторацкій, А. А., 161.
- Полье-Шувалова, гр-ня, 75.
- Пономарева, Софія Дм., рожд. Познякъ, 185, 331, 332, 334.
- Пономаревъ, 315.
- Потемкинъ, кн., Г. А., 339.
- Прокоповичъ-Антонскій, А. А., 323.
- Путятинъ, кн., П. А., 97, 240.
- Пучкова, Е. Н., 168.
- Пушкина, Ольга Серг., въ зам., Павлицева, 186.
- Пушкинъ, А. М., 350.
- Пушкинъ, А. С., 3—11, 25, 44, 64, 66, 72, 78, 82, 84, 87—92, 115, 116, 124—138, 149, 156, 161—166, 171, 177—199, 208, 212—219, 223—230, 235, 236, 242—251, 256—268, 275, 278, 284—288, 291—296, 304—326, 333—369, 374, 375, 379—381, 385, 389, 395, 401, 406, 408, 413, 417, 420.
- Пушкинъ, В. Л., 157, 333, 339.
- Пушкинъ, Левъ Серг., 187.
- Пушкинъ, Серг. Льв., 345.
- Пушина, Анна Ив., 364.
- Пушинъ, И. И., 10, 26—34, 40, 42, 45—54, 68, 95, 108, 130, 133—137, 172, 191, 193, 223, 224, 231, 232, 243, 261, 265, 311, 314—317, 337, 362, 364, 372, 376, 379, 380, 387, 401.
- Пыпинъ, А. Н., 373.
- Раевскій, г.-м., 97.
- Разумовскій, графъ, А. К., 3, 221, 400, 408.
- Раичъ, С. 345, 347, 354.
- Рахмановы, 315.
- Рашетъ, 86, 104.
- Реймерсъ, 100.
- Репнинъ, Н. В., 286.
- Ржевскій, Н. Г., 4, 95, 133, 244, 288, 413.
- Рикордъ, адм., 63, 66, 71, 74, 81, 86, 89.
- Роде, Петръ, 228, 229.
- Рожинъ, 27.
- Розень, баронесса, А. В., 364.
- Розень, бар., Е. А., 327, 341, 348.
- Розень, бар. Е. Ѳ., 348.
- Розень, бар., Ѳ. Ѳ., 104.
- Розень, 107.
- Ротастъ, 57.
- Рохманова, 372.
- Румянцевъ, гр., Н. П., 272.
- Русановъ, 396.
- Рылъевъ, К. Ѳ., 332, 338.
- Рычковъ, 263.
- Рязановъ, 141.
- Саблуковъ, 62, 76.
- Сабуровъ, 315.
- Саврасовъ, П. Ф., 26, 29, 57, 61, 64, 69, 95, 231, 232, 242, 244, 378.
- Сазоновъ, Конст., 30.
- Сазоновъ, П. И., 396.
- Сайтовъ, Вл. Ив., VI, 125, 182, 262, 408.
- Салтыкова, Соф. Мих., въ зам. Дельвигъ, 339, 340.
- Салтыковъ, Мих. Ал., 339, 340.
- Салтыковъ, Мих. Мих., 340.
- Салтыковъ, 356.
- Самборская, Анна Андр., 238.
- Северина, въ зам. Тепперъ де-Фергюсонъ, 312.
- Северинъ, банкиръ, 312.
- Селезневъ, И., 3, 4, 18, 20, 24, 125, 126, 170, 221, 230, 271, 284, 315, 319, 343, 385, 386, 400, 401, 410, 414.
- Селивановскій, 220, 267, 268.
- Семенова, Лид. Ник., въ зам. Карелина, 365.
- Семеновъ, цензоръ, 352.
- Сленинъ, И. В., 258, 334, 335, 336.
- Словцовъ, 396.
- Смирдинъ, 220, 260.
- Соболевскій, Серг. Александ., 19, 45, 186, 187, 344.
- Созоновичъ, 116.
- Соколовъ, Никита Петров., 394.
- Соколовъ, Я., 297.
- Соландеръ, 50.
- Сомовъ, О. М., 331, 337, 341—343, 348, 352, 353, 356—358, 360, 361.
- Сопиковъ, 320.
- Спафарьевъ, А. Л., 60.
- Сперанскій, М. М., 39—44, 53, 75, 119—125, 183, 394—396, 400, 405, 406, 411.
- Старчевскій, А., 374, 407.
- Стасовъ, В. В., 267.
- Стевень, Ф. Х., 22, 36, 48, 57, 62, 64, 65, 69, 73, 78, 79, 84, 87, 88, 95, 99, 106, 110—112, 184, 190, 193, 194, 242, 245—251, 255, 268.
- Стефановскій, Дм. Ст., 119, 120, 394, 396.
- Стожевскій, кап. 2 ранга, 15, 16.
- Стойнаковичъ, 64.
- Столыпинъ, А. А., 122.
- Строгановъ, Пав. Александ., 397.
- Стунъевы, 256.
- Суворинъ, А. С., 212, 293, 294, 330, 332, 333, 351, 353, 368.
- Суворовъ, А. В., 3.
- Сультъ, 3.
- Сушковы, 256.
- Суспинскій, Симеонъ, священ., 397.
- Тарасенко-Отрѣшковъ, 306.
- Тепперъ де-Фергюсонъ, рожд. Северина, 312.
- Тепперъ-де-Фергюсонъ, 13, 19, 310—314.
- Терентьевъ, М. Л., 47.
- Толстой, В. В., 129, 140.
- Де-Траверсе, маркизь, 16.
- Трескинъ, 122.
- Тройницкій, Григ. Ал., VI.
- Туманскій, В., 356.
- Тургеневъ, А. И., 220, 360.
- Тырковъ, А. Д., 62, 64, 242—244, 380, 381, 414.
- Уваровъ, С. С., 321, 404.

- Угримовъ, А. И., 46, 92.
 Фаминцынъ, С. А., 49.
 Фельетъ, 325.
 Фитингофъ, баронъ, 403.
 Форбастъ, ген., 93.
 Форстеръ, 50.
 Фребусть, 34.
 Фроловъ, 30, 31, 95.
 Фуллонъ, 315.
 Фуссъ, П. Н., 126, 132, 136, 138, 140—142, 156, 157, 301, 304, 399, 409, 419, 420, 422.
 Хабаровъ, Клим. Аким., 268.
 Ханыковъ, Н. Д., 19.
 Хвостовъ, Д. И., 157.
 Хованскій, князь, А. Н., 389.
 Хрущовъ, 97.
 Цертелевъ, Н. А., 323.
 Чарнышъ, 362.
 Черевинъ, 315.
 Чернышевъ, 315.
 Чернякъ, проф., 135.
 Чертковъ, 220.
 Чирикандусъ, 95.
 Чириковъ, 6, 26, 128, 134, 223, 248, 274, 286, 413.
 Чичерина, Соф. Серг., рожд. Баратынская, 365.
 Чичеринъ, Б., 365.
 Чичеринъ, Влад. Серг., 365.
 Шаликовъ, кн., П. И., 354.
 Шевыревъ, С. П., 345, 347.
 Шелль, Ф., 267.
 Шереметевъ, 120.
 Шиповъ, С. П., 398.
 Шишковъ, А. С., 103.
 Шляпкинъ, И. А., 5, 128, 278, 286.
 Шо, 237.
 Шпарманъ, 50.
 Штевень, Ив. Влд., VI, 181.
 Штофрегень, 98, 111.
 Шулеповъ, 272.
 Шульгинъ, Ив. Петр., 41, 314, 315, 316.
 Щастный, В. Н., 187, 341.
 Эбергартъ, 30.
 Эйхо-Янсонъ, Н. П., 267.
 Эльснеръ, 237.
 Энгель, Ф. И., 78, 82.
 Энгельгартъ, Алесд. Егор., (Чари), 59, 61, 65, 67, 69, 72, 76, 80, 84, 87, 98, 104, 107.
 Энгельгартъ, Вл. Ег., 65—69, 84, 87, 98, 100, 107, 378.
 Энгельгартъ, Елис. Ег. (Бетси), въ зам. баронесса Остенъ-Сакенъ, 85, 98.
 Энгельгартъ, Е. А., 3—17, 24, 25, 28—31, 35, 39—68, 70, 74—98, 100—116, 157, 169, 173, 183, 184, 193, 214, 230, 231, 232—238, 244, 245, 248, 249, 252, 268, 277, 278, 291, 292, 309, 312, 313, 318, 322, 346, 349, 353, 361—364, 372, 378, 380, 381, 385, 387, 390, 416, 417.
 Энгельгартъ, М. Е., 59—96, 99—109.
 Энгельгартъ, Марія Яковл., рожд. Уайтекеръ, по перв. мужу Ганъ, 18—34, 39, 48, 50, 54, 57, 62, 68, 70, 73, 80, 82, 84, 85, 98, 101, 108, 111.
 Энгельгартъ, Нат. Е., въ зам. баронесса ф.-деръ Остенъ-Сакенъ, 18, 85.
 Энгельгартъ, О. В., рожд. Новосильцева, 65.
 Энгельгартъ, Ю. А., рожд. Копьева, 65.
 Энгельгартъ, Юрій Влд., 65, 100.
 Энгельгартъ, рожд. Демидова, 80.
 Эристова, княгиня, 116, 327.
 Эристовъ, кн., Дм. Алесд., 10, 19, 68, 114, 187, 260, 261, 315, 331, 341, 372.
 Эртель, 320, 324, 325, 327.
 Эссенъ, графъ, ген., 403.
 Этолинъ, 100.
 Юдинъ, Мих. Ѳед., 271, 272.
 Юдинъ, Пав. Мих., 64, 87, 90, 193, 194, 247—251, 269—279, 309.
 Юхаринъ, 103.
 Языковъ, Н. М., 332, 333, 337, 356, 360, 361, 369.
 Яковлева, Алекс. Лук., 220.
 Яковлева, Варвара Лук., 220.
 Яковлева, Екат. Лукьян., 220.
 Яковлева, Марія Лук., 220.
 Яковлева, Екат. Пав., 266.
 Яковлева, Над. Ив., по перв. мужу Игнатьева, 236.
 Яковлева, Праск. Ив., рожд. Давыдова, 266.
 Яковлева, Праск. Ник., рожд. Калмыкова, 119.
 Яковлева, Прасков. Пав., 266.
 Яковлевъ, А. С., актеръ, 178.
 Яковлевъ, Дм. Лук., 220.
 Яковлевъ, Левъ, 220.
 Яковлевъ, Лукьянъ Павл., 220, 266.
 Яковлевъ, Лукьянъ Яковл., 219.
 Яковлевъ, Мих. Алексѣев., 258.
 Яковлевъ, М. Л., 4, 9, 10, 22, 28, 34, 45, 61, 64, 68, 87, 90, 94, 99, 106, 116, 125, 131, 133, 158, 182, 184, 185—194, 217—265, 309, 341, 344, 360, 377, 378, 387, 388, 416.
 Яковлевъ, Мих. Пав., 266.
 Яковлевъ, Кол. Лукьян., 220.
 Яковлевъ, Пав. Лукьян., 220, 265—268, 326, 327, 341.
 Яковлевъ, Серг. Лук., 220.
 Яковлевъ, Серг. Пав., 266.
 Яхонтовъ, А. Н., 278, 318.